Мстислав Цявловский

Вокруг Пушкина

дневники

статьи

1928 - 1965

Татьяна Цявловская

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Вокруг Пушкина
Мстислав Цявловский
Татьяна Цявловская

1814 – 4 іюля – 1914 г.

ПУШКИНЪ
въ
ПЕЧАТИ

1814-1837.

Составили

Н. Синявскій и М. Цявловскій

Изданіе

Л. Э. Бухгеймъ

МОСКВА

1914 г.

Вокруг Пушкина.

Пушкинская комната в Ярополце.
„Записки Н.Н. Пушкиной". "Сообщение Мар. Григ. Муравь
Петр. Кропоткиной.

Влад. Влад. Руслов в мае или июне 1928 г. сообщил мне, что у
же племянницы Марьи Львовны Нейкирх, Львовны
было [письмо] или были письма Пушкина к Болдинской крестьянке
внуку ее (Львовны), учащемуся в Москве (в
Вера Анатольевна об этом внуке говорила мне, что он
очень редко являлся к ней, где он, она не знает. В с
(в Москве) на запрос Щеголева дали справку, что такого
не проживает.

Документы из архива Пушкина. Архив опеки над
детьми А.С. Пушкина хранился у Нат. Ник. или вернее у
мужа Петра Петровича Ланского. Архив этот видел
сов.[1] Вероятно, вместе с библиотекой архив был перевезен
внука поэта Андрея Андр. Пушкина Брон
отсюда [потом] в Лопасню Васильчиковых (на Васильчиковых
Здесь (или в Бронн. у.) он лежал не то в г
на чердаке или и там и там. Бумаги это время от вр

---

1 [illegible]

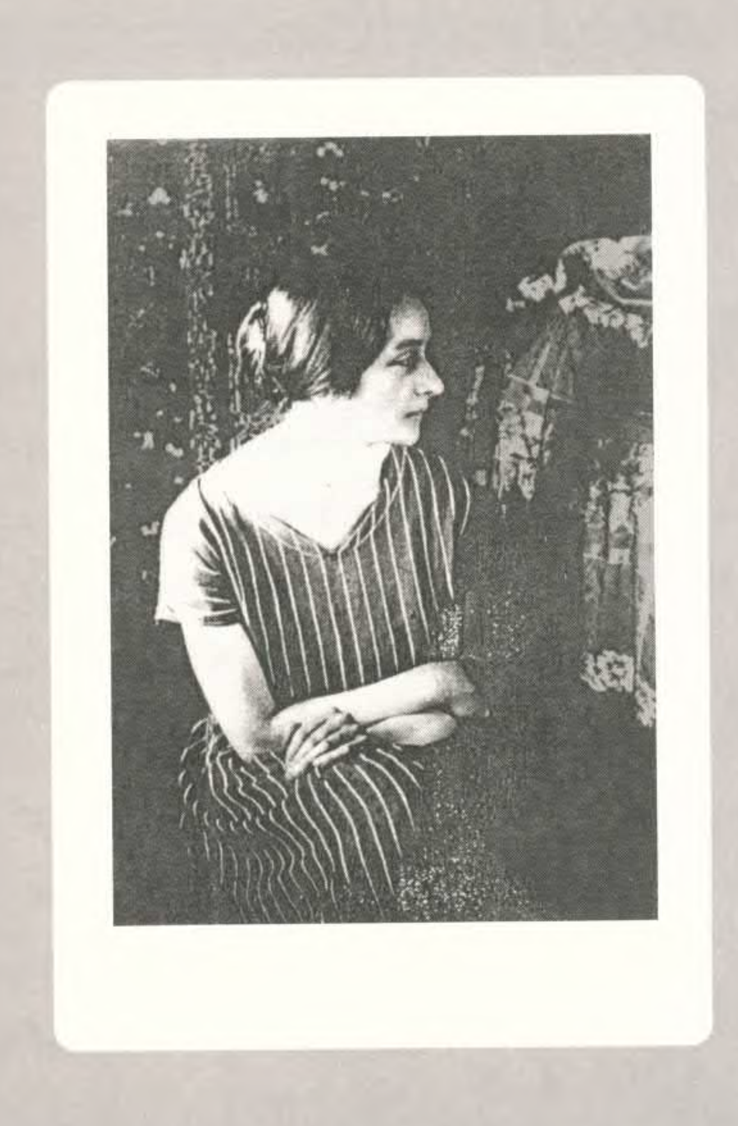
из Голикова у него уже не было: он их сдал в Пушк[инский Дом]
его наследнику, в них будет листов 15. В имеющихся
[лис]тов самый замечательный, конечно, письмо Дантеса к
теперь не использованное им. (Статья Щеголева «Пушкин
в «Новом мире».) Два (или три?) письма к Пушкину
[опубли]ковал в еженедельнике " (письма чере[з]
сб. «Письма П. и к П-у»), Кроме этого, у Щеголева
[...]о (без начала или без конца) Колесникова, написанн[ое]
[в] оправдание ~~против~~ против «клевет» на него, 2)
Арцыбаева ~~по к~~ непонятного содержания; 3) пис[ьмо]
[...]ню кого, написанное чрезвычайно витиевато; 4)
[...]ия — какой-то отрывок с нескладом на политич[еск]ую тему. Вот, кажется, и все, что показывал и ч[итал]
в. Но это ~~невсе~~ не все, что есть у него. У него есть сч[ета]
[док]тора, портного, лавочника, ~~и др.~~ переписчика и др.

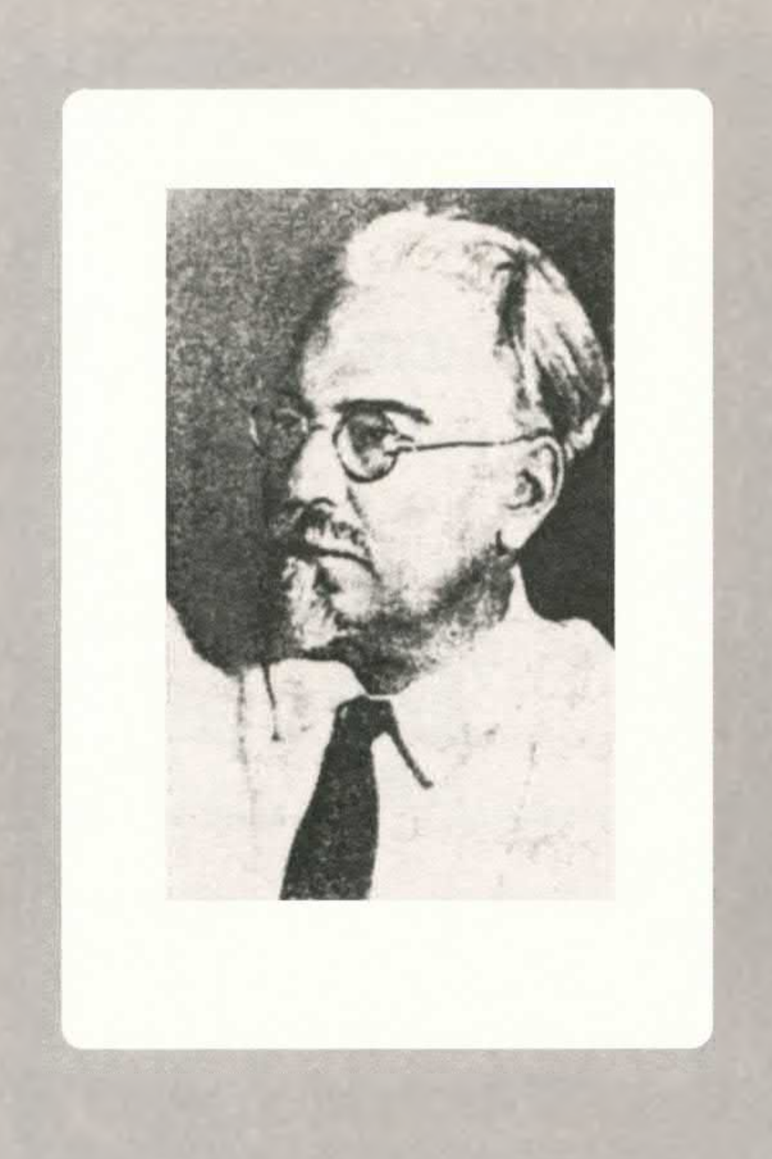
[Послед]ний приезд мой в Питер был я у Ю. Г. Оксмана, и он
[показа]л неопубликованное письмо Пушкина (автограф!) к Смирдину об
[...]царского [illegible]". Откуда оно у него, Оксман
[не сказал] мне, но его друг Н. Ф. Бельчиков раскрыл мне
[Б]удучи у Щеголева одно время секретарем Оксман убедился, что
[illegible]

ПАМЯТИ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО
1874—1928

ИЗДАНИЕ
РУССКОГО ОБЩЕСТВА
ДРУЗЕЙ КНИГИ
МОСКВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

...пока на страже пушкиноведения оставался М. А. Цявловский, пока на Новоконюшенном собирались вокруг него пушкинисты, ни в какой другой Академии не было нужды.

Юлиан Оксман

Мстислав Цявловский
Татьяна Цявловская

ВОКРУГ ПУШКИНА

Издание подготовили
К. П. Богаевская и С. И. Панов

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

Мстислав Цявловский, Татьяна Цявловская
ВОКРУГ ПУШКИНА

М.: «Новое литературное обозрение», 2000. — 336 с.

Книга включает в себя дневник «Вокруг Пушкина», который почти полвека — с 1920-х до 1970 — вели выдающиеся пушкинисты Мстислав Александрович и Татьяна Григорьевна Цявловские, а также мемуарные очерки и портреты П. И. Бартенева, М. О. Гершензона, Б. Л. Модзалевского, рассказы о «трудах и днях» науки о Пушкине, вклад Цявловских в которую трудно переоценить: они готовили академическое собрание сочинений, «Летопись жизни и творчества» поэта, непревзойденной пока остается и книга Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина». Но важно и то, что они собирали вокруг себя научные силы; дом Цявловских называли «штабом пушкиноведения». «Дом Мстислава Александровича — это целый научно-исследовательский Институт, с его огромной картотекой, с его старинной библиотекой; обычно его можно было застать дома в его кабинете, где имелось два письменных стола — за одним сидел он, против него сидела Татьяна Григорьевна, и обязательно оба работают над Пушкиным, никогда не было такого случая, чтобы их можно было не застать за этими столами, и наконец, как только соберется несколько человек знакомых, — интересные доклады, интересные обсуждения, споры по всем этим вопросам», — вспоминал С. М. Бонди. Будни этого «штаба» и отражены в настоящем издании: радость от находок новых пушкинских текстов, сложные издательские интриги, детективная история с поисками неизвестного дневника Пушкина и пропавших писем к нему жены, непростые взаимоотношения пушкинистов, гипотезы и догадки, новости и слухи; встречи с Вересаевым, Тыняновым, Томашевским, Эйдельманом, пушкинианские суждения Булгакова и Ахматовой и многое другое.

Большинство текстов, включенных в издание, публикуется впервые; в комментарии приводятся материалы из дневников и переписки Цявловских. Хочется верить, что книга не только окажется полезной в науке о Пушкине, но укрепит интерес и уважение к этой науке и ее подвижникам у читателя.

ISBN 5-86793-099-8

К. П. Богаевская

РЯДОМ С ЦЯВЛОВСКИМИ

1

29 октября 1927 года я, после долгих хлопот и волнений, была принята на ВГЛК (Высшие Государственные литературные курсы). Курсы эти — остатки от Брюсовского литературного института — ютились в большом розоватом здании 60-й школы на Садовой-Кудринской. Поэтому занятия наши происходили в вечерние часы (с 6.30 или 7.30 до половины одиннадцатого).

Робко вошла я в дом, где когда-то училась в 4-й группе школы, и почувствовала себя снова маленькой девочкой, зависящей от строгой учительницы по математике. Да и сейчас мне не было еще 16-ти лет, и я остро сознавала свою незначительность среди прогуливавшихся по коридору юношей и девушек, которые были гораздо старше меня. Я нерешительно стояла у дверей профессорской, ожидая заведующего учебной частью. Наконец какой-то седовласый человек сжалился надо мной, ввел меня в профессорскую, полную людьми и папиросным дымом, и спросил кого-то обо мне; из недр прозвучал низкий голос: «Идите в подготовительный С» (Цс).

В классе я с трудом нашла себе место на последней скамье. Через несколько минут все стихло и в аудиторию вошел Мстислав Александрович Цявловский, маститый профессор, с пышной серебряной шевелюрой и такой же маленькой бородкой. Мне живо вспомнились страницы об университете в «Юности» Толстого. Я с восторгом впилась глазами в М. А., а он все время проводил рукой по волосам, беспокойно двигал стулом и говорил басом, медленно, четко и веско.

— Ну, на чем же мы остановились? Да, двустишие Шиллера из «Голоса духа» — «Wage du zu irren und zu träumen», т. е. «дерзай заблуждаться и грезить». На секунду я оторопела — «Неужели они читают Шиллера на немецком языке!» Но тут же поняла, что разбирается повесть Толстого «Поликушка». М. А. преподавал новый предмет — «Технику чтения художественного произведения». Говорил он очень увлекательно, серьезно и интересно. С тех пор я жадно ждала каждую его лекцию.

Профессора у нас были прекрасные. Русскую и всемирную историю читали — Ю. В. Готье, А. И. Яковлев и И. И. Полосин; теорию и историю литературы — К. Г. Локс, А. А. Грушка, С. К. Шамбинаго, А. С. Орлов, Л. И. Тимофеев, Б. И. Пуришев, Б. И. Ярхо, М. С. Григорьев и другие. Все они обладали большой эрудицией, хотя некоторые читали скучновато.

М. А. выделялся из всех профессоров своим темпераментом, естественностью и увлекательностью речи, желанием вложить в нас побольше знаний и научить понимать художественную литературу. За целую зиму он прошел с нами только «Поликушку» Толстого и «Мертвые души». Он требовал, чтобы к экзамену, который назывался тогда «зачет», мы принесли показать ему свои тетради с работой над этими произведениями. Помню, как он учил нас считать печатные

знаки и задал на дом сосчитать их количество в «Дубровском». Мы выкрикивали из-за парт свои цифры, а один из студентов записывал их на доске. Все цифры были разные и все неверные.

— Ну, эта ближе всех, — сказал М. А., показав на мой подсчет.

Я ужасно была горда, хотя и осталась неизвестной Цявловскому.

— Когда берете в руки новую для вас книгу, — говорил М. А., — в первую очередь смотрите на содержание.

Я это усвоила и сделала оглавление в своей тетради.

Почему-то мы все, особенно девушки, ужасно боялись М. А., который напускал на себя строгий вид и иногда иронизировал над слабым полом, прибавляя: «Все равно из вас не выйдет ничего серьезного».

В куплетах о наших профессорах Юлии Нейман и Арсения Тарковского М. А-чу были посвящены строки:

Зато Мстиславу
Споем мы славу —
Он знает Пушкина на ять,
Но для чего же,
До мелкой дрожи,
Несчастных женщин презирать?

Весной все с трепетом шли к нему на зачет. Я пошла одна из первых (12 мая 1928), умирая от страха. Однако он похвалил меня, поставил высшую отметку — «весьма удовлетворительно» — и обещал взять работать по составлению «Словаря пушкинского языка», организацией которого он в то время занимался. Понравилось ему и оглавление моей тетради; «очень симпатично, очень симпатично», — дважды повторил он.

Я на много лет сохранила трепет перед М. А. Немало соли понадобилось мне с ним съесть, чтобы мой страх прошел.

Я долго ждала, что М. А. выполнит свое обещание и привлечет меня к писанию карточек для «Словаря», но он забыл обо мне. Изнемогая от страстной любви к Пушкину (начавшейся у меня еще в Ялте, когда мне было лет 14), я совершила, с моей точки зрения, отчаянный поступок — 21 августа (1929) я послала М. А. письмо со словами, что «жажду заняться какой-нибудь работой около имени Пушкина. Наконец мое терпение истощилось, я не могу удержать свое безумное желание». Я просила М. А. сделать меня «помощником своего помощника», при этом я ссылалась на знакомство с И. А. Новиковым, который может подтвердить мою порядочность.

Мне рассказывали Новиковы, как М. А. позвонил Ивану Алексеевичу и завопил в телефон:

— Я получил замечательное письмо!

Тут же он спросил, как мое отчество для ответа. 15 сентября пришел его ответ на Сходню, где я проводила лето на даче. Он гласил:

«Многоуважаемая Ксения Петровна, меня не было в Москве, когда пришло Ваше письмо, почему я так долго не отвечал Вам. Заходите ко мне, поговорим о возможной для Вас работе...» и т. д.

Я была наверху блаженства и немедленно помчалась в город звонить М. А-чу. Он тут же предложил мне зайти и дал работу — писать карточки на упоминавшиеся в разных книгах о Пушкине его стихотворения. Это, видимо, было нужно

для комментариев к лирике поэта. Карточки эти писала не одна я, а еще некоторые ученики М. А., в том числе Семен Абрамович Гуревич (впоследствии выдающийся педагог, преподаватель русской литературы). Я, конечно, радостно принялась за труд.

2

Литературные курсы, к нашему большому горю, закрылись осенью 1929 года якобы за неимением материальных средств. Я осталась ни с чем, проучившись только два семестра. В МГУ меня не приняли, как некоторых наших студентов, из-за социального происхождения. Записалась я на заочное отделение при Гос. Академии художественных наук; с жаром выполняла письменные задания, получала хорошие отметки, но, увы, и эта отдушина через несколько месяцев была ликвидирована.

Зиму 1929/30 года мы компанией ходили на все литературные вечера, в особенности пушкинские. Нас, молодых энтузиастов, в количестве 17 человек — меня, Марину Принц, Л. В. Леншину, К. В. Пигарева, А. М. Новикова, П. М. Киреева, Р. И. Брайнину, упомянутого выше С. А. Гуревича и других — даже приняли якобы в члены Общества любителей российской словесности, чтобы дать нам возможность развиваться. С нами проводили занятия по Пушкину — Д. Д. Благой, В. С. Нечаева, Н. К. Пиксанов, М. П. Неведомский.

М. А. учил нас транскрибировать автографы Пушкина (по факсимиле). Мы скитались то в Доме ученых, то в Доме Герцена, на Тверском бульваре (где тогда жил Благой), то на квартире у Пиксанова, который, пожалуй, был к нам внимательнее всех.

Я усиленно писала карточки для М. А. Принося готовую работу, я никогда не задерживалась у него, вставляла карточки в алфавит, брала новые книги и, стесняясь, уходила.

Параллельно с группой бывших студентов, работавших так же, как я, по библиографии, существовала группа, занимавшаяся «Словарем пушкинского языка». Там была секретарем Роза Брайнина (впоследствии журналистка), властный и энергичный командир.

17 марта (1930) в «Круглом зале» МГУ состоялось очередное заседание Пушкинской комиссии при ОЛРС. Перед началом к нам подошла Роза и заявила торжественным шепотом:

— Знаете, Николай Кириакович делает нам подарок — «Словарь членов ОЛРС», которого, на ушко говоря, мы не стоим. И действительно, перед председательским креслом Пиксанова выросла большая стопка серых книг.

После чтения протокола предыдущего заседания М. А. информировал аудиторию об успехах работы над «Словарем пушкинского языка», а затем прочел, как всегда содержательный и интересный, доклад об атрибуции Пушкину стихотворения «Исповедь бедного стихотворца». Доклад вызвал длительные и бурные прения.

В перерыве Роза принесла книги от Пиксанова со словами, что они будут даваться только тем, кто работает над «Словарем». Сердце у меня упало... В это

время как раз подошел М. А. Роза повторила и ему эти слова. М. А. взглянул на меня, стоявшую поблизости, и сказал:

— А вот она работает не по словарю, а зато по другому, — и протянул мне книгу. Я залилась краской от смущения и, счастливая, отошла. Но М. А. догнал меня, обнял за плечи и произнес с очень милой интонацией:

— Дорогая Ксения... а как дальше?

— Называйте меня просто Ксения.

— Вы мне очень нужны. Вас ждет «Родной язык», пять книг, там есть статьи о Пушкине. Да подгоните ваших товарищей. Мне очень надо это поскорей.

На этом же заседании, видимо впервые в такой среде, выступил Сергей Михайлович Бонди с чтением неизвестных вариантов пушкинских стихов. М. А. сиял, слушая его, и сказал, что до Бонди никто так еще не разбирал черновиков Пушкина. Позже он говаривал: «Мы имеем счастье быть современниками Бонди».

Летом 1930 года был естественный перерыв в моей работе у М. А. В апреле еще я уехала к тетушкам в Ялту на три месяца.

В конце лета умерла первая жена М. А., Софья Сергеевна, в то время, когда он отдыхал в Крыму. Его вызвали на похороны. Я долго не решалась звонить М. А., боясь оказаться нечуткой и бестактной. Однако 12 сентября я набралась храбрости и попробовала позвонить.

— Я слушаю, — загремел в трубке бодрый и громкий его голос.

Тут же он разрешил мне прийти и встретил очень хорошо и приветливо:

— Здравствуйте, здравствуйте, очень рад вас видеть; а я уж думал, что вы нас покинули совсем, и я очень тронут тем, что ваш жар, так сказать, не остыл.

Он дал мне пушкинские сборники для той же работы.

М. А. показался мне очень похудевшим и почерневшим от крымского загара. Тогда же я впервые увидела Татьяну Григорьевну Зенгер, которую сначала приняла за молоденькую девушку, его племянницу.

Через три дня я была опять у М. А. Он сам открыл мне дверь:

— Здравствуйте, как вы скоро все сделали.

— Да я сделала гораздо раньше, но задержала, признаться, потому что читала «Московский пушкинист».

Он весело расхохотался:

— В каком преступлении сознаетесь. Очень приятно, читайте, пожалуйста, всегда.

После 20 сентября я принесла М. А. следующую партию карточек. Он был сначала очень мил и сказал:

— Однако, как вы прекрасно работаете (т. е. быстро).

В квартире у него делался ремонт и был страшный бедлам. М. А. усадил меня с картотекой в соседней комнате, а сам остался в кабинете со своим старым другом поэтом Юрием Никандровичем Верховским. Вдруг — легкие шаги и знакомый голос. Пришел Пиксанов. В кабинете начался оживленный разговор. Главное рассказывал Пиксанов. Завидовали хорошей внезапной смерти П. Н. Сакулина. Пиксанов говорил, что Общество любителей российской словесности, а с ним и Пушкинская комиссия висят на волоске, т. к. вместо Сакулина выбрать некого и, вероятно, Общество закроют (что вскоре и произошло). Все трое были настроены пессимистически. После ухода Пиксанова М. А., вероятно погруженный в не-

веселые мысли, стал мрачен, рассеян и со мной довольно небрежен, я ушла огорченная.

Через неделю я принесла опять карточки М. А-чу. Он был не совсем здоров и лежал.

— Не будете ли вы, Ксения, так любезны, не поможете ли Татьяне Григорьевне в уборке моей библиотеки?

Я, конечно, с удовольствием согласилась. Мы стали с ней устанавливать книги по шифрам на полки. М. А. не выдержал, вскочил и тоже присоединился к нам; пришел его приемный сын Ганя Волков, и мы вчетвером до половины десятого вечера занимались расстановкой книг.

Тут я поняла, что Татьяна Григорьевна — новая молодая жена М. А.

3

Татьяне Григорьевне было 33 года, мне — почти 19. Но выглядела она молодой девушкой и очень была хороша. Несмотря на разницу в возрасте, мы скоро с ней подружились. Она была счастлива, весела, любила пошутить и посмеяться. Мы с ней всегда шалили и часто без умолку хохотали. М. А. поварчивал:

— Та́нюшка, когда приходит Ксенюшка, ты делаешься совсем как девочка.

Несмотря на свою любовь к веселью, Т. Г. была великая труженица. М. А. делал из нее пушкинистку. Целыми днями они работали, сидя за письменными столами друг против друга. Т. Г. обладала талантом читать самые трудные почерка и артистически разбирала черновики Пушкина. Великолепно знала его почерк. Вот характерный эпизод. Пришел в Отдел рукописей Ленинской библиотеки (27 апреля 1932) заведующий Гослитиздатом Илья Ионов, принес копию с предсмертного письма Рылеева к жене и копии стихотворений Пушкина из Остроуховского собрания. Говорил, обращаясь к Т. Г.:

— Это — несомненный Пушкин.

— Нет. Это несомненный не Пушкин.

У того вытягивалось лицо. Т. Г.:

— Что у Вас есть еще?

Он что-то вынимает:

— Вот еще какая-то копия.

— А это уж несомненный Пушкин. Письмо его к Киселеву.

Скоро Т. Г. стала одним из выдающихся пушкинистов-текстологов, участником всех полных собраний сочинений поэта, в том числе и академического издания. Она всегда редактировала разделы лирики и автобиографической прозы.

Позже она специализировалась на рисунках Пушкина. Великолепно определяла людей, которых вспоминал поэт в своих беглых зарисовках. Здесь, может быть, помогли ей искусствоведческие занятия со своим вторым мужем, художником Яковом Алексеевичем Тёпиным (в первом браке с Андреем Вельцелем она была всего полгода; вскоре убедилась в своей ошибке и развелась с ним). С Тепиным они вместе работали в начале 1920-х годов в Смоленской живописной галерее, реставрировали картины. Живопись, в особенности западную, Т. Г. знала лучше, чем литературу.

Т. Г. говорила, что у нее нет ни одной капли русской крови, имелась польская (родилась она в 1897 г. тоже в Варшаве, где тогда служил ее отец Григорий Эдуардович Зенгер), но главное — прибалтийских немцев. Может быть, поэтому она не любила ни русскую музыку, ни русскую живопись. Называла Третьяковскую галерею собранием фотографий. Терпеть не могла Чайковского, но исключение делала для Глинки и Скрябина.

В Смоленске же она познакомилась с семьей Цявловских (М. А. в 1918—1920 годах преподавал в Смоленском пединституте). Сначала она сблизилась с сыном М. А., Андреем, одаренным и интересным юношей. Андрюша, студент-востоковед, в двадцать один год утонул в Москве-реке в жаркий день 28 июня 1926 г. Отчего он утонул, умея хорошо плавать, осталось неизвестным. М. А. через 2—3 дня нашел его в морге и узнал тело только по трусикам.

Т. Г. не выносила аромата цветущих лип, который я так люблю, потому что узнала о смерти Андрюши от кого-то, сидя на Смоленском бульваре под цветущими липами.

Однако примерно через год-полтора у нее начался роман с самим М. А. Она разошлась с Тепиным (после шестилетнего брака) и навсегда соединила свою судьбу с М. А. До кончины его жены, Софьи Сергеевны (которая после гибели единственного сына впала в глубокую религиозность и стала почти душевнобольной), она жила одно время у писателя П. С. Сухотина и снимала где-то комнату. После смерти С. С. в сентябре 1930 года Т. Г. сразу же переехала в Новоконюшенный переулок в дореволюционную еще квартиру (с 1914 года) Цявловских, к возмущению некоторых знакомых М. А. («розы на кладбище» — говорила, например, О. М. Новикова).

В первые годы их брака молодежи в доме, кроме меня, не бывало. Главными посетителями были друзья со студенческих лет М. А. — Георгий Иванович Чулков (его М. А. почему-то называл «Егор») и Юрий Никандрович Верховский. Ну и, естественно, члены семей Цявловских и Зенгеров.

Сестра Т. Г., Мария Григорьевна, по мужу Муравьева, впоследствии вышедшая замуж за приятеля М. А., Николая Сергеевича Ашукина, милая, деликатная, очень мягкая, умница, знавшая все обо всех и любившая посплетничать. Две старшие сестры М. А. — Варвара Александровна Тихомирова, в доме которой одно время рос М. А., мать талантливой скульпторши Ольги Максимилиановны Мануйловой (последняя до конца жизни была очень дружна с Т. Г. и, живя впоследствии во Фрунзе, засыпала ее огромными и интересными письмами); вторая сестра — Зинаида Александровна Воронина, медсестра, была менее приятна и отличалась резкими суждениями.

Но самым симпатичным был младший брат М. А. — Александр Александрович, политкаторжанин, в прошлом эсер, по специальности агроном, такой же темпераментный, горячий и экспансивный. Он бывал чаще всех, и дружные братья беседовали часами. В конце 1930-х он был репрессирован и попал в лагерь, как и брат-близнец Т. Г., Николай Григорьевич, сотрудник Эрмитажа, живший с матерью в Ленинграде. Н. Г. сначала был в лагере на «Медвежьей горе», где заведовал музеем. Потом его освободили, он порой приезжал в Москву, а в 1938 году его вновь арестовали и расстреляли как «шпиона». «Шпионаж» его заключался в том, что он родился в Варшаве (а в 1897 году Варшава была российским горо-

дом!). М. А. и Т. Г. много хлопотали о братьях, ходили по инстанциям, писали в органы...

В 1936 году в доме появилась шестнадцатилетняя Ася Заславская, хорошенькая, очень живая брюнеточка. Ее в школе на каком-то вечере представили М. А. как юную поэтессу. Т. Г. пригласила ее к ним. Ася вскоре стала близким человеком к обоим Цявловским, в особенности к Т. Г., которую она даже стала называть «мамуля» (своей матери Ася лишилась в десятилетнем возрасте). Окончив юридический факультет, Ася вышла замуж за своего сокурсника Тараса Афанасьевича Сухомлинова. «Тарасика», милого, доброго, обаятельного, с ясными глазами, мы тоже все очень полюбили.

4

С той осени 1930 года началось мое постоянное общение с Цявловскими. Я бывала у них через день с 4—5 часов до 9-ти вечера, приводя в порядок книги и каталог. Я обратила внимание на то, что дом как-то опустел, исчезли вечные посетители М. А., вероятно, его новый брак отпугнул лишних посторонних людей. А сама квартира после появления Т. Г. и новой перестановки мебели стала просторнее и уютнее.

С декабря мои функции расширились — я начала помогать М. А. в его личных работах и по пушкинскому «Путеводителю» (который вышел потом в виде приложения к «краснонивскому» изданию сочинений поэта). Все московские и ленинградские пушкинисты присылали свои заметки для «Путеводителя», и здесь они принимали вид стройной системы.

Теперь я ходила к М. А. почти ежедневно. У меня появилось свое рабочее место за бюро с лампой и всем необходимым.

И стала я постоянным секретарем М. А. до моего поступления в Литературный музей, т. е. до осени 1933 года. Долго меня смущали неровности в настроении М. А. Он бывал то ласков, то раздражителен, то мрачен, то весел. Никогда не знаешь, в какую полосу сегодня попадешь. Т. Г., наоборот, всегда бывала одинаково приветлива, мила и весела.

М. А. часто повторял мне:

— Наполняйте побольше шкатулку своей памяти, чтобы в старости было что вспоминать.

В январе 1931 года М. А. как-то обратил внимание на мои некоторые познания в пушкиноведении и стал меня расспрашивать — в каком состоянии у меня пушкиниана. Когда я ответила, что у меня около 60-ти книг, он удивился и стал говорить, что завидует мне и хотел бы поменяться со мной местами, ибо у меня все впереди, у меня *тысячи* радостей, а у него уже *десятки*, и вообще насколько приятнее идти к цели, чем дойти до нее.

В начале 1931 года на М. А. обрушился удар — 22 января в 8 часов утра в Ленинграде скончался пушкинист П. Е. Щеголев. Накануне в 7 часов вечера у него сделался инсульт, он потерял сознание и ни разу не пришел в себя. Цявловским позвонили об этом по телефону. Бедный М. А. был потрясен и растерян. Т. Г. гово-

рила мне, что он даже плакал. 23-го он выехал в Ленинград на похороны и пробыл там несколько дней.

После смерти Щеголева М. А. вошел в состав Главного редакционного комитета академического издания Пушкина.

В феврале вышла в свет большая работа М. А. — «Книга воспоминаний о Пушкине». 14-го он принес домой авторские пять экземпляров и сказал, посмотрев на меня лукаво: «Самая первая книга дарится Ксении». Затем он что-то надписал и протянул мне. На форзаце я прочла: «Ксении Богаевской, одной из тех немногих, кто по-настоящему любит и ценит Пушкина. М. Цявловский».

С той же книгой произошел маленький эпизод, очень характерный для М. А. Она рассылалась всем знакомым литературоведам. Мне даже надоело клеить бандероли и надписывать адреса. Как-то М. А. взял в руки бандероль для Юлиана Григорьевича Оксмана, на которой я старательно вывела обратный адрес и написала: «от профессора М. А. Цявловского» (в моих глазах он все еще был профессором Литературных курсов).

— Сейчас же переделайте бандероль! — закричал М. А. — Зачем напоминать доценту, что я профессор?!

Я огорчилась, как мне казалось, бессмысленной работой — снова клеить бандероль; но эти слова М. А. запомнились мне на всю жизнь, и я часто думаю о них, когда вижу почтительное отношение людей к своим собственным чинам и званиям.

5

Дружба наша с М. А. и деловые отношения все углублялись. В середине марта М. А. предложил мне составлять вместе с ним второй выпуск книги «Пушкин в печати» — «Первый был Цявловский и Синявский, а этот будет Цявловский и Богаевская». Я не верила своему счастью!..

31 марта того же 1931 года, когда я начала писать первые карточки, Татьяна Григорьевна мне сказала:

— Запишите в дневнике: сегодня начала самостоятельную научную работу.

В эти месяцы М. А. был почти всегда в хорошем настроении, постоянно шутил, в особенности со мной, много и весело смеялся; называл книгу «моей первой любовью»; был очень внимателен, прост, откровенен. Как-то попросил найти на его столе затерянное письмо и добавил: «Читать можете все, у меня от вас тайн нет».

М. А. поднимал мой дух добрыми словами и горячими восклицаниями. Когда мы обсуждали план нашей книги (которая вскоре стала моей — М. А. решил быть только ее редактором), он хвалил меня и говорил: «Очень дельные вопросы», или: «Фраза, достойная старого ученого».

Иногда возникали между нами споры библиографического характера, и, если я оказывалась права, он поднимал руки кверху и кричал: «Побит, побит!»

Работа моя над книгой шла медленно, и не только потому, что это было, по определению М. А., «трогательное соединение библиографии с текстологией», т. е.

очень трудоемкое занятие, но главным образом из-за переброски меня на другие срочные дела. «Путеводитель по Пушкину» вместо 30-ти авторских листов оказался в 50. Пришлось М. А. сокращать его, а я считала, сверяла, наводила порядок в рукописи. В июле же началась работа М. А. и Т. Г. над подготовкой первого тома академического издания Пушкина. Опять я принялась помогать. Затем М. А. стал заниматься историей рукописей Пушкина, я же — учетом жандармских цифр на автографах поэта.

Когда картотека моей книги была окончательно завершена и я представила ее М. А., он восторженно воскликнул:

— Ксенюшка, даю вам орден Ленина. Поздравляю, вы сделали половину работы.

Сияя от счастья, я все-таки вытаращила от удивления глаза — как половину? Столько лет труда! Но М. А. оказался прав на 75% — подготовка наборной рукописи и, кажется, восемь корректур книги отняли много месяцев.

6

В январе 1932 года среди пушкинистов зародилось глухое брожение, связанное со статьей Н. К. Козмина о дневнике Пушкина, якобы находившемся у его внучки Елены Александровны за границей. Статья должна была появиться в первом номере только что организованного «Литературного наследства».

М. А. считал, что статью необходимо остановить — появление ее только отпугнет владелицу пушкинских материалов, и она может продать их американским коллекционерам. Он волновался, звонил, доказывал, ходил к Луначарскому. Тот принял М. А. заспанный, в халате и, позевывая, вяло согласился, что статью *не следует* печатать. На другой день к Луначарскому пошел редактор «Литературного наследства» И. С. Зильберштейн. Луначарский и с ним согласился, что статью Козмина *можно* печатать. М. А. дошел до того, что даже *умолял* Зильберштейна не публиковать статью, но тот не уступал. Тогда М. А. обратился к В. Д. Бонч-Бруевичу. Последний сделал доклад Бубнову, доказывая, со слов М. А., что в таком случае дневник погиб для нас, а нужно действовать дипломатично и приобрести у Ел.Ал. все пушкинские реликвии. 19 января Бубнов дал приказ снять статью. Торжество в доме Цявловских было полное. М. А. ужасно горячился, ругая Модеста Гофмана (в свое время неудачно вмешавшегося в отношения А. Ф. Онегина с Еленой Александровной), называл его — «негодяй, авантюрист», «Хлестаков от науки»; Зильберштейна — «этот внук моих учеников» и «нахал», а Козмина — «Мерзавец! Гнусь! Ничтожество!» Последние слова просил меня записать в мой дневник крупными буквами и подчеркнуть (что я тогда же и выполнила). Затем я ездила к Бонч-Бруевичу за оттиском статьи Козмина, и мы в три руки ее переписывали (т. е. М. А., Т. Г. и я).

До этого эпизода еще в ноябре 1931 года, когда просочились первые слухи о дневнике Пушкина, М. А. не верил в его существование, говоря «а то бы я ночи не спал».

7

Летом 1936 года началась подготовка к столетию со дня смерти Пушкина. М. А. рвали на части.

Несколько раз я ходила с ним на совещания, посвященные организации Всесоюзной пушкинской выставки. Он рекомендовал меня в штат, формировавшийся директором Ленинской библиотеки Еленой Федоровной Розмирович, женщиной властной, жесткой и пренеприятной.

Заполнив анкету, я мирно сидела у Цявловских, как ворвался Габя Волков, уже работавший для Выставки, размахивая моей анкетой, и в совершенной ярости набросился на меня:

— Вы с ума сошли! Написали дворянское происхождение. Вы что, хотите, чтобы Вас не взяли?! Розмирович терпеть не может дворян! Сейчас же заполняйте новую анкету и пишите — «дочь профессора».

Сначала я заупрямилась:

— Здесь сказано «социальное происхождение», и какое мне дело до того, что Розмирович любит или не любит. Если ей нужны люди, знающие Пушкина, то пусть берет, а если нет...

Но под натиском Гани я все же уступила и анкету переписала.

Мне позже рассказывала В. С. Нечаева, ученый секретарь Выставки, что, когда распределяли работников, Благой заявил:

— Я хотел бы Ксению Петровну...

— Ксения моя! — рявкнул М. А., и я осталась в его отделе с Ганей — готовить экспозицию первых зал — от детства Пушкина до Михайловского.

Юбилей отшумел. Всесоюзная выставка сначала осталась на полгода, а затем была превращена в Гос. музей Пушкина, филиал Института мировой литературы. М. А. назначили заведующим Сектором рукописей, организованным в июле 1938 года, в котором сосредоточились все автографы великого поэта. Я и Ольга Ивановна Попова работали с М. А. Наш отдел посещали все пушкинисты, главным образом ленинградцы, готовившие академическое издание сочинений Пушкина. М. А. горел желанием как можно лучше сохранить рукописи. Под его руководством мы расшили все тетради, сшитые жандармами. А наша новая сотрудница, Мария Васильевна Ермакова, искусно сделала с них макеты, чтобы сохранить для потомства прежний вид.

По просьбе М. А. в ноябре 1938 года в Москву был вызван из Ленинграда лучший знаток консервации и реставрации документов Н. П. Тихонов. По его совету сейфы с рукописями Пушкина должны были быть открыты для систематического проветривания не менее четырех-пяти часов в день.

Это проветривание в условиях неизолированного помещения, где сидели и толклись сотрудники других отделов, постоянно приходившие за справками, сыграло роковую роль в жизни нашего Сектора.

7 января 1939 г., перекладывая рукописи в новые сейфы, я обнаружила, что на месте нет лицейского автографа Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1814 года). Мы с Ольгой Ивановной, страшно взволнованные и встревоженные, принялись его искать, перебирая все бумаги, но поиски не дали желанных результатов. Через неделю мы рассказали о пропаже М. А. Зная, что в архивной

практике такие вещи случаются часто, М. А. согласился с мнением Поповой и распорядился продолжать поиски более планомерно, а администрации пока ничего не сообщать. Но каким-то образом и.о. заведующего Музеем Карталову стало известно о нашей беде. И — машина завертелась! Доложили директору института И. К. Лупполу; М. А. и меня обвинили в «сокрытии от администрации исчезновения автографа»; М. А. была инкриминирована «преступно небрежная постановка хранения», мне — «недопустимо небрежное отношение к хранению государственных ценностей» (приказ Луппола от 13 марта). Мы были уволены, и дело о нас передано в прокуратуру, а Попова отделалась лишь строгим выговором.

Свою объяснительную записку Луппол по этому вопросу (от 20 марта) М. А. заканчивал словами:

«...меня крайне удивляет, что администрация Института перенесла центр тяжести не на расследование дела о пропаже автографа, а на передачу «дела о М. А. Цявловском и и.о. ст. научной сотрудницы Богаевской» следственным органам».

Еще до этого приказа — 26 февраля — Луппол вызвал нас к себе для разговора. По окончании томительного бдения он обратился к М. А. с вопросом:

— Что бы вы сделали на моем месте?

— Уволил бы меня, — ответил М. А.

— Вот и я вынужден это сделать, — сказал Луппол, как всегда роскошно одетый, с наманикюренными ногтями, и милостиво подал нам на прощанье руку.

— Ах, — сожалел потом М. А., — почему я не добавил тогда: а на месте Бубнова я бы уволил вас. Как всегда, удачная реплика рождается на лестнице.

Следствие в прокуратуре показало бездну убожества сотрудников Музея, расплодивших глупые и нелепые слухи. Следователь спрашивал меня — не дочь ли я М. А., он, дескать, меня называет «дочка»? Никогда этого, конечно, не было, М. А. всегда обращался ко мне — «Ксенюшка» или «голубчик» (последнее, впрочем, не на работе). Спрашивал и — какой автограф Пушкина был у Цявловских в «Татьянин день»?

Николай Сергеевич Ашукин посвятил Татьяне Григорьевне стихи, которые он записал почерком, имитирующим пушкинский, и окружил аналогичными рисунками. Стихи были приложением к подаренным стопочкам синего стекла. Оригинальный дар привел гостей в восторг (я на этот раз из-за простуды не присутствовала на именинах Татьяны Григорьевны).

Но как этот эпизод из дома Цявловских проник в прокуратуру и в таком диком преломлении — ума не приложу!

В итоге «следственное дело» кончилось ничем, а М. А. тот же Луппол пригласил в штат Института, в Сектор русской литературы XIX века. Здесь и началась его работа над картотекой «Летописи жизни и творчества Пушкина», к которой он привлек ряд сотрудников со стороны, и в первую очередь меня.

Автограф же Пушкина, увы, пока так и не нашелся! К сожалению, обнаружен был только его предполагаемый похититель, оставшийся безнаказанным.

Сектор массовой работы Музея возглавлял тогда некто Федор Федорович Майский, человек довольно невежественный и малосимпатичный. Он часто приходил ко мне за справками по Пушкину и, как свой сотрудник, всегда мог зайти в момент, когда комната на несколько минут оставалась пустой (меня, напри-

мер, могли позвать к телефону). Надо думать, что он схватил из открытого сейфа первую попавшуюся папочку.

Почему я уверена, что автограф взял Майский? Не сомневаюсь, ибо вскоре, вероятно в начале 1941 года, он предложил Гос. Литературному музею приобрести подлинные документы о Лермонтове. Член закупочной комиссии, лермонтовед Н. Л. Бродский, тут же определил, что эти документы украдены из Московского областного архива. Дело было передано в прокуратуру, но так как в это время началась Великая Отечественная война, то следователь заявил: «Майский кровью смоет свое преступление» — и прекратил дело... Майский ничего не смыл своей кровью. После войны он благополучно существовал на юге и занимался литературой.

Любопытно, что в конце 1960-х годов его встретил литературовед А. В. Храбровицкий и, со свойственной ему любовью обличать, заявил Майскому:

— Говорят, что вы украли автограф Пушкина.

Майский спокойно спросил:

— Кто вам это сказал?

— Татьяна Григорьевна Цявловская.

— Нет, зачем бы я стал красть? Все автографы Пушкина на учете.

На этом диалог прекратился.

8

Темперамент и непосредственность бушевали в М. А., лгать и притворяться он совершенно не умел; на всякие события реагировал страшно бурно, шумно и неистово, невзирая ни на лица, ни на порой неподходящую обстановку.

Когда в ноябре 1934 года я напечатала в «Новом мире» резкую рецензию на книгу В. В. Вересаева «Спутники Пушкина», М. А. возмутился и накричал на меня:

— Он — старый человек, старый интеллигент, старый писатель, а вы — д-е-в-ч-о-н-к-а! Всякий скажет, что вы дура. Лернер умер, а вы что, на смену ему пришли? Дешевка! Я не хочу, чтобы из моей лаборатории выходили такие люди!

Бас его гремел, как гром, я трепетала и думала с грустью: «Неужели *всякий* скажет, что я дура?»

Потом он смягчился и сказал:

— Ну, после горькой водки бывает вкусная закуска, я вам сейчас дам интересную работу.

В других М. А. также ценил темперамент и искренность. Он говорил мне:

— Умоляю вас, будьте непосредственной такой всегда, всегда, хоть до 70-ти лет, это чудесно!

Наряду с бурным темпераментом М. А. был чрезвычайно экспансивен, легко переходил из одного настроения в другое, мог броситься обнимать человека, мог даже заплакать от сильных ощущений.

Вот один эпизод.

М. А. ездил в Ленинград на один день на чествование Публичной библиотеки по поводу 125-летнего ее юбилея. Вернувшись (17 января 1939), он рассказал в Историческом музее, что найден новый прижизненный портрет Пушкина 1831

года, «прелестный, всех только смущает, что он в пуховой шляпе, никто не помнит, что он ее носил. Музейный работник Б. В. Шапошников сказал гордо: «В этом отношении меня пушкинисты не покроют, он ее никогда не носил». Все были в унынии».

Когда М. А. кончил свой рассказ, я сказала спокойно: «Он носил такую шляпу, вернувшись из ссылки». М. А. изрек: «Ерунда, никому это неизвестно» — и вышел. Я тут же открыла книгу «Пушкин в жизни» и показала Т. Г. и М. Д. Беляеву воспоминания Н. В. Путяты, где говорится о пуховой шляпе. Через пять минут здание музея огласилось воплем М. А.:

— Ксенюшка, говорят, вы нашли шляпу! Это открытие колоссальной важности!

Все сотрудники долго недоумевали, какую шляпу нашла К. П., что вызвала такой восторг Цявловского.

9

Бескорыстие М. А. было исключительным. Вопросы гонорара, заработка его совершенно не интересовали. А денег у него всегда было мало.

До пушкинского юбилея 1937 года, когда материальные дела его улучшились, случалось, что он шел издалека пешком, так как даже не имел в кармане несколько копеек на трамвай.

На все же просьбы выступить, прослушать чужую работу, дать отзыв он откликался охотно, не помышляя о вознаграждении.

Ганя Волков, зная трудное финансовое положение в доме Цявловских, настойчиво потребовал в 1936 (?) году, чтобы М. А. брал гонорар за свои выступления. Вскоре к М. А. пришел режиссер молодого театра и попросил прочесть артистам лекцию о Пушкине. Они готовили к постановке «Маленькие трагедии». Затем режиссер стал говорить извиняющимся тоном, что театр их бедный и много заплатить М. А. они не могут.

М. А. взъерошил волосы, прошелся по кабинету, остановился перед режиссером, собрался с духом и с трудом выпалил:

— Театр бедный! Я тоже — бедный человек и, как хотите, господа, меньше *трех* рублей за лекцию взять не могу!

— Но, профессор, — последовал ответ, — мы собирались вам заплатить *пятнадцать*...

После ухода режиссера М. А. сразу погрузился в работу. Ганя вбежал к нему и закричал:

— Ну что вы наделали, вы все испортили!

М. А. схватился за голову:

— Ах, не мучай меня, оставь в покое! (Слышала от Т. Н. Волковой.)

В свете этой особенности М. А. в высшей степени комично звучала реплика Корнея Чуковского, обращенная к нему (они отдыхали вместе в Кисловодске):

— У кого из нас нет ста тысяч на книжке?

Бескорыстен М. А. был и в науке, что более важно. Ему прежде всего дорога была сама истина, а не кто ее открыл. Если его противник в любом вопросе был прав, М. А. первый торжествовал его победу, будь это даже студент или совсем

скромное существо вроде меня. Ни тени уязвленного самолюбия, ни желания подчеркнуть свое превосходство, ни намека на честолюбие, на «выпячивание» своего «я», что так характерно для большинства литераторов.

Его шумная манера себя держать, вспыльчивость и проявление бурного темперамента порой со стороны производили впечатление нескромности и суровости. На самом же деле М. А. был очень добрым, мягким и исключительно скромным человеком, терпеть не мог похвал по своему адресу.

В конце 1936 года, после того как он прочел цикл лекций о Пушкине артистам МХАТа, М. А. пришел на свою последнюю лекцию. На его столе красовалась корзина с цветами. Не допуская мысли, что эти цветы поставлены ему благодарными слушателями, М. А. в течение лекции все время недовольным движением руки пытался отодвинуть эту тяжелую корзину, как предмет, мешавший ему видеть аудиторию. А когда Качалов от имени МХАТовцев произнес восторженную речь о том, сколько они получили знаний от М. А., тот слушал, печально повесив голову. Видно было, что похвалы эти ему даже неприятны.

Если же кто-нибудь из нас приносил ему цветы, М. А. мрачно бурчал: «Что я, балерина?»

В характере М. А. было много детского — абсолютной доверчивости к людям, простодушия и даже наивности.

Осенью 1938 года пушкинисты взволновались из-за обнаруженных в Одессе записок о Пушкине Н. М. Еропкиной. Я рассказывала М. А., со слов С. П. Шестерикова, о сомнительной репутации владельца их, потомка Еропкиной А. С. Сомова. М. А. посмотрел на меня детскими глазами и задумчиво произнес:

— Значит, вообще он враль был? Как странно, ведь из хорошей семьи.

О полном отсутствии профессиональной ограниченности и стойкости М. А. ярко свидетельствует его письмо (от 10 декабря 1925) к С. П. Шестерикову, тосковавшему на военной службе в Житомире.

«Я солдатом не был, но я сидел в тюрьмах (и с уголовными вместе), был в ссылке и обо всем этом вспоминаю с большим удовольствием.

Главное не растеряться <...> Займитесь тем, чем можно заняться; надо уметь приспособляться. Если бы меня заперли в комнату с китайскими книгами, я, вероятно, выучил бы китайский язык и наслаждался бы их чтением и был бы счастлив и доволен.

Когда меня заперли в камеру с уголовными, я стал составлять словарь воровского жаргона (при обыске у меня отобрали этот словарь) и очень увлекался этим».

10

М. А. был изумительным рассказчиком. Он обладал необыкновенным даром увлекать слушателей. Кто не слышал его устных рассказов и выступлений, никогда не сможет представить себе силу обаяния и талантливости М. А. Писал он *сознательно* суховато, академически сжато, опираясь только на факты и документы и не допуская никакой фантазии, над своим стилем совершенно не работал, говоря пренебрежительно: «Мы не Гроссманы».

Помню его лирические воспоминания о прогулках в юности по смоленским полям, как он ранними утрами шел в далекую деревенскую церковь. Религиозным, насколько я знаю, он никогда не был, его пленяла красота церковного пения и поэзия молитв.

Рассказывал М. А. очень охотно, в нем пропадал, можно сказать, драматический артист. Как-то я попросила его рассказать мне о В. Г. Черткове. М. А. тут же согласился и больше часа говорил об *отце* Черткова, так и не дойдя до сына. При потрясающей памяти его захлестывали огромные знания быта XIX столетия. Делая доклад в Пушкинской комиссии Союза писателей — «Пушкин в лицее», — М. А. посвятил весь вечер подробностям детства Пушкина, казалось, он жил в то время, и так и не успел добраться до поступления поэта в лицей.

Выступая в Музее Толстого (4 декабря 1931) на тему «Толстой о Пушкине», он говорил три часа. К сожалению, этот доклад, как и «Аудиенция Пушкина у Николая I», и многие другие доклады М. А., остался ненаписанным.

В последние годы, обнаруживая пробелы в своей памяти, что, впрочем, не было заметно для окружающих, М. А. любил говорить:

— Ах, склероз, склерозец, молодец ты русский!

11

М. А. был страстным библиофилом. С молодости он целеустремленно собирал свою библиотеку, основной темой ее были — Пушкин, Лев Толстой и история революционного движения, в частности — богатейшее собрание революционных брошюр, изданных до 1917 года. Он очень поддерживал мое стремление приобретать книги и говорил мне: «Я в первый раз встречаю девушку, которая серьезно собирала бы себе библиотеку, как вы».

В 1938 году, когда С. П. Шестериков, по возвращении из лагеря, посылал в Москву из Одессы на продажу часть своих книг, М. А. стонал и спрашивал меня с тоской: «Что с Шестериковым? Как он, ученый в полном расцвете лет и сил, и продает свою библиотеку? Это ужасно, ужасно!!» Я утешала его, говоря, что у С. П. еще уйма книг, но М. А. продолжал стонать при каждой нашей встрече. Узнав, что у меня список продаваемых книг, он завопил:

— Что же вы до сих пор мне не показали, как же вы забыли про меня?!

— Я давала его Пушкинскому музею и вообще имела в виду учреждения.

— Ну, я хоть бы почитал, для меня это самое большое удовольствие, читать списки книг — это наслаждение.

Я невольно засмеялась и сказала:

— Принесу в следующий раз.

Он с жаром:

— Пожалуйста, голубчик!

Я принесла список; М. А. отметил довольно много для себя, говоря жалобно и по-детски:

— Я думаю, С. П. не откажется мне продать, не все ли равно ему, кому продавать, не правда ли?

Во время войны, когда Цявловские были в эвакуации в Ташкенте, я искала адрес Д. С. Айзенштадта. В одном из букинистических магазинов оценщик книг спросил меня:

— Зачем вам нужен этот адрес?

— Для Цявловского.

Букинист стал тепло расспрашивать меня о М. А. и попросил передать ему привет.

— От кого?

— Скажите, от книжников Москвы. Он всех нас знает.

Наряду с библиофильством М. А. очень любил и ценил библиографию. Просматривая список книг С. П. Шестерикова, он стал доказывать мне, что сам прирожденный библиограф, но жизнь его сложилась так, что до библиографии не доходят руки.

К библиографам М. А. предъявлял большие требования, считая, что формальная, поверхностная регистрация литературы — не наука. Так А. Г. Фомина он иронически называл: «доктор по перелистыванию книг».

Поддерживая мои библиографические успехи в процессе подготовки книги «Пушкин в печати за сто лет», М. А. по окончании моей работы сделал такую надпись (на III выпуске сборника «Трудов Публичной библиотеки СССР им. Ленина»): «Усерднейшему пушкинисту-библиографу, несмотря на свои молодые годы выходящему в *первые* знатоки вопроса, положившему на обе лопатки Межовых, Ефремовых и им подобных дилетантов, которые «лапти плели» в высокой науке библиографии — Ксении Петровне Богаевской. М. Цявловский. 28.IV.936».

В этих строках, сильно преувеличивающих мои достижения, важно определение М. А. библиографии как «высокой науки».

Характерно и его высказывание в письме ко мне периода эвакуации из Ташкента (7 августа 1942):

«О вашей работе по Белинскому мне интересно знать ваш подход — что вы учитываете. Ну, например, указываете ли вы отзывы о Белинском (очень интересные) в дневниках и письмах Льва Толстого? А ведь в библиографических работах самое ценное это выявление «скрытого» материала...»

«Выявление скрытого материала» — это и есть не формальная библиография, чему и учил М. А.

12

Нападение Гитлера на нашу страну, конечно, произвело на М. А. ошеломляющее впечатление.

Человек русский по своему душевному складу до мозга костей, он с юности был горячим патриотом. Помню, как он следил за успехами всех советских людей за рубежом или в международных соревнованиях. Будучи бесконечно далек от спорта, он, тем не менее, с большим волнением слушал по радио сводки даже об игре наших футболистов и шумно торжествовал их успехи.

В начале войны я видела М. А. очень мало, т. к. с 1 июля почти до середины сентября провела в Завидове, а 14 октября в 11 часов утра Цявловские неожи-

данно уехали в Ташкент с эшелоном Союза писателей. Это было так внезапно, что я узнала об их отъезде уже как о совершившемся факте и не смогла с ними проститься.

С. М. Бонди, провожавший Цявловских, говорил мне, что М. А. был в очень тяжелом душевном состоянии и плакал, расставаясь со своей библиотекой и с Москвой.

По счастью, в Ташкент же эвакуировался Институт мировой литературы, и М. А. таким образом остался на своей штатной должности. Кроме того, он читал там курс истории русской литературы всего XIX века (от Карамзина до Чехова).

И все же материальное положение Цявловских было очень трудным в Ташкенте. Денег и продуктов по карточкам не хватало. Цены на рынке были бешеные. М. А. остро недоедал и катастрофически худел. В первые три месяца войны он потерял 16 кг, а с 1 февраля по 20 октября 1942 г. — еще 16 кг. Конечно, он продолжал худеть и дальше. Не сомневаюсь, что сильнее голода его терзало душевное состояние, тревога за судьбу России.

«Самое интересное и волнительное в нашей жизни, — писал он мне, — слушание сообщений радио (у нас в доме есть приемник) и получение от москвичей писем. Я все время много читаю, а последние две недели и пишу» (об оде «Вольность»).

Т. Г. сообщала мне, что М. А. вырывает у нее из рук мои письма, так как они «больше всего говорят о Москве».

Я бывала в опустевшей квартире Цявловских, в которой мерзла их старая домработница, Екатерина Ивановна. Т. Г. старалась посылать ей продукты и деньги. Но всего было так мало!..

Пришлось продавать книги. Это было началом разрушения собираемой с любовью много лет библиотеки М. А.! Я старалась выбирать для продажи беллетристику, лишние издания классиков.

«Иных ресурсов, как продажа книг, нот и вещей, у нас, увы, нет! — восклицал в письме М. А. — Но все это ерунда — главное пережить трудные месяцы!»

За книгами и нотами пошли в магазин — тарелки, серебряный самовар, золотая цепочка Т. Г. и тому подобное.

12 июня 1942 г. М. А. писал мне:

«Дорогая, бесценная Ксенюшка. Наконец-то получили от вас письмо, как всегда такое содержательное и лирическое. Главное, голубчик, не падать духом. Я знаю, что такое настоящее большое горе, и знаю, что самое сильное средство «заливать», «тушить» его — работа, работа и работа <...>. Я вообще твердо уверен, что наша бригада скоро снова заработает над тем, что прервала война. Это "не за горами"».

Союз писателей поместил в квартире Цявловских вывезенного из блокадного Ленинграда пушкиниста Александра Леонидовича Слонимского.

Когда я приходила по вечерам, Слонимский сидел в кабинете за столом Т. Г. Перед ним лежал кирпич черного хлеба и стояла миска с сливочным маслом. А. Л. всегда очень радовался моему обществу и тут же начинал разглагольствовать о судьбах России от Котошихина до наших дней. Затем он переходил к своей печальной участи и не очень серьезно заявлял:

— Мне остается только повеситься.

И хотя я понимала, что вряд ли он приведет свою угрозу в исполнение, все же не решалась оставить человека в беде и долго доказывала ему, какой он крупный ученый и как он нужен стране. Окончив свою речь и видя сияющую от удовольствия физиономию А. Л., я уходила, шатаясь от голода и усталости, и думала: «Дал бы маленький кусочек хлебца с маслом. Масло... какое оно теперь на вкус?..» Но это так — легкий юмор. Я думаю, что А. Л. был неплохой человек, у меня с ним навсегда сохранились теплые отношения. Но *наивный* эгоцентризм закрывал от него многие стороны жизни.

Я писала М. А. о смущении А. Л., попавшего в чужую квартиру без разрешения хозяина.

М. А. отвечал мне (7 августа 1942):

«...вообще он мне мало симпатичен. Я с ним расхожусь по многим вопросам пушкиноведения, считая его «сочинителем», «выдумщиком». Что он за человек, вне науки, я не знаю, и это, конечно, большой, можно сказать, «парадокс», что он живет в нашей квартире и чувствует себя «как дома» в моем кабинете. Было бы в тысячу раз естественнее, если бы в его положении был дорогой, милый Лева Модзалевский, о котором я ничего не знаю. Умоляю вас, узнайте, где он и что с ним...»

И далее уже обо мне: «Стиснув зубы, держите себя крепче, не давайте мрачным мыслям владеть вами. У меня из головы не выходят ваши слова в одном из писем: «второй такой зимы я не вынесу». Вы обязательно *должны* вынести, сильно, сильно захотите вынести, и вынесете. Вы знаете, что у раненых сильных духом раны скорее заживают, чем у меланхоликов? Вот это главное, чем вам нужно заняться. Прежнего не вернешь, но я крепко верю, что мы с вами в Москве кончим "Летопись жизни и творчества Пушкина"...»

И вот наступил чудесный день свидания! Институт мировой литературы вернулся в Москву 15 мая (?) 1943 г. Я сразу бросилась к Цявловским. М. А. вышел навстречу ко мне из своего кабинета.

Вот что писала я тогда своей подруге, Марине Новиковой: «Я чуть не отшатнулась при виде его! Ко мне шел высокий худющий старик, с ввалившимися щеками, торчащими лопатками и всеми костями. Потом мы разговорились. Внутренне он прежний, тот же голос, манеры, тон, но все-таки все время режет по сердцу этот вид».

В Москве душевное состояние М. А. заметно улучшилось. Все были уверены в скорой победе наших войск над фашистскими захватчиками.

У Цявловских по субботам вечером собирались друзья. Это был их приемный день. Приходили регулярно — С. М. Бонди, Г. О. Винокур, И. Л. Фейнберг, специалист по американской литературе А. И. Старцев, иногда Е. Б. Тагер, с 1947 года вернувшийся из ссылки Ю. Г. Оксман и другие.

Вечера проходили в интересных разговорах о будущем окончании войны, о литературных делах и новинках. Гостям подавался горячий, крепкий чай без сахара и черный хлеб, нарезанный тонкими ломтиками. Казалось это необычайно вкусно, и никому в голову не приходило ожидать лучшего угощения. Все были переполнены до краев своей духовной жизнью.

М. А. продолжал недоедать, несмотря на дополнительные продовольственные карточки. Он ходил обедать в столовую Дома ученых, но как-то с грустью сказал мне:

— Ну что ж, голубчик, дают мне две котлетки, а я бы таких восемь съел!..

Занимался он в это время своим, так и не законченным исследованием — «Политическая лирика Пушкина», однако главный пафос его жизни были наши военные успехи. Он сделал даже карту продвижения советских войск (ныне в РГАЛИ).

19 мая 1944 г. писатель И. А. Новиков сообщал сыну из Москвы:

«Цявловские как-то посетили нас. Он кипит и бушует, чуть ли не более прежнего — невзирая на недомогание и почти Дон-Кихотскую худобу. Но кипит и бушует уже не о Пушкине, а исключительно о войне!»

8 мая 1945 г. мы все были на заседании Пушкинской комиссии Союза писателей в Клубе литераторов. Не помню, чей был доклад. Перед началом таинственным шепотом говорили, что на английском и американском посольствах подняты флаги, значит, война кончилась. Вместе с чувством огромной радости и облегчения возникла обида: почему же нам ничего не объявляют?! Ведь мы страдали больше англичан и американцев!

После доклада М. А. повел нас, несколько человек, в ресторан Клуба и угостил каким-то сомнительным вином без закуски. Головы у всех закружились с голодухи, и мы, веселые, пошли по улице Воровского. Громче всех кричал М. А. На углу его остановил милиционер словами:

— Тише, товарищ, после одиннадцати часов шуметь нельзя.

— Товарищ милиционер, теперь все можно — война кончилась, — завопил М. А. в лицо оторопевшему блюстителю порядка.

А в два часа ночи прозвучал голос Левитана...

13

И все же здоровье М. А. не поправлялось, он продолжал худеть. Выяснилось, что у него рак желудка. Хирург С. С. Юдин взялся делать операцию. Отправили его весной 1946 года в больницу Склифосовского. Операция была очень тяжелая, под местным наркозом, продолжалась более двух часов. Все мы, близкие М. А. люди, очень волновались, боялись смертельного исхода. Но, к нашему счастью, он вернулся благополучно домой. Юдин виртуозно удалил М. А. две трети желудка. Навсегда пришлось сесть на строгую диету.

Настроение же у М. А. было хорошее. Он поверил в то, что у него язва желудка, а про операцию говорил с юмором:

— Я чувствовал себя как девушка, которой делают перманент, — длинно, скучно, но необходимо. (Перманент тогда только вошел в наш быт.)

За лето 1947 года М. А. очень поправился (месяц он провел в санатории в Болшеве) и осенью был совершенно прежний и нормальный. Однако в самом конце сентября у него стало шалить сердце, он то ложился, то вставал.

Последний его выход из дому в Литературный музей (в особняк в Кропоткинском пер., в десяти минутах ходьбы от квартиры Цявловских) закончился печально. В Музее М. А. выступал в прениях, рассказывал об экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева в библиотеке Пушкина. Говорил, как всегда, содержательно, интересно, темпераментно. А на обратном пути ему стало так плохо с сердцем, что Т. Г. едва довела его до дому.

В начале октября он совсем слег, но принимал друзей в постели; составлял однотомник произведений Пушкина для Гослитиздата (так называемый «библь-друк», на тончайшей бумаге) и жил вообще умственно полной жизнью, продолжая всем интересоваться.

Я навестила его в последний раз 2 ноября, вид у него был неплохой, и мы весело разговаривали. Потом я узнала, что ему стало хуже, не ходила в дом, а справлялась об его здоровье по телефону. Безнадежность положения выяснилась только за два дня до конца, и никто этого не ожидал.

Последние пять-шесть дней М. А. ужасно мучился, задыхался, не мог почти говорить, не мог ничего проглотить, но, вероятно, не подозревал, что умирает.

До этого он как бы просил лечащего врача:

— Доктор, мне нужно еще пять лет жизни для окончания начатых трудов.

За несколько минут до смерти, задыхаясь, он провел рукой по влажному лбу — и все понял... Последние слова его, полные мужества, были:

— Холодная испарина... Все, как полагается...

Умер М. А. от грудной жабы 11 ноября 1947 г. в 4 часа 30 минут дня.

Я узнала об этой катастрофе вечером; за мной приехала моя подруга Марина Новикова, и мы с ней вошли в квартиру Цявловских в 8 часов. Уже наехало много народу. М. А., одетый в черный костюм, лежал на своем письменном столе в кабинете.

Начались тяжелые дни... Люди, телеграммы, звонки, цветы, цветы без конца...

Помню, как М. В. Нечкина принесла букет темно-красных роз и тихонько плакала в углу.

Я три дня не уходила от Т. Г.

В первый же вечер пришли друзья и товарищи М. А. — Бонди, Ашукин, Гудзий, Бродский, Ираклий Андроников, Илья Фейнберг. Здесь же сочиняли некролог.

14-го утром был вынос тела в Институт мировой литературы; в час дня — гражданская панихида, почетный караул, речи и затем похороны на Новодевичьем кладбище. Погода была отвратительная: дул холодный ветер и сыпал мокрый снег. На кладбище прекрасно говорили Благой и Бродский.

В Москве после похорон М. А. была проездом Ирина Николаевна Томашевская, возвращавшаяся из Гурзуфа в Ленинград. Она принесла венок из лавров от пушкинского гурзуфского домика со словами: «Мне принес его перед отъездом садовник, и я подумала — зачем это мне? А вот теперь я поняла — зачем».

18 ноября Ю. Г. Оксман откликнулся на некролог М. А. в письме ко мне из Саратова:

«Вместо очередной лекции о Пушкине я полтора часа рассказывал студентам III и IV курсов, что это был за человек и ученый. Говорил, видимо, очень горячо, так как девушки плакали, хотя имя Цявловского знакомо до тех пор было им только по титулкам советских изданий Пушкина. Но знаете, что и я только в процессе «мыслей вслух» о М. А. понял всю важность и значительность его роли, всю тяжесть утраты, всю несправедливость недооценки его. И самый "праведный упрек" может оказаться в исторической перспективе "неправедным"».

Я же в те дни писала ему:

«Единственным утешением было проявление исключительной любви к нему массы людей, горе которых было так искренно. На панихиде было столько слез,

столько расстроенных лиц. Речи все были очень хороши и неподдельны <...> Я даже не знаю — можете ли Вы понять, что я потеряла со смертью Мстислава Александровича? Он был не только моим учителем, старшим товарищем, но настоящим другом, почти отцом. Эта потеря колоссальная и никогда, конечно, незаменимая...»

14

После смерти М. А. квартира Т. Г. продолжала оставаться, как и при нем, «штабом пушкиноведения». К ней шли за консультацией литературоведы, краеведы, художники, писатели и артисты. Потоком приходили письма с разными запросами о Пушкине, бесконечно звонил телефон. И даже будучи старой и больной, она лазила по полкам, таскала тяжелые книги и никому не отказывала в помощи. Как-то призналась мне: «Я, как крепостная, работаю на Эйдельмана. Он так мало знает по Пушкину».

Я не встречала человека более бескорыстного и равнодушного к материальным благам, чем Т. Г. После кончины М. А. она осталась совсем без средств с крохотной персональной пенсией за него (60 руб.). Работа над академическим изданием Пушкина приносила гроши, и с огромными интервалами.

Возмущенно она рассказывала, как на обсуждении десятитомника Пушкина Гослитиздата было объявлено, что за вступительные статьи будут платить по 3000 р. (старыми деньгами) за лист. Алчный Благой возопил в гневе:

— Ну и напишу я вам на три тысячи!

Это вызвало язвительную реплику В. В. Виноградова:

— Кажется, мы перешли от вопросов творческих к денежным!

Сама она никогда не интересовалась гонорарами. Прихожу как-то к ней, зная, что она без денег, и слышу:

— Ксеня, я нашла в сумочке 3 рубля. Вам нужно?

Или монтер починил ей звонок и спросил за это 5 рублей.

— А Вы не обижаете себя?

— Ну, тогда 15!

Осенью 1959 года Т. Г. сказала мне, что появился у нее новый знакомый, адвокат Евгений Самойлович Шальман. Он позвонил ей и попросил разрешения встретиться. Оказался он страстный пушкинист и книголюб и стал засыпать ее бандеролями с прелестными сборниками русских и иностранных поэтов.

С тех пор имя Шальман постоянно было у нее на устах.

Я почему-то представляла Шальмана пожилым и толстым и была крайне удивлена, застав однажды у Т. Г. молодого, худощавого, жизнерадостного брюнета. Вскоре он стал ближайшим другом Т. Г., верным помощником, выручавшим ее во все трудные минуты.

Когда у нее не было денег, он бегал по букинистическим магазинам и продавал, порой с большим трудом, плохо идущие в ту пору книги, например, сочинения славянофилов. Отправил девять огромных посылок в Тбилисский университет с коллекцией редких брошюр по истории революционного движения, которые в молодости собирал Мстислав Александрович. Тоже ради денег.

2 июля, в день рождения Т. Г., ее часто посещало множество знакомых и всегда приносили букеты пионов, белых и розовых. Но бывало время, когда мы с ней вдвоем отмечали этот день за тихим праздничным обедом с неизменной клубникой по сезону.

В последние годы около Т. Г. сгруппировалось много молодежи, начинающих литераторов. Еще в Новоконюшенном, по инициативе Бонди, собиралось несколько человек, желающих написать общую работу о дуэли и смерти Пушкина. Но после 3—4-х собраний все заглохло.

Здесь впервые появился Натан Яковлевич Эйдельман, автор, кажется, тогда только одной статьи о Пушкине в каком-то журнале. По образованию историк, он в основном занимался Герценом. Я обратила сразу внимание на его огромные, сияющие глаза. Он напомнил мне также фотографию молодого Оксмана. Вскоре Натан сделался близким другом дома Т. Г. и стал серьезно заниматься Пушкиным. Т. Г., с одной стороны, говорила: «Натаном горжусь. Это я ввела его в пушкиноведение». С другой — жаловалась на его упорное нежелание прислушиваться к ее дельным и правильным замечаниям.

Привел в ее дом Н. Я. и своего большого друга со студенческих лет Льва Самойловича Осповата. Последний, человек очень талантливый, тоже захотел заниматься Пушкиным, но не изменил своей любимой тематике — испанской литературе; только позднее написал несколько статей о Пушкине. Оба они заботились о материальном положении Т. Г. Под конец ее жизни, даже при ее собственном полном равнодушии, организовали ее вступление в Союз писателей, что давало некоторые привилегии и пенсию в 120 р. Я даже писала, по просьбе Н. Я., ее характеристику для Союза, которую подписал В. А. Каверин.

Н. Я. читал у Т. Г. все свои новые работы, и на эти чтения приглашалось большинство друзей.

15

В 1965 году в жизни Т. Г. произошло огромное бытовое событие. Моссовет постановил сломать дом (кстати сказать, крепкий и хороший), где она жила в Новоконюшенном переулке. С большим трудом А. З. Крейн и Ираклий Андроников выхлопотали ей трехкомнатную квартиру, ссылаясь на ее пушкинские картотеки и библиотеку, необходимые исследователям. При помощи друзей и в особенности верного Е. С. Шальмана переезд в новую квартиру совершился в конце июля.

Подготовка к переезду была очень мучительной. Надо было уложить в короба более десяти тысяч книг и энное количество папок. Коробки нумеровали, и к ним делались описи. Руководил всем Е. С., купавшийся в пыли три месяца.

Круглый обеденный стол даже подымали на веревках с улицы через балкон.

Т. Г. была в упоении от светлой, просторной квартиры на третьем этаже с двумя балконами и ванной (на старой квартире ванной не было). С тех пор она перестала жить летом в Подрезкове, а ездила на месяц-полтора в дома творчества, чаще всего в Малеевку.

Зато осенью вокруг образовалась жуткая грязь, асфальта еще не было, телефона — тоже. Мы, друзья, идя от автобуса, 5 минут тонули в грязи. К счастью Т. Г.,

рядом была почта, куда она доползала и где ей любезно разрешали говорить по телефону. Но постепенно все наладилось.

Вот в этой квартире, в зеленом Сетунском проезде, недалеко от Киевского вокзала, несмотря на отдаленность от центра, и развернулась деятельность Т. Г. по воспитанию и поддержке молодых кадров. Постоянно бывали Эйдельман, Оксман, Фейнберг, Осповат, жена Эйдельмана, милая и отзывчивая Элеонора Александровна Павлюченко, потомок Пушкина Георгий Александрович Галин (называемый «Юра»), тоже литератор и очень любезный человек. Он приносил Т. Г. книги из Исторической библиотеки, где он тогда служил; однако порой забывал об ее просьбах, и она шутя его спрашивала: «Это будет де-Юре или де-факто?» — и заливалась смехом.

Из Ленинграда появлялись неизбежные Максим Исаакович Гиллельсон (прошедший сталинские лагеря), Лазарь Абрамович Черейский, инженер, тихий человек, который самоотверженно занимался знакомыми Пушкина, составил полезную книгу, но впихнул туда чуть ли не грудных детей. Порой мелькали В. Э. Вацуро и славная Стелла Лазаревна Абрамович, специалистка по преддуэльной истории поэта. Читал свою слабую повесть о Пушкине хирург Александр Дугин, статьи — приятный врач Сергей Михайлович Громбах. Даже возник некий инженер В. В. Чепкунов с бессмысленным подражанием «Евгению Онегину» на современный лад. Кроме того, плеяда молодых сотрудниц Гос. музея Пушкина, из которых выделялась серьезностью Женя Гротская, помогавшая потом Т. Г. в работе над «Летописью» Пушкина (что отмечено Т. Г. в предисловии ко 2-му изданию). Ученицы Бонди — бойкая Юля Русакова и скромнейшая Марина Меликьян; журналистка Сусанна Григорьевна Энгель.

И всеми Т. Г. восхищалась, во всех видела продолжателей своего дела. Но главным любимцем был Эйдельман.

Приблизительно в 1966 году Эйдельман начал рассказывать о Юрии Николаевиче Короткове, редакторе альманаха «Прометей» в издательстве «Молодая гвардия». Коротков задумал один номер этого альманаха посвятить Пушкину.

И однажды утром, — рассказывала мне Т. Г., — раздался в ее квартире звонок в дверь. «Открываю и вижу — стоит смуглый невысокий брюнет, с черными глазами, и лукаво на меня смотрит». Это и был Коротков. Он пришел предложить Т. Г. составить и редактировать пушкинский номер «Прометея».

Т. Г. загорелась, со свойственным ей увлечением размечталась:

— Я сделаю том интереснее пушкинского тома «Лит. наследства» 1934 года.

Бросив все другие дела, она принялась за составление «Прометея». На эту работу у нее ушло целых восемь лет. Я ужасно огорчалась — за эти годы она могла бы, несомненно, закончить начатый ею 2-й том «Летописи жизни и творчества Пушкина».

«Прометей», увы, не оправдал ее надежд сделать книгу лучше «Лит. наследства». Кроме ее статей и Эйдельмана в номере было мало интересного. Он был красив, богато иллюстрирован, выдержал два издания большим тиражом, но для науки дал очень мало. Вскоре и я познакомилась с Коротковым, принесла ему в «Прометей» подборку писем Лескова, но из этого ничего не вышло. У Короткова оказались враги в издательстве «Молодая гвардия», которые объявили его чуть ли не врагом советской власти — его, честного партийца, участника Отечествен-

ной войны! Отняли у него его детище «Прометей», и он вынужден был уйти в Энциклопедию.

Потом я его встречала у Оксмана, которого Коротков полюбил, старался поддерживать в дни уныния, напечатал в № 2 и 7 «Прометея» статьи его под псевдонимами («Ю. Григорьев»), а в то время Ю. Г. вообще не печатали.

Т. Г. в своей литературоведческой работе сильно отличалась от М. А. Тому всегда была важна истина, он строго придерживался фактов, никогда не увлекался фантазиями. Т. Г. же, при всей ее эрудиции, было присуще темпераментное, невольное желание подчинить факты воображению, приверженность к своим пристрастиям и антипатиям в окружении Пушкина («дамскизм», как говорила ее сестра). Например, она не любила друзей поэта — Вяземского и Е. М. Хитрово — и видела в них все плохое, чего на самом деле и не было.

Она всегда хотела мне первой читать свои статьи, якобы жаждала замечаний, но, боже, как редко она с ними соглашалась! Она зарезала статью Шальмана о «Путешествии из Москвы в Петербург» и о «Современнике» для «Прометея» (несмотря на защиту Бонди), потому что с чем-то не была согласна. А потом ей вдруг понравилась часть этой статьи.

16

В 1966-м году, летом, у Т. Г. сделался то ли инфаркт, то ли микроинфаркт. Академик В. В. Виноградов устроил ее в больницу Академии наук. Там почему-то так и не поставили окончательный диагноз. Я ее навестила. Она была в хорошем настроении. Осенью поехала в санаторий в Болшево, где производила впечатление вполне здорового человека, писала много писем, гуляла со мной по парку среди желтых и багряных деревьев. Повторила эту поездку она и осенью 1967 года.

Но здоровье ее постепенно ухудшалось, прыгало давление и началось ее бесконечное пребывание в разных больницах (в 4-й Градской, в Вишняках) и дважды в неврологическом институте (в ноябре—декабре 1975 г. и в июле 1976 г.). После микроинсульта плохо стали действовать ноги, с трудом ковыляла, рука царапала жалкие каракульки... Врачи запрещали ей заниматься, но она не могла не работать. Одна врачиха дошла до того, что запретила ей по вечерам не только читать, но даже слушать любимую ею страстно музыку, так как та возбуждает. — «Что же я буду сидеть клушей?» — возмущенно жаловалась мне Т. Г. и, конечно, не выполняла этих предписаний.

В сентябре 1970 года вышла в свет маленькая книжка Т. Г. «Рисунки Пушкина» (в издательстве «Искусство»). Радость для нее была непомерная! До этого у нее не было своих отдельных книг. Эйдельман помчался в магазин, по ее просьбе, и привез 100 экземпляров. Дарила она их направо и налево.

Под конец жизни готовила она сильно расширенное издание. Но то же издательство «Искусство» так затянуло дело, что не удалось Т. Г. увидеть долгожданный труд свой в печати.

На другой день после ее смерти позвонила редакторша книги Л. М. Азарова и сказала, что хочет прийти поработать с Т. Г. над рукописью...

В результате я читала корректуру и дарила нашим общим друзьям и знакомым прелестные, красивые экземпляры трех изданий, вышедших уже после ее смерти. И каждый раз я думала с болью — как бы она радовалась им и как бы щедро раздавала...

За десять лет до своей смерти, в 1968 году, Т. Г. написала завещание мне на все свое имущество и авторское право. По завещанию я, конечно, должна была поделиться с ее единственной племянницей, Люкой, частью с Костей Шиловым и передать многое бесплатно в музей Пушкина и в ЦГАЛИ.

Т. Г. скончалась от инсульта 30 мая в 8 часов утра. Плохо ей стало на рассвете в 5 часов. Около нее была верная Фрося и Любочка Катанская. Фрося вызвала свою дочь, Тамару. Т. Г. еще улыбнулась Тамаре, но говорить внятно уже не могла.

Накануне днем домработница ее, Анна Ивановна, убедила ее выйти на балкон. Она смотрела на свежую, нежную зелень на деревьях (весна была поздняя) и говорила: «Как хорошо...» Природа улыбнулась ей напоследок. А вечером она еще работала над рукописью «Рисунков Пушкина». Приехавшие еще до меня друзья увидели на ее письменном столе машинопись и листок каракулей со строками: «В обитель дальную трудов и чистых нег...»

Гражданская панихида состоялась 1 июня в музее Пушкина. Хорошо говорили Крейн и Зильберштейн. Я едва стояла на ногах.

Автобусы пошли в новый крематорий в Никольском. Народу поехало туда уже немного. Я была в состоянии полной прострации. Только потом на квартире отошла. После поминальной трапезы передала приехавшему из Ленинграда сотруднику Пушкинского Дома В. Э. Вацуро все материалы по академическому изданию Пушкина и в том числе верстку несостоявшегося к нему приложения — «Тень Баркова» (текст баллады и исследование Мст. Ал.).

Осталась я на квартире Т. Г. на несколько дней и принимала поток посетителей. Руководство ЦГАЛИ выхлопотало мне разрешение три месяца не освобождать квартиру. От времени до времени я уезжала на дачу перевести дыхание. Всего я провела на квартире Т. Г. за лето 44 дня, среди жуткой пыли. Спасала меня Фрося, которая самоотверженно приезжала и готовила настоящие обеды, говоря: «К. П., на сухомятке Вы не выдержите». Верный Шальман продавал книги, тоже задыхаясь в пыли.

Я передавала книги и рукописные материалы в Пушкинский Дом, в Гос. музей Пушкина в Москве, во Всесоюзный музей Пушкина в Ленинграде, кое-что в Библиотеку им. Ленина, в Толстовский музей, в ЦГАОР. Завершилось все целым грузовиком в ЦГАЛИ. Все это бесплатно. Приходили без конца друзья и знакомые. Всем я дарила книги и вещи. Натану — все книги о декабристах. Для иллюстрации могу сказать, что за последние 4 дня было у меня 30 визитов и более 70-ти телефонных звонков.

31 августа, вечером, я с партией книг для меня уехала на «универсале» ко мне на улицу Вавилова. Чудесная страница моей жизни — «дом Цявловских» — закрылась навсегда!

Совещание редколлегии несостоявшегося собрания сочинений Пушкина. Москва, март 1928
Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, М. А. Цявловский, П. Н. Сакулин, Л. П. Гроссман, В. В. Вересаев, П. Е. Щеголев, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Н. К. Пиксанов

М. А. Цявловский

ЗАПИСКИ ПУШКИНИСТА

М. А. Цявловский (в центре) с братьями. Варшава, 1903

На конференции колхозников «пушкинских мест». Москва, 1936
М. А. Цявловский, Г. А. и Г. Г. Пушкины (внук и правнук поэта),
колхозники Гаврилов и Галкин (во 2-м ряду)

<1>

В университете Московском профессор А. И. Кирпичников читал приватный, один из первых в России курсов, специально посвященный Пушкину. Я был на одной или двух лекциях. Помню, Кирпичников говорил о детстве Пушкина. П. Н. Сакулин, в то время приват-доцент, вел семинарий, среди тем которого была «Пушкин в Николаевскую эпоху». Я взял эту тему и стал над ней работать, т. е. читал в Румянцевском музее (книжки-то ведь ни одной!) и выписывал из всяких книг, нерационально, глупо, — и что-то написал.

Но тут произошло вот какое обстоятельство — 9 декабря 1906 г. Сережа убивает Игнатьева, меня арестовывают, тюрьма, ссылка, и все это обрывается. По возвращении из Вологды, где я был в ссылке (какая досада! я чуть-чуть там не застал Щеголева, Луначарского и Бердяева), я снова поступил в Университет и принял участие в специальном пушкинском семинарии, который вел тот же Сакулин. На этот раз я взял тему «Байронизм Пушкина», но, засев за работу, я убедился, что, прежде чем говорить о байронизме Пушкина, нужно исследовать вопрос, насколько и когда Пушкин овладел английским языком. Сузив так тему, я обратился за разрешением к Сакулину представить вместо работы «Байронизм Пушкина» реферат «Пушкин и английский язык». Павел Никитич на это согласился, и моя работа, предварительно одобренная Сакулиным, была прочитана мною в семинарии. Со стороны слушателей она была встречена с одобрением, никаких существенных возражений мне не было сделано, а в заключительном слове Павел Никитич расхвалил ее, а затем предложил ее напечатать в издании «Пушкин и его современники», на что я, конечно, согласился. Мою работу со своим письмом Павел Никитич послал Шахматову, стоявшему в то время во главе II Отделения Академии наук. Шахматов в свою очередь работу переслал Модзалевскому, как редактору издания «Пушкин и его современники». Последний прислал мне открытку с извещением, что работа моя принята, и с предложением присылать и другие работы по Пушкину. Спустя некоторое время я имел радость получить корректурные гранки моей статьи. В ней, между прочим, речь идет о знакомстве Пушкина с Чаадаевым. И я решил пойти к автору специальной книги о Чаадаеве М. О. Гершензону для того, чтобы лично от него узнать, в каком году Бартенев беседовал с Чаадаевым о Пушкине. Помню, как поразила меня красота отворившей мне дверь жены Михаила Осиповича. Так произошло мое знакомство с покойным писателем, игравшим большую роль, пожалуй, не только в моей ученой карьере, но и в жизни. Помню, как жадно он слушал меня, читал мою статью, желая скорее узнать, стоит ли она чего-нибудь.

В 1914 году вышел выпуск 17—18 «Пушкина и его современников» с моими «Заметками о Пушкине». Первая заметка, сейчас уж не помню, как именно, вышла из моей работы «Пушкин и английский язык». Кстати, остановлюсь на судьбе

этой работы в пушкинской историографии. В своей рецензии на выпуск 17—18 «Пушкина и его современников» Лернер коснулся и моей статьи. Он указал пропуск весьма существенного свидетельства знания Пушкиным английского языка, а именно М. В. Юзефовича. Работая над своей диссертацией «Пушкин и Байрон», Жирмунский, как мне сообщал Томашевский, сам владея свободно языком, не догадался поставить себе вопроса, читал ли Пушкин Байрона в подлиннике в эпоху своего увлечения английским поэтом, априорно совершенно неправильно полагая, что Пушкин читал на юге Байрона по-английски. И только после того как всякого рода влияния и заимствования Пушкина будто бы у самого Байрона были Жирмунским в его работе учтены и изучены, он узнал мою работу. Его книга в это время была не только написана и набрана, но и, кажется, сверстана. Свою оплошность ему пришлось исправлять в примечаниях, одно из которых он посвятил вопросу о знании Пушкиным английского языка. Приведя все использованные мною свидетельства (и лернеровское — Юзефовича), Жирмунский пытается, по моему мнению, неудачно, с натяжками доказать, что Пушкин на юге все же как-то овладел английским языком. Против этого, опираясь на мою статью, убедительно возражал Н. В. Яковлев в статье «Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина» («Пушкин в мировой литературе»), где он внес две спорных поправки к моей работе. Таким образом, можно считать, что выдвинутые мною положения вошли в научный обиход.

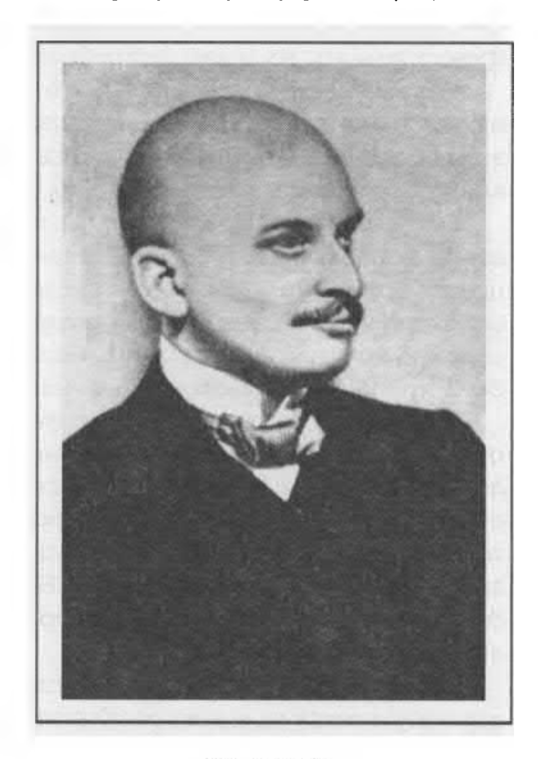
<2>

Не помню, почему и как я заинтересовался дневниками Погодина, хранящимися в Румянцевском музее. В бездарном огромном труде Барсукова «Жизнь и труды Погодина» случайно и неполно автор привел ряд интересных записей Погодина о Пушкине. Я поставил себе задачей прочесть все дневники Погодина за 1820—1837 годы. Труд этот оказался чрезвычайно тяжелым, так как почерк Погодина, вообще славившийся своей неразборчивостью, в дневниках порой совсем неудобочитаем. Очень усложняют дело и многочисленные сокращения. Но я имел терпение все это проделать, уделяя в день в среднем минут по 20, так как, давая огромное количество уроков в Коммерческом училище Паршина, я должен был урывать буквально минуты свободного времени, оставшегося от уроков. Эта работа была напечатана в 19—20 и 23—24 выпусках «Пушкина и его современников». Точно так же были прочитаны и письма к Погодину в переплетенных томах, хранящиеся в его архиве, за 1820—1837 годы. Как новичок, желая быть максимально точным, я в транскрибированных выписках педантично ставил в прямые скобочки все вводимые мною знаки препинания, против чего, помню, с присущей ему деликатностью, осторожно возражал Борис Львович.

<3>

Как-то пришел ко мне товарищ мой по государственным экзаменам Николай Александрович Синявский, жалуясь на то, что он не знает, чем бы заняться «для души», так как по окончании Университета он принужден был для заработка

поступить в Государственный контроль. В ответ на это я предложил ему заняться библиографией и, например, взять на себя часть работы задуманной мною книги «Пушкин в печати». Он охотно согласился и с увлечением по данным мною материалам просматривал и библиографически описывал отдельные издания Пушкина, журналы и альманахи, в которых появлялись произведения Пушкина при его жизни. Тексты в песенниках и в нотах я взял на себя. Из нот кое-что я достал в Румянцевском музее, библиотеке Московской консерватории и в Музыкально-теоретической библиотеке, помещавшейся в Консерватории. Но всего этого было далеко не достаточно, и нужно было ехать в Петербург, где в отделе искусств Публичной библиотеки имелось большое собрание нот. Отделом искусств в это время заведовал Чечулин, заявивший мне, что его предшественники, В. В. Стасов и Сакетти, чуть ли не принципиально никаких каталогов вещей, хранимых ими, не делали (Стасов всегда ударял себя по лбу и говорил: «Вот! Здесь каталог!»), а потому мне для выявления и учета романсов на слова Пушкина, изданных при его жизни, нужно было пересматривать десятки папок с нотами. Работа эта осложнялась тем, что, как правило, на нотах не ставится год издания, и нужно было обследовать все листы нот, чтобы определить время их гравирования. В начале нашей работы я обратился к Гершензону с просьбой найти издателя книги, которая, конечно, не могла иметь широкого распространения и для издателя с материальной стороны не представляла никакого интереса. Михаил Осипович порекомендовал мне обратиться к весьма скромному молодому человеку (сильно глухому), страстному библиофилу, Льву Эдуардовичу Бухгейму, имевшему довольно большое состояние и к этому времени начавшему издавать книги по истории книжного дела в России и другие лично его интересовавшие, без всяких коммерческих целей. Гершензон написал ему обо мне, и в назначенный день я пришел в особняк Бухгейма (Введенский пер. на Покровке), в квартиру, обставленную в крупнобуржуазном характере. Поразила меня библиотека Бухгейма. По внешнему виду из всех виденных мною частных библиотек эта была одна из самых нарядных. В первой комнате, в американских шкафах, стояло, по выражению Бухгейма, «снятое молоко», т. е. книги, имеющие для него второстепенное значение.

Л. Э. Бухгейм

Вторая же зала, заключавшая в себе «сливки», поражала количеством, подбором, прекрасной сохранностью и переплетами, которые постоянно делал ему лучший московский переплетчик Пецман. Конечно, по сравнению с

переплетами петербургских переплетчиков, не говоря уже о парижских, переплеты эти второго сорта. Но тогда я, не искушенный еще во всем этом, был в полном восхищении. Посещать милого Бухгейма было для меня праздником. Он не только, как это часто бывает, собирал книги, преимущественно по русской литературе, но и все их прочитывал. Нигде не служа, глухой, одинокий, обожавший свою старуху тетку, он в то время жил исключительно книгами — покупал, переплетал, читал и издавал. Возился с ними, можно сказать, как с детьми. Вне книжных интересов у него не было жизни. Застенчивый и малообщительный, он совсем не знал людей. Обладая огромными знаниями, он, лишенный всякого творческого дара, дальше справок, давать которые ему всегда было радостью, не шел и не мог идти. Кажется, единственный его печатный труд — примечания к письмам (изданным им) разных ученых и библиографов к С. И. Пономареву.

С горячей готовностью и, можно сказать, энтузиазмом он отнесся к моему предложению издать мою работу «Пушкин в печати». Хотя план книги и «стандарт» описания каждого опуса были строго продуманы, но в процессе работы мы с Синявским вносили столько поправок в корректуру, что когда типография Кушнерева (одна из лучших в то время в Москве) представила счет за правку наших, кажется, трех или четырех корректур, то даже бескорыстный милейший Лев Эдуардович ахнул. Мы с ним ходили к заведующему, почтеннейшему Барышникову, после долгих объяснений он что-то скинул. Как мне потом говорил покойный философ Эрн, счет за правку книги Флоренского «Столп и утверждение истины» ненамного превосходил счет по нашей книге, а стоимость книги Флоренского считалась совершенно исключительной, ввиду большого количества текстов на греческом и других редко употребляемых языках и математических формул.

Нашу книгу мы решили посвятить Михаилу Осиповичу Гершензону, первому, которому мы были обязаны появлением ее в свет, но он категорически от этого отказался, и мы ограничились лишь поднесением ему экземпляра этой книги с соответствующей надписью.

Один из экземпляров книги, надписанный мною, был послан Лернеру. В ответ на это появилась в «Речи» (26 мая 1914 г.) совершенно «уничтожающая» рецензия Лернера. Издеваясь над смешной, с его точки зрения, педантичностью описаний книги, Лернер считал нашу работу совершенно ненужной и заключил рецензию следующими словами: «Если бы эта книга кому-нибудь зачем-нибудь была нужна, то мы бы жаловались на ее дороговизну».

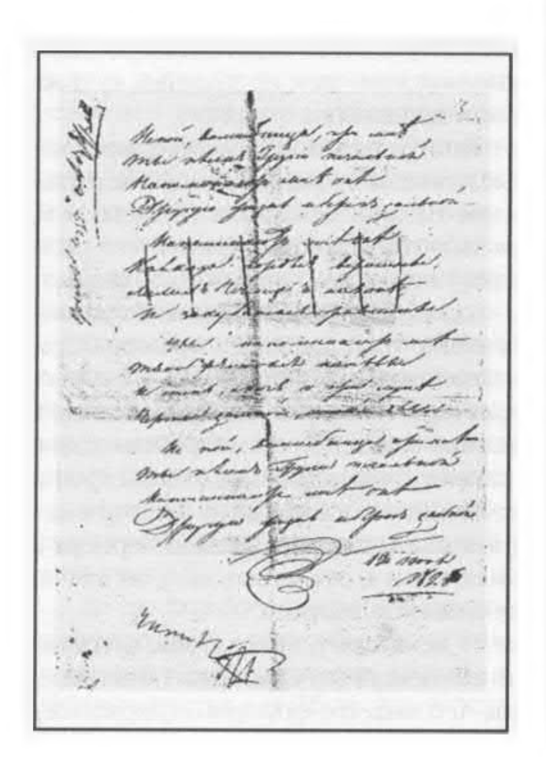
Теперь мне кажется, что рецензия Лернера была продиктована желанием отбить охоту у начинающих пушкинистов продолжать работать в этом направлении. Смотря на Пушкина как на свою «вотчину, которая его кормит, поит и обувает», Лернер видел в нас конкурентов в пушкиноведении, в котором он хотел царить по возможности безраздельно. Интересно, что впоследствии, рассказывая историю своих отношений с Брюсовым, Лернер уверял меня, что Брюсов будто бы, видя в начинающем Лернере своего соперника, старался всячески умалить значение его работ.

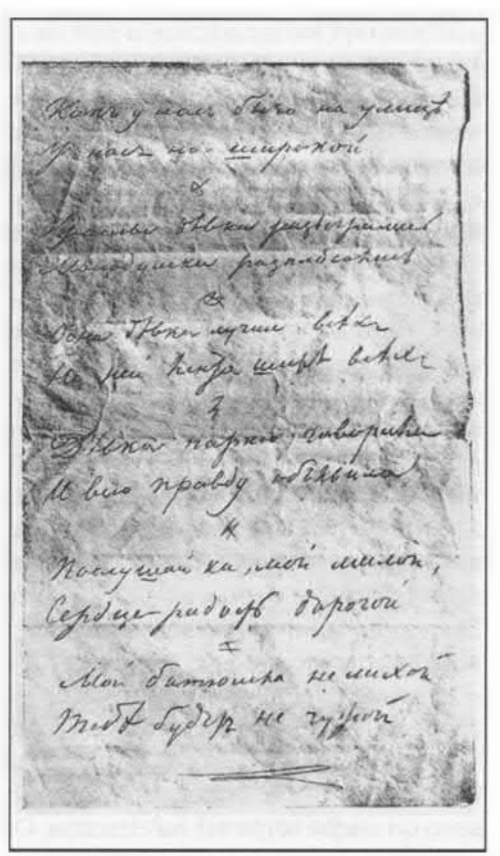
Рецензия произвела на меня ошеломляющее впечатление. Придя с ней к Гершензону и читая ее, я даже расплакался. Гершензон после этого написал Лернеру письмо, в котором говорил, что прекращает с ним знакомство. Я написал ответ на рецензию Лернера, но он остался неопубликованным.

Некоторый реванш я получил в виде рецензии П. Н. Сакулина на нашу книгу, напечатанной в «Русских ведомостях». Замечательно, между прочим, то, что если кому наша книга и нужна была, так это именно Лернеру, ибо в ней были даны десятки дат, совершенно необходимых для его книги «Труды и дни Пушкина». Вообще, эти точные даты (год, месяц и число) выхода в свет произведений Пушкина, систематически данные, были новостью не только в области пушкиноведения, но вообще в истории русской литературы. Кстати замечу, что этой исключительной по своей несправедливости и неискренности рецензией Лернер открыл систематическую травлю всех моих выступлений в печати.

Вопреки желанию Лернера, как я ни был обескуражен его рецензией, своих работ по Пушкину я не бросил и решил просмотреть все печатные отчеты Рукописного отделения Румянцевского музея с точки зрения выявления всего относящегося к Пушкину. Это встретило обычное сопротивление Г. П. Георгиевского. Под разными предлогами он мне не давал те или другие рукописи. В частности, совершенно отказал мне в выдаче каких-то материалов Воронцовского происхождения, заявив, что хотя они и хранятся в Румянцевском музее и вошли даже в печатную опись, но никому будто бы выдаче не подлежат, являясь документами секретно-семейными.

Так мною были «открыты» два автографа Пушкина. Трудно передать то волнение, которое испытал я, когда мне был принесен смущенным Георгиевским автограф «Не пой, волшебница, при мне...». Первое, что я сделал, это, конечно,

М. Цявловскій.

ДВА АВТОГРАФА

Пушкина.

Съ двумя снимками.

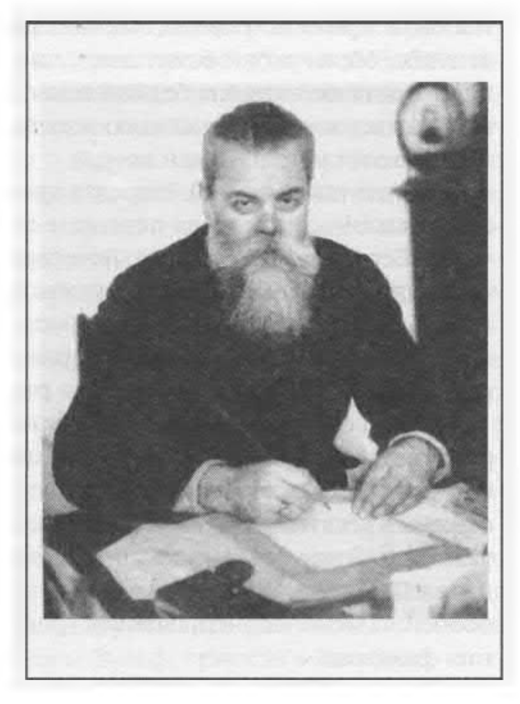
Изданіе Л. Э. Бухгеймъ.
Москва—[illegible]

опрометью бросился к Бухгейму с предложением издать мою находку. Лев Эдуардович, конечно, сейчас же согласился. Для этого нужно было снять фотографии с автографов. В то время Румянцевский музей собственного фотографа не имел и все многочисленные снимки для С. А. Венгерова делал Остроумов, имевший свою фотографию на Немецкой улице. По совету Георгиевского, я к нему и отправился. Он согласился за 5 рублей приехать в Румянцевский музей и снять. Когда я был у Остроумова за снимком, он, показывая мне целые шкафы, наполненные тысячами негативов снимков с рукописей Пушкина в Румянцевском музее, сделанных для Венгерова, убедительно просил избавить его от этого стесняющего его материала, грозя в противном случае продать это на специальную фабрику, смывающую серебро с негативов. Мы с Бухгеймом долго обсуждали эту покупку, но нерешительный и непредприимчивый Лев Эдуардович сделал величайшую глупость в конце концов отказаться от этой покупки. Когда, спустя несколько лет, этими негативами заинтересовался Г. И. Кноспе, бывший в то время при больших деньгах и не знавший, куда их тратить, было уже поздно. Все негативы были проданы на фабрику.

Получив фотографический отпечаток с автографа, я помчался к Гершензону и заразил его моим волнением. Непонятные для меня происхождение и история автографа не были объяснены Гершензоном. Не смог объяснить Гершензон и, как теперь я думаю, сознательно неверную дату под стихотворением. Что касается до второго автографа — запись народной песни, то Гершензон, по его словам, «не мог отдать голову на отсечение», что это автограф Пушкина. Для окончательного утверждения, по совету Гершензона, я отправился к Брюсову. При таких обстоятельствах произошло мое знакомство с этим писателем. Я ему тогда принес нашу книгу «Пушкин в печати», которую он очень одобрял. А когда я ему показал автограф «Не пой, волшебница, при мне...», то он, поздравляя меня с этим открытием, говорил, что ему всегда казалось, что должна еще быть строфа. По поводу же второго автографа он тоже, помнится, точно бы от категорического ответа уклонился. Вышедшая в свет книжка вызвала рецензию Лернера в «Северных записках» (1914 г., кн. VI). Не умея, как и я, объяснить дату, он что-то ядовитое писал по моему адресу, затемняя сущность вопроса.

Еще до этой рецензии Лернер, получив от меня книгу, прислал мне остроумную открытку, где писал, что названного мною покойным Семенова-Тянь-Шанского он вчера встретил на Невском. Он жив, «и с лица его фортуна...» (Державин).

С Борисом Львовичем Модзалевским я познакомился позже. Придя раз в Рукописное отделение Румянцевского музея для занятий над дневниками Погодина, я увидел занимающегося очень благообразного вида человека. Прочитав в дневнике Погодина, что Пушкин привез из Михайловского между прочим 8 песен «Онегина», я для проверки обратился к этому господину, так ли я читаю это место? Вот тут-то и оказалось, что он — Модзалевский, с которым я, как уже говорил, был к этому времени в переписке. В этот приезд Модзалевский занимался выверкой текста писем Пушкина. Особенного сближения в это время между нами не произошло. Был я у него впервые в Петербурге во время поездки моей для работы над рукописными сборниками стихотворений со списками произведений Пушкина и, главным образом, приписываемых ему (псевдопушкиниана). Эта моя работа вышла из книги «Пушкин в печати», вторая часть которой должна была заключать в себе, во-первых, произведения Пушкина, появившиеся после его смерти, и, во-вторых, все приписывавшиеся ему стихотворения. Для этого мною были просмотрены в Москве все сборники в Румянцевском музее, в Историческом музее. В Петербурге я просмотрел все сборники в Публичной библиотеке, где мне все очень любезно предоставлял Иван Афанасьевич Бычков, не решившийся, однако, оставить меня одного с большим альбомом автографов Батюшковой и приставивший ко мне в качестве наблюдающего известного Хрисанфа Лопарева. Не менее любезно отнесся ко мне и заведовавший Рукописным отделением Академии наук Всеволод Измайлович Срезневский. Борис Львович в это время занимал должность заведующего архивом конференции Академии наук. В этом же помещении хранились и рукописи, принадлежавшие незадолго перед тем учрежденному впоследствии знаменитому Пушкинскому Дому. Как острил Саитов, этот Дом не имел своего дома. Борис Львович не только предоставил мне все альбомы этого собрания, но и принадлежавшие лично ему сборники.

Б. Л. Модзалевский

Борис Львович Модзалевский был, конечно, главным учредителем и устроителем Пушкинского Дома. Без Модзалевского едва ли это учреждение имело бы тот характер, который оно приобрело и которым оно так отличается от всех других учреждений подобного рода.

До сих пор большая работа о псевдопушкиниане остается неопубликованной. Лишь введение дважды я публично читал — в Обществе, учреж-

денном М. Н. Сперанским, и в Обществе друзей книги. Введение это, если придется мне напечатать, конечно, нужно будет увеличить в несколько раз. Тема его — рукописные сборники потаенной литературы, история их распространения с конца XVIII по конец XIX века. Два типа сборников — нецензурные в политическом отношении и в эротическом. Сборники эти — чисто русское явление. Произведения Пушкина и в том и в другом направлениях этой литературы занимают очень заметное место. Замечу между прочим, что открытие мною «Тени Баркова» и изучение сборников эротического содержания чрезвычайно должно расширить материал и даже построение этого введения. После этого введения я предполагаю дать историю текста (как рукописного, так и печатного) и атрибуции для каждого отдельного опуса, а таковых, вероятно, будет не менее 300. Я все-таки надеюсь, что этот труд я когда-либо напечатаю. Собирать материалы к нему я, собственно, не прекращаю в течение 18 лет. Положительно могу сказать, что ни у кого такого полного учета этих произведений нет.

<5>

Найдя в томе писем Пушкина к брату (хранится в Ленинской библиотеке) неопубликованное письмо Надежды Осиповны Пушкиной к Александру I, я решил его издать и, занявшись комментарием к письму, написал статью «Тоска по чужбине у Пушкина». По рекомендации Гершензона, я послал эту статью одному из двух редакторов незадолго перед тем основанного журнала «Голос минувшего» В. И. Семевскому. С Василием Ивановичем я в то время еще не был знаком. Статья была принята. Помню, как Михаил Осипович возмущался тем, что, по его мнению, Мельгунов обсчитывает на гонораре, считая не постранично, а эны. Живя в детстве в крайне бедной семье, а затем зарабатывая себе средства студентом, Гершензон считал каждую копейку, и это иногда доходило до... не знаю уж, как сказать, смешного или до <...>.

Помню такой случай. Разрезая при мне только что полученную книжку «Русской мысли», он смотрел первые и последние страницы статей своих приятелей — Бердяева, С. Булгакова, Вячеслава Иванова, Эрна. Когда я спросил его, зачем он это делает, он ответил: «Чтобы узнать, кто сколько получил». С этим можно только сравнить «подход» к новой книге Пиксанова. Взяв в руки какую-то только что вышедшую книгу по истории литературы, он первым долгом разрезал указатель имен и смотрел, сколько раз упоминается его имя.

Кстати об указателях имен, — можно строить текст так, что ссылки на авторов сводятся до минимума. При ссылке на какую-нибудь статью не называть ее и ее автора, а упоминать лишь издание (например, «см. Русский архив»). Поэтому, ссылаясь десятки раз на какую-нибудь статью, можно совершенно не ввести ее в указатель. Этим особенно отличается Н. К. Козмин в IX томе академического издания Пушкина. Не любит упоминать в своих статьях других исследователей, и особенно меня, Лернер, называя «редактор», «комментатор», избегая употребления фамилии.

О статье «Тоска по чужбине у Пушкина» Лернер написал статью «Пушкин и чужбина» (в «Журнале журналов», 1916, № 14, апрель), где счел нужным придрать-

ся к действительно, пожалуй, излишнему моему замечанию (в сноске) о том, что Пушкин стремился во Францию и в Италию, а не в Германию. Замечание это объясняется враждой к немцам, которую испытывали в это время русские люди. Лернер по этому поводу высказывал сожаление, что Пушкину была чужда немецкая культура. Вообще же он считал эту статью совершенно ненужной. Отмечу, что в этой статье я передатировал черновик письма Пушкина к Александру I и впервые указал, что Пушкин говорит здесь о своем желании убить императора.

Н. О. Лернер

Следующей моей вещью, помещенной в «Голосе минувшего», была статья «Эпигоны декабристов». Она основана на неопубликованных материалах в бумагах Н. К. Шильдера в ленинградской Публичной библиотеке, которые я просматривал для псевдопушкинианы.

Нужно заметить, что эти материалы — о чтении харьковскими студентами запрещенных произведений — были изъяты Шильдером в свое время из какого-то государственного архива. Будучи директором Публичной библиотеки, он завещал свой архив ей. Вообще этот способ «денационализации» архивных материалов высокопоставленными историками был довольно распространен. Так, например, Н. С. Тихонравов, будучи ректором Московского университета, не только брал себе целые дела из архива университета, но даже выдирал отдельные нужные ему документы из дел. Не помню, от кого я это слышал (от М. Н. Сперанского? от Г. П. Георгиевского?).

Затем поместил я в «Голосе минувшего» рецензию в виде статьи на «Дневник Вульфа» под редакцией Гофмана и «Дуэль и смерть Пушкина» Щеголева. Дневник Вульфа, очевидно, бывший в ряде отдельных тетрадей, в свое время видел Л. Н. Майков, т. е. он видел одну из тетрадей и на основании ее дал совершенно неверный образ этого эротомана, опубликовав «представляющие интерес», с точки зрения Майкова, извлечения из дневников. Эта тетрадь или тетради, повторяю, чрезвычайно неполно и односторонне использованные Майковым, пропали. К счастью, это оказалось лишь частью дневников Вульфа.

Чем-то пленивший Модзалевского и, кажется, его родственник, сын какого-то придворного чина (но не лицеист, как ошибочно утверждает Н. К. Козмин в одной неопубликованной статье), Гофман, заручившись рекомендательными письмами к потомкам Евпраксии Николаевны Вульф, приехав в Голубово, «очаровал» и их. Как он мне сам рассказывал (я с ним познакомился у Модзалевского в архиве конференции Академии наук), дневник Вульфа он нашел на чердаке

Обложка книги М. Л. Гофмана «Пушкин — Дон-Жуан» (Париж, изд. С. Лифаря, 1935)

М. Л. Гофман

какого-то домика. Чтение этого дневника произвело на него, а затем и на Модзалевского, Щеголева и других лиц, прочитавших его до публикации, ошеломляющее впечатление. В прямом смысле слова, захлебываясь, Гофман рассказывал о том, что в этом «удивительном» дневнике имеется.

Обычно скрываемая или затушевываемая сексуальная сторона жизни Пушкина нашла в Вульфе совершенно исключительного по своей откровенности изобразителя. Вульфу, как это обычно бывает у эротоманов, доставляло особенное удовольствие описывать все, что он проделывал и переживал в сексуальной области. Поэтому и Пушкин, дружба с которым основывалась преимущественно на общности интересов в этой области, вышел в изображении Вульфа великим мастером в деле развращения девушек*.

Необычайно сладострастной, на основании дневника Вульфа, оказалась Софья Михайловна Дельвиг. Один рассказ о ней, записанный Вульфом и с большим «энтузиазмом» передаваемый мне Гофманом, до сих пор не опубликован и, конечно, никогда не будет опубликован. К сожалению, я как-то не удосужился списать его. Рассказ заключает в себе описание поездки зимой втроем — Софьи Михайловны, А. Н. Вульфа и сидевшего рядом с ней, кажется, Сомова (а может быть даже, и Дельвига). Руками под полостью С. М. Дельвиг сделала все, о чем только мог мечтать ее счастливый любовник. Все это описано с реализмом французских эротических произведений. Первое впечатление, вынесенное мною от Гофмана, было это, уже отмеченное мной, смакование «клубнички».

Вообще же этот пушкинист войдет в науку как «Хлестаков от пушкиноведения». Положительно все, что он писал, в большей или меньшей мере сумбурно, претенциозно, легкомысленно, неосновательно и сплошь да рядом никчемно. Это — пустоцвет до сих пор, и есть все основания думать, что и впредь ничего ценного он не даст. Между тем трудно себе представить, до какой степени самоуверенности и самовозвеличивания он дошел. В эмиграции он признан первым пушкинистом среди нее, первым авторитетом. Это объясняется главным образом тем обстоятельством, что пушкиноведческой науки, да и вообще всякой науки, в советской России для эмиграции не существует.

Вернемся к «Дневнику». Публикация дневника Вульфа с комментариями, правда, порой совершенно никчемными (таково, например, примечание по поводу упомянутой в дневнике кончины императрицы Марии Федоровны, <где> Гофман счел нужным ни к селу ни к городу дать перечень всех стихотворений, посвященных ее смерти), пожалуй, самое ценное, что дал в пушкиноведении Гофман. Поездка в Голубово дала Гофману материал для ряда публикаций и статей, в том числе необыкновенно нелепой статьи в журнале «Против течения» (или «Свободным художествам») — об альбомах Хованской, Вревской и прочее. О том, как он чудовищно-безобразно издал Баратынского, знают все. Выдержавшая два издания** «Первая глава науки о Пушкине» полна ошибок (на них я с излишней мягкостью указал в своей рецензии на эту книгу в альманахе «Феникс») и детски наивна в своих основных положениях. А сколько в ней претензий, какой менторский тон!

«Исследование» «Пропущенные строфы Онегина» — это просто растя-

* На этом материале сделал свою пушкиноведческую карьеру Вересаев.

** Правда, как мне говорил С. И. Синебрюхов, книжник, второе издание было выпущено стараниями ловкого Гофмана задолго до распродажи первого.

нутый скверный анекдот. А чего стоит «открытие», что «Любви, надежды, гордой славы...» принадлежит Рылееву, и наоборот, что «Смуглянку» и пошлый конец «Простишь ли мне ревнивые мечты...» сочинил Пушкин!

Я помню, как приехал он в Москву вскоре после выхода в свет книги «Неизданный Пушкин», в которой он принимал ближайшее участие, и появился у Пиксанова на очередном собрании учеников Пиксанова. С каким апломбом он поучал малых сих и с каким почтением обращался к нему за разъяснениями сам Пиксанов. В настоящее время, главным образом Татьяной Григорьевной и Оксманом, вскрыта вся текстологическая немощь этой книги. Она положительно кишит всякого рода ошибками. В частности, один из гвоздей книги, история текста «Рыцаря бедного», как доказал Бонди, в корне неверна. А такие нововведения, как печатание канонического текста в виде дроби, могут вызывать только улыбку. Столь же «удачна» его работа о «Домике в Коломне», где он отличился, прочитав совершенно ясно написанное слово «гнать» как «знать», и сделал соответственно обратные действительности выводы.

Ко всему этому нужно добавить, что Гофман элементарно человек нечестный. Уезжая в Париж, он увез с собой снятые им копии с неопубликованных текстов собрания и издал их, не имея на то права, в сборнике «Окно». Теперь он утверждает, что он это сделал с разрешения Ольденбурга, ученого секретаря Академии наук. Впрочем, о похождениях Гофмана за границей я здесь говорить не буду.

В малоизвестном издании «Дела и дни» Гофман поместил чрезвычайно развязную, в духе лернеровских писаний, рецензию на VI том «Пропилеев» Гершензона за то, что тот не оценил будто бы текстологическую важность <так> называемой Никитенковской тетради*, тогда как сам Гофман не понял самого главного, что эта тетрадь послужила оригиналом посмертного тома.

<6>

После смерти Петра Ивановича Бартенева, несмотря на увещевание его в завещании детей своих не ссориться и жить в мирном согласии, между ними вспыхнула непримиримая вражда из-за его наследства, закончившаяся процессом. Внук Петра Ивановича Петр Юрьевич (сын Юрия Петровича, умершего раньше отца и одно время редактировавшего «Русский архив»), кончивший лицей, монархист по убеждениям, как все вообще дети Петра Ивановича, вообразивший, что он может быть достойным преемником своего деда, смехотворно стилизовавший под него свои писания, получил право издания «Русского архива» и архив журнала. Этот архив он перевез в Денежный переулок, где у него была и редакция и контора. В годы его редакторства (с конца 1911 по 1917 г.) журнал влачил самое жалкое существование. Количество подписчиков, вероятно, падало из года в год. В годы революции в качестве монархиста он подвергся очень большому числу обысков, вероятно, был арестован не раз и в конце концов был не то убит, не то расстрелян где-то на юге. Кроме архива журнала Петр Юрьевич владел автографом

* Кстати сказать, Танюша наблюла, что сборник Никитенко переписан тем же писарем, что и «сборник», опубликованный Измайловым.

Пушкина «Зачем безвременную скуку...» и четырьмя рисунками Пушкина — портретами декабристов (Пестель, Рылеев, Давыдов, Юшневский), доставшимися ему от отца, который получил их в свою очередь от Петра Ивановича. Помимо этих автографов Юрий Петрович владел еще четырьмя рисунками (Вяземский, Вяземская, автопортрет Пушкина, Веневитинов). Как мне рассказывала Надежда Степановна (вдова Юрия Петровича), последние четыре рисунка, наклеенные на одно паспарту под стеклом, известный собиратель и большой пройдоха Николай Николаевич Черногубов уговорил Юрия Петровича (или Петра Юрьевича?) променять на акварель Репина «Запорожец». Бартенев имел глупость пойти на это. А Черногубов продал рисунки Пушкина Илье Семеновичу Остроухову.

Часть наследства П. И. Бартенева — его библиотека и пятьдесят с чем-то томов переплетенных по годам писем к Бартеневу за 1850—1910 достались в специально устроенном для них шкафу дочери Петра Ивановича, старой девице Надежде Петровне. Наконец, старший сын Петра Ивановича, Сергей Петрович, по словам Надежды Петровны, захватил самочинно воза два-три книг (снял сливки) и наиболее ценные рукописи (автографы Пушкина, Жуковского и, вероятно, других писателей, дневники Петра Ивановича, его автобиографию, его записные книжки, письма к нему ранних лет, 40-х — 50-х годов, письма Александра I, Дашковой, С. Р. Воронцова и т. д. и т. д.). Надежда Петровна же рассказывала мне много позднее, что по разделу наследства Петра Ивановича она получила его Memorabilia — записи о членах семьи царствовавшего дома Романовых. Не рискуя хранить их у себя, она держала тетради с этими записями в железном сундуке, какой употреблялся для хранения провизии, т. е. с дырками в стенках (зеленого цвета), поставленном в сейфе банка, кажется, братьев Джамгаровых.

Когда в первые годы революции вскрывали сейфы, она почему-то пропустила свою очередь и о судьбе этого сундука ничего не знает. Через несколько лет после этого рассказа я, узнав, что председателем сейфовой комиссии был мой товарищ по ссылке Александр Ефремович Аксельрод, отправился к нему на прием. В это время он был, кажется, товарищ наркомфина. Когда я вошел в необыкновенно важный кабинет, я решил, что вышло какое-то недоразумение, так как в сидящем за огромным министерским столом бритом с круглым лицом человеке я не мог найти и отдаленного сходства с невзрачным человеком с рыжей редкой бородой, любимой темой которого были разговоры об его 17-ти болезнях. Большего изменения в человеке трудно себе представить. Он меня очень любезно принял, но ничего не мог сделать, потому что уже не помнил многих подробностей, да и лично не принимал непосредственного участия во вскрытии сейфов. Лица же, занимавшиеся этим, к этому времени разъехались по разным концам России. Единственное, что я узнал от него, это, во-первых, то, что все рукописи, находившиеся в сейфах, ими не уничтожались. Так, например, он помнит, что в сейфе Рахманинова оказалась большая пачка нот, которая была ими куда-то представлена. Во-вторых, Аксельрод сообщил мне, что содержимое сейфов (конечно, кроме ценностей) все было отправлено в «сохранную казну», куда он меня и направил (в Настасьинском переулке). Я ходил в эту казну, но нужного мне человека не увидал, а вторично не пошел.

Петра Ивановича Бартенева я живым не видал. Как-то мне предлагал Б. А. Садовской пойти к Бартеневу вместе, но я почему-то не пошел. Но был на одной

панихиде его в квартире, когда гроб стоял в его кабинете. Помню, на панихиде стоял рядом с губернатором Джунковским.

После того как Сергей Петрович уже сделал изъятие из библиотеки, Надежда Петровна, решив продать ее, предложила выбрать Бухгейму, что ему нужно. Лев Эдуардович в свою очередь пригласил меня с собой. Два дня в каком-то чаду я лазил по полкам и рылся в книгах. Был я в это время еще глуп и многого не ценил. Так, например, я очень мало взял книг по генеалогии, к которой в то время был довольно равнодушен. Нужно сказать, что библиотека Бартенева совсем не была так хороша, как можно было думать. Скупой до болезненности, он жалел денег на покупку книг, всегда предпочитая или получить их даром, или присвоить. Ведь это с ним был классический случай необыкновенной наглости с присвоением книги. Известный китаист Васильев имел неосторожность одолжить одну редчайшую книгу Бартеневу. Когда через несколько лет он попросил Бартенева вернуть ее, то тот заявил, что никогда этой книги не брал, да и не мог брать, так как у него у самого есть эта книга. Подковыляв к одному из книжных шкафов своей библиотеки, Бартенев достал эту книгу Васильева и, показывая ее ему, заявил грубым тоном: «Как же вы говорите, что это ваша книга, когда на ней мой экслибрис?»

Среди отобранных мною из библиотеки Бартенева книг нужно отметить экземпляр «Северных цветов», весь разорванный по страничкам, с следами пальцев наборщиков. Это экземпляр, по которому набиралось переиздание альманаха, сделанное Бартеневым в качестве приложения к «Русскому архиву». Что касается Льва Эдуардовича, то он в первую очередь отобрал себе все портреты, висевшие в кабинете Бартенева. Это первоклассное собрание редких и редчайших портретов до сих пор в полной сохранности находится у Льва Эдуардовича (Тютчев с подписью, Вяземский с подписью, А. О. Смирнова в гробу и др.).

Л. Э. Бухгейм

Лев Эдуардович поддерживал знакомство не только с Надеждой Петровной, но и с Сергеем Петровичем, который в первые годы революции предложил ему купить небольшую тетрадь в четвертку, сказав: «Ну вот, возьмите и это, тут что-то о Пушкине». Когда я пришел на пасхе (1917 или 1918 года) ко Льву Эдуардовичу, он мне, рассказывая о покупке у Бартенева, показал и эту тетрадь, с содержанием которой не то не успел ознакомиться, не то не смог прочесть спервоначалу не такой разборчивый

Д. Ф. Фикельмон.
Рис. Пушкина. 1829

Д. Ф. Фикельмон.
Акварель Т. Уинса

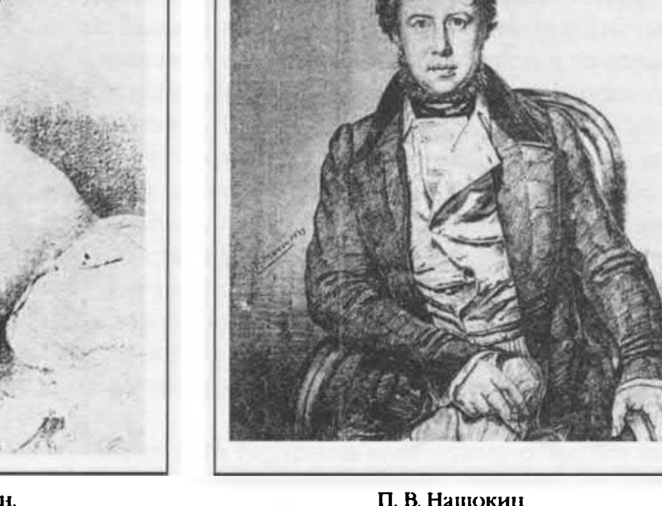
почерк Бартенева. С трепетом просматривая эту тетрадь, я наткнулся на рассказ о любовной сцене Пушкина с графиней Фикельмон, который тут же и прочел ему. Эту тетрадь, а также и том рукописей, на корешке которого рукой Петра Ивановича написано «Письма Пушкина» и содержащий в себе автограф Пушкина «Что есть журнал...» и преимущественно копии писем Пушкина, Лев Эдуардович передал мне, сказав: «Используйте все это, как хотите. А после издания этих рукописей передайте их от моего имени в Пушкинский Дом».

Бартеневскую запись рассказа Нащокина о Пушкине и графине Фикельмон я обработал в виде статьи, которую прежде всего прочел летом 1921 г. в Союзе писателей. Среди слушателей, помню, были: Эфрос, Гершензон, Дживелегов, Ю. И. Айхенвальд, Грифцов, Львов-Рогачевский, Борис Зайцев, Лидин и Сергей Бобров. Чтение (с купюрой одного слишком откровенного места) произвело сильное впечатление. Были оживленные прения, из которых наибольший интерес для меня представляло выступление Сергея Боброва, которого я впервые тогда увидел. Сергей Бобров хорошо знал Бартенева, был один из тех, которые признали правдоподобность рассказа Нащокина. Помню его выражение: «Такого рода комеражей был великий знаток Бартенев».

Вообще в прениях не высказывалось скептического отношения к рассказу Нащокина. Айхенвальд в частных разговорах осуждал меня за обнародование этого рассказа: «Что за страсть у Цявловского рыться, как судебному следователю, в письменных столах и извлекать оттуда всякого рода интимные документы». Зато Дживелегов, человек не слишком строгих нравов, очень заинтересовался выпущенным мною местом в записи Нащокина и в антракте просил сообщить ему. Когда я ему это прочел, то он многозначительно сказал: «Да, на мехе это очень хорошо бывает».

Д. Ф. Фикельмон.
Акварель И. Н. Эндера

П. В. Нащокин

Второй раз доклад о Пушкине и Фикельмон я сделал в Обществе друзей книги. На заседаниях этого Общества обычно все выслушивалось с большим вниманием и интересом, но интересных прений не бывало ввиду малой подготовленности членов Общества к специально литературным темам. Пиксанов, не бывший на докладе, но знавший о нем со слов своей жены, высказывал мне свое удивление — как я мог поверить чепухе, рассказанной Нащокиным. Особенно ему казался неправдоподобным рассказ о том, что Пушкин с Фикельмон вылили на себя все имевшиеся духи. «Подумайте, — восклицал этот знаток великосветского быта, — какая безвкусица делать смесь из разных духов», — на что покойный Адарюков, в качестве бывшего гвардейского офицера, заметил, что у великосветских дам принято иметь только одни духи. Но самым большим скептиком оказался В.Ф.Саводник, который, после выхода в свет книжки «Голоса минувшего» с моей статьей о Фикельмон, написал целый доклад о рассказе Нащокина, который и прочел в том же Обществе друзей книги. В день доклада, встретившись со мной в Румянцевском музее, он, считая, что доклад его совершенно сокрушает рассказ Нащокина и, следовательно, мой комментарий, счел нужным меня великодушно предупредить, что он в качестве научного исследователя, ищущего истину, принужден противоречить мне, но что он надеется, что наши личные отношения от этого не пострадают. Признаюсь, не только с интересом, но даже с некоторым волнением я пошел на этот доклад. Я очень жалею, что он не был напечатан. Работа Саводника представляет собою прекрасный образец псевдоученого глубокомыслия и очень ярко вскрывает представление его о Пушкине как о человеке. С моей точки зрения, Саводник представляет себе Пушкина в том каноническом учено-учебном виде, который замаринован официально-юбилейно-воспитатель-

но-елейной литературой. Это — Пушкин-монумент на Тверском бульваре. Вывод, к которому пришел Саводник, заключается в том, что «опустившийся и спившийся до психической невменяемости Нащокин, вероятно под впечатлением романов Поль де Кока, без всяких оснований взял да и нагородил про Пушкина совершенно невероятное происшествие». Невероятность Саводник доказывал весьма подробно — вот тут-то и было обнаружено все богатство псевдонаучной аргументации. Фразу за фразой разбирал бартеневскую запись исследователь. Всех его рассуждений я сейчас уже не могу припомнить, но вот, например, ту подробность, что Пушкин залез под диван, он считал верхом неправдоподобия. Потому что, утверждал он, Пушкин больше всего на свете боялся казаться смешным. Саводник не понимал такой элементарной истины, что бывают такие положения, когда не до своих убеждений и взглядов и вкусов. Невероятным ему представлялся и самый факт проникновения в квартиру посланника незамеченным. На это можно возразить очень просто. Запись Бартенева не представляет собой подробный и точный во всех мельчайших подробностях рассказ. Конечно, в нем, как и во всяком воспоминании, к тому же в изложении третьего лица, во-первых, ряд подробностей выпал, во-вторых, ряд подробностей более или менее искажен, неточен (так, например, можно сомневаться в сумме, будто бы данной Пушкиным камердинеру), в-третьих, наконец, кое-что, несомненно, и привнесено. В настоящее время, не имея, кроме записи Бартенева, никаких других данных об этом эпизоде, было бы совершенно бесплодным и наивным занятием добиваться восстановления полной картины всего того, что было в действительности. Между прочим, для вящего посрамления Нащокина Саводник привел на доклад свою сослуживицу по Румянцевскому музею (по отделу попол-

В. Ф. Саводник

нения) Г***, отец или мать которой, а может быть, дед знали Нащокина в последние годы его жизни. Эти самые Г*** рассказывали, что опустившийся, будто бы спившийся Нащокин, кажется в клубе, протягивал руку и просил: «Подайте...».

Иначе методологически «развивал» рассказ Нащокина Л. П. Гроссман в своей статье «Утаенная новелла Пушкина». Для этого щеголеватого французоподобного эссеиста (покойный Гершензон называл его «велосипедистом») запись Бартенева послужила материалом для создания тоже своего рода новеллы, а именно: Гроссман придумал, что Пушкин взял да и рассказал Нащокину никогда не бывшую с ним историю. Трудно сказать, кто из двух, Саводник или Гроссман, больше не понимает Пушкина. Чтобы утверждать то, что доказывает Гроссман, нужно не только безмерно опошлить Пушкина, но и совершенно не понимать характер взаимоотношений Пушкина и его друга Воиныча.

Иное дело Г. И. Чулков. В своей рецензии на книгу «Рассказы о Пушкине в записи Бартенева» по поводу записи Бартенева, что Пушкин с Нащокиным любили ходить в баню, чтобы там с глазу на глаз выговариваться, очень тонко заметил, что Пушкин в одно из подобных свиданий и рассказывал своему другу этот интимный эпизод.

Чтобы покончить с этим рассказом Нащокина, замечу, что Щеголев на мой вопрос, считает ли он правдоподобным этот рассказ, сказал, что ничего неправдоподобного в нем он не видит. От Щеголева же я узнал об обнаруженной Б. Л. Модзалевским в бумагах П. В. Анненкова записи: «Жаркая история с женой австрийского посланника». Со своей милой, лукавой улыбкой Щеголев говорил, имея в виду скептиков: «Ну какая же «жаркая история»? — Ну горячий спор о чем-нибудь».

Из контекста записи Анненкова точно бы следует, что сделал он ее со слов не Нащокина, а, может быть, со слов Плетнева. Для меня теперь несомненно, что карандашная помета на полях записи Бартенева, говорящая о том, что героиней эпизода была Фикельмон, сделана М. Н. Лонгиновым.

<7>

Как я уже сказал, Бухгейм купил (вернее, получил в придачу) у Сергея Петровича Бартенева две пушкинские тетради — одну, опубликованную мной полностью в книге «Рассказы о Пушкине...», и другую — на корешке которой рукою Бартенева написано: «Письма Пушкина». Эта последняя, до сих пор еще мною не опубликованная, представляет собою переплетенные в один том отдельные листки бумаги разного формата, на которых рукой Бартенева сняты копии с писем Пушкина, попадавших к Бартеневу, в то время не опубликованных. В числе этих копий оказались три, которые, то ли потому, что Бартенев не имел права их публиковать, то ли потому (что вероятнее), что он впоследствии забыл о них — и не опубликовал их. Это, во-первых, значительнейшее письмо Пушкина к родителям, извещающее их о его браке; во-вторых, остроумное письмо к Вяземскому и, в-третьих, записочка в несколько слов к Полторацкому. Эти три письма я опуб-

ликовал в «Голосе минувшего» (1920—1921). Подлинник первого я впоследствии увидал в замечательном собрании автографов, принадлежащем Голицыным. Автограф второго, кажется, в собрании Полторацкого, давно был в Румянцевском музее. Никому его не показывая, эта известная «собака на сене», Г. П. Георгиевский решил опубликовать в путеводителе Румянцевского музея, изданном в 1923 г. По своему великому невежеству Георгиевский не знал о моей публикации и опубликовал автограф как новость, приложив и снимок. Но, к несчастью Григория Петровича, копия Бартенева оказалась на редкость точной, и не только нового слова, но даже буквы новой не дает автограф. Четвертое письмо (к Е. Ф. Розену, на отдельном листке, вложенном в описанную тетрадь) было опубликовано мной в журнальчике «Культура театра» (1921, № 5). Дал я в этот журнал потому, что в это время служил в театральном отделе Наркомпроса, а этот журнал был органом Т. О. Номер этого журнальчика печатался, когда я жил уже в Смоленске, и корректуры моей заметки я не правил. Нельзя себе представить того безобразнейшего вида, в каком появилась эта моя заметка. Она положительно кишела ужасающими опечатками. Как сейчас вижу смущенное лицо милейшего покойного Н. Е. Эфроса, когда он меня впервые увидел после выхода в свет этой заметки. Я в свою очередь так был смущен его смущением, что не решился ничего сказать. Номер журнала с моей публикацией попал к Николаю Павловичу Сидорову, который незадолго до этого, в бытность свою в Рязани у Е. Е. Драшусовой, видел автограф этого письма. Николай Павлович снял точную копию с автографа и, когда сличил ее с моей публикацией, убедился, насколько последняя несовершенна.

Когда я печатал свою книгу «Письма Пушкина и к Пушкину» (1925), Николай Павлович любезно предоставил мне свой текст, по которому я и выправил копию Бартенева. Автограф письма Н. П. Сидоров видел в альбоме автографов, принадлежавшем Е. А. Карлгоф (рожд. Драшусовой). Через несколько лет этот альбом я видел у нувориша, довольно известного некоторое время собирателя книг по искусству Гернера <?>. В этом альбоме были автографы Крылова, Полевых, Иванчина-Писарева, точно бы Грибоедова. Но письма Пушкина в альбоме уже не было. Если не ошибаюсь, мне говорили, что лучшие автографы из этого альбома были изъяты и проданы отдельно, чуть ли не за границу. Я слыхал, что этот Гернер прогорел и, кажется, распродал свою библиотеку.

Кроме вышеописанных писем на листке почтовой бумаги, вложенном в тетрадь Бартенева, его рукой написан без заглавия и каких-либо пояснений текст нескольких куплетов ноэля Пушкина на лейб-гусарский полк. Я не сразу понял, что это такое, и только потом, по ряду соображений, пришел к бесспорному выводу, что это фрагменты совершенно неизвестного произведения Пушкина.

Как велик был мой восторг, которым я спешил поделиться в первую очередь с Андрюшей. Как сиял он! И странным образом до сих пор обстоятельная статья моя об этом произведении остается неопубликованной. Доклад о своем открытии я сделал в ГАХН'е*. Весьма одобрительно был встречен этот доклад всеми слушавшими специалистами, начиная с П. Н. Сакулина.

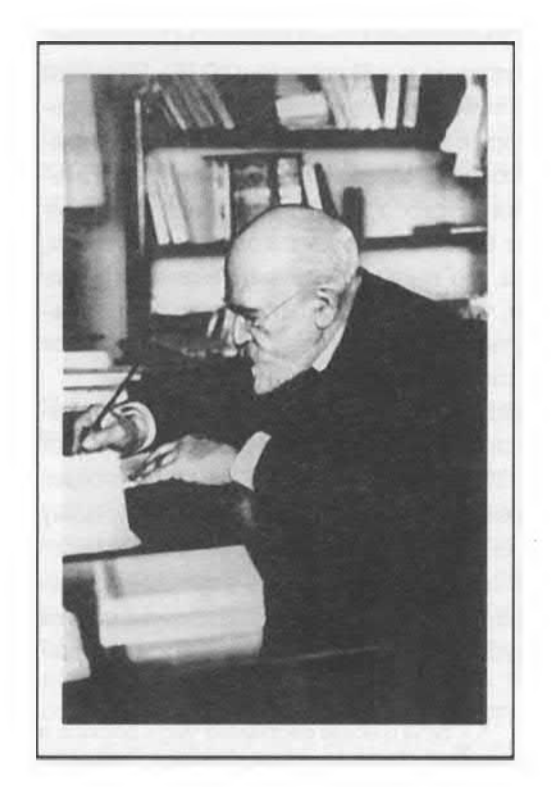
* Статья о ноэле составляла часть доклада, в который входила и статья «Гараль и Гальвина», о чем речь дальше.

<8>

В мою задачу не входит здесь давать характеристику Бартенева как пушкиниста. Это я надеюсь сделать в задуманной большой работе, вероятно в двух томах, «Бартенев о Пушкине». Скажу здесь то, что, по-видимому, не придется сказать в этой книге.

Бартенев не был ученым. Ни дара анализа, ни синтетических способностей у него не было. Его не только нельзя назвать историком, но даже, пожалуй, биографом он не стал, хотя последним он, конечно, мог бы быть не хуже многих других. Был он прежде всего и после всего «любителем старины», историком-дилетантом. То, что у ученого является «диссертациями», «исследованиями», вообще «трудами», у Бартенева был его «Русский архив», т. е. публикации огромного количества, разного рода и качества, материалов по истории русской культуры и литературы, преимущественно XIX века.

Работа по добыванию этих материалов, их отбор, комплектование книжек «Русского архива» и даже корректирование всех их (Бартенев отчасти по скупости, а отчасти и потому, что он многими годами так сжился с этой работой, что свел до минимума платную корректуру по журналу), поглощала все его время, все его силы. Но Бартенев был крупная индивидуальность. Выражаясь его языком, он был очень «своеобычен», и быть только публикатором он не мог. Отсюда происхождение этих весьма известных всем читателям «Русского архива» примечаний, подписанных всегда двумя буквами «П. Б.».

П. И. Бартенев. 1900-е

Эти примечания порой бывали острее и занимательнее того, что они комментировали. Вот как создатель жанра этих примечаний Бартенев и останется в истории русской науки. И нельзя сказать, что он разменялся в этих примечаниях, потому что, если бы он и писал нечто большее, чем примечания, оно, в сущности, было бы собранием примечаний. Не знаю, был ли он *последним* мастером анекдота, но что в покойном Петре Ивановиче мы имеем одного из самых крупных знатоков и собирателей русского исторического анекдота — это бесспорно. Теперь, когда я познакомился, можно сказать, полностью со всеми его писаниями, не только опубликованными, но и *неопубликованными* (об этом речь ниже), я могу сказать, что Бартенев дальше анекдота не шел.

Случилось так, что, может быть, самое значительное, что мог дать Бар-

тенев, — его автобиография — была им только начата. И можно с уверенностью сказать, что, напиши он ее, русская мемуарная литература украсилась бы первоклассным произведением.

Еще совсем не оценен превосходный стиль Бартенева. Образный, меткий, со вкусом архаичный, он очень оригинален, язык этого ученика славянофилов.

Как пушкинист Бартенев занимает особенное место в длинном ряду лиц, изучавших жизнь и творчество Пушкина. Особенность эта заключается в том, что Бартенев в течение более чем 50-ти лет собирал воспоминания и отдельные рассказы лиц, знавших Пушкина. По его собственному признанию, еще на студенческой скамье, в качестве слушателя Шевырева, Петр Иванович был зачарован личностью Пушкина и таким остался до конца своей жизни. Это было какое-то служение памяти великого поэта.

В начале своей научно-литературной деятельности он намеревался написать биографию Пушкина. Это было даже несколько ранее того, как к этому же делу приступил П. В. Анненков. На первых порах у них даже была распря на этой почве. Но из задуманной биографии были написаны лишь главы: «Род и детство Пушкина» (статья в «Отечественных записках» 1853 г.), «Лицей» (статьи в «Московских ведомостях» 1854 и 1855 гг.) и «Пушкин в южной России» («Русская речь» 1861 г.)*. Статьи эти чрезвычайно насыщены неопубликованными сведениями о Пушкине лиц, близко его знавших, как Соболевский, Плетнев, Нащокин, Чаадаев, О. С. Павлищева, Шевырев, В. П. Горчаков, Ек. Н. Орлова, в этом их неумаляемая временем ценность. Все дальнейшие писания Бартенева о Пушкине были того же жанра примечаний, о которых я говорил выше. Как публикатор материалов по Пушкину Бартенев занимает и всегда будет занимать первое место. Это совершенно бесспорное положение я высказал на моем докладе в Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности о бартеневской тетради копий писем Пушкина, о которой я говорил выше, и только невежда в этой области Пиксанов мог оспаривать, возражая, что, например, Б. Л. Модзалевский не менее, чем Бартенев, сделал публикаций о Пушкине. Пиксанов или не понял, что я хотел сказать, или действительно не знает, что такое Бартенев как пушкинист. Модзалевский и Бартенев — величины совершенно несоизмеримые в этом отношении. Борис Львович уже никого не застал из лиц, знавших Пушкина, а Бартенев из них знал, по моему подсчету, не менее пятидесяти. Бартенева можно сравнивать только с Анненковым, но последний, коего заслуги я менее, чем кто-либо, могу умалять, в упор занимался Пушкиным шесть лет (1851—1857), затем вернулся к нему в 1874 г. и в 1880-х годах, но эти возвраты все базировались на материалах 50-х годов.

Биографический материал в виде воспоминаний о Пушкине — вот область, в которой, повторяю, Бартенев — величина непревзойденная. Но уже как публикатор документов — Петр Иванович теперь нас, конечно, не удовлетворяет. В частности, публикации текстов Пушкина из тетрадей, ныне хранящихся в Ленинской библиотеке, не выдерживают даже снисходительной критики. Лица, знавшие Бартенева в последние годы его жизни, как, например, Николай Иванович Тютчев, относятся к нему довольно насмешливо за слабость Бартенева рассказывать разные пикантные истории о знаменитых людях. Конечно,

* Об этом см. статью Модзалевского об Анненкове в книге «Пушкин» и еще не опубликованный дневник Бартенева пятидесятых годов.

старик тут немало путал, порой прибавлял для красного словца, порой (вероятно, бессознательно), как человек определенных взглядов, искажал в угоду им. Но было бы чрезвычайно близоруко на основании впечатлений от этой эпохи старческого угасания судить о Бартеневе в целом.

Жадное любопытство к прошлому — вот что двигало Бартенева всю его жизнь. Бартенев — это «Русский архив», и «Русский архив» — это Бартенев. В этом служении (в конечном счете бескорыстном, потому что велику ли прибыль имел он от журнала) Бартенев был способен на нечто близкое к героизму. Я разумею факт, еще мало известный в печати, — предоставление Герцену «Записок Екатерины». Найдя список этих записок в архиве Воронцова, Бартенев привез его к Герцену в Лондон. Замечательно, что эти записки были изданы Герценом с анонимным предисловием, как мне удалось доказать, написанным Бартеневым. Нельзя себе представить впечатление, какое произвело это издание в России*, в особенности в семье Романовых, которые были скандализированы уже одним тем, что они оказывались Салтыковыми. Виновником всего этого грандиозного скандала был убежденнейший монархист!

Та же жадность к неопубликованному позволяла Бартеневу посягать на чужую собственность. Не помню кто, вероятно Садовской, рассказывал такой случай с Бартеневым. Приехав к какому-то важному барину в его подмосковную, Петр Иванович своими расспросами заставил его не только рассказывать семейные предания, но и показать какую-то заветную рукопись. Отправляясь спать в отведенную ему в мезонине дома комнату, Петр Иванович попросил гостеприимного хозяина дать ему рукопись почитать на сон грядущий, как говорится. Наутро просыпавшийся рано хозяин, выйдя прогуляться в сад, заметил свет в окне той комнаты, где спал Бартенев. Чуя что-то недоброе, он тихонько поднялся в мезонин, открыл дверь и увидел за письменным столом Бартенева, заканчивающего переписку полученной им рукописи.

Хозяин подошел к столу, молча взял свою рукопись и копию, сделанную Бартеневым, и унес их на глазах изумленного и тоже молчащего гостя.

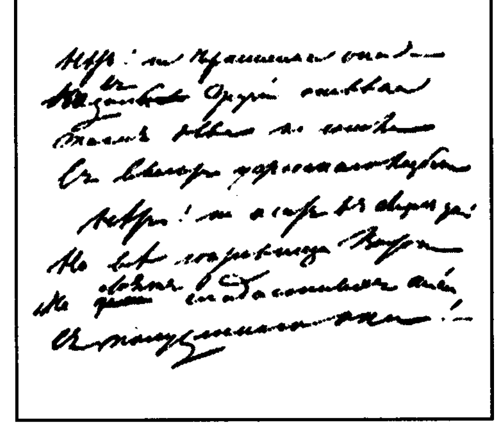
Спустя некоторое время Бартенев, как ни в чем не бывало, спустился к утреннему кофе, за которым ни слова не было сказано о происшедшем. Но, конечно, только в исключительных случаях Бартенева постигали такие неудачи. Вообще же было хорошо известно, что то, что к нему попало, обратно получить не легко. Г. П. Георгиевский рассказывал мне, что Бартенев ходил в скрывавшем костыль длиннополом сюртуке, в котором внизу был вшит огромный внутренний карман. В этот карман могли исчезнуть, да и исчезали, толстенные рукописи.

Скуп он был феноменально и гонораров за материалы и статьи, как правило, не платил. Владельцы фамильных архивов обычно считали ниже своего достоинства брать деньги за публикуемые Бартеневым материалы, а авторы статей или также не нуждались в гонораре, или, которые попроще, считали за честь печататься в «Русском архиве». Избалованный таким отношением и не нуждавшийся в материалах, которые шли к нему самотеком, Бартенев и не считал нужным тратиться на какие-то гонорары. Б. А. Садовской рассказывал мне, что за какую-то свою статью он неоднократно просил Бартенева что-нибудь упла-

* Об этом вспоминает Вл. Мих. Голицын в своих воспоминаниях, напечатанных в «Голосе минувшего».

тить. Тот, несколько раз отказав, наконец решил расплатиться. Достав из шкафа лист автографа Пушкина с текстом «Русалки», Бартенев взял длинные ножницы, отрезал ими три строчки и, подавая эту часть листа, сказал Борису: «Вот вам гонорар».

Эту операцию Бартенев сам в одном из писем к Брюсову сравнивал с делением мощей для антиминсов. Этот «антиминс» в рамке под стеклом вместе с автографом Фета висит у Бориса и теперь. Я не знаю, как попала к Бартеневу рукопись «Русалки», принадлежавшая А. С. Норову. Весьма вероятно, что не совсем праведными путями. Но вот что мне известно относительно других рукописей Пушкина, бывших у Бартенева. Листок с стихотворением «Зачем безвременную скуку...», другой листок с стихотворением, озаглавленным «Ответ X + Y» («Нет, не черкешенка она...»), и восемь рисунков Пушкина, смонтированных на два паспарту, принадлежавшие В. П. Зубкову, были подарены последним своему приятелю, декабристу П. И. Колошину. После его смерти все эти рукописи перешли к его сыну (приятелю Л. Н. Толстого), С. П. Колошину, пожертвовавшему их в 1866 г. в Чертковскую библиотеку, библиотекарем которой был в то время Петр Иванович. В напечатанном в «Русском архиве» за 1867 год самим Бартеневым отчете этой библиотеки значатся как поступившие в нее все эти рукописи. А между тем в каталоге Пушкинской выставки 1899 г. в пятой московской гимназии значится автограф «Зачем безвременную скуку...» как собственность Юрия Петровича Бартенева. Значит, Петр Иванович не только взял себе эти рукописи, оставляя пост библиотекаря, но и подарил их своему сыну. О дальнейшей судьбе их я уже рассказывал. Некоторыми пушкинскими автографами он, вероятно, уплатил жалованье, как своему секретарю, В. Я. Брюсову, к которому перешла и одна из пушкинских тетрадей, которая принадлежит в настоящее время мне.

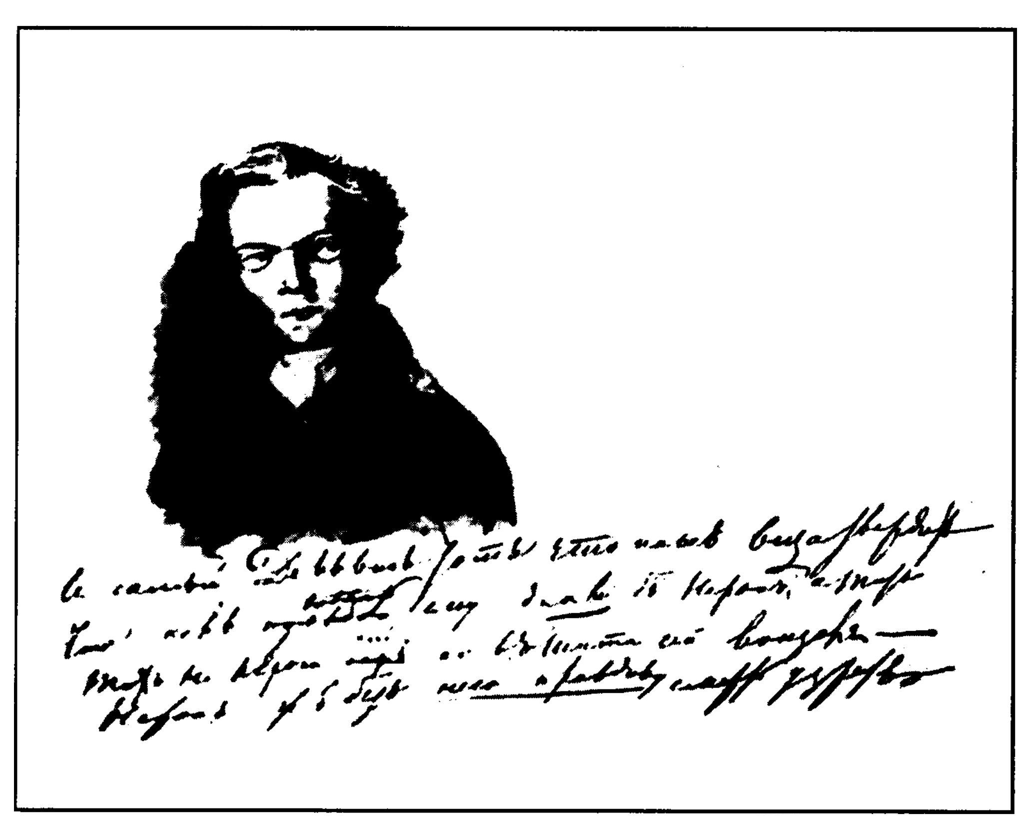
Автограф стихотворения Пушкина «Нет, не черкешенка она...»

Выше я говорил о давно задуманном мною труде — собрать воедино все писания Бартенева о Пушкине, а также и все о Пушкине, имеющееся в десятках писем разных лиц к Бартеневу. Все эти писания со вступительной моей статьей о Бартеневе как пушкинисте будут достойным памятником этому Нестору пушкиноведения.

<9>

Занимаясь исследованием о стихотворениях, приписывавшихся Пушкину, я пришел к заключению, что стихотворение «Гараль и Гальвина», опубликованное Гербелем как написанное Пушкиным, действительно ему принадлежит. Своим открытием я поделился с Гершензоном, Модзалевским и Щеголевым, которые совершенно со мной согласились. Откладывая из года в год публикацию моей

М. Л. Яковлев. Перерисовка автографа Пушкина и акварельный портрет Дельвига

статьи, я получил подтверждение моего мнения со стороны Б. В. Томашевского, сделавшего по моей просьбе анализ ритмики стихотворения и пришедшего к заключению, что это стихотворение написано Пушкиным в лицейский период его творчества. Но и это подтверждение Томашевского не побудило меня напечатать его, и я ограничился только докладом в ГАХН'е, о котором я уже говорил. Единственное упоминание в печати об этом докладе имеется в «Бюллетенях ГАХН'а». После этого, но не думаю, чтобы вследствие этого, Лернер в «Красной нови» (1927, № 9) напечатал статью, где доказывал принадлежность «Гараля и Гальвины» Пушкину. До публикации своей статьи Лернер на собрании сотрудников Пушкинского Дома делал об этом доклад, на котором Томашевский заявил, что он уже знает об этом открытии, сделанном Цявловским. Тем не менее Лернер не счел нужным упомянуть об этом обстоятельстве в своей статье. Впервые это стихотворение ввел я в «красновское» собрание сочинений Пушкина.

При тех же работах над стихотворениями, приписывавшимися Пушкину, я в архиве Исторического музея нашел любопытную запись Алексея Васильевича Орешникова о стихотворении «Се самый Дельвиг тот...». Я ее себе списал, и тем дело пока и ограничилось.

В первые годы революции на одном из заседаний Общества друзей книги, собиравшегося в это время в одной из зал бывшего Английского клуба (ныне Музей революции), если не ошибаюсь, Николай Васильевич Власов показал мне

любопытнейший автограф Пушкина, а именно: текст с поправками четверостишия «Се самый Дельвиг тот...», написанный под портретом Дельвига неизвестного мастера, исполненного сепией, чуть тронутой акварелью. Весьма заинтересовавшись этим автографом, я спросил Власова, желает ли владелец продать его, на что Власов мне ответил, что автограф этот точно бы не продается. Вероятно, уже после этого в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год» появилась статья Б. Л. Модзалевского, в которой он опубликовал текст этого стихотворения по копии, техника которой ему оставалась непонятной. Дело в том, что имеющаяся в ИРЛИ копия — не простой список, а точно бы через кальку сделанный дублет. Любопытно отметить, что, очевидно, такой же «дублет» я нашел в рукописном сборнике стихотворений Пушкина, поступившем в Исторический музей от Грековых.

Во времена ГАХН'а этот автограф опять всплыл. Теперь его принесла служившая в ГАХН'е Александра Викторовна Якунина, оказавшаяся племянницей владельца автографа, некоего Сергея Дмитриевича Иванова, проживающего в одном из Ростовских переулков на Плющихе. На этот раз я постарался, чтобы автограф не вышел из моих рук скоро, изучил его внимательно и сделал доклад в ГАХН'е с демонстрацией автографа. На доклад я пригласил всех лиц, более или менее знающих почерк Пушкина, в том числе Бахрушина, Эфроса и Георгиевского. Только последний безоговорочно признал почерк пушкинским, что же касается первых двух, к которым присоединился и Пиксанов, насколько мне известно, никогда не занимавшийся рукописями Пушкина, <они> отказались признать руку Пушкина, чем обнаружили незнание дела, о котором они так авторитетно судили. После доклада автограф вновь вышел из поля моего зрения, и в настоящее время я снова предпринимаю шаги, чтобы его приобрести.

<10>

В мае 1929 года пришедший ко мне Николай Петрович Чулков сообщил мне, что у одного его знакомого, фамилию которого он не может назвать, имеется автограф Пушкина — стихотворение «Всё в ней гармония, всё диво...». На это я ему сказал, что такого автографа мы не знали и что если у его знакомого действительно имеется такой автограф, то это прямо событие, тем более что по вопросу о том, кому посвящено стихотворение, существует ряд противоречивых мнений. На другой день Николай Петрович принес самый автограф. Вопрос о том, принадлежит ли почерк Пушкину, отпал, и только мой обычный скепсис заставлял меня предполагать, не является ли этот листок литографическим воспроизведением подлинника. О происхождении рукописи Николай Петрович рассказал весьма любопытную и во многом загадочную историю (она изложена в моей статье об этом автографе в «Московском пушкинисте», вып. II, 1930). К изложенному там нужно добавить только, что владелец — Николай Евстафьевич Скалон, скрывал он свою фамилию потому, что считал ее очень одиозной — его дядя (?) был Варшавским генерал-губернатором. Вообще, этот Скалон — человек необычайно запуганный. Когда он обнаружил в бумагах брата конверт с автографом Пушкина, то, прочтя надпись, он, испугавшись слова «графиня», ничего не придумал лучше, как уничтожить конверт.

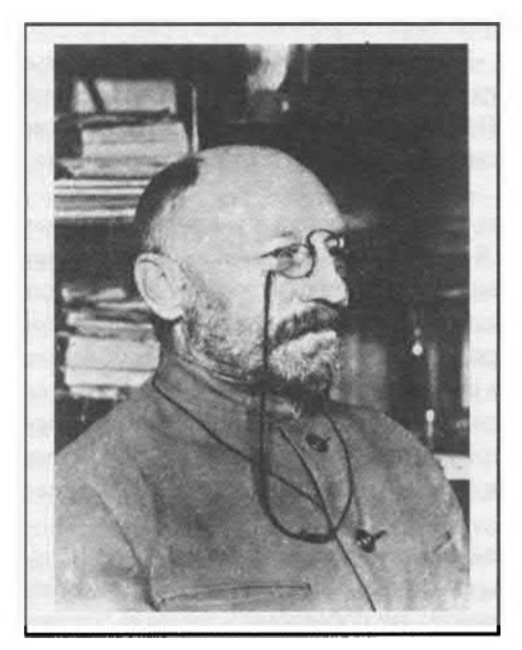
Написав об автографе статью, я решил на гонорар, полученный от нее, купить этот автограф у Скалона. Последний, при всей своей запуганности, запросил 250 рублей. Цена эта по тому времени была большая, а для меня совершенно недоступная. За свою статью я получил, вероятно, рублей 40. Но, не желая, чтобы и этот автограф скрылся из глаз, я предложил купить автограф Вересаеву, который охотно согласился на это. Я выговорил себе у Вересаева право купить у него автограф, «когда у меня будут деньги». Но этого, конечно, не будет. Нужно отметить одну подробность. Не желая «рисковать» 250 рублями, осторожнейший Викентий Викентьевич поставил условием покупки экспертизу почерка Г. П. Георгиевским (тогда Т. Г. Зенгер еще неизвестна была как крупный авторитет в деле определения почерка Пушкина). Я, конечно, на это согласился, и Георгиевский без всяких колебаний признал почерк за пушкинский. Для меня эта экспертиза была уже совершенно излишня, так как до этого я устроил у себя вечер в честь этого автографа. Приглашенные специалисты определили, что это несомненная рукопись, а не литография, так как при известном освещении штрихи дают блестки, получающиеся в чернилах, чего не бывает с литографской краской.

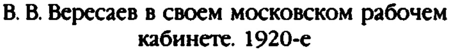
Кстати о Вересаеве-пушкинисте. Таковым он сделался совсем недавно на моих глазах. Не помню, как я с ним познакомился, но помню, как он пришел ко мне, прося указаний в области воспоминаний о Пушкине. По его словам, он решил прочесть все мемуары о Пушкине. К этому времени у меня уже имелась картотека таковых. Я ее ему и предоставил. Пользуясь ею, он стал систематически у меня брать книги, между прочим, перебрал весь «Исторический вестник». В результате этого чтения, как он сам рассказывает в предисловии к первому изданию своей книги «Пушкин в жизни», получился этот труд.

Придя как-то ко мне, Вересаев не без заметного смущения «признался» мне, что он выпускает книгу, явившуюся результатом штудирования моей картотеки и чтения взятых у меня книг. Нужно сказать, что до этого я неоднократно говорил Викентию Викентьевичу о своем плане издания полного собрания мемуаров о Пушкине с моим предисловием и комментариями.

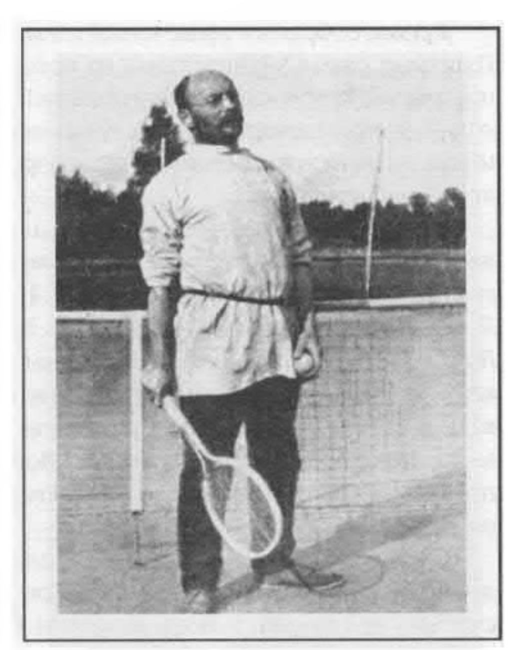
По выходе в свет первого выпуска «Пушкина в жизни» Викентий Викентьевич утешал меня, что его книга ни в какой мере не помешает перепечатыванию мемуаров о Пушкине не в выдержках, а полностью. Но, конечно, это неверно. Его книга преградила путь задуманным мною книгам. «Стряпня» Вересаева («окрошка а-ля Вересаев», по выражению злого Лернера) имела огромный успех, и пять изданий одно за другим вышло в течение шести лет с 1926 по 1932, дав удачливому «исследователю» десятки тысяч. Насколько он удачлив, говорит, например, такой факт: последнюю часть первого издания «Пушкина в жизни» (извлечение о преддуэльной истории, дуэли и смерти Пушкина) Викентий Викентьевич отдал в «Красную новь» А. К. Воронскому, который заплатил за эти сплошные цитаты без каких-либо комментариев по 400 рублей с листа, гонорар, в то время совершенно необыкновенный и объяснявшийся милейшим Александром Константиновичем тем, что, по его словам, извлечения, сделанные Вересаевым, «читаются, как роман». Мне кажется, этот случай единственный в истории не только пушкиноведения, но и русской науки.

Среди специалистов и читателей, так сказать, первого ранга труд Вересаева не пользуется хорошей репутацией, но в так называемых широких читательс-

В. В. Вересаев в своем московском рабочем кабинете. 1920-е

В. В. Вересаев. 1921

ких кругах книги Вересаева играют огромную роль, являясь своего рода настольной энциклопедией по Пушкину. В настоящее время (ноябрь 1932 г.), после выхода в свет в июле этого (1932) года пятого издания, Викентий Викентьевич готовит уже шестое, которое, надо думать, выйдет в 1933 г. Итак, шесть изданий в течение <8> лет, в общей сложности в количестве <...> экземпляров — факт, тоже не имеющий себе подобного в истории русской литературы.

Первые четыре издания мало чем отличаются друг от друга. Самое существенное, пожалуй, это то, что по моим настояниям Викентий Викентьевич обозначил звездочкой воспоминания, которые нужно признать или явно вымышленными, или весьма далекими от исторической действительности. Введение этих мемуаров — большая ошибка составителя, который, я думаю (да простит мне будущая тень Викентия Викентьевича Вересаева), не исключает эти лживые мемуары, не желая уменьшить свой гонорар. Отличием пятого издания от предшествующих являются включенные в книгу портреты. Список лиц, портреты которых собирался дать в книге Вересаев, он как-то принес к нам на просмотр и утверждение, признаваясь в своем полном невежестве в области иконографии. Татьяна Григорьевна, имея списки портретов лиц, близких Пушкину, в Эрмитаже и Пушкинском Доме, указала ему те, что, по ее мнению, нужно было бы поместить в книгу; посоветовалась с братом, служащим в Эрмитаже, и все указанные ею портреты были помещены. Но и выбор всех остальных портретов в конечном счете был сделан нами. Полученные из ИРЛИ фотографии без подписи были принесены Вересаевым нам же на предмет атрибуций. Наконец, даже одна из корректур портретов была прислана нам. За все это мы получили экземпляр книги Вересаева с теплой сердечной надписью, говорящей о благодарности за оказанную ему помощь (без указания о ней в предисловии).

Кроме собрания извлечений из мемуаров Вересаевым написан ряд статей о Пушкине, самая значительная из которых «В двух планах». Развиваемое в статье положение о полной разобщенности Пушкина-человека и Пушкина-поэта, с моей точки зрения, совершенно неприемлемо. Помимо всего прочего это положение никак не вяжется с общим мировоззрением Вересаева, до мозга костей позитивиста-материалиста.

Викентию Викентьевичу принадлежит мысль — в тесном кругу знакомых вместе читать «темные места» у Пушкина. Я поддержал сделанное им предложение, в кружок были приглашены Г. И. Чулков, Ю. Н. Верховский, И. А. Новиков, Л. П. Гроссман, В. В. Лужский и Л. М. Леонидов. Последний очень скоро отстал, Лужский скончался, между Чулковым и Гроссманом произошло столкновение, из-за которого Чулков перестал ходить, а потом (в 1931 г.) отказался участвовать в чтениях и Гроссман. Прочитав несколько стихотворений (из них я помню «За Netty сердцем я летаю...» и «Мороз и солнце — день чудесный...»), по моему предложению перешли к чтению «Евгения Онегина». Чтения эти продолжались по весну 1932 года.

Первое время собирались мы более или менее регулярно, каждые две недели, сначала у Вересаева, Чулкова, Гроссмана, Новикова и Лужского. Потом несколько раз у меня. У Верховского и Леонидова не собирались ни разу. Чтения эти, обычно заканчивавшиеся ужином, были весьма интересны, и мы с увлечением ими занимались. Первое время вели протоколы, которые должны быть у Вересаева и Новикова. Был даже план издать отдельной книгой, где в диалогической форме изложить все наши толкования прочитанных строф. Читали очень медленно и прочли всего лишь I, II, III и половину IV главы. Во время этих чтений полностью вскрылись те противоречия во взглядах на Пушкина, которые оказались у главных участников. Чулков видит в Пушкине не только человека глубоко религиозного, но и христианина (православного). К этому взгляду примыкает несколько и Верховский. Атеиста в Пушкине видят Вересаев и Гроссман. Много было споров на тему об отношении Пушкина к любви и к женщине. И в этом вопросе Вересаев и Гроссман были согласны в том, что Пушкин не был способен к истинной любви и что таковой в своей поэзии не изобразил. Что касается до комментариев к отдельным местам «Онегина», то в этой области всеми участниками было высказано немало остроумного и нового, которое, будь оно издано, вызвало бы несомненный интерес.

<11>

Леонид Петрович Гроссман, сын одесского врача, появился в Москве в начале 1920-х гг. Кажется, впервые он выступил здесь на заседании Общества любителей российской словесности в память столетия со дня рождения Достоевского. Я был на этом заседании и помню, какое это было блестящее выступление. Присущая Леониду Петровичу элоквентность была здесь вполне уместна. Органически неспособный на кропотливую работу по архивным документам и поэтому очень слабый как текстолог, Леонид Петрович, вероятно, и как профессор не представляет большой величины. Это, конечно, не его призвание. Он талантли-

вый журналист и был бы, вероятно, незаурядным фельетонистом. К сожалению, он пишет стихи и, что совсем уже печально, романы. Прожив сколько-то времени в Париже, Гроссман влюбился во французскую культуру и является, может быть, самым ярким представителем одесской галломании. Пышная фраза — конек Гроссмана. Его писания невозможно долго читать, эти словесные фейерверки просто утомляют. В лучшем случае его этюды-эссе интересны постановкой вопросов, но не их разрешением. Он скользит по проблемам, не забирая их глубоко. Для художественного творчества у него нет данных, и, к сожалению, он не чувствует этого. Его первый роман — «Записки д'Аршиака» — имел, имеет и, конечно, будет иметь успех в широких читательских массах. Отмеченная мною галломания здесь царит вовсю. Большая вещь написана с точки зрения француза, и, нужно отдать справедливость, эта точка зрения проведена весьма последовательно и ярко.

Л. П. Гроссман

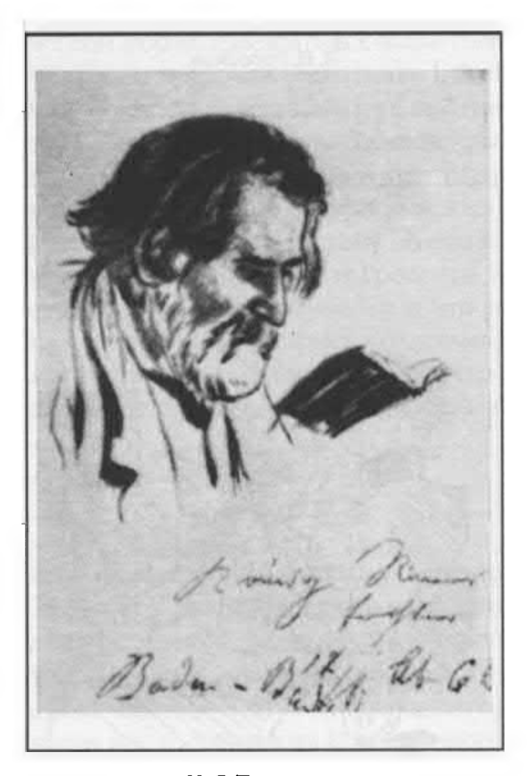
Иллюстрации Н. В. Кузьмина
к книге Л. П. Гроссмана «Записки д'Аршиака»

Легко допустить, что действительный д'Аршиак мог бы написать нечто очень похожее на то, что написал Гроссман. Но боже! Какая это огромная, великолепная «развесистая клюква», и клюква эта не только в том, что среди придворных чинов наряду с камер-юнкерами и гофмейстерами фигурируют и камер-фурьеры и т. п., но в самой характеристике персонажей романа, начиная с самого Пушкина. Как это часто бывает, при чтении Гроссманом (на одном из «онегинских» наших вечеров) отрывков романа все, о чем я сейчас пишу, не так как-то бросалось в глаза; и все стало разительно нестерпимым при чтении напечатанного романа.

Уже совершенно невозможен его роман о Достоевском. За всем тем этюды о Пушкине по многим частностям ценны.

После одного из докладов о Пушкине в ГАХН'е — «Искусство анекдота Пушкина» — я в прениях прямо заявил Леониду Петровичу, что в его понимании — Пушкин совсем не русский человек и что как для лицеистов Пушкин был «французом», таковым он является и для Гроссмана. Нисколько не обидевшись, Леонид Петрович в ответном слове признал справедливость моего утверждения.

Как иностранец в литературоведении, Гроссман поразительно слаб в русском языке. С ним случился такой анекдот: летом 1925 (?) г. я жил с ним в Узком, и вот раз за утренним чаем он, похлопывая по плечу свою жену, во всеуслышание сказал: «Ах ты, ягодица моя», считая, очевидно, это слово уменьшительным от ягоды. По уверению И. А. Новикова, в романе «Рулеттенбург» есть фраза: «Доносились звуки музыки из увеселительных садов и огородов». Это написано явно под влиянием начальных слов народной песни «Во саду ли, в огороде девица гуляла...».

И. С. Тургенев.
Рис. Людвига Пича. 1868

А примером легкомыслия Гроссмана как ученого может служить его утверждение (в предисловии к Письмам Тургенева к Пичу), что Клоди, дочь Виардо, была у нее от Тургенева. Это утверждение сделано на основании слов Тургенева в одном из писем, где он эту Клоди действительно называет «meine Tochterhen». На вопрос же М. М. Клевенского, обращенный к Гроссману, полюбопытствовал ли он узнать, когда родилась эта Диди и был ли Тургенев с Виардо в одном городе к моменту ее зачатия, — Леонид Петрович наивно ответил, что такой справки он не делал. Дело-то в том, что зачатие этой Диди произошло в то время, когда Полина Виардо была во Франции, а Тургенев в России.

Кстати о Тургеневе и Виардо.

В рукописном отделении Толстовского музея хранятся письма Тургенева к В. П. Боткину (они приобретены при моем посредстве у племянника драматурга Виктора Александровича Крылова, бывшего в молодости секретарем В. П. Боткина). Все эти письма опубликованы в книге «В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869...». М.; Л., 1930. Но одно письмо осталось неопубликованным, и опубликовывать его действительно трудно (при публикации Н. Л. Бродский не поставил № даже, чтобы о нем не знали). В нем Тургенев, не стесняясь никакими подробностями, описывает свою болезнь (сильно запущенная гонорреея), и это описание является ключом к объяснению той пассивности в отношениях Тургенева к Полине Виардо во второй половине пятидесятых годов, в самый разгар любовной страсти, которой был объят писатель к гениальной певице. Таким образом, «ларчик просто открывается», а между тем, не зная этого документа, какую сентиментально-романтическую белиберду наворотил И. М. Гревс о Тургеневе и Виардо в своей книге («История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо». М., 1927). Впрочем, вероятно, если бы Гревс и знал этот документ, он не отказался бы от своей приторно-сахарной концепции. Этим я, конечно, не хочу сказать, что во всей длинной и сложной истории взаимоотношений Тургенева с Виардо все дело в триппере.

<12>

Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — импозантная фигура в пушкиноведении. Он, конечно, будет сопричислен к его классикам.

Сын крестьянина Воронежской губернии, Павел Елисеевич по окончании воронежской гимназии поступил сначала на факультет восточных языков, а потом на историко-филологический Петербургского университета. Первоначально он занимался древнерусской литературой, но скоро перешел на новую. Как пушкинист он впервые выступил с рецензиями в «Историческом вестнике». В этих рецензиях он весьма почтителен по отношению к П. А. Ефремову, который, видимо, в известной мере был его учителем в пушкиноведении. Впоследствии он дал уничтожающую и вместе с тем совершенно справедливую характеристику своего учителя как ученого*.

Великий мастер очаровывать, он очень понравился своему земляку, тоже воронежцу, и тоже почти крестьянину (сын однодворца), и тоже талантливому, А. С. Суворину. Вообще мне эти два человека при всей разнице их социально-политической значимости представляются сделанными во многом из одного теста. Пленившийся Щеголевым, постоянно чем-либо увлекавшийся Суворин решил, что Щеголев будет автором той книги, которая, по мнению пушкинианца Суворина, необходимо нужна русской культуре — «Биографии Пушкина».

Павел Елисеевич хорошо использовал возлагавшиеся Сувориным на него надежды как на пушкиниста. В рукописном отделении Публичной библиотеки, где хранится архив Суворина, Юлиан Григорьевич Оксман читал письма Щеголева, в которых последний уверяет, что том или часть тома биографии Пушкина им уже написана, и просит аванса

* См.: *Щеголев П.* Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 175.

под вторую часть или под второй том. Перебрав, вероятно, какие-нибудь тысячи (по тому времени — это, конечно, крупный гонорар), Павел Елисеевич, ни строчки не написав из биографии Пушкина, расстался с Сувориным, не желая иметь с ним дела как с реакционером.

Гершензон мне рассказывал о том, как он впервые познакомился с Щеголевым. Дело было в кабинете Ивана Дмитриевича Сытина, в то время затевавшего большое подписное «роскошное» издание, посвященное декабристам (по типу выпущенных Сытиным изданий «Отечественная война» и «Великая реформа»). В этом издании главным редактором должен был быть Щеголев. В качестве такового он у Сытина и был. «Надо было видеть, — рассказывал Гершензон, — с какой почтительностью и даже подобострастием стояли около необыкновенно важно сидевшего Щеголева сам всемогущий Иван Дмитриевич, глава самого крупного издательства в России, и его служащий, представлявший Щеголеву пробные оттиски иллюстраций, и с каким видом непререкаемого авторитета Павел Елисеевич рассматривал эти оттиски, откидывая в одну сторону годящиеся и в другую, по его мнению, негодящиеся». «Вот человек, — подумал Гершензон, — который умеет так пускать пыль в глаза».

Я с своей стороны могу к этому прибавить следующий случай.

Незадолго до своей смерти Павел Елисеевич некоторое время был председателем Всероссийского общества драматических писателей и композиторов (в Ленинграде) и в качестве такового довольно часто за счет Общества приезжал в Москву, останавливаясь в Большой Московской гостинице. В одну из таких поездок приехал он с каким-то третьестепенным драматургом, грузином, коммунистом, членом совета Общества. Во время обеда со мною в общем зале, подошел к нам этот грузин, и в разговоре с ним Щеголев, не моргнув глазом, как бы мимоходом, но вместе с тем многозначительно сказал, что он только что «из Кремля». По уходе грузина я наивно спросил Щеголева: «Разве вы были сегодня в Кремле?» — «Конечно, не был, но пускай он думает, что я запросто бываю в Кремле. Мне это нужно».

Крупное имя как пушкиниста создал себе Павел Елисеевич исследованием «Утаенная любовь Пушкина» (название второго издания). Хорошо зная Щеголева, я позволяю себе с уверенностью утверждать, что едва ли бы была написана эта работа, если бы он не сидел в тюрьме. Сидел он в доме предварительного заключения по делу о «Былом». С «преступниками» этой категории царское правительство обходилось весьма мягко. О том, какой был режим в этой тюрьме во время сидения там Щеголева, свидетельствует рассказ мне В. Д. Бонч-Бруевича (после смерти Щеголева), сидевшего одновременно с ним. По словам Бонч-Бруевича, Щеголев был старостой политических заключенных, и в его ведении между прочим, находилось питание их. Камера Бонч-Бруевича была рядом с камерой Павла Елисеевича, и Владимир Дмитриевич ежевечерне слушал, как Чичиков у Петуха, подробный заказ Щеголева приходившему к нему вахмистру меню на завтра. С огромным знанием дела, смакуя все подробности приготовления, Щеголев пространно объяснял, как нужно приготовить то или иное блюдо.

Не менее богато Щеголев был обставлен и относительно пищи духовной. По ходатайству Шахматова у президента Академии наук в. к. Константина Константиновича Павлу Елисеевичу в камеру доставлялись не только все нужные ему

книги из библиотеки Академии наук, но фотографии с рукописей Пушкина из собрания С. А. Венгерова.

На этот раз Щеголев не обманул лиц, для него старавшихся. В тюрьме им была написана работа, в то время представлявшая собою высшую точку развития пушкиноведения. Помню, с каким восторгом читал я ее в издании «Пушкин и его современники». Теперь я нахожу, что статья во многом испорчена полемикой с Гершензоном и Лернером. Методологически работа Щеголева очень ценна. Библиографическая насыщенность в части, посвященной Голицыной, изучение рукописей и с точки зрения текста черновиков, и с точки зрения их датировки, и, наконец, установление связи вычитываемых текстов с биографией — все это было сделано впервые в литературе о Пушкине, широко, глубоко, со знанием и вкусом.

Но что же сказать о конечном выводе всей этой искусно построенной композиции? Можно ли считать теперь бесспорно установленным факт, что утаенной любовью Пушкина была Мария Николаевна Волконская? За неимением данных, опорочивающих эту гипотезу, я ее и теперь принимаю, но я не могу утверждать, что этого мнения придерживаются все компетентные пушкинисты.

В моей рецензии на книжку Щеголева я, между прочим, возражал против положения Павла Елисеевича, что будто бы не важно знать, кто был автором анонимного пасквиля на Пушкина, и утверждал, что, напротив, обязанность биографа поставить этот вопрос. Вообще же я максимально хвалил эту работу Павла Елисеевича. Для своего времени она, конечно, была очень значительна и важна. Читали ее, читают и будут читать не только специалисты. Вот одно из многочисленных свидетельств о впечатлении, которое производила эта книга на читателей. Мой приятель рассказывал мне, что известный адвокат Гордлевский признавался ему, что, читая эту книгу, он плакал.

Пушкинская конференция. Ленинград, 1933
1-й ряд (сидят): М. А. Цявловский, А. С. Орлов, Ю. Г. Оксман, Т. Г. Цявловская, Ф. Ф. Канаев, Н. К. Пиксанов, Д. С. Нестеров;
2-й ряд: А. М. Эфрос, Д. П. Якубович, В. В. Гиппиус, Д. Д. Благой, Л. Б. Модзалевский, М. К. Азадовский, Н. С. Ашукин, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Н. К. Гудзий, В. В. Буш;
3-й ряд: С. А. Переселенков, Н. К. Козмин, В. А. Мануйлов, Б. В. Казанский, М. П. Алексеев, Н. В. Яковлев, Ю. Н. Тынянов

М. А. Цявловский
Т. Г. Цявловская

ВОКРУГ ПУШКИНА: ДНЕВНИК

1925.I.1.

Был Н. Ф. Бельчиков, рассказывал о своих находках в архиве Шереметевых, в бумагах кн. Вяземских и Соболевского. Там, как можно вывести из слов Бельчикова, немало копий пушкинских вещей, порой весьма интересных. Есть список «Деревни» писарской точно бы руки, где стих «И рабство, падшее по манию царя» читается совсем иначе, как именно, Бельчиков не сказал, но вероятно так же, как я слыхал от кого-то (точно бы Ив. Вас. Голубева, учителя в Кинешме) и не записал, а теперь забыл. Помню только смысл — весьма радикальный, что-то о повергнутом троне. В шереметевском писарском списке к этому стиху кн. П. А. Вяземским сделана сноска, в которой он дает обычное чтение, и поэтому, как весьма правдоподобно предполагает Бельчиков, весьма возможно, что это обычное чтение есть вариант *Вяземского, а не Пушкина.* Это — огромного значения открытие! Сколько было наговорено и написано об этом «рабстве, павшем по манию царя». Вспоминаю, с какой кислотой в уме и сердце цитировали эту строку Пушкина большевики на Пушкинских торжествах осенью 1924 г. в Михайловском (вернее, в Святых Горах). Лично и меня она всегда коробила, и вот оказывается, у Пушкина-то ее и не было!

Об этом Бельчиков уже где-то собирается напечатать. Печатает он и похабную пустяковину «Знать хотите ль, господа», которую я знаю по сборнику Полторацкого—Лонгинова (в Рум.<янцевском> Музее) лет 10 и которую не решался печатать из-за похабства. В подлинности ее я не

сомневаюсь. Что-то скажут старые девы Саводник и Пиксанов?

Третьего дня засел за переработку для печати доклада о ноеле на лейб-гусарский полк.

*

1925.X.16.

Переработки не кончил. Возил бумаги в Узкое, дом отдыха для ученых под Москвой, но и там ничего не сделал. В Узком познакомился с Верой Анатолиевной Константинович, рожд. Пушкиной, внучкой брата Пушкина Льва Сергеевича. Изумительно похожа лицом — овал, нос, волосы (седые), которые она носит точно так же, как Над. Осип. Пушкина (на миниатюре Ксавье де Местра) — на мать поэта, т.е. свою прабабушку. Муж В—ры А—вны, по ее словам, приятель Б. Л. Модзалевского, зыведывал домом отдыха в Узком до 192<4>, когда умер. После его смерти В—ра А—вна назначена заведующей общежитием для престарелых литераторов и революционеров в Неопалимовском пер. Она приглашала меня к себе. Ее нужно сфотографировать. У нее есть печать с гербом Пушкиных и рисунок Лермонтова, бывшего приятелем Льва Сергеевича Пушкина. Рисунок этот она давала Бор. Мих. Зубакину для воспроизведения в журнальчике. (Я видел это воспроизведение.) От В—ры А—вны узнал я, что у Ник. Ив. и Ол. Серг. Павлищевых кроме сына Льва была еще дочь, у которой были дети.

В Узком в одной комнате со мной жил Виктор Болеславович Арендт, сын лейб-медика <Н. Ф.> Арендта, лечившего Пушкина во время его предсмертной болезни. Этому Арендту теперь 81 год. Это — высокий, красивый, с большой белой бородой старик, танцующий мазурку и ухаживающий за дамами. Он участник польского восстания 1863 г., Парижской Коммуны 1871 г., Турецкой кампании 1877—78 гг., кажется, Японской войны 1904 г. и мировой 1914—1918 гг. Хотя его отец умер в 185<9> г., а он родился в 1844 г. и таким образом мог бы многое знать о болезни Пушкина от отца, ничего он мне об этом не мог рассказать. О восстании 1863 г. он написал мемуары, отрывки из которых читал в Узком и которые, может быть, напечатаем в «Записях прошлого».

На вечере в Узком 4 октября сделал я краткое сообщение о стих. «Гараль и Гальвина».ю и по этому поводу один из живших в Узком, Вячеслав Вячеславович Елагин, сказал мне, что у него есть старинная тетрадь с нецензурными стихами Пушкина, которую он обещал мне показать.

Жила в Узком Елена Ник. Каменева, оказавшаяся автором статьи о Пушкине, напечатанной в специальном медицинском журнале. Об этой статье я говорил в своей речи о пушкиниане в 1924—25 г. 6 июня этого года, считая автором статьи Камене*ва*, врача, лечившего Марью Львовну Нейкирх (дочь Льва Сергеевича Пушкина). Оказывается, это ее отец. Она обещала дать мне оттиск ее статьи (довольно слабой). Говорил с ней об ее статье. Литературы о Пушкине она, конечно, не знает и не знает, что не знает, что хуже простого незнания. Девица она некрасивая.

На воскресенье 18 октября по календарному расписанию заседаний Об<щест>ва Люб.<ителей> Росс.<ийской> Слов.<есности>, составленному П. Н. Сакулиным, вообще на своих плечах несущим всю работу по Обществу, назначено первое заседание Пушкинской комиссии, а у нас ничего нет для докладов. 14-го утром было у Пиксанова заседание президиума комиссии. Фатов отказывается быть секретарем, находя себя достаточно солидным для несения обязанностей по писанию и рассылке повесток и т. п. Я весьма склонен был не упрашивать его оставаться, ибо хамство и холуйство его за последнее время вышло из всех берегов приличия, но дружащий с ним Пиксанов предложил избрать в помощь Н. Н—чу Веру Степ.

Нечаеву, о чем, оказывается, говорил уже ей Фатов и что она приняла с великой радостью. Мне, конечно, ничего не оставалось делать, как согласиться с этой комбинацией. Стóящих докладов на воскресенье у нас не оказалось, и мне придется выступать с «Новыми материалами по Пушкину», под чем нужно разуметь тетрадь Бартенева с текстами писем и произведений, о которой я говорю во вступительной заметке к письмам Пушкина в «Голосе Минувшего» 1920—21 г., и запись петрашевца Толля рассказов кн. Е. А. Долгоруковой, рожд. Малиновской (у меня есть ее фотографическая карточка, подаренная мне Ив. Павл. Малиновским, внуком товарища Пушкина по Лицею Ивана Вас. Малиновского. Кн. Е. А. Долгорукова — двоюродная сестра его деда). Тетрадка с записями Толля рассказов декабристов и кн. Е. А. Долгоруковой нашлась в архиве Евг. Евг. Якушкина, внука декабриста, и войдет в состав книги «Из архива Якушкина», которая будет издана как выпуск «Записей прошлого». В записи Толля есть то, что записал от княгини в те же самые годы, что и Толль, П. И. Бартенев, но есть и то, чего нет у Бартенева (см. мою книгу «Рассказы о Пушкине его друзей, записанные Бартеневым»). Самое значительное из записанного Толлем то, что Пушкин перед смертью просил Долгорукову съездить к Дантесу и сказать ему, что он (Пушкин) его прощает.

Замечателен был разговор наш у Пиксанова относительно 2-го сборника Пушкинской комиссии «Пушкин». Пиксанов, теперь, закусив удила, мчащийся по пути марксизма, все с большей и большей горячностью настаивает на статьях социологически-марксистского содержания, каковых нет и не предвидится, если не считать пресловутого доклада самого Пиксанова весной этого года в комиссии. Относительно транскрипции рукописей Пушкина Пиксанов говорит уже, что это дело несвоевременно. Вон куда уже его занесло! То ли еще будет! Даже Фатов ему возражал! На Пиксанове явно сказывается близость его к Луначарскому, у которого он, кажется, бывает, к своему великому счастью и удовольствию, запросто. Этот же Пиксанов устраивает 50-тилетний юбилей Луначарского, выставку его книг, составляет книжку «Библиография трудов Луначарского». Вообще старается вовсю.

Был у меня на днях Мих. Павл. Алексеев из Одессы, приехавший на несколько дней в Москву продавать чохом весь завод пушкинского сборника, изданного главным образом его старанием в Одессе. Рассказывал он о своей работе «П.<ушкин> и Е. К. Воронцова». В результате его разысканий выходит, что никакого серьезного романа у них не было и что легенду об этом пустил Бартенев. В архивах Одессы Алексеев нашел ряд дат по хронологии пребывания (дни приезда и отъезда) Воронцовых в Одессе, колеблющих аттрибуцию Воронцовой стихотворений Пушкина. Работу Алексеева я хочу печатать во 2-м томе «Пушкинского Ежегодника», если таковой будет. До сих пор Витязев, кажется, не сдал в набор первого тома!

Получил письмо от Томашевского. С трудно объяснимой любезностью посылает он мне выписки из писем Шевырева (неопубликованных) 1829 г. из Петербурга в Москву к Погодину, где говорится о Пушкине. Выписки очаровательны! Странный человек этот Томашевский. По его писаниям (в высшей степени дельным) и публичным выступлениям более черствого сухаря нельзя себе представить, но со мной он не только не сух, а прямо-таки трогательно нежен.

На днях был в Москве из Питера Илья Самойлович Зильберштейн или по-просту

Б. В. Томашевский

«Илюшка», как называют его старые знакомые. Паренек — «из молодых, да ранний». Еврейская пронырливость, настойчивость, порой бесцеремонность, всезнайство направились у него на материалы (рукописные) по истории русской литературы. Чего он только по этой части не знает. Эти самые выписки из писем Шевырева, присланные мне Томашевским, он предлагал мне 10 окт.<ября> у Гроссмана прислать. Обещает он еще прислать мне копию с большого письма Тургенева к Анненкову о романе его (Тургенева) с гр. Марьей Николаевной Толстой, сестрой Льва Николаевича. По словам того же Зильберштейна, у Оксмана есть неопубликованное письмо Пушкина (забыл, к кому), а у Щеголева неопубликованных писем к Пушкину будто бы 60 штук.

Знаменитая коллекция автографов Куриса в годы революции в Одессе распродавалась в розницу за бесценок; отдельные письма продавались «на базаре» чуть ли не по полтиннику. М. П. Алексеев купил из этой коллекции письма Вольтера к Шувалову и его жене; хочет издать их в Париже. Еще купил Алексеев (не помню, у кого и из какого собрания) альбомы с рисунками разных лиц, принадлежавшие Оленину. В одном из этих альбомов есть портрет будто бы Пушкина, сделанный *Александром* Брюлловым.

*

Под диктовку М. А. Цявловского

3 ноября 1928 года получена мною открытка от Ю. Г. Оксмана из Ленинграда, в которой он пишет: «Не могу не поделиться с Вами изумительной сенсацией в области пушкиноведения: вчера я познакомился с частью архива Горчакова и Пещурова, где оказалось: полтора десятков (sic !) неизвестных автографов Пушкина, много новых стихов и вариантов, *«Монах»* (*в трех песнях*), о котором мы знали только по названию, громадная тетрадь лицейских авторов (не уступает по значению Матюшкинской), десятки неизвестных стихотворений Дельвига, Кюхельбекера и пр., переписка Энгельгардта с Горчаковым, а последнего с Пещуровым, пестрящая свидетельствами и рассказами о Пушкине — с детских лет до дуэли и смерти.

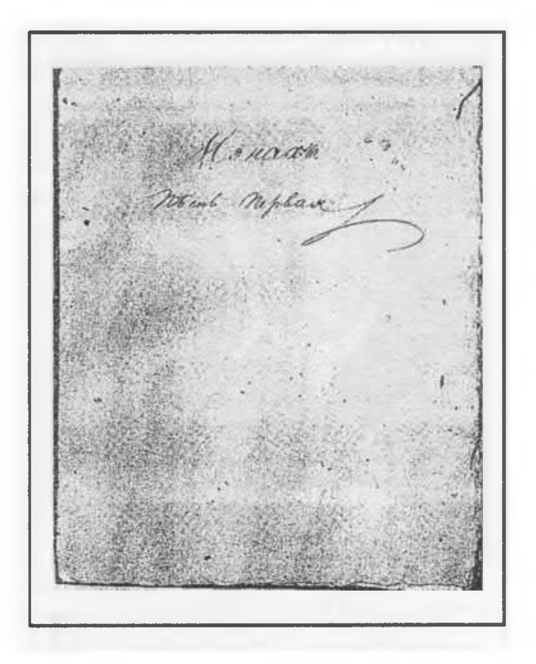
Целый день как угорелый; не выдержал и поделился новостью с Н. В. Измайловым, а сейчас с Вами. Принадлежит все это Центрархиву, т. е. будет принадлежать; заявка на матер.<иал> сделана уже двумя молодыми работниками — а я только экспертом был, дивился и ахал».

4 ноября, будучи в редакции «Огонька», я поделился полученной новостью с Л. С. Рябининым, и была послана телеграмма Оксману за подписью моей и Рябинина такого содержания: «Найденное Пушкина покупает "Огонек"». Телеграмма

была послана с уплоченным ответом, но что ответил Оксман «Огоньку» — я не знаю. Я же 7 или 8-го получил открытку от Оксмана, в которой он писал: «Очень удивлен и встревожен телеграммой, подписанной Вами и «Огоньком». Моя новость ни в каком случае не должна была выйти из круга пушкинистов; если известие попадет на стран. газет, то нашедшие архив подвергнутся очень большим неприятностям и дело публикации оттянется на неопред.<еленно> большое время и неизвестно, под чьею фирмой. Итак, недели на полторы нужно сохранить секрет. Это первое, а второе — я ни в какие переговоры об этом мат.<ериале> входить не могу, ибо правами на это не располагаю; кто нашел и разобрал архив — по праву феодальному и золотоискательскому имеют право первой публикации самовластное, хотя бы до сих пор имена их и не появлялись в литературе. Не знаю, как посмотрит, впрочем, на это еще архив.<ное> начальство. Во всяком случае, еще раз напоминаю, что новость не должна выходить за пределы спец. аудитории в теч.<ение> ближайших десяти—двенадцати дней».

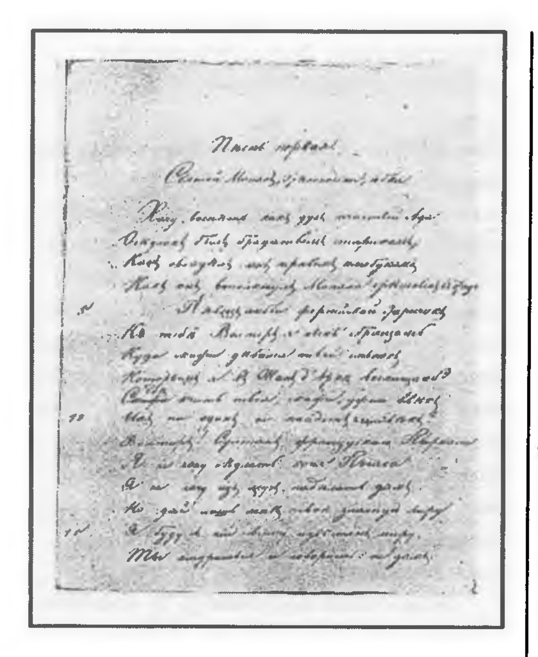
6 ноября я, будучи у Г. И. Чулкова, рассказал о находке пушкинских рукописей ему в присутствии А. А. Ахматовой. Как впоследствии оказалось, уехав на другой день в Ленинград, она там передала слышанное от меня П. Е. Щеголеву.

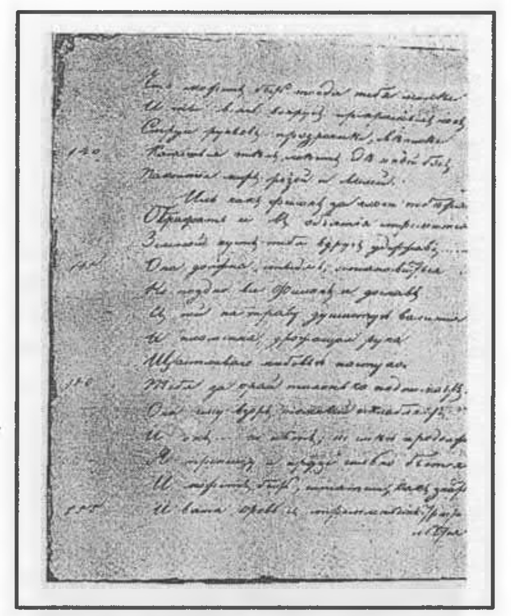
8 ноября я, будучи у Л. П. Гроссмана, прочел там письмо Н. О. Лернера к Леониду Петровичу. В письме этом Н. О. сообщает одну подробность о найденных рукописях, которой нет в письмах Оксмана, а именно: в «Монахе», по словам Лернера, 220 (?) стихов. По словам Лернера, около этой находки началась склока: кому публиковать найденные рукописи. «Сдается мне, что последним будет смеяться молодой академик Фриче».

Вероятно, 9-го или 10-го ноября я написал письмо Оксману в ответ на вторую открытку. В письме этом я удивлялся и возмущался какой-то непонятной для меня таинственностью, какой окружалась в Ленинграде эта находка. Молчать 10—12 дней я обещал.

Кроме Оксмана писал я и М. Д. Беляеву об этом же. Беляев мне ответил: «Автографы Пушкина волнуют нас не меньше, если не больше вашего, но Центрархив остается Центрархивом. Звонить все же погодите, дабы не спугнуть всего дела». Верный данному слову, я особенно не звонил, т. е. ничего не сообщал в газеты, но говорил, напр., Н. Ф. Бельчикову, которого я спрашивал, какие имеются сведения у заправил Центрархива о найденных рукописях. Бельчиков отвечал мне по обыкновению довольно невразумительно. По его словам выходило, что никаких сведений в Управлении Центрархива не имеется и что вообще ленинградский Губархив будто бы совершенно автономен в своих действиях.

18 или 19 ноября получено письмо от Оксмана:

«Центрархив склонен разрешить сборник этот пустить в печать очень срочно, а это главное. Никто из пушкинистов наших к этому делу отношения пока не имеет (в том числе и я)».

17 ноября мне позвонили из «Вечерней Москвы» с вопросом, где остановился Щеголев. Оказывается, в «Вечерней Москве» о находке уже знают. Откуда они узнали, мне осталось неизвестным.

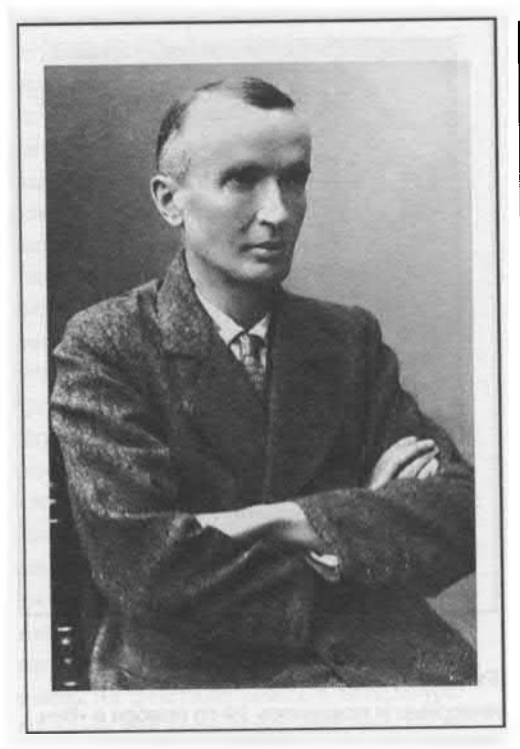
В тот же день из «Вечерней Москвы» Кутузов сообщил мне, что в редакции возникла мысль обратиться с открытым письмом на имя М. Н. Покровского о необходимости немедленно печатать все найденное. Я Кутузову рассказал все, что знал, считая запретный срок истекшим.

18-го ноября утром явился ко мне Кутузов и у меня по телефону из редакции узнал, что мысль о письме к Покровскому оставлена и что Демьян Бедный дает в газету завтра сообщение о находке. С своей стороны Кутузов просил со мной интервью. Это интервью и появилось 19-го ноября в «Веч. Москве» вместе с сообщением Демьяна Бедного. В сообщении Кутузова моя фамилия не названа по моей просьбе.

18-го же вечером в вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) появилось сообщение по телефону из Москвы.

20-го в газете «Правда» появилось маленькое сообщение о находке.

20-го ноября говорил по телефону с Щеголевым. Он сказал, что узнал все от меня через Ахматову и, приехав в Москву, или даже еще из Петербурга, снесся с Демьяном Бедным. Здесь Щег.<олев> с Дем.<ьяном> Бедным в качестве членов Редакционного комитета академ.<ического> изд. Пушкина обратились к Халатову, который в свою очередь снесся с М. Н. Покровским, как главой Центрархива. В результате этих переговоров в Центрархив будет послана бумага от Госиздата, на основании которой дело публикации перейдет к Щеголеву. На вопрос мой, присланы ли из Ленинграда рукописи,

А. В. Звенигородский

Щеголев ответил, что за ними посылается курьер «фельдъегерского корпуса Политуправления О.Г.П.У.».

21-го снова разговор по телефону с Щеголевым. По его словам, В. В. Максаков (фактический вершитель дел в Центрархиве), с которым он говорил, отнесся в высшей степени кисло к делу, налаженному Щеголевым, намереваясь издать найденные рукописи непосредственно от Центрархива.

21-го же в «Вечерней Москве» появилось сообщение о том, что в Москву доставлены найденные материалы, интервью со Щеголевым и его (Щеголева) проект о декрете, объявляющем «рукописи Пушкина государственным достоянием, которое не может находиться в руках частных лиц».

22-го разговор по телефону с Щеголевым. Рукописи должны быть привезены, но он их еще не видал. Дело с публикацией остается неопределенным.

23-го от Щеголева по телефону узнаю, что положение дел резко изменилось. По постановлению коллегии Центрархива образована комиссия для издания найденных материалов в составе В. М. Фриче (председатель), П. Н. Сакулина, П. Е. Щеголева и меня. Не дожидаясь заседания этой комиссии, Щеголев предложил мне итти с ним завтра в 12 дня и наконец увидеть эти рукописи. Позвонив к Сакулину, я узнал, что он уже все это знает, и хотя определенно не сказал, но из его слов вытекало, что именно он назвал Фриче меня как члена комиссии.

Можно себе представить то волнение, охватившее меня! Софа прослезилась, а князь с присущей ему элоквентностью, что объясняется глубоко затаенным чувством, которое он питает к Т. Г. Тепиной*, сказал, что он ничего другого и не ожидал, т. к. я, по его глубокому убеждению, первый пушкинист в мире.

В. В. Максаков, единственный, прочитавший «Монаха», не мог удержаться, чтобы не поделиться новым текстом Пушкина, и в конце заседания «Историко-культурного архивного кружка» (точно бы так называется), на котором присутствовали только сотрудники московских архивов, прочел им I песнь «Монаха», предварительно взяв слово со слушателей о том, что они будут обо всем этом молчать.

24-го проект Щеголева смотреть мне с ним вдвоем рукописи — отпал, т. к. в три часа было назначено заседание комиссии. Я немного запоздал. Заседание началось с доклада Максакова, от которого наконец узнали в подробностях всю историю

* Это Мст. Ал. диктовал мне, я была еще Тепиной. Софа — 1-ая жена Мст. Ал. — Соф.<ья> Серг.<еевна>. Князь — Андрей Влад. Звенигородский. *(Позднейшее примеч. Т. Ц.)*

А. М. Горчаков. Рис. Пушкина

открытия рукописей Пушкина и материалов о нем. Сотрудниками ленинградских архивов Садиковым и Суздалевым не менее года тому назад в части архива св. кн. Горчаковых были найдены рукописи. Расследование, предпринятое ленинградским уполномоченным Центрархива Дреденом по предписанию Максакова, установило следующее. По вселении одного из ленинградских районных Совдепов в особняк св. кн. Горчаковых (на Монетной улице?) бывший в доме архив подвергся расхищению, но часть его, в которой находились рукописи Пушкина, кем-то была вывезена в помещение Археологического института (Фонтанка, 22), а оттуда в 1926 г. была перевезена в помещение Центрархива.

Вопреки существующим в Центрархиве правилам, Садиков, не заявив начальству об этом, найдя рукописи Пушкина и материалы о нем, принялся за разборку их. Не будучи специалистом в этой области (его специальность русская история XVI века), Садиков делал это медленно и довольно кустарно. Когда работа была заметно уже продвинута, он и пригласил Оксмана, после чего послал в Центрархив сообщение, подробно излагающее содержание приготовленной им к печати рукописи, размером до 40 печ. листов. В ответ на это Максаков затребовал (вероятно, после появившихся в печати сведений) присылки найденных автографов Пушкина и всей рукописи Садикова в Москву.

К этому Щеголев со своей стороны добавил, что к внукам канцлера св. кн. А. М. Горчакова был близок покойный Чечулин (ум. 1927) и что весьма вероятно, именно он вывез часть архива Горчаковых из их особняка в Археологический институт*.

Из проспекта, присланного Садиковым и прочитанного на заседании Максаковым, стало ясно, что работа Садикова распадается на две части: часть текстологическая, в которую входят тексты произведений Пушкина во главе с поэмой «Монах» в 419 стихов и тексты произведений Дельвига, Кюхельбекера и др., и часть эпистолярная (письма кн. А. М. Горчакова к Пещурову, письма Е. А. Энгельгардта к Горчакову и др.).

На основании этого Щеголев предложил издать материалы в двух томах. Это было принято, как принято и предложение Максакова, уже санкционированное коллегией Центрархива, напечатать в № «Красного архива» I-ую песнь «Монаха». Щеголеву и мне комиссия поручила рассмотреть работу Садикова и дать об ней отзыв в следующем заседании комиссии. Садиков, к слову сказать, своим ленинградским начальством был уволен со службы, каковое решение было утверждено коллегией Центрархива.

---

* См. еще об этом заметку Лернера в «Красной газете», веч. вып. от 22 ноября 1928 г., № 322: «"Монах" Пушкина».

Все автографы Пушкина были показаны Максаковым. Я их только посмотрел. Щеголев же умудрился во время заседания прочесть всю поэму. Всего автографов оказалось 7 или 9 (считая «Монаха» не за единицу, а за три, по числу тетрадей). Чем объясняется выражение Оксмана в открытке ко мне — «полтора десятков автографов» — остается для меня пока тайной. Является ли это — гиперболой, объясняемой его одесским происхождением, или же Садиков часть автографов скрыл? (Странно, между прочим, что среди автографов нет двух посланий Пушкина к Горчакову.) В заключение было решено от имени Центрархива послать в газеты сообщение о находке рукописей (сообщение это не в полном виде появилось только в «Веч. Москве» от 26 ноября 28 г.).

Вслед за сообщением Центрархива Кутузов, подписавшийся Кут., от себя прибавил, не преминув опять вернуться к любимой его теме национализации рукописей Пушкина, находящихся у частных лиц. Пользуясь сведениями, в свое время полученными им от меня*, Кутузов «блеснул» своими знаниями о том, какая у кого находится рукопись Пушкина.

26-го я со Щеголевым в Центрархиве (Ваганьковский пер.) просмотрели внимательно всю рукопись Садикова (в ней ни автографа «Монаха», ни копий с него Максаков не оставил). Только в части текстологической, и то далеко не все опусы, Садиков приготовил к печати. В частности, им написана вступительная статья — для неспециалиста довольно приличная, но, конечно, вообще явно недостаточная. Что же касается эпистолярной части, то, кроме примечаний в части писем Горчакова, ничего Садиковым не сделано. «Монах» и другие автографы Пушкина не были нам показаны потому, что с них делались фотографические снимки (фотостатом).

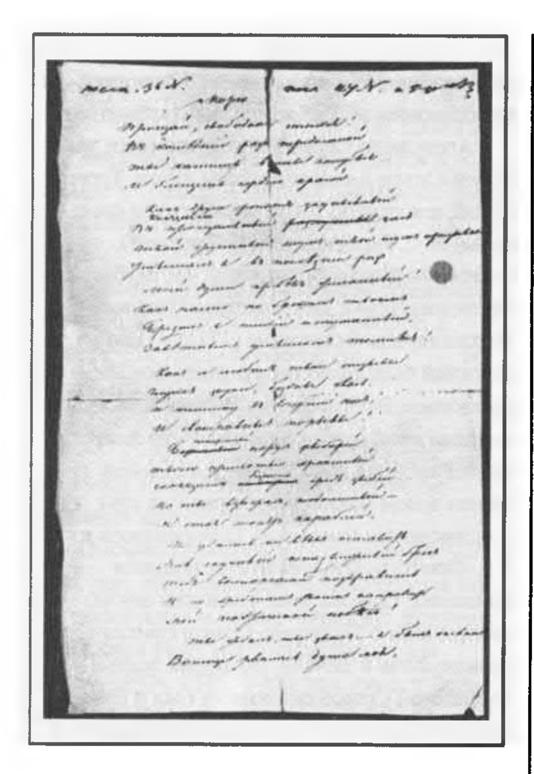
Е. М. Хитрово. Рис. Пушкина

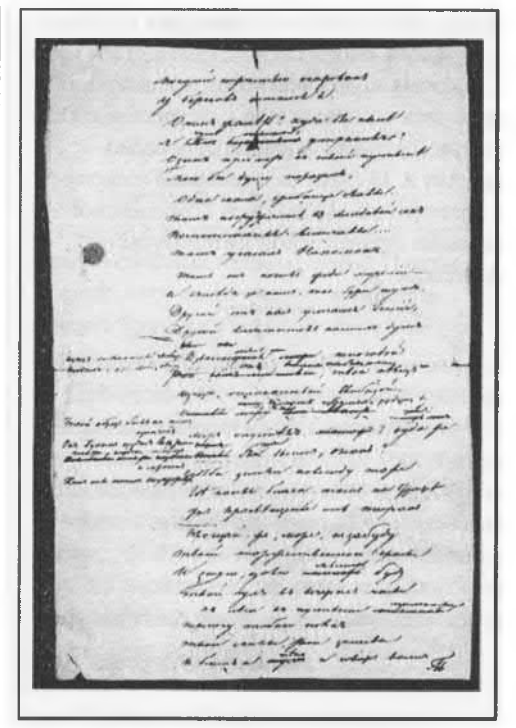
27-го, придя в Центрархив, я видел у сотрудника Иодко негативные снимки с автографов Пушкина, но он их поспешно унес в кабинет Максакова, а потом, когда я просил его выдать мне их, нагло врал, что они будто бы заперты Максаковым в несгораемый шкаф.

28-го я, прежде чем итти в Центрархив, спросил у Иодко по телефону, будут ли мне сегодня показаны фотографии. Получив утвердительный ответ, я отправился в Центрархив. Я наконец имел счастье прочесть «Монаха» по фотографии.

В $^{1}/_{2}$ 5-го ч. состоялось заседание комиссии, на которой было решено напечатать первую песнь «Монаха» с

* В октябре 1925 г. Кутузов по поводу сенсационной находки писем Пушкина к Хитрово был у меня и в качестве лица, интересующегося автографами Пушкина, выпытал у меня эти сведения.

исправленной статьей Садикова и статьей Щеголева и описание всех найденных документов, составленное мной.

На этом заседании выяснилось, что работать над текстом «Монаха» Щеголев может только в помещении Центрархива, но Павлу Елисеевичу не стоило большого труда доказать, что это нелепость. Максаков, не решаясь своей властью разрешить ему взять фотографии к себе, обещал доложить коллегии Центрархива о просьбе Щеголева.

Читая по фотографическим снимкам, Щеголев, с никогда не покидающей его находчивостью, стал списывать текст Пушкина. Насмерть испуганный этим чиновник* после долгих колебаний решился наконец подойти к нему и прерывающимся от волнения голосом робко заявил, что он по существующим правилам Центрархива не может позволить

* *Строка внизу страницы, очевидно, содержавшая примечание, отрезана. — Ред.*

делать это. Щеголев, естественно, вступил в пререкания, но в конце концов принужден был отдать чиновнику сделанную им копию*.

8 янв. 1929 г. на заседании комиссии по изданию материалов архива Горчакова между прочим постановлено следующее: для предотвращения перепечаток текста I песни «Монаха» в газетах сейчас же после выхода в свет кн. «Красного архива» — поместить в центральных газетах статьи о «Монахе» с условием, чтобы во всех статьях вместе взятых было приведено не более 25 стихов из «Монаха». Статьи поручено написать: Щеголеву в «Красн.<ой> газете» (Ленинград), мне в «Известиях» и Демьяну Бедному в «Правде». Статьи эти должны появиться до выхода в свет «Монаха». По уверению Щеголева,

* Идя с заседания со мной, П. Е. со смехом признался мне, что чиновнику он отдал не всё им списанное!

газеты, поместив эти статьи, уже не поместят текста «Монаха».

Кроме этого, комиссия постановила включить в первый том материалов кроме статьи Щеголева о «Монахе» статью-заметку А. М. Эфроса о влиянии живописи и гравюры на «Монаха» и Томашевского о влиянии французской литературы на «Монаха».

Все это потом было описано в «Красном архиве» и опубликовано там частично. Все эти рукописи были подготовлены к печати Мст. Ал. для отдельного тома, получилось 40 печ. листов. Машинопись была сдана в Гослит, где была ..... потеряна! На негодующие речи Мст. Ал. ему было сказано: «Что Вы сердитесь?! 40 рукописей мы потеряли, не Вашу одну!..»

Т. Цявловская. 3 декабря 1958.

27-го декабря 1928 года приехавший из Одессы Александр Михайлович де-Рибас рассказывал мне следующее: в Одессе профессор-юрист Михайлов, занимавшийся коллекционерством, у кого-то купил идущую из Тифлиса рукопись стихотворения Пушкина «К морю», называющегося в этом автографе «Морю». Де-Рибасу он только обещал ее показать и дать списать, но ничего этого не сделал и уехал в Париж.

Надо бы переспросить у Л. П. Гроссмана, о какой рукописи он мне говорил.

Об этом см. «Одесский сб.», вып. I, стр. 57.

Эта рукопись оказалась потом у Сергея Лифаря* и опубликована мною по фото в сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I, 1956.

Т. Ц. 3 декабря 1958

*

22 декабря 1928 года у меня Александр Михайлович де-Рибас сделал сообщение:

Александр Сергеевич Сомов (сын той самой Ольги Александровны, рожд. Тургеневой, в которую были влюблены в свое время И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой), служив по дипломатической части, был близко знаком с дипломатом Антоном Антоновичем Фонтоном (1780—1864), который был дружен с гр. Мих. Сем. Воронцовым. Этот Фонтон, будучи холостым, завещал свой архив или часть его А. С. Сомову. Разбирая этот архив, А. С. Сомов нашел в нем много писем разных лиц, и в том числе два письма М. С. Воронцова к А. А. Фонтону. Письма эти привлекли внимание Сомова тем, что в них много говорилось о Пушкине. Сомов списал их, приготовляя к печати. Во время войны с Германией Сомов с архивом был в Бухаресте, а потом попал на румынский фронт и погиб. [Обо всем этом рассказывал А. С. Сомов А. М. де-Рибасу, которому хотел отдать] Но А. С. Сомов по памяти записал текст этих писем (подлинники были написаны на франц. языке), приводя местами и франц. фразы. Эти записи Сомов хотел отдать де-Рибасу для публикации, но не успел это сделать и умер. Спустя некоторое время сын А. С. Сомова Александр Александрович Сомов в 1928 году прислал де-Рибасу эти записи отца, которые де-Рибас привез в Москву и читал мне, Т. Г. Тепиной, Ю. Н. Верховскому, Н. С. Ашукину, Саше. Текст записей представляет совершенно исключительный интерес. Возможно, что Сомов что-нибудь прибавил и «закруглил», но мне кажется, в общем, записи верно передают как содержание писем Воронцова, так и тон их. В частности, этими письмами считающийся в последнее время легендой рапорт Пушкина в стихах о саранче подтверждается.

Прошло тридцать лет. А. М. де-Рибаса

* Кажется, не у него, а у другого друга Дягилева — Кохно.

давно нет в живых. Он ничего из этого не опубликовал. Так все это и кануло.

Т.Ц.3.XII.1958

Впрочем, его бумаги находятся в гос. архиве в Одессе — видела данные об этом в Каталоге личных фондов в ЛБ. — *Т.Ц. 24. IV. 62.*

А часть архива де-Рибасов сожжена его вдовой, незадолго до ее смерти, в Одессе. См. письмо ко мне от _ _ _ _ _ из Одессы, от _ _ _ _ _ числа.

*

6 января 1929 г. Лев Эдуард. Бухгейм сообщил мне следующее:

Письмо Пушкина к Поленову, № 926 акад. изд., *впервые* напечатано совсем не Гастфрейндом в книге «Пушкин. Документы Архива Мин. ин.<остранных> дел 1831—1837». СПб., 1900, как думает Лернер (см. «Труды и дни»), да и другие, а лет за сорок до этого, примерно, в очень редком издании: «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными, под ред. П. Л. Лаврова», в статье об «Архивах». Словаря этого вышли томы на «А» — 6 томов и на «Е» — один том (?).

*

11 января 1929 года Алексей Васильевич Орешников в Историческом музее мне рассказал:

Как-то принес некто в Истор. музей продавать аквар.<ельный> рисунок следующего содержания: за письм.<енным> столом сидит мужчина с баками, которого можно признать за Пушкина. Около стула, на котором он сидит, стоит женщина дезабилье, одну ногу поставив на стул. Рука *<текст не дописан>*

Еще Орешников рассказал, что о случае с продажей часов Ник.<олая> I с портретом Нат. Ник. Пушкиной внуком камердинера Николая I — он (т. е. Орешников) только слышал от других, причем, и это очень интересно, ему передавали такую подробность: Нат. Ник. изображена нагая и в непристойной позе.

*

Ну и бабушка!

Борис Николаевич Граков, археолог, служащий в Историч. Музее, имеет рукописный сборник произведений Пушкина. Сборник этот такого происхождения: бабушка Гракова, Софья Леонтьевна Чермак, по мужу Александрова (_ _ _ _ _), дочь Леонтия Иван. Чермака, содержателя пансиона, в котором учился Достоевский (об этом пансионе см. в книге Гроссмана «Достоевский на жизненном пути»). По семейному преданию, Софья Леонтьевна, еще будучи невестой Петра Александровича, составила этот сборник и подарила его своему жениху. Я не думаю, чтобы она единолично составила этот сборник; вероятнее, что она только списывала то, что ей указывал Петр Александрович. П. А. Александров (18_ _—1868) был учителем в средних учебных заведениях, инспектором Моск. учебного округа и директором III мужск.<ой> гимназии.

Сборник Б. Н. Граков передал пока на хранение в Исторический Музей А. В. Орешникову, который мне его и показывал 11 января 1929 г. Сборник представляет собой переплетенную книгу, на корешке которой оттиснуто «П. А.», т. е. Петр Александров. На форзаце рукой С. Л. Александровой написано: «П. А. Александрову», а под этим словом — несколько слов, явно выскобленных. Можно думать, что кто-ниб. из детей соскоблил слова любви, говорящие о том, что этот сборник подарен Софьей Леонтьевной.

*

Под диктовку Мст.Ал.

Дочь сына Пушкина Александра Александровича — Елена Александровна, р. 1890, б. фрейлина, драгоман посольства в Турции, собственница ряда автографов Пушкина;

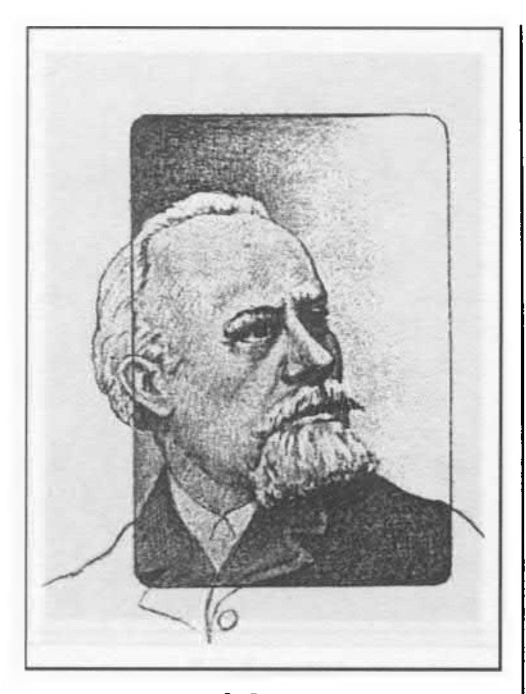
Е. А. Розенмайер (Пушкина)

каких именно — речь ниже. В 1924 г. приехавший из-за границы академик Нестор Александрович Котляревский рассказывал мне (в кабинете Б. Л. Модзалевского в Пушкинском Доме), как он в бытность в Софии (или в Белграде, Бухаресте?) получил телеграмму из Парижа от М. Л. Гофмана, извещающую его о том, что такого-то числа в таком-то часу он (Гофман) будет на дебаркадере Софийского вокзала, выйдя из вагона ост-экспресса (Париж—Константинополь). Ничего не понимая, Котляревский поехал все-таки на этот вокзал. И действительно, в назначенное время подкатил экспресс, из него выскочил Гофман и сообщил в те короткие минуты, пока стоял поезд, что он едет из Парижа с письмом от А. Ф. Онегина к внучке поэта Елене Александровне Пушкиной, чтобы получить от нее ряд рукописей поэта, в том числе огромных размеров дневник, кот. хранится у нее в сейфе Константинопольского банка. Вот и все, что рассказал мне Нестор Котляревский, и вообще все, что было известно до 1928 года: М. Л. Гофман порвал все связи с Пушкинским Домом.

Н. В. Измайлов 27 янв. 1929 г. мне рассказал:

По поступлении Онегинского музея и архива в Пушкинский Дом, разбирая личный архив Онегина, сотрудники Пушкинского Дома во главе с Измайловым напали пачку писем Елены Александровны Пушкиной к Онегину, проливающих свет на многое. Оказывается, Гофман вместо того, чтобы смиренно целовать ей ручки, очень развязно говорил с Пушкиной, не показал даже ей письма Онегина, невероятно грубо говорил об Онегине, примерно так: «Что считаться с этим выжившим из ума стариком, глядящим в могилу? [Дайте мне их опубликовать]» И вообще произвел на нее отталкивающее впечатление, она замкнулась и не только ничего ему не показала, но весьма холодно его выпроводила ни с чем. Возможно все-таки, что она ему рассказала содержание не то писем Пушкина к жене, не то дневниковые записи о ней, имеющиеся у Ел. Ал., т. к. Гофман писал (кому?) с обычной своей экспансивностью о том, что материалы у Е. А. Пушкиной такие, что они переворачивают вверх дном все наши представления об отношении Пушкина к жене (и что дневник чуть не в 1000 страниц).

Из писем Е. А. Пушкиной к Онегину выясняется такая картина: у нее несомненно имеются <1)> какие-то вещи, связанные с Пушкиным, 2) рукописи. Все это или часть этого покупал у Елены Александровны Онегин. (Между прочим, в одном из писем она пишет: конечно, рукописи, которыми я владею, должны быть в России и в Пушкинском Доме. Только там им место. Хотя ко мне не раз приставали уже американцы.) Из этих же писем видим, что все рукописи сфотографированы и хранятся, по ее словам, в очень *надежном* месте. Из писем нельзя

А. Ф. Онегин

вывести заключения, что покупка состоялась. Среди писем есть телеграмма в одно слово: «N'envoyez pas». Очевидно, эту телеграмму нужно понимать так: не высылайте денег. — Изучение приходо-расходных книжек, имеющихся в архиве Онегина, тоже не дает никаких сведений об этой покупке, если таковая была. [О том, как вел себя Гофман у нее в Константинополе, узнаем]

Итак, можно, пожалуй, утверждать, что Гофман, что называется, спугнул все дело. Все дело провалилось из-за его бестактности.

В одном из писем, относящихся к февралю 1923 года, видно, что Елена Александровна выходит замуж за фон Розен-Майер<а>, а недели через 3 после этого письма она уже извещает Онегина о том, что у нее родилась дочка, и она просит Онегина быть крестным отцом, а императрицу Марью Федоровну — крестной матерью, выражая уверенность, что последняя не откажет в этой просьбе своей бывшей фрейлине и бывшему камер-пажу.

Экслибрис А. Ф. Онегина

Еще из писем узнаем, что она собирается или даже должна уехать с какой-то своей родственницей (вероятно, по линии де Торби), какой-то лэди, уехать — ни больше ни меньше, как в Южную Африку, причем, по словам Измайлова, город, который она называет, они не могли найти ни в одном справочнике.

Письма к Онегину кончаются в 1923 году.

Докладная записка, написанная Н. К. Козминым в 1928 г. в Президиум Академии, проектирует начать поиски Е. А. Пушкиной и ее рукописей через Наркоминдел. Но в Президиуме правильно ответили, что сейчас не время поднимать все это дело.

Кажется, в одном из писем сказано, что покойный ее отец дневник Пушкина никогда никому не давал читать, кроме Вел. Кн. Сергея Александровича.

14/XI 1931 г.

Со слов Л. Б. Модзалевского, потом посылал Наркоминдел запрос, но следов Ел. Алдр. не нашел.

Ничего до сих пор в печати не появилось. Елена Александровна живет в Париже. Надо бы у нее наведаться.

Т.Ц.3.XII.1958.

Елена Ал. умерла в Лондоне. *24. IV. 1962.*

Неверно! См. далее.

*

В Пушкинском Доме сравнительно давно возникла мысль издать все рисунки Пушкина, имеющиеся в Пушкинском Доме. Но как-то приехал Абрам Эфрос в Пушк. Дом и сообщил, что в Москве с своей стороны давно задумано такое же издание рисунков Пушкина в Румянцевском музее. Так родилась мысль о совместном издании. В приезд свой в Москву в январе 1929 года Н. В. Измайлов это дело сильно продвинул. В кабинете директора Библиотеки имени Ленина состоялось совещание между В. И. Невским, Д. Н. Егоровым и Н. В. Измайловым, на котором Невский сказал следующее: у них задуман такой план. В первую очередь издать рисунки Пушкина Румянцевских тетрадей, распространить это издание и за границей, рассчитывая, что это издание даст прибыль; Румянцевский музей вырученную сумму прикладывает к той, которую даст Госиздат, и на эти средства предпринимается издание с репродукцией всех рукописей Пушкина в Рум. музее, в размер подлинника, с транскрипцией. Измайлов всемерно поддержал эти проекты, а относительно второго с своей стороны предложил следующее: съехаться пушкинистам-текстологам в Москве и сделать научные доклады о способе транскрибирования. Конечно, все материалы *<текст не дописан>*

*

Лев Бор. Модзалевский приехал 26 янв. 1929 г., привез с собой письмо гр. Д. Н. Толстого (Знаменский) к неизв.

А. М. Эфрос

князю о дуэли и смерти Пушкина. Я это письмо устроил в «Огонек».

*

27 янв. 1929 г. приехал из Троице-Сергиева Николай Петрович Яныченко, был у Тепиных. Рассказывал, что он организовал в начале революции музей в *Ярополъцах,* еще знал там жену последнего Гончарова (Ник. Ив.) — Елену Борисовну, рожд. кж. Мещерскую, с которой при исключительной любви долго не мог соединиться Гончаров из-за взглядов стариков Мещерских на неравный брак; она, умирающая старуха, была арестована (врач из Г.П.У. освидетельствовал, признал ее умирающей, но не противился аресту) и *умерла.*

Дочь Ивана Ник. Гончарова, старуха Наталья Ивановна, живет в Ростове Ярославском. Она, почти слепая, падала, идя арестованной, под конвоем. Она незамужняя, была невестой Сипягина.

Ник. Петр. Яныченко беседовал с ними, списал у Ел. Бор. генеалогию Гончаровых, составленную в 18 веке; беседовал со служанкой. Читал франц. письма Нат.

Н. П. Яныченко

Ник. Пушкиной (в эпоху ее второго замужества) к ее брату — пустейшие и тривиальнейшие.

Хранил бережно, по-видимому, *автограф Пушкина* — черновой размашистый набросок стихотворения на синей бумаге в лист. Предполагает, что это все в Воскресенском музее; а об *альбоме Гончаровых*, где есть и стихи Пушкина, думает, что он должен быть уже в Румянц. музее.

Мог бы написать статью об Ярополь-цах, с историко-культ.<урной> т.<очки> зрения.

*

10 февраля у О. Э. Озаровской на вечере, посвященном Пушкину, одна дама, ученица Ольги Эрастовны по декламации, рассказывала, что, «кажется, этой осенью один очень умный человек говорил, что ему пришлось найти документ, свидетельствующий о том, что *Пушкин был в Варшаве*». Она затруднялась сказать точно, но будто бы автограф. Почему-то упоминался подвал и книга. Т. к. нашедший никаких дат в окружении документа не обнаружил,

Николай Иванович Гончаров, Елена Борисовна (урожд. Мещерская), Надежда Ивановна Гончарова, его сестра. Начало 1900-х

то один из имеющихся провалов в биографии Пушкина он гипотетически заполняет Варшавой, о чем и будет где-то когда-то читать доклад.

*

15 февраля 1929 г.

Демьян Бедный говорил Щеголеву о том, что он читал в «Руле» фельетон, посвященный *5-ти томной биографии Пушкина* на русском языке, вышедшей в Лондоне (начало 1929 г.).

Это — по-видимому — Ариадны Тырковой.

Т. Ц. 1958.3.XII.

*

Измайлов в январе говорил о том, что в музее Онегина оказалась копия записки Пушкина к Шимановской*. Самая записка находится в музее Мицкевича в Париже. Я

* Теще Мицкевича.

сообщил об этом Эттингеру, и он надеется получить с нее фотографию*.

15 февраля 1929 г.

*

Модест Гофман в Париже готовит к печатанию «Египетские ночи» (он еще здесь транскрибировал черновые) и двухтомную биографию Пушкина на французском языке для издания «Мировые классики» (?) — сведение от С. Забелло.

15 февраля 1929 г.

*

16 февраля 1929 г.

В Румянцевском музее видела *(Т. Т.)* тетрадь — рукопись Андрея Ник. Муравьева — описание Яропольца. Переписала.

*

Завтра, 17/II, открытие «выставки 13». Среди них художник Николай Васильевич Кузьмин выставил рисунки, изображающие Пушкина.

Тот же Н. В. Кузьмин был в г. Сердобске Саратовской губ. и там видел альбом некоего Башмакова, будто бы приятеля Пушкина по Одессе, в котором списаны разн.<ые> стихи и м. пр. одно с подписью «А. (?) Пушкин» (не автограф)

Расставшись м. б. на вечно
С той, кем жива душа моя,
Ты хочешь знать, мой друг сердечный,
Чем в горе занимаюсь я.
Тем занимаюсь постоянно
Чего нельзя отнять судьбе
Вчера, сегодня, беспрестанно
Люблю и мыслю о тебе.

Пушкин

*

23 февраля 1929 г.

У А. К. Пожарского находится альбом Олениных, частично воспроизведенный на Пушк. выставке 1899 г. (посмотреть в каталоге, что́ именно), и там есть нигде не воспроизведенный силуэт Пушкина неизвестного рисовальщика.

*

Приезжал из Сергиева Посада Н. П. Яныченко. Он видел в Ярропольце различные документы по истории Ярополььца. У него сделаны копии. Показывал их. Впервые я (М. Ц.) узнал дату рожд. Н. И. Гончаровой.

*

24 февраля.

Н. В. Арнольд приносил портрет Пушкина 30-ых годов, принадлежавший его деду, Марину, знавшему Пушкина. Портрет масляный, м. б. написан на основании Кипренского. То же положение головы, освещение. А рука поддета левая, а не правая, так же — пальцы, только ногти короткие. Живопись средняя. Предложит Пушк. Дому. Портрет привезен из Воронежа.

27 февраля, в связи с приездом Беляева, портрет принесен и повешен у меня *(М. Ц.)*.

Портрет ездил в Пушк. Дом — отвергнут.

Портрет куплен Поповым для редакт.<орского> кабинета издательства ЗИФ'а. Сейчас это ГИХЛ и кабинет этот — В. И. Соловьева.

май 1931 г.

*

28 февраля.

Пришел посланный Пиксановым некто Иван Николаевич Лалетин, сын Ник. Ив. Лалетина и Ёлиз. Яковлевны, рожд. Хубаровой. Елиз. Яковл. дочь Ольги Львовны, дочери Льва Сергеевича. Он — правнук Льва Сергеевича Пушкина. Он принес икону, на обороте которой написано, что этой иконой 14 октября 1843 года были благословлены на брак Лев Сергеевич Пушкин и Елизавета Александровна

* Опубликовано тогда же. *Т. Ц. 1958. 3. XII.*

Загряжская. Кроме иконы он принес по своей не то невероятной глупости, не то по наглости (скорее первой) вырезанный из какого-то издания (спросить Беляева), напечат.<анный> в три краски снимок с миниатюры, портрет Льва Сергеевича Пушкина, вероятно сороковых годов, — считая его миниатюрой. Он учился в Строгановском училище. Но главная причина его прихода, как к Пиксанову, так и ко мне, была его просьба помочь ему восстановиться в правах, т. к. он «лишенец», как дворянин.

Не успел он выйти, как приходит Вера Анатольевна Константинович, урожденная Пушкина, дочь Анат. Львовича, внучка Льва Сергеевича. С ней я познакомился, когда я жил в Узком, в сентябре 1925 года. Увидел я ее, идущей по аллее, и был поражен сходством с Надеждой Осиповной Пушкиной, рожд. Ганнибал, матерью поэта, на миниатюре работы Ксавье де Мэстра. Тот же овал лица, такие же букли, смуглый цвет кожи, то же выражение глаз. Несмотря на то, что она в течение ряда лет заведует общежитием Цекуба в Москве, она тоже лишена прав. И я должен был ей писать удостоверение в том, что она является внучкой Льва Сергеевича.

Между прочим, она мне сказала, что Елена Александровна Пушкина (внучка поэта) уехала в Капштадт в Южной Африке, т. к. муж Анастасии гр. де Торби (правнучка Пушкина) — по ее словам — владелец алмазных копей в Южной Африке. Анастасия Мих. — двоюродная тетка* Елены Александровны. Она называет мужа Анаст. Мих. Вильсоном, тогда как у меня он числится баронетом Wernher. М. б. Вильсон второй муж**.

Т.Ц.27.IX.1970.

* Недоразумение: двоюродная племянница.

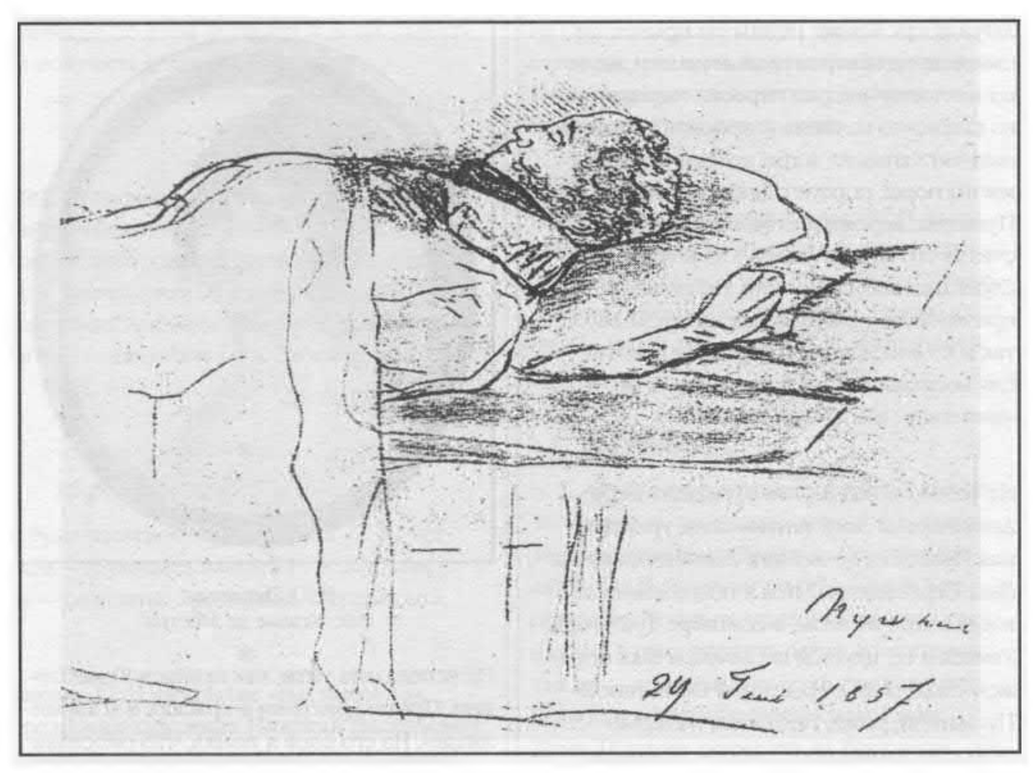
** Недоразумение. Она замужем с 1917 г. за Гарольдом Уорнер (Wernner). В 1961 г. приезжала с ним в Москву и в Ленинград в качестве туристов.

Н. О. Пушкина.
Рис. Ксавье де Местра

Не успела она уйти, как пришел Кожебаткин. Принес рисунки в красках к «Гавриилиаде». Из его слов я понял, что рисовала женщина. Рисунки — дрянь. (*Позднейшая приписка*: Вероятно, Мавриной?) Он этого, к сожалению, не находит и пристал ко мне, чтобы я редактировал новый текст «Гавриилиады», т. к. он находит (и справедливо) текст, сделанный Томашевским, — неудовлетворительным. Но все это ерунда, т. к. найден список, который «гасит» все до сих пор имеющиеся списки и уничтожает надобность каких бы то ни было контаминаций. Список этот «найден» А. К. Виноградовым в архиве Соболевского. Список — руки Соболевского, датирован 1826 г. По-видимому, это сделано с автографа, а м. б., и писано под диктовку Пушкина, в 1826 году, в свидание, после Михайловского.

Некий Михаил Яковлевич Гинцбург, по словам Кожебаткина, большой прохвост, обещал Виноградову издать этот текст. В результате переговоров с Кожебаткиным мы пришли к выводу, что нужно издать «Гавриилиаду» в двух видах — издать текст Соболевского с введе-

А. С. Пушкин на смертном одре. Рисунок с натуры А. Н. Струговщикова

нием вариантов из других текстов и с серьезной статьей, оценивающей этот текст, и без всяких статей текст с иллюстрациями.

*

3 марта.

Был приехавший на днях из Ленинграда Михаил Дмитриевич Беляев. Он рассказал, что не так давно в Пушк. Дом пришла посылка, оцененная в 10 рублей. Оказался альбом с автографами Державина, Гоголя, Ганки, *Пушкина «Суровый Дант не презирал сонета»* (беловой). Оказалось, что это дар Рязанского музея.

*

19 марта приходил Н. В. Арнольд. Он напал на след портрета Нат. Ник. Пушкиной, в костюме амазонки, современный ей.

Кроме того, он обещает принести рисунок тушью — Пушкин на смертном одре с закинутой головой. На коленях около него — Наталья Николаевна.

*

23 марта 1929 г.

У Айзенштадта есть книга — каталог музея Поливановых в Симбирске. В этом каталоге, в отделе автографов, значится письмо Пушкина к неизвестному: Пушкин просит одолжить коляску. (По-моему — письмо к Рокотову. *М. Ц.*)

Айзенштадт сообщил, что М. Д. Беляев, после доклада Эттингера в Пушк. ком.<иссии> о Моравском и портрете Пушкина работы Ваньковича, продолжая свою опись рисунков Пушкина в Рум.<янцевской> биб.<лиотеке>, обследовал т. наз. «автопортрет» Пушкина под деревом (воспроизв. в «Соч. Пушкина» Ефремова, изд. 1882, т. VII); будучи убежден, что это не Пушкин, по манере, раскантовал и (будто бы увидал?) убедился, что это

В. Ванькович. Портрет Пушкина

рисунок Ваньковича — д.<олжно> б.<ыть> подготовка к масл.<яному> портрету.

*

17 апреля 1929.

А. Е. Грузинский сказал, что *читал* письмо Пушкина к И. В. Киреевскому, датированное 4/II 1832 года. *Автограф* на 3-х страницах. Подписи нет. — Должны это письмо принести мне (*М.Ц.*).

Писем Пушкина к Киреевскому до сих пор известно не было. Есть два письма Киреевского к Пушкину — окт. 1831 и март 1832. В промежутке было не дошедшее до нас письмо. Его-то и нашли.

Все ясно! Это ему читала Ольга Ивановна Попова, его большая приятельница, нашедшая эти письма в Историческом музее.

<*Позднейшая приписка:*> Было потом опубликовано, вошло в Акад. изд.

*

28 мая 1929 г.

За это время обнаружены неизвестные

1) Два письма Пушкина к Киреевскому, автографы в Ист. Музее. Публикует О. И. Попова в «Огоньке».

2) Письмо Пушкина к Кс. Полевому. Публикует Измайлов в «Кр. Ниве». Автограф в Ист. Музее.

3) Два письма Пушкина _ _ _ Автографы в Центрархиве. Публикует Бельчиков.

В Музее имени Мицкевича в Париже обнаружилось

1) Неизвестное письмо Пушкина к Шимановской (Эттингер публ. в «Кр. Ниве»).

2) Автограф известной записки Пушкина к Хлюстину.

3) Автограф известной записи в альбом Шимановской.

*

_ _ _ *мая 1929 г.* Ю. Н. Верховский встретил где-то женщину, работающую в ВОКС'е, которая сказала, что из Риги присланы снимки с автографов Пушкина, кот. предлагаются к продаже. ВОКС растерян и не знает, что делать. Юрий сказал, что передаст Цявловскому. На следующее утро Цявловский был в ВОКС'е, где получил эти фотографии для спокойного обследования дома.

Оказалось 4 фотографических снимка с рукописей концов стихотворений. Все псевдо-автографы.

*

30 октября 1930.

У Лернера была «Полтава» — отдельное прижизненное издание с автографом Пушкина кн. Элиму Петровичу Мещерскому (1808—1844). Теперь эта книга за границей. [*Позднейшее исправление*: в Пушк. Д.<оме>]

Записано 17 мая 1931 г. по памяти.

Год тому назад, летом 1930, разыскала меня (Т. Зенгер) Софья Яковлевна Забелло с сообщением, что М. Л. Гофман пишет, что в Париже умер С. П. Дягилев и оставил

изумительное наследие, которое будет продаваться с аукциона. Кроме первосортной библиотеки (всякие первопечатные русские книги, кои имеются в Ленинграде в Публ.<ичной> библ. в дефектном экземпляре) туда входят автографы Пушкина! Письма Пушкина к невесте на франц. языке (нам известны они лишь в русском переводе, в публикации Тургенева), т. ч. это *новые тексты*, не говоря об автографах.

Я сейчас же сообщила об этом Гр. Петр. <Георгиевскому>, который сказал, что очень трудно приобретать из-за границы что-ниб., тем более, что условие продающего — купить все вместе. Был Мстислав в ВОКС'е. Послали оттуда запрос в Париж.

Тем временем Гофман пишет, что там и беловой автограф стих. «К морю». Это — необходимая вещь, если это не ранняя одесская редакция, т. к. если это поздняя, т. е. михайловская редакция, то она известна нам лишь по публикации Пушкина (с многоточиями вместо нецензурных свободолюбивых строк) и по с трудом и с большой долей вероятности строящейся строфе (по черн.<овой> рукописи в тетр. Лен. Биб.). Этот автограф давал бы м. б. решающий, «канонический» текст. М. б., это тот самый автограф, кот. ходил по Одессе и затем исчез за границу (ср. запись от 27 дек. 1928 г.).

В сентябре или октябре 1930 г. звонили из ВОКС'а к Цявловскому. Его не было. Ганя принял сообщение, что из Парижа прислан текст всех первых строк писем Пушкина к невесте.

К позору нашему должна сказать, что Мстислав не удосужился до сих пор (17 мая) побывать в ВОКС'е посмотреть эти строчки и говорить о том, будет ли это приобретено. За эти девять месяцев Т. Н. успела сына выносить и родить. Неужели же письма ждут, не отзовутся ли русские на предложение купить? Позор и горе! Глупость и досада! И м. б., вроде преступление даже.

*

Осенью 1930 г. (? вероятно осенью, м. б. зимой) в квартиру Пушкина (Мойка, 12) въехал коммунист Родов.

*

Приезжавший сюда в марте 1931 г. Томашевский говорил, что при ИНЛИ (да! Пушкинский Дом переименован в ИНЛИ) организована Пушкинская комиссия, которая поручает Бонди и мне (Зенгер) под ред. Цявловского приготовить к печати текст к факсимильному воспроизведению намеченной нами еще при покойном Щеголеве тетради № 2374.

Позднее была прислана бумага о Пушкинской комиссии.

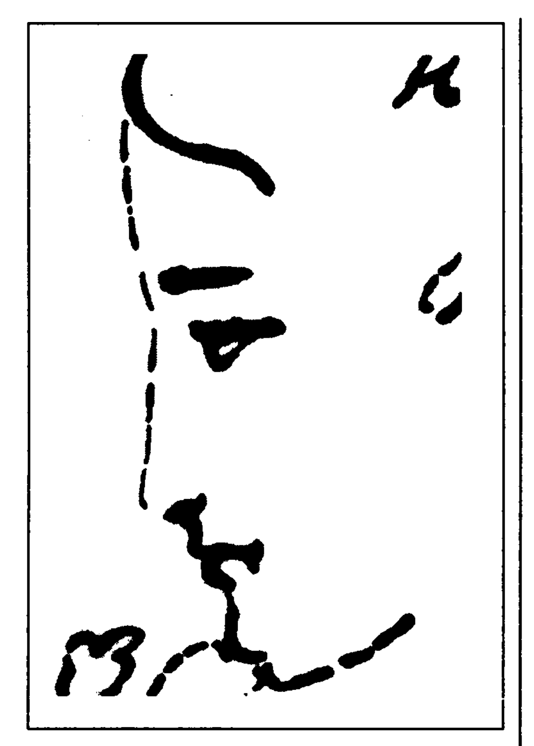
Работу с Бонди по транскрибированию этой тетради мы начали 16 мая 1931 г.

*

Зимой 1930—1931 г. Вересаев получил во временное владение [(а м. б. он уже купил?)] для репродукции (за 50 р.) в издании «Пушкин в жизни» (которое выйдет с иллюстрациями) аквар.<ельный> портрет Нат. Ник. Пушкиной работы Райта (профильный, датир. 1842 или 1844, очень красивый*). Портрет этот принадлежит правнучке Пушкина Геринг, рожд. Мезенцовой. Нат. Ник. на портрете очень белокура. Надо полагать, что акварель выцвела, т. к. он, пытаясь ее определить, пишет в письме к жене в августе 1833 г.: «ты моя плотненькая брюнетка (что ли?)».

Вересаев очень беспомощен в области иконографии и вообще живописи. Решил издавать с репрод.<укциями> «Пушкин в жизни» и растерялся. Был у нас (осенью 1930 г.). Я ему сообщила, чтó есть в Эрмитаже нужного и хорошего (Е. П. Бакунина — раб. Грасси, Воронцов М. С. — какого-то большого англичанина, чудесная миниатюрка с Елиз. Кс. Воронцовой); запросила Колю, как быть, чтобы получить снимки.

* М. А. Булгаков говорит, что он по ней теперь сходит с ума.

Н. Н. Пушкина. Рис. Пушкина

В результате нашей переписки Вересаев имеет чудесные эти вещи в снимках.

Указала я ему на портрет Princesse Nocturne Голицыной в Пушк. Доме. Он обратился в Пушк. Дом со списком нужных ему персонажей и просьбой прислать фотографии с лучших портретов. Прислали без подписей, т. ч. мы со Славушкой тут узнавали их. Он приносил нам на экспертизу. Затем он вернул почти все фотографии в ИНЛИ с просьбой аннотировать их.

5 окт. 1932 г. Любопытная черта. В выпущенной Вересаевым книге (осень 1932 г.) нет ни слова о моем и Слав.<ушкином> участии в ней, а он к нам даже посылал на корректуру портреты.

*

«Пушкин и его современники» закончил свое существование.

*

«Известия Отделения русского языка и словесности» при Академии Наук прекратили существовать.

*

Н. В. Кузьмин, талантливейший художник — рисовальщик-акварелист, иллюстрирует «Онегина» *в стиле* рисунков Пушкина, уснащенных опытностью художника, воспринявшего всю историю франц. живописи XIX—XX вв. Чудесные рисунки! Его идея не давать густо иллюстр. к роману, а выявить лирические отступления, на которых он все и строит. Все не знал, куда пристроить. Мстислав говорил Шелотову (ныне глава Изогиза) о нем, но на Кузьмина сразу напало несколько издательств с предложением издать «Онегина» с его рисунками. Издает в Международной книге.

*

Симбирские рукописи

Записано 17/V 1931 г.

22 марта 1931 г. получил Мстислав письмо от Николая Николаевича Столова из Ульяновска. Столова этого знал он по поездке в Симбирск в 1929 г., куда он ездил для расследования путей Пушкина из Симбирска в Оренбург в 1833 г. В музее ему сказали, что самое полезное ему лицо будет местный пушкинист Столов. Оказался он учителем, собирателем библиотеки по Пушкину.

И вот этот Столов пишет о том, что в Ульяновске обнаружена пачка автографов Пушкина! Первое движение было отбросить письмо и с взволнованным смехом сказать: «Эти провинциалы всюду видят Пушкина!» Но чтение письма с беглым перечислением заключающихся в автографах текстов отринуло всякие сомнения. К тому же происхождение автографов от Анненкова убедило окончательно.

Н. В. Кузьмин. Иллюстрации к «Евгению Онегину»

Первая просьба от Столова была запросить «Лит. газ.<ету>», почему не публикуют его заметки о новых рукописях Пушкина.

На звонок Мстислава в «Литер. газету» ответила равнодушная барышня, что-де в 16 № будет. Но ни в 16, ни в 17, ни в 18 № не было. Находился более актуальный материал.

Второе поручение — продажа рукописей и оценка их. Мстислав проехал в Ленинскую библиотеку к завед. рукописным отделением. Тот по небольшому списку, данному в первом письме, сказал, что стоят рукописи не меньше 500 рублей и что Ленинская библиотека покупает во всяком случае. Об этом было сообщено Столову Мстиславом.

4 апреля 1931 г. пришло второе письмо от Столова. Владелица просит 1000 р. за все имеющиеся у нее рукописи. Прилагается заявление в Лен. биб. и полный список рукописей, куда входят 8 автографов Пушкина, 3 автографа И. С. Тургенева, письмо к Пушкину, запись рассказа А. П. Керн о Пушкине и др. Опись составлена грамотно, размеры бумаги и заглавие или определение, что за вещь. Названы жандармские цифры.

Сняв для себя копию с заявления и с описи автографов, я отнесла оные в Ленинскую библиотеку. Увидев, какой клад предлагается к продаже, Григорий Петрович без всяких колебаний согласился на 1000 р., о чем и сообщено было немедленно Столову Мстиславом и отдельно официально Георгиевским. С этих пор переписка стала вестись между Столовым и Георгиевским.

Было большое беспокойство, чтобы не появилась заметка Столова до письменного сговора с владельцами. Боялись конкурентов по покупке. Но это миновало. «Литер. газета» так затянула публикацию, что ответ от владельцев, что дело

решено, пришел, пока еще не было известно в широких кругах об этих рукописях.

Возник вопрос о доставке рукописей в Москву. Предполагавшийся фельдъегерь ОГПУ почему-то отпал, и нужно было выбирать другой способ. Григ. Петр. чувствовал себя слишком старым, чтобы решаться на дальнюю поездку. Вызвался ехать директор Библиотеки Владимир Иванович Невский, но т.к. он года два назад, ездя в Крым, заснул и проснулся обокраденным настолько, что в белье пошел на какой-то станции доставать костюм, — то Григорий Петрович не решался доверить ему рукописей Пушкина. Мы с Мстиславом уговаривали послать Сабурова (помощника Григ. Петр.), чтобы скорее быть уверенными, что автографы в госуд.<арственном> хранилище. Но Григ. Петр., который соглашался было, объявил вдруг, что только завед<ующе>му отделом могут дать полностью сумму на покупку, а сотруднику лишь аванс в 10% суммы. Словом, он предложил Столову везти сюда рукописи. На это пришел ответ. Столов «открыл» наконец владелицу Григорию Петровичу и рассказал о семье. Она — вдова поэта В.Н.Назарьева, симб. помещика, приятеля Анненкова, глубокая старуха. Но по ее старости всем распоряжается дочь ее Елена Валерьяновна Штакельберг, которая, будучи совершенно безвольным человеком, находится в полной власти мужа своего, бывшего адвоката Малиновского. Вот этот-то человек, чрезвычайно прижимистый, глубоко равнодушный к автографам и очень жадный до денег, берет в свои руки дело о продаже рукописей. Столов грустно добавляет, что его, видно, оттирают и что на этом его участие кончается.

Дальше было письмо уже от Штакельберг, что она просит оплатить дорогу, на что ей телеграфом ответили, что согласны. И началось лихорадочное ожидание рукописей. Каждое утро, при моем появлении в Библиотеке, мы с Гр. Петр. обменивались вопросами «какие новости из Ульяновска?» — Никаких. «У вас?» — Тоже.

Наконец Гр. Петр. получает письмо от Столова, что владельцы не спешат, шьют пальто для поездки в Москву и что у него твердых данных нет, но что он не поручится, что они не будут искать новых путей для более выгодной продажи.

Раздраженный Григорий Петрович послал им телеграмму, что кредит закрывают и что если к 22-му апреля рукописей не будет в Москве, то он снимает с себя обязательство по оплате дороги. Было это 19-го. При желании они могли приехать и 21 и 22-го. Но опять все замерло.

1 мая — новое событие. Звонит к Мстиславу Жанна Матвеевна Брюсова и говорит, что есть рукописи Пушкина в частных руках и что желательно их продать, что это не заблуждение, а действительно Пушкин, идет от очень культурного человека и т.д. Мстислав говорит «я покупаю! Шлите его ко мне» (в доме, кстати сказать, ни копейки, но для заманки, конечно, надо было так говорить); «хорошо, когда он придет». После этого телеф. разговора я говорю Мстиславу, что это, наверное, те же симбирские рукописи и что Малиновский вздувает цену. Мстислав звонит к Брюсовой, спрашивает ее, кто и что. Ей сказал Челищев, которому сказал ..... «Завтра он будет у меня». Проходит 1-ое мая, 2-ое, 3-го утром она звонит. «Рукописи еще не привезены из Ульяновска...» «Мне все известно,— прерывает ее Мстислав. — У меня есть список». — «У меня тоже». — «Это предложено Ленинской библиотеке. Странно и нехорошо, сговорившись и получая предложенную большую цену, искать покупателей еще». Через некот. время он позвонил к Брюсовой еще и просил прочесть список, т.к. мы сообразили, что список, составленный владельцами, может отличаться новыми подробностями от списка, составленного Столо-

вым. Одна подробность действительно оказалась: Гринев в раннем наброске «Капитанской дочки» назван Валуевым.

Звонит по телефону 3-го же Гр. Петр., чтобы сообщить какую-то справку о поступлении одного из автографов Пушкина в Рум. Музей (для статьи Мст.<ислава> «Рукописи Пушкина»). Я сообщаю Гр. Петр. тут же по телефону, что через Брюсову узнаем, что симбирские владельцы автографов предлагают их еще к продаже. Через час я была в библиотеке для своих занятий. Гр. Петр. встретил меня двумя телеграммами. Одна Столову: «Поиски новых покупателей дадут разбитое корыто»*. Вторая телеграмма Штакельбергше о том же, только сдержаннее, и что ему советуют сбавить цену.

На это наконец отозвалась Штакельберг: «Настаиваю на назначенной цене. Телеграфируйте». Ответ был «Согласен. Везите рукописи». Ответ был числа 5-го. Опять мучительные *10* дней без всякого признака движения. И наконец 16 мая, сижу я в Рукописном отделении, туда звонок по телефону. Голос Григ. Петр. (телефон в соседней комнате с открытою дверью, но я его не вижу) возбужденный говорит «жду, везите скорее, до 4-х...» Он бросает трубку, показывается в дверях, сам не свой, делает мне знак, счастливый, подняв победно руку, и исчезает (очевидно, к кассиру). Никто из присутствующих, кроме меня, ничего не понял. Через некот. время он подходит ко мне, просит не спешить уходить, потом зовет к себе и рассказывает, кто ему звонил об автографах. Словом, еще новое лицо (его старый знакомый, кот. он лет 14 не видал, секретарь правителя канцелярии Моск.<овского> генерал-губернатора Долгорукого). А на столе у него лежит записка «Жанна Матвеевна Брюсова, ее № телефона,

Н. Н. Пушкина. Портрет Д. Доу

Ильинский, его №». «А это что?» Звонили в отсутствие Григ. Петр., Сабуров записал, куда звонить. Конечно, это о том же, но сейчас уже не надо. Сейчас принесут. Около 4-х часов. Все расходятся. Звонок. Григ. Петр. несется сломя голову. И минуты через три я слышу очень тихий сдержанный разговор. Я прохожу через кабинет. Худенький человек с бачками уверяет, что они нисколько не тянули.

Когда человек этот (Малиновский) сел писать счет, Григорий Петрович улучил минутку и принес мне показать рукописи, которые он перелистнул перед моими глазами. Я успела заметить лист в лист, на котором крупным размашистым почерком «О ничтожестве литературы русской». Весь лист заполнен. Маленький (карандашный?) автограф «Я думал, сердце позабыло» — начало беловое. «Русский Пелам» — рукой Пушкина, и дальше текст, еще неск. листков.

Недавно прервал мою запись звонок по телефону. Григорий Петрович, «не спит,

* Текст этот ему не дали послать, находя пушкинский образ слишком легкомысленным для офиц. учреждения.

А. С. Пушкин-ребенок (?).
Неизвестный художник, 1801—1802

А. С. Пушкин. Портрет О. А. Кипренского.
1827

не ест». Он совершенно потрясен значительностью нового поступления. Читал мне по телефону «Я думал, сердце позабыло». Другой текст, чем принятый. Последние стихи: «Передо мной явилась ты» (как в «Я помню чудное мгновенье»). Вместо «волненье... души» — «влеченье». Колебание между словами «волненье» и «влеченье» видно в двух автографах стихотв.<орения>

«Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души».

Еще прочел мне Григорий Петрович по моей просьбе «О ничтожестве литературы русской». Это план широко-задуманной истории русской литературы. И именно м. б. не статьи, а книги. Мы знаем, что в 1836 г. Тардиф просил его для какого-то франц. издания дать подобную работу и будто бы Пушкин обещал. Может быть, это первый (и единственный?) план этого замысла. Но трудно допустить, чтобы Пушкин *так* называл статью для Франции. *Очень* интересна статья — и сводка отношений к писателям, и кого он выделяет. Батюшков, Д. Давыдов, Жуковский, Баратынский, Пуш. (так! Пуш.) и кто-то еще. — Еще говорил Григ. Петр., что очень неприятен, высокомерен приехавший поляк Малиновский, осуждает Столова и наговаривает на него, будто бы он без всяких просьб владелицы всунулся в это дело и стал писать Цявловскому и Георгиевскому. (Врет! Это видно из писем Столова.) Второе замечательное показание Малиновского, что Лернер писал ему, что Академия Наук дает 1500 р., но что он (Малиновский), дав слово Ленинской библиотеке, не позволил себе прельститься лишней полтысячей и явился. Ложь! Лернер не только арестован, но и сослан на север. <*Позднейшая помета карандашом:* кажется, вздор.> К Академии Наук никакого отношения не имеет.

Завтра (18-го) Мстислав должен утром подписать вместе с Георгиевским акт о покупке рукописей из Ульяновска.

18/V

Сегодня в 10 ч. утра были в Ленинской библиотеке. Смотрели новые рукописи. Затем подписывались под актом покупки их.

Машковцев рассказал, что недели две назад вернулся из Ленинграда. Видел там в ИНЛИ отпечатанную в одном экземпляре книгу М. Д. Беляева «Наталья Николаевна Пушкина» с приложением ее портретов в черной репродукции. Издательство расформировалось, и книга издана не будет.

Он же говорил мне о портрете Пушкина Кипренского. Он знал прочтенную мною недавно заметку о портрете в «Сев. пчеле» (1827 г., 13 сент.) по поводу выставки и сноску о том, надо ли приписать гения поэзии. Он, так же как и я, понимает, что на выставке Аполлона-Мусагета <*Позднейшая помета карандашом:* ведь это же — Муза!> еще не было, не было и тогда, когда гравировал Уткин портрет (как датировать эту гравюру?). Потом же, говорит Машковцев, была приписана фигура и переписано лицо (видно по фактуре). Очень хорошо объясняет Машковцев слова «Берлину*, Дрездену, Парижу / Известен впредь мой будет вид». Кипренский готовился к выставке и вскоре и поехал именно в эти города. Но портрета Пушкина ему, очевидно, не доверили, т. к. он был беспутный пьяница. А я думала, что П. говорит о неминуемой гравюре с портрета, это было бы даже бестактно по отношению к живописцу.

25 мая.

Лернер, оказывается, уже на свободе, т.ч. м.б. Малиновский и правду говорил. В день приезда Малиновский был у Брюсовой, где опять пытался найти новые пути. Слышала от Кузьмина, кот. говорил Ашукин. Это же говорил Ашукин Мстиславу.

* Надо «Так Риму», это Машковцев спутал и удивлялся, почему же Рима нет?

П. А. Осипова. Рис. Пушкина

С публикацией автографов выясняется: изд. «Academia» выпустит сборник Ленинской библиотеки, где будет статья Мстислава и его публикация. Внешнее описание рукописей сделает Георгиевский. Сегодня Ежов был по этому поводу в Рукоп. отд., и Георгиевский на радостях звонил ко мне (меня не было) и говорил все это Мстиславу.

27 мая.

Вчера были с Мстиславом в Ленинской библиотеке. Читали рукописи Пушкина, прибывшие из Ульяновска. Выясняется, что Марье Ив. из «Капитан. дочки» прообразом служила Марья Борисовна, соседка Пушкина, дочь священника, которой он очень восторгался.

Почти нет непрочитанных слов. Запись Анненкова со слов Керн о Пушки-

А. А. Пушкин, сын

Н. А. Пушкина, дочь

не подтверждает сведения о внимании Пушкина ко *всем* женщинам и девушкам Тригорского. Посвящения «Подражаний Корану» Осиповой объясняются галантностью любовника. Рассказ с чаем и Анной Ник. В.<ульф> поражает цинизмом.

*

27 мая записано.

20 мая были мы (Мст. и я) с Ник. Вас. Кузьминым в Истор. музее у А. Л. Вейнберг, где была собрана его выставка портретов пушкинского окружения, но выставка не была открыта, т. к. она не актуальна. Мы смотрели эти портреты:

1) Нащокина Вера Ал. молоденькая — масл. портретик велич.<иной> с эту страницу, в красной одежде. Поясной. Прекрасной сохранности, не большого художника. Она очаровательна.

2) Она же — увядающей красавицей — масл. портрет.

3) Нащокин П. В. — акварель. Сидит в кресле. Размер с эту страницу — у́же. Чудесная работа. Прекрасный неопубликованный портрет.

4) Данзас Б. К. — с подвяз.<анной> рукой, рисунок подкраш.<енный> аквар.-<елью>, неопубл. Будет, вероятно, напечатан в «Звеньях» Бонч-Бруевича.

5) Толстая-Закревская А. Ф. — миниатюра. Вид у нее пренеприятный.

6) Она же — масл. портрет — в реставрации, но мы видели фотогр. с него (Анна Лаз. приносила к нам) — поколенный в шали белой с каймой, полные открытые руки — молодая, в 1820 г. — славная русская *спокойная* (!) тетеха. Так странно, что это — комета, Магдалина, русалка. (Портрет небольшой.)

7) Дантес с трубкой — профильный ($^3/_4$?) — Райта.

8) Бенкендорф — гравюра.

9) Вяземская В. Ф. — в профиль, рисунок, впервые как-то становится ясным это лицо.

10) Булгакова О. — Долгорукова.

11) Булгаков — К. Я. (Чичиков — взят Боклевским).

Анна А. Пушкина, внучка

12) Булгаков — А. Я.

13) Потемкина Т. Б. [(«Когда Потемкину в потемках»)] — сестра Н. Б. Голицына.

Миниатюры с царств.<ующих> особ — Лалла Рук и др.

Кроме того — лицеисты с учителями в парке Лицея встречают Нессельроде (?) и Дуббельт<а> (?), м. б. Мих. Павл... В группе гостей Энгельгардт. Картина масляная 30-х гг.

*

11/VI 1931.

Сегодня я говорила Григорию Петровичу Георгиевскому, что Луначарский провел факсим.<ильное> издание рукописей Пушкина здесь в Москве. Халатов берет это на себя (по крайней мере на этот год), тогда как Академия Наук денег не имеет.

Георгиевский же рассказал мне, что он встретил в одном доме одну древнюю старуху лет 70—80, которая оказалась из Симбирска. Она рассказала ему, что Столова знает и по поводу существования рукописей Пушкина в Симбирске сообщила следующее:

В начале революции уехали за границу из Симбирска некто Анненков — внук Павла Васильевича — и Ананьин, тоже местный помещик. *У обоих были рукописи Пушкина*, в том числе письма. Они увезли их с собой!!

Фамилия старухи — Орлова (по мужу), зовут ее, кажется, Марья Федоровна. «Мы все их видели», — сказала старуха.

Еще сказал мне Георгиевский, что у них (Лен. Биб.) заготовлены деньги для фотографирования листов 400 Пушкина, что они снимут сперва самые карандашные тетради, чтобы их больше не давать в работу, и потом постепенно подряд. Т. ч. м. б. эта кампания в соединении с делом Луначарского многое даст.

Линдеман сообщил мне, что *все рисунки* Пушкина из Рум. Музея были сфотографированы в свое время Фишером и что сейчас фотографии хранятся у Георгиевского. Часть клише удалось Линдеману купить для себя и использовать их для статьи о рисунках Пушкина.

26 октября 1931.

Врач Белобородов, родственник Гончаровых, говорил Гане, что у них (двух старушек) имеются письма Пушкина к тестю (очевидно, к дедушке). Штук 15 взял какой-то пушкинист, бывший незадолго в Париже, и не вернул. Они так возмущены, что больше ни с кем говорить на эту тему не хотят. А у них еще такая же пачка писем Пушкина имеется. Н. К. Муравьев хочет подъехать, чтобы его дочь опубликовала. Белобородов с ней дружен и может помочь.

14/XI 1931. Л. Модзал.<евский:>

Я слышал в авторитетных пушкинских кругах в старом Пушкинском Доме Ак.

Наук, что существовали какие-то пушк. автографы неизв.<естно> в каком количестве, были вывезены кем-то (м. б., потомками) в Японию, где хранились в сейфе одного из банков. Во время землетрясения в Японии в 1924 (?) г. вместе с банком рукописи погибли.

*

1931. 19 ноября.

Сегодня говорила я вновь (как и вчера) с Гр. Петр. Георгиевским о новом дневнике Пушкина. Он совершенно категорически отрицает возможность такового. Т. е., во всяком случае, он ручается за то, что у Ал. Ал. Пушкина его *не было*. Ал. Ал. всегда говорил о том, что дневник (известный, опубликованный, 1833—1835 г.) — «единственное, что он себе оставил» из рукописей отца после передачи их в Румянцевский музей. «Ал. Ал. был человек очень деликатного воспитания и прямой открытый человек». Он бы так не говорил, если бы у него был второй дневник. Когда он давал (кому? Т.<атьяне> Г.<ригорьевне> Георг.<иевский> не говорил) дневник читать, он говорил: «Только, чтобы Уваровы не знали, что там есть». Получает Ал. Ал. рескрипт от в. кн. Конст.<антина> Конст.<антиновича>, что тот хочет прочесть дневник Пушкина. Ал. Ал. просто не знал, что делать, был в отчаянии, за голову хватался. Отказать — думать нечего (Ал. Ал. — генерал-лейтенант); дать, не оговорив запрета о сомнительных местах, — невозможно. Оговорить — неудобно. И все же сделал последнее. Рескрипт второй: «Будьте покойны, все, что вас смущает, останется в тайне» (таков был смысл его речей).

Дневник попал к Конст. Конст., тот дал Саитову* снять копию. Мало того, в Историч. музее собрали пушкинское заседание, где был и Ал. Ал. и где Якушкин прочел вслух весь дневник в копии. Когда Ал. Ал. услышал те слова, которые его так мучили, он сорвался с места и демонстративно вышел, хлопнув дверью.

Вчера Гр. Петр. говорил мне о том, что если бы что-ниб. принадлежало Ал. Ал., то перешло бы, конечно, к дочери его Над. Ал., настоятельнице общины, а не к младшей дочери от 2-го брака. Сегодня же он поручился, что и не могло быть ничего у Ал. Ал. сверх известного.

Другое дело — Наталья Алекс. Меренберг, которую обхаживал [Стеблин-] Гальперин-Каминский. Он завладел-таки (?) письмами Нат. Ник. к Пушкину. Он и Тургенева обошел, кот. переводил письма Пушкина к невесте. Стасюлевич* был потверже. Его обойти было труднее.

Гр. Петр. пытается узнать что-ниб. об Елене Александровне Пушкиной.

*

6/II 1933 г.

Вчера провела вечер с Анной Александровной Пушкиной на концерте на выставке Кончаловского. Спрашивала ее о дневнике. Она ничего не знает, думает, что все это недоразумение, что речь о дневнике, что в Румянц. музее. — Впрочем, отец Анны Ал., Александр Александрович Пушкин, умер в имении, где жил со второй женой и ее дочерью Еленой Алдр. М. б. что-ниб. он ей и передал. Версия Мст.<ислава> о шкатулке в. кн. Мих. Мих. и о передаче ее Ел. Алдр. не кажется ей вероятной.

*

27/XI 1931 г.

Сегодня был Дм. Серг. Дарский. Говорит, что [в городе говорят] он слыхал от неск.<ольких> лиц, что Мстислав едет в

---

* Гр. Петр. не мог вспомнить кому; это подсказал мне Мстислав.

* Редактор «Русской старины» <*ошибочно вм.* «Вестника Европы»>, где Тургенев печатал эти письма.

Константинополь. — Рассказал следующее: есть у него приятель ..... (забыла фамилию), сын генерала, приятеля Ал. Ал. Пушкина, к которому он (отец) часто хаживал в винт играть. Так вот, Дарский рассказал об этих слухах о большом дневнике Пушкина этому своему приятелю. Тот об этих слухах узнал лишь от Дарского, а от отца будто бы слышал не раз о таковом, о коем Ал. Ал. Пушкин сам рассказывал своему приятелю. Еще сказал товарищ Дарского ему, что Ал. Ал. Пушкин говорил его отцу, что показывал этот дневник лишь в. кн. Сергею Александровичу, т. е. то же, что пишет Ел. Алдр. Онегину. Дарскому можно верить больше, чем себе, а о приятеле своем он говорит, что тот несомненно от него услыхал, т. ч. о Сергее Ал. он мог знать лишь от отца. (Дарский удивился, что в письме Е. А. это есть.)

*

24/XI Мстислав был у Ашукина (читал «Т.<ень> Б.<аркова>»). Там же был Павленко, писатель. Он рассказал, что некто Катаньян, племянник известного Г.П.У.'ста, был в Тифлисе (года два? назад) и видел у одного почтенного старца-армянина четыре любовных письма Пушкина к его матери, датируемых 1829 годом. Т. е. проездом через Тифлис в 1829 году Пушкин влюбился в армянку, коей писал. — Письма так игривы, что старец-армянин считает невозможным их публиковать, т. к. он бы этим оказал неуважение к памяти матери. Катаньян этот будто бы знает точно адрес и фамилию старика. — Мстислав хочет просить Егора Чулкова, едущего на Кавказ, быть у этого старика, если он жив, и уговорить его поступиться честию матери во имя более вечного добра — пушкиноведения.

(Записала 30/XI 1931.)

21/IV 1932. Об этом Мст. писал Чулкову, когда тот был на Кавказе, в февр. 1932 г. — тот получил письмо в Тифлисе в день отъезда в Москву. Чулков поручил это дело Тициану Тобидзе — первому грузинскому поэту, но до сих пор ничего не выяснилось.

<*Позднейшая приписка:*> Я писала Тобидзе, м. б., через неск.<олько> месяцев (весной 1932?), заказным письмом. Ответа не было.

<*Позднейшая приписка:*> Павленко это, конечно, придумал. Он и другой рассказ пустил — о находке писем Пушкина в Крыму. Я написала ему и получила ответ, смысл которого «не любо — не слушай, а врать не мешай».

Т. Цявл.<овская>. 3.XII. 1958.

*

5/XII 1931 г.

Еще при Леве Модзалевском, перед его отъездом, т. е. вероятно 14/XI, Зильберштейн сообщил Мстиславу по телефону, что в «Литер. наследстве» печатается факсимильно автограф Пушкина — «Гусар»... из Авиньона.

Сегодня Мстислав встретил А. К. Виноградова, который ему разъяснил, в чем дело. Соболевский имел этот и другие (всего 4—5) автографы от Пушкина и подарил их Мериме. Вот почему они во Франции. На вопрос Мст., какой текст «Гусара» в автографе, — он небрежно ответил — ... «парадный». Он все приговаривал, что этим не интересуется. Публикует он лишь 1-ую страницу из 6 («Гусара»), а текста явно не сличал.

*

«Мст. Ал., знаете ли Вы *судьбу* портрета Пушкина с его автографом — надписью П. Х. Молоствову? Известен ли текст этой надписи?

Знаете ли Вы, что у того же Молоствова были еще собственноручные рисунки-каррикатуры Пушкина?

У меня есть сведения о том, где были

и портрет и рисунки — *в начале Октябр.-<ьской> револ.<юции>*. Если Вам интересно — сообщу. *КШТ*».

Записка, переданная Мстиславу Шохор-Троцким во время заседания редакционного комитета (Толстовского собр. соч.) 30/ XI 1931 г. Разговор не состоялся.

5/II 1933 г.

Потом говорили. Он обещал узнать в точности, но ничего не сделал.

*

6 декабря 1931 г. вечером.

Только что звонила к Мстиславу Софья Александровна Стахович, еще под впечатлением его доклада «Толстой о Пушкине». Она рассказала следующее:

1) Александра Ивановна Козлова (дочь Ив. Ив.) рассказывала ей, что когда ей было 16 лет, то на вечере у Лаваль Пушкин танцовал с ней мазурку, в пику Олениной. (16 лет ей было в 1828 г., т. ч. все правдоподобно.)

2) [Владимир ?] Вадим Дмитриевич Блудов (сын Дм. Ник.), которого она хорошо знала, прекрасно помнил Пушкина, и она возила его, 82-х летнего старика, к Репину (кот. она тоже близко знала), когда тот писал «Пушкин на Неве», и Блудов говорил ему о внешности Пушкина, что он не был таким уж брюнетом etc.

*

19 января 1932 г.

Сегодня наконец закончилась эпопея с печатанием материалов о дневнике Пушкина, с полной нашей победой. Статья Козмина [не печатается] снята.

Все дело началось в начале ноября 1931 г. По городу стали распространяться слухи о том, что вскрылись сведения, что за рубежом имеется дневник Пушкина в 1011 страниц. Мстиславу об этом рассказали в «Мире» (после 6-го, когда он читал

Первая страница дневника Пушкина

о «Т.<ени> Б.<аркова>») со слов Бродского. Статья об этом, основанная на материалах Онегинского архива, написана Н. К. Козминым и идет в 1 № «Литературного наследства».

Мстислав, собрав эти слухи, звонил в «Литер. насл.» и говорил секретарше редакции (Зильб.<ерштейна> не было), что ни под каким видом нельзя печатать, если думать о последствиях. — Через некоторое время звонил Зильберштейн и, захлебываясь от удовольствия, говорил: «Авиньонские автографы Пушкина знаете? Берлинские знаете?» — Они публикуют и то и другое (см. запись 5/ XII). Очевидно, это было 14 ноября. Зильберштейн говорил, что пришлет Мстиславу оттиск статьи до печатания. Мстислав думал дать ему свои соображения о невероятности существования дневника. Его скепцис всецело разделял Георгиевский. Мст. предлагал Зильберштейну устроить анкету среди пушкинистов, насколько вероятен этот факт существования дневников.

Прошло месяца полтора, в продолжение которых изредка по телефону Зильб<ерштейн>ом подогревалась надежда видеть оттиск статьи. Наконец, дней 10 назад (т. е. числа 9 января) от Зильб. принесли статью. Ну, гром и молния. Всякий скепцис замолкает. Что-то есть несомненно, а м. б. даже и дневник. Вызвали мы сюда Григ. Петр. Георгиевского, и Мстислав читал ему статью. — Тот тоже больше не отрицал очевидного факта, но высказал мысль, что, это во всяком случае, что это не из СССР, а м. б. это идет от Торби, которые, желая помочь Ел. Ал. Пушкиной, кот. в то время нуждалась в деньгах, предоставили ей пушкинское наследие, находившееся в Баден-Бадене, потом в Англии.

Продолжение пишу 6/III 1932 г. под диктовку Мстислава.

Разговаривал по телефону с З. Г. Гринбергом, имевшим общение за границей с Гофманом в 1922—1923 г. У Гринберга создалось впечатление, что Гофман не только легкомысленный и авантюрный человек, но даже м. б. и несколько ненормальный. В то время он разводился с женой, всюду ходил с мальчиком и был очень неуравновешен. Гринберг помнит о поездке Гофмана, как он говорит, «на Балканы» к «тетке» (sic!) Пушкина. Относительно того, что Гофман чрезвычайно важное письмо свое Гринбергу взял обратно, Гринберг ничего не помнит.

После разговора с Гринбергом я имел свидание с Луначарским, которому рассказал о статье Козмина и доказывал необходимость изъятия ее из № «Литер. насл.». Луначарский обещал переговорить с Ипполитом, редактором «Лит. наследства». Но на другой день к нему явился, как потом оказалось со слов Зильберштейна, Зильберштейн и переубедил его.

Когда мне сообщил об этом Зильберштейн, я было решил сложить руки, но, подбодренный Ашукиным, решил действовать: говорил с Бонч-Бруевичем по телефону и послал ему статью со своим письмом, в котором доказывал необходимость изъятия статьи. Письмо это Бонч-Бруевич сообщил Бубнову, который немедленно дал распоряжение по двум линиям об изъятии статьи из номера: в Главлит Волину и по партийной линии Кольцову, что и было сделано в течение получаса, т. к. Бубнов человек военный.

В тот же вечер, когда я говорил с Бонч-Бруевичем, я звонил и В. И. Невскому, который обещал действовать: от Григ. Петр. Георгиевского узнал, что он написал Литвинову какую-то бумагу неизвестного мне содержания.

Спустя некоторое время пришедший ко мне В. С. Арсеньев сообщил, что Елена Александровна Пушкина живет в Neuilly под Парижем и что муж ее душевнобольной.

Ек. Н. Ушакова. Рис. Пушкина

Слух: Литвинов, узнав, что статью изъяли, сказал, что очень хорошо, т. к. в статье идет речь о советской служащей.

*

24/I 1932. Записано со слов А. В. Звенигородского.

У Алексея Ник. Званцева, б. члена Нижегор.<одской> губ. управы (убитого в Одессе в годы революции), находился среди семейных реликвий интересный никому неизвестный акварельный портрет Пушкина, размером немного поболее обычной маленькой альбомной фотографич. карточки. Видел Андрей Вл. в 1912 г. Этот портрет мог сохраниться у его дочерей, вышедших замуж. Одна из них (Катя) была во время герм.<анской> войны сестрой милосердия Обще-земск.<ого> лазарета № 4 в Нижнем Новгороде. <*Позднейшая приписка:*> Портрет этот воспроизведен недавно в нижегор. издании о Болдине. Дома есть.

Ел. Н. Ушакова. Рис. Пушкина

*

6/III 1932. Пишу под дикт.<овку> Мстислава.

24 февраля Конст. Гр. Локс привел своего знакомого Ив. Фед. Никольского, заведующего в г. Калязине Тверск.<ой> г.<убернии> музеем, кот. занимается Ушаковыми, знакомыми Пушкина.

Лет 10 тому назад Никольский познакомился с потомками пушкинских Ушаковых (потомство от брата Ушаковых). В то время у них были письма матери пушкинских Ушаковых. В одном из этих писем она писала кому-то о Пушкине, называя его «наш поэт». Были и письма одной из пушкинских Ушаковых той эпохи. Но в то время Никольский был ко всему этому равнодушен. Но затем (видимо, занимаясь историей края и собирая экспонаты для музея) он заинтересовался Ушаковыми и вывез из их усадьбы портреты. Литогр.<афированный> портрет Ек. Ник. Ушаковой, молоденькой девушкой, большой красоты

и привлекательности. Ее же портрет зрелой женщины с колоссальным ухом (отличие всех *Уша*ковых, и нынешних — знакомых Никольского) — портрет масл. красками. Она же — на иконе в виде Богоматери с младенцем — в типе грёзовских головок. Еще портрет Елиз. Ник. ребенком. Показывал нам снимки. Также и фотографию с кресла, сидя в котором Пушкин будто бы сделал Елиз. Ник. предложение.

Теперешние Ушаковы живут на Кавказе и в Крыму. У Никольского есть семейная хроника Ушаковых — важнейшие события жизни семьи, записанные в прокладных листах псалтыри.

Он готовит работу об Ушаковых.

*

11 марта 1932 г.

Сегодня была опять, м. б. в 4 раз, в архиве революции и внешней политики. Все самые животрепещущие бумаги по Сен-При переведены, как значится на оставшихся обложках, aux grandes Archives, т. е. в Главный архив мин. иностр. дел.
Я подала заявление. Сотрудница сказала, что если главный архив не у них, то он в Древлехранилище. На мой вопрос о личном архиве Нессельроде сотрудница ответила, что м. б. и есть, что Киселева, напр., есть. На мой переспрос — Киселева? — она ответила — да, записки. Надо на досуге заняться.

*

24 марта 1932.

Сегодня я отвозила Петру Петровичу Кончаловскому три томика нашего Пушкина. Он ужасно радовался, — как ребенок непосредственно сиял, находя неизвестные ему красоты: «Еще дуют холодные ветры» — прочел всё, «Зима мне рыхлою стеною...», «Везувий зев открыл» — прочел целиком. Сказал: «И вся картина передана в шести стихах». Радовался, что приложены факсимиле рукописей Пушкина.
Я спросила, видел ли он рукописи Пушкина. Он видал дневник (об этом он говорил и третьего дня), письма Пушкина к Афанасию Николаевичу Гончарову в Калуге и в калужском же музее в каком-то «альбомчике барышни» стихи «Я влюблен, я очарован». Проведший Кончаловского в музей местный старожил Кологривов на правах такового взял у сторожа ключ, достал этот альбом и показывал «автограф Пушкина» — «Я влюблен, я очарован».
Я спросила Кончаловского, «похож» ли автограф, что до сих пор таковой не известен. Он говорит, что ему сказали, что это Пушкин, и он смотрел с молитвенным чувством. — *Надо проверить!*

Была я сегодня у Кончаловского потому, что третьего дня вечером он вызвал нас к себе смотреть его новую работу — Пушкин. Вещь изумительная!

Он еще кое-что трогает кистью. Я ему говорила о рукописях Пушкина в Лен. биб. Он загорелся и хочет пойти смотреть их и м.б. сделает набросок акварелью, чтобы воспользоваться еще для картины. Будет ко мне звонить, чтобы вместе пойти.

31/III.

Сегодня был Кончаловский в Рук. отд., написал акварелью зел.<еный> саф.<ьяновый> альб.<ом> (2372) и черн.<ую> масонскую тетрадь (2370).

*

8/IV 1932.

Звонил по телефону Ашукин: В каталоге выставки «Пушкин и его время», изд. 1932 г., изданном в Праге, опубликованы четыре автографа Пушкина:

1) «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» в альбоме Паулины Бартеневой, «5 окт.» (1832 г.). Отличий нет.

2) В том же альбоме «Из наслаждений жизни» с датой 5 (будто бы переделано из 3) окт. 1832 г.

3) Письмо к А.И.Чернышеву от 27/II 1833 г. Ответ на присылку книг. Принадлежит Сустер.

4) «О Делия драгая» — из Пражского музея.

<*Приписка к №№ 1 и 2:*> Принадл.<е-жат> Н.А.Константинову (Париж).

<*Позднейшая приписка карандашом:*> «Нет, нет, не должен я, не смею...» оказалось *не* автограф.

*

11/IV 1932.

Только что была у Г. И. Чулкова, чтобы передать приходившему туда Ник. Ив. Тютчеву книгу папы «Метрические переложения» для Мурановского музея. — Говорили о дневнике Пушкина за границей. Ник. Ив. Елену Александровну хорошо знает, — она неумная, бесцветная. «Конечно, не авантюристка» (на мой вопрос). Он не верит в существование дневника за границей, особенно после того, как прочел статью Козмина (раньше больше верил). Оказывается, что во время революции, до поступления в Ленинскую библиотеку, дневник Пушкина (тот, что сейчас в Лен. биб.) хранился у Ланских, которые жили в квартире Н. И. Тютчева. Оберегая дневник, эти самые Ланские (первая жена Ал. Ал-ча Пушкина — Ланская; ее родственницы) хранили под клеткой с птицей, пока наконец Ник. Ив. не добился взять к себе в кабинет.

*

19/IV 1932.

Была сегодня в Театральном музее. Нужен мне был автограф Пушкина «Черная шаль» в альбоме С. Д. Пономаревой. «Кстати, — спросила я, — нет ли альбомов с рисунками 20-ых годов». Еще надеюсь на Сен-При — да и Сабуров А. И. был директором театров, могло попасть к ним. Пономаревой альбома Прыгунов не знает, о авт. «Черной шали» не слыхал. Постарается найти. Альбомы же 20-ых годов так и посыпались на меня — штук 6. Открываю первый наудачу — Наталии Боде-Колычевой. Масса ее рисунков — средних, и ее брата — прекрасных. И такой рисунок — акварель. Бал у кн. Ек. Трубецкой в Петербурге 24 ноября 1834 г. Среди гостей (масса фигур) малюсенькая фигурка — Пушкин, т. е. под каждой фигурой № и внизу объяснения.

Прыгунов спешил и оставил мне один лишь альбом Верстовского с автографами — письмами к нему разных лиц. Я сидела часа два и наслаждалась (забыла, что у меня альбомчики с рисунками отняли). Пушкин (письмо из Болдина), Вяземский, Глинка, Даргомыжский, Ф. Глинка, Алябьев, А. Львов, Вьельгорские Мих. и Матв., Одоевский Вл. Фед., Грибоедов, Н. Корсаков — приятель Пушкина по Лицею — 1820 г., Булгарин, Дубельт, Никита Всеволожский, Хмельницкий, Хотяинцев, Кукольник, Писарев, Каратыгин, Потехин, Лажечников, Загоскин, Дм. Ленский, кн. Пав. Гагарин, Ек. Уварова, рожд. Лунина, Полина Виардо, Берлиоз, Цветон, Контский, Иосиф Гросси, Мих. Глинка, Конст. Булгаков молодой. Пока прочла и списала очень интересные два письма Вяземского к Верстовскому, из кот. видно, что они будут пробовать лечить Батюшкова (на кварт. у врача) музыкой Верстовского.

*

21/IV. 1932.

Числа 13, 14 апреля я узнала в Ленинской библиотеке, что академик Матвей Никанорович Розанов выписал еще в феврале из Ленинграда (Пушк. Дома) дневники Ал. Ив. Тургенева с 1823 до 1830 г., что они лежали нераспечатанными до сего дня, что пришла бумага из ИРЛИ, что пора возвращать их, и что он собрался поэтому заняться. Дневники же задержал числа до

1 мая. Я разволновалась. В 1828 г. умер Сен-При в Риме, где был посланником кн. Гр. И. Гагарин, приятель Тургенева. Занимаясь этим моментом, я писала Томашевскому, чтобы он поискал в архиве Тургеневых пачку писем Гагарина. Он ответил, что там тысяча архивных единиц в Тург. архиве и что все не разобрано, что найти что-нибудь это колоссальное дело. Посоветовал написать официальный запрос, что я почему-то постеснялась сделать. Глупо! Напишу. Так вот, я решила, что в дневн. Тургенева могут быть записи о получении известий о смерти Сен-При. Стала подъезжать к Гр. Петр., как бы мне увидать эти дневники. Словом, на другое утро в 9 часов я была в Лен. биб. и разбирала эти тетради. Их 4:

№3 (6). Журнал Александра Тургенева от 16/4 окт. 1825 до 11 марта 1826.

№4 (7) / №2. Журнал Александра Тургенева от 12 марта 1826 до 30 декабря того же года.

№5 (8) / №5. Журнал Алекс. Тургенева 1827 с 1-го генв. по 2 февр. 1828.

8 / 308. Журнал Алекс. Тург., начатый в Брейтоне 12 ноября 1828 до 3 янв. 1830 в Париже.

Пребывания у Ник. Ив. Тург. в Лондоне в 1828 г. нет, и нет самого для меня важного: апреля 1828 г. Я посмотрела 23 сентября 1827 г., день, о котором я знаю, что Тург. видел Сен-При. Вместо чудесных писем от 23 сент. — до 10 окт. к Ник. Ив., с подробными описаниями встреч, времяпрепровождения, характеристики Сен-При, одна всего лаконичная помета 23 сент. «в Берн приехал 23 сент. в 6-м часу вечера. Получил письма от брата ... от Лисхен. — Гр. Сен-При Фурман. 23 пол. письмо от Н. № 20. Гр. par Ж. [Лисхен. Фурман. Сен При]»

Стала искать их встречи в Дрездене в конце 1826 г. или в первой половине 1827 г. За краткостью времени — не нашла. Стала искать под 14 дек. 1827 г. объяснений загадочному письму от Жихар.<ева>, что повеса Сен-При выкупил уже Киндяковского хама. Ничего нет. Лишь — «14 Декабря. Пол.<учено> письмо от Жих.<арева> от 8 ноября». Досадно очень! Но зато совершенно случайно и неожиданно в дневнике, писанном за границей, нашла такую прелесть, воспоминание о Пушкине.

«(1826) 31 октября. Сегодня праздник реформации, день, в который Лютер прибил свои положения. (Тург. описывает день.) Этот день напомнил мне и мой вечер в 1817 году, когда я сближал пасторов протестантских и реформатских и поэт — Пушкин угощал их у нас пуншом и ужином, а под конец и беглым веселым умом своим — вином разогретого пастора. — Буссе, Ласозе, — Мюральт —»

Теперь становятся очень жизненно-реальными стихи Пушкина к Тургеневу от конца 1817 г. —

«Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов» и т. д.

*

Вчера (20 апреля) был у нас Дарский, который обещал принести новый автограф Пушкина. Ему его не дали, но показали. Это — письмо Пушкина к кому-то (Гаевский говорит: Вяземскому, по «Письмам» изд. Модзалевского № 12, Вяземскому же). Нижняя половинка четвертушки (верхняя часть оторвана), занятая сверху франц. стихами. Так как нет обращения и вообще начального тона и так как первая строка тесно лепится к обрыву верхнему, то ясно, что здесь только вторая половина письма. Письмо известно было по копии Гаевского с автографа, принадлежавшего В.Р.Зотову. Сейчас этот считавшийся Модзалевским утерянным автограф находится у каких-то людей, фамилию которых Дарскому запрещено называть. Они получили письмо от Грессера, живущего в Москве. Теперь оказывается, что не хватает начала письма, о чем нельзя было

думать, не видев автографа, и о чем Гаевский у себя не пометил.

*

Вчера же (20 апреля) звонил В. В. Виноградов, получивший письмо от Казанского.

(*Под диктовку Мстислава*:)

Несколько лет тому назад Казанский (Бор. Вас.) заключил договор с «Academia» на «Воспоминания Араповой». Увлекшись комментарием к ним, Казанский на 28 листов дал следующее: извлечения из дневников А.П.Араповой, рожд. Ланской, о Нат. Николаевне Пушкиной-Гончаровой в годы ее девичества и рассказы (в этих же дневниках) ее детей от Пушкина. Извлечения из писем Пушкина к Нат. Ник. и извлечения о семейной жизни их из мемуаров. Весь этот монтаж «Academia» отказалась издать, Казанский с «Academ'ией» судился, суд был в Москве, и Казанский проиграл. Теперь он просит разрешения прислать мне (Мстиславу) корректуры всей этой работы на отзыв и просит устроить в какое-ниб. издательство. —

В годы разрухи Кожебаткин собирался переиздать эти воспом. мемуаров <sic!> в моей *(Мст.)* редакции, потом я уехал в Смоленск и набор рассыпали. Есть у меня и предисловие в рукописи. Я от Кожебаткина и гонорар получил (500.000 или миллионов).

Я был у Бор. Льв. <Модзалевского>, когда привезли к нему из квартиры умершей Араповой эти дневники с замочками, без ключей, и он говорил, что придется взламывать или звать слесаря. — Я просил: дайте мне, но он ответил (немножко сально) по-франц.: нет, я сам люблю defleurer — лишать невинности. А Казанский пишет: я *открыл* и перевел.

*

21/IV 1932.

Недели две назад, перебирая разные альбомчики 20-ых годов Ленинской библиотеки, я натолкнулась на пачку (штук 5) альбомчиков, идущих из Ярополыца, где очень недурные рисунки брата Н.Н.Гончаровой Ив. Ник. — гусара, ее автограф, детский, сделанный в 9 лет (франц. запись в альбом сестры), и т. п. сентиментальные пустяки.

В т. н. отделе «сороковых годов» альбомов с рисунками нет.

16 апреля я читала у Вересаевых доклад о Сен-При, еще не отлаженный, полусырой. Были — чета Вересаевых, Егор Чулков, Новиков, Мстислав и Ганя с женой. Хвалили. Да, действительно, очень яркий материал о беспутном талантливом юноше.

*

27 апр. 1932.

(*Под диктовку Мстислава*)

В своем докладе вчера (26/IV 1932) на расширенном заседании комиссии по организации Литер. музея В. Д. Бонч-Бруевич, в числе разных других сообщений о своей деятельности по скупке рукописей русских писателей за границей, заявил, что наш полпред в Праге Аросев на днях сообщил ему письмом о покупке Национальным чешским музеем в Праге у графини (фамилии Бонч не помнит, точно бы вроде как Salvi) альбома *переплетенных писем Пушкина.* По справкам библиотекарей этой библиотеки они выяснили, что эти письма нигде не опубликованы.

Сегодня я была у Бонч-Бруевича. Письма Аросева он не нашел, а на карточке, заведенной на это сообщение, значится, что кроме писем имеется автограф начала какой-то поэмы в белых стихах, строк 16—20.

Чёрти что!!

Сегодня у Бонча же увидала карточку, где значится, что по сообщению Балагина

(пресловутого историографа 17 дуэлей Пушкина) в Ташкенте имеется два автографа Пушкина из собр. бывшего там в ссылке вел. кн. Николая Констант.

Еще. Орешников дал в «Звенья» неизвестное четверостишие Пушкина.

28 апр. 1932, часов 7 вечера.

Только что звонил Бонч-Бруевич и прочел мне отрывок из письма Аросева о письмах Пушкина в Праге. Директор музея Вольф (очень квалифицированный знаток рукописей) утверждает, что все это еще не видело света. Кроме писем в одном из них имеется на отдельном листке стихотворение или даже начало поэмы белыми стихами строк 12—16. Письмо Аросева от 1 апр. 1932 г. Продала этот альбом Пражскому национальному музею какая-то аристократка-эмигрантка (фамилии не сказано). Музей отказывает Аросеву в снятии фотографий. Аросев приедет через две-три недели. Ему ответил Бонч-Бруевич 4 апр. Сейчас дополнительно напишет ему — узнать, кто продал, первые строки, даты etc. М.б. он добьется разрешения снять копии, если не фотографии.

*

1 мая 1932.

У мамы Ир. Грандмезон были ноты от Полетики, надписанные Пушкиным ей. Она (Полетика) была молода и игрывала ему (Пушкину) на рояле.

(Сл.<ышала> от Ир. Грандм.)

*

25 мая 1932.

Бар. Анна Львовна Боде (Nany), по мужу Долгорукая, вела дневник; по словам тетки Арсеньева, она, умирая, попросила бросить в камин ее дневник, что и было сделано на глазах тетки Арсеньева. С другой стороны, покойный Опочинин, слепой, просил Арсеньева почитать ему и указал, где лежат рукописи. Среди них был дневник этой самой Анны Льв. Боде — фрейлиной. Она была любовницей Николая I и ревновала его к горничной во дворце в Москве.

(Рассказал В. С. Арсеньев сегодня)

Тот же Арсеньев мне передавал, что Ник. I на балу известной <Ж.-Ш.> Ермоловой на ухо говорил недвусмысленные предложения. Она ответила ему «слышу, но не слушаю».

Он же говорил, что Тульский губернатор в < > гг. Ушаков — сын Николая I.

*

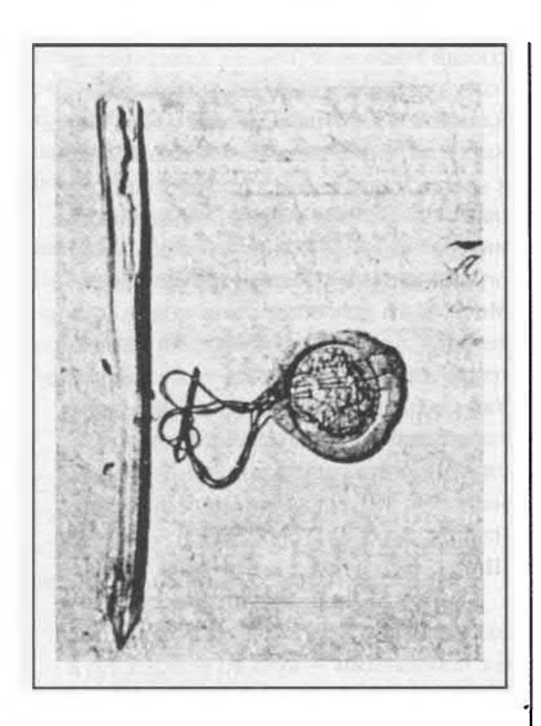
6/VI 1932.

День рождения Пушкина. Мы оба читали доклады в Литерат. музее. Сперва я — «Три письма Пушкина к неизвестной», затем Мстислав — «Рукописи Пушкина, приобретенные в прошлом году из Ульяновска». Прений не было за недостатком времени. Очень жаль.

*

16/VI 1932 г.

Пришел Павел Владимирович Васильев и принес перо Пушкина. Вот что он рассказал. В бытность его в ссылке он познакомился и подружился с актером Николаем Порфирьевичем Немезидиным. Вместе играли. — Не виделись с 1917 г. Потом не так давно списались. Недавно он умер. Три дня назад приехала его сестра Зинаида Порфирьевна Полчанская (по мужу) на короткое время и привезла ему, Васильеву, оставленное ему по завещанию покойного Немезидина перо Пушкина. Васильев пера прежде никогда не видал и о нем не слыхал, но они «вместе влюблены были в Пушкина». Немезидин всю жизнь жил и играл в Сибири, много в Иркутске. Сестра тоже не знает происхождения пера.

Бумага 43×29 (двойной листок такого размера). 11 $^1/_2$ сант. длина пера.

Пришито черн. шелк. ниткой, и нитка припечатана сургучной печатью с гербом.

У печати текст. По предположению Л. Б. Модзалевского — Тарасенко-Отрешкова: «Перо взятое съ письменаго стола А. С. Пушкина 20 марта 1837 года». — Чернила выцветшие, коричневые.

Согнуто пакетом. Написан адрес:

Его Высокоблагородію
Ивану Тимофѣевичу
Калашникову.

Васильев, будучи членом Об-ва политкаторжан и служа там, показывал там это перо. Яков Борисович Шумяцкий отнесся пренебрежительно спокойно, сказав, что «вечное перо гораздо интереснее» и что «американцы дадут тыщонки три». Потом Васильев говорил с Мстиславом по телефону, потом почему-то политкаторжане возбудились и теперь почти что требуют, чтобы Васильев отдал перо им в музей. Мотив — «м.б. Пушкин этим пером писал “Во глубине сибирских руд”». Когда Васильев звонил часа в 2 16-го, он уже вроде как бы отказывался притти — политкаторжане боятся, что Мстислав «отнимет» у него перо. Теперь надо, чтобы Невский или Бонч-Бруевич отвоевывали у политкаторжан для Литерат. музея. Звонить 4-70-85. Вера Никол. Светлова.

Об этом пере в «Альб.<оме> Пушк. выст.<авки> в Ак. Наук». М., 1899 (изд. Фишера) на стр. 23 в «Витрине 15»: «№ 723. Перо Пушкина, взятое с его стола 20 марта 1837 г. и переданное Ив. Тимоф. Калашникову. *Собств.<енность> Ник. Ив. Кирьякова в Феодосии.* Продается».

*

<*Запись рукой К. П. Богаевской:*> В издании: «Каталог... (рукописей и предметов) Псковского церковно-археологического Комитета» значится автограф Пушкина: «Булгарин — наш поляк природный». Книги этой нет в Ленинской библиотеке, необходимо ее отыскать и через Центрархив навести справки, где находится или может находиться этот автограф. О существовании этой книги узнал от Г. П. Георгиевского 25 мая 1931 г.

*

14/VII 1932.

Отрывки из писем М. Л. Гофмана к С. Л. Забелло.

От 20/VII 1929 г. «Пушкина сейчас находится в Париже. Недавно Дягилев вел с ней переговоры о приобретении пушкинской печати. Это должно быть интересно Академии, Дягилев купил у lady Торби письма Пушкина. Есть кое-что неизданное, Дневник существует действительно, но заключает в себе не 1110 страниц, а около 150 страниц и находится в месте, более близком к Ленинграду, чем к Парижу».

(После смерти Дягилева, через год.) — (Среди продающегося наследия – письма Пушкина к жене, известные по вольной публикации Тургенева.)

*

5 октября 1932 г.

Эти дни я была очень взволнована одним несостоявшимся «открытием».

В «Альбоме Пушк. выст.<авки> в Акад. Наук» в 1899 г. репродуцирован портрет Ек. Ник. Ушаковой, работы Пушкина с подписью Пушкина же: «Трудясь над образом прелестной». Начало и конец строчки не попали в снимок. Я представила себе, что тут находится целиком то стих., кот. в одном стихе имеется в Ушак.<овском> альб.<оме>, и решила разыскать во что бы то ни стало этот рисунок. В каталоге, прилож.<енном> к альбому, я узнала, что он принадлежал в 1899 г. Н. К. Дунин-Борковской. В генеалогии этой семьи я нашла Над. Конст. Дунин-Борковскую, р. в 1861 г. Найдя в телеф.<онной> книге какого-то В. Ф. Дун.-Борк., я поехала к нему. Оказалось, что он выехал, но мне дали тел. и адрес. Придя домой, усталая, промокшая, взвинченная и неудовлетворенная, я решилась позвонить к нему. Польский акцент, довольно разбитной и кажется сероватый. О Над. Конст. слышал. В СССР Д.-Борк. он и еще один в Абхазии. — Затем Мст., пересматривая каталог Пушк. выст.<авки> 1880 г. помощи нужд.<ающимся> лит.<ераторам> в Петербурге, находит и там опис.<ание> этого рисунка, выставленного Над. Конст. Дунин-Борковской (19-ти-летней замужницы). Здесь уже подтверждение, что Н. К. — Над. Конст., и сказано, что она плем.<янница> Е. Н. Уш.<аковой>. Я написала Леве Модз.<алевскому>, чтобы он искал в архиве отца какие-ниб. бумаги об ней (т. к. Б. Л. Модз. делал каталог выставки 1899) и чтобы по Alm. de St. Pét.<ersbourg> узнал фамилии ее дочерей в браке. Пишу Коле, чтобы по адресн.<ому> столу нашел каких-ниб. Дун.-Борк.

Нахожу в «Тверск.<ом> двор.<янстве>» — Киовых (ее девичья фам.), «догадываюсь», что они (помещ.<ики> Тверск. у.<езда>) соседи Ушаковых (помещ. Каляз.<инского> у.), собираюсь писать Никольскому в Калязин. И вдруг вспоминаю о Ник. Петр. Киселеве, внуке Елиз. Ник. Ушаковой. Иду к нему в музей книги. Он очень мил, рассказывает мне об умной, выдающейся, интересной Над. Конст., жене довольно ограниченного толстого чин.<овника> Мин. Внутр. дел, об ее совершенно изумительной дочери Софье и т.д. Но об автографе этом не знает, хотя ту же надпись в Ушак. альб. чудесно знает и в свое время, так же как я сейчас, болел тем, чтобы узнать все стихотворение. Он утешил меня тем, что дал адрес брата по матери (от другого брака) Над. Конст. — Вас. Вас. Шиндлера, в 1914 г. — Ушакова.

Вечером я к нему отправилась. Застала маленького седого человечка, одетого и с чемоданами — куда-то уезжает. Но я успела узнать у него, что автограф этот всегда висел в рамке у сестры на стене и в годы революции украден из ее квартиры в Ленинграде, когда она была в деревне. Вернувшись, она хватилась, обыскала все свои сундуки и шкапы — его не было. После ее смерти этот автограф вновь искали ее родные — безрезультатно. Он твердо знает, что стихотворения под рисунком не было, а был лишь один стих: «Трудясь над образом прекрасной». (Это его «редакция».)

Откуда имела Над. Конст. этот автограф Пушкина, он не может сказать, он же все имел от «тети Лизы Обрезковой», дочери Екат. Ник. Наумовой (рожд. Ушаковой). У него был экземпляр «Руслана» (понимай: «Полтавы») с надписью Пушк. Ек. Ник-не и портреты. Книгу и масл.<яный> портрет Ек. Ник. он отдал (понимай: продал) в Пушк. Дом — лет 8, 9 назад (как сказал мне Киселев). А другие портреты отдал в Калязинский музей (где они под верной охраной первого «ушакововеда» Никольского). «Один лишь портрет Ек. Ник. у меня остался». По моей просьбе показал мне небольшой (с эту страницу)

аквар.<ельный> портрет ее — уже лет 35, работы Беранже. Хороший портрет, с яркой красной лентой или беретом из парчи; она — серьезна, симпатична, не очень хороша.

На обороте он наклеил переписанные им стихи Пушкина, обращенные как к Ек. Ник., так и к Елиз. Ник. То же он сделал и на масл. портрете, кот. теперь в П. Доме (как сказал мне Киселев).

*

8 октября 1932. Со слов Г. И. Чулкова.

Старец Нектарий, последний старец Оптиной пустыни, сказал о Пушкине: «Пушкин был прекрасный человек, но у него всегда на сердце кошки скребли».

*

11 октября 1932.

Была Ольга Ивановна Попова и не удержалась — рассказала тайну — о находке нового автографа Пушкина. Года полтора назад пришла в Консерваторию старушка и принесла альбом, где много записей, и в том числе ноты. Обратилась она к Игумнову. Он сказал, что на это любитель — Гольденвейзер, который, найдя в альбоме стихи, подписанные Пушкиным, немедленно (но в рассрочку) купил у старушки этот альбом. Пушкиным написан отрывок из «Разговора книгопродавца с поэтом». Подпись «АПушкинъ». Альбом принадлежал princesse Nocturne Голицыной, судя по тому, что везде написано «A Madame la Princesse Serge Golitzine». Стихи Крылова, Жуковского, Вяземского, массы иностранных писателей и огромное количество музыкантов. — Застежки к альбому — два герба — Голицыных и Апраксиных. Альбом принадлежал б.<ывшему> директору Истор. музея кн. Ник. Серг. Щербатову, жена кот. была Апраксина. Старушка же, продавшая после его смерти альбом, — та, что его выхаживала и пестовала. Продала она — всего за 150 р. Было словесно договорено издать в «Academia», русскую литер.<атуру> и биогр.<афию> Pr. Nocturne — пишет О. И. Попова, иностр.<анную> — М. Н. Розанов, музыкальную — А. Б. Гольденвейзер. Состоится ли это, в связи с сегодняшней новостью?

Сотрудники <музея> Дмитровского уезда — Голицын и еще какой-то — приготовили к печати интереснейшую вещь — письма princesse Moustache Голицыной! Что там может обнаружиться! Считалось, что архив села Вязём погиб, но вот такая ценнейшая вещь — уцелела!

О. И. Попова приготовляет к печати — по предложению Бонч-Бруевича — письма Вигеля — с 1838 г. до 50-ых гг. — к А. Д. Блудовой — двадцать шесть длиннейших. Бонч купил их у Ципельзона за 250 р.

18/X.

12-го был у нас П. С. Шереметев, я ему говорила о письмах pr. Moustache, он знает, он их читал. (В Дмитр. муз. — один из сыновей покойного Влад. Мих. Голицына.) Но они не из Вязём. А архив села Вязёмы, по его сведениям, цел и где-то в частных руках. Письма pr. Moustache охватывают и двадцатые годы.

*

18/X 32 г.

Заходила я вчера к Ольге Ив. Поповой. Она сейчас разбирает архив Мухановых или кое-что там посмотрела. Она сейчас выделяет для «Литер. наследства» литер. материалы из архива Историч. музея. За это Истор. музей получил уже 1000 р. от Лит. насл. и будет еще получать. — В этом архиве Мухановых два письма Баратынского (третье к Блудову). Одно очень интересно — о Пушкине, переписала все, что о Пушкине:

«Пушкин здесь, читал мне Годунова. Чудесное произведение, которое составит эпоху в нашей словесности.

Ев. Бо-»

(Приписка брата его Ираклия ?:)

«Октября 17 (1826) .....

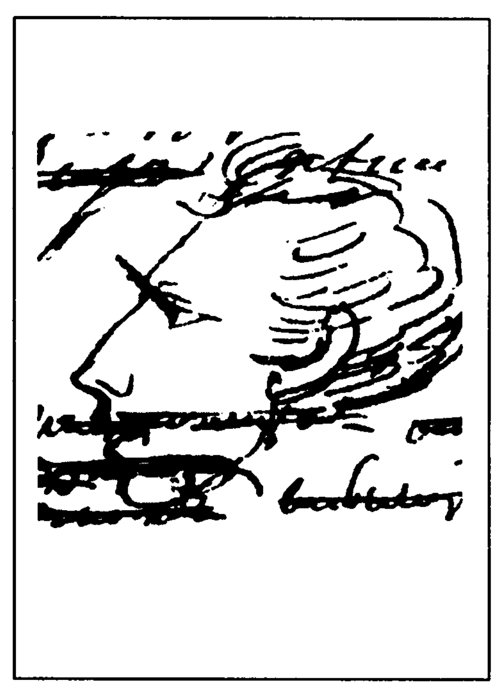
А. Пушкин еще здесь, мне не удалось его видеть. Вчера он обещался быть вечер у брата и не сдержал слова. Он скоро едет в деревню, вероятно чтобы заняться поэзией, а оттуда в Петербург. Вторая песнь Онегина вышла из печати; очень тощая книжонка. Он дурно сделал, по моему мнению, что не напечатал 2 и 3 песни вместе, ибо у него 6 песен уже написано. Мне еще не удалось слышать ни одного из новых его произведений. Муравьев в деревне ..... его трагедия .....»

*

20 октября.

Была я сегодня у внучки Баратынского — милейшей старушки Екатерины Николаевны Баратынской. Пошла я, чтобы узнать, есть ли кто-нибудь на свете из семьи Ольги Петр. Юшковой, кот. она, по моим соображениям, должна знать. Она рассказала мне о семье Юшковой, сказала, что ее отец (Юшковой) Булгаков был интереснейший человек, высокообразованный, по отзывам отца Екат. Ник. Мне он нужен, потому что репортер «Волгаря» 1899 г. сообщает, что у Ольги Петр. Юшковой хранится письмо Пушкина к ее отцу, где он хвалит записки, присланные Булгаковым. Булгакову было тогда лишь 25 лет, записки он прислал, конечно, чужие — отца, деда. Екат. Ник. дала мне адреса потомков умершей Ольги Петр. Завтра пойду.

В разговоре выяснилось, что у них в семье хранится портрет Пушкина — рисунок (по экспертизе знатоков) Jules Vivien, в рамочке, подаренный (с этой рамкой) Пушкиным Баратынскому. Я просила показать, но ни Екат. Ник., ни Софья Серг. — жена ..... Баратынского, сидящего в тюрьме <*приписка:* расстрелян>, не могли мне сказать, где он именно лежит. Очевидно, внук (?) поэта спрятал куда-нибудь, а женщины не знают. Так и пропадет когда-нибудь.

Е. А. Баратынский. Рис. Пушкина

Этот рисунок, конечно, не раз воспроизводился, но я не знала его истории. Это очень трогательно, относится, вероятно, к 1827 г., когда Пушкин особенно душевно относился к Баратынскому и писал о нем статью и начинал значительное послание.

<Приписка:> 28/II 1934.
Находится в ЦЛМ, куда продан Н. И. Тютчевым, который получил от Баратынского. Надпись на обороте, что, по семейному преданию, Пушкин собственноручно окантовал для Баратынского.

---

25 октября <1932>.

21-ого была я у сестры Соф. Серг. Баратынской — Нат. Серг. Охременко. У

мужа ее был будто бы автограф стих. Рылеева, с его подписью (вероятно) копия, подаренный ему, ребенку, старушкой, [племянницей] внучкой Радищева, Ек. Павл., жившей у его родителей в доме в качестве компаньонки или друга. Направили они меня к Олегу Петр. Николаеву, внуку Ольги Петр. Юшковой, кот., как и они, не знает об автографе Пушкина, но дал мне адреса двух теток, дочерей Ольги Петр., в Ленинграде. — Я написала одной из них лично (Мар. Конст. Залесской), а к другой (Ел. Влад. Де Бособр) направила Колю.

*

<25/X 1932.>

Нашла у себя запись (1926 г.) Мстислава со слов Н. В. Голицына, что у кн. Щербатова был альбом Ек. Вл. Голицыной, по мужу [Строгановой] Апраксиной, со стихами Пушкина из «Разг.<овора> книгопр. с поэтом». Значит, это не princesse Nocturne, о чем говорила Ол. Ив. Попова.

22-го ходила разыскивать другой автограф Пушкина. Ал. Григ. Миронов говорил когда-то Мстиславу о том, что какой-то архитектор имеет автограф Пушкина. Пошла к Миронову, он назвал архитектора — Михаил Леонидович Малашкин, было это лет 15 назад. Жив ли он? Направил меня к Мих. Ив. Пузыреву, антиквару, кот., купив у Михаила Павл. Келлера, продал этому Малашкину. Помнит Миронов, что были это стихи, карандашом, строк 8, кое-что зачеркнуто. Прошла я и к Пузыреву. Да, было. Кажется, «Ангел». Где Малашкин, не знает, жив ли он?

Сегодня, 25-го, Ксения была в адресном столе. *Такого не значится.* То же и относительно Александры Викторовны Якуниной, б.<ывшей> служ.<ащей> ГАХНа, племянницы того Серг. Дм. (?) Иванова, кот. владеет автогр. «Се самый Дельвиг тот». Ужасно, как все быстро исчезает. И этого «Ангела» не только не сфотографировали, но и не сняли копии.

21-го, кажется, писала я Тициану Табидзе, спрашивая о тифл.<исских> автографах Пушкина, и еще в Воронеж в Унив.<ерситет> — Кудрявской. Писала и Ив. Аф. Бычкову, по поводу Пугач.<евского> бунта и кстати задала массу вопросов, связанных с рукописями Пушкина. Жду со всех концов писем.

26-го, вечер.

Только что звонила к Алдру Дм. Суркову, сыну Дм. Тимоф., упр. делами Юшковых, не знает ли он об автографе Пушкина. Никогда не слыхал. Советовал Мар. Конст. написать (я уже раньше написала), дочери О. П. Юшковой. Но сказал мне, что во время голода на Волге Лев Ник. Толстой приезжал в Казань и останавливался у этих самых Юшковых, и отец его, Дм. Тимоф. Сурков, помогал Толстому организовывать помощь голодающим.

---

28 окт.

Пришло письмо от Коли. Он был по моей просьбе у Елены Влад. Де Бособр, старшей дочери Ольги Петр. Юшковой. Она никогда не слыхала даже о письме Пушкина к деду.

*

Ясная Поляна. 3 ноября 1932.

Хочу сказать несколько слов о работе П. Е. Щеголева над текстом «Медного всадника» (отд. изд. 1923 г.). — Это — покушение с негодными средствами, кража со взломом или еще какое-нибудь преступление уголовного характера. Бенуа иллюстрировал «Медного всадника». Щеголеву предложили редактировать текст. Он решил дать его возможно эф-

фектнее и злоумышленно сделать подлог, т. е. доказать, что то, что отстаивает он — единственно правильное. Будучи недурным диалектиком, он очень быстро убеждает читателя, подходящего доверчиво. Но если внимательно читать, то видны все недобросовестные приемы. Во-первых, все время, говоря о принятом тексте, Щеголев, как бы невзначай, все сбивается на посмертное издание, от которого отошли начиная с Анненкова все редакторы. Во-вторых, желая доказать, что поправки Пушкина на пис.<арской> копии не закончены, он доказывает это явно недоброкачественным примером, рассчитывая на то, что неподготовленный читатель не разбирается в истории семантики. — Наконец, он пропитывает всю работу таким пафосом, взывает к Пушкину, что этим точно стыдит всякого, кто думает иначе. — Чтобы не провалиться в общественном мнении, он повторяет несовершенный текст в Краснонивском издании, и (вероятно, после его смерти?) этот текст уже механически попадает и в шеститомник. — Всего этого я не могла сказать в своей статье «Николай I — редактор Пушкина».

14 ноября 1932. Ясная Поляна.

Сегодня получена присланная Сергиевским из «Литер. наследства» статья некоего Путинцева Алексея Михайловича о тексте «Братьев разбойников» Пушкина. Он нашел копию 1832 г. в архиве Мариных в Воронеже и хочет ею заменить пушкинский печатный текст. Смешно!..

Но есть ценные сноски в статье. Так, о сборнике, из которого Путинцев дает текст: «Сборник очень кратко описан А. Д. Фадеевым в «Трудах Воронежской архивной комиссии», вып. I, Воронеж, 1902 (стр. 97—100).

2) В своей неизданной автобиографии «Хроника с 1790 г. по 1864 г.», хранящейся в Воронежском гос. музее, А. Н. Марин говорит под 1820 г.: «В Петров день, 29 июня, мы благополучно прибыли на Кавказ в Константиногорск, нашли себе квартиру и начали брать горячие ванны. В Константиногорске мы очень хорошо сошлись с братом (речь идет о брате А. Н. — Николае) с знаменитым нашим поэтом А.С.Пушкиным, с ним был я знаком еще тогда, когда он был в Лицее, в Царском Селе; на Кавказе я встретил, кроме Пушкина, много других своих знакомых и сослуживцев... В конце августа мы поехали с братом обратно» (рукопись Воронежского гос. музея, под № 5, л. 28). Еще об А. Н. Марине: «Вор. Юбил. Сборн.» (Воронеж, 1886), т. I, стр. 459—462; «Вор. губ. вед.<омости>», 1865, № 61 и «Ворон. календ. на 1874 г.».

Об Аполлоне Никифоровиче Марине, моложе своего известного брата-сатирика на 15 лет, Путинцев говорит: «Ап. Никиф., служивший сначала в Петербурге, в л.-гв. Финл.<яндском> п.<олку>, затем занимавший крупные административные посты в провинции, тоже близкий к литературным деятелям своего времени (1790—1873)...

А. Н. Марин — автор книг: «Краткая история л.-г. Финл. п.<олка>» (1846 г.) и «Русские богатыри» (1848 г.).

... Сведения об отношениях Мариных и Вяземских сообщаем со слов Варв. Влад. Лидерс, рожд. Мариной». (Это другая линия Вяземских, владельцев имения «Княжье — Бойгорье» Воронежск. губ.)

Вчера, 13/XI, получила ответ от М. К. Юшковой-Залесской, младшей дочери О. П. Юшковой. Письмо Пушкина ей не досталось, и она о нем никогда не слыхала. Не знает ли Вл.Вл. Де Бособр? Написала Коле, прося его узнать адрес этого последнего, кто может знать. Но уже не надеюсь.

*

25 ноября 1932.

Кс. П. Богаевская сообщила со слов Вл. Алексеевича Комаровского (виденного ею

вчера), что Мих. Ал. Веневитиновым была сдана на хранение в Об<щест>во любит.-<елей> древней письменности гр. С.Д. Шереметева в Петербурге часть архива Веневитиновых, где находились записки и Дневник Мих. Юр. Вьельгорского. Где сейчас?

В Румянцевке около 300 (280) писем Ан. Ник. Веневитиновой, матери поэта, с 1814 г. — 1841 к дочери Соф. Вл. Комаровской. Поступили очень недавно в Рум. (года два-три).

*

1933. 2 февраля и 6 февраля.

Недели две назад Гр. Ал. Пушкин зашел к Попову, у которого он бывал последнее время. Не застал. Сказал Васильчиковой, что м. б. интересна Павлу Серг. пачка хозяйственных бумаг Пушкина. Она подтвердила и просила привезти. Спрашивала, что же именно. Он не мог сказать. Павел Серг. написал ему через неск. дней, прося привезти эти бумаги (Гр. Ал. живет в Лопасне под Москвой). Письмо пришло накануне поездки Гр. Ал. в Москву. 1-го февраля Гр. Ал. приехал и привез еле завернутые в дырявую бумагу, кучей сложенные бумаги. Там оказалось несколько автографов Пушкина (записи денежные:

за Бат.<юшку ?> заплачено столько-то
за брата — — — —
долгов брата — — — — и т. д.),

прикидка собр. соч. с расчетом по листам и просто денежные подсчеты на оборотах писем управляющего, пачка писем Калашникова (управл. Болдиным), 1 п.<исьмо> его дочери Ольги — «крепостной любви Пушкина», письма Пеньковского, очень много документов по истории рода Пушкиных, Приклонских, Ганнибалов, отпускное (т. е. по ее делам) свидетельство Пр. Ал. Осиповой двум крестьянам в Петербург *29 ноября* 1825 г. (рукой Пушкина, стилиз.<ованной> под писаря XVIII в.).

Почему оно *осталось у Пушкина*? Я думаю, что неспроста. Тут какое-то несостоявшееся поручение к Пущину или что-ниб. подобное.

Еще в архиве подворные переписи пушк. крестьян в Болдине, жалобы крестьян на управл<яющего>.

И еще: два документа исключительного интереса. Приказы Пугачева, как Петра III. Словом, потрясающе!

Ольга Ключарева такой бабец крутой, судя по упоминаниям о ней Пеньковского.

Бедный Григ. Ал. Пушкин, совершенно голодный человек, теперь хоть сыт будет. <*Позднейшие приписки:*> Приобрел ЦЛМ за 12 тысяч.

Напечатано в «Лет.<описях> Лит. музея», т. I, 1936, «Пушкин».

3 февраля 1933.

Есть в Ленинграде Надежда Ивановна Обухова, жена известного священника. В семье говорят, что она незаконная внучка Пушкина. М. б. Васильчиковы (Ек. Павл. и Тат. Павл. — Руднева), знающие их, если будут в Питере, умудрятся выяснить. Не внучка ли это Ольги Калашниковой-Ключаревой?

<*Приписка:*> Нет, ее сын умер 2 $^1/_2$ мес.<яцев>.

---

3 февраля 1933.

Андр. Вл. Звениг.<ородским> приобретены на Черном пруде в Нижнем из архива Маргариты Лукиничны Кондратьевой, помещицы Сергацкого уезда, смежного с Лукояновским, земельные акты на владение помещиков Сергацкого уезда, нач. XIX в. Связано с Болдиным.

Нижег. губ. вед. 1899, неофиц. часть. Статья Мельникова о связи Пушкина с дочерью мельника (со слов Андрея Вл. Звенигородского). Ее звали Вельянова.

М. П. Клименко

С. П. Кологривова (Вельяминова)

6/II 1933 г.

Вчера в концерте, посвященном Пушкину, на выставке Кончаловского я провела большую часть вечера с Анной Ал. Пушкиной. Она мне рассказала между прочим следующее: Лев Сергеевич Пушкин жил в Одессе со своей женой. Ей понадобилась прислуга. Он написал в Болдино, чтобы ему прислали трех девушек. Девушек прислали. Они пожили некоторое время и ужасно затосковали по Болдину. Решились бежать из Одессы домой. Встретившийся исправник не только не вернул их, но научил найти дорогу. Прибыли они к Болдину утром, но их взял такой страх, как их встретят, что они решили прождать в лесу дотемна и тогда только пошли к родителям. Оказывается, что там уже все известно от Льва Сергеевича, кот. написал, чтобы их не обижали и чтобы впредь присылали только таких, которые сами высказывают желание ехать. Слышала это не то Анна Ал. сама, не то, и вернее последнее, двоюродная сестра ее, т. е. дочь Льва Серг., от одной из этих бежавших девушек, тогда уже старухой.

Еще рассказала мне Анна Александровна следующее: скульптор Антокольский совсем незадолго до смерти своей надумал вылепить голову (или бюст, м. б. статую) Пушкина. Познакомившись мимолетно с Анной Алекс., он просил ее собрать для него фотографии всех близких родственников Пушкина, чтобы по семейным чертам выяснить его облик. Это была его манера, очень удававшаяся. Но ничего не вышло из-за смерти его.

10 февраля 1933 г.

Только что была у нас правнучка Пушкина Софья Павловна Кологривова, которая рассказала мне ужасную страницу жизни своей покойной сестры, умершей в качестве работницы совхоза от переутомле-

ния, голода, с обмороженными и ревматическими руками от тяжелой непривычной работы. Она была как-то арестована и попала в камеру с воровками-рецидивистками, проститутками и подобным «цветом города». Вся эта шпана, узнав, что она дочь помещика, невероятно чудовищно издевалась над ней. Иначе как ругательствами ее не называли, тушили ей за ворот папиросы, плевали в нее, а одна даже обмочила ее!!! — Это была необыкновенной стойкости и благородства человек, никогда не жаловалась даже родным и имела силу духа после тяжелой работы в совхозе, голодная, измученная, учить жившего у нее сына сестры. Больше всего на свете она боялась умереть в одиночестве, привыкшая к большой семье. Так и случилось. Ей стало дурно во время работы, ее привезли в больницу умирающей.

*

12 декабря 1936.

Вчера на докладе Мстислава о кишиневском дневнике Долгорукова было два очень ценных сообщения:

1. В. И. Нейштадт сообщил, что видел у какого-то букиниста дневник сестры Охотникова, декабриста, умершего до декабря от чахотки, общавшегося с Пушкиным в Кишиневе. В дневнике описано посещение Пушкиным Охотникова.

2. А. Б. Гольденвейзер рассказал, что в Москве живет правнучка Ваньковича, которая сообщает, что ее дядя, живущий в Варшаве, владеет двумя письмами Пушкина к Ваньковичу.

Ванькович Галина Маврикиевна, тел. К0—33—45.

*

Пишем в ночь с 1 на 2 марта 1939.

[Кажется] 25 февраля Мстислав был в гостинице Москва у Юр. Ник. Тынянова по его приглашению (с ним ходил и Бонди). Тынянов сообщил следующее: Всев. Вячесл. Иванов ему говорил, что Иванову рассказывал Максим Горький о том, что он не однажды в Италии у некоего Серра-Каприоле видел несколько писем Пушкина на французском языке к какому-то итальянцу. Видала эти письма и говорила об этом Всев. Иванову и Над. Ал. Пешкова. —

28-го февр. поздно вечером Мстислав звонил к Всев. Иванову. Тот подтвердил сообщение Тынянова и добавил, что у него хранится редкая гравюра — семейный портрет группы каких-то предков Серра-Каприоле («какой-то посол», по словам Всев. Иванова). Всев. Вяч. предлагает эту гравюру для передачи Серра-Каприоле, если он пойдет на уступку автографов Пушкина нашему Союзу. — Мстислав не решился звонить Над. Ал. Пешковой, как ему советовал Всев. Иванов, а позвонил сейчас же Луппову как дир.<ектору> Инст.<итута> мир.<овой> лит.<ературы> им. Горького, часто общающемуся с Над. Ал. Тот ответил, что он слышал об этих письмах, «они, кажется, погибли». Он обещал поговорить с Над. Ал.

<*Позднейшая приписка:*> Об этом пишет Всев. Иванов в своих мемуарах. Опубликованы. (Приписка 13/ IX 1955.)

1945

7.XI. 1945.

Некто, Николай [Васильевич] Алексеевич Раевский, вероятно офицер царской армии, написал из концлагеря, куда он сослан на 5 лет, в Пушкинский Дом письмо с вопросом, дошли ли привезенные им из Австрии и посланные в Пушкинский Дом копии с неизвестного письма Пушкина к гр. Д. Ф. Фикельмон (от 1 января) и записи Фикельмонши о дуэли и смерти Пушкина, содержащие новые факты. Документы эти

Раевский видел в Австрии, кажется, в замке Фикельмонов. — В Пушкинский Дом эти копии не дошли. Л. Б. Модзалевский написал в НКВД, прося разыскать это письмо. — Все это рассказал нам сегодня Борис Викторович Томашевский, приехавший вчера из Ленинграда.

*

7/XI 1945.

Зильберштейн рассказывал Мстиславу недавно:

Для английского тома Лит. наследства писал Алексеев статью о Борроу. В связи с этим в Англии разобрали архив Борроу. Там нашли автограф Пушкина, который опубликовал в какой-то газете Струве, кажется, сын Петра Бернгардовича. Струве послал эту публикацию Зильберштейну, но последний ее не получил. Этот же Струве в каком-то английском журнале опубликовал какие-то материалы цензурного содержания в связи с изданием собр. соч. Пушкина изд. Исакова. Оттиски этой статьи он послал для Мстислава и, кажется, для Томашевского Зильберштейну. Но Зильберштейн рассказал об этом Мстиславу, но не торопится передать пакет.

Автограф Пушкина Борроу получил от какого-то Гасфельда (?), с кот. Борроу был в переписке.

Вспоминаю, что как-то, когда я была в Ленинграде, я, работая в Публичной библ. в архиве, читала письма этого Борроу к этому лицу в Испанию, где Борроу просил достать ему для его коллекции автографов автограф Пушкина. Я тогда же сообщила об этом Алексееву, т. к. знала, что он им занимается. Теперь, значит, уже найден и автограф.

*

<Подклеены небольшие записки:>

1. *<рукой ТГ>* Сведения от Ив. Ник. Лалетина: в Сергаче Ниж.<егородской> губ. в музее в нач. революции — поступления, среди коих кошелек Пушкина.

Об этом спросить Владимира Григ. Супоницкого, худ.<ожника>, вместе с Лалетиным основавшего Серг.<ачский> музей. (Сейчас Суп. в шк.<оле> Г.П.У. преп.<одает> рис.<унок>.)

2. *<рукой МА>* Письмо Шестерикова Де-Рибасу о письмах Фонтона к Воронцову.

Измайлова рассказы. Лернер о «Тени Баркова». Измайлов не сомнев.<ается>, что Пушкина.

Пробные страницы текстов Пушкина Майков.<ского> собрания. Собр. соч. Пушкина изд. Пушкинск. Комм.

3. В «Вокруг Пушкина» рассказ Орешникова о письмах из Одессы и о «она не <...>

1946

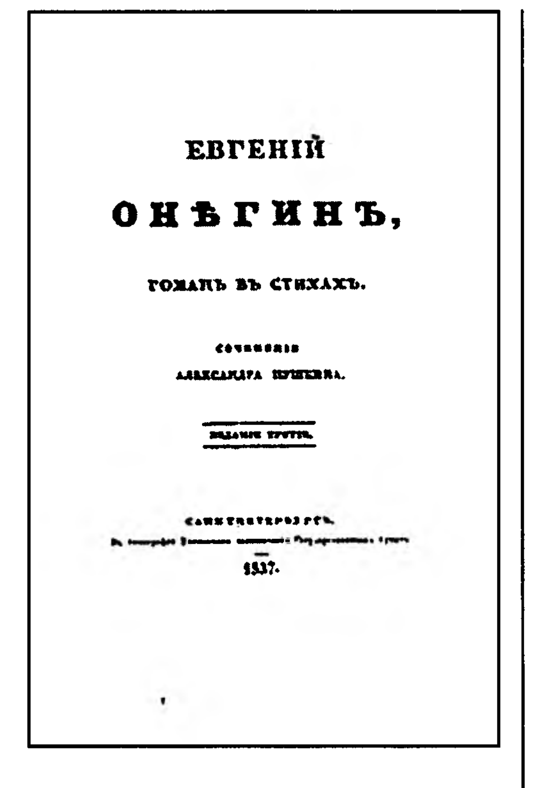
25 декабря.

В субботу, 21 декабря, в Музее Пушкина, Л.И.Пономарев показывал мне письмо к нему, как к директору Пушк. музея, от некоего Ярослава Михайловича Лопаткина из Казани, который пишет, что знает, что автографы Пушкина все национализированы (вздор!), но что у него надпись на книге. Обязан ли он эту книгу сдать в Музей или может распорядиться по-своему? Надпись на «Евг. Онег.» изд. 1837 г.:

Милостивой Государыне
Людмиле Алексеевне Шишкиной
от Автора
1 янв. 1837.

Это — вероятно, дочь Ал. Петр. Шишкина, ростовщика, с кот. П. имел дела в конце жизни. Неожиданно ранняя дата на «Евг. Он.», кот., полагали, вышел позднее.

Пономарев напишет ему поощрит.<ельное> письмо, знал его батюшку Мих. Мих. Лопаткина, чудака коллекционера, издавшего грамматику для своей дочери.

ЕВГЕНІЙ

ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

В. А. Жуковский

1947

1 января.

На днях видела я Лебедева-Полянского, который сказал мне, что Вавилов (президент Академии Наук) купил у букиниста каталог рисунков Пушкина (или автографов, куда входят и рисунки) из собрания Лифаря. По-видимому, это описание — 2-ая часть, а в первой книге — репродукции рисунков. Среди рисунков — мужик с лопатой.

<Приписка:> Это — каталог Парижской Пушкинской выставки 1937 г. У Вл. Дм. Бонч-Бруевича есть экземпляр. Он давал мне и разрешил снять фотографии с репродукций. У меня есть они.

*

25 февраля 1947 г.

За это время очень много интереснейших находок автографов Пушкина.

Во-первых:

3 декабря была я в Рукоп. отделе Ленинской библиотеки, чем-то занималась. Подходит сотрудница отдела рукописей Анна Алексеевна Ромодановская, дает мне какой-то документ и говорит: «Вам, может быть, интересно будет? Тут об арзамасцах есть».

Я глянула — почерк... малоинтересный... мелкий с завитками некоторых букв... французская записка. Подпись: Pouchkine. Сердце екнуло, так подпись похожа на пушкинскую. Но мысль откинула. В записке упоминается Кюхельбекер. Какой? Амфион — значит 1815 год.

На обложке: Письмо Пушкина (Алексея Мих. ?) к Юхову (?) (!. . . . .)

Обращение: M. Jouckof.

Дома уже, рассказывая Мстиславу и перечитывая письмо (списала его на всякий случай), увидев упоминание *родителей*, Кюхельбекера, сообразила, что *Пушкин*. Что письмо к Жуковскому, сказал Мстислав, я не решилась так конъектурить, в обращении не дописать фамилии!..

На другой день проверила почерк — конечно же Пушкин!..

Дальше — статья, которая идет в «Звеньях».

2-ое.

24-го января 1947 был Томашевский, приехавший из Ленинграда. Привез замечательные вещи: письмо Пушкина к Д. Ф. Фикельмон от 29.IV.1830 г. — замечательное письмо — образец блестящего стиля — очень тонкого и острого салонного комплиментарного, за которым кроется *гораздо большее.* Кроме того, видно, что это письмо — ответ на ее письмо. Значит, она писала Пушкину в Москву, куда он не так давно (1 $^1/_2$ месяца) как уехал.

Кроме того, ее же большая дневниковая запись о дуэли и смерти Пушкина — очень интересная тем, что говорит об отношении Пушкина к Нат. Ник., о полной вере его в нее, об ее ничтожности и красоте, об ее платоническом увлечении Дантесом, об ее прямоте и доверчивости по отнош. к Пушк., кот. она все рассказывала и настаивала, что не мог Дантес так быстро остынуть к ней и увлечься ее сестрой, что, конечно, он ее по-прежнему любит, и проч. Фикельмонша поражается «глупостью» этой девочки.

Документы эти, списанные Н.А.Раевским в том самом замке Клари, о котором мы писали в свое время Сталину, что там должны быть какие-нибудь пушкинские материалы. См. запись от 7.XI.1945 г.

3-ье.

Ксения принесла из Литерат. музея новость — туда приходила внучка Павла Иван. Миллера, химик, — назвалась, сказала, что у нее письма Пушкина к ее деду — опубликованные, письмо к Бенкендорфу, еще кое-что, может ли это представлять

Д. Ф. Фикельмон

ценность. Ей сказали, что купят, что пришлют к ней за материалами. Она возразила, что сама принесет; живет в районе Кропотк.<инской> ул., адреса не дала. Через неск. дней звонит, что оказалось, что всё — копии, она показывала одному знакомому. Ей ответили, что и копии купят. Она ответила упавшим голосом «Ах, да?» — и пропала. Обещала дня через два. Ксения правильно говорит, что грусть при известии, что и копии покупают, указывает, что она раздумала продавать, ей сказали, вероятно, об сверхмерной ценности.

Ждали неск. дней. Нет. Ксения пошла в адресный стол с письмом из Лит. музея с просьбой дать адрес такой-то потому-то и потому-то. Назвали не только ее фамилию, но и Миллер и еще какую-то... Таковой в Москве нет! Не значится. А Мстислав считает, что у нее должно быть неопубликованное письмо Пушкина к Бенкендорфу, где поэт говорит такое, после чего

К. П. Богаевская

дуэль должны были остановить. Это письмо у сына Миллера видел Бартенев. Кроме того у нее может быть что угодно, потому что Миллер после смерти Пушкина шарил в корзине для бумаги (по жандармской привычке; там письмо к Геккерену нашел), в карманах сюртука, мог и в стол залезть.

4-ое.

Мстислав нашел у себя запись, сделанную со слов букиниста Ник. Конст. Шенько, жившего одно время у нас в Ташкенте. Он говорит об автографах Пушкина, которые он видел в частных руках. Это, во-первых, «Евгений Онегин» с надписью какой-то женщине — в Казани у Лопаткина (это подтвердилось: см. запись от 25 декабря 1946 г.). Еще три указания. Увидев правильность одного из сообщений, Мстислав списал всю запись о четырех автографах и переслал это с письмом Л. И. Пономареву с тем, чтобы тот разыскал.

Л. И. звонил — написал всюду. Из Казани пришел ответ. Второго указанного автографа у указанного Шенько лица нет и «к сожалению, никогда не было». Но он и ходившая к нему женщина — преподавательница (?) в Университете, дочь бывшего ректора и т. д. — решили, что если автограф видели в Казани, то не иначе, как у <...>, известного коллекционера автографов.

5-ое.

Бонч сообщает мне, что к Лидину приходила какая-то женщина, приносила какое-то письмо Пушкина продавать, просит за него 15 тысяч. И еще какое-то письмо ходит по Москве.

О втором мы ничего не знаем. А первое — это, очевидно, известный автограф — записка Пушкина к домовладелице Алымовой о «медной бабушке», принадлежавшая известному, скажем, авантюристу — букинисту Гинзбургу, умершему. Записка перешла к его жене Маргарите Ник. Орловской, довольно интересной женщине, разыгрывающей из себя девочку, которая хочет на этой записке сделать состояние. В начале войны или даже до войны ее уговорил Трусов (покойный зам. дир. Пушкинского музея) дать записку на хранение в музей, т.к. она живет на даче и страшно за автограф. Она дала. Автограф сфотографировали. Он был опубликован и воспроизведен недавно. Потом она востребовала его обратно.

Теперь предлагала в музей за 30 тыс., потом за 17 тыс. Пономарев давал ей колоссально — 5 тысяч, она соглашалась, кажется, на 9 (или настаивала на 17 ?), словом, разошлись, и она понесла к Лидину.

Понесла бы, вероятно, и к Смирнову-Сокольскому, да, говорят, его посадили. Куда денется его чудесная библиотека и, кажется, коллекция автографов? Как опасно и нелепо держать такие ценности в частных руках!..

6-ое.

19-го февраля (1947), в среду, звонила Милица Васильевна Нечкина с потрясающим сообщением. Приехавший, вернее, прилетевший вчера из Праги ее товарищ по ИКП (где они вместе учились), историк (специалист по экономике первой мировой войны), партиец Аркадий Лаврович Сидоров рассказал ей, что он видел в Праге ..... пушкинский архив или фонд. Находится это в частной квартире одного профессора («Вы, наверное, догадываетесь, у кого», — сказала она), но является тем не менее государственной собственностью. Непонятно. М.б. он пожизненный владелец? Архив этот — идет от Александры Ник. Гончаровой, по мужу Фризенгоф, то есть это тот самый музей, о котором мы слышали еще из недр Литерат. музея в тридцатых годах, в пору, когда Муса* была секретарем музея.

Мы установили потом, что он должен находиться в австрийском замке Бродяны, и писали письмо Сталину**, когда красная армия подходила к тем местам, что просим сберечь этот замок и дать возможность специалистам поискать пушкинские материалы.

<Примеч. карандашом:>

Потом ездил туда Вильям-Вильмонт, наш советский писатель, написал жене чудесное письмо с описанием замка, парка, старой няни... но ничего не нашел, кроме нескольких пустяков, которые торжественно подарил мне. Это была семейная фотография Фризенгофов, какой-то документ об одной из родственниц и машинописные копии французских писем Алекс. Ник. Гончаровой к брату Дмитрию. При чтении этих писем я увидела, что это письма, опубликованные у нас в т. I Летописей Литер. музея под ред. Мстислава! Но Вильям-Вильмонт говорил о девичьем альбоме Ал. Н. Гончаровой с рис. Пушкина, который видели в Бродянах, откуда наследник увез его, продавал графу Гарраху, фашисту и коллекционеру. Говорил, что наше правительство может в чем-то помочь этому потомку и затем приобрести вывезенные пушкинские бумаги — на этом все кончилось.

А теперь обнаружился архив в Праге. Сидоров видел там будто бы:

сотни единиц хранения,
хозяйств. бумаги пушк. времени,
семейные бумаги,
письма к Пушкину Карамзина, Жуковского и др.,
много автографов Пушкина.

Сидоров просил молчать, хочет сделать сообщение — доклад и заметку в Литер. газете.

Милица Вас. обещала о каждом новом шаге и известии звонить. На ее вопрос, а знает ли владелец цену этим бумагам, он ответил, что «слишком хорошо».

7-ое.

Звонил С. М. Бонди из Болшева. На мое сообщение о пражском архиве он ответил, что Вильям-Вильмонт получил через ВОКС письмо от одного человека из Чехословакии, кот. говорит о находке пушкинских материалов, о чем он написал заметку в газете — и шлет ее Вильяму-Вильмонту.

Звонил Богатырев, сообщил то же, что Бонди. Он (Богатырев) также получил письмо от Исаченко, который видел пушкинские материалы в Бродянах, имении Ал. Ник. Фризенгоф. Прочел мне заметку: там портреты, поздние, Ал. Ник., Нат. Ник., Дантеса.

Документы, будто бы важные, пушкинской эпохи.

(Вероятно, это остатки того, что вывезено в Прагу.)

* М. Г. Муравьева, впоследствии Ашукина, сестра Т. Г. Цявлов.<ской>.

** Вернее, Бонч-Бруевичу, а он — Молотову. Молотов показал письмо Сталину, и тот наложил резолюцию: взять под охрану — по двум линиям — военной и партийной.

*

2/III 1947.

Говорила с Пономаревым по телефону.

Ужасный слух о закрытии музея Пушкина он опровергает: Фадеев не так понял письмо Ворошилова. Завтра надеется узнать поконкретнее. — Об автографах в Казани. Фотографию с надписи на «Евгении Онегине» 1837 г. получил, просит меня посмотреть — в архиве*.

От Егерева такой ответ: у него действительно был «Руслан и Людмила» с надписью Пушкина и с неск. стихами, написанными Пушкиным на книге. Но будто бы к Егереву приезжал какой-то Коплан «по поручению Пушкинского музея» и приобрел эту книгу. Что за самозванец?! И где же эта книга с автографом? Где искать этого Коплана?

Егерев сказал еще (знакомой Пономарева), что у него есть кое-что из пушкинских автографов, но что у него холод, труба лопнула, что до тепла он искать не может.

17/III.

О музее Пушкина уже давно Пономарев сказал мне, что он сам прочел бумагу, присланную Фадееву, и увы! все подтвердилось. Бумага эта — возражения Вавилова главн. образом последнему письму пушкинистов (Ворошилову) — по пунктам. Возражения «наивны» до крайности. Вроде: в Англии музеи находятся вне города.

Ворошилов на письме Вавилова сделал помету «Согласен».

*

Несколько дней назад звонит Милица Вас. Нечкина. Продолжение.

1) В архиве Фризенгофши — портрет Пушкина 19 лет, сделанный Жозефом де Местром — тонкий каранд.<ашный> рисунок.

2) Запись в дневнике Ал. Ник. Фризенгоф в 50-ых годах. Она уже замужем, живет в Бродянах (в Австрии). К ней приехала погостить Нат. Ник. Ланская. Приехал к Н. Н. — Дантес. Они (Н. Н. и Дантес) весь день гуляли по парку и совершенно помирились...

*

Сегодня звонит Лидин. Ему предлагают автографы Пушкина. 1) Записка «о каком-то бюсте» — известна? — Это — записка к Алымовой («Academia», VI, № 787), напечатанная, воспроизведенная, сфотографированная — и тем не менее владелица — вдова Гинзбурга хочет за нее 30 тысяч, но согласна и на 17. Пономарев давал ей 5 (безумие!), она ушла. Предложила Лидину, он не берет. 2) Надпись Пушкина Вас. Ал. Перовскому на «Ист. Пугач.<евского> бунта», сохранилась от книги лишь обложка с надписью «Его Превосходитель-

ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

* Смотрела — конечно, Пушкин!

Е. К. Воронцова. Рис. Пушкина

ству Василию Алексеевичу Перовскому почтительнейше преподносит автор» или что-то в этом роде. Дата есть. Какая? Он не заметил. А между тем от этого зависит датировка записки Пушкина к Перовскому, посылаемой с книгой («Academia», 6, № 640), датируемой апрель — сентябрь 1835 г. Хотят 5 тысяч. 3) «Душенька» Богдановича 1809 г. с надписью: «Из книг Воронцова коею дарит барона АП». Лидину сдается, что это Пушкина рука. Возьмет в магазине и покажет ее нам. За книгу хотят 75 руб. Один Лидин догадался, что это Пушкин... Спрашивал меня, кто такой Воронцов...

*

3 апреля 1950.
(Списываю 6/I. 1951 с записи на отдельном листке.)

Сегодня позвонил смущенный сотрудник Исторического архива и спросил, чиновником какого класса был Пушкин в 1828 г.? В это время в Петербурге возникало вольное гимнастическое общество, проект которого подавался в III Отделение. Среди намеченных членов был гр. Мусин-Пушкин, аристократы, офицеры гвардейских полков и чиновник X класса Пушкин.

Я подтвердила возможность того, что это Александр Сергеевич Пушкин, который жил в это время в Петербурге, был последний год беспечным человеком, любил верховую езду, стрельбу, фехтование. — Эти виды спорта предусмотрены обществом.

Сотрудник Архива написал, что это Ал. Серг. Пушкин, был высмеян директором и звонил ко мне за консультацией. Решил из осторожности поставить «А. С.» в квадратные скобки.

*

19 ноября 1950.

В конце сентября я вернулась из поездки в Ленинград, где работала в библиоте-

Е. К. Воронцова. Рис. Пушкина

ках — по книгам, которых не удалось достать в Москве, — для I т. «Летописи жизни и творчества Пушкина».

1 октября я услышала следующий рассказ.

Андрей Волков (сын Гани, живущий у меня второй год), ходивший в этот день к своим соседям по родительской квартире, Миклашевским, был оттуда позван к другим соседям — Вере Никоновне и ее дочери Лине — пить чай с вчерашними пирогами (накануне был день Веры, Надежды, Любви). Там Лина рассказала о том, что недавно она ходила в Литературный Архив, по поручению третьей соседки, родственницы Веры Фигнер, продавать архив Веры Николаевны. В вестибюле она сидела, ожидая выхода сотрудника Архива Юр. Ал. Красовского. Рядом с ней на скамеечке сидела старая дама, которая спросила Лину, что она здесь делает. Выслушав ее, она сказала, что она же принесла два письма Пушкина — и показала красивую кожаную папку, в которой они лежали. — «Письма Пушкина? К кому же?» — спросила заинтересованная Лина. — «Одно к Воронцовой, а другое...» — Другую фамилию Лина не запомнила, так как она слышала ее впервые. Дама спросила Лину, как ей пройти в Литературный Архив. Лина показала на окошечко, где нужно взять пропуск, предъявив паспорт.

В это время в вестибюль вышел сотрудник Архива к Лине, у них начался свой разговор, и она... забыла о письмах Пушкина и о даме. Так и ушла...

Услыхав этот рассказ от Андрея часов в 11 вечера, я не решилась звонить к Красовскому, будучи с ним мало знакомой. Я позвонила к Л. А. Катанской, попросила ее позвонить к Красовскому и через 10 минут я узнала от нее, что Красовский в первый раз в жизни слышит эту историю. На другой день Красовский спрашивал начальника Архива Попова и др. сотрудников. Никто ничего о письмах Пушкина не слыхал, дамы не видал и никто и не купил бы писем Пушкина, п. ч. они должны были бы передать эти автографы в Пушкинский Дом. Поэтому тратить большие деньги на чужое учреждение им не было бы смысла.

После этого имела я разговор с Линой по телефону. Я осторожно спросила ее, не мистификация ли это. Она, как она говорила потом Андрею, обиделась на меня за такой вопрос.

Красовский выяснил по своим документам все даты, когда Лина приходила в архив (трижды в августе), он выходил к ней раз — дамы не видал. М. б. видел другой молодой сотрудник, который выходил к ней в другой раз?.. —

Я запросила рукоп.<исный> отдел Ленинской библиотеки, заведующего библиотекой Института мировой литературы Амбарцумова, кажется, писала Томашевскому (он заведует отделом рукописей Пушкинского Дома) — никто ничего не слыхал.

Но дама не должна пропасть. Дама нуждается в деньгах. Она должна где-то

появиться. Говорила я с Фейнбергом, рассказывала о своих волнениях у себя — в одну из суббот. Фейнберг (он секретарь Пушкинской комиссии Союза советских писателей) придумал такую вещь: не сделать ли публикацию в Литер. газете, что Пушк.<инская> ком.<иссия> ССП, заинтересованная в автографах Пушкина, находящихся еще в частных руках, просит владельцев сообщать ей о таковых. Желающие могут и продать автографы. От неожиданности этого предложения я не поддержала его. М. б. следует это сделать?..

*

Несколько дней назад (16-го ноября) мне принесли для занятий из библиотеки Института мировой литературы «Полярную звезду» на 1861 и 1862 годы (в одном переплете). Когда я раскрыла книгу, она оказалась испещренной пометами Вяземского. Его выдавал не только характернейший почерк его, не потерявший глубокого своеобразия к старости, отличаясь лишь крупными и широкими начертаниями. Вяземскому бесспорно принадлежали эти заметки — по характеру его мыслей, по форме изложения. Они так любопытны, что выписываю их тут все.

Пометы Вяземского на полях публикуемых Герценом писем Пушкина к Рылееву, Бестужеву и другим.

(1) — *ПЗ* 1861, с. 76 и 77.

I. К К. Рылееву — от 25 января (1825 ?) — «Благодарю тебя за *ты* и за письмо...»

С. 77. Последние слова Пушкина «Прощай поэт» — подчеркнуты и на полях написано:

«Пушкин никогда не признавал Рылеева поэтом. Может быть он к нему был слишком строг. А здесь сказал он Прощай поэт, как говорится в конце письма Ваш покорнейший слуга.

Наши критики и ценители так простодушны и наивны, что принимают каждое слово за чистую монету».

(2) — *ПЗ* 1861, с. 77.

II. К К. Рылееву — «Думаю ты уже получил замечания мои на Войнаровского...»

Последние слова Пушкина — «Прощай поэт» — опять подчеркнуты, а на полях, против критики дум Рылеева («Но вообще все они слабы изобретением и изложением» и далее), написано:

«Пушкин в одном письме ко мне говорит, что думы Рылеева происходят от немецкого слова Dumm».

(3) — *ПЗ* 1861, с. 79—80.

IV. К А. Бестужеву — от 13 июня (1823) — «Милый Бестужев, Позволь мне первому перешагнуть через приличия и поблагодарить тебя...»

На с. 79: «Еще слово: зачем хвалить холодного, однообразного Осипова, а обижать Михайлова». Вяземским подчеркнуто последнее имя и на полях написано: «Майкова».

(4) — *ПЗ* 1861, с. 80—81.

V. К А. Бестужеву — с пометой: 1824 12 Января. Одесса — «Конечно я на тебя сердит».

С. 80 — подчеркнуты слова о Баратынском: «После него никогда не стану печатать своих *элегий*». На полях написано: «Вот и тут Пушкин не лукавит, а просто любезничает с Баратынским».

Думаю, что Вяземский совершенно прав.

(5) — *ПЗ* 1861, с. 85—86.

IX. К А. Бестужеву — от 1825 — «Рылеев доставит тебе моих *Цыганов*».

С. 85 — подчеркнуты слова Пушкина о Чацком: «Первый признак умного человека с первого взгляда знать с кем имеешь дело» — и на поле написано: «именно так: и вот почему горе Чацкого — вовсе не горе от ума».

(6) — *ПЗ* 1861, с. 86—87.

X. К А. Бестужеву — без даты — «Так! мы можем праведно гордиться...»

На с. 87 подчеркнуты слова: «У нас писатели взяты из высшего класса обще-

ства. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием».

Вяземский подчеркнул эти слова с удовлетворением, полностью разделяя их.

Там же (с. 87) подчеркнуты слова о Шишкове: «Кому же, как не ему обязаны мы нашим оживлением». Вяземский приписал на поле: «И этого Пушкин не думал, а так промелькнула мысль».

(7) — *ПЗ* 1861, с. 209–211.

«Навуходоносор (Из Беранже)» («В давно минувшие века...»).

На с. 211, под текстом стихотворения написано: «Какая пошлость и гадость».

(8) — *ПЗ* 1861, с. 338–358.

«Кавказские воды (Отрывок из моей исповеди)» Н. Огарева.

С. 343 — подчеркнуты слова: «и еще совестнее выказаться подлецом». Речь идет о том, что на одной из станций, во время путешествия Огарева, его вышел встретить «часу в седьмом утра» «какой-то квартальный, в мундире с иголочки новом, очевидно принарядившийся ради высоко-торжественного случая». Он думал, что проезжает сенатор Огарев, дядя автора, который ответил ему, что он «не только не сенатор, а даже еще и не коллежский регистратор». Против слов «а между тем перед не коллежским регистратором» «и еще совестнее выказаться подлецом» (т. е. подхалимом), подчеркнутых Вяземским, он написал: «почему *подлецом*? Квартального была обязанность по службе явиться к сенатору в проезд его».

(9) — Там же, на с. 344,

во фразе «Я проводил его глазами; *мне было гадко*, хотя и вовсе не ново; кажется можно было привыкнуть к мысли, что в русском управительстве, за исключением изредка безумца, *мечтающего иметь* благодетельное влияние по службе, — *служат только подлецы*» — Вяземским подчеркнуты отмеченные слова. На полях написано: «Отчего дураку *гадко?*» и «Подлецы есть не только по службе, но и по литтературе».

Далее пометы в *ПЗ* на 1862. Книжка седьмая, выпуск первый.

(10) — *ПЗ* 1862, с. 1–25.

«Из записок И. Д. Якушкина».

С. 19. Якушкин говорит: «Я видел Муханова только один раз у Михайла Орлова; он вызывался и у него убить императора. Услышав этот вызов, Михайло Орлов взял его за ухо и поцаловал за такое намерение в лоб. Потом Орлов просил меня отвезти Муханова к Митькову».

Слова от «Услышав этот вызов», кончая «отвезти Муханова к Митькову» <отчеркнуты> . Подчеркнуто: «за такое намерение в лоб». На полях написано: «Не вероятно. Орлов не был, не мог быть за цареубийство».

(11) — *ПЗ* 1862, с. 82–86.

«Выписки из дневника штабс-капитана Кузьмина.
Тамбов 8 июня 1848 года».

С. 83. Подчеркнута фраза: «В Польской кампании Паскевич хвалился, что в Персии сам занимался продовольствием, это несправедливо, хлопотал беспрестанно о продовольствии». На полях Вяземский написал: «К чему относится тут слово *несправедливо* понять нельзя».

Чисто литературное, правильное замечание.

(12) — *ПЗ* 1862, с. 112–124.

«Юная Москва тридцатых годов*.
(Круг Станкевича)». Искандер.

С. 122. «Но Белинский черпал столько же из самого источника. Взгляд Станкевича на художество, на поэзию и ее отношение к жизни, *вырос в статьях Белинского в ту новую мощную критику, в то новое воззрение на мир, на жизнь, которое поразило все мыслящее в России* и заставило с ужасом отпрянуть от Белинского всех педантов и доктринеров». Вяземским подчеркнуты отмеченные строки и на полях написано: «Эта оценка Белинского дает достаточное понятие о judiciaire,

---

* Из ненапечатанной части «Былого и дум».

рассудке, самого Герцена, который не что иное, как политический Белинский».

(13) — *ПЗ* на 1862, книжка седьмая, выпуск второй.

С. 8—56. «Император Александр I и В. Н. Каразин». Искандер.

(С. 10—11) (Об Александре I:) «Не думайте искать отгадки в смерти Павла, она могла прибавить еще черную нитку в его жизни, но fond дальше, (с. 11:) обширнее, глубже. Какая-то неумолимая, роковая стихия обнимает ее и далеко перехватывает. В этой среде чуется зловещее веяние, присутствие *преступления*, не совершившегося, не прошедшего, а преступления *продолжающегося*, невольного; оно бродит в крови, им пропитаны стены. Кровь отравлена в жилах до рождения, воздух, которым тут дышат люди, тлетворен, каждый вступающий вовлечен, хочет он или нет, в омут нелепости, гибели, греха. Пути ко всему злому раскрыты во всю ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится и подумает, кто спросит себя, что он делает, что делают вокруг него, — он сойдет с ума; горе тому, кто в этих стенах допустит человеческое чувство в свое сердце — он сломится в борьбе.

Вот это-то останавливающееся лицо, в роде русских венценосцев после Петра, и был император Александр I». —

Со слов «обширнее, глубже», кончая «сломается в борьбе», Вяземским отчеркнуто и написано: «Пустословная декламация».

(14), (с. 73—75)
«Еще из записок Н. А. Бестужева».

С. 74: «Вот поведение Рылеева по комитету, сколько я мог судить из дела и его показаний, которые до меня доходили. Но здесь я говорю собственное мнение, *то, что мне казалось*, не останавливаясь ни на каких положительных доказательствах.

Рылеев старался пред комитетом выставить общество и дела оного *гораздо важнее, нежели они были в самом деле*». (Только подчеркивание.)

С. 74, ниже: «Сверх того комитет употреблял все непозволительные средства: вначале обещали прощение; впоследствии, когда все было открыто и когда не для чего было щадить подсудимых, присовокупились угрозы, *даже стращали пыткою*».

Вяземский подчеркивает эти слова и пишет на полях: «Если стращали пыткою, то пытки, вопреки [другим] многим слухам, не было. Это важное показание, освобождающее правительство и совесть Николая от (с. 75:) тяжкого нарекания».

С. 74, ниже: «Я знал *от старого солдата*, что Рылееву было обещано от государя прощение, ежели он признается в своих намерениях». Подчеркнув указанные слова, Вяземский пишет: «Мудрено старому солдату знать про обещание государя».

— Думаю, что не мудрено. Рылеев, как и всякий живой, эмоциональный человек, находящийся в одиночке, естественно должен был, не мог не говорить с солдатом, охранявшим его. <*карандашом:* Это — я, Т. Ц.>

(15), (с. 85—123)
«Выдержки из записок одного недекабриста».

С. 98: «Полиция искала Кюхельбекера по его приметам, *которые описал Булгарин очень умно и метко*». Вяземский, подчеркнув отмеченные слова, пишет на полях: «Кстати здесь *очень умно*. Хорош ум».

С. 109: «Приверженцы Карамзина составили особое закрытое литературное общество, под названием арзамасского, в которое принимали людей, *поклявшихся в обожании Карамзина и в ненависти Шишкову*». — Вяземский подчеркивает указанные слова и пишет на полях: «Никакой подобной клятвы не было.

Все было основано (с. 110:) на шутке. И обожали Карамзина и ненавидели Шишкова всё в шуточной оболочке».

С. 111: «В 1853 году встретился я с Тургеневым (Николаем) в Париже, в rue de

la Paix, подошел к нему, поздоровался с ним. Он изумился. «Я думал», сказал он, «что вы не захотите узнать меня». — «А почему же нет? Я вижу в вас старого знакомца, которого всегда уважал, и бесчестно было бы, если б я от вас отрекся».

«А вот Жуковский», сказал он, «не хотел видеться со мною в Женеве, без высочайшего позволения». — «Жуковский иное дело», отвечал я, «он слу- (с. 112:) жил при дворе, при обучении царских детей, следовательно обязан был наблюдать отношения, которые меня не связывают».

Вяземский отчеркнул отмеченные слова* и написал на полях: «Тургенев не мог это сказать, потому что он был честный человек и знал, что Жуковский смело и горячо хода(тай)ствовал за него пред Государем».

Возвращаю книгу в библиотеку Института с письмом директору — Амбарцумову:

«Многоуважаемый Евгений Владимирович, обращаю Ваше внимание на то, что в экземпляре «Полярной Звезды» на 1861 г. и на 1862 г., принадлежащем библиотеке Института, пометы на полях принадлежат Петру Андреевичу Вяземскому.

Там, главным образом, его старческие враждебные выпады против Герцена, Огарева, Белинского, — любопытные по меткости сопоставления; например: «Герцен не что иное, как политический Белинский».

Есть небезынтересные замечания о Пушкине и его эпохе, воздух которой он ощущал и мог иной раз тонко ощутить не дошедшие до нас** оттенки понятий.

М. б. даже следовало бы подготовить эти заметки к печати? Не знаю.

Я сделала закладки всюду, где пометы Вяземского.

П. А. Вяземский. Рис. Пушкина

Между прочим, кто-то в свое время ценил их — они все покрыты каким-то закрепителем.

Очевидно, книга эта вышла из Остафьева: когда ликвидировали музей в Остафьеве — его экспонаты и книги разошлись по 17 местам. Подобная Вашей книге — книга с пометами Вяземского — Сочинения Белинского — хранится в отделе рукописей Ленинской Библиотеки.

Может быть, и у Вас не одна эта книга хранит пометы Вяземского?

Книгу эту выдавать в абонемент не стоит. Необходимо иметь второй экземпляр, который как будто есть и который мне как-то уже выдавали.

Привет.

Уважающая Вас

Т. Цявловская.

17 ноября 1950.

P.S. Я списала себе все эти заметки и, если Вы надумаете публиковать их и не найдете более подходящего человека для

---

* *Т.Ц. отчеркнула по полю от «А вот Жуковский» до конца стр. 111.* — Прим. ред.

** Лучше было бы сказать: утрачен<ные> к нашему времени.

приготовления заметок этих к печати, я с удовольствием сделала бы это.

Т. Ц. 20. XI»

Мои заметки по поводу этой книги: Дня три назад принесли мне по моему требованию из библиотеки Института мировой литературы «Полярную Звезду» Герцена на 1861 и на 1862 г. (в одном переплете). Книга оказалась вся испещренной пометами и замечаниями Вяземского, приятеля Пушкина. Он уже старик, он злой — он почти вне литературы, он встречает в штыки все новое, «чужое», он раздражается на всякое слово, обличающее в пишущем непонимание прошлой, его, Вяземского и Пушкина, эпохи, языка. И вот — пишет на полях свои замечания.

Возвращая завтра книгу, я пишу директору библиотеки, что это такое. Они и не подозревают, видно, — и выдают себе спокойненько.

P.S. 23. II. 1961. Потом, значительно позднее, писали мне из биб<лиоте>ки, предлагали опубликовать. Я отказалась. Некогда.

*

3-го декабря 1950 г.

1-го декабря была я у Бонди, где приехавший накануне и справлявший свое 60-летие у Реформатских Б. В. Томашевский рассказал мне со слов Ахматовой (как добавила Ир.<ина> Ник.<олаевна>) следующее.

Какая-то «потомка» Виельгорских, очарованная Якутом в роли Пушкина, подарила ему хранившийся у них в семье портрет Пушкина ребенком, лет семи. Томашевский говорил мне, что необходимо опубликовать этот портрет. Я обещала поговорить с Якутом.

2-го декабря звонила я Якуту. Он подтвердил, что у него есть детский портрет Пушкина. На мою просьбу показать его и разрешить опубликовать он возразил, что он дал честное слово лицу, передавшему ему портрет, не публиковать его. Показать же обещал, заедет ко мне на будущей неделе и привезет портрет (позвонит 5-го).

Он сказал, что портрет масляный, работы крепостного художника (он назвал его и миниатюрой и добавил, что «Вы в этом лучше разберетесь»), что Пушкин изображен на нем 4—5 лет, в рубашечке, кот.<орая> немного спускается с плеча, что видно кружево (на рукавах кажется); на мой вопрос, а точно ли это Пушкин, он ответил, что он светло-рыженький, что глаза пушкинские, что пушкинские и припухшие губы. Сказал, что сохранилась вся история портрета, что идет он из семьи Велепольских (видимо, он оговорился), что предание рассказывает следующее: Пушкин ребенком тяжело болел. Его вылечил врач Мудров. Надежда Осиповна в благодарность подарила ему портрет Пушкина.

Все сообразила!!! Не Вьельгорский, как говорила Ахматова, не Велепольский, как сказал Якут. Поэт *Великопольский* был женат на Мудровой, Соф. Матв. Портрет идет из этой семьи, бесспорно. Ее отец крупный врач.

---

13. XI. 1831 г. Иван Ермолаевич Великопольский женился на Софье Матв. Мудровой (см. статью Б. Л. Модзалевского <И. Е. Великопольский (1797—1868)> — <Сб.> Памяти <Л. Н.> Майкова <СПб., 1902>, с. 381). Матвей Яковлевич Мудров (1772—1831) — ординарн.<ый> профессор патологии и терапии Моск. университета (см. о нем статью в Брокг.<аузовском> словаре, где указано, что его подробная биография — в «Биогр.<афическом> слов.<аре> Моск. унив.<ерсите-

та>». М., 1855; восп.<оминания> о нем в «Моск. ведом.<остях>». 1854, № 100). Судя по краткой биогр.<афии>, он едва ли до 1808 г. был в Москве, потому что он неск.<олько> лет жил за границей, где изучал медицину. Но м.б. между 1804 и 1807 (когда он жил в Вильне — 1807) он и был в Москве. С 1808 он читает лекции в Моск. университете. *<Позднейшие приписки карандашом:* — Был в 1806 г. — «Сто лет моск. мед. инст. им. Сеченова». 1959; портрет Мудрова и биогр.<афия> — основопол.<ожник> русской терапии.>

6/XII прочитала в Лен. Библ. биографию Матвея Яковлевича Мудрова («Биогр. словарь профессоров и преподавателей имп. Московского Университета. 1755—1855». Ч. II. М., 1855, с. 114—139 (ЛБ: W 265/65). Есть у нас дома !!!), из которой явствует, что Мудров был свой человек в доме Ивана Петровича Тургенева, с сыном которого Андреем Ивановичем (другом Жуковского) был очень близок. И второе: лечить Пушкина ребенком он мог между июнем 1808 г. и июнем 1811 г. *<карандашом:* в 1806>, т. к. в Москву он вернулся после заграничной командировки (куда он уехал в 1801 г.) лишь в июне 1808 г., а в июле (16...20 ?) 1811 г. Пушкин уехал в Петербург. Иначе говоря, он мог лечить Пушкина ребенком лишь в возрасте от 9 до 12 лет (или в 7). Если ему на портрете лет 7, как говорила Ахматова, или года 4—5, как говорил Якут, то Над. Ос. — в порыве благодарности Мудрову, сорвала со стены давнишний портрет старшего сына, а не заказывала новый для врача.

Но м. б. тут изображен не Александр Серг., а Лев Сергеевич?* Левушка род. 17.IV.1805 г., жил в Москве, Нижнем (вероятно), где был в эвакуации и Мудров, и в Москве по 1814 г. Т. е. он мог лечиться у Мудрова в возрасте от 3-х до 9 лет. А сходство у братьев было очень большое. Сопоставьте портрет Левушки, рис. Орловского, с портретом Пушкина, этюдом Тропинина. Скиньте установившиеся к взрослым годам более характерные черты.

8/XII открыв случайно попавшую мне в руки только что выпущенную брошюру проф. Я. М. Брускина «Ранние признаки рака». М.: Медиц., 1950, я увидела, что она начинается следующими словами: «Замечательный русский ученый, один из основоположников нашей медицинской науки профессор М. Я. Мудров еще в начале прошлого столетия писал: “Познание болезни — есть половина лечения”».

Вот как квалифицируется современной научной мыслью московский врач Мудров, спасший сотни жизней и в их числе драгоценную жизнь будущего гения Пушкина.

(Еще посмотреть в БСЭ Мудрова. — Письма его и к нему есть в статье Модзал.<евского> «Из архива Великопольского». — Нат. Ник. Пушкина сообщает о смерти Мудрова дедушке Аф. Н. — Лет.<описи> Л.<ит.> М.<узея>, I, 415.)

*

2 апреля 1951.

Вчера вечером был у меня Василий Игнатьевич Савин, студент Историко-архивного института (заочник). Он рассказал, что, работая в Московском областном историческом архиве по разбору россыпи (фонды Голицыных и Бахметевых), он нашел части письма Пушкина к Николаю I с признанием в авторстве «Гавриилиады». Сохранилась лишь вторая половина листа (т. е. страницы 3 и 4; 4-ая — чистая). Текста у него с собой не было. Но он на память передал мне текст, где Пушкин говорит, что Николаю он должен при-

---

* Николенька отпадает, т. к. он жил с 1801 по 1807 годы, т. е. именно в те годы, когда Мудрова не было в Москве. (1806 ?)

знаться, что «Гавриилиада» написана им. Было это в ... 1817 году. Письмо от 2 октября.

Он ищет начало письма, но м. б. именно начало было у Лернера (тот говорил, что Пушкин писал царю, что «говорю с Вами как джентльмен с джентльменом»). Находкой этого письма восполняется недостававшее звено в цепи по расследованию об авторстве «Гавриилиады».

Савин сказал, что есть там и тексты стихотворений Пушкина, в том числе какая-то эпиграмма. Будет звонить. Ксения требует у него публикацию в Лит. наследство. Он, смущенный большой литературой и тем, что никогда ничего не писал, растерян, думает, что ему нужно неск.<олько> месяцев. Мы засадили его за стол, дали всю литературу. Сидел, вникал.

11/IV.1951.

Была сегодня в 12 ч. в Арх. Областном Управлении, где делала экспертизу автографа этого письма. Познакомилась с начальн. Арх. Обл. Упр., с начальн. Моск. Обл. Истор. архива и с нач. научно-публикаторского отдела Арх. Обл. Управления (все трое — женщины). Договорилась, чтобы Савину дали возможность — вне всяких планов — искать первую пол.<овину> письма, если же он не найдет — чтобы обратились в архив Лернера в Лит. Музее и в Лит. Архиве. Договорилась, чтобы публикацию дали в Пушк.<инский> том Лит. наследства.

Нач. научно-публик. отдела тов. Барштейн сказала мне, что думает, что статью по существу они будут просить писать меня, т. к. Савин очень беспомощен.

9-го апреля была по приглашению Анны Лазаревны Вейнберг в отделе Историко-бытовой иллюстрации Исторического Музея. Она показывала мне альбом из семьи Вадковских, где на одной из страниц сделан погрудный портрет человека, в котором, ей кажется, можно узнать Пушкина.

После ее предположения она нашла на полу бумажку (старинную), на кот. рукой нашего времени, без ъ написано: Пушкин?

Я не сразу согласилась: дикая для П., вытянутая форма головы, но профиль и в особ.<енности> лоб и нос безусловно принадлежат Пушкину. Рисунок слабый, старательный, дилетанта, хорошо знающего лицо Пушкина. Я предложила ей дать публикацию в Лит. наследство.

*

9 мая 1951.

Только что позвонил Андрей Михайлович Новиков и сообщил, что он был с театром в Слониме. По обыкновению в свободный часок забежал в Музей*. Там в одной из витрин лежит письмо Пушкина с датой: 10 января (кажется, 10) 1837 г. Открыто на второй странице, на которой следующий текст, приблизительно:

Примите, милостивая государыня, уверение в совершеннейшем к Вам почтении.

А. Пушкин.

10 января
1837 г.

Сотрудник, водивший Новикова и его приятеля по музею, сказал, что в Новогрудке были письма Пушкина к Мицкевичу, которые взяты временно в Академию Наук в Ленинград.

Еще этот сотрудник сказал, что в их (Слонимском) музее в подвале неразобранный архив.

Буду действовать.

---

* Слоним Барановичской обл. Областной Барановичский музей. Ул. Пушкина.

*

В субботу, 5-го мая, звонила мне сотрудница Гл. Упр. Обл. Архивами и сказала, что в понедельник они везут на экспертизу в лабораторию к очень крупному специалисту письмо Пушкина о «Гавриилиаде».

За это время видели снимок Бонди (высказался за то, что это не Пушкин), Томашевский (который заявил, что это грубая подделка). Я тоже вижу, что это не Пушкин, но удивительно похожий почерк. М. б. просто сходство эпохи? Экспертиза (лабораторная) установит.

*

25 мая.

За это время я продиктовала по телефону секретарю Вл. Дм. Бонч-Бруевича — Кл. Бор. Суриковой — письмо, кот. просила направить в Слонимский музей от Гл. Ред. Ак. изд. Собр. соч. Пушкина — о присылке фотографии со всех страниц письма, выставленного у них в витрине.

О письмах Пушкина к Мицкевичу спросила Бельчикова, звонившего ко мне (с предложением выступить на Пушк. конференции с докладом), который не слыхал, что таковые имеются в Ак. Наук в Ленинграде. До того — писала Томашевскому. Приехавший на сессию (15—19 мая) Томашевский только подтрунивал надо мной, — м. б. не пачка, а тачка писем? — На мои слова, что из мухи не может родиться слон, отвечал, «но утка может»...

Узнав, что в Ленинграде этих писем нет, я продиктовала Кл. Бор. новое письмо — в Новогрудок, которое и было послано от имени Вл. Дм., т. е. главной редакции Акад. издания.

*

Тем временем новые события.

22 мая, вернувшись поздно от Ашукиных (был день рождения Люки), я увидела, что Ксения не спит, а ждет меня с интересным рассказом. В архиве Исторического Музея одна молодая девушка, занимающаяся Лермонтовым, нашла его автограф стихотворения Смирновой «Без вас хочу сказать вам много...» Автограф вклеен в альбом с автографами какого-то известного коллекционера. Там же вклеен черновой автограф какого-то стихотворения, по-видимому, Пушкина. Богданова, работающая над альбомом, показала автограф лермонтоведке Тат. Ал. Ивановой, кот. подтвердила, что это бесспорный Пушкин. Что за текст — она сказать не может, прочесть нельзя, что-то из испанской жизни. Иванова сообщила об этом своей приятельнице К. П. Богаевской, редактору «Лит. наследства», собирающей том, посвященный Пушкину и др. писателям нач. XIX в. Я сказала, что это должен быть один из двух исчезнувших черновиков Пушкина «Ночь тиха. В небесном поле» (Догаресса) или «Ангел» (ходил у букинистов Москвы в 20-ых гг. нашего века), скорее первое. Попросила утром же написать мне бумажку от Литнаследства в Ист. Музей, за кот. я заеду в редакцию.

В этот день сотрудница архива не нашла то, что мне нужно, т. к. я не знала шифра. На другой день я сообщила, со слов Ивановой, сказ.<авшей> Богаевской, что альбом из собрания М. П. Полуденского (это — редактор «Библ.<иографических> записок», где в 1858 г. был напечатан текст «Догарессы», я уже не сомневалась, что я увижу этот знаменитый автограф, с которым билось столько человек).

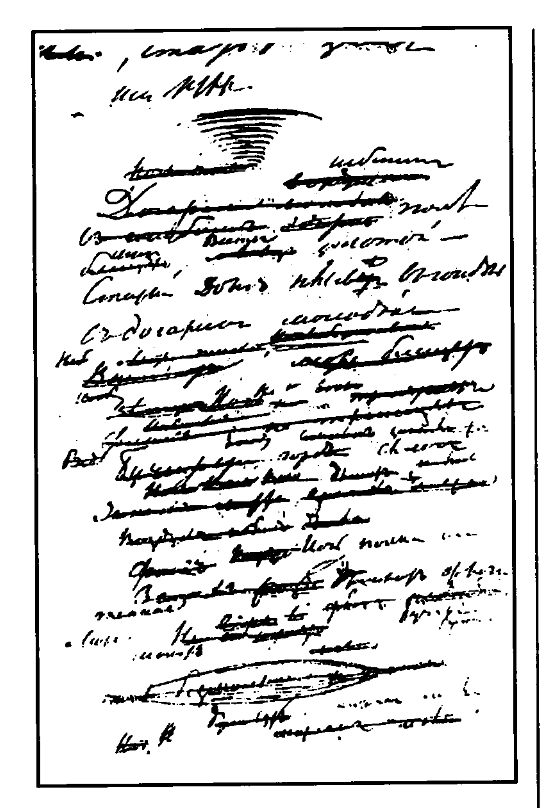
И вот передо мной альбом, в который вклеен — на ножке — автограф.

«Догаресса молодая» — так он начал.

Затем написал рифмы к уже сложившимся двум стихам:

поле
золотой
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Я смотрела на этот автограф с великим волнением — я узнавала в нем дорогие черты давно не виденного друга. Мне казалось, что я хорошо его знаю.

Но где же эти 10 строк, нечитающихся, по единодушному признанию брата Пушкина, Щербины, Маркевича, Соболевского, Лонгинова, Бартенева, Полуденского?

Вот они — все ясные, отчетливые, понятные, с совершенно ясными композиционными поправками, с отчетливо написанным незнакомым мне словом «Бучентавра гордый флаг». Он заменен потом стихом «Флаг надменный Бучентавра», рифмующим с стихом «Слышен запах роз и лавра» и замененным окончательно «Воздух полн дыханья лавра» и рифмующим стихом «Дремлют флаги Бучентавра». Сделаны еще поправки, при которых не получается полного четверостишия:

Ночь полна дыханья лавра
Море темное молчит
Дремлют флаги Бучентавра

Поэтому приходится вводить в текст предыдущую редакцию строфы. В первом же стихе первой строфы вычеркнутые слова о ночи «ночь тиха» (ночь понадобилась во второй строфе) вводить в окончательный текст уже не приходится.

Теперь текст будет иметь такой вид (разве что С. М. Бонди найдет лучшую возможность), увы, ущербный — не хватает части одного стиха:

[В голубом] небесном поле
Светит Веспер золотой —
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Воздух полн дыханья лавра
морская мгла
Дремлют флаги Бучентавра
Ночь безмолвна и тепла

Десять непонятных стихов оказались четырьмя понятными стихами с вариантами. Семь видных писателей и литературоведов пятидесятых годов прошлого столетия оказались побежденными одним скромным текстологом пятидесятых годов нашего столетия.

*

27 мая 1951.

Вчера вечером позвонила Вера Георгиевна Безуглова, которая сообщила, что в библиотеке покойного историка Конст. Вас. Базилевича имеется «Евг.<ений> Он.<егин>» с надписью Пушкина кому-то. — Дочери Шаликова? — Она (В. Г.) не знает. — Ей (вдове) дают 2 000 р. Мы были с Мст. Ал. однажды у Базилевича и смотрели этот автограф, кот. оказался не автографом. А вот позднее он (Базилевич) звонил мне как-то, чтобы сказать, что он приобрел обложку «Истории Пугачевского бунта» с надписью Пушкина В. А. Перовскому. Мы собирались пойти к нему с Л. Б. Модзалевским, <но> это не состоялось. И уже нет ни Модзалевского, ни Базилевича...

Еще сообщила Вера Георгиевна, что у скульптора Веры Ник. Мухиной есть старинный альбом, в котором имеется список «Бахчисарайского фонтана». — Едва ли там есть варианты, кроме использованных

Гр. Ос. Винокуром для издания (по настойчивому совету Мстислава Винокур смотрел копии и внес оттуда стих

<...>

вместо напечатанного

И самые главы Корана).

Но посмотреть на досуге надо.

*

4 июня 1951 г. вышел сигнальный экземпляр труда Мстислава «Летопись жизни и творчества Пушкина»

*

23 сентября 1952. 11 ч. 15 м. веч.

Только что ушла от меня правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Шепелева, которая приходила за томами 6-томного Пушкина, залежавшимися у меня.

Разговорились о Пушкине. Ее все больше увлекает чтение его и хочется знать, кому посвящены те или иные стихи. И вдруг в разговоре в ответ на мою мысль о пустой колыбели — я ей показываю 58 том Литнаследства — она мне говорит, что у него был ребенок от Воронцовой. Я спокойно: да, был, это бесспорно. Я говорю, — Вы это знаете от Ивана Алекс. Новикова? Из его романа?

— *Нет, от тети Анны**.

— Да что Вы?! Что же она Вам сказала? Давно?

— Во время войны. Она уже спокойнее, равнодушнее относилась к понятиям «schoking»...

— Мудрее стала.

— Да, может быть. Она сказала мне об этом факте. И добавила, что дочь была «глупенькая». На мой вопрос — глупая? — возразила: «глупенькая, больная».

Я: А по нашим данным это — Софья Михайловна, которая вышла замуж за

* Анна Александровна Пушкина, внучка Пушкина, умершая в день 150-летия рождения Пушкина — 6 июня 1949 года.

Н. С. Шепелева

Шувалова и имела чуть ли не 9 человек детей. Огромное потомство.

Она: А мне почему-то помнилось имя Зинаида, но м. б. я ошибаюсь.

Я: Это очень значительно, то, что Вы говорите. Ведь, если это семейный рассказ, значит, идет от Нат. Ник., а ей мог сказать конечно только Пушкин. Значит, он счел нужным признаться ей в этом.

Она: Да, очевидно. Тетя Анна рассказала мне это со слов своего отца*, который вообще был очень замкнут и сдержан, но почему-то с Анной Александровной он был ближе, чем с другими детьми. Он говорил ей, что, когда он уже был взрослым, офицером, уже женатым, — он приходил каждую субботу — именно помню, по субботам, к своей матери, и она рассказывала ему об отце (Ал. Серг.), об их жизни. — Вероятно, тут она и рассказала ему об этом.

* Старшего сына Пушкина, Александра Александровича.

Е. К. Воронцова. Рисунки Пушкина

Я: Это замечательно! Это подтверждает окончательно гипотезы пушкинистов. Догадался Новиков, прочтя свежими глазами стихотв.<орение> «Младенцу», потом увидел портрет смуглой девочки в Алупке — дочь Елиз. Кс. — и все понял. Написал об этом в своем романе. Мстислав Александрович совершенно согласен с ним был и написал статью (она не опубликована) о Пушкине и Воронцовой. Потом у него еще были догадки о других документах, потом я осмыслила о монологе Алеко над колыбелью сына, что это написано (уже после окончания Цыган!) — под впечатлением об известии о беременности Воронцовой. Тогда же и «Младенцу». Я все это должна записать.

— Только не надо об этом сейчас печатать и особенно говорить! Пока жива тетя Юлия*, — не надо. Надо щадить старых людей. —

— А она знает?

— Не знаю. Я никогда ни с кем об этом не говорила. Вам говорю первой.

— А после смерти Юлии Николаевны этого можно не скрывать?

— Да, я думаю. Я-то держусь других взглядов. Во-первых, я считаю, что жизнь Пушкина не надо утаивать, и не вижу ничего дурного в том, что у него мог быть внебрачный ребенок.

Я воспользовалась случаем, что беседую с правнучкой Пушкина, и просила ее узнать у Юлии Николаевны, не знает ли она, где находится экземпляр «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова с пометами Пушкина, который принадлежал сыну Пушкина Александру Александровичу еще в 1910 г. (см. предисловие Модзалевского к «Библиотеке Пушкина»). Я запрашивала на днях (письмом) Ник. Серг. Ашукина, кот. собирает материалы по истории частных библиотек в России, нет ли у него чего-нибудь о библиотеке Александра Александровича Пушкина (сына поэта). Муса

* Юлия Николаевна Пушкина, вдова Григория Александровича, внука Пушкина.

С. М. Воронцова. Неизвестный художник

позвонила мне, что ничего сверх того, что указала я (Майков и Модзалевский), он не знает. Нат. Серг. обещала мне, побеседовав с тетей Юлией, позвонить мне.

*

20 мая 1953 г. 2 часа дня.

Вчера вечером, вернувшись домой, нашла на столе записку, что мне звонила Вертоградская по делу и сказала: «Кроме того есть очень *интересный* материал для Вас».

Сегодня утром, позвонив к ней (библиотека Института мировой литературы), я услышала от нее, что. . . . . — найдена десятая глава Евгения Онегина!!!!. . . Весь текст!

— Не может быть!?. . . Подделка? . . .

— Посмотрите.

— Я сейчас приеду!

— Нет, я ухожу. Приходите в $^1/_2$ 6 — и я Вам покажу. Это у меня в руках.

— ??!!! . . . . . ?!!

Как дожить до $^1/_2$ 6-го?...

(В начале разговора спросила, не писал ли мне Томашевский. — Говорю: звонил недели две назад. — Ничего не говорил чрезвычайного? — Нет, ничего. Тогда — сказала о десятой главе.)

Оказалась подделка.

*

11/I 1954.

Видела я 9-го Марью Семеновну Моршинер, сотрудницу Библиотеки иностранной литературы. Она сообщила мне, что впервые во Франции издан весь Пушкин, в переводе на франц. язык. Издания библ.<иотека> еще не имеет, но она читала сообщение об этом в печати.

13. IV 1962. PS. Это, конечно, издание под редакцией и в переводе Andre Meynieux, с кот. я познакомилась в Пушк. Доме, затем встречалась на съезде славистов в Москве и обменялась с ним книгами. Два вышедших т.<ома> он мне прислал.

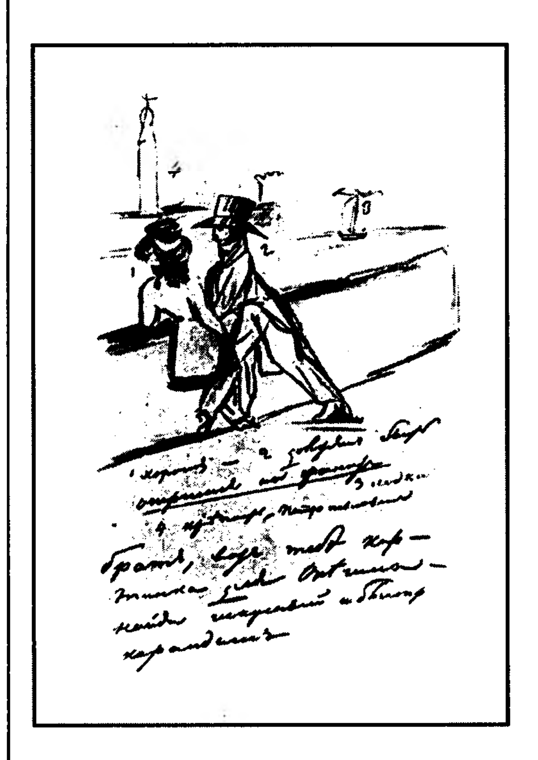

Рис. Пушкина
к «Евгению Онегину»

Н. С. Апраксина, впоследствии Голицына

*

19/I 1954.

Был у меня сегодня Лев Владимирович Горнунг, который рассказал следующее:

I. Одна его знакомая бывает на могиле на Введенских горах. На соседней могиле видает она женщину, оплакивающую мужа, по фамилии вроде Пикерсбилл. Они разговорились. Однажды эта женщина спрашивает его знакомую: «Не знаете ли Вы, куда бы я могла продать альбом, в котором есть несколько записей Пушкина? Он сделал их в альбом бабушки моего мужа». Знакомая спросила Л. В. Горнунга, он посоветовал обратиться в Литературный Музей.

Впервые, с меньшими подробностями, я услышала от него этот рассказ месяца полтора назад. По моей просьбе К. П. Богаевская обратилась к Т. А. Тургеневой (секретарь Лит. Музея): к ним в Музей такого альбома не приносили. Горнунг обещал при случае спросить свою знакомую о судьбе этого альбома.

II. Сгорела дача А. Б. Гольденвейзера, где он хранил свои коллекции. Может быть, и альбом Н. С. Голицыной, с вписанными Пушкиным стихами

«Она одна бы понимала
Стихи неясные мои...» и т. д.

(см. Акад. изд., т. II, кн. 2, стр. 847).

Надо выяснить — уцелел ли альбом.

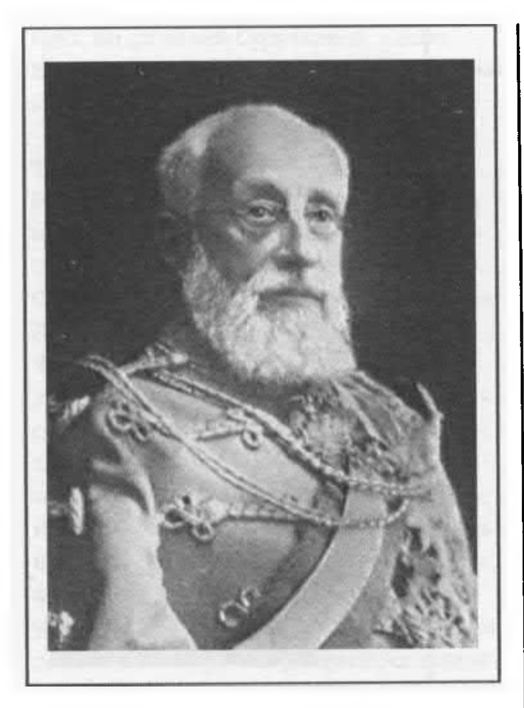
Горнунг повторил мне тут, что альбом этот принадлежал кн. <Н. С.> Щербатову, женатому на медицинской сестре, красавице, которую писал Серов. Ее родная сестра, после отъезда Щербатовых за границу, — женщина малограмотная и серая — продала этот альбом Гольденвейзеру. Щербатов этот был дядей жены Л. В. Горнунга. У Горнунгов хранятся воспоминания его деда <А. Г.> Щербатова, женатого на сестре Веры Фед. Вяземской. Но восп<оминан>ия чисто военные — и о Пушкине нет ни слова.

Жена Горнунга знает со слов матери, что Наталья Степановна Голицына, рожд. Апраксина, была в связи с .... Затем он женился на ее племяннице. Она же продолжала преследовать его своим чувством. Он застрелился — на охоте, чтобы избавиться от нее (50-ые гг.).

III. Горнунг спросил меня, не знаю ли я, не пропали ли из Ленинской библиотеки какие-нибудь рукописи Пушкина. — Нет. Я знаю лишь о том, что есть все основания думать, что оттуда ушли письма к Пушкину его жены. Георгиевский утверждал, что ему «дали потомки на хранение, а потом будто бы взяли обратно. Не ушло ли это в Англию?» — Всем казался странным этот рассказ.

Горнунг говорит, что он слышал, что в частных руках в Москве имеются какие-то рукописи Пушкина, попавшие нелегальными путями. Лицо, у которого они хранятся, не решается продавать их......

Но речь идет не о «Восп. в Ц.<арском> С.<еле>», выкраденном из Пушк. Музея.

А. А. Пушкин

Кладбище Пушкиных в Лопасне

13 сент. 1955.

Относительно автографов, принадлежащих Гольденвейзеру, я звонила тогда же его племяннице, Наталье Мих. Чегодаевой, рожд. Гершензон (дочь Мих. Ос.), — она сказала мне, что автографов он на дачу не перевозил.

Позднее сообщил мне Б. В. Доброхотов, что Гольденвейзер подарил свою коллекцию автографов библиотеке Музея муз.<ыкальной> культуры, с правом хранить ему до смерти.

Относительно *Пикерсбилл* (?), — м. б. Хинсидери (?), — о таковой пишет из Пб. Тургенев Булгакову в декабре 1836. См. I а 4 20 (или 29) — письмо от 28 декабря 1836.

*

12 апреля 1962 года.

Сегодня было заседание в Пушкинском музее, собрались люди, которые будут безвозмездно работать в архивах в поисках пушкинских материалов (по моей инициативе). Елена Владимировна Муза рассказала во время перерыва, со слов экскурсовода по пушкинским местам в Москве Леонида Захаровича Рабиновича, следующее:

В селе Марыгине Тульской обл. (Мордвейского района, добавляет Г. А. Галин, праправнук Пушкина), где последние годы своей жизни провел сын Пушкина Александр Александрович и где он умер, — там был похоронен Ал. Ал. Пушкин, и в гробу было стеклышко, в кот. люди смотрели (его лицо не менялось, добавляет мне вечером Галин). При сносе какого-то старого дома на днях были обнаружены два ящика с бумагами на французском языке. Там считают, что это бумаги Пушкина (Ал. Серг.).

Директор Пушкинского музея Ал. Зин. Крейн тут же по телефону узнал фамилию директора Тульского краеведческого музея и будет с ним говорить по телефону. Будут звонить и в Марыгинский сель-

Г. А. Пушкин, внук. 1880-е

совет (не соединили ранее, п. ч. не знали района).

Сегодня же вечером пришел ко мне Г. А. Галин. Он рассказал, что года два, может быть и четыре, назад в Парке культуры и отдыха имени Горького, где он работал в филиале Исторической библиотеки, работала также некая Марина Александровна, рожд. Павлова, потом оказалось, что она не меняла фамилии, выйдя замуж, т. е. Павлова и сейчас (племянница второй жены сына Пушкина Александра Алекс.). Она работала от Парка (гардеробщицей, сторожихой). Узнав о том, что среди сотрудников библиотеки находится

Т. Н. Галина. 1972

потомок Пушкина, она рассказала ему следующее: что в усадьбе Марыгино была «пушкинская комната»: в ней находились (как она помнит, ей было 11—12 лет в 1917 г.) старые книги, старые бумаги, старинная мебель и даже одежда. Комната эта была всегда заперта. Когда приезжали дети Ал. Ал., он отпирал комнату, водил их туда и они там запирались.

Рассказчица Марина Александровна в качестве родственницы Ал. Ал. Пушкина жила там несколько лет и была свидетелем этого.

«В 1917 году, когда нас грабили (нас — это семью, дом покойного уже Александра Александровича), ее тетка, вдова Александра Александровича (сына Пушкина), специально заботилась о сохранении этих вещей. Им было предложено покинуть дом к утру. Все, что хранилось в «пушкинской комнате», было уложено в два сундука и ночью на подводах перевезено к няне детей Александра Александро-

вича, по фамилии Стручковой, в село Большое Алексеевское, недалеко от Марыгина, где и осталось, по-видимому».

В 1961 году правнучка Пушкина Татьяна Николаевна Галина ездила в Марыгино — впервые в жизни (на такси, которое оплатил Союз писателей, секретарь Воронков Константин Васильевич). Она ездила по делу о перевозе гроба сына Пушкина Ал. Ал. в Лопасню (ныне город Чехов, Моск. обл.), там похоронены его дети Григ. Ал., Сергей Ал. (застрелившийся) и кто-то из дочерей. Она познакомилась между прочим с Грушей, няней младших детей Ал. Ал. (Елены Александр. и Николая Александр.). Татьяна Николаевна по просьбе сына своего Георгия Алекс., который снабдил ее всеми данными, услышанными от Марины Александровны, разыскивала Стручкову, вернее, ее потомков (ей было лет 70 в 1917 году). Никто их уже не знает. Не помнит о существовании Стручковой и Груша. Точно так же *не знают и села Большого Алексеевского.*

Галин говорит, что Марина Александровна (сейчас уже бабушка, но не старая — ей лет 55) говорила, что она нашла бы село Большое Алексеевское.

Я считаю, что необходимо организовать поездку туда, — чтобы был представитель от Музея, может быть, и непременно Марина Александровна и Тат. Ник. Галина или Георгий Александрович. Но это Марыгино находится далеко от всякого сообщения, дороги плохие, а сейчас и вовсе распутица. Можно вертолетом. Надо запастись бумагой о том, что М<инистерст>во культуры просит сельсовет оказать содействие в нахождении и передаче этих сундуков Музею Пушкина. Боюсь, что бумаги, пока соберутся из Москвы поехать, — понемногу расхитят! — — — Впрочем, м. б. это и не те два сундука.

Но Марыгино — в прошлом имение Ал. Ал. Пушкина. Едва ли там еще были люди с архивами. Но как вернулись сундуки из села Большое Алексеевское? А не слилось ли это село с Марыгиным, раз никто этого села не знает?

Как это все волнует! Теперь м. б. получают объяснение слова Модеста Гофмана, что «дневник № 1», о кот. говорила Ел. Ал. Пушкина, гораздо ближе к Москве, чем к Парижу.

Но — французский язык? Все ли бумаги перебрали? М. б. это письма к Пушкину? М. б. его письма лицейские к сестре, кот. он писал на франц. языке, и они хранились у Нат. Ник., о чем знал Анненков?

13 апреля.

11 ч. 30 м. утра. Из Пушкинского музея сообщила мне Елена Владимировна Муза, что директор их музея А. З. Крейн звонил сегодня в Тулу — директору краеведческого музея, который, оказывается, ничего не знал о найденных бумагах. Он обещал сегодня же все выяснить и позвонить в Пушк. музей.

Днем дозвонилась наконец к зам. директора Музея Н. В. Баранской (директора застать было невозможно — он ходил с архитекторами на место пожара: третьего дня в 10 ч. веч. горел флигель, сторожевая будка, старенькая, той же эпохи, что и здание музея — на их территории. Жалкое зрелище!...). Баранская начала скептические речи — «сколько раз нам сообщали о находках, всегда оказывается ошибкой». — Я ей объяснила, что Марыгино — именье, что там только у помещиков, т. е. Пушкиных, может быть архив. Рассказала о двух сундуках, увезенных вдовой А. А. Пушкина к старой няне. Думаю, что село Большое Алексеевское слилось с Марыгиным и что это — те самые бумаги. Она перестала спорить.

В 1/2 5-го я застала наконец директора Крейна. Он тоже стал мне рассказывать о том, что у него жизненное правило —

не ждать ничего хорошего, чтобы потом, если оно придет, ... и т. д. Я попросила его выслушать меня и все вновь рассказала ему. Он говорил, что он завтра позвонит директору Тульского музея, чтобы узнать, что же он узнал. Потом сказал, что мой разговор так разогрел его, что он позвонит сейчас. Я говорила ему, что необходимо *сейчас же* ехать — ему, Галину и Марине Александровне. Дорог нет. Пусть едут на вертолете. — Но он ложится в больницу. Я: ах, бедный! — Нет, не бедный, это гланды вырезать, я в конвейере на очереди. (Неужели нельзя гланды отложить, поменяться очередью? — Это я подумала). — Но кого же Вы можете послать энергичного? — Затрудняюсь сказать — с моим женским коллективом.

Еще сказал он мне, что вертолета на это дело никто не даст. — А я думаю, что *безусловно* дадут.

Вечером, в 8 часов, я позвонила экскурсоводу по пушкинским местам в Москве, Леониду Захаровичу Рабиновичу, с которым я уже с год знакома, — очень милый, честный, страстно преданный Пушкину человек — <сказала,> что хотела бы услышать от него рассказ о бумагах Пушкина, так как мне говорили, что это с его слов. Рассказала ему и о двух сундуках, о Галиных, о Марине Александровне. — Оказывается, во-первых, что о двух ящиках и речи не было, вообще об объеме бумаг ни слова не было сказано.

Вот что он мне рассказал:

С неделю назад, м. б. дней 9—10 назад (т. е. в первых числах апреля), он, Л. З. Рабинович, проводил экскурсию по пушкинским местам в Москве. Экскурсия была организована учительницей из Подмосковья. Была среди экскурсантов и еще учительница. Стали спрашивать о потомках Пушкина. Одна из них стала критиковать статью о потомках П., кот. была напечатана в «Литературе в школе» (там было сказано, что сын П. Ал. Ал. был похоронен в родовом имении Захарово. — Год назад, что ли). Он стал говорить, сказал, что Ал. Ал. был похоронен в Марыгине, что прах думают переносить (тут вставная новелла о том, что после Великой Отеч. войны кто-то решил, что с какой стати генерал в саркофаге в усыпальнице, разбили стеклышко в гробу и перетащили прах в братскую могилу. Груша, бывшая няня в семье Ал. Ал. Пушкина, чтобы не затерялся след его погребения (новый), перетащила ступень от церкви и положила ее на поле, в том месте, где был похоронен Ал. Ал. Дальше еще развивается новелла об этой могиле, о Лопасне, о Воронкове <?>, о <*нрзб.* Коняевых?>, о Галиной и т. д.).

Я прошу говорить о бумагах. И слышу следующее:

Когда учительница (вторая, не организатор экскурсии) услыхала название Марыгино, она сказала: «Туда недавно поехал в командировку мой брат и писал оттуда, что недавно не то разрушали какую-то избу, не то перекрывали ее и обнаружили там пушкинские бумаги на французском языке, его автобиографию, как она добавила. Бумаги эти сдали в музей». — В какой? — спросил Рабинович. — Не знаю.

Ни о каких ящиках ничего, ни слова сказано не было.

Леонид Захарович спрашивает меня, нет ли у меня кого-нибудь в Историческом музее. Он по многолетнему опыту общения с приезжающей в Москву сельской интеллигенцией знает, что для них главный центр, который они всегда поминают, часто ни к селу ни к городу, это — Исторический музей. — Нашли что-нибудь; куда сдать? — в Исторический музей. Он рекомендует мне узнать, не там ли. Могут скрывать. Поэтому сделать это не официально, а частным образом, т. е. не дир.<ектору> музея Пушкина обращаться к дир.<ектору> Истор. музея, а иначе.

Рабинович вписал этой учительнице в записную книжку свой адрес и взял с нее слово, что как только брат ее вернется из Марыгина, он тотчас же напишет ему, Рабиновичу, об этой находке и куда она передана. Как только получит от них письмо, тот же час позвонит мне, — сам сказал. Извинялся, что на моем докладе, 10-го, не подошел ко мне все это рассказать. Но ему надо было скорее домой; Машенька (новорожденная дочь), то-то он должен был домой скорее.

9 ч. веч. Звонила к Тат. Ник. Галиной. Она сегодня, под впечатлением этих разговоров о находке пушкинских бумаг, ездила к Марине Александровне Павловой (она, выйдя замуж, не меняла фамилии); у нее внуки близнецы, и она с трудом могла отвечать на расспросы Татьяны Николаевны. Тем не менее сказала, что бумаги могли оказаться во флигеле дома Ал. Ал. Пушкина, т. к. дома уже не существует. Тат. Ник. подтвердила, что Марыгино это — имение и что там больше ни у кого не могло быть архивов, французских бумаг.

Марина Александровна сказала, что село Алексеевское (кажется, не Большое Алексеевское, а просто Алексеевское) далеко от Марыгина — оно было в Богородицком уезде Тульской губернии, ближе к Орлу. Туда отвезли большой кованый сундук, с висячим замком. Существует ли он? уцелело ли что-нибудь, — она не знает. Она рассказывает, что дом в Марыгине был большой — полуподвальный этаж, 2-ой этаж и антресоли. На антресолях была так называемая «пушкинская комната», полная старинных книг (в <*нрзб.*> переплетах), рукописей, обмундирований — «дедушки» (как называет сына Пушкина Ал. Ал—ча его внучка Тат. Ник.), гусарских мундиров, касок и т. д.; и не только дедушки, но и Павлова, он тоже был нарвский гусар (т. е. гусар 13-го Нарвского гусарского полка), и еще кого-то из семьи. Я говорю: почему же называли комнату пушкинской, если там были вещи Ал. Ал.? Нет, книги старинные, бумаги. Еще была маленькая детская кроватка старинная, с колонками, которая немного качалась. — Ал. Ал—ча? (я спрашиваю). — Не знаю, — говорит Тат. Ник., — может быть, и Ал. Серг. в ней спал в детстве. — Тат. Николаевна, когда была в прошлом году в Марыгине, познакомилась там с учительницей, — там только одна учительница в единственной там школе. Она ей сегодня вечером напишет, чтобы все узнать о находке бумаг, и куда их передали. Она (Т. Н.) не знает фамилии этой учительницы, но знает имя и отчество, — конечно, дойдет, раз там всего одна учительница. Но до Тат. Ник. в Марыгино ездил Малов, тот профессор физики, кот. подходил ко мне в Пушк. музее здесь после первого моего доклада. Она ждет его звонка, чтобы узнать фамилию учительницы. Мы сговорились с Т. Н. всё друг другу по этому делу сообщать.

10 ч. 15 м. вечера.
Звонила я опять Татьяне Николаевне, чтобы сказать ей, что на карте Тульской губ. Богородицкий уезд в центре губернии, и чтобы спросить, в каком уезде было Марыгино (карта в старом Брокгаузовском словаре). Она разъяснила мне то, что сказала не очень внятно час назад. — Ал. Ал. Пушкин жил в Марыгине, имении Павловых, своей жены, пока не построил в соседнем имении Останкине, Павловых же, коттэдж, типа английских, небольшой дом, как сказала сегодня Марина Александровна Павлова, дочь брата жены Пушкина, Павлова, тоже Ал. Ал. — Брат с сестрой поделились, ему досталось Марыгино, а ей — с мужем Пушкиным — Останкино. Я говорю, почему же вдова Ал. Ал. Пушкина вывозила в сундуке вещи из Марыгина, когда она жила в Останкине? — Не она, а Павловы. — А почему же это — пушкинское? — Тат. Ник.: «Я не знаю, пушкинские ли это вещи, м. б. и не его, а Павловых,

Марина Александровна тоже не знает. Но Ал. Ал. Павлов говорил, что эти книги и бумаги исключительной ценности».

(*Мои размышления:* Значит, Юра мне не точно рассказал. Не Марина Александровна в качестве племянницы жила в доме у Пушкиных, а они жили у Павловых, пока не выстроились. Но комната называлась «пушкинской»! — Но может быть, в память того, что здесь жили Ал. Ал. Пушкин с женой?)

Похоронен же Ал. Ал. в Марыгине, п. ч. в Останкине не было кладбища и церкви. Тат. Ник. узнала уже от Малова фамилии и учительницы, и заведующей клубом, и Груши. Всем трем она сейчас напишет. Сейчас же как только получит ответ, мне позвонит. И я ей, если что узнаю.

14 апреля.

Я допускаю, что найденная рукопись подписана латинскими буквами: А. Р., кот. сельская интеллигенция приняла за Ал. Пушкина, тогда как это — Ал. Павлов. И бумаги, вывезенные в 1917 г. в село Алексеевское — тоже вероятно Павловых. Но тем не менее надо все выяснить до конца.

Сегодня позвонила мне Баранская и сказала, что кто-нибудь из Пушк. музея выедет в понедельник в Марыгино. Я ответила, что бумаги сданы в музей, как сказала экскурсантка Рабиновичу. Сказала, что Т. Н. Галина написала по трем адресам. Они звонили ей узнать, как туда ехать, и она ничего не сказала о том, что написала письма туда. Почему? — Не знаю.

21-го.

Кажется, дня два-три назад звонил мне Л. З. Рабинович. Он ездил три дня (!) по Моск. области и разыскал-таки учительницу, от которой услыхал о находке. Оказалось, брат ее не писал ей из Марыгина, а рассказал, приехав оттуда. Рассказал следующее:

При перекрытии какого-то дома в Марыгине найдена старая рукопись — на франц. языке. Написана красными чернилами. Думают, что Пушкина. (Он никогда не писал красными чернилами.) Читает местный инженер, владеющий франц. языком. Потом передаст в Историч. музей.

*

8 мая 1962.

1 час дня. Только что звонила Ксения Петровна Богаевская. Она сообщила мне со слов И. С. Зильберштейна, который слышал это от В. В. Виноградова (они общаются в Узком, где оба отдыхают), а Виноградов знает это от М. П. Алексеева, кот. знает это на основании передачи по радио, что .... письма Н. Н. Пушкиной к Пушкину напечатаны за границей.

Зильберштейн написал разным своим знакомым в Европу.

Я тотчас же позвонила С. М. Бонди, написала Измайлову, прося хоть в двух словах ответить, так ли это. Напишу и Меньё.

*

5 марта 1963 г.

Существует предание, основанное на рассказе А. М. Горького, что у герцогов Серра-Каприоле в Италии хранятся письма Пушкина к жене того С.<ерра>-К.<априоле>, кот. был посланником в России. Об этом писал и в своих воспом.<инаниях> Всеволод Иванов, ездивший к Горькому на Капри. Говорила об этом и Мар. Игн. Будберг, бывшая возлюбленной Горького, а потом женой Уэлса. Она была [года два] год назад в Москве, и меня пригласили из Пушк. музея — познакомиться с нею и водить ее по музею. Я вручила ей листок — что́ из автографов Пушк<ина> за рубежом мы знаем, — она обещала прислать фото со всего и подбавила от себя о каком-то коллекционере в Англии, у кот. будто бы есть и рукопись и рисунок Пушкина. Сама заговорила о

Серра-Каприоле, сказала, что раньше они враждебно относились к нам, но времена меняются, и — кто знает? — Она им напишет.

На этом все и кончилось.

Сегодня увидела в Сб.<орнике> биографий кавалергардов (1826—1908) очень ценную справку, кот. — по-моему — разбивает эту легенду.

«[1]Антуан-Марина д'Оннорсо герцог de Serra-Capriola (1750—1822) был женат на княжне Анне Александровне Вяземской († 1839) и был посланником в Петербурге с 1782 по 1807 г. и с 1814 по 1822 г.» — Это сноска на стр. 3 к биографии гр. Степана Федор. Апраксина, кот. был «женат на дочери Неаполитанского посланника в Петербурге[1] герцогине Елене Антоновне де Серра-Каприоле († 25 ноября 1820 г.); у них дети: Федор (р. 1817 г.), Антон (р. 1818 г.), оба кавалергарда, Елена (р. 1819 г.) и Елизавета (р. 1820 г.)».

Когда же это Пушкин мог познакомиться с вдовой этого Серра-Каприоле и возыметь желание переписываться с ней? Ну, м. б. не переписываться, — а дать какую-то рекомендацию к этой даме. Но — все равно — очень мало правдоподобно.

*

5.VII.1963.

Сегодня был у меня историк Михаил Михайлович Медведев, которого я видела раз — на обсуждении статьи Фейнберга о дневнике Пушкина. Человек очень симпатичный. Мы проговорили с ним 5 часов (с 6 до 11). Он привез фотокопию «Вольности», неграмотной копии, принадлежащей лэди Zia Wernher, которую она считает автографом. Мы отметили с ним варианты (я внесла их на свой экз. вариантов «Вольности» — в Ак. изд., т. II).

Он (Медведев) сообщил, что ищет дневник № 1, переписывается с корреспондентом «Известий», живущим в Париже, Сергеем Зыковым. Тот сообщил, что дочь Елены Александровны Пушкиной Светлана пропала бесследно после того, как она родила 18 лет назад сына (вне брака), устроила его в интернат или в какое-то детское заведение и исчезла. Сыну сейчас 18 лет, он штукатур — под Парижем, знает, что он потомок известного русского поэта Пушкина, но не читал его. Зыков написал ему, приглашая придти к нему, но тот не пришел и не ответил.

Писал Медведев и лэди Zia Wernher о дневнике № 1. Прочитав в «Огоньке» об этом дневнике, она почему-то поехала в Париж поговорить с Феликсом Фел. Юсуповым (?!?!). Он (Медведев) пишет всюду, и все отвечают. По поводу моих надежд на рукописи Пушкина в архиве Эйхгора и в архиве Лакруа советует мне написать директору Национальных архивов в Париже. Он писал ему, имел ответ, даст мне адрес (его письмо, касающееся изобретения реактивного самолета неким Телешовым в прошлом веке, Медведев передал в Академию военно-воздушного флота).

Спросил меня, что я знаю о Бродянах. Рассказала ему все, что знаю: о пушк. комнате — рассказ от Бонча, о письме Мст. Ал. к Бончу о Бродянах, когда наши вошли в Венгрию — 1943? 1944?, о письме Бонча Молотову, о том, что Молотов показал это письмо Сталину, что Сталин наложил резолюцию — дать охрану по военной и партийной линии, о том, что мы просили командировать Вильям-Вильмонта, кот. был корреспондентом в армии в Венгрии, командировать в Бродяны, о том, что он там ничего не нашел, потом ездил с Исаченко, кот. что-то нашел, потом ездил Исаченко с Копаничаком <?>, нашли больше, — сообщил Исаченко в журналах; подарили нам худшую часть. Слух о кольце Пушкина, которое

Н. С. Апраксина, впоследствии Голицына

жена Исаченко, рожд. Трубецкая, носит и переделывает на свой палец, потому что оно ей велико. Пушкинское кольцо! Мерзавка. О том, что кое-что оставшееся у него он передал в Философский кабинет университета в Брно. Что-то в этом роде. Надо все это разыскать, т. е. письма Радо, письма Раевского, рассказ Вильям-Вильмонта, потому что вот что мне рассказал Медведев:

Сотрудница Исторического архива _ _ _ _ _ ездила в командировку в Чехословакию, познакомилась там с некоей <*нрзб.* Та???>, которая хорошо знакома с Исаченко и его женой. Они показывали ей письма Пушкина к Ал. Н. Гончаровой и большую рукопись!!!. . . Узнав об этом, Медведев написал Исаченке, нет ли у него еще чего-нибудь. Тот ответил испуганным письмом, что все это — слухи, что у него нет ничего. После того Медведев послал ему оттиск своей работы, тот стал откровеннее, спросил, не заинтересовался ли бы «Огонек», он бы рассказал все об этой находке. Медведев спрашивал. Если есть что-нибудь новое, — да, напечатают. Медведев послал Исаченке книгу со статьей Н. А. Раевского. Ответа еще нет. Исаченко собирается навестить свою родину, Ленинград — этим летом — и Пушкинский Дом. Приедет летом в отпуск и Сергей Зыков.

Во вторник, перевезя в понедельник паралитичного отца из больницы на дачу, во вторник, если все будет благополучно, Мих. Мих. придет ко мне со всеми письмами Зыкова, Исаченко, Вернеров. А я обещала ему подготовить письма (Радо, Раевского, рассказ Вильям-Вильмонта). М. б. мы совместно что-нибудь с ним и найдем.

*

2 <октября 1966. Болшево>

Приезжали Сусанна Григорьевна и Людмила Васильевна. Сдала ей свой план ее публикации автографа «Она одна бы разумела...» Сус. Григ. рассказала, что ей передали, что у Б.<огдановой> *точно* письма Н. Н. к Пушкину, а не книга Лифаря, как та наводила тень на плетень.

Людм. Вас. говорит, что Илья Ник. Голенищев-Кутузов утверждает, что *он держал в руках* в Триесте письма Пушкина к Амалии Ризнич!!...

3 <октября>. Были Крестова и Кузьмина. <...> Вера Дм. будет говорить с Ильей Ник. Голенищевым-Кутузовым, как подступиться к письмам Пушкина к Ризнич.

Он говорил об этом, приехав лет 10 назад — Виноградову и Алексееву. Они не реагировали. Виноградов говорил мне что-то вроде того, что Голенищев-Кутузов «враль», «Хлестаков». Кузьмина и Крестова, кот. хорошо знают Гол.-Кут., утверждают, что это — не так!!...

10 лет упущены!...

*

9 апреля 1970 года.

Вчера вечером, в $^1/_2$ 11-го, позвонила мне Муза (Елена Владимировна). Сообщила, что к ним в музей приходил некто Лер-

нер, ленинградский журналист, не имеющий отношения к Ник. Ос. Лернеру. Был он в Праге у сестры Лернера, у нее оказались рукописи Пушкина, письма, в том числе *дневник*!!! Показал фото дневника: переполовиненные листы (сверху вниз), как Пушкин делал для своих работ в 1830-х годах. Фото так мелко, что не только не прочесть ни слова, но даже почерк не виден.

Она сказала, что согласна отдать ему (нынешнему Лернеру) этот дневник Пушкина, если он ей привезет взамен две иконы (определенных святых). Вернувшись, он пошел в высокое учреждение. Там благословили его на этот обмен и даже достали ему эти две иконы. Поедет он еще в апреле, как только решится, куда пойдет фотография Ленина барчуком, кот. этот Лернер достал (Ленин говорил кому-то об ней, хотел видеть, никто не нашел). Новый Лернер разыскал старого большевика (с 1903 или 1905 года), который сидел, потом жил заброшенный в Ульяновской области. У него оказалась фотография. Лернер напомнил об нем в местных партийных органах. Он уже получил трехкомнатную квартиру. Из-за фотографии теперь споры между Ленинградом и Москвой. Лернер признает, что он в пушкиноведении невежда, но очень любит Пушкина, следопыт. Публиковать дневник хочет сам.

Амалия Ризнич. Рис. Пушкина

Привезет вероятно в мае. Хоть бы дожить!!..

7 июня. Пока ничего не выяснилось.

«Она одна бы разумела...» Автограф Пушкина в альбоме Н. С. Голицыной

Н. С. Савельева

*

7 июня 1970 года.

Юра Галин рассказал мне сегодня невероятный рассказ (пишу под его диктовку — почти). В 1920 г. на рынке в Тбилиси будущий профессор (языковед) МГПИ им. Ленина Иван Васильевич Устинов приобрел за небольшую сумму (кажется, 20 р. или что-то в этом роде) черную тетрадь, *целую тетрадь*, целиком заполненную черновиками Пушкина.

Это известно из двух источников:

1) со слов ныне покойного Владимира Акимовича Савельева (мужа праправнучки Пушкина Натальи Сергеевны Савельевой, рожденной Данилевской). Савельев — зав. кафедрой русского языка Полтавского пединститута. Он (Савельев) дважды или трижды держал в руках эту тетрадь и, придя от Устиновых к Галиным, где он жил в течение года, в тот же день об этом сообщал (в 1959—1960 году; Савельев тут защищал диссертацию, в конце 1950-х годов, в 1961 ? году; Устинов был его «науковий керівник»).

Второй источник — Марья Александровна Нурова, владелица дачи в Салтыковке, соседка по даче Андрея Дмитриевича Михайлова (сотрудника Института мировой литературы), знакомая Устиновых. Она рассказывала неоднократно об этой тетради Пушкина, хранящейся у Устиновых, которую она сама видела не раз у них, будучи с ними хорошо знакомой. Рассказывала она об этом Андрею Дмитриевичу и его тетке, Александре Михайловне Бунах, соученице Т. Н. Галиной по Екатерининскому институту.

Ныне эта Марья Александровна проживает в Бельгии, где ее сестра замужем за Спааком (Поль-Анри), бывшим министром иностранных дел, впоследствии премьер-министром Бельгии и генеральным секретарем ООН.

В. А. Савельев утверждал со слов владельцев, что эту тетрадь Пушкина они показывали М. А. Цявловскому.

И. В. Устинов умер около 1965 года в очень пожилом возрасте (около 90 лет). Жива вдова И. В. Устинова, Татьяна Федоровна Алексеева, языковед, кандидат филологических наук, лет на сорок моложе мужа. Живет она напротив гл. почтамта, во дворе (на ул. Кирова).

В июле (1970 г.) должна приехать дочь покойного Савельева, Лидия Владимировна Савельева, которая тоже хорошо знакома с Устиновыми.

Юра надеется, что Лидия Владимировна пойдет к Устиновым по его настоянию и что он присоединится. Юра говорит, что он мне рассказывал об этой истории и я почему-то тогда не реагировала на это.

Не то теперь!

*

14 января 1971 г.

Оправдывается мой каламбур о темпах Юры Галина, когда он что-то намерен сделать: «de Jure» или «de facto»? Он добродушно отвечает: «Пока de Jure».

14 января 1971 г.

Вчера вечером позвонила мне Сусанна Григорьевна Энгель и сообщила следующее: Богданов, вдовец Богдановой, известной коллекционерши, у которой — по предположению Сусанны Григорьевны — хранились письма к Пушкину его жены, — Богданов поехал в Ленинград — продать неизвестное письмо Пушкина — за 5 тысяч рублей («нынешними деньгами»). Хочет продать коллекционеру, инженеру по профессии.

Я предложила написать Черейскому, который знает всех ленинградских коллекционеров, в том числе и инженера (он говорил мне о нем).

Сегодня переспросила, можно ли Черейскому сообщить об этом? Сказала, — думаю, что можно, но несколько затуманить, сумму не называть, что письмо не говорить (она надеется, что вдруг это письмо к Пушкину от Нат. Ник.).

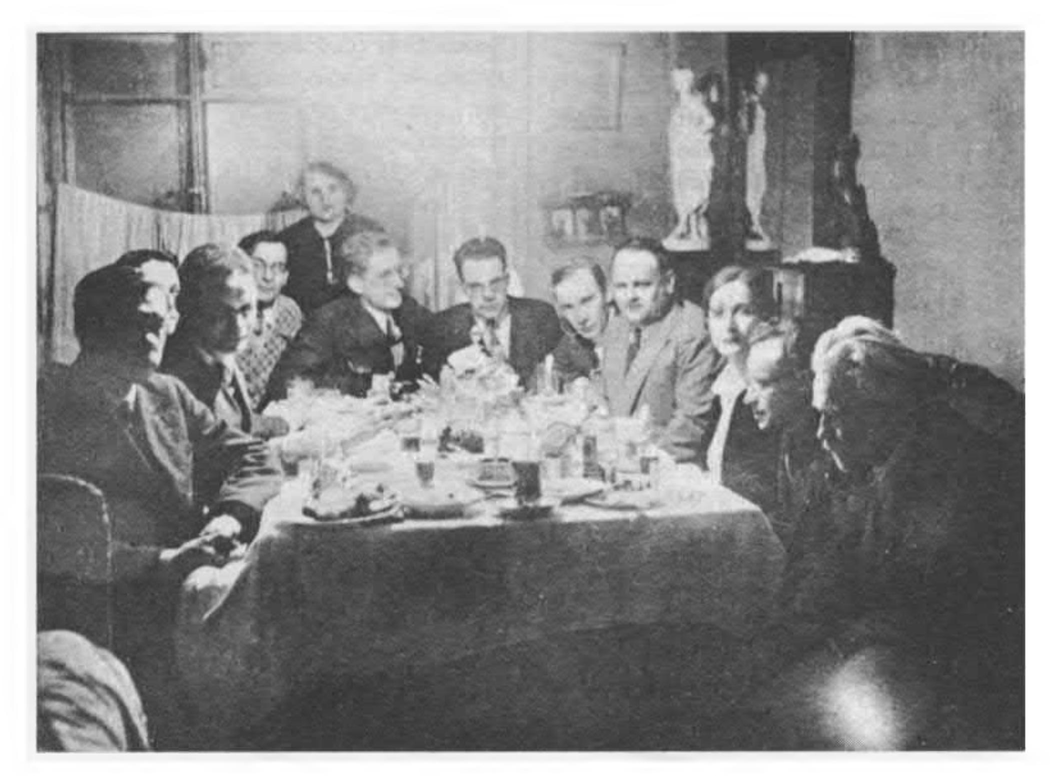
Написала ему, начала: «Скажу по-пушкински: Слушай в оба уха...»

3 июня 1971 г.

Л. А. Черейский отвечал мне в письме, что ничего не удалось узнать.

Сегодня, сидя у меня, подтвердил это. Не знает ни Моисей Семенович Лесман (известный коллекционер автографов поэтов), ни книжный собиратель ..... (вроде Растоскуев).

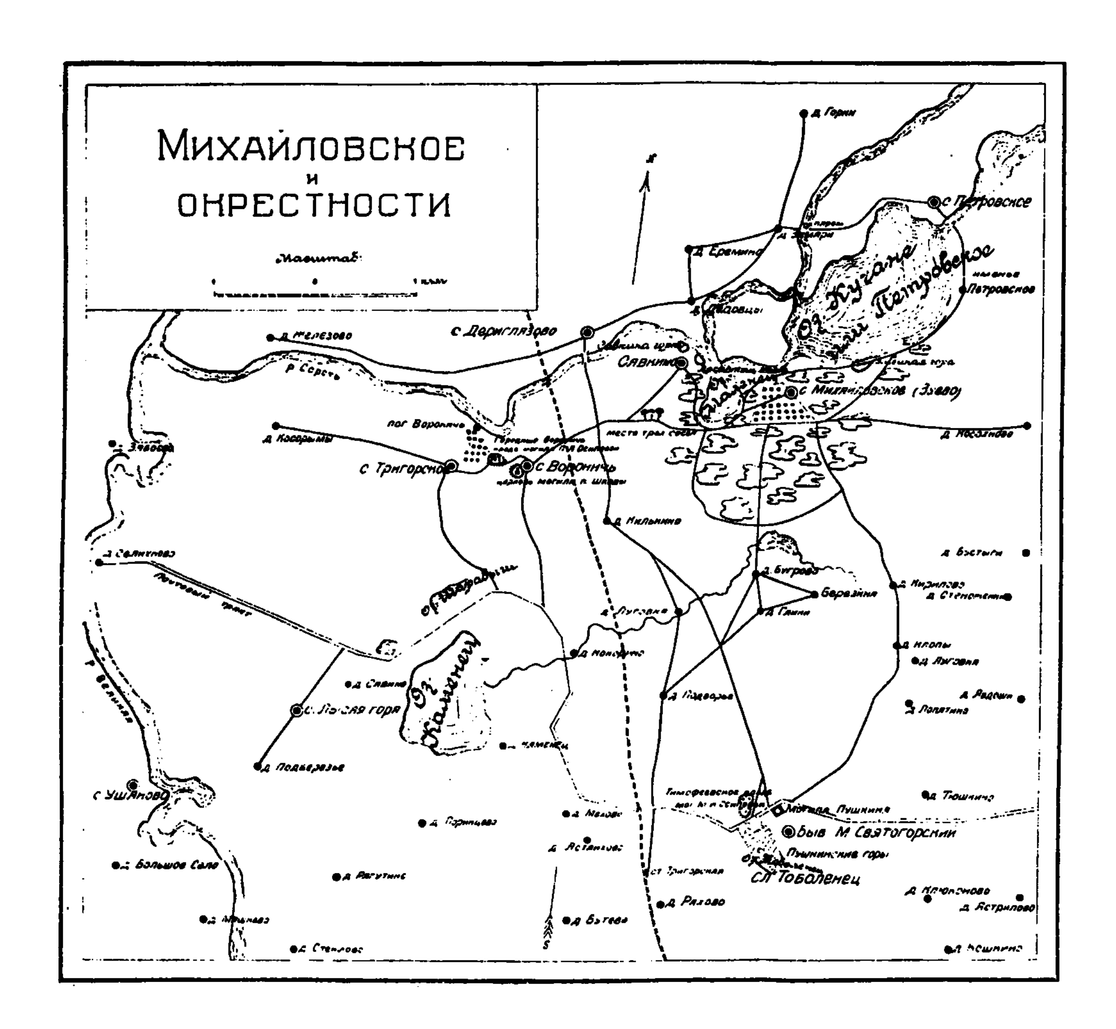

Б. В. Томашевский, А. Л. Слонимский, С. А. Рейсер, Д. П. и Н. Г. Якубовичи, Г. А. Гуковский,
Л. Б. Модзалевский, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Т. Г. Цявловская, Ю. Н. Тынянов, М. А. Цявловский.
М. Цявловский читает «Тень Баркова». Ленинград, дома у Якубовичей. 13 мая 1933

ПРИЛОЖЕНИЕ

Михайловское
и
окрестности
Масштаб
д Горки
д Еремино
с Петровское
Петровское
Оз Кучане или Петровское
с Дериглязово
д Железово
р Сороть
Сявкино
с Михайловское (Зуево)
место трех сосен
д Косорымы
пог Воронич
с Тригорское
с Воронич
д Мильнино
д Бугрово
Березино
д Глазки
д Кириллово
д Стенотелино
д Луговка
д Селихново
Почтовый тракт
р Великая
д Савкино
с Лысая гора
Оз Каменец
д Подберезье
с Ушаково
д Большое Село
д Регутино
д Горинцево
д Мелова
д Рядово
д Бугрово
д Подворье
д Тюшино
Могила Пушкина
Быв М Святогорский
Пушкинские горы
ст Тригорская
Сл Тоболенец
д Рахово
д Клюкшиново
д Ястрилово

М. А. Цявловский

ПОЕЗДКА В МИХАЙЛОВСКОЕ

<1924>

9. IX. 7 в.<ечера>. Отъезд из Москвы.

Чай в ресторане. Литературные беседы. Болезнь Тургенева.

10. IX. Чай в ресторане. Рассказ Гроссмана о коктебельских играх. Брюсов. Андр. Белый. Игра в цитаты. Великие Луки. Творог и венгерец. Медленный подъем.

4 ч. д. Приезд в Идрицу. «Начальство». Обед на вокзале. Любезный собеседник. На постоялом дворе. Орленок. Граммофон. Сон мой. Прогулка других. Чай. Ужин. Приготовление речей. Три проекта. Книга, медали и памятник Арины Родионовны. Фонтан не бахчисарайский.

11. IX. Вокзал. Автомобиль-дрезина. Забытые полотенца. Пропавшее «начальство». Логические загадки. Посадка в вагон. Отъезд в 11 ч. 45 м. у. Пушкин—Лапин. Чтение о Пушкине. Гаррис. Софийский. Крестьянская аудитория. Разъяснения туземцев. Река Великая. Опочка. Отсутствие продуктов. В поисках булок. Турецкий консул. Просим хлеба. Пушкиниана. Чтение вслух стихов Пушкина эпохи Михайловского Гроссманом с комментариями.

Приезд в Тригорское в 4 ч. д. Ворота на пустом месте. Извозчики. Поездка с И. А. Новиковым в Святые Горы. Рассказ возницы. Казенка. Губернаторские ворота. Никифоровский, Ольга Ив. Список ленинградцев (Щеголев, Ахматова, А. Толстой, Модзалевский, [Сологуб] неприехавшие). Бакусов алкоголик. Квартира (лучшая комната Святых Гор). Любопытство и испуг. Недостает кровати. Визит к председателю комиссии Мышецкому. Посещение могилы (памятник в гирлянде). Крест близ могилы — XVIII в. Могилы Ганнибалов. Снесение памятника Нюси.

Закуска в экскурсионной базе. Рассказ заведующей столовой о школе. [Крестный ход 10. IX.] Перенесение святынь монастыря в приходскую церковь. Назойливый консул. Вид с колокольни. Страшный ветер. Крытая лестница. Пушкинские ворота монастыря (обгорелые). По дороге Пушкина в Михайловское. Расспросы о Демьяне Бедном. Телега с елками. Фок и медведь. Пустой череп. Возвращение домой. Чай. Никифоровский. Должны быть на заседании, но не были. Жеребьевка. Гроссман на полу, Новиков двухспалка, я — диван, Гинзбург — кровать.

12. IX. Первый день торжеств. Чтение. Откладывание наших проектов. У Никиф.<оровского> грамота Ганнибалу. Чтение Гроссманом своей речи. Обсуждение. Чтение Новиковым своей речи. Обсуждение. На могиле. Убрана <в> гирлянды и цветы. Вымыта. Обед. Предварительное заседание комиссии по устройству празднеств. Питер и Москва. Выборы президиума. От Москвы — Новиков. Всего 9 человек. «Хулиганчики». Открытие торжественного заседания на горке в 6 ч.

Михайловское.
Литография П. А. Александрова по рис. И. С. Иванова. 1837

Святогорский Успенский монастырь
Литография П. А. Александрова по рис. И. С. Иванова. 1837

Председатель Карпинский. Открывает. Захват. Кин. Речи пред. Вика <?>. Почт.<ение> памяти, речь представ.<ителя> Р.К.П.

Речь Никифоровского. Фотографирование. Шествие. Венки. Венок от драм. кружка. Свыше 1000 ч.<еловек>. На могиле. Возложение венков. Моя речь (от Москвы) и Пиотровского (Ленинград) и < > (Псков). Шествие в Народный Дом. Продолжение заседания. Чтение письмен. приветствий. Речи Карпинского, Гроссмана; Измайлов, Новиков, Томашевский.

Семенов-Тянь-Шанский.

Садофьев — сладкий чай.

Металлисты — «эпиграммы», «лозунги», «стихи».

Долинин — каша.

Интернационал.

Ужин у Алек. Ив. Бакусова. Кулебяка, чай.

Общий тон — терпимый.

Жеребьевка. Гинзб.<ург> — пол, Гроссман — диван, я — кровать, Новиков — двухсп.<алка>. Чтение «Домовому».

13. IX. У Починковской. Автограф Достоевского. Михайловский (Павлинцев). Вестник Европы. Желябов. Встреча с Достоевским на улице. Роман? Портрет в молодости. Ей 74 года (р. в 1850 г.). Обед. В садике у хозяина о медалях. Поездка в Михайловское на подводе. Часовня с сорванной крышей. Пушкинские ели. Ворота. Съемка кинематографом. Домик няни. Пейзаж. Фундамент дома. На лугу у Сороти. Фотографические съемки (у фундам.<ента> и в кустах).

Открытие музея. Речи Никифоровского и Тат. Ник. Черепниной. Осмотр музея. Все копии, кроме грамоты. Сервиз, часы. Пушкинская липовая аллея. А. П. Керн.

Поездка в Тригорское на подводе. Три сосны. Воронич. Тригорское. Ошибка с сгоревшим домом. Развалины. (Возница о соснах.) Диван Онегина. Вид. Федор Мих. лакей Вревских. Стихи Языкова о П. в Тригорском читает Гроссман. Баня. Рассказ о П. в бане Фед. Мих—ча. Почему он здесь ночевал? Об А. Н. Вульфе у Ф. М. («волновался»). Солнечные часы — дубы (осталось 6). Определение возраста Новиковым (125—126 лет). «Дуб у Лукоморья». «Здесь моя мать “гуляла” с П.» — слова старшего сына Вревской Евп.<раксии> Ник. «Эпизод». Бегство. На неверной дороге. Луна. Анекдоты. (Стендаль — стакан воды.) Литературный вечер. Починковская (воспоминания о Михайловском). Озаровская и ученицы. Сочинение Озаровской «П. и звезды». «Золотой петушок», «Письмо Татьяны», «Пророк»... Ив. А. Новиков («О думы тихие», «Я давно нищету возлюбил»). Мелодекламатор. Дóма. «Последние радости» — неопублик. стихи Пушкина в чтении Томашевского.

Жеребьевка. Я на полу, Нов.<иков> — диван, Гроссм.<ан> — двухсп., Гинзбург — кровать. Мысль Новикова.

14. IX. Третий день торжеств. Мигрень Гроссмана. Пирог у Алексея Ивановича. Школьная выставка. Русин — Ломоносов. Беспроволочный телеграф. Ветряной двигатель. (Раздача наград Карпинским.) Потерял товарищей. На подводе на Савкину гору. Встреча с Вар. Вас. Починковской. Рассказы ее о Пушкине. «Русал-

Гостиная в Тригорском

ка» — мельница в Бугрове. Ширмы в Тригорском. Разгром Тригорского. Камень на Савкиной горе. Старуха крестьянка. Митинг. Латыш. Ужасная по безграмотности речь латыша. Еще речи разных коммунистов, Никифоровского, Устимовича и меня (я говорил, кажется, 6-м). Речь моя о «Пушкине и его народолюбии» имела успех. Фраза о Горках, Ясной Поляне и Михайловском понравилась коммунистам. Возвращение с Алексеем Иван. Бакусовым на подводе в Святые Горы.

Планы о поездке на Остров. (Екат. Серг. Скарлатова, рожд. Кабанова.)

Обед у Алек. Ив. Роскошество блюд.

Заседание «заповедника». Споры о школе. Резолюция, предложенная мною. (Стихи обо мне.) Семья в сборе. Писание дневника.

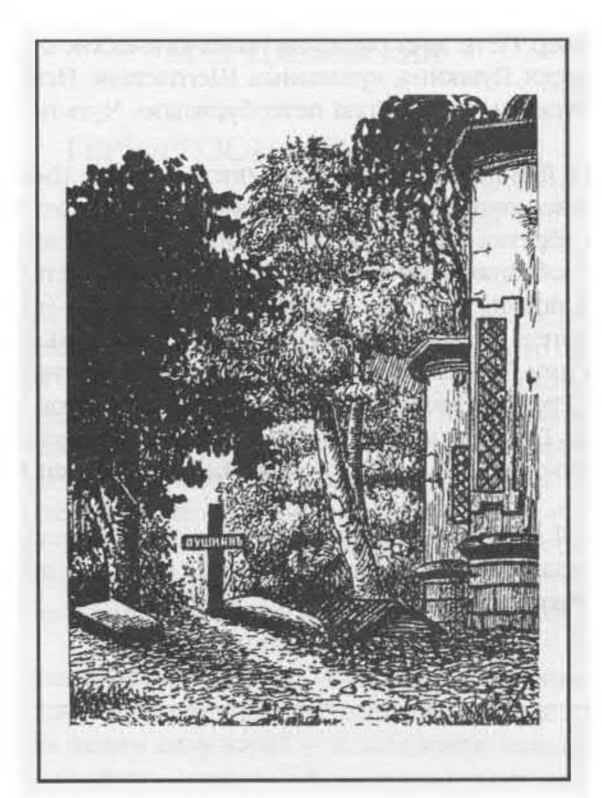
Жеребьевка. Гинз.<бург> — кровать, Новиков — пол, я — диван, Гроссм.<ан> — двухсп.

15.IX. Писание дневника. Рассказы мои о пушкинистах. Обед в базе. Прогулка. Вечер докладов. Семенов-Тянь-Шанский, Гроссман, Абрамович, Гинзбург, Томашевский. Кино «Метель».

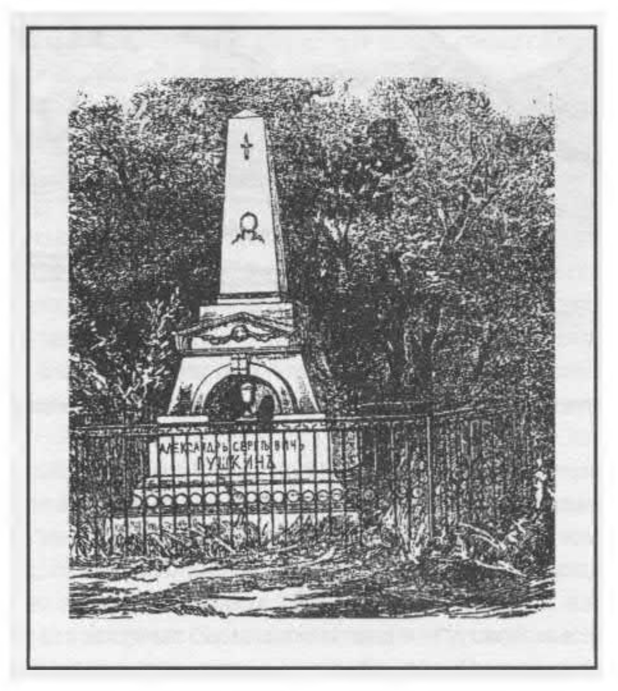
Прощальный чай в школе. Починковская. Речь Гроссмана.

Устимович о конкурсе. Предложение Новикова о медалях. Захваткин, Гинзбург, Садофьев, Русин. Сказка Озаровской.

16.IX. «Фильтрация» чая. Усиленное чаепитие и писание дневников. В последний раз на могиле Пушкина. Поездка на вокзал. Фотографирование группы. Прощание. Гроссман и его поклонницы. Отъезд из Тригорского. Все четверо

Могила А. С. Пушкина. 1837

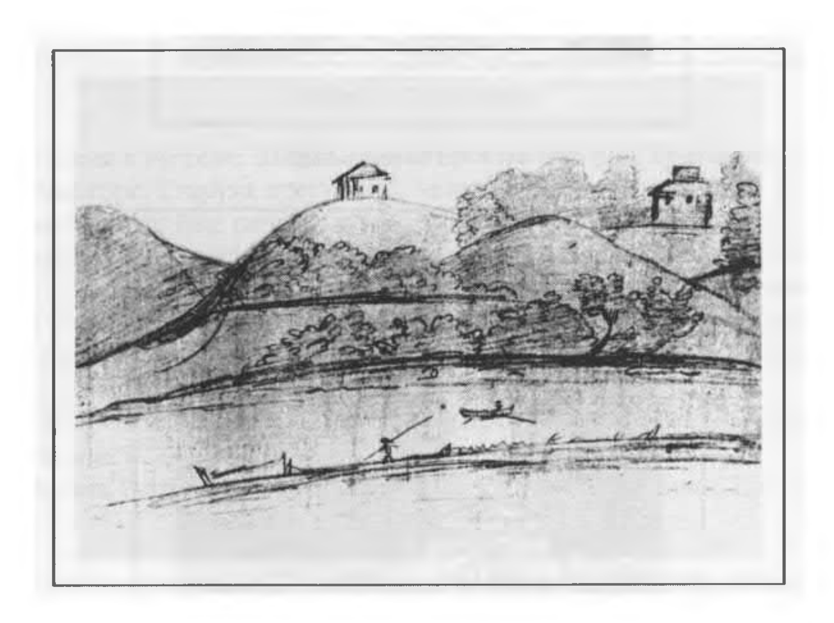
Могила А. С. Пушкина. 1840-е

врозь. Семенов Валер. Петр. дает сведения генеалогические о своей семье. Томашевский о рукописях Пушкина, купленных Щеголевым. Псков. Веселый ужин. Пиво, котлеты. «Пускаем пыль в глаза петербуржцам». Чуть не опоздали. Ночь.

17. IX. Приезд в Ленинград. Автомобиль (вторая пыль). Николаевский вокзал. Пешком к Э. И. Моисеевич. Перепутанные номера, или холодный пот Гинзбурга. Чернышев мост. Субретка и чуткий к чаю Новиков. Дивный дом Елисеева. Буржуазная квартира. Любезная хозяйка. Чай. Билеты взяты. Летний сад. Памятник Крылову. Часовня покушения Каракозова. Нева. Поплавок (мой рассказ). Гроссман о починке ангела на шпиле Петропавловского собора. Ваза-девушка. Стихи Пушкина в чтении Гроссмана. Инженерный замок. Лестница убийц Павла I.

У Черепнина. Русский музей. Отдел живописи. В пивной. Мои рассказы об Екатерине II. Кровь Гинзбурга. Пушкинская выставка в Пушкинском Доме. Портрет Екат. Ник. Ушаковой. Волосы Пушкина. Пасквиль. Ларец Пушкиных XVII в. Пистолеты.

Дом, где умер П. Обед у Моисеевич. История с плацкартами. На вокзал. Шоколад Крафта. Вокзал. Отъезд в Москву. Решение устроить вечер о Михайловском. Писание дневника.

М. А. Цявловский

ГЕРШЕНЗОН—ПУШКИНИСТ

Доклад в Пушкинской Комиссии

Михаил Осипович Гершензон родился и провел свое детство и отрочество в Кишиневе, городе, освященном именем Пушкина. Здесь в это время (1870-е годы) еще доживают свой век древние старики, не только хранившие слышанные ими предания о поэте, но и помнившие его. Как пишет Мих. Осипов., дед его рассказывал ему, как он мальчиком лет 12—13 видел Пушкина в городском саду во время гуляний бегающим в клетчатых панталонах и с тростью.

В своих замечательных автобиографических отрывках «Солнце над мглою» Гершензон говорит, как он рос во тьме, как по вечерам лежал без движения, смотрел в ночной тишине и глотал такую страстную, беспомощную тоску, словно вся скорбь мира наполняла его, как неотвязно думал одно: «О, какая страшная, темная жизнь!»

«Позже, — рассказывает Мих. Осип., — лет в 15, я уже видел людей. Не знаю как, во мне родилась и надолго стала неотвязной мысль (я совсем не умел думать): что дает этим людям силу жить? — Я знал жизнь каждого из них: заботы, внезапная тревога и горесть, и опять забота, одна и та же изо дня в день, хотя каждый день иная. Темная жизнь, и сами они темные; как они могут жить? — *И жадно, с упоением читал поэтов*».

Среди них был, конечно, Пушкин, ибо вот что пишет Гершензон в следующем отрывке: «Я был уже взрослым, когда впервые увидал картины Рембрандта. Он сразу околдовал меня; с тех пор я уже всюду искал его и не мог насытиться им. В искусстве ничто — *даже Пушкин* — не действовало на меня так сильно...»

Такова была атмосфера, в которой воспринимал отроком покойный писатель произведения Пушкина... И кто знает, тот образ поэта, который дал Мих. Осип. в своей статье «Мудрость Пушкина», образ, где «в знакомом европейском лице проступают пыльные морщины Агасфера, из глаз смотрит тяжелая мудрость тысячелетий, словно он пережил все века и вынес из них уверенное знание о тайнах», образ Пушкина, который «древнее единобожия и всякой положительной религии, как бы сверстник охотникам Месопотамии или пастухам Ирака», кто знает, не зародился ли этот образ еще в отрочестве писателя в Кишиневе...

Обратимся к работам Мих. Осип. по Пушкину. Мне представляется нелишним отметить, что первой из этих работ был доклад в этой же Пушкинской Комиссии Об<щества> люб<ителей> росс<ийской> слов<есности> на тему «Друг Пушкина Нащокин», доклад, прочитанный двадцать один год тому назад, 30 января 1904 года. (Незадолго до этого, 29 ноября 1903 г. Мих. Осип. был избран в члены Об<щест>ва.) Работа эта впервые была напечатана в «Русской мысли» 1904 г., апрель, и затем перепечатывалась три раза: в V т. собр. соч. Пушкина под ред. Венгерова (1911), в «Образах прошлого» (19<12>) и в кн. «Мудрость Пушкина» (1919).

До Гершензона этому, может быть, самому близкому к поэту в последние годы его жизни человеку не отводилось в биографии Пушкина места, какого он несомненно заслуживает. Статья Мих. Осип. сделала это. Кто такой Нащокин и каковы были его отношения к Пушкину, узнали широкие читательские круги от Гершензона, с присущим ему неподражаемым мастерством зарисовавшего оригинальный духовный облик преданнейшего друга поэта.

Следующим за статьей о Нащокине обращением Гершензона к Пушкину являются страницы, посвященные ему в статье «Семья декабристов» («Былое», 1906, октябрь, ноябрь; перепечатано в кн. «История молодой России» под названием «М. Ф. Орлов»). Статья эта основана на материалах архива Орлова.

Михаил Осипович так характеризует поступившие в его распоряжение документы: «Сотни писем, поблекших от времени, сохранили нам не только память дел и отношений, но до известной степени и самую атмосферу тогдашней жизни. Эти письма когда-то вскрывались дрожащими от волнения руками и сами трепетали жизнью, но долетев до цели и передав весть, они падали на землю, как голубь, охваченный сном. Почти через век они оживают для нас. Это не воспоминания и не летопись; это рассказывает о себе день за днем сама жизнь, само взволнованное ею чувство, сам работающий над нею ум».

Среди этих писем оказались письма М. Ф. Орлова и его жены (рожд. Раевской) о Пушкине на Кавказе в 1820 г. и в Кишиневе в 1820—1823 гг. Документы эти, интимно вводя нас в круг жизни и интересов Пушкина в это время, представляют собою первостепенный материал для биографии поэта. Но не только в этом ценность страниц о Пушкине в статье об Орлове: весьма значительна и интересна здесь характеристика взаимоотношений поэта и Александра Раевского. Эта характеристика прочно вошла в пушкиниану и, думаем, навсегда останется в биографии поэта. Отметим еще, что здесь впервые раскрыто биографическое значение стихотворения «В дверях Эдема ангел нежный...» (ангел — Воронцова, *демон — Раевский*).

Статья «Северная любовь Пушкина» («Вестник Европы», 1908, январь; перепечатано в сокращенном виде в кн. «Мудрость Пушкина») также вводит в научный оборот новые документы, добытые М<ихаил>ом Осиповичем из того же архива Орлова и Раевских, — письма Н. Н. Раевского-старшего 1820 г., прекрасно характеризующие ту среду, в которой жил Пушкин в это время, путешествуя с семьей Раевских по Кавказу и Крыму. Основываясь на этих письмах, а также привлекая и печатные материалы, среди которых исследователь «открывает» и забытые биографами письмо «предводителя дворянства» в «Новом времени» 1899 г. и «Продолжение путевых записок Геракова» 1830 г., — Гершензон подробно рассказывает внешнюю биографию поэта за лето и осень 1820 г.

Для изображения внутренней биографии, для понимания душевной истории поэта Гершензон привлекает самые произведения Пушкина и во вступлении к своей статье выдвигает такое положение: «биографы Пушкина оставляли без внимания весь тот обильный биографический материал, который заключен в самих стихах Пушкина. Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства — надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину. Такой опыт «медленного чтения» и представляет наш очерк».

М. О. Гершензон

Этот метод «медленного чтения» с полным правом можно назвать гершензоновским, такое важное, исключительное место он занимает в работах покойного писателя. В сущности в биографическом плане, в деле извлечения из стихов Пушкина данных внешней и внутренней биографии поэта метод этот не только не нов, но и обычен, больше — он трафаретен. В любой биографии мы читаем рассказы о том или другом эпизоде, о душевном состоянии поэта, рассказы, изложенные словами его стихов. Но приемом этим до Гершензона пользовались легко и свободно, походя, не продумав его методологически; снимался, так сказать, верхний биографический слой произведений, не увидеть который нельзя было и при самом «быстром», «велосипедном», как выражался Мих. Осип., чтении. Брали то, что лежало на поверхности, тогда как «медленное чтение» Гершензона извлекает ценности, так сказать, из недр произведения. Что ищет и находит Гершензон, опускаясь в эти недра, мы увидим дальше. Пока же в статье «Северная любовь Пушкина» исследователь извлекает из стихов указания *биографического* порядка; «медленное чтение» Гершензоном стихотворений 1820—1821 гг. устанавливает:

1) стремление Пушкина, «тайно изнывающего в суетных оковах», уйти из обстановки петербургской жизни до ссылки на юг — жажда «свободы»;

2) состояние бесчувственности, безочарованности, в котором находится поэт в первые месяцы своей ссылки; и

3) поэт в глубине души лелеет какое-то живое и сильное чувство — любовь к какой-то женщине.

Кто эта женщина? Во втором издании статьи в кн. «Мудрость Пушкина» М. О. пишет: «При нынешнем состоянии наших сведений на этот вопрос нельзя ответить положительно, а шатких догадок лучше избегать. Несомненен самый факт его северной любви; этим фактом и надо пока довольствоваться, не затемняя его пристрастиями».

В 1908 г. Гершензон не был столь осторожен и высказал предположение об утаенной любви Пушкина к кн. Марье Аркадьевне Голицыной, рожд. кн. Суворовой-Рымникской. Как известно, эта гипотеза послужила поводом П. Е. Щеголеву написать его исследование о кн. М. Н. Волконской, рожд. Раевской, в жизни и творчестве Пушкина.

Статья «Пушкин и гр. Е. К. Воронцова» («Вестник Европы», 1909, февраль), в отличие от рассмотренных, не вводит в пушкиниану новых архивных материалов. Задача статьи отрицательная — разрушить сложившуюся легенду, по мнению Гершензона, вокруг имени гр. Воронцовой. Выводы, к которым приходит исследователь, может быть, сделаны несколько поспешно и представляются недостаточно убедительными, но нельзя не отметить, что и здесь метод «медленного чтения», примененный в биографических целях, дает плодотворные результаты. Я имею в виду расшифровку Гершензоном в «Воображаемом разговоре с Александром I» строк о гр. Воронцове.

В галерее лиц, художественно написанных на страницах очаровательной «Грибоедовской Москвы» (изд. 1913 г.), этом шедёвре Михаила Осиповича, мы встречаем и Пушкина. Опять эти голуби-письма приносят нам новые черты былого: знакомят нас с тем окружением, в котором жил поэт в Москве, рисуют новые подробности в истории знакомства его с домом Марьи Ивановны Римской-Корсаковой на фоне дворянского быта Москвы.

Не менее живописно изображен Пушкин и в этюде «Пушкин и Чаадаев» (VI том собр. соч. Пушкина под ред. Венгерова 1915 г.).

В дважды недавно читанной работе Л. П. Гроссмана о Гершензоне приводятся эти строки, рассказывающие о том, как Пушкин в 1817—1820 гг. приходил к Чаадаеву. Многие из здесь присутствующих помнят их, и я не буду их повторять.

[Позволю зато привести заключительные строки этюда:]

«Проходя мимо церкви Вознесения у Никитских ворот в Москве, вы непременно каждый раз вспомните, что здесь венчался Пушкин, — и что-то милое, уютное, родное глянет на вас и с этого домика насупротив, и из крутого переулочка, откуда входят в церковь. Особенное очарование лежит для нас на всем, до чего в своей жизни дотронулся Пушкин. И потому, как ни значителен для нас Чаадаев сам по себе, как ни дорого нам его собственное наследие, дружба с Пушкиным что-то еще прибавляет к нему: одна из самых теплых черт его облика, несомненно, заключается в том, что его любил Пушкин».

Статья «Пушкин и Чаадаев» (1915) является последней в ряду работ Гершензона по Пушкину биографического характера. В течение 5 лет, начиная со статей в «Софии» за 1914 г. и кончая книгой «Мудрость Пушкина» 1919 г., идет ряд работ Гершензона о Пушкине философского характера. Предпосылкой их являются те высказывания Михаила Осиповича о сущности поэзии и критики, которые он собрал из разных своих статей в книге «Ви́дение поэта» (1920), являющейся, таким образом, теорией его критики.

Мне представляется необходимым напомнить некоторые из основополож-ных мыслей этой книги.

«В душе всякого истинного поэта, — говорит М. О., — живет некое представление о гармонии бытия, властно руководящее им, окрашивающее все его созерцания и являющееся для него постоянным мерилом ценностей».

Как сложился в поэте этот умопостигаемый образ нормы бытия, совершенства? — «Непоколебимая вера поэта в реальность этого совершенства носит все признаки опытного знания. Вернее всего зримого и осязаемого поэты видели мир такой, какого внешний опыт и рассудок не знают; очевидно, у них был и другой, более тонкий опыт — иначе их уверенность была бы или притворством, или бредом, чему противоречат страстная искренность и формальная красота их признаний. Они не учители идеалов, а повествователи о виденном ими, очевидцы и свидетели подлинно-сущего. Именно в этой убежденности их свидетельств, в этом всенародном оглашении результатов высшего душевного опыта заключается ценность их поэзии, как и всякого истинного искусства».

Итак, «дело художника — выразить свое видение мира, и другой цели искусство не имеет; но таков таинственный закон искусства, что видение вовне выражается тем гармоничнее, чем оно само в себе своеобразнее и глубже Здесь, в отличие от мира вещественного, *внешняя прелесть* есть безошибочный признак внутренней правды и силы. <...> Пленительность искусства — та гладкая, блестящая, переливающаяся радугой ледяная кора, которою как бы остывает огненная лава художнической души, соприкасаясь с наружным воздухом, с явью.

Эта внешняя пленительность искусства необыкновенно важна: она играет в духовном мире ту же роль, какую в растительном царстве играет яркая окраска цветка, манящая насекомых, которым предназначено разносить цветочную пыль. Певучесть формы привлекает инстинктивное внимание людей: еще не зная, какая ценность скрыта в художественном создании, люди безотчетно влекутся к нему и воспринимают его ради его внешних чар. Но вместе с тем блестящая ледяная кора скрывает от них глубину, делает ее недоступной; в этом — мудрая хитрость природы. Красота — приманка, но красота — и преграда. Прекрасная форма искусства всех манит явным соблазном, чтобы весь народ сбегался глядеть; и поистине красота никого не обманет; но слабое внимание она поглощает целиком, для слабого взора она непрозрачна».

И тогда выступает критик. «Художественная критика, — повторяет Мих. Осипович свое прежнее определение, — не что иное, как искусство медленного чтения, т. е. искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника. Толпа быстро скользит по льду, критик идет медленно и видит глубоководную жизнь. Задача критика — не оценивать произведение, а, узрев самому, учить и других видеть видение поэта, вернее, учить всех читать медленно, так чтобы каждый мог увидать, потому что каждый воспримет это видение по-своему...

Такая критика (а только это, повторяю, и есть критика) неизменно соединена с благочестием к художнику и его труду. Такой критик непременно в чем-то основном конгениален художнику, о котором пишет, потому что иначе он не увидал бы его видения; он чувствует художника мастером, себя подмастерьем и любит его, и дивится ему в той мере, в какой сам увлечен откровением истины».

Наконец, в своей статье о книге Лансона «Метод в истории литературы» (тоже перепечатана в кн. «Видение поэта») Гершензон касается так называемого формального метода и совершенно правильно утверждает: «Внутреннее видение художника, после того как оно оформилось в образах, звуках и пр., становится вещью, реальностью, и как таковая может быть описываема и анализируема. В отличие от видений метафизических, которые даются нам сразу в виде логических утверждений или требований, художественное видение дается нам в конкретной форме; раскрыть его смысл мы можем только путем раскрытия его формы. Поэтому анализ художественных форм есть важнейшее орудие историко-литературного исследования. Но было бы ошибочно думать, что последнее может ограничиваться этим анализом. При всей своей важности он один не может нам все открыть и даже сам не может быть произведен сполна без вспомогательных средств. Чтобы понять видение художника, нам надо стараться — на основании всех доступных нам материалов — уяснить себе его душевный строй и его отношение к миру».

О социологическом методе Гершензон пишет: «Историк литературы будет изучать политические взгляды Пушкина не потому, чтобы они сами его интересовали: по существу они для него безразличны; но он видит в них одно из проявлений своеобразного душевного уклада, и он постарается извлечь из них то *обще-психологическое* указание, какое из них может быть извлечено (например, о чувственном отношении Пушкина к силе и принуждению в мире, или к себе, как единственному, и толпе и т. п.), чтобы затем сочетать тот свой частный вывод со многими другими такими же выводами из частных наблюдений над жизнью и творчеством Пушкина и, может быть, из суммы их сделать вывод еще более глубокий, касающийся уже общего характера этой своеобразной духовной организации».

Как видим, Мих. Осипович никогда не устает повторять, что конечной задачей всяких наших изучений поэта должно быть целостное постижение его личности.

Таковы теоретические основы, на которых базируется анализ произведений Пушкина в статьях Гершензона указанного периода.

Уже отмечалось в литературе, что учение покойного писателя о сущности поэзии носит явные черты философии Платона, термины которой любил употреблять Михаил Осипович.

В полном согласии с приведенными утверждениями Гершензон и изучает произведения Пушкина, другими словами, критик говорит о своем видении видения поэта, ибо из только что процитированных мною строк мы знаем, *что искусство медленного чтения — это искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника.*

Итак, мы имеем теперь «медленное чтение» уже второго рода, в отличие от первого, извлекавшего из произведений биографические данные, раскрывающее внутренний, порой тайный, смысл произведения.

К работам, написанным по этому методу, относятся статьи о драме «Моцарт и Сальери», о поэмах «Граф Нулин» и «Домик в Коломне», о повестях «Пиковая дама», «Метель» и «Станционный смотритель» и стихотворениях «Памятник» и «Бедный рыцарь».

Наиболее, по-моему, удачны, или, вернее, наиболее для меня приемлемы, статьи о «Пиковой даме», «Графе Нулине», «Домике в Коломне», «Моцарте и Сальери» и «Бедном рыцаре».

Художественный замысел «Пиковой дамы», по Гершензону, это — «соприкосновение души, определенно настроенной, с соответствующим этому настроению элементом действительности. Вся грядущая драма Германна — его безумие и гибель — уже до начала действия заложена в его душе потенциально, но для того, чтобы она разразилась, нужен толчок извне, хотя бы самый незначительный».

Развитие этого положения и составляет содержание главной части статьи Гершензона о «Пиковой даме». Напомню, что эта повесть со времен Белинского не привлекала внимания писавших о Пушкине и расценивалась весьма невысоко (только Достоевский в одном из своих романов обронил о ней веское замечание). Гершензон же пишет: «Скажу, не обинуясь, что на мой взгляд «Пиковая Дама» — одна из замечательнейших русских повестей, достойная быть поставленной рядом, если не выше, с такими перлами, как «Тамань» Лермонтова и «Казаки» Л. Толстого». Это утверждение, в сущности, не доказано — вообще нужно заметить, что все статьи Гершензона о Пушкине чрезвычайно сжаты, скупы на доказательства — и характеристика художественных приемов Пушкина дана в одном лишь перечислении их.

Рукописей (ни беловых, ни черновых) «Пиковой дамы» не сохранилось, за исключением двух первоначальных набросков, которые Мих. Осип. и опубликовал впервые, прекрасно показав их композиционное значение в общем замысле повести.

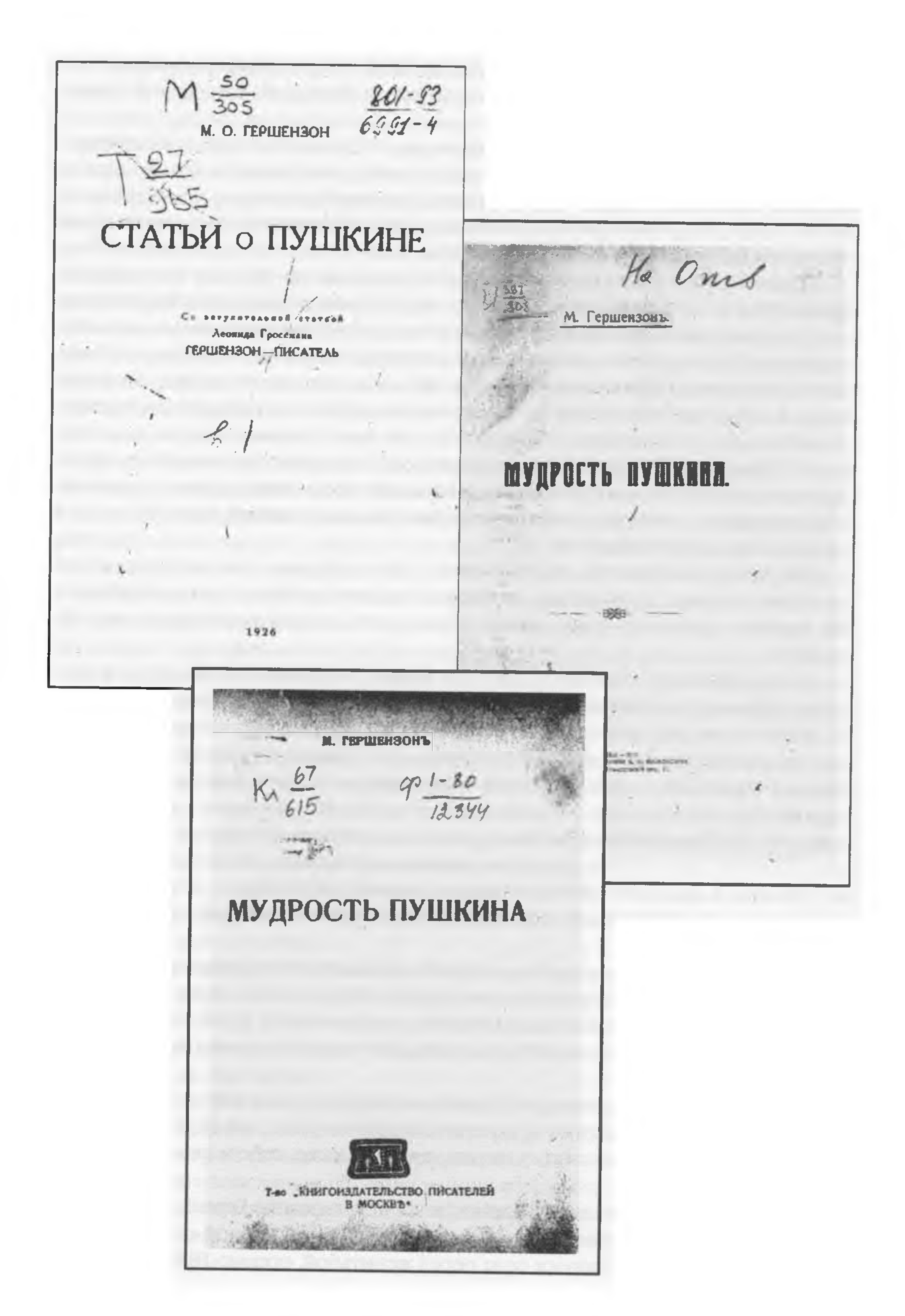
Весьма близка к «Пиковой даме» по своему внутреннему смыслу и поэма «Граф Нулин», эта, по признанию самого Пушкина, до Гершензона недостаточно оцененному, пародия истории Тарквиния и Лукреции. «Из чистой случайности, что Лукреции «не пришло в голову» то, что «пришло в голову» пустенькой Наталье Павловне — дать пощечину насильнику,— из этой микроскопической случайности развился колоссальный ряд потрясений — изгнание царей из Рима и т. д. и т. д. Обыкновенная пылинка оказалась заряженной динамитом. Вот эта *колоссальная взрывчатая сущность каждого материального атома* и поразила Пушкина в драме Лукреции; отсюда — замысел его поэмы».

Законна ли такая интерпретация? Вполне, ибо она исходит из признания самого поэта.

«Моцарт и Сальери» — трагедия причинно-мыслящего разума, осужденного жить в мире, где главные события совершаются беспричинно. Вот в чем, по мнению Гершензона, смысл трагедии Пушкина, а не в зависти труженика Сальери к «гуляке гениальному», праздному Моцарту, о чем десятилетиями твердила критика.

«Культура неизбежна, культура законна, — заключает свою статью Мих. Осип. — Пушкин никогда не отвергал ее по существу. Но он знал, что верховная власть принадлежит иррациональному началу, о чем на казнь себе и людям забыл Сальери».

Менее убедительным мне представляется истолкование Гершензона в статье о «Метели» стихотворения «Бесы» как изображения той косной стихии мещанства, в лапах которой оказался поэт перед женитьбой, осенью 1830 г. «*Судьба и*

М. О. ГЕРШЕНЗОН
СТАТЬИ о ПУШКИНЕ
Со вступительной статьей
Леонида Гроссмана
ГЕРШЕНЗОН — ПИСАТЕЛЬ
1926
М. Гершензонъ.
МУДРОСТЬ ПУШКИНА.
М. ГЕРШЕНЗОНЪ
МУДРОСТЬ ПУШКИНА
Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В МОСКВѢ"

людская толпа, как Пушкин уже давно о них мыслил, сплелись вокруг него в бесовской пляске: так представилось ему теперь его положение; этот образ жизни он и нарисовал в “Бесах”», — пишет Мих. Осип. Это объяснение служит введением к главной части статьи, вскрывающей скрытый смысл повести: жизнь — метель, снежная буря, заметающая пред путником дороги, сбивающая его с пути. Метель — мудрая стихия, знающая подлинную, скрытую волю людей лучше их самих, как дети, заблуждающихся в своих замыслах и хотениях. Таков, по мнению Гершензона, символический замысел повести.

Тонкостью и глубиной психологического анализа блещет статья о «Домике в Коломне». Превосходно вступление, с убедительностью художественного произведения рассказывающее о том душевном состоянии, в котором находился Пушкин в дни создания поэмы. Правда, в распоряжении исследователя был такой исключительно благодарный материал, как письма поэта.

Здесь же находится и расшифровка стихотворения «Румяный критик мой», расшифровка, которой так гордился дорогой Михаил Осипович...

Самое истолкование поэмы Гершензон предваряет оговоркой, что оно субъективно, может показаться произвольным, что он и «не думает доказывать его верность», но нам кажется, что и автобиографичность замысла, так для краткости я определю истолкование Мих. Осип., и сильная эмоциональная окраска изложения поэмы указаны тонко и верно.

Зато, по-моему, нельзя согласиться с якобы разгадкой тайного смысла «Станционного смотрителя». Объяснение, даваемое Гершензоном, мне представляется искусственным. Точно так же я не могу согласиться с истолкованием стихотворения «Памятник», истолкованием, которым, помню, был так доволен покойный.

Я не буду говорить о метких замечаниях М. О. о стих<отворении> «Бедный рыцарь». Доклад <Г. Н.> Фрида, посвященный этому произведению, является развитием мыслей, высказанных Гершензоном.

Философски-обобщающим итогом высказанного до этого времени покойным писателем о Пушкине, с одной стороны, развитием многих зерен, разбросанных в разных писаниях Михаила Осиповича, <с другой,> является его статья «Мудрость Пушкина».

Статья эта после ее публичного прочтения (в 1917 г. в Москве, Петрограде и Киеве) и в особенности после появления в печати (в 1919 г.) встречена была и специалистами и не специалистами в общем враждебно. Пушкин в изображении Гершензона показался столь неожиданно новым, столь необычным, что многие, можно сказать, прямо в каком-то испуге шарахнулись от него, замахали руками, твердя: «да это не Пушкин!»

Так говорить можно было бы лишь в том случае, если бы нам был доподлинно известен общепризнанный, неоспоримый в своей безукоризненной верности духовный образ великого поэта. Но разве мы уже знаем Пушкина? Кто же показал нам его? — Белинский? Тургенев? Достоевский? Катков? Мережковский? Мельшин? Скабичевский? Блок? Лернер? Айхенвальд? Гофман?.. У всех названных и у сотен неназванных писателей, конечно, свой Пушкин, и какой из этих Пушкиных «настоящий»?

Что никакого «настоящего» Пушкина в обширнейшей пушкиниане нет — это для меня аксиома, не требующая доказательств. Больше того, может ли быть та-

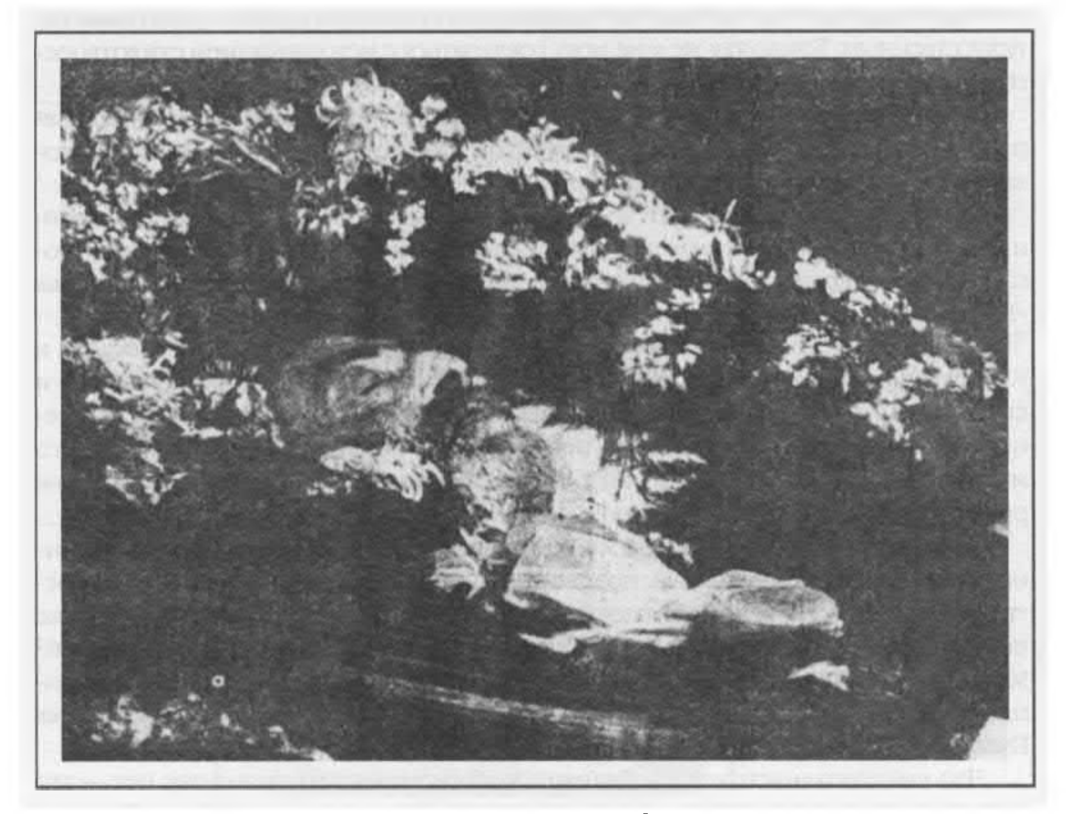
кой Пушкин? Будет ли он когда-нибудь найден? Вероятно, его будут всегда искать и никогда не найдут...

Я не имею намерения рассматривать положения, доказываемые Михаилом Осиповичем в статье «Мудрость Пушкина»: эта тема весьма обширна и может быть предметом специальной работы. Отмечу только, что при знакомстве со всеми писаниями Гершензона о Пушкине оказывается, что «Мудрость Пушкина» в сущности не так уже много дает нового. Так что впечатление неожиданности, которое она произвела на многих, было неверным.

Основывается статья на известной уже нам предпосылке о видении поэта, о том, что у него есть целостное знание мира, передаваемое поэтом в образах. Идея самодовлеющей полноты и страждущей, алкающей ущербности, рассказ о встречах этих двух начал в изображении Пушкина — все это находим до «Мудрости Пушкина» в статье «Пушкин и Лермонтов», напечатанной в «Софии» 1914 г. Точно так же мысли, высказанные в статье «Вдохновение и безумие» (напечатана также в «Софии» 1914 г.), повторяются в «Мудрости Пушкина»...

Какова же мудрость Пушкина, по мнению Гершензона? О каком видении поэта рассказал нам покойный писатель?

Вот заключительный абзац цепи рассуждений Мих. Осиповича: «Жизнь, учит Пушкин, — всегда неволя, но в огне неволя блаженная, в холоде горькая, рабство скупому закону. И кроме этой жизни нет ничего; рай и ад — здесь, на земле. История, поступательный ход вещей? — нет, их выдумали люди. Но есть три состо-

М. О. Гершензон в гробу

яния стихии в человеческом духе: ущербные желания, экстазы и безмятежность полноты; есть действенность мелкая и презренная, есть героическая действенность, которая прекрасна и мучительна, и есть покой, глубокий, полный силы, чуждый всякого движения вовне. Кто осенен благодатной полнотою, тот вовсе не действует, и в этом смысле не живет; лишь тайный свет, безвольно излучаемый им, тревожит бодрствующих, ущербных».

«Так учил Пушкин, — продолжает Гершензон. — Но он был поэт, а не философ. Мудрость, которую я выявляю здесь в его поэзии, конечно, не сознавалась им как система идей; но она была в нем, и наше законное право — формулировать его умозрение <...>

...сердцевину духа, строй коренных усмотрений я пытаюсь обнаружить в Пушкине; слежу линии его скрытого плана и черчу их на плоскости. Оттого так четко в моем чертеже то, что в самой поэзии Пушкина окутано художественной плотью. Я формулирую имманентную философию Пушкина, и мое изложение так же относится к его поэзии, как географическая карта — к самой стране, как линейный план — к зданию, как механическая формула — к самой машине».

Но Гершензон был мыслитель и поэт, и не выдает ли он свое собственное видение за видение Пушкина? Не знаю, но знаю, что <его?> духовный образ Пушкина самый значительный и интересный из всех мне известных.

Книгой «Гольфстрем» открывается последний период работ покойного писателя над Пушкиным.

Книга эта (как и статьи не о Пушкине — «Демоны глухонемые» и «Дух и душа») — плод занятий Михаила Осиповича лингвистикой, или, вернее, философией языка. В «Гольфстреме» исследователь ставит задачу, по его словам, «расколдовать» слово. «Наше слово, — пишет Гершензон, — прошло во времени три этапа: оно родилось как миф; потом, когда драматизм мифа замер и окаменел в слове, оно стало метафорой; и, наконец, образ, постепенно бледнея, совсем померк, — тогда остался безобразный, бесцветный, бездыханный знак отвлеченного, т. е. родового понятия. Таковы теперь почти все наши слова. Но поэт не знает мертвых слов: в страстном возбуждении творчества для него воскресает образный смысл слова, а в лучшие, счастливейшие минуты чудно оживает сам седой пращур родового знака — первоначальный миф».

Вскрытие в поэтическом языке первоначального мифического значения слова производится Гершензоном тоже путем «медленного чтения». Это будет «медленное чтение» уже третьего рода...

Но можно ли согласиться с этой предпосылкой работы Гершензона, что в сознании поэта в момент творчества оживает «сам седой пращур родового знака — первоначальный миф»? Не имеем ли мы здесь дело только с метафорами, не больше?

Еще в «Мудрости Пушкина» Гершензон писал, что в поэзии Пушкина заключено «одно из важнейших открытий, какими мы обязаны поэтам; именно, он в пламенном духе своем узнал о духовной стихии, что она — огненной природы». В «Гольфстреме» это и показывается огромным количеством цитат из произведений Пушкина.

Пока мы не имеем словаря языка Пушкина, нельзя сказать, исчерпал ли исследователь весь нужный ему материал, но, конечно, не в полноте или неполно-

те привлеченного словесного материала дело. Странным образом Гершензон не ставит здесь даже вопроса о том, в каких значениях употребляли слова «жар», «пламень», «огонь», «кипение», «холод» и т. п. современники и предшественники Пушкина. Чтó Пушкина и чтó общее?

<*Набросок продолжения:*>

Статью «Пушкин и Батюшков» («Атеней», № 1—2, 1924 г.) нужно поместить между «Гольфстремом» и начатой перед смертью <работой> «Плагиаты Пушкина». Изучение стихотворных текстов Батюшкова приводит исследователя к утверждению, что обнаруженная им в «Гольфстреме» у Пушкина своеобразная терминология термодинамической психологии во всех ее подробностях имеется у Батюшкова. «Вычеканил» ли последний эти речения сам из материала народного языка или частью взял уже готовыми из предшествовавшей ему поэзии, для исследователя в данном случае безразлично; для него несомненно одно: Пушкин у Батюшкова нашел богатый подбор словоупотреблений термодинамического характера (слова «пламень», «огонь», «жар» в психологическом смысле, в таких сочетаниях: «сердца жар», «пламенные страсти», «в восторге пламенном» и противоположные — «в груди моей остылой», «хладные сердца» и т. п.). Но этим не отрицается оригинальность поэзии Пушкина, ибо у последнего, по мнению Гершензона, мы находим полную и подробно разработанную *систему* психологических воззрений, основанную на представлении о термической природе души, *органическое выражение личности* в своеобразном цикле идей, чего у Батюшкова нет. «Пересыщенный раствор, сохраняющийся в спокойном состоянии», — поэзия Батюшкова, кристаллизация — поэзия Пушкина.

М. А. Цявловский

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

Борис Львович Модзалевский занимал центральное место по пушкиноведению. Первой его работой по Пушкину является статья «Пушкин и Ефим Петрович Люценко» в апрельской книжке «Русской старины» за 1898 г.

Таким образом, ровно тридцать лет покойный ученый работал на ниве русского пушкиноведения, написав за это время до 80 книг, статей и заметок по Пушкину и до 30 opus'ов о лицах <из> окружения поэта из общего числа 650 opus'ов. Рецензий написал мало.

Начало деятельности Бориса Львовича как ученого совпадает с началом нового периода в истории пушкиноведения — периода, который можно считать с 1899 года — года столетия со дня рождения поэта, ознаменованного выходом в свет первого тома академического издания сочинений Пушкина под редакцией Л. Н. Майкова, сотрудником которого в это время и является Борис Львович. (Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Академии Наук под ред. Майкова и Модзалевского.)

Последние тридцать лет пушкиноведения — это годы научного по преимуществу изучения жизни и творчества Пушкина и его современников. (Это не значит, что до этого времени не было научных работ по Пушкину и что, наоборот, в XX-ом веке не появлялось ничего дилетантского, любительского.)

Как и всякая наука, пушкиноведение должно было начать с выискивания, собирания и концентрации подлежащих изучению материалов и, в первую очередь, конечно, рукописей самого Пушкина. Это, поистине, — тот фундамент, без которого не может быть прочной постройки. В этой работе, малоблагодарной, широкой публике обычно неизвестной, требующей огромных затрат энергии, выдержки, настойчивости, такта и терпения, Борису Львовичу принадлежит — я это говорю без малейшего колебания — первая роль. В мою задачу не входит характеристика Бориса Львовича как основателя и фактического главы Пушкинского Дома. Напомню только, что 400 рукописей Пушкина, ныне хранящихся в Доме его имени, в большей своей части собраны не партиями, а одна за другой — этим трудным и нудным путем. По количеству отдельных листов собрание Пушкинского Дома — самое многочисленное. Что касается тетрадей, то в Румянцевском Музее их 35.

Спасеньем и привозом в Петербург библиотеки Пушкина мы обязаны Борису Львовичу, съездившему осенью 1900 г. в имение Ивановское (Бронницкий уезд Московской губернии) и лично укладывавшему в 35 ящиков книги поэта. Ему же принадлежит классическое описание этой библиотеки, 1522 номеров. Борис Львович рассказывал мне, каких трудов стоило это описание — у него разболелись глаза. Надобно было перелистовать 4000 томов. Это описание было внутренним. Каждая книга перелистана. В 1902 году он же едет в научную экспедицию в Тригорское («Поездка в село Тригорское в 1902 г.»). В Тригорское ездили до него — в 1866 г. М. И. Семевский, в 1896 г. Л. Н. Майков, в 1901 г. И. Л. Щеглов-

Леонтьев, но все это было лишь любительским занятием. До Б. Л. Тригорское не было объектом научного изучения. Б. Л. Модзалевским Тригорское было обследовано впервые. Тригорское представляет собою богатый музей. Борису Львовичу, благодаря его такту, удалось добиться разрешения не только описать Тригорское, но и вывезти все ценное в Пушкинский Дом. Отчет об этой поездке является первым обследованием краеведческого характера. Затем следует его поездка в Парижский музей Онегина летом 1908 года. Он научно изучает музей Онегина. До того времени этот музей был недосягаем по ряду причин. Этот музей оставался загадочным. Благодаря Б. Л. Модзалевскому пушкинисты впервые получили точную научную опись. На долю Бориса Львовича выпала главная деятельность по сложной покупке музея Онегина и по его перевозу, который закончился в настоящее время.

Был архив еще более заповедный — архив Сергея Димитриевича Шереметева (см. «Пушкин и его современники», вып. I). По предложению В. И. Саитова обратились к С. Д. Шереметеву. Просили разрешить Борису Львовичу обследовать его архив, учесть рукописи. Сергей Димитриевич Шереметев отказал. Нужен был особый рескрипт вел. кн. Константина Константиновича, чтобы добиться изъявления согласия со стороны С. Д. Шереметева. Он написал ответ, что согласен допустить Бориса Львовича к архиву, когда сам осенью будет в имении. Борис Львович попадает в заповедный архив — архивы Вяземского и Соболевского, которые приобрел Шереметев. К сожалению, до архива Соболевского Борис Львович не мог докопаться, но он, по крайней мере, узнал, какие материалы он хранит. Борис Львович рассказывал об интересном случае. Когда ему предоставлена была полная свобода, он должен был лазать по полкам, где стояли картоны. Стоя наверху лестницы, он увидел целую пачку писем Пушкина — сотни писем Пушкина. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это — письма не Александра, а Льва Сергеевича. Эти письма в Центрархиве пока еще не нашлись. Это — конечно, интересный материал.

Наступил новый период — период революции. Колоссальные собрания пошли, так сказать, самотеком. Включен был первоклассный музей Пушкина — «Лицейский музей». Этот прекрасный музей в полном составе поступил в Пушкинский Дом. Собрание Дашкова тоже туда поступило. Туда же пошло и Шляпкинское собрание.

Наконец, состоялась его поездка в Москву. Он получил отпуск на отдых. Выражение «отдых» звучит иронией. В Москве он уставал больше, чем в Петрограде, — он все время проработал в книжном и государственном фонде. В результате — большое количество вещей и картин, отобранных для Пушкинского Дома. Он в это время приходил ко мне. Я тогда же понял, что он очень и очень болен. Время своего отпуска он потратил на работу в Москве. Он выбрал все самое существенное — нам осталось добрать ничтожное количество, какие-нибудь крохи. Я ему как-то задал вопрос, возможно ли будет найти когда-нибудь еще что-нибудь подобное 30-ти письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. Он ответил: «Едва ли».

Перехожу к деятельности Б. Л. Модзалевского как текстолога. У него было исключительное знание руки, почерка Пушкина. В этом отношении с ним мог состязаться лишь один человек, Г. П. Георгиевский. Знание почерка имеет огромное, важное значение. Ходят рукописи. Относительно них возникает вопрос, не подделка ли. Владельцы искренне принимают находящиеся в их руках манускрипты

за рукопись Пушкина. Подобные случаи были. Б. Л. Модзалевский был лучшим экспертом. Приведу два примера.

У Б. П. Малинина хранился альбом, в котором было записано стихотворение «Мадонна». Текст этого стихотворения Баранов принимал за рукопись Пушкина. Об этом он прочел доклад в Пушкинской Комиссии. Доклад был напечатан. Этот альбом Баранов принес ко мне. Его смотрел у меня Борис Львович. Имелась авторская запись: «Есть в моем альбоме». Казалось бы, нет сомнения. Надо было опровергнуть. Мы «полу-отвергали». Б. Л. Модзалевский с уверенностью сказал: «Это рука Ольги Сергеевны Павлищевой». Это был замечательный чтец рукописей. Тут дело даже не в практике. Он читал рукопись, как печатную книгу. Творческой руки Л. Н. Толстого он не исследовал, однако ж и руку Л. Н. Толстого он читал свободно, заглядывая ко мне через плечо. Он читал лучше меня экспромптом. Другой случай. В архиве С. Д. Шереметева Н. Ф. Бельчиков нашел рукопись стихотворения «Деревня». Он сделал доклад: прочел текст, но не принес рукописи. Текст показался несовершенным. Возникло сомнение — «Едва ли это автора?» И сам Н. Ф. Бельчиков заколебался в своем выводе. Н. Ф. Бельчиков показал Б. Л. Модзалевскому. Б. Л. Модзалевский признал рукопись за пушкинскую. Оказалось, что Н. Ф. Бельчиков снял копию несовершенно — были дефекты.

Б. Л. Модзалевский.
Рис. М. Мизернюка. 1927

Но Борис Львович был не только великий собиратель и знаток рукописей — он был одним из ревностнейших их публикаторов. Не будучи редактором собрания сочинений Пушкина, Б. Л. Модзалевский тем не менее занимает в пушкинской текстологии одно из видных мест. Он опубликовал: 1) Послание к Юрьеву, 2) К вельможе, 3) Муза, 4) Я здесь, Инезилья, 5) Рифма, 6) Мадонна, 7) Послание к Орлову, 8) Акафист Е. Н. Карамзиной, 9) Три ключа, 10) Эпиграмма на бар. А. А. Дельвига (из черн. «Мед.<ного> Всадн.<ика>»), 11) Ночной зефир струит эфир, 12) На пыльной полке, 13) из «Бориса Годунова», 14) Когда Потемкину в потемках, 15) две строфы из 1-ой главы «Евгения Онегина».

Первое место отводит ему ряд публикаций стихотворных текстов, но, главным образом, конечно, эпистолярных. Письма вообще были излюбленною областью научных устремлений Бориса Львовича. Здесь он больше, чем где-либо, чувствовал себя в своей сфере. Изданные им письма исчисляются, конечно, тысячами. В частности, работы над перепиской Пушкина — одно из главных дел в жизни покойного ученого.

Замечательный трехтомник академического издания переписки Пушкина, отменивший, можно сказать, все предшествующие издания, — трехтомник, которому суждено, по-видимому, надолго остаться единственным, своей полнотой и высоким качеством текста во многом обязан Борису Львовичу, ближайшему сотруднику редактора В. И. Саитова. Но участие в этом издании было только началом работ Б. Л. Модзалевского над письмами Пушкина. После выхода в свет академического издания исподволь он снова, письмо за письмом, выверял текст их: самому издать письма Пушкина было давнишней мечтой Бориса Львовича.

Указанных работ покойного ученого было бы достаточно, чтобы вписать его имя в число виднейших работников пушкиноведения, а между тем мы ничего еще не сказали о главнейшей области научной деятельности Б. Л. Модзалевского — области, в которой не было и, вероятно, не скоро будет ему равного. Мы имеем в виду комментирование текстов. Позвольте остановиться на этом несколько подробнее. Опять-таки обратимся к скрытому в земле фундаменту, который невидим рядовому читателю. Перед потребителями должно вскрыть один штрих. Интересно, как он составлял свои материалы. С 1892 г. он почти все книги читал с карандашом или пером в руках и выписывал на карточки собственные имена. Это было не только регистрирование выдающихся имен — им было взято широкое окружение поэта. Последние лет восемь ему много помогал его сын, Лев Борисович. Накопилось сотни две-три тысяч карточек. Он выписывал все имена из «Исторического вестника», «Вестника Европы» и др. журналов. Эту картотеку знаем и мы, москвичи. Он давал ею пользоваться. Он был исключительно богат. Это был замечательный человек по благодушному отношению. На направленный мною к нему вопрос о Сабуровых он написал мне целых десять страниц. Соответственного картотеке значения была и его библиотека. Эти два аппарата давали ему возможность быть единственным комментатором, единственным специалистом. Положительно поражаешься, откуда это он все знает. Здесь сказались, между прочим, его давнишние занятия генеалогией. С ранних лет у него был большой круг знакомства. Примечания Б. Л. Модзалевского — это особый жанр литературоведения. Исторически дело сложилось так. Такую школу создал Л. Н. Майков — из этого кружка вышли В. И. Саитов и Б. Л. Модзалевский. Б. Л. Модзалевский превзошел В. И. Саитова. Я имел честь писать о I томе «Писем», где говорил о жанре. Это предприятие надо было бы спасти. В издании «Писем Пушкина» большую роль сыграл Демьян Бедный. Он вовремя сказал свое решительное слово. Ценную особенность этого издания представляет его развернутость. В этом издании Б. Л. Модзалевский не отсылает читателя словами «смотрите там-то», а тут же на месте приводит цитату полностью. За это его упрекают, но без достаточного основания. Разного рода справки по глухим указаниям доступны небольшому количеству специалистов. В провинции наводить подобные справки — трудно. В этих комментариях Б. Л. Модзалевский был великий сеятель фактов. Эти примечания можно уподобить семенам, которые дают хорошую для науки жатву.

Из статей Б. Л. Модзалевского назовем «Пушкин под тайным надзором», «Кто был автором анонимного диплома?» Ответом служило — Долгорукий. Это — уже не гипотеза, а доказанный факт. Ряд предисловий — к письмам Пушкина, к «Дневнику», к описанию библиотеки Пушкина. В области биографических статей очень

известна его работа об Анне Петровне Керн («Анна Петровна Керн». Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Т. III. Стр. 585—606), «Зеленая Лампа», «Род Пушкина и потомство Пушкина». Редактирование «Пушкин и его современники». Первый и, пожалуй, единственный в России факт пожизненного редактирования одним лицом 37 выпусков.

Смерть застигла Б. Л. Модзалевского на работе над письмами А. С. Пушкина. Еще работа, которая не увидела света. Он умер, торопя третий том «Писем» Пушкина.

Работа — жизнь, и жизнь — работа. Он не умел отдыхать. Он положительно не знал, как это отдыхают. Он не брал отпуска для поездки на курорт. Летний отдых был у него не для отдыха. Он не мог ничего не делать. Он почти не читал ничего, что ему не нужно было, кроме как для работы. Он отвадил всех своих знакомых. Страстный любитель музыки, он не ходил на концерты. Это — исключительный аскет. Он — как заведенные часы. Эта напряженность свела его в могилу. Он страдал артериосклерозом. Он много работал по ночам. Он работал как редактор органа «Пушкин и его современники». Все сделал Борис Львович — все статьи 37 выпусков. В ноябре этого года изданию исполнится 25 лет. Он был центром пушкинизма. Он был крестным отцом многих пушкинистов. Венцом его деятельности как пушкиниста явилась трилогия: 1) описания библиографические, 2) Дневник и 3) Письма.

На третьем томе он сложил перо. Мне было тяжко подойти к его столу. Прекрасная тетрадь в четверку, покрытая его прекрасным бисерным почерком. Комментарии к письмам Пушкина. Последние строки написаны дней за 15—16 до смерти. Меня поразила чистота работы. Почти нет помарок. Есть только вставки. Рукопись спокойно можно отдавать в печать. За ним был огромный опыт. Материал у него был набран. Он писал сразу, как по нотам. Работа обрывается на 40-ом письме (это июльское письмо 1831 года — кажется, к Плетневу). Он успел прокомментировать только полгода. На совещании решено добиться, чтобы труд был кончен. Письма, в основе, поведет Лев Борисович. В этой работе мы примем участие. Но от четвертого тома надо будет отказаться.

М. А. Цявловский

СОВЕТСКОЕ ПУШКИНОВЕДЕНИЕ

Начало пушкиноведения можно отнести к тому времени, когда Жуковский в феврале 1837 г. приступил к разбору рукописей Пушкина, а другой друг поэта, Плетнев, написал о нем биографический очерк, напечатанный в X томе «Современника» (1838). С тех пор, за истекшие сто десять лет, Пушкину и его творчеству посвящены сотни книг и многие тысячи статей. В этом колоссальном материале то, что может быть определено как исследование, занимает сравнительно скромное место. Тем не менее, научная пушкиниана весьма велика. Досоветское пушкиноведение представляло собою большое количество работ разного качества, преимущественно по частным вопросам жизни и творчества великого поэта. Ни законченного собрания его сочинений, ни более или менее полной его биографии тогдашнее пушкиноведение не дало.

Самая замечательная особенность советского пушкиноведения — пропаганда творчества Пушкина среди самых широких читательских масс. Это выражается прежде всего в небывалых в дореволюционной России тиражах как изданий сочинений поэта*, так и книг и статей о нем. Кроме того, надо отметить, что советское пушкиноведение не является делом замкнутого круга цеховых ученых. Наука о Пушкине перешагнула у нас пороги кабинетов, архивов и научных библиотек и вышла в массовые аудитории, всякого типа библиотеки, избы-читальни, школы, радиостудии и т. п.

В свете этих важных и в высшей степени отрадных фактов становится совершенно понятным, почему столетняя годовщина со дня гибели поэта, отмечавшаяся в 1937 г., приобрела в нашей стране невиданный по широте размаха всенародный характер. Из многих мероприятий, проведенных в связи с этой годовщиной, нельзя не напомнить о двух замечательных пушкинских выставках в Москве и Ленинграде. Первая из них по количеству и качеству экспонатов, свезенных со всей страны, представляла собою нечто небывалое в этом роде.

* * *

Общую оценку достижений советского пушкиноведения удобнее всего сделать по трем разделам: *текстология, биография и изучение творчества.*

В области текстологии первое, что нужно отметить, это необычайно интенсивное выявление новых автографов великого поэта. О существовании многих из них не подозревали даже лучшие специалисты своего времени. Так, в 1917 г. у внука поэта Григория Александровича Пушкина (1868—1940) обнаружились двадцать две тетради, заключающие в себе около пятисот листов пушкинских автографов. Большая часть этих автографов представляет собой свободно изложенные извлечения из «Деяний Петра Великого» Голикова. Однако

* За советское время произведения Пушкина переведены почти на все языки (свыше 60-ти) нашего Союза.

некоторые страницы тетрадей можно признать принадлежащими самому Пушкину; они, вероятно, должны были войти в его «Историю Петра Великого» — предсмертную работу поэта, которую, таким образом, удалось узнать только в наши дни.

Советское пушкиноведение обогатилось ценнейшими новыми данными, относящимися и к первоначальному периоду творчества поэта. Были открыты (факт совершенно исключительный в истории русской литературы) две поэмы — «Монах» и «Тень Фонвизина» — и баллада фривольного характера, в общей сложности содержащие свыше тысячи стихов Пушкина.

Сенсацию вызвала найденная в 1933 г. в Белграде так называемая «тетрадь Всеволожского», сохранившаяся, к сожалению, в далеко не полном виде. Тетрадь эта является рукописью (писарская копия с многочисленными поправками Пушкина) первого сборника стихотворений Пушкина*.

Обнаружению и популяризации новых автографов Пушкина в большой мере способствовала Великая Октябрьская социалистическая революция, повлекшая за собой национализацию дворянских особняков и усадеб. Так, в особняке князей Юсуповых в Ленинграде были обнаружены двадцать семь писем Пушкина к Е. М. Хитрово; в особняке князей Горчаковых — тоже в Ленинграде — нашлись лицейская поэма Пушкина «Монах» и десять других его автографов. К числу вновь открытых автографов нужно отнести и собрание тринадцати автографов Пушкина, принадлежавшее вел. кн. К. К. Романову.

Таким образом, процесс выявления и концентрации подлинных рукописей поэта, давно, казалось бы, закончившийся, в советские годы развивался так интенсивно, как ни в какое дореволюционное тридцатилетие.

Рукописи великого поэта, этот золотой фонд русской культуры, конечно, должны иметь стоящее на высоком уровне научное описание.

Уже описаны ленинградские собрания автографов в книжке «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде», составленной Л. Б. Модзалевским (1929), и в образцовом труде Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме» (М.; Л., 1937)**.

На очереди описание основного фонда автографов — четырнадцати пушкинских рабочих тетрадей и других рукописей, пожертвованных в 1880 г. сыном поэта А. А. Пушкиным в Румянцевский музей.

Кроме названных описаний рукописей было предпринято фототипическое издание рукописей поэта. Первый выпуск этого издания под названием «Альбом 1833—1835 гг. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина» вышел в свет в 1939 г. в Гослитиздате. Он заключает в себе три тетради: фототипии, транскрипции и комментарии. Труд этот — прекрасный образец работы пушки-

* В 1820 г. рукопись была проиграна Пушкиным в карты его приятелю Всеволожскому, и издание сборника не состоялось.

** Нельзя не отметить в этом описании замечательную разработку вопроса о сортах бумаги, которыми пользовался в течение своей жизни поэт. Классификация и подробное описание этих сортов бумаги — их насчитывается 258 номеров — явились, в частности, одним из надежных средств для хронологизации произведений Пушкина. Уже были случаи передатировки по этому признаку стихотворений на целое десятилетие. Имеющиеся в книге классификация и описание сортов бумаги ценны не только для пушкиноведения, но и вообще для изучения документов первой трети XIX века.

нистов-текстологов. К тому же и в полиграфическом отношении «Альбом» нужно признать одним из лучших советских изданий.

Не касаясь обширной области изданий собраний сочинений Пушкина и отдельных его произведений в советские годы, следует все же отметить получившие широкое распространение однотомники под редакцией Б.В. Томашевского, оособенно ценные в их последних изданиях, с примечаниями.

Центральным моментом советского пушкиноведения является, несомненно, издание Полного собрания сочинений великого поэта, осуществляемое Академией Наук СССР.

Еще полвека назад, в связи с исполнившимся в 1899 г. столетним юбилеем со дня рождения поэта, Академией Наук было предпринято издание Полного собрания его сочинений с вариантами и комментариями. За семнадцать лет вышло пять томов. Сверх того, в 1928 и 1929 гг., т. е. с опозданием на двадцать с лишним лет, был выпущен IX том в двух книгах. Это наполовину вышедшее издание, устаревшее и по вошедшим в него материалам и по методу воспроизведения рукописных текстов, справедливо решено было прекратить и на смену ему предпринять новое издание в ином плане.

В 1935 г. вышел VII том нового академического издания, заключающий в себе всю драматургию Пушкина. Кроме основного текста в том входили обстоятельные комментарии, дававшие историю текста всех произведений, а также историко-литературные исследования и реальные комментарии. Однако по выходе в свет VII тома решено было в этом плане издание не продолжать, а издать — в другом, более роскошном оформлении — только тексты, как основные, так и, исчерпывающим образом, все остальные. Что касается комментария, то предполагается издать его особой серией отдельных томов. Раздел примечаний в этом издании постановлено было ограничить лишь справками об источниках текста и о датировке произведений.

Из восемнадцати томов собрания сочинений пока вышло в свет девять (в одиннадцати книгах). Остальные томы частью находятся в печати, частью на редакционной доработке.

Первая особенность советского академического издания, отличающая его, может быть, от всех существующих в Европе и Америке подобных изданий классиков (не только художников слова, но и ученых), это исчерпывающая полнота. Такая полнота обеспечивается включением в собрание сочинений не только всех произведений великого поэта, но и всего, что было им написано, разумея под последним письма, дневники, автобиографические записи и разного рода подсобные литературные материалы писателя вплоть до его замечаний на полях книг.

Другой особенностью нового академического издания является воспроизведение в нем всех черновых текстов, сосредоточенных в разделе «Другие редакции и варианты». Этот раздел представляет собой центральную часть всего издания, самую важную в научном отношении.

Огромный труд небольшого числа квалифицированных пушкинистов-текстологов много десятилетий будет красноречиво свидетельствовать об исключительных достижениях советской текстологии, равной которой, как известно, нет ни в одной стране.

Задачей, которую поставили перед собой пушкинисты-текстологи в этом издании, была не простая транскрипция черновых текстов, как это делалось в старом академическом издании (В. Е. Якушкиным и П. О. Морозовым). Такого рода транскрипция с педантичной точностью фиксировала местоположение написанных на странице слов; совсем не обращалось внимание на то, что отдельные словосочетания разбрасывались поэтом случайно, в свободные места, по мере возникновения того или иного варианта. Такая схема не представляет значительной ценности для читателя: воспроизводимый текст является сырым материалом, не осмысленным и не показывающим последовательности в его написании.

В советском академическом издании подход к воспроизведению черновых рукописей принципиально другой. Задачей текстолога здесь является показ процесса творчества.

Новый способ воспроизведения черновых текстов был найден на специальной конференции пушкинистов в 1933 г., посвященной обсуждению плана академического издания Пушкина, после больших и горячих дебатов. Он был предложен С. М. Бонди, который, в сущности, является ведущим текстологом в этом издании.

Особого рода работой является установление текста политических произведений Пушкина («Вольность», «Деревня», «Послание к Чаадаеву» и т. п.), которые поэт не мог печатать и от которых не дошло авторитетных автографических рукописей. В дореволюционное время тексты этих произведений по традиции печатались преимущественно по зарубежным публикациям Герцена, Огарева и Гербеля, в распоряжении которых находились случайные копии.

Пишущий эти строки в течение тридцати пяти лет собирал тексты этого рода произведений Пушкина в рукописных сборниках и в отдельных копиях, хранящихся в центральных библиотеках и архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Критика текста этих копий — работа, аналогичная той, которой в течение многих столетий занимаются специалисты по классической филологии, — позволила с большой степенью достоверности установить подлинный текст, вышедший из-под пера Пушкина. Результаты изучения копий даны в максимально сжатом виде в разделе «Другие редакции и варианты».

О том, как осуществляется редакцией принцип полноты издания, можно судить, например, по X тому, заключающему в себе тексты тех двадцати двух тетрадей извлечений Пушкина из «Деяний Петра Великого» Голикова, о которых уже было сказано выше. Не представляя в большей своей части оригинального текста Пушкина, они развертывают перед нами широкую картину его работы над трудом огромной важности. В этом деле национального значения нельзя не видеть патриотического подвига поэта.

Особенное место в издании занимает XII том. В первой части его помещены дневники, воспоминания и иного рода автобиографические записи, известные и по другим собраниям сочинений Пушкина. Вторая же часть заключает в себе тексты, в подавляющем большинстве не являющиеся произведениями Пушкина в собственном смысле слова*. В ней содержатся самые разнообразные

* Значительная часть таких текстов собрана и опубликована в вышедшей в 1935 г. книге М. Цявловского, Л. Модзалевского и Т. Зенгер — «Рукою Пушкина».

материалы. Этот собранный в одной книге материал дает нам явственное представление о многообразии интересов исключительного в интеллектуальном отношении человека, каким был Пушкин.

Мы видим здесь Пушкина, знакомящегося с такими мало изучаемыми неспециалистами языками, как турецкий, арабский, древнееврейский, древнегреческий, старофранцузский, испанский, — конечно, главным образом для чтения памятников литературы в подлинниках. Мы читаем здесь пушкинские переводы на французский язык русских народных песен — переводы, которые он в последний год своей жизни сделал для французского писателя Леве-Веймара с целью пропагандировать русскую народную поэзию в Европе. Мы находим здесь любопытнейшие замечания на полях перевода Жуковского «Слова о полку Игореве», пометы на полях таких книг, как сборник русских пословиц, и т. п.

Некоторые разделы XII тома заключают в себе материал, имеющий большое значение для характеристики быта Пушкина. В этом отношении особенно интересен раздел приходо-расходных записей с многочисленными списками долгов, свидетельствующими о затруднениях материального характера, которые почти всю свою жизнь испытывал Пушкин.

Обращают на себя внимание свыше ста арифметических подсчетов, рассыпанных по всем черновым рукописям поэта, до сих пор за ничтожными исключениями остававшихся неопубликованными. Смысл подавляющего их большинства до сих пор не разъяснен. XVII том академического издания Пушкина будет заключать в себе фототипическое воспроизведение всех его рисунков (до двух тысяч) с подробным их описанием.

Из рисунков Пушкина, больше половины которых еще не появлялось в печати, особенно интересны его иллюстрации к собственным произведениям (их сохранилось свыше ста), несколько пейзажей и сотни портретов, из которых опознано уже более ста пятидесяти лиц. Среди воспроизводимых зарисовок мы видим <таких> исторических деятелей прошлого, как Данте, Вольтер, Мирабо, Наполеон, Робеспьер, Марат. Но, конечно, самое любопытное в рисунках Пушкина — это галерея его современников: писателей, декабристов, государственных деятелей, знакомых, женщин, которыми увлекался поэт, и т. п.*

Во всех томах издания имеются указатели собственных имен и произведений. В них вскрываются и лица, не названные прямо, а также вводятся названия всех литературных и иных произведений, упомянутых в томе. Таким образом, указатели представляют собой как бы сжатый комментарий к текстам Пушкина. Можно пожелать, чтобы такого рода указатели привились в собраниях сочинений наших писателей и ученых.

Второй коллективной работой пушкинистов является составление словаря Пушкина.

Неоднократно предпринимавшееся начинание это только в 1939 г. было прочно организовано Академией Наук СССР. Инициатором и руководителем этого большого дела был покойный Г. О. Винокур. Тексты Пушкина расписываются по новому академическому изданию в пределах основного его раздела. В настоящее время эта первичная работа близка к концу. В картотеке насчитыва-

* Начало изучению рисунков Пушкина положено работами А. М. Эфроса в книгах «Рисунки поэта» 1930 и 1933 гг.

ется более трехсот тысяч карточек. Кроме этого разработан — в двух вариантах — чрезвычайно подробный план издания словаря Пушкина. Кстати сказать, это будет первый в нашей стране словарь языка одного писателя.

Как академическое издание сочинений Пушкина, так и издание словаря его языка — дело национального значения, выполняемое, естественно, высшим научным органом страны.

Третьим коллективным мероприятием в области пушкиноведения, осуществляемым Академией Наук СССР, является картотека «Летописи жизни и творчества Пушкина». Работа эта началась в 1939 г. по докладу М. А. Цявловского в Ученом совете Института мировой литературы имени А. М. Горького. Задача картотеки — собрать обширнейший биографический материал, накопившийся за десятилетия в периодических изданиях и в отдельных статьях и заметках. В картотеку введены в кратком пересказе также статьи, заметки и упоминания о поэте и его произведениях, появившиеся при его жизни в печати и имеющиеся в переписке его современников. Коллективом сотрудников под руководством М. А. Цявловского еще до войны было написано свыше двадцати тысяч карточек.

С 1945 г. на основе этой далеко не законченной картотеки Цявловским подготовляется к печати «Летопись жизни и творчества Пушкина», первый том которой (1799—1826) закончен.

* * *

Если даже выявление и собирание автографов Пушкина, как мы говорили, нельзя считать законченным, то еще в большей мере это относится к выявлению и собиранию материалов по биографии Пушкина.

Октябрьская революция раскрыла фонды государственных архивохранилищ, остававшиеся в царское время недоступными исследователям. Публикация документов из этих фондов в книгах А. С. Полякова «Дуэль и смерть Пушкина» и Б. Л. Модзалевского «Пушкин под тайным надзором» — ценнейший вклад в политическую биографию поэта. Обнаруженные документы дали полную картину неусыпной политической слежки за Пушкиным и отношения к нему властей во главе с Николаем I. Миф о доброжелательном отношении Николая I к Пушкину, подвергавшийся сильному сомнению еще до революции, после указанных публикаций можно считать окончательно развеянным.

Но публикацией секретных фондов, конечно, нельзя ограничиваться. В области выявления материалов предстоит сделать еще многое. Даже такое, казалось бы, простое и вместе с тем настоятельно необходимое мероприятие, как научное издание всех официальных «дел» о Пушкине, хранящихся в архивах страны, до сих пор не завершено. Кроме того, еще немало биографических материалов, имеющихся, например, в Пушкинском Доме, остаются неопубликованными. И в других наших архивохранилищах найдутся, конечно, невыявленные документы, относящиеся к жизни и творчеству Пушкина. Здесь всегда возможны самые неожиданные находки, подобные открытию в 1934 г. кишиневского дневника за 1822 г. чиновника канцелярии Инзова кн. П. И. Долгорукова с замечательными записями о Пушкине. Записи эти (общий объем их $^1/_2$ печатного листа), чрезвычайно добросовестно сделанные сейчас же, под свежим впечатлением от

речей Пушкина за столом Инзова,— документ исключительной ценности. Без всякого преувеличения эти записи нужно признать самыми значительными политическими высказываниями молодого Пушкина*.

Крупным событием является также открытие письма приятеля Пушкина П. А. Катенина к П. В. Анненкову об «Евгении Онегине», где читаем: «Об осьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани, Евгений видел военные поселения, заведенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую»**.

Это свидетельство говорит о связи восьмой главы с уничтоженной поэтом десятой главой, которая по своему содержанию может быть названа декабристской. Таким образом, становится ясным теперь, какой большой социальной значимости было главное произведение Пушкина.

* * *

Переходя к трудам по разработке биографии Пушкина, отметим, что и в наше время продолжалась старая традиция изучения разного рода частных вопросов, эпизодов и т. п. Однако обогащенные фактами, не известными прежним исследователям, и вооруженные марксистско-ленинским методом, советские пушкинисты ведут разработку разного рода вопросов на более высоком научном уровне, чем это было до революции.

Мы имеем, мне кажется, все основания утверждать, что знаем о Пушкине гораздо больше, чем наши предшественники, и понимаем его гораздо глубже и разностороннее, чем они.

Такую тему, как «Пушкин и декабристы», только в наше время можно считать разработанной соответственно ее важности не только для уразумения политической биографии поэта, но и для истории развития освободительных идей в России.

Сложнейшая преддуэльная история, приведшая Пушкина к гибели, во всех своих запутанных перипетиях, вероятно, не может быть выяснена до конца. Но несомненным достижением нашего пушкиноведения является осмысление пресловутого анонимного диплома на звание рогоносца со всеми вытекающими из этого последствиями и, в первую очередь, роли Николая I в преддуэльной истории.

Наряду с разработкой частных вопросов биографии поэта появились и работы общего, синтетического характера. Это, во-первых, самая обширная биография Пушкина, написанная Н. Л. Бродским (1937), в которой превалирует образ Пушкина как замечательного представителя свободомыслящих кругов дворянства; затем — не лишенная черт некоторой беллетризации биография, принадлежащая Л. П. Гроссману (1939), который явно

---

* Записи из дневника Долгорукова, относящиеся к Пушкину, напечатаны в ряде газет и в журнале «Новый мир». Полностью дневник, приготовленный к печати М. А. Цявловским для тома «Летописей Государственного литературного музея», под общей редакцией В. Д. Бонч-Бруевича, должен выйти из печати в 1948 г.

** Литературный критик. 1940. № 7—8. С. 231.

поставил себе задачу дать в биографическом плане преимущественно творческий путь поэта. Пушкина как человека изобразил в своей работе Г. И. Чулков (1938), книга которого, к сожалению, вышла не в полном виде: остались ненапечатанными комментарии, представляющие собой этюды по отдельным вопросам биографии. Отметим еще очень дельно составленный биографический очерк о Пушкине, написанный А. Л. Слонимским, открывающий трехтомное собрание стихотворных произведений Пушкина (т. I, 1940) в издании «Советский писатель» (серия «Библиотека поэта»).

Продолжала развиваться и особая отрасль биографического пушкиноведения — отрасль, которую можно назвать краеведческим пушкиноведением. Работы эти ценны не только своим просветительским характером, но порой и важным фактическим материалом, ускользающим от внимания биографов большого масштаба.

* * *

В области изучения языка и стиля Пушкина в дореволюционное время, в сущности, не было сделано ничего значительного в научном отношении. Двумя солидными трудами В. В. Виноградова «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941) положено прочное основание этой существенной отрасли изучения творчества Пушкина.

Касаясь многочисленных историко-литературных исследований, надо признать, что наиболее значительными из тем, привлекавших исследователей за советские годы пушкиноведения, оказались темы: «Пушкин — родоначальник русской литературы» и «Мировое значение Пушкина». Первой из них посвящен специальный сборник Института мировой литературы имени А. М. Горького под редакцией Д. Д. Благого и В. Я. Кирпотина, заключающий в себе семнадцать статей.

Огромного значения темы «Пушкин в развитии мировой литературы» и «Мировое значение Пушкина» поставлены только в наши дни*. Актуальность этих тем совершенно очевидна.

Таковы в самых общих чертах итоги пушкиноведения за советские годы.

В ближайшие годы, конечно, будут завершены капитальные коллективные труды по Пушкину, о которых была речь выше. И наряду с этим, будем надеяться, начнется период исследований проблемного характера, которые в настоящее время либо только намечены, либо разрабатываются. К таким большим вопросам историко-литературного характера относятся, например, связь творчества Пушкина с творчеством писателей XVIII века; влияние Пушкина на современных ему писателей; влияние Пушкина на последующие поколения писателей. Нет монографий об отдельных произведениях поэта, начиная с «Евгения Онегина». О стихе Пушкина написано немало, но еще нет основательной обобщающей работы. Нет и большой, детально разработанной биографии, достойной великого поэта.

Долг пушкинистов — взяться за выполнение этих важных и ответственных задач.

* В работах М. П. Алексеева и В. И. Нейштадта собран большой, но далеко не исчерпывающий в библиографическом отношении материал для разработки указанных тем.

Всесоюзная Пушкинская конференция. Ленинград
1-й ряд: Н. А. Бойко, В. И. Маслов, Т. Г. Цявловская, М. П. Алексеев, Н. К. Гудзий, Ю. Г. Оксман, А. И. Белецкий, Н. П. Анциферов;
2-й ряд: З. В. Николаева, А. В. Попов, Н. Н. Фатов, Н. В. Измайлов, С. М. Бонди, С. М. Петров, Б. С. Мейлах, Б. П. Городецкий, Н. В. Яковлев, М. П. Легавка;
3-й ряд: Ф. Яловой, Н. П. Храмцова, Ф. М. Неборенок, Н. П. Малеванов, Л. П. Гроссман, В. Б. Сандомирская, Е. М. Черницкий, Е. Ерофеев

А. С. Бушмин, С. М. Петров, Б. С. Мейлах, Б. П. Городецкий, С. М. Бонди, Т. Г. Цявловская,
С. В. Шервинский на Всесоюзной Пушкинской конференции. Ленинград

Бюро Русского общества друзей книги.
Сидят: П. Д. Эттингер, В. Я. Адарюков, Н. В. Власов,
стоят: Д. С. Айзенштадт, М. А. Цявловский, И. К. Линдеман. 1920-е

М. А. Цявловский

Умер М. А. Цявловский, крупнейший исследователь жизни и творчества Пушкина и Льва Толстого. Его перу принадлежит большое количество текстологических и биографических работ, имеющих большую ценность для всякого занимающегося историей русской литературы. Все его работы, крупные и мелкие, привлекали к себе внимание научной точностью и яркой талантливостью. Всю свою жизнь, кипучую энергию, громадную эрудицию и талант историка М. А. Цявловский, страстный ученый-патриот, отдал изучению родной литературы.

Заслуги М. А. Цявловского в изучении Пушкина и Толстого не ограничиваются его личными трудами. Он был замечательным организатором работы по изучению Пушкина, и, можно сказать, что та высота и научная строгость, которые характеризуют изучение Пушкина в советскую эпоху, в очень большой степени обязаны неустанной энергии М. А. Цявловского, вдохновлявшего своим энтузиазмом товарищей по работе и своих учеников. М. А. Цявловский был одним из организаторов и самых деятельных участников академических изданий Пушкина и Толстого. Он руководил работой Пушкинской комиссии Союза советских писателей. Уже будучи долго и тяжко больным, М. А. Цявловский не прекращал самой напряженной историко-литературной работы. Литературное наследие, оставленное им и еще не увидевшее света, очень велико.

М. А. Цявловский в качестве профессора воспитал многочисленные кадры высококвалифицированных исследователей русской литературы и педагогов-словесников. Человек большого душевного жара и исключительной прямоты и честности, М. А. Цявловский никогда не будет забыт теми, кто имел радость научного и личного общения с этим выдающимся ученым и исключительно благородным человеком.

А. Фадеев, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Еголин, П. Антокольский, И. Новиков, Л. Субоцкий, С. Бонди, Н. Бродский, Д. Благой, Б. Томашевский, Л. Модзалевский, И. Фейнберг, Б. Бонч-Бруевич, Н. Гудзий, В. Шишмарев, И. Розанов, В. Виноградов, Ю. Верховский, Н. Пиксанов, Н. Гусев, А. Эфрос, И. Андроников, Л. Гроссман, П. Чагин, С. Толстой, А. Толстая, С. Есенина-Толстая, П. Попов, К. Богаевская, Н. Бельчиков, Н. Измайлов, Г. Гуковский, Б. Эйхенбаум, М. Чистякова, А. Дерман.

СТЕНОГРАММА ВЕЧЕРА

Пушкинской комиссии Союза советских писателей,
посвященного памяти М.А. Цявловского,
в связи с годовщиной со дня смерти.
10 ноября 1948 г.

Тов. НОВИКОВ

Товарищи, открывая вечер, посвященный памяти М. А. Цявловского, нашего дорогого сотоварища по работе и любимого нашего друга, позвольте пригласить вас почтить его память вставанием.

К мысли о том, что М. А. Цявловского нет среди нас, очень трудно привыкнуть. Наступил пушкинский год, и в этот пушкинский год еще острее чувствуется его отсутствие, и я думаю, что не я один ловлю себя иногда на мысли, когда возникает какой-либо трудный или запутанный, или просто требующий сложной справки вопрос по пушкиноведению, ловлю себя на мысли — а не позвонить ли Цявловскому? Думаю, что такая мысль приходит не только мне одному.

Эта короткая, беглая мысль заключает в себе очень многое для характеристики покойного. Прежде всего, это значит, что М. А. Цявловский обладал огромными знаниями, по отношению к которым иногда просто приходилось задумываться, как это хотя бы самая изумительная человеческая память может держать у себя в голове. Поэтому-то и звонил к нему не один я, а многие и многие из сидящих здесь.

Я представляю себе, что я звоню Мстиславу Александровичу, он берет трубку, и я слышу его голос, но с той особой интонацией, которая бывает у человека, когда его внезапно оторвут или от глубокого размышления, или от какого-то любимого дела, в которое он ушел целиком. Сначала даже кажется, что он чем-то недоволен, немного ворчит. Но это не недовольство — это те самые интонации, которые бывают у человека, которого разбудили в данном случае от творческого сна, и кто-то со стороны вошел к нему со своими требованиями, своими вопросами.

Но вот проходит полминуты, Мстислав Александрович уже овладевает явью и отвечает на ваш вопрос вам обычно очень скоро. Иногда, впрочем, он не доверяет себе и говорит, что это надо посмотреть там-то и там-то, и не заставляет вас искать это «там-то и там-то», его рука уже сама тянется к нужной полке. — «Подождите, я сейчас». — И через некоторое время затевается разговор на ту тему, которая выросла из простого вопроса, простой справки. Голос Мстислава Александровича становится совсем другим, в нем серебро, в нем увлечение, порыв какой-то, он уже из своего творческого путешествия по великой стране Пушкина пересел на Ваш творческий аэроплан и совершает совместное путешествие, он увлечен.

Из всего этого можно вывести три основные черты — осторожность в справках, невзирая на все свои знания, на всю свою память; второе — творческое увлечение и, наконец, последняя черта, которая вскрывалась при этих обстоятельствах, может быть, самая значительная, это вот какая — иногда вопрос мало

затрагивает что-нибудь, что Мстислав Александрович знает, он ничего еще не знает, а знает только Татьяна Григорьевна что-то новое, что открылось, но если оказывается, что это как-то освещает вашу тему, то Мстислав Александрович говорит это попросту, по телефону своему творческому другу. Он не был человеком собственником, не в том простом примитивном смысле, в каком обычно это говорят, нет, для него дело и результат были важнее того, кто это сделал и кто первый сказал, не пустое «э-э», как у Гоголя, а, может быть, важную какую-то вещь. Вот эта черта творческого бескорыстия — довольно редкостная черта и тем более ценная, даже хочется сказать, драгоценная черта, о которой хочется вспомнить сегодня.

Перед тем как идти сюда, я еще и еще раз посмотрел на эту карточку, приложенную к билету пригласительному, вот как бы я сказал — губы сжаты плотно, как бы с намерением подождать говорить, пока-что он слушает собеседника. В глазах его, обычно таких глубоких, человеческих, сквозит доверие, а вместе с тем исследовательское некоторое недоверие и настороженность, так ли это, и просится сказать, сдерживает себя, но иногда прорывается, взрывается до конца, потому что он был страстным человеком и страстно относился к тому, что он чтил всю свою жизнь — к Пушкину и Толстому. Хорошая карточка!

Незадолго до смерти Мст. Ал. у меня был с ним такой разговор — о биографии Пушкина. У него была мечта написать биографию Пушкина, многотомную повесть, очень проверенную сверху донизу, во многом вероятно новую, и я сказал ему то, что он думал. Я сказал Мст. Ал.: «Вот было бы хорошо, не знаю приходило ли Вам в голову или нет, как это сказано у Пушкина в стихотворении: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит, и славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Так вот думал Пушкин, и он сказал, что душа его творчества заложена на широком пространстве нашей Родины, завоевывая все новые и новые группы читателей. В этом вторая, посмертная, жизнь Пушкина имеет свою историю, которую никто не написал и, может быть, не напишет, и я думаю, Мст. Ал., вот бы Вам поработать над этой темой. Вы, во-первых, это так знаете, вы бы отдали должное всем Вашим предшественникам. Я помню Ваш доклад о судьбе Пушкинских рукописей, как это было увлекательно, как будто бы сухая тема, но Вы так говорили, что все это оживало».

И вот тут я заметил одну вещь — когда он говорил о биографии, то в его голосе была легкая грусть, что он не сможет этого сделать. «Да, это замечательно», — сказал он, и я увидел в его глазах больше, чем грусть, он вероятно чувствовал, что он не сможет этого сделать.

Для чего это я рассказываю? Я рассказываю это вот почему. — Обычно у нас так хорошо говорят: «Память покойного будет жить в сердцах наших». Это верно и по отношению к М. А. Цявловскому, но хочется добавить еще и другое: «Пусть память его будет жить в трудах наших».

Я видел, что М. А. Цявловский придает значение этой мысли, и нельзя не придавать ей значение, эта мысль вероятно была у него, не я ее выдумал, мы должны были бы попробовать коллективно эту тему поднять. Пусть пройдут пушкинские дни, Пушкин не пройдет, и кроме исследования творчества Пушкина биографию его надо было бы включить, и в этой теме в одной из последних глав

этой работы был бы образ самого М. А. Цявловского как исследователя, на которого надо дивиться во многих отношениях.

Надо сказать еще, что у М. А. Цявловского была чудесная черта — общение с молодежью. Что греха таить, пушкинисты в огромном большинстве у нас — это «серебряная молодежь», молодежь, убеленная снегом, а нашу молодежь нужно привлекать к этому делу потому, что помимо того, что наука о Пушкине должна расти, общение с Пушкиным, творческая жизнь, близость с ним представляет собой очень большое благо.

Вот эту «эстафету» Пушкина нужно передать молодежи. Об этом должны позаботиться мы и наша Пушкинская комиссия.

Светлая память!

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Мы не успели оглянуться, как год уже прошел с тех пор, как от Софьи Андреевны мы узнали печальную весть, что Мстислав Александрович отошел от нас. Те, кто его знал, кто с ним работал, для всех это было огромным ударом, хотя многие и знали то тяжелое положение, физическое состояние его здоровья, которое грозило смертью...

Я с Мст. Ал. познакомился давно, но на работе я с ним встретился первый раз после того, как мы были вместе в Ясной Поляне, когда был юбилей Льва Николаевича Толстого в 1928 году. Уже там мы беседовали о том, что будет издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, когда мы вместе ходили к могиле Льва Николаевича, мы невольно беседовали о сочинениях Толстого, которые не все еще были опубликованы. И там я заметил, с какой страстностью, с какой любовью относился он к Льву Николаевичу, хотя тут же он говорил, что «я с ним не согласен, но больше всего я признаю его как великого художника».

Тогда же я передал ему утешительную весть, что до этого состоялось решение о том, что в память Льва Николаевича Советское правительство решило организовать академическое издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, и действительно, через некоторое время было уже первое заседание, помимо первого заседания, которое было раньше организовано, так как Л. Н. Толстого изучали две группы, и вот на этом заседании эти две группы объединились вместе и должны были издавать его сочинения.

Мст. Ал. играл одну из первых скрипок в этом коллективе, и особенно в том коллективе, который был занят изданием художественных произведений.

Первый том Толстого, который издавался, был как раз с целым рядом вещей Льва Николаевича, которые были редактированы Мст. Ал., и здесь мне пришлось с ним особенно близко познакомиться, так как я входил в государственную комиссию и мне приходилось обсуждать вопросы, которые невольно возникали при приступлении к изданию.

И здесь я не могу не отметить той огромной страстности, с которой высказывался Мст. Ал., который был выразителем всего коллектива, в котором он принимал огромное участие; это своего рода инструкция по изданию Льва Николаевича. Это особое произведение, которое мало кому известно и которое нужно,

чтобы было известно, особенно работникам издательств, которые занимаются изданием произведений умерших писателей.

В этой инструкции предусмотрены все запятые, что нужно и как читать текст, как нужно издавать и т. д. Эта инструкция представляет очень интересный опыт и ныне, многие ко мне со всех сторон обращаются и из Украины и из Белоруссии, где имеются большие издательства и где издаются собрания сочинений литературы тех сторон.

Я лично предполагаю, что эту инструкцию мне удастся опубликовать для всех, которая является одной из самых замечательных инструкций, которая легла в основу издания собрания сочинений Толстого.

Таким образом, мне приходилось наблюдать деятельность Мст. Ал. на протяжении многих лет, и могу сказать, что, когда мне приходилось говорить с Чертковым, как он относится к изданию <сочинений> Толстого, то он совершенно уверенно отвечал, что они должны быть прекрасно изданы, особенно в художественном отношении, как он говорил, если там такие работники, как Мст. Ал., который своим присутствием полностью гарантирует для всех, что это будет сделано все очень хорошо, и что ему как главному редактору не приходится себя утруждать, так как он любуется теми знаниями, которые высказываются Мст. Ал. по поводу всех рукописей, и особенно он всегда отмечал Мст. Александровича.

Вот это такое первое знакомство с ним невольно меня с ним сблизило.

Я очень хорошо помню наши собрания у А. Л. Толстой, когда была организована особая комиссия, когда несколько изменился план издания академического собрания сочинений Толстого. Я не могу не вспомнить с большой благодарностью, как М. А. Цявловский отстаивал ту инструкцию, о которой я говорил, и весь тот способ, которым издавалось полное собрание сочинений, как высказывался против тех поползновений, которые государственное издательство пыталось провести. К его голосу все очень сильно прислушивались.

Следующий этап моего знакомства с М. А. Цявловским, который еще больше сблизил нас, — это было учреждение Государственного Литературного музея. Мы уже существовали как отдельные комиссии, не как титульное учреждение еще, и мне пришлось подумать о том, что нужно выбрать из московских ученых особую закупочную комиссию, так как материалов к нам приносилось очень много и нужно было серьезно разбираться в их достоинствах, в их подлинности. Заседания нашей комиссии принимали часто уже научный характер, и М. А. Цявловский был одним из тех товарищей, кто был приглашен для этой работы.

Я позвонил по телефону Мстиславу Александровичу и рассказал, в чем дело. Он мало знал о работе наших комиссий, и сначала он даже отнесся с некоторым недоверием, говорил, что имеется рукописный отдел Румянцевской библиотеки, есть ленинградская библиотека и т. д., есть много учреждений, которые должны заниматься этим делом, но тут же в процессе разговора он вспомнил, чтó находится в частных руках, и до того увлекся, что даже сказал, что надо сейчас же организовать такую комиссию, нельзя терять время, так как все это может уйти. Он уже слышал о том, что агенты различных консульств скупают автографы и увозят их за границу.

Таким образом, от своих сомнений он быстро перешел к страстной защите комиссии, которую я предлагал организовать, и до такой степени увлекся, что

мы решили сейчас же повидаться. И хотя он был действительно очень занят, через два часа мы увиделись в одном из помещений музея, и тут у нас обнаружилась общность языка, желаний, и мы набросали большой план, где было сказано, по его выражению, как и куда нужно направить свои взоры и где охотиться за этими документами. У нас была группа «следопытов», как мы их называли, которые собирали этот материал. Работать было нелегко, так как нужно было преодолевать известное недоверие, которое было в этом вопросе.

Я скажу о том, что делал М. А. Цявловский. В очень скором времени он как-то пришел ко мне в музей и говорит, что хочет поговорить со мной наедине. Я был рад с ним потолковать, как раз было свободное время, никого не было. Он мне сказал, что в одном месте сохраняется архив Бартенева, но люди, которые им владеют, не хотят, чтобы о нем знали, хотя они ему сказали... Когда он мне сказал, что я вот знаю, что́ там есть, т. к. он сам для себя приобрел кое-что, тогда я представил себе, что это за архив, и тогда мы с ним выработали план атаки, как он сам называл, на этот архив.

К счастью, оказалось, что люди, которые владели этим архивом, оказались мне знакомыми, и действительно довольно трудно пришлось, но мы с ним очень энергично действовали и наконец добились своего и уплатили деньги и получили 57 томов переплетенных писем, архивов, которые перешли к нам в музей, и Мст. Ал. буквально торжествовал и на всех комиссиях говорил, что это — совершенно чудесное приобретение. И постоянно, когда от него раздавался звонок, то всегда следовало за этим что-нибудь значительное и интересное.

С другой стороны, он так же относился к тем приобретениям, которые мы сами приобретали, особенно он любил, когда это происходило с Пушкиным, когда я ему сообщил, что мне удалось собрать 97 автографов подлинных, и он всегда удивлялся, как это может происходить, вот ведь сто лет собираем, а все еще находим, и вероятнее всего, что есть еще много, что нам неизвестно.

Однажды я позвонил ему и попросил его ко мне приехать экстренно, потому что мне прислали фотографии рукописи Пушкина, но которая мне не была известна, правда, я думал, что это Пушкин. Он бросил все дела и сейчас же ко мне приехал; когда он посмотрел, он сказал: да, это Пушкин. Оказалось, что это та знаменитая тетрадь Пушкина, которую он проиграл в карты Всеволожскому. История ее такова: мне сообщил один из писателей, Максимович, что в Сербии есть рукопись, которая очень напоминает Пушкина, я попросил его прислать мне фотографические снимки, и вот он эту просьбу исполнил. Теперь у нас была забота, а как же ее получить оттуда, так как никаких дипломатических отношений у нас с Сербией не было и совершить это было очень трудно.

Через некоторое время я получаю от Максимовича телеграмму, в которой он мне сообщает, чтобы мы спешили, так как американцы охотятся за той же дичью. Тогда Мст. Ал. приуныл и говорит, что нужно что-то сделать, чтобы американцы не увезли эту тетрадь к себе на континент.

В это время на заседании Лиги Наций были наши делегаты, и мы обратились к ним, чтобы они обратились к сербам с просьбой уступить нам эту тетрадь. Они все это сделали, а те со своей стороны написали своему премьер-министру письмо, в котором написали, что наши братья русские хотят рукопись своего гени-

ального русского поэта Пушкина не пускать в Америку и мы тоже просим им помочь в этом деле.

Премьер-министр оказался сговорчивым и, выяснив, что эта тетрадь принадлежит одному из чиновников департамента, подчиненного ему, он вызвал его к себе и говорит, что у вас есть эта тетрадь, он говорит, что да. Ну, так вот, я боюсь, чтобы она у вас не пропала, принесите ее мне. Чиновник, боясь ослушаться своего начальника, принес, а тот взял и спрятал ее в сейф. Затем он списался с нами и объявил чиновнику, что вот русские дают вам столько же денег, что и американцы, так как это их национальная гордость, то я считаю, что им нужно вернуть эту тетрадь. Мы выслали 5 тыс. дол., и таким образом эта тетрадь была закуплена. Словом, это были первые дипломатические отношения между Советским Союзом и Югославией.

Таким образом получив рукопись, наш посол спрятал ее в свой сейф, в свой вализ, и наш курьер привез ее под особой охраной, и мы получили ее уже из Министерства иностранных дел. Когда ее привезли и М. А. Цявловский посмотрел, то он сказал: «Наконец эта тетрадь в наших руках». Надо было видеть, только большой художник смог бы описать эту картину, надо было видеть тот восторг, который был написан на лице М. А. Цявловского, когда он рассматривал лист за листом, причем он тут же различал — это пушкинская рука, это переписчик написал, этого у нас нет.

Потом он предложил сфотографировать эту рукопись, на всякий случай, мало ли что бывает. И мы действительно тогда заказали в Историческом музее и сделали три фотографических копии. Это было хорошо сделано, хранили мы это в сейфе. Приехал тогда Томашевский из Ленинграда, использовал этот материал, и 1-й том <«Летописей Литературного музея»> вышел как раз к юбилею Пушкина 1937 г.

Вот это один из примеров такого фанатичного, в самом хорошем смысле этого слова, отношения к ценностям, тем ценностям, о которых покойный М. И. Калинин сказал, что я собираю ценности, которые называются самовозрастающими ценностями, которые с каждым днем делаются все дороже и дороже. И это действительно так.

Такие рукописи, такие материалы хотелось иметь в нашем обобществленном секторе, чтобы они не хранились у какого-нибудь американца в целях особого гурманства для показа своим знакомым, которым эти материалы ничего не говорят. Таких примеров было очень много, и М. А. Цявловский неугасаемо горел желанием больше приобретать таких материалов и сейчас же печатать. Собирают у нас многие, но, к сожалению, это лежит под спудом десятилетиями, столетиями, даже в той же Публичной библиотеке приходилось обнаруживать материалы, которые лежали безызвестными почти сто лет. На днях был открыт очень важный материал, о котором написала Татьяна Григорьевна.

Таким образом, мое общение было такое очень теплое, радушное и задушевное на литературном поприще, именно в Государственном Литературном музее.

Когда наступила война, когда нам пришлось быстро эвакуироваться, то помню, как М. А. Цявловский переживал этот период. Я встретил его как-то на улице в очень возбужденном состоянии, это было уже после бомбардировок Москвы, и он меня спросил, что вы делаете с музеем. Я ему сказал, что я не директор

музея, а редактор, но знаю, что там организована отправка ценностей. Он говорил о том, как это необходимо и необходимо сделать как можно быстрее, так как эти варвары будут все разбивать, для них нет ничего святого, они будут все уничтожать.

Он как бы в предвидении говорил о том, что немцы идут с тем, чтобы все уничтожить, они ненавидят нашу славянскую культуру, и надо все эти ценности как можно скорее спасать. И действительно, у нас это вышло хорошо. Все очень хорошо обошлось, нам удалось вывезти большинство вещей из Москвы. Но в других городах огромные богатства погибли.

Вот что я хотел вам сказать по поводу Литературного музея. Еще добавлю один очень маленький эпизод, который необходимо сказать.

У нас издаются «Летописи Литературного музея», которые прежде выходили под руководством Мст. Алек. Там сейчас должен издаваться Дневник Долгорукого, который был совершенно чудом спасен.

Сейчас я вам расскажу, как это было. В один из выходных дней ко мне позвонил Мст. Ал. и спрашивает, могу ли я сейчас принять, немедленно, одну учительницу, которая приехала в Москву, и тут же приглушенно говорит, что у нее есть замечательная рукопись, которую нельзя упустить.

Я говорю — хорошо, и через некоторое время приходит хорошая русская женщина и говорит, что она приехала из Тамбовской губернии, что там разбирались в каком-то бывшем имении какие-то залежи и вывозили бумаги, и вот одна из учительниц, идя домой, по дороге заметила, что лежит очень хорошая книга в прекрасном переплете, она решила подобрать ее и взять себе переплет, а рукописи выбросить. В это же время шла другая учительница, которая подняла эту рукопись, и видит, что там упоминается имя Пушкина, она решила сохранить и подумала, что, может быть, пригодится как пособие. А там о Пушкине очень много написано. Я не знаю, какой-то доморощенный исследователь ее направил в Москву, а здесь ее направили к Мст. Ал.

Когда я с ней поговорил, то она мне сказала, что мне никаких денег за это не нужно, так как это не мое, а вот для школы я хотела бы что-нибудь получить. Мы ей дали пять тысяч рублей, она была очень довольна, и помогли ей добыть все, что нужно для школы.

Этот драгоценный документ, который представлял из себя дневник кишиневского периода, когда Долгорукий день за днем записывал стихотворения Пушкина.

В этот день Мст. Ал. звонил раз пять и все спрашивал, как с дневником, что с дневником, я говорил, что дневник у меня, а завтра я его передам в сейф; когда он это услышал, то он успокоился.

Он писал много примечаний к нему, он будет напечатан как раз в его честь, память и славу. Он об нем много думал до самого последнего дня, он хотел написать к этому «Дневнику» предисловие, но ему этого не удалось сделать.

Вот такое отношение было у Мст. Ал. к документам, которыми характеризуется история нашей русской литературы, и особенно он любовно относился к пушкинским материалам.

Последнее мое с ним общение, тоже длительное, — это было по поводу академического издания Пушкина, которое мне пришлось возглавить в качестве

редактора. Здесь его отношение к этой работе я могу охарактеризовать как подвиг, выше подвига. Я видел, как работал М. А. Цявловский, как он выверял каждую букву, каждую точку, каждый штрих, как не удовлетворяла его представленная корректура, то, как расставлен шрифт, он измерял, писал свои заметки на полях и требовал от наборщика сделать так, как нужно, который не понимал в силу своих знаний, почему он требовал сделать именно так, а не иначе.

М. А. Цявловский не представлял себе, что Пушкин может выйти с погрешностями не только в тексте, но даже и во внешнем оформлении. Мне в издательстве Академии наук говорили: как же быть, мы не в состоянии выполнить то, что требует М. А. Цявловский.

Я не буду говорить здесь о работах М. А. Цявловского, лучше об этом расскажет С. М. Бонди, но я был счастлив, что я мог ему в свое время доставить большую радость. Когда я приехал из Казани в 1942 г., я был счастлив сообщить ему в Ташкент, что мне удалось возобновить издание Пушкина. Я связался с Вавиловым и Петровским, который возглавлял издательство Академии наук, и я написал, что Пушкин возобновляется, что я ищу рукописи, которые находились в разброде — в архивах, хранилищах и т. д. Я получил тогда в ответ самое восторженное письмо по поводу того, что Пушкин возобновляется. Когда он приехал, то это был первый разговор, как он будет дальше издаваться.

Теперь последний том проходит корректуру, но, к сожалению, Мстислав Александрович не будет видеть свое детище в полном его завершении.

Мне лично Мстислав Александрович представляется таким настоящим типом ученого, историка литературы, который всего себя отдал этому делу. Он успевал неустанно общаться и с молодежью. Даже в нашем музее он нередко читал лекции и всегда охотно отзывался на все мероприятия. Нам было зачастую страшно знать, что он сидит до глубокой ночи. Серьезная болезнь, которую он испытал в эвакуации, сильно ослабила его силы, и хотя операция была проведена гениально и все было хорошо, но сердце не выдержало и Мстислав Александрович от нас отошел.

Позвольте здесь вспомнить самым добрым словом того, кто всю свою жизнь посвятил Пушкину и Толстому, и полагаю, что и Пушкин и Толстой не были бы в претензии на то, что их литературным наследством занимался такой преданный и любвеобильный человек, как Мстислав Александрович. И если два наших гениальных писателя — Пушкин и Толстой — вошли в века, то вместе с ними имя М. А. Цявловского также войдет в нашу культуру на долгие и долгие годы.

Тов. БОНДИ С.М.

Я не буду рассказывать, как мне предлагали, ни о жизни, ни о биографии Мст. Ал., не буду также давать отзыва о его научной деятельности и даже не буду рассказывать о его деятельности, просто потому, что я этого не знаю.

Я позволю себе рассказать о Мст. Ал. как об ученом, как о человеке, поскольку я его знаю. Первое, что бросалось в глаза, — это его удивительная талантливость, которая виднелась в каждом его жесте, в его великолепной внешности, во всех действиях этого всесторонне блестящего и талантливого человека, то оба-

яние, которое он производил на всех людей; не было человека, который его знал, кто бы не находился под этим обаянием, который бы не был в него влюблен, кто не любовался бы каждым его жестом.

Специфический талант Мст. Ал. заключался в том, что — он характеризует его как ученого — это талант историка, он был изумительным историком, человеком, который умеет видеть, как настоящее, прошлое. Творческое историческое воображение у него было до необычайной силы развито. Мы знаем довольно много ученых, которые умеют, прекрасно зная свой предмет, зная факты, жизнь, в своих работах эту живую жизнь превращать в схему в прошлом, совершенно сухую и бесцветную.

Мст. Александрович, как раз наоборот, он любую схему превращал в живую жизнь, у него в прошлом, в истории все было так, как было это в современном. Когда он рассказывал о прошлом, то можно было думать, что имеешь дело с очевидцем этого происшествия.

Не было ни одной мелочи, которая бы в его рассказах не была подлинной живой жизнью. Например, возьмет какую-нибудь книгу, скажем, выходные данные этой книги Петербург, 183... такой-то год, типография Семена Августа, Мстиславу Александровичу это были живые люди, когда он это читал, то он мог рассказать, чтó это за типография, где она была, кто и как к ней относился, какое место она занимала в прошлой литературе и т. д., как должны были реагировать <на книгу> разные течения — и из всей этой короткой даты такой рассказ Мст. Ал. оживал как подлинная историческая жизнь.

Но все это было в его рассказах, но не в писании. Я помню, сколько раз Мст. Ал. самым отрицательным образом говорил о всякого рода юбилеях, юбилейных речах и как он боялся юбилеев и представлял себе, что такого рода юбилей будет и после него.

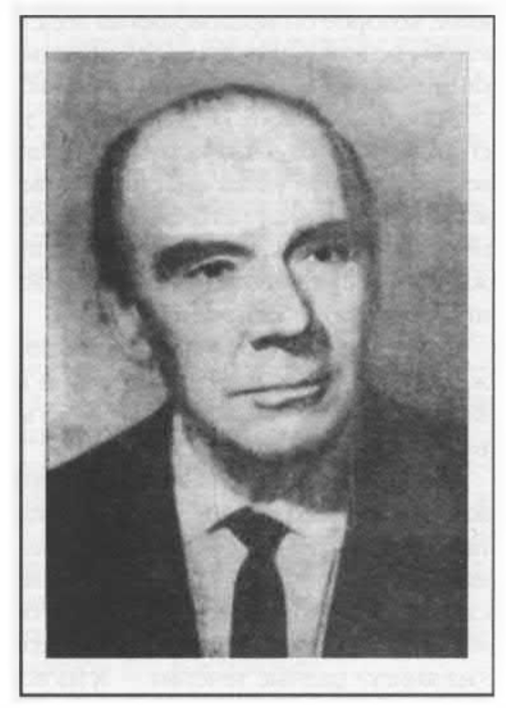
...И это неудивительно, когда уходит большой человек, ясно, что о нем хочется вспомнить самое хорошее, самое лучшее, хочется быть объективно справедливым, чтобы памяти Мстислава Александровича обидно не было.

Я говорю, что все это было в его рассказах, но, к сожалению, очень немногое из этого попало в его произведения, которые останутся для нашего потомства. Лекции М. А., устные его выступления всегда были необычайно интересны своим проникновением в прошлое, в конкретное реальное прошлое; особенно те его рассказы, которые мы имели счастье слышать у него дома, когда Мстислав Александрович для близких своих знакомых или тех, кто к нему приходил, с увлечением рассказывал удивительные вещи, которых никто не знал, и не мог знать кроме него. И мы в это время переселялись в эту эпоху, видели и слышали тех людей, о которых он рассказывал. Это было так непререкаемо точно, так убедительно, это был сверхуниверситет для тех, кто присутствовал при этих рассказах.

Чем объясняется то обстоятельство, что во многих лекциях, даже в биографической части, М. А. не умел закончить своих лекций, не мог уложиться во времени, не умел тему довести до конца, говорил долго и все еще был только в начале своей темы? Это объясняется тем, что перед ним была полностью живая жизнь во всех конкретных ее проявлениях, все было интересно, все было нужно; он задыхался в этих интереснейших, многообразных проявлениях русской жизни, которую он так любил, так остро чувствовал и о которой умел так хорошо гово-

рить, останавливаясь на всевозможных, остро интересных деталях.

Я помню случай, когда он должен был рассказать биографию Пушкина в течение одной лекции. Он говорил 3 часа и должен был прекратить лекцию, так как он сам устал, устали и слушатели, а у него по ходу рассказа Пушкина уже везут в Лицей... *(смех)*. Но это было так интересно, так увлекательно, что никто не пожалел, что не слышал остального, потому что то, что было рассказано, было необычайно глубоко и ценно.

С. М. Бонди

М. А. Цявловский был интересен не только своими знаниями прошлого истории, которое он умел так замечательно восстанавливать по источникам, по документам, М. А. прожил необычайно интересную жизнь, он видел массу замечательно интересных людей, был свидетелем самых интересных фактов и событий. Начну с того, что М. А. Цявловский был в юности членом социал-демократической партии большевиков и был на каком-то очень интимном совещании, где было несколько человек, в том числе и Владимир Ильич Ленин.

Жизнь М. А. Цявловского, люди, с которыми он встречался, все это было необычайно интересно, и он умел об этом как никто рассказывать. Это особый дар уметь заметить самое интересное, среди чего живешь, уметь зацепить это интересное, приметить, запомнить и совершенно изумительно рассказать.

Если бы все это было записано, если бы М. А. Цявловскому в течение недолгой своей жизни удалось бы написать свои воспоминания, просто рассказать, чтó он видел, что пережил, что знает, то это была бы интереснейшая книга. Но, к сожалению, этого не сделано и все это ушло вместе с ним...

И все это драгоценное уживалось вместе в нем. И всегда у всех у нас был такого рода вопрос, почему же вот это самое, такая живая жизнь, вот этот энтузиазм, который был в каждом его слове, в каждой цитате, не виден в его писании, почему его писание не производит такого впечатления, мы в нем читаем совсем другое, другие слова, по которым мы знакомимся с его литературной деятельностью?

Я думаю, что это происходило вот почему. Мне кажется, что самое основное в науке свойство — это быть исключительно добросовестным по отношению к науке, такое благоговение перед наукой и полная самоотверженность в отношении к самому себе. Вот этими качествами обладал Мст. Ал., ему казалось, что его долг, как и долг всякого ученого, это не говорить о себе, а установить прежде всего то, что было тогда с этими людьми. Мы очень хорошо знаем, и это очень

распространенный тип ученого — это человек, в часто очень сильных работах которого самое важное и самое ценное это его собственные домыслы, его личное, как он там подходит к этим событиям, которые у него описаны. Мы даже знаем такую формулу: пусть это спорно, но это необычайно талантливо!

Мст. Ал. был чужд этого; если спорно, значит, нельзя писать, нельзя со спорным выходить перед публикой, слишком велика ответственность человека, который знает прошлое, с тем чтобы выступать перед публикой, чтобы выслушивали его собственные мысли, когда его обязанность как бы подвести человечество к подлинной истине, к подлинной правде.

Вот это его всегда сковывало, вот почему он стремился к соблюдению фактов, потому что факты, они помогают понимать эту действительность. Помню, как он всегда говорил, что один какой-нибудь мелочный факт может обрушить самую точно построенную систему: а вот не выходит, а вот этот человек умер за несколько лет до того времени, когда все так прекрасно помещается в этой концепции, и поэтому он так ценил эти мелочи, эти факты, о которых так интересно рассказывал нам В. Д. Бонч-Бруевич. В этих фактах для него была вершина того настоящего, подлинного, та истина, которую он считал обязанностью показать своим читателям, поэтому он так и не любил этих поспешно составленных освещений и сам в своих писаниях избегал их.

Расскажешь ему что-нибудь интересное, новое, думаешь, что он этим заинтересуется, а видишь, что он прошел мимо, потому что знал, что это скороспелое, это только сейчас действует, а наберутся новые факты — и все это рухнет, а вот факты останутся нерушимыми.

Это чувство можно назвать целомудренной боязнью всего субъективного, которого не было в его писаниях. Сколько раз ему говоришь, что вот это вы должны написать, он говорит: что вы — это мое субъективное, не желая понять, что это очень ценное.

Здесь, я считаю, была основная ошибка у М. А., потому что полной объективности все равно не может быть при всем желании, никакой человек не может создать полной объективности, будет сказываться его личность, состояние эпохи, общественно-классовое сознание и т. д. — все это, несомненно, скажется.

И вот, будучи таким замечательным историком, каким был М. А. Цявловский, он свой долг историка не выполнял; все откладывал, когда, наконец, он сможет твердо опереться на эти факты и создать какую-то концепцию, какие-то объяснения того или иного процесса, исторического процесса.

Последние годы М. А. Цявловский к этому явно шел, и последние его работы, которые в большинстве своем не опубликованы, но, несомненно, будут опубликованы, они носят такой характер подхода к созданию из этих многочисленных хорошо известных ему фактов, созданию уже системы, но системы прочной.

Я говорю о такой работе, большой работе, как «О революционных стихах Пушкина», о такой работе, как «Пушкин и Отечественная война». Я говорю это гипотетически, и Татьяна Григорьевна может меня оспорить, но когда он «играл в карты» со своей картотекой жизни и творчества Пушкина, когда здесь он нам читал «Разговор Пушкина с Николаем I», когда этот собранный материал давал возможность раскрывать интереснейшие перспективы, я не сомневаюсь, что М. А. думал как-то подойти к созданию такой биографии Пушкина, которой, кроме

него, никто не в состоянии был сделать в таком плане, но он этого сделать не успел.

Это такое благоговейное отношение к науке, сознание своего громадного долга перед русской наукой создавало у некоторых людей впечатление такой мелочности, педантизма или даже смешного.

Нужно сказать, что наша русская филологическая наука, и особенно литературоведение, очень плохо оборудована, у нас нет лабораторий, хорошего оборудования, какое есть у физиков, у химиков, у нас каждый должен кустарным образом работать, изыскивая нужные документы, материалы, тратить массу ненужного времени для раскапывания журналов, пересматривать бесконечное количество старых книг, журналов, у нас нет хороших библиографических справочников, нет указателей, нет биографических сводок; словом, всего того, что должно быть во всякой хорошо оборудованной науке, всего этого у нас нет. И М. А. Цявловский понимал это как никто другой, и он снисходил до того, что проделывал всю эту черную научную работу, охотно принимал ее на себя, не гнушался этой работой, тратил время на то, чтобы составить такой материал, и когда я увидел его работу «Пушкин в печати», то я понял, что это образец библиографической работы. Какая точность дат, какая эстетическая форма подачи материала, какая конкретность. Это настоящий образец того, как должны делаться вспомогательные библиографические работы...

Вот очень хорошо Вл. Дм. об этом рассказывал, об этой инструкции к составлению изданий, которую написал Мст. Ал., в которой говорилось о запятых, о переносах, о заставках, словом, о всех мелочах, о которых Мст. Ал. говорил и которые он делал с необычайным энтузиазмом, не потому, что он, как мелкий человек, видел <в этом> цель своей работы, а потому, что это было его долгом, это долг каждого из нас, чтобы сделать нашу науку рукодельной, как говорил < >, и это делал Мст. Ал. с большим пониманием и сознанием того, что это необходимо, потому что он прекрасно понимал, что это работа вспомогательная.

Как он смешно и метко говорил, чтó из себя представляют библиографы; он не представлял себе, что он образец ученого, и всегда он говорил, что «я все-таки библиограф». В связи с этим хочется сказать, что вообще Мст. Ал. в научной работе никогда не считался со своими личными интересами, но высоко, даже для своего престижа как человека, для него на первом плане было то дело, которое он делал, и я думаю, что никто другой не выдержал бы этого.

В. Д. Бонч-Бруевич, рассказывая, немножко коснулся творческой деятельности Мст. Ал. в издательстве Академии Наук, которую он вел до самой смерти, по поводу некоторых вещей, которые кажутся другим совершенными пустяками: ну не все ли равно, какие будут уголки, скобочки и т. п., уже или шире, но Мст. Ал. на эти вещи смотрел совершенно иначе, он не подписывал листов до тех пор, пока не делали так, как он требовал. Издательство торопит: вы срываете наш месячный план, а Мст. Ал. (что-то ему недоделали) не подписывает, он прекрасно знает, чем он рискует, но он все-таки настойчиво требует и считает для себя невозможным выпустить из своих рук в плохом виде книги, которые будут жить и после того, как мы умрем. Он считал, что невозможно, чтобы мы дали потомству нехорошо одетые книги, и поэтому, рискуя всем своим счастьем, здоровьем, он добивался таких вещей.

Я знаю еще один такой случай: одно издательство пригласило его на редактирование одной большой работы, он взялся за эту работу, а затем они передумали и перепоручили эту почти законченную работу другому редактору, и уже эту на $^3/_4$ сделанную работу должен был подписать другой редактор. Для всякого ученого это было бы обидно, но Мст. Ал. совершенно по-другому реагировал на этот факт, для него работа любимая была превыше всего: он засылает к ним людей и говорит: в конце концов, мне все равно, будет ли там мое имя или нет, но я не могу допустить, чтобы такая ценная работа вышла без моей консультации, пусть ко мне приходят, и я буду консультировать. И эти люди приходили и приносили ему эту чужую работу, отнятую у него, и он ее делал.

Это все явления одного порядка. Здесь есть удивительно трогательная сторона — это потеря себя в своей чисто литературной писательской работе. С другой стороны, этот энтузиазм в работе, это такое для всех заметное чистое отношение к труду, к науке сделали то, что он был великолепным организатором коллективной работы, что около него всегда образовывались люди, особенно молодежь, они все заражались от него энергией и любовью к работе.

Я перечислил только самые значительные, самые большие каталоги, летопись жизни и творчества Пушкина; все мельчайшие факты и даты, которые можно только найти в опубликованной и неопубликованной литературе, они все сведены так, как это не снилось нашим предшественникам.

Конечно, это сам М. А. Цявловский сделать не мог, эту работу провел коллектив, работавший под его руководством. Надо, конечно, тут не забывать другое, что это возможно было сделать только в советское время. Такого рода работы коллективно предпринимались в свое время и раньше, в частности, большим энтузиастом этого дела был мой учитель в Петербурге профессор Венгеров, но он должен был делать это за свой риск и страх, государство ничем ему помочь в этом отношении не могло. Сейчас идет коллективная работа, которая проводилась под руководством М. А. Цявловского, но организованная в государственном масштабе.

Или возьмите вы такую работу, как «Печать о Пушкине», когда были просмотрены все журналы, все книги, где можно найти хоть какое-нибудь упоминание о Пушкине, о его жизни, начиная с 1814 по 1837 г., когда, по выражению М. А., «все было прочесано», всякие мелкие упоминания о Пушкине были выловлены. Когда эта книга выйдет, какое это будет великолепное пособие для всякого.

Работа над этой книгой — это вещь трудная, нудная, но М. А. придавал этой нудной работе особый интерес тем горением, которым он заражал и молодежь. И в целом ряде других коллективных работ М. А. Цявловский умел убеждать людей, вести за собой и создавать ценнейшие документы, которые сделаны в результате настойчивых, убедительных настояний М. А.

Из этого же вытекало и такое характерное для Мстислава Александровича как ученого и человека свойство, как горячее сочувствие к чужим работам. Каждый из нас знал, что если он придет к М. А. поделиться тем, что он продумал, своими мыслями, планами, то он всегда найдет сочувствие, помощь и поддержку, он может рассчитывать не только на полное сочувствие, но даже на преувеличенное сочувствие; он увлекается с первых же слов, и это иногда не давало

возможности достаточно хорошо оценить, ибо первым его чувством была радость, что кто-то еще что-то сделал в этом общем деле, внес какой-то вклад.

Он откликался на все обращения к нему так легко, с таким чувством и охотой, что этим часто злоупотребляли, часто Мстиславу Александровичу не давали возможности делать собственное дело, мешали тому, что он делал для собственного удовольствия, обращаясь за какой-либо научной помощью, которую он так широко давал своим младшим работникам.

Да и не только по научным вопросам, кто только и по каким только вопросам к нему не обращался...

Если составить такой список лиц — посетителей квартиры Мст. Ал. по научным делам, по Пушкину, по Толстому — не было такого круга населения, который бы не приходил к нему по тому или другому вопросу и которых бы он с охотой не принимал. Многие люди искусства: Козловский хочет петь Ленского — приходит к Мст. Ал., обращается за консультацией, скульптор лепит голову Пушкина — Мст. Ал. охотно едет в мастерскую, смотрит, советует, театр ставит новую постановку — также обращается к Мст. Ал. за консультацией, и так все, и ему до всего было дело. Больше того, казалось, что ему все недостаточно, все ему хочется видеть и хочется за всеми понаблюдать. Я помню, как волновался Мст. Ал., когда переводили на другие языки Пушкина, и он говорил: а вдруг исказят; и как он добивался, чтобы понаблюдать за этим делом, и все-таки этого добился. И на всем этом лежит огромная печать высокой добросовестности.

Я вспоминаю еще один факт: около 1937 года, когда Мст. Ал. прочитал, кажется, в «Вечерней Москве» объявление о том, что какой-то чудак хочет сменить свое имя, отчество и фамилию на Александра Сергеевича Пушкина, я помню, как он волновался и организовал подписной лист с протестом против такого издевательства. Вообще это было смешно, но Мст. Ал. говорил, что в нашей стране не может быть такого факта издевательства над памятью великого поэта, и он добился своего.

Дом Мст. Ал. — это целый научно-исследовательский Институт, с его огромной картотекой, с его старинной библиотекой; обычно его можно было застать дома в его кабинете, где имелось два письменных стола — за одним сидел он, против него сидела Татьяна Григорьевна, и обязательно оба работают над Пушкиным, никогда не было такого случая, чтобы их можно было не застать за этими столами, и наконец, как только соберется несколько человек знакомых — интересные доклады, интересные обсуждения, споры по всем этим вопросам. Конечно, это был настоящий подвижник нашей науки. При этом не только в науке была эта лучистая энергия, она касалась не только чистой науки, не только этих интересов, но мы все знали Мст. Ал., какой это был дружеский человек.

Я скажу два слова о себе. Когда я в первый раз пришел к Мст. Ал. по вызову его, я тогда наукой еще не занимался и мне из Ленинграда сообщили, чтобы я пошел посмотреть какую-то транскрипцию по рукописи Пушкина, и вот я пошел к Мст. Ал. Он как раз был нездоров, и когда я вошел к нему в комнату, то он начал с того, что сказал — я вас знаю; я ему ответил, что не может этого быть, тогда он начал мне рассказывать содержание моей статьи и вступил со мной в научный спор. И затем, когда мне посчастливилось найти много новых вещей, когда я сделал соответствующий доклад, я очень хорошо помню, что говорил

тогда Мст. Ал., как внимательно он отнесся к этому начинающему молодому человеку, и если были у меня какие-то сомнения, выходить ли с этим, то после его речи мне было совершенно ясно: то, что я сделал, это хорошо, а это так много для начинающего, и это у меня осталось воспоминанием на всю жизнь, до самой моей смерти.

Я не говорю, да и не могу говорить о той помощи, уже не морального, а материального порядка, какую Мстислав Александрович и Татьяна Григорьевна оказывали целому ряду лиц, о которой никто не знает, да и не узнает, кроме тех, кому помогали М. А. и Т. Г., которая также не скажет, потому что она соучастница этих дел.

Все мы более или менее знаем Мстислава Александровича, но есть люди, которые не бывали у него, не знали его, и у них не должно сложиться такого впечатления, что это был добродушный человек, такой мягкий непротивленец: наоборот, это был по натуре настоящий боец, страстный спорщик. Как он умел «обижать» людей, когда они делали, по его мнению, не так, как надо, как он умел бросать людей, игнорировать их, не иметь с ними дела после того, как они потеряли его доверие.

Я вспоминаю один рассказ (сам я не был очевидцем этого дела), как он публично, в вестибюле какого-то учреждения отругал своего хорошего знакомого очень резко за то, что ему показался в его словах какой-то налет антисемитизма, и после этого долгое время этот хороший приятель был в опале и с ним не встречался.

У Мстислава Александровича, я думаю, личных врагов не было, я не знаю про них. Враги его — это были враги науки, враги советской культуры, против которых он восставал со всей горячностью.

Хочется мне еще сказать несколько слов о его горячем патриотизме, советском патриотизме. Из всего того, что было сказано о Мстиславе Александровиче, эта черта его характера ясна. Это был не просто человек, влюбленный в детали своей науки, в свое ремесло; основная идея его — это великая гордость за русский народ. Я говорю не общие слова, а каждый из нас много раз слышал все эти разговоры, знает его постоянное восхищение талантливостью русского народа. На эту тему он мог говорить сколько угодно; когда этот вопрос поднимался, Мстислав Александрович начинал говорить страстно, вдохновенно, интересно и увлекательно.

Я вспоминаю его настроение во время войны, его необычайно тяжелое состояние в первые месяцы войны, когда шло наступление немцев, когда положение было таким тяжелым и казалось иной раз беспросветным, как он тогда томился.

Мы тогда работали вместе в Институте мировой литературы, я писал тогда докторскую диссертацию, и однажды он встретил меня и сказал: «Как вы можете в эти дни, в дни, когда мы получили известие о том, что взят Киев, как вы можете писать вашу диссертационную работу?»

Когда он вернулся из эвакуации, я помню, как он переживал эту последнюю стадию войны. Я знаю, как жадно ловил он каждое слово, которое могло рассказать о том, что делается на фронтах войны. Я вспоминаю один факт — у меня был испорчен радиоприемник, и М. А. всякий раз предупреждал меня по телефону, когда Левитан сообщал о том, что будет салют. Я так хорошо помню, с

какой радостью он говорил мне: «С салютцем, Ваше здоровьице!» Такие дни были для него великим праздником.

Я помню и те времена, когда мы собирались, когда он приглашал к себе тех людей, которые могли рассказать сверх того, что мы имели возможность читать...

Я сам приводил к нему человека, приехавшего с фронта; как он его расспрашивал, как он его слушал, видно было, что человек жил и горел фронтом. Больше того, как я подчеркивал, речь идет не просто о патриотизме, а речь идет о советском патриотизме; я помню, когда он вернулся из эвакуации, как он рассказывал о Фархадстрое, о строительстве канала, с какой гордостью он говорил об узбеках, что они там делают и как это все организовано.

Наконец, я не могу не поделиться с вами тем трогательным подарком, который я получил от него после окончания войны. Это листок бумаги, на котором написаны даты возвращения населенных пунктов и городов после немецкой оккупации. Когда он мне это дал, он сказал: я знаю, что вы меня поймете.

Я вам сейчас зачту эту таблицу *(зачитывает)*. Этот листок необычайно характерен для всего облика Мст. Ал. Это простая статистика, но мы все знаем, что за этой каждой цифрой кроется и что она нам говорит, а для него они были такими горящими цифрами. Он постоянно горел и кипел, и не только по своему ремеслу. Я вспоминаю один трагикомический случай, когда он был тяжело болен, когда ему было запрещено волноваться, когда Татьяна Григорьевна не хотела, чтобы он слушал радио, но, как видно, кто-то включил, и вдруг мы сидим и слышим, что заговорило радио что-то такое незначащее, но я не могу забыть его интонации, когда он сказал: «слушайте-слушайте», может быть, это были пустяки, но он всегда с таким кипением ко всем явлениям относился. Я знаю очень немного о нем, Татьяна Григорьевна могла бы больше о нем рассказать, я помню, как он в Ясной Поляне жил и работал, когда он приехал полный энтузиазма, как он разбирал это огромное количество <бумаг>, затем, как в другой раз, во время отдыха в санатории, он увлекся чтением Казановы, и он говорил, что готовит работу о Казанове в России, опять-таки выходя за пределы своей специальности, потому что в жизни все его интересовало. Я помню, как он организовал специальное совещание, чтобы обсудить, что такое Мессинг и что это за явление, потому что ему нужно было это знать, что это за явление. Мы все эти вопросы...

Конечно, все крупнейшие талантливые люди были немного чудаками, и Мстислав Александрович был, конечно, тоже немного чудаком. Это было вызвано, с одной стороны, его горячностью, а с другой стороны, необычайной искренностью, которую он часто не умел сдерживать, а потому он постоянно оказывался в неловком положении — или скажет не то, что нужно, сделает немного не так, как нужно, а потом задним числом спохватится.

Я помню случай, многие его, вероятно, знают, как после больших неприятностей, которые постигли всех пушкинистов в 1937 году, когда мы ходили по всяким инстанциям, чтобы реабилитироваться, мы пришли к одному очень ответственному товарищу, и первые слова, с которыми обратился Мстислав Александрович, были: «Ну вот, я к Вам прихожу, как кучер Ионыч из чеховского рассказа «Тоска» приходит к своей лошади»... *(смех)*

Когда он начал говорить и уже сказал эту фразу, он спохватился, что из этого будет, но продолжал все же говорить. Но, к счастью, товарищ не обратил на

это внимания и это дело не испортило. Таких случаев было немало. Или его обед с академиками, когда Мстислав Александрович наговорил таких вещей, о которых он сам потом, смеясь, чудесным образом рассказывал. Он не принадлежал к числу тех чудаков, о которых рассказывают, он сам рассказывал о таких случаях и умел очень хорошо и живо все это передать и сам посмеяться.

Мстиславом Александровичем написано колоссальное количество работ, отредактировано огромное количество работ, под его руководством вышло громадное количество материалов, о всех них можно было бы говорить, но когда так смотришь, что же в конце концов такого сделано, вернее, что же в его работах имеет такое значение основательное, хотя бы по объему, то я думаю, что нам нужно говорить вот о чем: Мстиславом Александровичем, вместе с Татьяной Григорьевной, создан правильный текст лирических стихотворений Пушкина, которые ими редактировались во всех советских изданиях, выпущено массовое издание, где выверен не только текст, но и варианты.

Ценность этой работы главным образом в том, что ее целиком нужно отнести за счет работы Мстислава Александровича, а также и Татьяны Григорьевны, его постоянной и верной помощницы; здесь отделить это невозможно, говоря о Мстиславе Александровиче, я говорю все время и о Татьяне Григорьевне, мы все это хорошо знаем. Главным образом это касается лицейских тетрадей, где созданы удивительные труды. Теперь мы знаем тот текст, который был у Пушкина к выходу из Лицея. Эта вещь существует. Но Мст. Ал. — единственный, кто собрал и разработал всевозможные материалы, копался в чужих списках стихотворений Пушкина, он этой черновой работой занимался, как и всей остальной, с каким-то вдохновением и отрывался от нее для пересмотра старых списков тех стихотворений, которые не были напечатаны при жизни Пушкина. Если вспомнить о том, что революционные стихотворения Пушкина нам известны только в копии, то станет понятна та огромная работа, которую он проделал по собиранию этих копий.

Им составлена замечательная библиография «Пушкин в печати». Составлен сборник «Печать о Пушкине», составлена летопись о творчестве Пушкина, собраны все написанные рукописи в особую книгу; когда есть угроза, что они не войдут в академическое собрание сочинений Пушкина, единственным для нас источником всех этих биографических мелочей, этих творческих мелочей будет являться эта книга, которая приобретает громадную ценность, и эта книга будет расти с каждым годом по своему значению.

Разработаны тысячи имен, указатель фамилий, спорных комментариев и т. п., составлена история рукописей Пушкина. Этим всем не <исчисляется?> та сторона науки в этой области, и можно говорить о таких работах и достижениях, о которых я мало говорил. Впервые создан подлинный исторический комментарий к лицейским стихотворениям Пушкина. Этой работой было доказано, что лицейские стихотворения Пушкина не явились плодом какого-то подражания Парни, Вольтеру и др.: это живая жизнь лицейской литературы той эпохи, написанная на злобу дня.

И в этих работах Пушкин подражает себе, и за этими внешними литературными образами Мст. Ал. вскрывает лежащее за ними кипение и дыхание живой жизни. Составлена Мстиславом Александровичем работа о революционных сти-

хотворениях Пушкина, о которых я говорил, то же самое — исключительная работа. Затем Пушкин работал над «Словом о полку Игореве», здесь Мст. Алекс. тоже самое проделал большую работу.

Наконец, последняя работа — это «Пушкин и Отечественная война 1812 года». Это все десятая часть того, что он имел, и того, что он давал в своих личных и устных воспоминаниях и лекциях, в речах, остальное все осталось только в нашей памяти и образе Мстислава Александровича — этого человека-патриота, этого настоящего советского человека, этого великого труженика, энтузиаста, ученого, гражданина. Я не хотел многого развивать, потому что трудно об этом говорить, но каждый из нас, знающий Мстислава Александровича, может сказать, что нет такой другой благородной души. Когда знаешь, что бывают на свете такие люди, то кажется, что на свете жить лучше.

Я вспоминаю покойного нашего общего друга Винокура, человека такой же высокой благородной души, как и Мстислав Александрович, как он, прощаясь с Мстиславом Александровичем перед эвакуацией и думая, что больше они не увидятся, сказал замечательные искренние слова, что я всю жизнь буду благодарить судьбу за то, что она дала мне счастье встретиться с таким человеком как вы, Мстислав Александрович.

Мне кажется, что эти слова каждый из нас охотно повторит. *(Аплодисменты)*

Тов. АНДРОНИКОВ

Из огромного числа работ Мстислава Александровича Цявловского, неопубликованных, никому не известных, хотелось бы прочесть очень многое, но все эти работы по своему объему не могут быть оглашены, ибо на это потребовалось бы слишком много времени, и поэтому приходится ограничиться лишь небольшими работами. Три из них представляется возможным прочесть, так как это займет немного времени.

Первая — это статья М. А. Цявловского «Великий поэт и его “редактор”». Статья очень мало известная. *(Зачитывает)*

Теперь я оглашу статью М. А. Цявловского, которая называется «Отголоски рассказа Пушкина в творчестве Гоголя». *(Зачитывает)*

Наконец, последний отрывок из работы М. А. Цявловского, который сегодня будет оглашен, — это небольшая статья, которая называется «Представление «Деревни» Александру I». *(Зачитывает)*

(Аплодисменты)

БОНЧ-БРУЕВИЧ

Позвольте на этом наш вечер считать законченным и поблагодарить всех выступавших здесь на вечере.

КОММЕНТАРИИ

Предлагаемое издание включает материалы чрезвычайно интересной и, как нам представляется, важной части обширного научного наследия М. А. Цявловского и Т. Г. Цявловской (Зенгер) — сочинения, посвященные истории и «текущей практике» пушкиноведения. Основной раздел книги составили «Записки пушкиниста» М. Ц. и научный дневник Цявловских «Вокруг Пушкина». В Приложение включены обзорная статья М. Ц. «Советское пушкиноведение», его дневниковые записи 1924 «Поездка в Михайловское» и доклады о М. О. Гершензоне и Б. Л. Модзалевском как пушкинистах; в дополнение приводится стенограмма выступлений на вечере, посвященном памяти М. Ц. Основная часть материалов публикуется впервые по рукописям из личного собрания К. П. Богаевской и фонда М. Ц. в РГАЛИ (ф. 2558).

С периодической регулярностью М. Ц. начал вести дневники еще в гимназии (записи 1899—1901, делавшиеся с большими перерывами, исполнены юношеской авторефлексии, но постепенно все больше места занимают в них впечатления от книг, а с 1902 — приезда в Москву — и от музыки и театра; см.: РГАЛИ. 2558.2.278); со студенческих лет дневники специализированно разделяются — обосабливаются реестры (с содержательными отметками и иногда краткими характеристиками) прочитанных книг и периодики (в т.ч. помечается, какие издания расписаны для каталога Puschkinian'ы). С начала мировой войны у М. Ц. формируются и тематические дневники. Один связан с событиями военного (и позже — революционного) времени; М. Ц. сам определил его предназначение так: «Второй год, с начала войны, собирался все записывать всякие слухи, циркулирующие в обществе и не попадающие в печать. Пишу для

Исторического музея, где есть отдел войны и куда с благодарностью принимают между прочим всякие рукописи, имеющие отношение к войне» (2558.2.281, запись 4.10.1915). Второй дневниковый комплекс — «московский»; непосредственный импульс к его составлению дали публикаторские занятия М. Ц.: «Занявшись составлением примечаний к «Заметкам о Москве», найденным мною в тетради А. П. Бахрушина (в «Архиве» Истор. музея в Москве), и в связи с этим познакомившись с литературой (довольно скудной если не количеством, то качеством) о Москве, решил, во-первых, заносить свои заметки об этом городе и, во-вторых, вести «Летопись г. Москвы», т. е. записывать наиболее замечательные события в жизни города» (там же, л. 10). К 1916 относится начало «Студенческих воспоминаний» и отделившийся от этого замысла набросок «Мои занятия Пушкиным» — первый подступ к «Запискам пушкиниста»(цитируются нами далее в коммент.). Тогда же М. Ц. составляет список «О ком бы я написал, если бы писал свои воспоминания», включающий 56 имен — писателей, артистов, деятелей науки и культуры, в т.ч. ряда пушкинистов.

Сохранившиеся дневники Т. Ц. начинаются с 1916 (2558.2.815); сначала это краткие поденные записи, развернутый характер они приобретают в дневнике 1926 (2558.2.816, 817), полном культурных впечатлений, фиксирующем события в литературной жизни Москвы (толки вокруг смерти Есенина и Брюсова, лит. диспуты с участием В. Шкловского и М. Булгакова и т. д.). Ср. запись Т. Ц. 15.06.1965: «Вечером Шальман. <...> Евг. Сам. открыл книжные ящики бюро — горы фотографий. Мой дневник 1926 года — *интереснейший*! Читали. Все об искусстве — музыке, поэзии, живописи» (2558.2.821). В 1926 Т. Ц. и ее муж Яков Тёпин постоянно общаются — через Ашукиных — с кругом М. Ц. — Ю. Верховский, Н. Сухотин, А. Соболь, Ю. Соболев, В. Лидин, встречаются с Д. Благим, В. Пястом, Б. Пильняком и др. Уже здесь характерные записи о М. Ц.: «Из всего общества выделяется своей очаровательностью Мстислав, яркий, живой, умный энтузиаст с порывами детскости. <...> Весь вечер он (Мстислав) меня толкал на работу головного характера, убеждает работать в Академии (над словарем художников, кот. мы задумали, в ГАХН'е...). Генеалогия из дворянского предрассудка стала материалом евгеники. Мстислав показал мне таблицы пушкинской родословной и его потомков» (записи 11.02 и 25.10.1926).

С 1930-х в семье Цявловских общие «календари работ» (записи ведут М. Ц. и Т. Ц. попеременно, а в 1936—1941 и секретарь М. Ц. Н. Г. Антокольская) сочетаются с отдельными дневниками поездок (М. Ц. в Ясную Поляну, Т. Ц. в Ленинград и т. п.). Параллельно заполняются тетради «Вокруг Пушкина». Продолжаются и тематические подборки (М. Ц. ведет мартиролог деятелей культуры, в 1946 начинает тетрадь «Потаенное» и т. п.); домашние стараются записывать и собирать устные рассказы М. Ц. в жанре «Table-talk». Во многом все эти многообразные записи переплетаются, дополняя друг друга (многие — но не все — сохранившиеся материалы находятся сейчас в фонде 2558 в РГАЛИ).

Центральное место в предлагаемой книге занимает дневник «Вокруг Пушкина»; как писал Н. Я. Эйдельман в кратком предисловии к журнальной публ. фрагментов из него, — это «дневник особенный: он заведен не для того, чтобы фиксировать летопись семейных событий, но посвящен исключительно главному делу этих людей — <...> изучению жизни и творчества А. С. Пушкина» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 66). Здесь верно подчеркнут исследовательский характер дневника: его записи в меньшей степени призваны бесстрастно фиксировать факты и собы-

тия, но в большей степени направлены на поиск. Органически примыкает к дневнику научная переписка Цявловских с коллегами, в которой они обсуждают открытия и загадки пушкинистики. (Было бы, вероятно, правильным сопроводить записи «Вокруг Пушкина» фрагментами эпистолярия Цявловских, затрагивающего те же темы; такие параллели лишь в качестве немногих примеров даны в нашем комментарии, проделать эту работу в должном объеме — дело будущего.) И «Вокруг Пушкина», и сведения из личной переписки (как и домашние библиотека, картотеки и архив) были открыты для друзей и учеников Цявловских, которые черпали из них сюжеты для научных разысканий, что часто давало замечательные результаты. Можно сказать, что своим «неформальным наставничеством» Т. Ц. передавала эстафету русской пушкинистики первой половины XX в. исследователям, которые входили в науку в 1960-е. Это отдельная интересная тема. Особое место занимает здесь Н. Я. Эйдельман, более других непосредственно разрабатывавший в своих изысканиях сюжеты Цявловских и в какой-то мере сделавший отразившиеся в «Вокруг Пушкина» эвристические подходы своей научной методологией. В последнее же время все заметнее оформляется как популярный жанр «метапушкинистика», высоким образцом которой является пушкинистическое летописание Цявловских.

Составители смотрят на предлагаемое издание не только как на дань памяти двум ученым, но и как на книгу актуальную, способную стимулировать поиски и творчество.

В коммент. приняты традиционные обозначения основных архивохранилищ; при цитировании документов подряд через точку указываются номера фонда, описи (картона), единицы хранения; не указываются номера листов, если дается ссылка на датированные письмо или дневниковую запись. При ссылках на фонд М. Ц. в РГАЛИ название архива опускается.

Используются сокращенные обозначения ряда организаций и учреждений:

ГАХН — Гос. Академия художественных наук.
ГЛМ — Гос. литературный музей.
ИМЛИ — Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького.
МПМ — Музей А. С. Пушкина в Москве.
ОЛРС — Об-во Любителей российской словесности при Московском ун-те.
ПД — Пушкинский Дом Академии Наук.

А также сокращенные обозначения некоторых печатных изданий:

Летописи. Т. 1. — Летописи Гос. литературного музея. Кн. 1: Пушкин / Ред. М. А. Цявловский. М., 1936.
Летопись — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1 (1799—1826) / Сост. М. А. Цявловский. М.: Изд-во АН СССР, 1951; 2-е изд., исправл. и доп. Л.: Наука, 1991.
ЛН — Литературное наследство.
НЛО — Новое литературное обозрение.
ПИЕС — Пушкин и его современники. СПб.—Л., 1902—1930. Вып. 1—39.
ПИМ — Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1956—1995. Т. 1—15.
Пушкин — *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Т. [17] Справочн.
Прометей. Т. 10 — Прометей: Историко-биогр. альманах серии «ЖЗЛ». Т. 10 [Пушкин] / Научн. ред. и сост. Т. Г. Цявловская. М., 1974.
Рассказы о Пушкине — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым / Изд. подготовил М. А. Цявловский. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925 («Записи прошлого»).
Рукою Пушкина — Рукою Пушкина: Несобр. и неопубл. тексты / Изд. подготови-

ли М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935.
Цявловская — *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. 4-е изд. М.: Искусство, 1986.
Цявловский — *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине / Сост., ред., примеч. Т. Г. Цявловской, вступит. ст. С. М. Бонди, отв. ред. Ю. Г. Оксман. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Библиография работ М. Ц. приложена к сб. его статей: Цявловский. С. 409—418. Библиография Т. Ц. опубл. в: ПИМ. 1986. Т. 12; Библиография. 1993. № 2. С. 118—124. Некоторые вышедшие с того времени публ. указаны в наших коммент.; см. также в кн.: Литература о жизни и творчестве А. С. Пушкина: Библиографический указатель (1980—1996). Калининград: Янтарный сказ, 1999.

В заключение считаем приятным долгом поблагодарить всех тех, кто помогал при подготовке книги, особая благодарность — сотрудникам РГАЛИ и Рукописного отдела ИРЛИ РАН за неизменно доброжелательное отношение к нашей работе.

М. А. Цявловский. Записки пушкиниста

Печатается по записи Т. Ц. (личный архив К. П. Богаевской), которую она вела под диктовку М. Ц. в десять приемов с 4.09 по 5.12.1932; текст в девяти школьных тетрадях.

Опубликовано: *Цявловский М.* Записки пушкиниста / Публ., пред. и коммент. К. П. Богаевской // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. М., 1990. Сб. 22. С. 524—550 (с рядом купюр, восстановленных в наст. изд.). Ссылки на коммент. к этой публ. обозначаются ниже как К. Богаевская 1990. Фрагменты опубл. с предисл. и примеч. К. П. Богаевской: Русский язык и литература в киргизской школе. 1987. № 1. С. 53—56; Пушкинский праздник (газ.). 1987, 25 мая — 7 июня. С. 14.

В отдельной тетради Т. Ц. составлено оглавление надиктованной части записок и добавлен список «Намеченные темы для «Записок пушкиниста» (Списала с обложки тетради 2-ой 31 декабря 1947)», кот. включает: «<...> Георгиевского; Поездка в Михайловское (рассказы лакея Федора Михайл.); «Чу, пушки грянули»; Семен Никитич; Je t'aime tant; Пиксанов; Фикельмон; тетр<адь> Бартенева; Бартенев; С. Бобров; Лернер; письма Хитрово; «Се самый Дельвиг тот» (Эфрос, Пиксанов); собр. автографов кн. Голицына; архив Горчакова; Щеголева рассказ о птичке — как он купил, объегорив, восп<оминания> Катенина — как он чужими руками жар загребал (Оксман — о налогах Орлова, Бонди — о римском папе, Мст. — суд<ебная> экспертиза, Рейнбот); вообще о Рейнботе; характеристики Бонди, Оксмана, Томашевского, Беляева, Измайлова, Модзалевского, Лёвы, Каллаша, Лернера, Гершензона, об Адарюкове; Оксман и Краснопольский; Щеголев и Лернер, дуэль несостоявшаяся; рассказ Лернера о письме Пушкина к <Николаю I о> "Гавриилиаде"». В помещенном тут же еще одном списке отмечены 34 имени и ряд тем: «поэт и царь; история прижизненных изданий Пушкина; кружок «Онегина»; «Пиковая дама» в студии Станиславского».

Т. Ц. записала в своем дневнике вскоре после смерти М. Ц.: «31-го <декабря 1947>. Вечером — одна — прочитала «Записки пушкиниста» — очень мало написано, а намечено — бесконечно. Но Славушка так выбивался из душевного равновесия, когда диктовал свои мемуары, что я, дрожа над ним, умоляла его пока больше не диктовать. Это — продиктовано в ноябре 1932 г. — А я помню, что еще диктовал на Никол<иной> горе, т. е. летом 1931 г., а Ася помнит, что еще в 1936 или 38 году тоже Мстислав диктовал мне мемуары. Но они не зарегистрированы. Где их искать?» (2558.2.819, л. 22)

Намерение написать пушкиноведческие записки возникло у М. Ц. еще в годы первой мировой войны. К этому времени (лето 1916?) относится следующий сохранившийся черновой набросок:

Мои занятия Пушкиным

Еще в первые годы (а может быть и в *первый*) моего пребывания в университете решил я серьезно перечесть всех русских классиков. Начал я с Пушкина. Начал I т. акад. изд. и на этом остановился. Прочел статью Анучина в «Рус. вед.<омостях>» о происхождении Пушкина. Потом, просматривая темы работ, предложенные Сакулиным на его семинарии, я остановился на теме «Пушкин в Николаевскую эпоху» и начал читать по этому вопросу и понемножку писать. Тема у меня по обыкновению сузилась, и я собственно начал писать на тему «Пушкин и правительство Николая I». Как раз вышла книга Лемке «Николаевские жандармы». Но тут я был арестован и работа моя прервалась. По возвращении в Москву я опять записался на семинарий Сакулина и взял тему «Байронизм Пушкина». [Стал читать и писать. Начал выписывать все] Предварительно по желанию Сакулина я составил указатель литературы предмета, который П. Н. с кафедры похвалил и прочел вслух. Решил я строго хронологически проследить отношение Пушкина к Байрону и стал делать уже выписки с комментариями, но тут натолкнулся на вопрос, когда Пушкин овладел английским языком. Это и послужило темой моего исследования, которое я представил Сакулину. Эту работу я читал у него на семинарии с кафедры, после чего мне делали кое-какие замечания двое (кажется) из студентов (Сперанский и другой, фамилию не помню). П. Н. же расхвалил меня очень и сказал, что нужно печатать, что он напишет Шахматову и т. д. У Шамбинаго я взял тему «Народность у Пушкина» и написал довольно большую работу, которую он, кажется, не читал (хотя и сказал, что нужно печатать). Работу «П. и англ. яз.» я переработал и летом 1911 г. послал Сакулину в Петер.-<бург>. Только осенью 911 г. он послал ее (уже из Москвы) Шахматову со своим письмом и 29 янв. 912 г. я получил письмо Б. Л. Модзалевского, извещавшее меня, что работа моя пойдет в XIX в<ып>. «Пуш. и его современн.» Лишь в начале декабря я получил корректуры этой статьи.

Темой кандидатского сочинения взял я «Пушк. и Вязем.<ский>» (почему, уж сейчас не помню). Проследил я отношения их лишь до ссылки Пуш. в Мих.<айловское>, попутно остановившись и на Вяземском. Работу эту я отдал Сперанскому, оценив.<шему> ее «весьма», но первой степени я все-таки не получил, так что практического значения она не имела. На экзамене письменном я взял тему «Критика байронизма в поэмах Пушкина», оцененная почему-то Сперанским лишь «удов.» Из этой работы вышла заметка «О датировке стих. Пушк. "К портрету Вяз<емско>го"». С весны 1912 г. я стал заниматься архивом Погодина и сделал выписки о Пушкине из его дневников, часть которых послал Модзалевскому летом 1912 г., от которого получил известие, что они будут напечатаны в XX в. «П. и его совр.»

На пасхе 1912 г. я сделал ряд поправок • (2558. 2. 19).

<1>

С. 33. *Кирпичников* — В неоконченном очерке «Из студенческих воспоминаний» (2558. 2 281, л. 16—21 об.), начатом М. Ц. в Муратово Рязанской губ. 19.07.1916, перечисляя университетских лекторов, М. Ц. пишет и о курсе А. И. Кирпичникова: «Кирпичников А. И. читал в новом здании специальный курс о Пушкине. Я тогда был к нему еще равнодушен, а потому и был всего раз или два на этих лекциях. Помню, что, давая характеристику Сергея Львовича, Кирпичников говорил, что С. Л. до конца жизни Надежды Осиповны курил от нее потихоньку. Откуда это взял Кирпичников, до сих пор не могу доискаться. <...> К лекциям Кирпичников видимо мало или совсем не готовился и говорил, что вспомнит, часто превращая лекцию в какие-то воспоминания. В общем этот старый профессор оставил после себя довольно хорошие воспоминания» (л. 21 об.).

Работы Кирпичникова о Пушкине см. в его «Очерках по истории новой рус. литературы» (Изд. 2-е, доп. М., 1903. Т. 2); см. также: Пушкинский сб. Статьи студен-

тов имп. Московского университета / Под ред. проф. А. И. Кирпичникова. М., 1900.

Меня арестовывают — В автобиографии М. Ц. вспоминал: «В связи с делом об убийстве соц.-революционером, моим двоюродным братом, С. Н. Ильинским в Твери гр. А. П. Игнатьева, я был в декабре 1906 г. арестован. С. Н. Ильинский жил со мной в одной квартире, откуда и выехал в Тверь. Я знал, что Сережа член боевой организации, но, конечно, как социал-демократ, к убийству Игнатьева не имел никакого отношения. Тем не менее охранка арестовала меня как социалиста-революционера. Отсидев шесть месяцев в московских «полицейских домах», я был выслан в Вологду, где пробыл тоже полгода» (цит. в: М. А. Цявловский — член РСДРП (Воспоминания о встрече с В. И. Лениным) / Публ. А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 142—143; там же см. сводку данных об участии М. Ц. в работе московского подполья РСДРП в 1903—1906; см. также коммент. К. Богаевской 1990); подробно историю его ареста и суда вспоминает сестра М. Ц. В. А. Тихомирова (РГАЛИ. 1386.2.75). Щеголев, Луначарский и Бердяев покинули Вологду значительно ранее: в 1902—1903.

«Байронизм Пушкина» — Неполный черновой текст этой и других студенческих работ М. Ц. по Пушкину сохранился в его архиве (2558.2.1—8; здесь же (ед.хр. 9—11) текст и мат-лы магистерской работы «Кн. П. А. Вяземский и его отношения к Пушкину (до ссылки Пушкина в с. Михайловское)», о кот. см.: НЛО. 1996. № 20. С. 404—406).

«Пушкин и английский язык» — Вместе с заметкой «О датировке стихотворения "К портрету князя П. А. Вяземского"» вошло в публ. М. Ц. «Заметки о Пушкине» (ПИЕС. 1914. Вып. 17—18). В рецензии на сборник Н. О. Лернер указал на пропущенное М. Ц. свидетельство М. В. Юзефовича (Воспоминание о Пушкине // РА. 1880. Кн. 3) о том, что ко времени своего путешествия в Арзрум Пушкин «выучился по-английски самоучкой» настолько хорошо, что мог «безукоризненно» понимать и переводить Шекспира; при этом поэт совсем не владел английским произношением, читая «английскую грамоту, как латинскую» (о выводах М. Ц. еще до личного знакомства с ним со слов Б. Л. Модзалевского 27.09.1910 писал Лернеру М. О. Гершензон: «...любопытно: он доказывает, что Пушкин выучился по-англ. только в 1828 г., — значит, до того, в свой байронический период, читал Байрона по-французски»; РГАЛИ. 300.1.119). В число дополнительных примеч. к своей монографии «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунский включил экскурс «Пушкин и английский язык», построенный в основном на приводимых М. Ц. материалах. Здесь Жирмунский настаивал на том, что Пушкин, немного занимавшись английским языком еще в детстве, в 1820 «приступил к чтению Байрона на англ. яз. совместно с Н. Раевским» (*Жирмунский В.* Байрон и Пушкин. Из истории романтич. поэмы. Л.: Academia, 1924. С. 326—327). В заметке «Пушкин и Кольридж» Н. Яковлев, разбирая аргументы Жирмунского, резюмировал: «...сгруппированные им данные не позволяют думать более того, что Пушкин на юге мог читать Байрона в подлиннике лишь с помощью Раевских, а сам должен был пользоваться лишь французским переводом». Из *«двух поправок»* Яковлева к работе М. Ц. наиболее существенная касается вопроса о происхождении заглавия пушкинского собрания анекдотов и заметок «Table-Talk». Если М. Ц. возводил его к книге В. Хэзлитта, то Яковлев связывал его с двухтомным изданием Кольриджа «Specimens of the Table-Talk» (Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. [Л.:] ГИЗ, 1926. С. 371).

С. 33. *М. О. Гершензону* принадлежит кн. «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908); специально теме общения

Чаадаева и Пушкина посвящена статья Гершензона в сочинениях Пушкина в серии «Библиотека великих писателей» (Пг., 1915. Т. 6. С. 258—265). — Вопрос М. Ц. был связан прежде всего с тем из многих устных свидетельств Чаадаева, приводимых П. И. Бартеневым, в кот. речь идет об интересе Пушкина к Байрону еще до ссылки на юг в 1820 (см.: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 170—171).

<2>

В построенной на материалах архива М. П. Погодина (ныне РГБ. Ф. 231) хронике Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1910. Т. 1—22) многочисленные извлечения из дневников и эпистолярия приводятся порой без точных отсылок и даже в вольном пересказе (ср. слова М. Ц. в письме к Н. О. Лернеру 6.02.1914: «...о Барсукове у меня в предисловии <...> сказано кратко и мягко: на самом деле он делал недопустимые (с современной точки зрения) вещи в передаче текста писем и дневников — сравните текст, даваемый мною, с его текстом...»; РГАЛИ. 300.1.359; ср. характеристику М. Ц. в 1934: «Как с текстом дневников Погодина, так и с письмами к нему Барсуков обращался очень своеобразно, не приводя сплошь и рядом дат писем, соединяя, с одной стороны, в одно целое и заключая в одни кавычки ряд отдельных мест из одного, а иногда и из нескольких писем, с другой — разнося текст одного письма по разным местам своей биографии, порой исправляя стиль, порой неверно читая»; ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 678). Собранные материалы о Пушкине в погодинских бумагах были оформлены М. Ц. в публ.: Пушкин по документам Погодинского архива. Дневник М. П. Погодина // ПИЕС. 1914. Вып. 19—20; 1916. Вып. 23—24; Пушкин по документам архива М. П. Погодина // ЛН. Т. 16—18; Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина // Звенья. 1936. Т. 6; Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» Анненкова // ЛН. 1952. Т. 58 и др. — Первую порцию выписок из дневников Погодина М. Ц. выслал Б. Л. Модзалевскому 24.06.1912 (см. отзыв Модзалевского в письме Гершензону 28.11.1912: «Приветствуйте Цявловского; он славно начал работать; его одна статья (из 2-х заметок) уже в типографии, а 2-я (из погодинских дневников извлечение) ждет очереди»; РГБ. 746.37.46). Тогда в его планы входил просмотр дневников и переписки Погодина не только за 1820-е—1837, но и за последующие годы, вплоть до 1875. При подготовке публ. М. Ц. отчасти согласился с редакторскими замечаниями Модзалевского. «Посылаю Вам корректуру, — писал М. Ц. 29.11.1913. — По Вашему совету выбросил малые скобки при запятых, но при кавычках, выделяющих слова Пушкина, я все-таки скобки оставил» (ИРЛИ. Фонд Модзалевского).

<3>

В данном фрагменте речь идет об изданиях: *Синявский Н.* и *Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. М.: Л. Бухгейм, 1914; *Цявловский М.* Два автографа Пушкина. 1. Автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне». 2. Народная песня «Как у нас было на улице, у нас на широкой», записанная Пушкиным. М.: Л. Бухгейм, 1914. С издателем их Бухгеймом (до второй пол. 1920-х жил на Покровке, Введенский пер., дом 28) у М. Ц. (а позднее и у Т. Ц.) установились близкие дружеские отношения. 25.04.1921 М. Ц. признавался в письме к Бухгейму: «Вы один из немногих моих знакомых, с которыми так хорошо говорится» (РГБ. 663.2.44); со своей стороны Бухгейм считал знакомство с М. Ц. одним из наиболее знаменательных событий в жизни, памятны и дороги ему были и сами обстоятельства и повод начала их отношений;

16.12.1927 Бухгейм писал: «Вообще за последнее время я все больше и больше увлекаюсь Вами <...> Горжусь тем, что *я* издал Ваш первый печатный труд». «В 1939 г. 25 лет, как покойный Гершензон нас сосватал!!!» — напоминал он в письме 29.04.1938 (ИРЛИ. 387.101). Бухгейм также издал сб. со своими комментариями «Письма... к библиографу С. И. Пономареву» (1915), «Сочинения» библиографа и историка лит-ры М. Н. Лонгинова (1915, только т. 1). Бухгейму и в 1920—1930-е доводилось помогать М. Ц. библиографическими указаниями, предоставлять редкие материалы. «Бухгейм боготворил Цявловского и, бывая у него, всегда с восхищением слушал рассказы последнего, не сводя с него обожающих глаз (зато собеседнику приходилось кричать, чтобы глухой Бухгейм его услышал). Библиотеку свою в 10 000 томов Бухгейм передал в Гос. Исторический музей в 1919, а архив его поступил в Пушкинский Дом (ф. 611) [и РГБ, ф. 663]» (К. Богаевская 1990). См. в связи с лит. интересами Бухгейма публ. писем Б. Л. Модзалевского к нему в кн.: Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л. , 1982.

Очень непросто сложились отношения М. Ц. с Н. О. Лернером. Их тоже отчасти «сосватал» Гершензон: именно он осенью 1910 сообщил Лернеру о «молодом пушкинисте», кот. скрупулезно собирает дополнения и уточнения к «Трудам и дням Пушкина» Лернера (РГАЛИ. 300.1.119, л. 64—66). Краткий период интенсивной переписки М. Ц. с Лернером относится к первой пол. 1914. 6.02 М. Ц. признавался: «Я к Вам собирался написать не менее семи лет, так как, занимаясь Пушкиным и стараясь прочесть все, что Вы пишете о Пушкине, имел к Вам много вопросов». И тут же: «На первом месте из писавших о Пушкине стоите, конечно, Вы...» (РГАЛИ. 300.1.359). Причиной к разрыву отношений стала придирчивая рецензия Лернера на «Пушкина в печати» (Речь. 1914. № 141, 26.05; набросок ответа М. Ц. Лернеру см.: 2558.2.17), о кот. подробно рассказывает М. Ц., и отказ Лернера предоставить срочно необходимые для работы М. Ц. гранки примечаний Лернера к готовившемуся шестому тому сочинений Пушкина (сам М. Ц. безотказно высылал Лернеру все запрашиваемые издания и свои копии архивных материалов). Гершензон в этом конфликте безоговорочно стал на сторону М. Ц. 30.11.1914 он прервал тесные многолетние отношения с Лернером: «Мне трудно Вам писать, потому что Ваш поступок по отношению к М. А. Цявловскому произвел на меня очень тяжелое впечатление. Разумеется, я Вам не судья; возможно также, что я ошибаюсь в своем суждении, но не могу освободиться от тягостного чувства» (РНБ. 430.1.150). В ответ на это письмо Лернер попытался объяснить свою позицию: «Вы меня очень обяжете, Михаил Осипович, если сообщите, в чем состоит мой «проступок по отношению к М. А. Цявловскому». Что я сделал дурного? Вижу, что он Вам жаловался, но я не мог исполнить его желание. Конечно, я не должен думать о нем дурно, но с какой стати стану я оказывать доверие человеку, которого лично не знаю? Он был добр и любезен, списав для меня несколько писем Веневитинова (из погодинс<ких> бумаг), и я старался не оставаться в долгу и охотно наводил для него литерат. справки, о которых он просил. Но дать ему «чистые листы» моих еще не появившихся примеч. к стихам Пушкина я не мог. Я уже однажды горько поплатился за подобную доверчивость. За исключением этого случая, после чего Ц., видимо рассердившись, перестал мне писать, наши с ним отношения были, хотя не близкие, но добрые, и я рад их поддерживать всегда. Только теперь, благодаря Вам, я узнаю, что Ц. действительно на меня гневается. Вы хорошо сделаете, если объясните ему (и сами поймете!), что тут сердиться не на

что. Можете показать ему это письмо. Для того, чтобы смягчить свой отказ, я сослался на права *издателя*, но согласитесь, что и в этом есть своя доля правды. Должно быть, в самом деле литератор литератору волк. Но когда начинает показывать зубы Михаил Осипович, не знаешь, что уж и подумать, чего ожидать. Вы еще прибавляете: «я Вам не судья...» «Не судья», а осуждаете, даже писать мне Вам противно. Бог с Вами, только Вы не правы <...>» (РГБ. 746.36.28, л. 59). Общение Гершензона и М. Ц. с Лернером возобновилось лишь в 20-е и носило чисто деловой характер. При всей натянутости отношений, существовавшей у Лернера с коллегами по цеху, они отдавали ему должное как большому знатоку и патриарху пушкинистики; в письме от 12.10.1934 Б. В. Томашевский характеризует М. Ц. как «кадрового пушкиниста, возглавляющего пушкинизм на земле, и после смерти Лернера пушкинистского старосту» (ИРЛИ. 387.306).

Что касается рецензий Лернера на первые две книги М. Ц., то они действительно отличались грубовато-язвительным тоном (бывшим, впрочем, «фирменным стилем» Лернера-рецензента). Вторая рецензия также заканчивалась упреком в дороговизне книги: «Брошюрка издана очень мило, но рубль за один лист — смехотворная цена» (Северные записки. 1914. Июнь. С. 194. Впрочем, самому Лернеру тратиться не пришлось: книга была подарена ему М. Ц. 23.05.1914, см. экз. с дарственной надписью и маргиналиями Лернера: РНБ. 440.259). В этой рец. Лернер подверг решительной критике гипотезу М. Ц. об адресате стих. «Не пой, красавица, при мне». «Впоследствии М. Цявловский, — сообщает И. Р. Эйгес, — отказался от своего построения и только не имел случая высказать это в печати: вместо А. Олениной им выдвигается теперь Зинаида Волконская <...> Заметим, кстати, что, считая ненужными рассуждения М. Цявловского о датировке стихотворения, Лернер обнаруживает, что сам он не принял во внимание того, что стихотворение имеет две даты, из которых нужно выбрать одну как правильную, что и установил М. Цявловский» (*Эйгес И. Р.* Пушкин и композитор Глинка // Московский пушкинист. II. М., 1930. С. 213—214). В целом отрицательным был и отклик Лернера на 1-й сб. «Московского пушкиниста» (Красная газета. Веч. вып. 1927, 1 марта. № 57).

Другие рецензенты (П. Н. Сакулин, Н. К. Пиксанов, В. Я. Брюсов) были более сочувственны и признавали кн. «Пушкин в печати» этапной в «пушкинизме». Пиксанов писал: «Это летопись печатных трудов Пушкина, составленная с замечательным трудолюбием и исчерпывающим знанием предмета; она важна не только для внешней биографии поэта, не только для истории его творчества, но и для всей его литературной эпохи» (Библиотекарь. 1915. Вып. 3—4. С. 351). При этом ими отмечались и отдельные неточности и ошибки; библиограф У. Г. Иваск солидаризировался с Лернером и в ряде общих замечаний: «Есть в книге и кое-что лишнее. Особенно режет глаза чрезмерная подробность при передаче цензурных дозволений, производящая почти курьезное впечатление <...> все эти не идущие к делу сведения занимают в книге немало места в виде совершенно ненужного балласта» (Библиограф. известия. 1914. № 1—2. С. 145). Высокую оценку книге дал Брюсов: «Обдуманная систематичность в расположении материала, простота и точность указаний, хорошие указатели <...> — все делает ее необходимым справочником для всех, изучающих творчество Пушкина. Гг. Синявским и Цявловским введен в научный обиход целый ряд новых данных, значительно пополняющих и исправляющих сведения, даваемые книгой Н. Лернера («Труды и дни А. С. Пушкина») и всеми предыдущими издате-

лями Пушкина» (Русская мысль. 1914. Июль. С. 258). В библиотеке Брюсова сохранились 4 книги и оттиска работ М. Ц. с дарственными надписями; на вечере к 50-летию поэта М. Ц. выступил с докладом «Брюсов-пушкинист» (Валерию Брюсову. 1873—1923. М., 1924; ср.: 2558.2.224, л. 73—96).

С. 37. *«Труды и дни Пушкина»* — Выходили двумя изд.: М.: Скорпион, 1903 и в существенно расширенном виде: СПб.: изд. Академии Наук, 1910. Писавшаяся М. Ц. рец. на 2-е изд. («огромная статья» — см. письма Гершензона Лернеру 27.09, 15.10.1910: РГАЛИ. 300.1.19) не была опубл. Работу по дополнению своего труда Лернер не прекращал всю жизнь. В 1926 он (через Л. П. Гроссмана, см. письма Лернера к нему: РГАЛИ. 1386.1.98, 1386.2.312) хлопотал о 3-м изд. в ГАХН, где встретил поддержку М. Ц. (17.04.1926 Лернер писал Гроссману: «Умилило меня отношение Цявловского к моему предложению. Я впрочем ничего иного от него и не ждал. Он человек умный и справедливый и не обращает внимания на сердитые рецензии»; 1386.1.98), однако изд. не состоялось, как и намечавшееся в 1928 в Ленинграде «с помощью Пушкинского дома» (там же, письмо 22.11.1928). Все же Лернером был заключен договор с Госиздатом (как и на не написанную им биографию Пушкина), позднее переоформленный с изд-вом «Academia», но и тут книга не вышла (во многом по вине самого Лернера; см. его переписку с изд-вом в 1932, 1933: РНБ. 430.121, 134). Точную оценку ситуации дал Ю. Г. Оксман в неопубл. очерке о Лернере. Описывая то материально и морально ужасное положение асоциального маргинала, в кот. оказался Лернер в 1920-е — нач. 1930-х, Оксман замечает: «Спасти положение, определить выход из тупика... могло бы только новое издание «Трудов и дней Пушкина», фактический материал которого стоял бы на уровне необычайно остро наметившихся потребностей советского пушкиноведения в систематизированном справочнике, самый тип которого был столь блестяще угадан и установлен Н. О. Лернером четверть века назад.

Сам Н. О. Лернер не раз утверждал, что это новое, третье издание его книги давно уже им подготовлено к печати. Он указывал при этом на исчерканный сотнями вставок, исправлений и уточнений как в самом тексте книги, так и на бесчисленных клочках бумаги старый печатный экземпляр «Трудов и дней», которым и сам он, видимо, давно уже не мог пользоваться — до того этот фолиант был неудобочитаем. Однако, исправленное и дополненное издание «Трудов и дней», т. е. чисто механическая его доработка, не могло бы уже удовлетворить ни возросших требований той специальной аудитории, для которой справочник предназначался, ни самого его составителя. Книга нуждалась не в доработке, а в коренной перестройке, а для такой перестройки Н. О. Лернер не располагал ни необходимой для нее архивной и текстологической выучкой, ни привычкой к систематическому целеустремленному труду, без которого был бы невозможен пересмотр в Москве и Ленинграде хотя бы самых основных фондов пушкинских рукописей. Книга под разными предлогами отодвигалась с года на год. Сперва Н. О. Лернер не соглашался на те материальные условия, которые ему предлагались, затем не соглашался со сроками сдачи материала, которые обусловливались в договорах, а когда, наконец, и эти трудности были преодолены при передаче прав на третье издание «Трудов и дней» из Госиздата в изд. «Academia», Н. О. Лернер рукописи своей в печать не сдал уже без всяких мотивировок. Он и на этот раз оказался более строгим судьей своей работы, чем все его меценаты и критики. Третье издание «Трудов и дней» в свет не вышло»

(РГАЛИ. 2567.1.82, л. 34—35). После смерти Лернера вопрос о переиздании «Трудов и дней» вновь встал в связи с приближением пушкинского «юбилея» 1937. Сохранилась записка, подготовленная по этому поводу М. Ц. в 1936:

«В советской пушкиниане давно ощущается большой пробел. Замечательная для своего времени работа покойного пушкиниста Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», вышедшая в свет вторым изданием в 1910 году, в настоящее время сильно устарела. Накопившиеся в литературе о Пушкине за истекшие 26 лет разного рода материалы дают сотни новых дат жизни и творчества поэта. Особенностью книги Лернера является то обстоятельство, что он извлекал даты только из печатных источников. Исследование рукописей Пушкина несколькими специалистами-текстологами установило и устанавливает хронологию произведений и разного рода писаний Пушкина, существенным образом меняющую картину, которую дает книга Лернера. В этой части покойный ученый опирался преимущественно на чрезвычайно устарелую работу В. Е. Якушкина 1884 года. Дат выхода в свет книг Пушкина и его публикаций в журналах, альманахах и газетах почти нет в «Трудах и днях» Лернера. Также нет в его книге и дат выхода в свет хотя бы главнейших статей о Пушкине и его произведениях, появившихся при его жизни. Мемуарная литература о Пушкине за ничтожными исключениями не введена в названную книгу, т. е. не проделана большая и сложная работа по хронологизации мемуаров о Пушкине. Наряду с этим факты жизни и творчества Пушкина в книге Лернера взяты изолированно; в ней отсутствуют даты даже крупнейших общественно-политических событий того времени. По имеющимся сведениям, Н. О. Лернер со времени выхода своей книги продолжал вплоть до своей смерти работу по собиранию материалов, дополняющих имеющиеся в книге данные, но при ближайшем ознакомлении с его дополнениями, оставшимися в рукописи, выяснилось, что, во-первых, работа по дополнению книги новыми материалами носит лишь черновой, недоработанный вид и требует большого, кропотливого труда для своего завершения и, во-вторых, все дополнительные материалы собирались Лернером в прежнем плане и прежними методами работы, т. е. в дополнения не введены все нами выше перечисленные категории дат.

Все это вместе взятое приводит к заключению, что переиздание труда Н. О. Лернера с введением собранных им материалов в настоящее время не удовлетворит требований, предъявляемых теперь к такого рода работам, и несомненно встретит справедливую суровую критику не только специалистов-пушкинистов, но и всех интересующихся жизнью и творчеством поэта.

Для осуществления «Летописи жизни и творчества Пушкина» необходимо совершенно заново организовать большие работы по подготовке ее к печати, для чего следует привлечь коллектив специалистов, распределив между ними отдельные темы книги и поручив им разработку ряда научно-исследовательских проблем биографии Пушкина. Возглавлять этот коллектив и организовать всю работу по систематическому пересмотру всей печатной и рукописной литературы о Пушкине и его эпохе должна специальная редакционная коллегия. Для осуществления этой грандиозной задачи потребуется несколько лет напряженной работы всего коллектива в целом. Все же дополнения Лернера могут быть использованы для работы в качестве контрольного материала, причем имя Лернера должно быть сохранено как имя основоположника работы наряду с именами всех участников работы» (2558.2.128, л. 31—32).

Безрезультатно пытались ходатайствовать о новом изд. «Трудов и дней Пушкина» в 1960—1962 дочь Лернера Ариадна Николаевна. По хранившемуся у нее экз. с авторскими уточнениями и прилож. новых мат-лов три небольших «этюда» и ряд дополнений к «Летописи» М. Ц. по поручению ПД подготовил к печати в 1962 М. И. Гиллельсон (ПИМ. 1962. Т. 4). Сейчас этот экз. — в фонде Лернера в РНБ.

<4>

Личное знакомство с Б. Л. Модзалевским укрепилось в приезд М. Ц. в Петроград в мае 1915 (ср. в письме Модзалевского

Гершензону 5.05.1915: «Очень буду рад повидаться с Цявловским, которому весьма симпатизирую»; РГБ. 746.37.46). Об их отношениях см. ст. М. Ц. «Б. Л. Модзалевский» в наст. изд. и примеч. к ней.

С. 39. *с большим альбомом автографов Батюшковой* — Вдова П. Н. Батюшкова (брата поэта) подарила в Публ. биб-ку в 1892 семейный альбом с ценным собр. автографов рус. писателей (его описание: Отчет ИПБ за 1892 г. СПб., 1895. С. 209—215), в т.ч. Пушкина (о его судьбе см.: Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968. С. 6—9).

большая работа о псевдопушкиниане — Ее публикацию М. Ц. анонсировал еще в 1914 в предисл. к кн. «Пушкин в печати» (к ней был приложен список ошибочно приписанных Пушкину стихотв., опубл. при его жизни), он выступал с докладами «Псевдопушкиниана» 28.11.1915 в Обществе истории литературы, «Рукописный Пушкин» в Рус. Обществе друзей книги (см.: Пушкин. Сб. первый. М., 1924. С. 319, 321), «Из разысканий в области стихотворений, приписываемых Пушкину» 15.02.1924 в лит. секции ГАХН. Собранный М. Ц. материал, учитывающий более 300 текстов псевдопушкинианы, после смерти Т. Ц. был передан К. П. Богаевской в Пушкинский Дом (ср.: *Дубровский А. В.* Прижизненная псевдопушкиниана // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27).

<5>

С. 40. В статье «*Тоска по чужбине у Пушкина*» (Голос минувшего. 1916. № 1) М. Ц. впервые опубликовал черновик прошения Н. О. Пушкиной Александру I от 6.05.1825 о разрешении Пушкину выехать из Михайловского в Ригу «или какой-нибудь другой город» для лечения. Черновик находился в тетради писем Пушкина брату Льву, хранившихся после смерти последнего у С. А. Соболевского, кот. предоставил их для напечатания в «Библиографических записках» (1858. Т. 1); в предисловии к этой публикации говорилось и о приложенном к подборке письме Н. О. Пушкиной. Неупоминанием об этом факте М. Ц. язвительно попрекнул в своем отклике на его статью Лернер, заметивший по существу дела следующее: «...самая тоска Пушкина автором не анализирована и даже не прослежена с достаточной внешней полнотою. Автор не умел отделить существенного от несущественного <...>. Не знает автор некоторых интересных фактов <...>. По поводу стран, которые мечтал посетить поэт, автору «интересно отметить, что Пушкин не намеревается ехать в Германию; Франция, Италия, Англия — вот куда стремится поэт». В этом невинном замечании мы, признаться, видим нечто присущее злобе дня сего, а в г. Цявловском своеобразную «жертву эпохи». О том, почему Пушкин не стремился в Германию, следовало бы подумать <...> Пушкина не тянуло в Германию <...> в силу духовной чуждости, которая, скажем без околичностей, составляла несомненный пробел в психической организации поэта и его образовании» (Журнал журналов. 1916. № 14. С. 14).

Черновик письма к Александру I из так. наз. «второй масонской тетради» М. Ц. правильно соотнес не с пушкинскими планами рубежа мая-июня 1825 (как делалось ранее), а с настроениями поэта более позднего времени (осени 1825; в последующем эта датировка уточнялась). В словах письма «ou d'assassiner V» М. Ц. предлагал читать «V» как «Vous» (т. е. «или убить Вас»); по поводу этого толкования см. примеч. Б. Л. Модзалевского (*Пушкин.* Письма. М.; Л., 1926. Т. I. С.524—525) и Т. Ц. (Летопись 1991. С. 680).

считал каждую копейку — Ср. описание ставшей органичной частью характера бережливости Гершензона в очерке В. Ф. Ходасевича (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 100—101).

С. 41. Работа М. Ц. *«Эпигоны декабристов.* (Дело о распространении «зловредных» сочинений среди студентов Харьковского университета в 1827 г.)» появилась в № 7—8 «Голоса минувшего» за 1917; вообще М. Ц. активно сотрудничал в журнале вплоть до его прекращения и поместил в нем в 1916—1923 более полутора десятка заметок и публикаций; в 1923 он стал и его редактором.

В связи с темой *«денационализации»* рукописей и книг ср. позднейший замысел М. Ц. цикла заметок под заглавием «То, о чем молчат» («начато 14 мая 1947 г.»), из кот. сохранилась первая запись:

«Что собирательство, коллекционерство сплошь и рядом переходит в воровство, факт общеизвестный. Блестяще подтверждают справедливость этого положения мои знакомые, преимущественно москвичи.

На первое место среди таких собирателей, пожалуй, нужно поставить милейшего Ивана Никаноровича Розанова. Не один десяток лет служил он библиотекарем в Историческом Музее. Библиотека Музея, представлявшая собою соединение, если не ошибаюсь, шестнадцати библиотек частных собирателей, по части редких книг была богаче Румянцевского Музея, причем часто большие редкости имелись в нескольких экземплярах. Все это предоставляло библиотекарю, над которым в сущности не было никакого контроля, огромные возможности для всякого рода операций, что, я убежден, и проделывал Иван Никанорович. Собрал он библиотеку изумительную, единственную в своем роде. Специальность этого богатейшего собрания — русская поэзия. Трудно назвать сборник стихотворений не только первостепенных и второстепенных, но и третьестепенных русских поэтов, которого не было бы в библиотеке И. Н. Розанова. Прямых доказательств, что свою библиотеку Иван Никанорович составил из книг библиотеки Исторического Музея, у меня нет, но вот какие имею косвенные. Покойный Лев Эдуардович Бухгейм, человек кристальной чистоты, высказывал мне неоднократно предположение, что И. Н. Розанов именно таким путем собирает свою библиотеку. Правда, и Лев Эдуардович, помнится, никаких прямых улик не приводил. Во-вторых, общеизвестно среди московских собирателей, что Иван Никанорович никогда не покупал у букинистов редких книг. Откуда же, спрашивается, у него такое собрание? Я убежден, что если бы произвести в лаборатории судебной экспертизы МУР'а соответствующие исследования, то на подавляющем большинстве книг библиотеки И. Н. Розанова оказались бы следы штампов библиотеки Исторического Музея. Но возможно, что никаких следов штампов и не обнаружится, так как книги Иваном Никаноровичем отбирались для себя до того, как их при поступлении в библиотеку Исторического Музея штемпелевали» (Собрание К. П. Богаевской).

Того же мнения об источниках пополнения библиотеки И. Н. Розанова был, например, и В. В. Виноградов (см.: *Чудаков А. П.* Учусь у Виноградова // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 836—837).

В напечатанной в № 2 *«Голоса минувшего»* за 1917 *рецензии* «Дневник Вульфа. Дуэль Пушкина. (Из новых книг о Пушкине)» М. Ц. откликнулся на два монографических тома ПИЕС: подготовленную М. Л. Гофманом публ. дневника А. Н. Вульфа 1828—1831 с прилож. ряда других документов из «Вревского архива» (1915; вып. 21—22) и исследование П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1916; вып. 25—27).

Л. Н. Майков опубл. с сокращениями дневники Вульфа за 1827, 1832—1836 и 1842 в «Русской старине» (1899. № 3, 4; вошло в его кн.: Пушкин. Биографические материалы и историко-лит. очерки. СПб., 1899). Обнаруженная Гофманом часть дневников представляет особенный

интерес по подробным описаниям жизни близкого пушкинского окружения. Непривычная откровенность рассказа произвела в ученом мире сильное впечатление. М. Ц. сообщал М. О. Гершензону по прочтении книги: «Вчера взял у М. Н. Сперанского дневник Вульфа. Сегодня весь день нахожусь под впечатлением прочитанного — это Бог, или вернее чорт знает что такое. Я не знаю, как писать об этом фрукте (Вульфе) — он почти сплошь нецензурен. Он запачкал в моих глазах Пушкина, и я сегодня весь день мою Пушкина, но, увы, кажется, отмыть нельзя. Почему Вы недовольны примечаниями Гофмана? Они только чересчур громоздки, вроде Барсуковских...» (РГБ. 746.43.17, л. 3; ср. реакцию Гершензона: «Холодный разврат, вскрывшийся в них <дневниках> (не ради самого Вульфа, а ради участия в нем Пушкина), буквально терзал его, и недели он ходил, как больной»; *Герцык Е. К.* Воспоминания. Paris, 1973. С. 160). Впрочем, то описание эпизода во время зимней прогулки в Красный кабачок, о кот. М. Ц. говорит как о фрагменте, кот. «никогда не будет опубликован», вошло в публ. Гофмана лишь с небольшой купюрой (восстановленной полностью в новейшем издании: Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827—1842 годов. Тверь, 1999. С. 75; ср.: ПИЕС. Вып. 21—22. С. 55—56).

М. Гофман в 1905 окончил 1-й Петербургский кадетский корпус, отец его служил начальником имп. Военно-походной канцелярии. Об упоминаемой М. Ц. неопубликованной статье Н. К. Козмина см. «Вокруг Пушкина», 19.01.1932 и коммент.

Об отношениях с Б. Л. Модзалевским и начале своих занятий Пушкиным Гофман вспоминал много лет спустя: «Я познакомился с Модзалевским, когда был еще кадетом шестого класса, а он был заведующим архивом Академии Наук и уже тогда мечтал о создании лучшего и самого достойного памятника Пушкину — Пушкинского Дома. Несмотря на большую разницу лет (он был на 13 лет старше меня) я тотчас подружился с ним. Модзалевский всячески поддерживал меня на избранном мною литературном пути и, конечно, ему одному я обязан тем, что Академия Наук предложила мне редактировать сочинения сперва Боратынского в 1911 г., а потом и Пушкина (позже, когда он меня признал настоящим пушкинистом, он уступил мне свое место секретаря комиссии по изданию сочинений Пушкина). <...> С первых же моих визитов в архив Академии Наук Модзалевский стал воспитывать меня как пушкиниста и привлек к участию в будущем Пушкинском Доме. Должен сказать, что я во многих отношениях поступал как Модзалевский и пользовался его приемами обхаживания тех, кто мог что-нибудь пожертвовать Пушкинскому Дому. Так, в 1903 году Модзалевский ездил в село Тригорское и привез оттуда описание Тригорской библиотеки, а через несколько лет я постоянно ездил в Тригорское и Голубово. В это время я завязал тесные отношения со старой баронессой С. Б. Вревской и молодой баронессой Светланой Николаевной Вревской и постоянно привозил оттуда различные пушкинские реликвии; так я достал у них в дар Пушкинскому Дому уже не описание Тригорской библиотеки, а самое Тригорскую библиотеку и много рукописей Пушкина: привез я между прочим и интереснейший дневник А. Н. Вульфа <...>. Достал я и переписку друзей Пушкина — Вульфов-Вревских. До сих пор не могу себе простить, что, получив от молодых Вревских в 1916 г. приглашение приехать в Голубово и забрать найденные ими рукописи Пушкина, я отложил эту поездку до следующего года, а в следующем (революционном) 1917 году эти рукописи Пушкина летали по воздуху, уничтожаемые крестьянами.

Когда я уезжал в 1917 г. из Петербурга на Украину, Пушкинский Дом, не имевший никаких штатов, существовал в лице одного Модзалевского, безвозмездно трудившегося над созданием и обогащением его, а когда я вернулся в 1920 году в Петербург, Модзалевский — старший ученый хранитель Пушкинского Дома — стоял во главе обширнейшего штата. Меня он тотчас взял на службу в Пушкинский Дом, назначив ученым хранителем, заведующим рукописным отделением Дома.

В 1922 году Б. Л. Модзалевский должен был ехать в Париж в качестве представителя Российской Академии Наук и опять-таки в силу своей доброты (а также в силу страха перед поездкой) уступил эту командировку мне и остался умирать в Петербурге» (Новый журнал. 1958. Кн. 53. С. 274—275).

С. 43. *с комментариями... совершенно никчемными* — Ср. выше в письме М. Ц. к Гершензону; в коммент. Гофман приводит список из 8 откликов на смерть Марии Федоровны (ПИЕС. Вып. 21—22. С. 229—230); перечень этот не является полным и не претендует на полноту.

Поездка в Голубово — О посещении имения семейства Вревских в 1910 Гофман рассказал в ст. «Голубово-Тригорское», опубл. в газ. «Против течения» (1911. № 14 и сл.) — еженедельном прилож. к худож.-иллюстр. журн. «Свободным художествам», в кот. появилась его статья «Альбомы пушкинской поры» (1911. Февраль; Март-апрель) с описанием альбомов П. А. Осиповой и ее дочерей, включающих автогр. Пушкина и стих., кот. Гофман был склонен ему «приписать». Еще больше пушкинских реликвий (в т.ч. автогр.) Гофман привез для Пушкинского Дома из Голубова и Малинников в 1913; им посвящена его ст. «Из пушкинских мест» (ПИЕС. 1914. Вып. 19—20); мат-лы, полученные им от П. А. Вревского в 1915, представлены в обширных публ., сопровождающих издание дневника А. Н. Вульфа (ПИЕС. 1916. Вып. 21—22. С. 311—413), и во «Временнике Пушкинского Дома на 1915». В эмиграции об этих своих собирательских поездках Гофман рассказал в ст. «В Пушкинских местах (Отрывок из воспоминаний)» (День рус. культуры. Париж, 1927).

чудовищно-безобразно издал Баратынского — В «Полном собр. соч.» (в 2 т.; Пг., 1914—1915) Гофман принял в качестве основных тексты первых журнальных публикаций стихотворений Баратынского; необоснованность такого подхода и ряд текстологических ошибок и просчетов Гофмана подробно рассмотрены в рец. П. Филипповича (Журн. Министерства народного просвещения. 1915. № 3; 1916. № 4). В дальнейшем Гофман последовательно отстаивал идею признания в качестве «канонического текста» последней известной авторской редакции; с таких позиций им были заново подготовлены и стихотворения Баратынского (*Баратынский Е.А.* Избр. соч. Берлин; Пб.; М., 1922), и особенно полно он развивал эти взгляды применительно к текстологии Пушкина в кн.: Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пб.: Атеней, 1922 («Эта книга имела такой успех, что издательство «Атеней» в том же году выпустило ее вторым изданием (общий тираж 4000 экз.)»; *Эйхенбаум Б.* Текстологические работы Б. В. Томашевского // Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 8). «Пафосом этой книжки, очень нашумевшей при своем появлении, была борьба с редакторским произволом и с искажениями текста, допущенными в прежних изданиях Пушкина» (Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 571; здесь же в написанном Н. В. Измайловым очерке истории пушкинской текстологии см. оценку этой и др. работ Гофмана). На выход кн. Гофмана (и на другие его работы, упоминаемые далее М. Ц.) наиболее критически откликнулся Б. В. Томашевский (Новое о Пушки-

не // Лит. мысль. Пг., 1922. Кн. 1). М. Ц. в своей рец. писал: «Со всем доказываемым и показываемым автором нельзя не согласиться: все это нам представляется бесспорным. Но бесспорность эта проистекает из упрощения автором трактуемых им вопросов, что, может быть, произошло от того, что книга предназначена для рядового читателя, а не для специалистов. С точки же зрения науки о Пушкине разбираемая книга скорее введение в «первую главу науки о Пушкине», чем «первая глава». <...> Признаемся, от книги М. Л. Гофмана мы ожидали большего» (Феникс: Сб. художественно-литературный, научный и философский. [М.:] Костры, 1922. Кн. 1. С. 175, 177). Эту же оценку книги М. Ц. дал в докладе «Новые книги о Пушкине», прочитанном 14.05.1922 в Пушкинской комиссии ОЛРС (см.: Пушкин. Сб. первый. М., 1924. С. 269—272; здесь же о сб. «Неизданный Пушкин. Собр. А. Ф. Онегина»), и в обзоре текущей науч. лит-ры 1921—1922, где резюмировал: «Не представляя, таким образом, большого интереса для специалистов, книга М. Л. Гофмана будет полезна в деле создания «общественного мнения» по затронутым ею вопросам, внедряя в сознание читателя не специалиста научные представления о том, каков должен быть текст сочинений Пушкина» (Лит. отклики. М., 1923. С. 59).

Исследования Гофмана *«Пропущенные строфы "Евгения Онегина"»* и «Посмертные стихотворения Пушкина. 1833—1836» составили отдельную кн. ПИЕС (1922. Вып. 33—35). М. Ц. дал работам, особенно первой («ценна как пристальное изучение пушкинских текстов, давшее в результате транскрипцию немалого количества строф «ЕО» <...> Чрезвычайно интересна и приложенная в конце книги опись рукописей «ЕО» по строфам, дающая возможность сразу навести справку...»), высокую оценку в печати (Лит. отклики. С. 57—58).

В своей книге «Пушкин. Первая глава...» Гофман поднял вопрос об «очищении» корпуса произведений Пушкина от неправомерно приписываемых ему текстов. В качестве таковых он называл и «Романс» («Под вечер осени ненастной...»), а также послание к Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»), автором кот. Гофман считал Рылеева. В рец. на книгу М. Ц. решительно опроверг сомнения относительно «Романса» (Феникс. Кн. 1. С. 177); объяснил ошибки Гофмана относительно обоих стихотворений и второй рецензент — Томашевский (ему Гофман пытался отвечать во 2-м изд. книги). Попытка Гофмана оспорить авторство Пушкина применительно к «Любви, надежды, тихой славы...» имела давнюю историю. На эту тему в 1910-е им был сделан доклад в Пушкинском об-ве Петроградского ун-та, о чем вспоминал С. М. Бонди: «Гофман прочел свой доклад, а обсужденье было перенесено на следующий раз. Мы подготовились, поделив меж собой проблемы: я взял текстологию, Оксман — он уже тогда хорошо знал Рылеева — говорил о стиле, ну и так далее. Разнесли Гофмана в пух и прах. <...> Гофман с нашей критикой не согласился и выступил очень резко» (*Чудаков А. П.* Слушаю Бонди // Тыняновский сб. Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 398). Подытожил свои соображения Гофман в специальной статье «Пушкин и Рылеев» (Недра. М., 1925. Кн. 6; здесь же — возражения Л. П. Гроссмана «Пушкин или Рылеев?»). Что касается стих. *«Смуглянка»*, то Гофман никогда не приписывал его Пушкину. Напротив, в коммент. к дневнику А. Н. Вульфа он убедительно объяснил мотивы неверной атрибуции Пушкину этого стих., кот. было опубл. в «Литературной газете» рядом с «Арионом», притом что в оглавлении автором «Смуглянки» был назван Н. И. Ш-б-в. Имея в виду обсуждение авторства «Смуглянки» в печати в 1911—1913 в связи с публ. обнаруженного Б. А. Садовским списка, Гофман позволил себе в

заключение несколько расплывчатую формулировку, кот., вероятно, и вызвала негативную реакцию М. Ц.: «Мы остановились подробнее на вопросе об авторе «Смуглянки» в силу того, что этот вопрос не может еще считаться решенным и, по всей вероятности, не раз еще будет вызывать сомнения и недоумения» (ПИЕС. Вып. 21—22. С. 278). В последнем Гофман оказался прав: например, как пушкинский автограф рукопись «Смуглянки» была выставлена на продажу в Париже в 1933, оцененная «антикварами и специалистами» в 5000 франков; см. об этом письма В. Д. Бонч-Бруевича М. Ц. (РГБ. 369.220.27, л. 18 об., 21). См. в связи с этим стих. Н. И. Шибаева: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С. 271—272. — Относительно *«пошлого конца»* стих. Пушкина можно предположить обмолвку М. Ц.: он, видимо, имел в виду не «Простишь ли мне ревнивые мечты...», а «Элегию» («Ненастный день потух...»), окончанию кот., на самом деле представляющему собой стих. М. Е. Лобанова, Гофман посвятил спец. заметку (Пушкинский сб. памяти проф. С. А. Венгерова / Пушкинист. IV. М.; Пг., 1922; ср. отклик Н. Лернера: Жизнь искусства. 1923. № 5).

С. 44. Сборник *«Неизданный Пушкин.* Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук» (Пб.: Атеней, 1922) был подготовлен под редакцией Гофмана, Н. К. Козмина и Б. Л. Модзалевского. Сразу по выходе книги М. Ц. опубликовал хвалебный отзыв на нее: «Значительность ее не только в том, что она вводит, наконец, полностью онегинские тексты в научный оборот <...> но главным образом в том, что печатаемые тексты воспроизведены с наивозможной точностью. Подлинники, в большинстве случаев черновики с поправками, транскрибированы, поскольку об этом можно судить, не видав их, в высшей степени внимательно; даваемое «чтение» внушает доверие» (Феникс. Кн. 1. С. 160; ср. в другой его рец.: «...коллективная работа сотрудников славного Пушкинского Дома <...>, давших в образцовом виде и с обстоятельнейшими комментариями пушкинские тексты, — ценный вклад в пушкиниану»; Лит. отклики. С. 58).

Об обстоятельствах подготовки сборника позднее свидетельствовал участвовавший в нем Б. В. Томашевский: «...в 1920 г. разнесся слух о смерти Онегина, парижское собрание которого было приобретено для Академии Наук. Затем стали поступать тревожные слухи о судьбе собрания. Тогда, отчасти с целью пропаганды Онегинского собрания и привлечения к нему внимания общественности, решено было издать пушкинскую часть собрания, находившуюся в Академии, в Пушкинском доме, в воспроизведениях — отчасти фотографических, отчасти цинкографических. Книга была сделана спешно, создан под руководством Гофмана коллектив работников, главным образом из молодых пушкинистов; им были розданы в срочном порядке фотографии для спешной подготовки и комментирования, и книга вышла в свет. Она свою роль сыграла. Внимание было привлечено. <...> Издание еще придерживается гофмановского канона публикаций: транскрипции плюс сводка исчерпывают «подачу» материала. К ним присоединяется случайный комментарий, отправляющийся от обычного редакторского комментария изданий сочинений. Получилась книга, ценная по материалу и очень неряшливая по выполнению» (ЛН. Т. 16—18. С. 1058—1059).

Историю текста стихотворения *«Жил на свете рыцарь бедный...»* С. М. Бонди изложил в статье «Стихи о бедном рыцаре» (Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2—3).

Гофман подготовил отдельное издание *«Домика в Коломне»* с приложением

своего исследования истории текста поэмы и полной транскрипцией ее автографа (Пб., 1922). Проделанную им работу так оценил Б. В. Томашевский: «Транскрипция сделана торопливо, и в ней сохранены ошибки предыдущих изданий. Таково чтение стиха «У нас его недавно стали знать», в то время как в автографе читается «У нас его недавно стали гнать». В последовательности октав, правда очень запутанной, Гофман не разобрался, и его сводки грешат против подлинной композиции произведения. Стремясь к цельности, он сводит воедино несводимые куски. Элементы анализа повести и апелляция к ее источникам или наивна, или несамостоятельна. И то и другое явно недостаточно. Видно, что стремясь заявить приоритет на идею реставрации поэмы, Гофман проделал эту работу наскоро и небрежно. К сожалению это почти общая черта всех его работ» (ЛН. Т. 16—18. С. 1086; см. его же рец.: Книга и революция. 1922. № 9/10. Ср. о тех же ошибках Гофмана: *Эйхенбаум Б.* Указ. соч. С. 10—11; Пушкин. Итоги и проблемы изучения. С. 572—573). Краткий печатный отзыв М. Ц. об этой работе (в общем обзоре) был вполне сочувственным (см.: Лит. отклики. С. 57).

В Париже в «трехмесячнике литературы» *«Окно»* Гофман поместил публ. «Неизданные рукописи Пушкина (Из трудов Пушкинского Дома при Российской Академии Наук)» (Окно. 1923. № 3), в кот. по фотокопиям напечатал тексты стих. Пушкина из собрания автографов К. Р. (вел. кн. Константина Константиновича). Позднее в связи с подготовкой Полн. собр. соч. Пушкина Т. Ц. 14.08.1948 писала В. Д. Бонч-Бруевичу: «Еще посылаю Вам бумажку, на основании которой Вера Георгиевна Безуглова (вторая сотрудница, работающая у меня по Акад. изд. Пушкина) могла бы получить *страницы* сборника «Окно». Тексты публикаций Гофманом черновиков Пушкина в этой зарубежной книге были в свое время выданы Мстиславу Александровичу Библиотекой ИМЭЛ, но лишь в машинописной копии, без указания страниц. Давать же в Акад. изд. Пушкина ссылки на издание без указания страниц не “академично”» (РГБ. 369.360.26; машинописная копия публ. Гофмана: 2558.2.1752).

В шестом томе *«Русских пропилеев»* (М., 1919) М. О. Гершензон опубл. материалы так наз. Тетради Никитенко, содержащей стихи лицейских поэтов, в т.ч. Пушкина. В своей рецензии Гофман упрекал Гершензона не только в том, что тот не дал себе труда научно подготовить публ. («невнимательно прочел и отослал в типографию»), но и в том, что он плохо знает сам ее предмет, в частности лицейское творчество Пушкина (Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 181—189; к этому сюжету он вернулся и в своей кн. «Пушкин...» 1922, с. 139 и сл., где называл текстологические соображения Гершензона «курьезом» и «сплошным недоразумением»). Оценку значения Тетради Никитенко, ее соотношение с «Собранием лицейских стихотворений» (опубл. Н. В. Измайловым в: Сб. Пушкинского Дома на 1923 г. Пг., 1922) и критику суждений Гофмана см. в исследовании М. Ц. «Источники текстов лицейских стихотворений» // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 497 и сл.

<6>

Подробно о судьбе и значении четырех рисунков Пушкина, оставшихся в семье Бартенева, М. Ц. писал 17.08.1935 в экспертной записке в связи с приобретением их у последней владелицы И. Ю. Гаттенберг-Бартеневой (внучки) ГЛМ (РГБ. 369.361.10); ранее он опубл. их в статье «Портреты четырех декабристов. Неизданные рисунки Пушкина» (Лит. газета. 1929. № 7). Четыре других рисунка, также принадлежавших первоначально В. П. Зубкову, после смерти И. С. Остроухова поступили в Третьяковскую галерею. Этой серии портретов посвящена статья

А. Эфроса в: Летописи. Т. 1. С. 365—371; ср. их характеристику Т. Ц.: «Рисунки эти, созданные в часы бесед с Зубковым, являются одними из самых замечательных в изобразительном искусстве Пушкина. Артистизм их необыкновенен. Они производят впечатление акварели, размытой акварели, — столь богаты они живописными градациями. Между тем достигнуто это просто виртуозным владением неизменными орудиями писателя-художника — гусиным пером и чернилами» (*Цявловская*. С. 281, 284). См. также рассказ М. Ц. об обмене Ю. П. Бартеневым пушкинских рисунков на «Казаков» Репина: 2558.2.183, л. 8. Автограф стих. «Зачем безвременную скуку...», приобретенный ГЛМ вместе с рисунками, опубл. с коммент. Т. Ц.: Летописи. Т. 1. С. 296—298. Купил ГЛМ и основную часть архива Бартенева, в т.ч. его автобиографич. записки и 52 переплетенных тома переписки.

С. 47. *Эту тетрадь, а также и том рукописей* — В связи с продажей последнего в ГЛМ ср. письмо М. Ц. Бухгейму 5.02.1935: «Только сегодня отправил В. Д. Бонч-Бруевичу вашу бартеневскую тетрадь с автографом Пушкина. Я ему написал, что вы хотите за тетрадь 1200 рублей. Возможно, что он будет торговаться, но вы не уступайте. Тетрадь при ближайшем анализе оказалась значительней, чем я думал» (РГБ. 663.2.42). См. также ниже, гл. <7> и коммент. Полистное описание этой тетради М. Ц. опубл. в Летописях. Т. 1, а материалы первой из тетрадей составили кн. «Рассказы о Пушкине». — Анализу рассказа о гр. Фикельмон М. Ц. посвятил доклады «Из неизданных записей П. И. Бартенева о Пушкине» 25.07.1921 во Всероссийском Союзе писателей и «Неизвестная любовь Пушкина» 29.07.1921 в Рус. Обществе друзей книги и статью «Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон» (Голос минувшего. 1922. № 2. С. 108—123; ср. здесь текст «пикантного места» записи нащокинского рассказа: «Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. Пред камином была разостлана пышная полость из медвежьего меха. Они разделись донага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех.... Быстро проходило время в наслаждениях». С. 110; Рассказы о Пушкине. С. 36—37). О популярности этого доклада М. Ц. говорит такой факт: в шуточной машинописной газете «Неправда», составленной членами Рус. Об-ва друзей книги 16.11.1923, в фельетоне «Маленькие интервью» персонаж, обозначенный как «Пушкинист», произносит такую сентенцию: «— Обожаю романы. Особливо роман Пушкина с гр. Фикельмон» (2558.2.1870, л. 2).

С. 50. Статья *«Устная новелла Пушкина»* (у М. Ц. ошибочно «утаенная») вошла в кн. Л. П. Гроссмана «Этюды о Пушкине» (М.; Пг., 1923). О неприятии М. Ц. «беллетристичности» и «французскости» работ Гроссмана см. также ниже. На возражения Саводника и статью Гроссмана М. Ц. отреагировал в коммент. к «Рассказам о Пушкине» (С. 101—102):

«Рассказ Нащокина о Пушкине и гр. Фикельмон вызвал со стороны В. Ф. Саводника такой отзыв: «...рассказ Нащокина, по своему содержанию и по характеру приводимых подробностей, представляется маловероятным и неправдоподобным, так что самое предположение о существовании каких-либо более интимных отношений между Пушкиным и гр. Фикельмон, кроме отношений светского знакомства, должно быть отвергнуто, доколе не будет представлено более веских доказательств» (Дневник Пушкина. М., 1923. С. 103).

Столь категорическое заявление основывается на подробном анализе записи Бартенева В. Ф. Саводником, читавшим свою работу на одном из заседаний московского Общества друзей книги. До опубликования этой работы мы не считаем возможным опровергать аргументацию В. Ф. Саводника и ограничимся здесь одним замечанием. Рассказ Нащокина, представ-

ляющийся В. Ф. Саводнику «маловероятным и неправдоподобным», со стороны приятеля Пушкина С. А. Соболевского, знавшего Пушкина, смеем думать, не менее, чем уважаемый биограф, не вызвал никакой заметки. Нам, в свою очередь, представляется «маловероятным и неправдоподобным», чтобы Соболевский, не оставлявший без возражений показаний Нащокина, касающихся таких мелочей, как тетрадь с замком, перо Гете или придворный мундир <...>, прочитав такую гнусную выдумку на своего друга (а ведь только так и можно, с точки зрения В. Ф. Саводника, квалифицировать рассказ Нащокина), ни словом не обмолвился. Молчание Соболевского в данном случае — воистину «знак согласия».

Другой исследователь, Л. П. Гроссман, в записи Бартенева усмотрел благодарнейший материал для этюда на тему «Устная новелла Пушкина» (см. книгу Л. П. Гроссмана «Этюды о Пушкине». М., 1923. С. 79—113). Л. П. Гроссмана совершенно не интересует вопрос, было ли в действительности то, что рассказывал Нащокин Бартеневу. По мнению исследователя, изучение рассказа Нащокина «должно исключать всякий биографический подход. Нужно оставить за его полной неразрешимостью вопрос о том, происходило ли описанное в жизни Пушкина, и тем более не затрагивать проблемы о прототипе героини приключения» (с. 81). В явном противоречии с этими словами, через три страницы автор этюда пишет: «Оговоримся: мы считаем, что эпизод вполне в духе пушкинской любовной практики, что в жизни поэта можно найти немало сходственных обстоятельств, и что, таким образом, биографическая постановка вопроса естественно вызывает утвердительный ответ» (с. 85). С последним мы не можем не согласиться.

Советуя «не затрагивать проблемы о прототипе героини приключения» (для нас тут никакой проблемы нет. Что героиня — Фикельмон, для нас, это — факт, не подлежащий никакому сомнению), Л. П. Гроссман пишет: «Отметим мимоходом, что Пушкин и гр. Фикельмон, по свидетельству матери и сестры поэта, питали друг к другу определенную и взаимную неприязнь», почему автор этюда и находит, что «почва для историко-психологических выводов оказывается чрезвычайно зыбкой». «Свидетельства матери и сестры поэта» Л. П. Гроссман нашел в книге Л. Павлищева «Воспоминания об А. С. Пушкине» (М., 1890). Но, увы, письма, которые имеет в виду исследователь, на с. 255, 271 и 380 этой книги — подложны: *они сочинены г. Павлищевым.* Таким образом, поколебать достоверность рассказа Нащокина «письма» эти никак, конечно, не могут».

Гроссмана же (а по сути, позицию Саводника) поддержал в комплиментарном письме к нему Н. О. Лернер, писавший 17.04.1926: «Вспомнилось мне и Ваше решение вопроса о П<ушки>не и гр-не Фикельмонт. Всех ближе к истине — *Вы.* Я считаю допустимым, что П<ушки>н просто лгал. Он был хороший человек, но не без слабостей и джентельменом в строгом смысле слова не был. В реальность события я во всяком случае не верю, да и обстановка подозрительная: больно пошловат тон. Если не П. солгал, то солгал его приятель» (РГАЛИ. 1386.1.98).

Упомянутую далее рец. Г. И. Чулкова см.: Красная новь. 1925. № 9. С. 292—293. Резюме рец.: «В заключение позволим себе отметить, что одна из счастливых особенностей этой новой <...> книги заключается в удачном сочетании двух пушкинистов — старого и нового. Если покойный П. И. Бартенев удивлял нас своею страстною настойчивостью в собирании биографического материала, то не менее удивляет нас теперь своею научною зоркостью и внимательным трудолюбием комментатор этой тетради. М. А. Цявловский своею последнею работою еще раз доказал, что он один из самых осведомленных и проницательных наших пушкинистов».

Материалы об отношениях Пушкина с Д. Ф. Фикельмон собраны в кн.: *Раевский Н.* Избранное. М., 1978 (о рассказе Нащокина и спорах по его поводу см. с. 251 и сл., 482—484).

<7>

С. 50. *«Письма Пушкина»* — В феврале 1935 эта тетрадь, состоящая из сплетен-

ных листов с 380 стр. текста, была приобретена ГЛМ у Бухгейма; подробное ее описание М. Ц. опубл. в Летописях. Т. 1. «В действительности содержание тетради далеко не исчерпывается копиями писем. Тексты копий писем занимают первые двести двенадцать страниц. Остальные страницы заняты копиями стихотворений и прозы Пушкина. «Гвоздем» тетради является вплетенный в нее лист почтовой бумаги с автографом Пушкина» (С. 492); это автограф программы журнала, кот. М. Ц. еще раз опубл. в данном томе, предлагая датировать его 1835 (С. 309—311).

С. 51. *несколько куплетов ноэля Пушкина на лейб-гусарский полк.* — Стихотворение с подобным заглавием упом. в воспоминаниях современников Пушкина, но его текст не был известен. Работу по его реконструкции и комментированию М. Ц. в полном объеме так и не закончил (ср. «Вокруг Пушкина», 1.01.1925); 15.11.1924 он докладывал о «Ноэле» в ГАХН (упом.: ГАХН. Отчет за 1921—1925 гг. М., 1926. С. 26), опубл. с краткими пояснениями найденный текст (а позднее контаминированную по разным источникам редакцию) в: Известия. 1929, 29 нояб-ря. № 279; полных собр. соч. Пушкина в 6 т. (1930, 1936); академич. собрании (1937). Свое исследование на эту тему М. Ц. включил в составленный им план неосуществившегося сб. памяти Б. Л. Модзалевского (см. примеч. на с. 291); выписки и наброски к статье: 2558.2.72. См. посвященную «Ноэлю» новейшую работу, во многом основанную на материалах М. Ц.: *Чистова И. С.* Пушкин и царскосельские гусары // Новые безделки. М., 1995.

<8>

«Бартенев о Пушкине». — Написать обстоятельное исследование на эту тему М. Ц. так и не удалось, хотя он не раз к ней возвращался (см. подготовительные мат-лы: 2558.2.88). Не было осуществлено и задуманное им изд. работ Бартенева о Пушкине (см. план и заявки: 2558.2.98, 623). О Бартеневе-пушкинисте М. Ц. говорил в докладах (11.02.1923 в Пушкинской комиссии ОЛРС и др.), публ. (Бумаги о дуэли и смерти Пушкина из собрания П. И. Бартенева // *Модзалевский Б., Оксман Ю., Цявловский М.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924; Летописи. Т. 1 и др.).; в предисл. к «Рассказам о Пушкине» он писал: «Главная заслуга Бартенева перед пушкиноведением это — собирание и публикация материалов по биографии поэта. В этом отношении не было и, конечно, не будет среди пушкинистов ему равного. Лиц, знавших Пушкина, с которыми общался за свою долгую жизнь Петр Иванович, нужно считать десятками, и можно быть уверенным, что ни одного из них неутомимый летописец не позабыл расспросить о великом поэте. Мы, «внуки» Бартенева, лишены этого счастья: «составитель» «Русского Архива» был последним из хранителей живой, устной традиции о Пушкине» (с. 8). — Пушкиниана Бартенева собрана в кн.: *Бартенев П. И.* О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. / Сост. А. М. Гордин. М., 1992 (включ. и «Рассказы о Пушкине»).

С. 52. *знатоков и собирателей русского исторического анекдота* — Ср. публ. М. Ц. «Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева» (Голос минувшего. 1918. № 7—9; там же, 1919. № 1—4, публ. «Из записной книжки П. И. Бартенева»); в собр. М. Ц. сохранились записи историч. рассказов Бартенева, сделанные его внуком В. С. Бартеневым: 2558.2.1714.

С. 53. *его автобиография* — Доведенные до нач. 1860-х воспоминания П. И. Бартенева (кот. он диктовал дочери в 1910) опубл. А. Д. Зайцевым: Российский архив. М., 1991. Т. I. Фрагмент дневника Бартенева за 1854 опубл. И. Смирновой (Русский архив. М., 1992. № 2). В архиве

М. Ц. сохранились выписки из дневника Бартенева 1854—1855 с записями о его трениях с П. В. Анненковым (2558.2.88).

см. статью Модзалевского об Анненкове — Статья «Работы П. В. Анненкова о Пушкине», опубл. в посмертном сб. Б. Л. Модзалевского «Пушкин» (1929), начиналась решительным признанием пушкиноведческих заслуг Бартенева; упоминал здесь Модзалевский и кн. «Рассказы о Пушкине», подготовленную М. Ц. «в своей, как всегда, ювелирно-тонкой и изящной обработке». Этот пассаж Модзалевский воспроизвел из своей рец. на «Рассказы о Пушкине», предназнач. для журн. «Былое» (1926. № 3 (37)) , номер кот. не вышел и был издан лишь в 1991. Модзалевский писал в рец.: «Вся работа по проверке и уточнению рассказов, собранных Бартеневым, проделана М. А. Цявловским с присущими ему глубокими познаниями, исключительной добросовестностью и научным тактом; некоторые комментарии по поводу того или иного рассказа разрастаются у него до степени специальных экскурсов, сводящих воедино, в критической проверке, весьма обширную литературу по тому или иному общему или частному вопросу пушкиноведения» («Былое». Неизд. номера журнала. Лениздат, 1991. Кн. 2. С. 106—108). Получив «Рассказы о Пушкине», Модзалевский и Н. В. Измайлов восторженно писали о кн. М. Ц. 20.06.1925; Модзалевский: «Дорогой Мстислав Александрович, столько дней я собираюсь поблагодарить Вас за присылку Вашей Бартеневско-Пушкинской книги и все никак не могу собраться, а между тем хотелось бы не только *написать* спасибо, но громко-громко его *прокричать*, так, чтобы отсюда Вы услышали мой голос в Москве. А потому громко прокричать, что, читая книгу, я находился в величайшем возбуждении и волнении: так много в ней важного, интересного, животрепещущего. Какие мы несчастные по сравнению с Бартеневым и Анненковым, и какие они были счастливые. Мы питаемся крохами, а они просто объедались или *могли* объедаться, хотя и не имели того аппетита, что мы. Это всегда так бывает: бодливой корове Бог рог не дает» (2558.2.446); см. также похвальные оценки в его письме М. Ц. 16.10.1925 (ИРЛИ. 387.232).

публикации текстов Пушкина из тетрадей — Имеются в виду «рабочие тетради» Пушкина, переданные в составе его рукописей в Румянцевский музей сыном поэта А. А. Пушкиным; Бартенев получил преимущественное право публ. материалов из них в «Русском архиве».

С. 54. *предоставление Герцену «Записок Екатерины»* — «Записки имп. Екатерины II» были изданы Герценом в Лондоне в 1859. Считается установленным, что копию с них ему привез путешествовавший в 1858 по Европе Бартенев (см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 90—91, 287; *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 36—39).

Не помню кто, вероятно Садовской — Этот рассказ зафиксирован в «Записках» Садовского, кот. он в 1925 прислал М. Ц., безуспешно пытавшемуся издать их в серии «Записи прошлого» изд-ва Сабашниковых (см.: *Садовской Борис.* Записки (1881—1916) / Публ. С. В. Шумихина // Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 163—164). Ср. запись рассказа на эту же тему, кот. Т. Ц. сделала со слов В. И. Саитова в ноябре-декабре 1933: «Бартенев — умный и образованный человек, но большой плут. Когда он приезжал сюда, он всегда у Шер<еметева> останавливался. Помню, был такой случай. У Шер. был дневник имп. Мар<ии> Александр<овны>. Бартенев его просто украл. Шер. не сразу хватился. Потом понял, кто взял, но уже ничего не сделал. Вор великий» (2558.2.1813, л. 2. В этой же записи слова Саитова о М. Ц.:

«Толковый человек ваш муж. — Да? — Ох, какой толковый! Я его давно знаю, еще когда он в Публ. библ. занимался»).

Б. А. Садовской рассказывал мне — Ср. в «Записках» Садовского: «Мой рассказ в стиле XVIII века, напечатанный в «Весах», очень понравился Петру Ивановичу. Долго не хотел он верить, что это сочинено. — «Какой подлог: в Англии вам бы за это руки не подали». Насилу я убедил его. Старик захромал к шифоньерке, достал автограф Пушкина (вариант к «Русалке»), отрезал огромными ножницами последние два с половиной стиха и подарил мне. — «Вот вам за вашу прекрасную прозу». За статью о Тургеневе Петр Иванович назначил мне сто рублей, но я предпочел получить половину этой суммы; в счет другой половины Бартенев уступил мне четыре письма Гоголя к цензору Сербиновичу» (Российский архив. Т. 1. С. 163). Садовской был не первым, кого Бартенев «одарил» от этого листа пушкинской рукописи: задолго до того он отрезал верхнюю часть листа и передал ее коллекционеру В. С. Абакумову. Упомянутые автографы Садовской в 1935 продал в ГЛМ (см. публ. М. Ц. в: Летописи. Т. 1. С. 298—299; здесь же об «антиминсах»).

<9>

Стих. *«Гараль и Гальвина»* («Взошла луна над дремлющим заливом...») с сомнениями приписывалось Пушкину с 1850-х. П. В. Анненков не включил его в приложения к подготовленному им изданию; впервые текст опубликовал Н. В. Гербель (1876). Решительно против авторства Пушкина возражал П. А. Ефремов, указывая, что в рукописях оно «всегда встречается с именем А. Шидловского». С просьбой проконсультировать его по поводу этого и ряда других приписывавшихся Пушкину стих. М. Ц. 11.04 и 10.05.1914 обращался к Н. О. Лернеру (РНБ. 430.1.225; РГАЛИ. 300.1.359). Направление изучения М. Ц. данного стих. конкретизировало знакомство с его копией в рукописном сборнике Лонгинова—Полторацкого, сопровождающейся примечанием, уверенно относящим стих. к лицейскому периоду и ставящим его в контекст оссианических «Осгара» и «Эвлеги»; там же указывалось на зависимость «Гараля и Гальвины» от франц. традиции (Мильвуа), «чему тогда заплатили дань Жуковский и Батюшков» (см.: *Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 687—688). В 1924 М. Ц. обратился с вопросом о «Гарале и Гальвине» к Томашевскому, кот. в письме 23.07 сообщил ему о имеющемся у него списке П. А. Ефремова и привел выводы предпринятого стиховедческого анализа: «Анализ стиха дал следующие результаты: объем стихотворения 72 стиха недостаточен, чтобы выводы были категорические.

Стихотворение *может* быть пушкинским. (Во всяком случае оно *не может* принадлежать Жуковскому, Языкову и Баратынскому. Называю эти три имени потому, что фактура их 5-ти стопного ямба весьма близка к пушкинской. Естественно отпадают совершенно далекие Вяземский, Кюхельбекер, Дельвиг, стих которых совершенно иной.) При этом необходимо допустить, что оно относится к годам 1815 или 1816. Выходя за эти пределы (впрочем, 1814 и 1817 — с меньшим вероятием еще возможны), мы имеем уже другую фактуру. На стихе сильно влияние Жуковского, и отклоняется стихотворение от *<нрзб.>* Пушкина именно в сторону Жуковского. Вообще — имеются кое-какие аномалии. Таким образом, заключение таково. Стихотворение это может быть одним из самых ранних подражаний оссианическому стилю (в романской форме) <...> Больше ничего анализ стиха не дал». Эти сведения М. Ц. использовал в докладе 15.11.1924 в ГАХН. Позднее Томашевский конкретизи-

ровал и расширил свои наблюдения. 25.03.1925 он выслал М. Ц. подробную сопоставительную таблицу пиррихиев и словоразделов в «Гарале и Гальвине» на фоне пушкинского стиха 1814—1816 и 1817—1818 и стиха Жуковского 1812, отмечая в стиховедческих отклонениях анализируемого стихотворения тенденцию, характерную для подражаний французскому. Здесь же он приводит стихотворение Мильвуа «Garald aux Longs Cheveux» — по его мнению, «именно этот поэт был посредником между Оссианом и "Гараль и Гальвиной"» (ИРЛИ. 383.301; ср.: *Томашевский Б.* О стихе. Л., 1929. С. 251—253). Одновременно републиковал стих. с обоснованием его принадлежности Пушкину Лернер: Затерянное стихотворение Пушкина // Красная новь. 1927. № 9. М. Ц. ввел «Гараля и Гальвину» в Полн. собр. соч. Пушкина (в 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1. Прил. к журн. «Красная нива»).

С. 56. *«Се самый Дельвиг тот...»* — Факсимиле автогр. М. Ц. опубл. в ст. «Пушкин о цареубийстве» (Огонек. 1926. № 21. С. 14); его доклад состоялся в ГАХН 25.03.1926. Расширенную публ. с примеч. Т. Ц. см.: Цявловский. С. 47—58. Следует добавить, что этот портрет с автогр. был приобретен у владельцев МПМ в 1980 (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 75—76).

<10>

Публ., о кот. идет речь: *Цявловский М.* Новые автографы Пушкина. I. Автограф стихотворения «Красавица» II. Автограф стихотворения «Зачем безвременную скуку» // Московский пушкинист. II. М., 1930.

Об эпизоде с автографом «Все в ней гармония, все диво...» Вересаев вспоминал так: «...пришел ко мне Цявловский, взволнованный, кипящий, как всегда, и рассказал, что найдена подлинная рукопись стихотворения Пушкина «Красавица», до тех пор известного только по печатному тексту. Он выложил передо мною листок:

— Вот!.. Вы понимаете, сам Пушкин писал! Его перо ходило по этой бумаге! <...> И просит владелец всего двести рублей! Эх, были бы деньги, купил бы! Оправил бы с обеих сторон в стекло и повесил бы на стенку! В будни висело бы с двумя последними стихами, а в праздники поворачивал бы всем текстом!

Я небольшой любитель всяческих реликвий. Но у меня как раз были в то время свободные деньги, и я купил листок с таким намерением: когда будет какой-нибудь юбилей Цявловского, оправлю листок в стекло с обеих сторон, как он мечтает, и поднесу ему. Пусть повесит у себя на стенку и молится» (*Вересаев В.* Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 313).

Однако Вересаев так и не осуществил своего намерения. Этот лист с автографом Пушкина из альбома Е. М. Завадовской, адресата стих., был обнаружен на даче Вересаевых в 1967 и передан в Пушкинский Дом.

С. 58. *Т. Г. Зенгер еще неизвестна была как крупный авторитет в деле определения почерка Пушкина.* — Ср. характеристику текстологического мастерства Т. Ц. в письме Н. В. Измайлова 3.06.1935: «Придется мне также обратиться к Татьяне Григорьевне с усерднейшей просьбой — уделить мне несколько часов и помочь прочитать неразобранные мною места в пушкинских рукописях. По общему мнению, Татьяне Григорьевне принадлежит в этом деле последнее слово: чего не сможет прочесть она, того уже никто не прочтет, даже С. М. Бонди» (2558.2.446).

Кстати о Вересаеве-пушкинисте. — С научными статьями и докладами в Пушкинской комиссии ОЛРС Вересаев выступал с 1923. Принципиальные для его концепции несовпадения биографии и творчества Пушкина статьи: Об автобио-

графичности Пушкина // Печать и революция. 1925. № 5—6; В двух планах (О творчестве Пушкина) // Красная новь. 1929. № 2. Эти и др. работы были собраны в сб. «В двух планах. Статьи о Пушкине» (М.: Недра, 1929), вызвавшем, как и «Пушкин в жизни», бурную полемику в печати (собрание пушкиноведческих работ Вересаева см.: *Вересаев В.* Загадочный Пушкин / Сост. и коммент. Ю. Фохт-Бабушкина. М.: Республика, 1996; здесь же о восприятии его работ).

Вересаеву-пушкинисту М. Ц. посвятил доклад на заседании Пушкинской комиссии Союза писателей (см. отчет: Лит. газета. 1945. № 30, 14.07; см. также: У гроба В. В. Вересаева // Комсомольская правда. 1945. № 131, 6.06).

18.03.1926 Н. С. Ашукин записал в дневнике: «Пошел к Цявловскому. У него был Вересаев. Андрюша таинственно сообщил мне: «Отец расстроен». Вересаев принес корректуры составленной им книги воспоминаний о Пушкине, а Цявловский предполагал сам, хотя и по иному плану, выпустить многотомное издание всех мемуаров о Пушкине; издать их должен был Сабашников. Вересаев об этом знал. Мало того, Цявловский еще раньше просил его о задуманном издании переговорить с Мосполиграфом, где верховодит Клестов-Ангарский. Вересаев будто бы поговорил и сказал, что Мосполиграф от такого издания отказывается, а сам тем временем приготовил для Мосполиграфа же трехтомную работу о Пушкине, беря библиографию у Цявловского.

Я вошел в кабинет. Цявловский и Вересаев разговаривали, оба не без смущения. <...> Вересаев взял у Цявловского том «Русской старины» и вскоре ушел. Цявловский был сильно огорчен, хотя ничем не выразил это Вересаеву» (НЛО. 1999. № 36. С. 144). Планы и заявки М. Ц. на изд. сб. «Современники о Пушкине», «Воспоминания об А. С. Пушкине» см.: 2558.2.98, 119. Под ред. М. Ц. вышла лишь: Книга воспоминаний о Пушкине. М.: Мир, 1931.

С. 60. ***в тесном кругу знакомых вместе читать «темные места» у Пушкина.*** — Подобные неформальные объединения литераторов и ученых к тому времени имели уже свою традицию. Например, М. Ц. принимал участие в работе Пушкинского кружка московских историков литературы, существовавшего в 1915—1917 (в него входили Б. А. Грифцов, И. Н. Розанов, В. М. Фишер, К. Г. Локс и др.; см.: Пушкин. Сб. первый. М., 1924. С. 319).

О проходивших собраниях Вересаев вспоминал: «Через каждые две недели мы собирались и — читали «Евгения Онегина». В течение двух лет мы успели прочесть всего три главы. «Меж ними все рождало споры...» Тип Онегина. Меняющееся отношение к нему автора по мере развития романа. Значение эпиграфов над главами. Вообще роль эпиграфов у Пушкина, так отличающаяся от роли эпиграфов, например, у Вальтера Скотта или Стендаля. Выброшенные Пушкиным строфы. Всевозможные мелочи, на которые мы наталкивались при чтении, например: «Онегин был... ученый малый, но (?) педант (?)». Какой педантизм в том, чтобы касаться всего слегка и с ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре? Почему «*взвившись*, занавес шумит», а не «взвиваясь»? Иногда на обсуждение одной строфы уходил целый вечер.

Цявловский в этом кружке стоит в моей памяти как неистовый священнослужитель великого и безгрешного божества, как блюститель безусловного поклонения Пушкину. Всякое слово критики его возмущало. Он прямо заявлял: — У Пушкина все хорошо!» (*Вересаев В. В.* Невыдуманные рассказы. С. 314). Ср. вышедшее из театральной среды воспоминание об этом кружке: «Лужский поддерживал тесную связь с московской интеллигенцией. Был

он, как и Леонидов, страстным пушкинистом и входил в Пушкинский кружок, состоявший из крупнейших специалистов, — помнится, в него входили М. А. Цявловский, И. А. Новиков, Л. П. Гроссман. Их встречи назначались преимущественно в небольшом и уютном, с маленьким садом, домике Лужского, в одном из арбатских переулков. К этим встречам Лужский готовился тщательно, предвкушая их как наивысшее наслаждение» (*Марков П.А.* Книга воспоминаний. М., 1983. С. 191). Протоколы дискуссий на заседаниях кружка хранились у дочери И. А. Новикова М. Н. Новиковой-Принц (см.: К. Богаевская 1990). О «ведущей» роли М. Ц. в сложившемся кружке вспоминал в 1957 Л. П. Гроссман (см.: РГАЛИ. 1386.2.75, л. 32); он же оставил интересные характеристики основных участников чтений (записи относятся к нач. 1930-х):

«Цявловский сообщал огромное количество фактов из всех областей пушкинианы. Все новейшие открытия в области изучения Пушкина, все предания, идущие от современников-мемуаристов, были у него на памяти и обильно питали споры. Он помнил все высказывания Бартенева, все свидетельства Анненкова. Общее знанье Пушкина давало ему возможность любопытных и ценных сближений. По поводу стиха «Как жизнь поэта, простодушна» он удачно вспомнил о начале моцартизма у Пушкина.

Новиков любил ставить парадоксальные вопросы, иногда шутливо заострять довольно понятные и несомненные места. Это вносило оживленье и некоторый налет веселости в споры. Иногда наблюдения беллетриста оживляли неожиданными истолкованиями текст. Он возглавлял то «талмудическое» теченье в чтенье Пушкина, которое намеренно создает трудности и воздвигает вопросы для возбужденья контроверз и созданья сложных экзегез. Такой подход создавал подчас забавные шутливые эффекты, но мог приводить и к довольно серьезным выводам и наблюденьям.

У Вересаева были интересны вопросы творческой психологии, писательского отношенья к образам, к изображаемым драмам. Детальное знанье пушкинской биографии сообщало большую живость его анализам и иллюстрациям.

Чулков поднимал очень значительные вопросы и давал оригинальные и ценные истолкованья. Вопросы христианской метафизики, психологии страстей получали своеобразное и подчас очень тонкое истолкованье. Так толковал он стихи «Она поэту подарила младых восторгов первый сон...» Это противоречило другим истолкованьям в духе фрейдизма — первые эротические сны. По поводу очень яростных споров и настойчивых предложений каждым своего комментария Чулков как-то отметил неправильность этого эвристического метода: стих поэта не только многообразен, но и многосмыслен, и нельзя сводить его к единому истолкованью.

Верховский говорил мало, редко и недолго, но делал обычно очень дельные замечания. Вопросы стиля, стиха, старинного стихосложенья, иногда вопросы старинного быта пушкинской эпохи. Он превосходно знал пушкинские стихотворные тексты, отлично помнил их и передавал без искажения — быть может, это и есть подлинное любовное знанье Пушкина. Мне всегда были подозрительны «пушкинисты», плохо запоминавшие стихи Пушкина и не решавшиеся их цитировать на память» (РГАЛИ. 1386.2.147, л. 5—9).

Ср. одно из оповестительных писем о заседании кружка, посланное Гроссманом М. Ц. 19.05.1927: «Дорогой Мстислав Александрович, ждем Вас сегодня в 9 час. Вересаев выполнил обязательство. Приходите... и пробка в потолок! Леонидов будет с брегетом (недремлющим). Смотрите же, не запоздайте на его первый звон (в 9 час.)» (2558.1.73).

Упомянутый конфликт между Чулковым и Гроссманом поясняется письмом последнего на имя В. В. Вересаева, М. Ц. и Д. Д. Благого:

«Викентий Викентьевич, Мстислав Александрович и Димитрий Димитриевич.

Принятые Вами как судьями моего конфликта с Г. И. Чулковым решения (14 марта и 16 апреля) вынуждают меня сообщить Вам следующее:

Объективное рассмотрение Ваших суждений ставит передо мною ряд вопросов:

1) Указание на предложение мною третейского суда отличается большой неточностью.

Я обратился к М. А. Цявловскому 2 марта с.г. не с предложением третейского суда, а с просьбой получить от Г. И. Чулкова письменное объяснение по поводу слухов, распространяемых им обо мне. Ввиду того, что объяснения М. А. Цявловского с Г. И. Чулковым раскрыли ряд новых обвинений против меня Чулкова, исключающих возможность письменного разъяснения его действий, я предложил либо подвергнуть создавшееся положение рассмотрению наших общих друзей по Пушкинскому кружку, либо обратиться к третейскому суду. Отвергнув первое предложение, Чулков избрал для разрешения нашего конфликта форму третейского суда. Редакция решения от 16 апреля излагает ход первоначальных действий неправильно, замалчивая решающую роль Чулкова в выборе формы арбитража.

2) Вы ограничились исключительно рассмотрением фактов, связанных с редактированием Достоевского, в то время как источником конфликта явилось утверждение Чулкова, будто я из личных интересов отговаривал его писать роман о Достоевском. Утверждение это Чулков был вынужден признать на суде имевшим место, в значительной степени изложив его в своем объяснении суду и ничего не возразив против дополнительных фактов, приведенных мною. Как литературному работнику, мне было особенно важно услышать решение суда по этому пункту. Он был в первую очередь назван мною в моем письме к М. А. Цявловскому и в первую же очередь сформулирован на суде. В своем объяснении суду я уделил ему особое внимание, ибо в нем центр всего конфликта: первостепенную моральную важность во всем деле имеют, конечно, не наши взаимоотношения как редакторов ГИЗа, а как писателей. Ответ на этот больной и важный вопрос в первую очередь и призван был дать писательский суд. По непонятным причинам он от этого совершенно уклонился.

3) В вашем решении 14 марта по поводу самого тяжелого и недопустимого обвинения, брошенного мне Чулковым, вы отказались высказать ваше суждение о нем ввиду того, что факт произнесения указанного обвинения Чулковым по вашему заключению остался недоказанным. Между тем факт этот был сообщен суду (а за несколько дней перед тем и мне) таким высококвалифицированным свидетелем, как М. А. Цявловский. В решении суда по этому вопросу — недопустимое противоречие.

4) В вашем решении от 16 апреля вы нашли в себе достаточно мужества, чтоб со всей категоричностью допустить в суждении обо мне такие в высшей степени болезненные формулы, как «грубое обращение», «личная обида, нанесенная Гроссманом», «инкриминируемые Гроссману поступки», «некорректность» и проч. Подобная беспримерная суровость формулировки, пренебрегающая всякими соображениями о впечатлении, какое должны произвести на меня эти жесткие определения, словно вынесенные не судьями, а обвинителями, могла бы получить хотя бы некоторое оправдание, если бы такую же беспощадную трезвость слова вы применили бы и к Г. И. Чулкову, которого я обвинял и обвиняю не только «в обиде» или «некорректности», но в глубоко аморальном поведении в отношении своего товарища по литературной и общественной работе. Односторонняя резкость приговора в отношении меня становится тем необъяснимее, что во время разбирательства конфликта, в исключительно ответственной и трудной обстановке, в присутствии Чулкова и моих судей, я нашел возможным заявить о своем сожалении по поводу резких выражений, вырвавшихся у меня по адресу Чулкова во время нашего объяснения в ГИЗе.

5) Если суд признал, что «инкриминируемые Чулковым Гроссману поступки не столь важны, чтоб подвергать их подробному обследованию», он в равной мере должен был бы поставить и разрешить вопрос о «поступках, инкриминируемых Гроссманом Чулкову», которые никак нельзя признать маловажными и не подлежащими подробному обследованию, если учесть, что в течение года Чулков не переставал в устной и письменной форме распространять обо мне порочащие слухи, не имевшие под собой никакого фактического основания.

6) К ряду этих слухов относится и сформулированное мною третье обвинение Чулкова, переданное мне М. А. Цявловским накануне суда, будто я «воспользовался отсутствием А. В. Луначарского для проведения своего плана издания» и проч. Факт этот был мною категорически опровергнут простой ссылкой на сохранившийся протокол и лишний раз обнаружил систему

обвинений Чулкова. Суд и это обстоятельство обошел полным молчанием.

Все это заставляет сообщить вам, что ваше решение не дало мне ответов на поставленные вопросы и я не могу считать дело завершенным. Обращаясь в частности к вам, Мстислав Александрович и Викентий Викентьевич, я считаю своим долгом заявить, что наша долголетняя духовная и личная близость дали мне право обратиться к вам за самым высоким и ценным даром — за справедливостью. Я все еще жду ее от вас. Я хочу верить, что суд чести, имеющий право собирать и рассматривать факты дела, пока оно не будет разрешено с исчерпывающей полнотой, действительно отвечающей великому принципу «правды на суде», еще не закончил своих действий. Я продолжаю ждать вашего ответа на вопросы, представляющие для меня исключительное значение и на которые вы согласились ответить мне самим фактом вашего участия в разборе этого конфликта.

Леонид Гроссман

18.IV.1931» (экз., посланный М. Ц.: 2558.1.73; Вересаеву: РГАЛИ. 1041.1.50).

Получив разъяснительный ответ членов третейского суда, Гроссман 23.04.1931 откликнулся теплым благодарственным письмом («Я соглашаюсь стать на Вашу точку зрения и считать рассмотрение конфликта законченным»); экз., посланный М. Ц.: 2558.1.73.

<11>

Л. П. Гроссман после окончания Ришельевской гимназии в Одессе 1906—1907 уч. год занимался на факультете права Сорбонны, затем окончил Новороссийский ун-т. С 1921 переехал в Москву. Гроссман выпустил сб. стихов «Плеяда. Цикл сонетов» (Одесса, 1919; М., 1922); цикл сонетов «На полях Пушкина» (Лирический круг. М., 1922). Были популярны его романы из жизни писателей: «Записки д'Аршиака» (1929), «Рулетенбург. Повесть о Достоевском» (1932). На вечере десятилетия смерти М. Ц. в 1957 Гроссман выступил с мемуарным докладом о нем, в кот. вспоминал: «Я знал лично Мстислава Александровича с 13 ноября 1921 года (как гласит его надпись на экземпляре «Пушкина в печати», подаренном мне «на память о первой встрече»). С тех пор я постоянно общался с автором поднесенной мне книги в литературных организациях, в дружеском объединении пушкинистов, в простых встречах и беседах среди книг его безбрежной пушкинианы. Я хорошо помню его строгие научные доклады в ряде комиссий и секций, как и его увлекательные импровизации в тесном кругу друзей. <...> О Пушкине он говорил всегда с увлечением, широко и обильно, нередко выходя из русла намеченных <тем>» (РГАЛИ. 1386.2.75, л. 31, 32).

С. 61. *«Искусство анекдота у Пушкина»* — доклад Гроссмана 30.11.1922 в Пушкинской комиссии ОЛРС; из протокола прений по докладу: «М. А. Цявловский полагает, что утверждение о влиянии французской стихии на Пушкина преувеличено; влияние русской стихии — языка, поэзии, острословия — также было очень сильно. <...> На замечания М. А. Цявловского докладчик отвечает, что у него, действительно, Пушкин выходит не русским, а скорее французом, и это не случайно, так как докладчик менее всего чувствует Пушкина как русского. Пушкин гениально русский в области языка, стиля, но не мысли» (Пушкин. Сб. первый. М., 1924. С. 294—295).

С. 62. М. Ц. имеет в виду следующее утверждение из предисловия Гроссмана: «Новые письма Тургенева непререкаемо устанавливают очень важный биографический факт: одна из дочерей знаменитой певицы — Клавдия (Диди) Виардо — была его дочерью». Основанием для такого вывода послужили строки из письма Тургенева от 5 января 1874: «...Диди, существо, которое я люблю больше и нежнее всего на свете, стала неделю тому назад невестой. Удивительно все-таки, что на извещение ваше о помолвке вашей доче-

ри <...> я могу отвечать тем же!» (Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу. 1864—1883 / Ред., предисл. и примеч. Л. Гроссмана; перев. текстов Н. Тролль М. ; Л. , 1924. С. 14, 155. Ср. нем. ориг. и пер. в изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М. ; Л. , 1965. Т. 10. С. 184, 421).

Относительно письма Тургенева Боткину М. Ц., вероятно, ошибся, утверждая, что оно вовсе не было опубл. О своей болезни Тургенев сообщал Боткину регулярно, в т.ч. о ее обострении и попытке лечиться электричеством говорится в письмах от 4 (16) авг. и 6 (18) авг. 1857. По-видимому, это последнее письмо М. Ц. и имел в виду. Оно опубл. Н. Л. Бродским с купюрой после слов: «Сверх того, так как эта невралгия выбрала скверное место, у меня сделалось расслабление...», и с примеч.: «Выпущены подробности медицинского характера» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869 / По мат-лам Пушкинского Дома и Толстовского музея приготовил к печати Н. Л. Бродский. М. ; Л. , 1930. С. 130. С аналогичной купюрой и тем же примеч. это письмо печатается до сих пор; ср.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. М. , 1987. Т. 3. С. 250). Об этом письме Тургенева М. Ц. рассказывал в приятельском кругу (в т.ч. и Гроссману) еще в 1924 (см. коммент. на с. 284); выполненная М. Ц. копия с подлинника была передана им известному собирателю лит. эротики Н. В. Скородумову, в собр. кот. в РГБ и находится в наст. время (указано Л. В. Бессмертных).

<12>

Развернутого очерка о Щеголеве-пушкинисте М. Ц., хотя он неоднократно собирался, так и не написал (см. пункты о Щеголеве в различных списках предполагаемых мемуарных тем М. Ц.). Однако он посвятил ему некрологическую заметку «Памяти П. Е. Щеголева» (Лит. газета. 1931. 30 янв. № 6). Присутствовавшим запомнилась речь М. Ц. на похоронах Щеголева (ср. упоминание о ней особым пунктом в конспективном плане выступления Б. В. Томашевского «Памяти М. Ц.»: РГБ. 645.20.13). 19.03.1931 он выступил с докладом «Щеголев как пушкинист» на посвященном Щеголеву собрании Общества содействия лит. музею Публ. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (там же Н. К. Пиксанов прочел доклад «Литературные и исторические работы Щеголева»); сохранились лишь конспективные черновые наброски к этому выступлению (в т.ч.: «Главнейшие работы по биографии, но в них немало текстов. Документ. Вкус Щеголева к документу. Знание архивов. Насыщенность исследования документами. Отсюда «неувядаемость» работ Щеголева. Мастерство использования документа. <...> Замечательно «чувствовал» Пушкина. Дружба с Сувориным — земляки. Очаровал старика. Напишет биографию Пушкина. Авансы. <...> Первый ввел Николая в биографию Пушкина» (2558.2.236, л. 47, 57). К 1918 относится запись М. Ц. сюжетов рассказов Щеголева:

«Щеголев как пушкинист. Его рассказы в приезд его в Москву в июле—августе 1918 г. <Вел. кн.> Николай Мих. о материалах у гр. Торби (дочери гр. Меренберг), внучки А. С. Пушкина. Печатание издания «Медный всадник» в общине Евгения со статьей Щеголева и рисунками А. Бенуа. Будет стоить 500 р. «Открытие» рукописей Пушкина в количестве 20 печатных листов! Скрывает подробности этого «открытия», не говорит у кого. Я догадываюсь, это у наследников сына Пушкина А. А. Пушкина материалы по истории Пугачевского бунта, истории Петра I и поэм. Последнее особенно интересно. П. Е. <Щеголев> Кожебаткину говорил, что это — материалы литературные, т. е. как раз именно по поэмам. Далее он говорил, что много выписок. Ну это, конечно, само собой: не может же быть 20 печатных

листов рукописей Пушкина оригинальных его сочинений. Рассказ Щеголева о б. в. к. Николае Михайловиче, сидящем в тюрьме на Гороховой и о просьбе его управляющего... перевести велик. кн. в «Кресты». Слабые возражения Щеголева на мою статью — рецензию об его исследовании о дуэли и смерти Пушкина (сначала, как мне говорил, хотел назвать «Конец Пушкина»). Интересны рассказы о работе его над "Медным всадником"».

Сюжету об «открытии рукописей Пушкина» посвящена позднейшая подробная заметка М. Ц.:

«Архив опеки над малолетними детьми А. С. Пушкина хранился у Нат. Ник. или, вернее, у ее второго мужа Петра Петровича Ланского. Архив этот видел П. В. Анненков. Вероятно, вместе с библиотекой архив был перевезен в имение внука поэта Алдра Алдр. Пушкина <Ивановское> Бронницкого у., а оттуда точно бы в Лопасню Васильчиковых. Здесь он лежал не то в чулане, не то на чердаке, или и там, и там. Бумаги шли время от времени на хозяйственные надобности: на них что-то сушили (какое-то семя), их подстилали, ими завязывали банки с вареньем и т. п. Особенно сильно пошло это употребление в годы революции, когда, наконец, Григорий Алдр. Пушкин (внук поэта) или его жена обратили внимание на это. Стали разбираться в собрании бумаг, увидали почерк Пушкина. Оказалось, что имеется 20 тетрадей in f°, исписанных рукою Пушкина. Повезли в Москву передавать. Кто-то порекомендовал им обратиться к издателю Думнову, «он, мол, может купить». Понесли к Думнову, а там сидит Щеголев П. Е. Стали рассматривать привезенное. Оказывается, выписки из книг Голикова «Жизнь и деяния Петра Первого», делавшиеся Пушкиным в последние месяцы жизни. Последняя выписка имеет дату: 27 января 1837 г., т. е. день дуэли. Павел Елисеевич говорит: «Это может купить Пушкинский Дом». Кроме 20 тетрадей выписок из Голикова было немало тут и других бумаг: письма к Пушкину (от кого-то (вероятно, от Оксмана) я слышал точно бы о 60-ти письмах. М. б. я и ошибаюсь), счета ему, отдельные листы с писаниями Пушкина (об этом подробнее я скажу ниже). Не успел он как следует все это рассмотреть, вбегает служащий Думнова и восклицает: «Комиссары пришли все опечатывать». Паника. Что делать? Доказывай, какого происхождения принесенные бумаги, да и доказательства, собственно, излишни, так как дело происходило в то время, когда и частные библиотеки и архивы конфисковывались. Но выручил Щеголев, взявшийся вынести все в своем огромном портфеле, что, конечно, и сделал весьма успешно, с присущей ему импонирующей самоуверенностью.

Согласно договору с Пушкиными он все бумаги предложил купить Пушкинскому Дому. За какие-то тысячи, на нормальные деньги гроши, Пушкинский Дом купил у Пушкиных бумаги, оставшиеся у Щеголева, который выговорил право опубликовать их и только после публикации передать в Пушк. Дом. Формально бумаги были куплены не у Пушкиных, а у какого-то иностранца, фамилией которого (из какого-то романа, подвернувшегося под руку Юлии Николаевны, жены Григ. Алдр.) и подписалась Юлия Николаевна на счете. Сделано это было опять-таки из-за опасения, что Пушкины не имеют права владеть этими бумагами, подлежащими конфискации. Все это записано со слов Веры Степ. Нечаевой, которой так рассказывали Пушкины (Григ. Алдр. и Юл. Ник.).

Так сделался Щеголев фактическим распорядителем этих бумаг. В свое время я от Кожебаткина, с которым в то время «водился» Пав. Елис., слышал про эту покупку выдуманную, как теперь выяснилось, версию. Выдумана она была для того, чтобы не «выдать» Пушкиных. А версия

такая. Где-то недалеко от Москвы, в каком-то имении, Щеголев проездом куда-то ночевал. В комнате, где он спал, висела клетка с канарейкой, на дне клетки П. Е. заметил старую бумагу; стал ее разглядывать и узнал почерк Пушкина. «Откуда, бабушка, у вас эта бумага?» — спросил Щеголев старуху, которая ему прислуживала. «С чердака, батюшка, у нас там таких старых бумаг много». — «Нельзя ли их посмотреть?» И со старухой Щеголев полез на чердак. В бытность у Щеголева в 1927 г. он мне показывал эти бумаги. Выписок из Голикова у него уже не было: он их сдал в Пушкинский Дом. По его подсчету, в них будет листов 15. В имеющихся же у него документах самый замечательный, конечно, письмо дочери Калашникова, теперь уже использованное им. (Статья Щеголева «Пушкин и мужики» в «Новом мире».) Два (или три?) письма к Пушкину Щеголев опубликовал в еженедельнике <«Ленинград»> (письма перепечатаны мною в сб. «Письма П. и к П—у»). Кроме этого у Щеголева были: 1) письмо (без начала или без конца) Калашникова, написанное последним в оправдание против «клевет» на него; 2) письмо некоего Арсеньева непонятного содержания; 3) письмо не помню кого, написанное чрезвычайно витиевато; 4) автограф Пушкина — какой-то отрывок с текстом на политико-экономическую тему. Вот, кажется, и все, что показывал и читал мне Щеголев. Но это не все, что есть у него. У него есть еще счета ресторатора, портного, лавочника, переписчика и др.

В последний приезд мой в Питер был я у Ю. Г. Оксмана, и он мне показывал неопубликованное письмо Пушкина (автограф!) к Смирдину об издании «Бахчисарайского фонтана» (письмо датировано, сейчас не помню даты). Откуда оно у него, Оксман не сказал мне, но его друг Н. Ф. Бельчиков раскрыл мне сию тайну. Будучи у Щеголева одно время секретарем, Оксман убедился, что Щеголев не помнит всего, что есть у него пушкинского, и, пользуясь этим, Ю. Г. взял себе это письмо, так сказать, по принципу «грабь награбленное». Взять-то взял, а что делать с письмом, и не знает. Если публиковать, то надо говорить, откуда письмо. Так письмо и маринуется и не попало в издание и Модзалевского. Возможно, что и еще что-нибудь спер у Щеголева Оксман» (Собрание К. П. Богаевской).

Ряд документов из пушкинских бумаг опубл. сам Щеголев; после его смерти крупные подборки были напечатаны в: ЛН. 1934. Т. 16—18 (здесь же Ю. Г. Оксман опубл. письмо Пушкина А. Ф. Смирдину 25.10.1827); Временник Пушкинской комиссии. Л., 1936. Т. 2; Лит. архив. М.; Л., 1938. Т. 1; см. также: Архив Опеки Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1939 (Летописи ГЛМ. Т. 5).

Наибольшее количество откликов М. Ц. в печати и в публичных выступлениях относится к главной пушкиноведческой работе Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Рец. на ее 1-е изд. завершалась выводом: «В общем, книга П. Е. Щеголева будет отмечена в летописях пушкиноведения как явление первостепенного значения» (Голос минувшего. 1917. № 2. С. 294). На заседании лит. секции ГАХН в 1927 М. Ц. выступил с развернутым откликом на доклад Щеголева по всегда особо интересовавшей его теме (см. конец данного фрагмента «Записок пушкиниста») авторства и обстоятельств распространения посланного Пушкину диплома ордена рогоносцев: «Прочитанный 3/X доклад П. Е. Щеголева «Анонимные пасквили и враги Пушкина» <...> вызвал сочувственную оценку М. А. Цявловского, который дополнил сообщение ссылками на не названные докладчиком работы Б. Л. Модзалевского и Б. В. Томашевского и отметил, что характеристику Долгорукова можно дополнить рядом других материалов. Сообщение П. Е. Щеголева, по мнению М. А. Цявловского, можно свести к

следующим основным положениям: 1) чтение пасквиля приводит к бесспорному выводу, что прочтение диплома <!> указывает на «царскую линию», 2) причастность Геккерена к пасквилю следует признать установленной, хотя выполнение замысла было осуществлено не им. Присоединяясь к выводам П. Е. Щеголева, М. А. Цявловский отмечает, что не будучи сплошь новыми, разыскания его с изумительным богатством устанавливают картину, предшествующую смерти Пушкина» (Бюллетень ГАХН. 1927. № 10. С. 17). Эта тема заняла центральное место в рец. М. Ц. на 3-е изд. кн. Щеголева, куда вошла новая глава «Анонимный пасквиль и враги Пушкина». М. Ц. писал: «Эта новая глава <...> не столько дополняет и исправляет концепцию Щеголева, которую мы имеем в основной части исследования, но во многом ломает ее. Поэтому не будет преувеличением сказать, что в третьем издании «Дуэли» мы в сущности имеем две версии ее истории. Основная тема второй версии — Николай и Наталья Николаевна Пушкина. <...> В общем в новом издании книги П. Е. Щеголева мы имеем не столько историю дуэли, сколько материалы к последней. Дальнейшие поиски <...> откроют нам еще новые данные, и вот тогда, переработав радикальным образом свою первую «редакцию», «увязав» в ней, выражаясь по-современному, «неувязанные» факты с предположениями, автор напишет, наконец, историю последней дуэли Пушкина» (Печать и революция. 1928. № 4. С. 188). В 1936 М. Ц. отредактировал посмертное изд. книги Щеголева для серии «Жизнь замечательных людей» и снабдил ее своим предисловием и примеч. «В 1936, в предисловии к ее четвертому изданию, Цявловский так охарактеризовал эту работу: «...задача была выполнена с присущим покойному ученому мастерством. На основании широко привлеченных печатных и архивных материалов П. Е. Щеголев в живом, ярком изложении дал картину предцуэльных событий».

В третьем издании своего исследования о дуэли Пушкина Щеголев напечатал экспертизу почерка, которым написан оскорбительный пасквиль, именующий великого поэта рогоносцем. Криминалист А. А. Сальков признал почерк принадлежащим литератору князю П. В. Долгорукову, но современные эксперты решительно это отвергают (см. 5-е изд. труда Щеголева в изд-ве «Книга», 1987)» (К. Богаевская 1990).

Ряд работ о Пушкине вошел в подготовленный Ю. Н. Емельяновым сб. Щеголева «Первенцы русской свободы» (М., 1987), ему же принадлежит очерк научной деятельности и библиография работ Щеголева (в сб.: История и историки: Историографический ежегодник, 1977. М., 1980).

С. 63. В работе «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» Щеголев писал: «Покойный Ефремов, при всех своих заслугах по изданию русских писателей, все же был только любителем и не имел ни научной подготовки, ни критического чутья, заменяя по временам эти свойства чрезмерным — даже до удивления — апломбом и догматизмом. Он внес не мало совершенно произвольных мнений по вопросам текста, хронологии и даже биографии поэта <...>» (*Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1931. С. 175). В своей лекции 1936 «Наука о Пушкине» М. Ц. вспоминает подобные высказывания Щеголева: «Ефремов провел четыре издания <Пушкина> без всяких научных исследований. Щеголев все издания Ефремова прямо называет навозом, он образно заявляет, что весь навоз, который набросал Ефремов, надо очистить. Также Щеголев очень хорошо сказал, что Ефремов заменял отсутствие знаний необычайным апломбом» (2558.2.250, *л.* 13).

С. 64. Рассказанный М. О. Гершензоном эпизод относится к 1906—1907, когда в издательстве И. Д. Сытина шла подготовка так и не вышедшего трехтомника «Истории декабристов», запланированного на 1907—1908.

«Утаенная любовь Пушкина» — «Статья Щеголева «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» впервые была напечатана в ПИЕС. 1911. Вып. 14. Под заглавием «Утаенная любовь Пушкина» вошла в его сб. «Пушкин. Очерки» (СПб., 1912). В этой статье Щеголев доказывал, что посвящение поэмы «Полтава» адресовано Марии Раевской, последовавшей в Сибирь за своим мужем, декабристом С. Г. Волконским. Он резко возражал пушкинистам Гершензону и Лернеру, имевшим другое мнение. Гершензон в статье «Северная любовь Пушкина» (Вестник Европы. 1908. № 1) называет «утаенной любовью» поэта внучку Суворова Марию Аркадьевну Голицыну. Поэт встречался с ней в Петербурге в 1818—1820 годах и в Одессе в 1823, где вписал в ее альбом стихотворение «Давно об ней воспоминанье...» Лернер в примечаниях к сочинениям Пушкина под редакцией С. А. Венгерова утверждал, что мы никогда не узнаем имя женщины, которой посвящена "Полтава"» (К. Богаевская 1990). — См. антологию работ (в т.ч. Щеголева и Гершензона) на эту тему: Утаенная любовь Пушкина. СПб., 1997.

если бы он не сидел в тюрьме — Щеголев отбывал заключение в 1909—1911 по делу о журн. «Былое». Добившись разрешения иметь в камере достаточное количество научной литературы и свободно писать, Щеголев усиленно работал над исследованиями по Пушкину. В автобиографии он рассказывал: «Заключение вновь вернуло меня к академической научной работе. Я имел в своем распоряжении книги из крупнейших библиотек Петербурга, а кроме того, пушкинские рукописи в фотографиях, которые посылал мне в тюрьму С. А. Венгеров. Здесь я написал работу «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина». В ней я поставил методологические вопросы пушкиноведения. <...> Внешний повод к исследованию был дан мне работой М. О. Гершензона. Я уважал его личность, ценил его за обширность и глубину знаний, но не мог равнодушно пройти мимо его мистицизма в научных построениях, порождавшего пророческие вещания и чтения в сердцах, совершенно бесплодного, даже вредного в филологической науке. В тюрьме я приступил к обработке материалов, извлеченных по моей просьбе, поддержанной Академией наук, из иностранных дипломатических архивов, относившихся к истории дуэли и смерти Пушкина» («Былое»: Неизд. номера журнала. Л.: Лениздат, 1991. Кн. 1: 1926. № 2 (36). С. 118). 26.08.1909 он писал из тюрьмы С. Н. Шубинскому о пушкинской биографии: «Только теперь я осознал, что такое — написать историю жизни Пушкина — было смешно и нелепо, и самонадеянно браться сделать эту работу в 1 $^1/_2$ года. Но зато я сознаю также, что я могу сделать ее как следует и, кроме того, что история Пушкина связана с моей жизнью, что я чреват ею и не успокоюсь, пока не напишу ее» (*Невелев Г. А.* «О Пушкине я думаю непрестанно...»: Из тюремных писем П. Е. Щеголева // Мат-лы по истории рус. культуры XIX—XX вв. Брянск, 1993. С. 51). Шутки о пользе пушкинистике от тюремных заключений Щеголева были распространены среди его коллег; Н. В. Измайлов вспоминал слова Б. Л. Модзалевского, что «следовало бы еще раз посадить Щеголева на годик-другой в Петропавловскую крепость — и биография Пушкина была бы написана» (Рус. литература. 1981. № 1. С. 103).

Вокруг Пушкина

Печатается по подлинникам из личного архива К. П. Богаевской. Фрагменты опубл.: Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 66—76.

Текст представляет собой род научного дневника, предназначенного для фиксации фактов и известий, связанных с изучением и изданием Пушкина, выявлением его материалов и документов о нем, и комментариев к этим сведениям. К сожалению, записи велись не постоянно. Нами имеющийся материал несколько упорядочен и расположен хронологически. Основной комплекс рукописей представляет собой: 1) 6 стр. с записями М. Ц. 1925, под загл. «Около книг и писателей (О Пушкине и о прочем)», вложенные в обложку с заголовком «Записи. Вокруг Пушкина»; 2) общая тетрадь, заполненная Т. Ц. (во многом под диктовку М. Ц.), с заглавием «Дневник. Вокруг Пушкина. I. 1928—1929—1930—1932». Тут же отдельные записи и приписки 2—10.02.1933, 12.12.1936, 1/2.03.1939, 13.09.1955, 3.12.1958 (ряд приписок), 24.04.1962, 27.09.1970; 3) общая тетрадь, заполненная Т. Ц. (отчасти под диктовку М. Ц.), с заглавием «Вокруг Пушкина. II. 1931», включающая записи 1931—1932 (с припиской 28.02.1934), 1945—1947 (записи этих двух тетрадей, которые в 1931—1932 велись попеременно или параллельно, в настоящей публикации упорядоченно скомпонованы); 4) общая тетрадь, заполненная Т. Ц., с заглавием «Вокруг Пушкина. III. 1950— », в которой записи доведены до 3.06.1971. Кроме того, к нему примыкают записи о Щеголеве (см. в коммент. к «Запискам пушкиниста», на с. 231), разрозненные дневниковые записи Т. Ц. (2558.2.818, из которых записи от 2 и 3.10.1966 введены нами в корпус текста) и др. материалы, общую хар-ку кот. см. в преамбуле к коммент.

Тексты фрагментов из «Вокруг Пушкина» в «Науке и жизни» (1971. № 6; вошли подборки и записи «Дневник № 1» (11 фрагм.), «Павел Иванович Миллер» (25.02.1947, фрагм.), «Стихи из Сердобска» (16.02.1929, фрагм.), «Бумаги Серра-Каприола» (записи 1939, 1963), «Автографы в Японии» (14.11.1931), «Новые находки» (2—6.02.1933)) Т. Ц. незначительно отредактировала, снабдила справками об упомянутых лицах, пояснительными комментариями и родословной таблицей потомков Пушкина, составленной ею по материалам М. Ц. и Т. Н. Галиной. Сюжет о «пропавшем дневнике Пушкина» она сопроводила предисловием и добавлением 1970, воспроизводимым ниже в примеч. на с. 244, 246 наст. изд. Машинопись и рабочие материалы журнальной публикации — в архиве Т. Ц. (2558.2.741). Инициатором журн. публ. и автором неподписанного предисл. к ней был Н. Я. Эйдельман. Еще в 1966 он сделал машинопис. копию «Вокруг Пушкина», а затем предлагал отобранные вместе с Т. Ц. фрагменты в «Науку и жизнь». Он же держал корректуры публ. (Т. Ц. была в доме отдыха). О ряде поправок и изменений в публ. см. в его письмах Т. Ц. 19 и 29.04.1971 (2558.2.1638). Планировавшееся продолжение публ. в «Науке и жизни» не осуществилось.

С. 68. *1 января 1925*

Архив Шереметевых, последних владельцев усадьбы Вяземских Остафьево (С. Д. Шереметев был женат на внучке П. А. Вяземского), включал и приобретенные на аукционе бумаги С. А. Соболевского; архив из подмосковной Шереметевых Михайловского в 1921 поступил по конфискации в ведение Центрархива и был определен в Гос. архив феодально-крепостнической эпохи, а затем передан в созданный (во многом на базе собраний ГЛМ) в 1941 Гос. лит. архив. — Н. Ф. Бельчиков в фондах Остафьевского архива обнаружил пушкинский автограф стих. «Деревня» (см. с. 171 наст. изд.; здесь

обсуждаемая 59 строка читается «И Рабство изгнанно по манию Царя») и его список с чтением «И рабство падшее и падшего царя». При публикации этих материалов он не был столь категоричен в оценке последнего варианта, как М. Ц. в данной записи, предлагая относиться к нему осторожно: «После слова «царя» в списке поставлена звездочка чернилами рукой самого П. А. Вяземского и внизу под текстом его рукой на поле написано принятое в печатной редакции чтение: «по манию царя». <...> Перед текстологом встает вопрос, насколько можно придавать значение этому варианту «падшего царя»? Можно ли думать, что этот вариант принадлежит Пушкину? Прямых данных для этого утверждения нет, но есть косвенные; их надо учесть, взвесить и оценить. Заранее скажем, что все эти косвенные доводы ни в какой мере не доказывают принадлежности варианта Пушкину, — они в лучшем случае позволяют утверждать, что этому списку и варианту текстолог должен придавать значение при наличии автографа» (*Бельчиков Н. Ф.* Новое о Пушкине. Стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин. Сб. 2. М.; Л.: Гиз, 1930. С. 194). Этот автограф с фототипическим воспроизведением и вариантами списка с пометой Вяземского был опубл. Бельчиковым также в: Красный архив. 1937. Т. 1.

Сборник Полторацкого—Лонгинова — «Собрание разных стихотворений и прозаических статей А. С. Пушкина», составленное М. Н. Лонгиновым в 1855—1856 и в 1857 скопированное С. Д. Полторацким, в составе собр. которого в 1882 поступило в Румянцевский музей. Сб. включает неопубл. в то время тексты Пушкина и интересен биографич. и библиографич. примеч. и пометами Лонгинова, Соболевского и Полторацкого. Описан П. К. Симони в кн.: *Лонгинов М. Н.* Соч. М., 1915. Т. 1. С. 573—576. Включен М. Ц. в число источников текста стих. Пушкина; см. описание: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 545—546. Уже в нач. 1920-х М. Ц. подготовил полное изд. сборника, так и не осуществленное (см.: Пушкин. Сб. первый. М., 1924. С. 167, прим.). *«Знать хотите ль, господа...»* напечатано не было. См. собранные М. Ц. материалы по теме «Нецензурные стихи Пушкина»: 2558.2.28.

доклада о ноеле... — См. «Записки пушкиниста», <7>, примеч.

С. 69. *16 октября 1925*

Рисунок Лермонтова был воспроизведен в статье: *Зубакин Б. М.* Поэт и рисунок // Искусство трудящимся. 1925. № 16.

была еще дочь... О судьбе Надежды Николаевны Павлищевой см. в предисловии ее внучки, Л. Л. Слонимской, в кн.: Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой. СПб., 1993. С. 9. Эта семейная переписка была подготовлена Л. Л. Слонимской в 1947 для тома «Звеньев», редактором кот. являлся М. Ц. Исполнение работы ему активно не понравилось, и он решительно возражал против ее публикации в таком виде, из-за чего имел неприятные объяснения со Слонимской (см. дневниковые записи: 2558.2.286, л. 42; претензии М. Ц. подробно изложены в письмах к В. Д. Бонч-Бруевичу 21.04, 6.07.1947: РГБ. 369.361.11).

Арендт... написал мемуары... В архиве М. Ц. сохранилась письменная заявка В. Б. Арендта на изд. его «Воспоминаний повстанца-революционера (1863)» (2558.1.256); изд. осуществлено не было.

«Гараль и Гальвина» — См. «Записки пушкиниста», <9>, примеч.

автором статьи о Пушкине — *Каменева Е. Н.* Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1924. Т. IV, прилож. С. 182—202. Эту статью М. Ц. анализировал в

докладе «Пушкиниана 1924—1925» в ОЛРС: «Каменев приходит к выводу, что Пушкин принадлежал к “гипоманиакальным личностям циклоидного характера”» (2558.2.234, л. 16—18).

Пушкинская комиссия ОЛРС была образована 16.02.1922; председателем был избран Н. К. Пиксанов, товарищем председателя — М. Ц., секретарем — Н. Н. Фатов (Сакулин был председателем ОЛРС). — Доклад М. Ц. основывался на материалах тетрадей Бартенева (см. «Записки пушкиниста», <6>, примеч.) и Ф. Г. Толля. Последняя вошла в изд.: Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Приготовил к печати <...> Е. Якушкин. М. : М. и С. Сабашниковы, 1926 («Записи прошлого»). Помещенный здесь рассказ Е. А. Долгоруковой о дуэльной истории Пушкина (С. 142—144) очень близок к записи Бартенева (Рассказы о Пушкине. С. 62), но Толль зафиксировал и такой ее рассказ: «Пушкин, умирая, просил княгиню Д<олгоруко-ву> съездить к Дантесу и сказать ему, что он простил ему. «Moi aussi je lui pardonne!» <Я тоже ему прощаю>, отвечал с нахальным смехом негодяй» (С. 135).

С. 70. В предисловии ко *второму сб. «Пушкин»* Пиксанов писал: «В 1925 году, по докладу председателя, единодушно поддержанному всеми членами, Пушкинская комиссия поставила своей задачей: не отменяя других видов своей работы, на первую очередь выдвинуть социологические анализы жизни и творчества Пушкина и его среды» (Пушкин. Сб. 2. М. ; Л. : Гиз, 1930. С. V ненум.). Впрочем, «небольшой объем, предоставленный второму сборнику», не позволил включить в него написанную на основе доклада статью Пиксанова «Социологические проблемы пушкиноведения»; заявленное как приоритетное направление изучения Пушкина было представлено статьями Сакулина и И. Н. Кубикова, не нашлось места для продолжения начатого в «сб. первом» (1924) описания пушкинских рукописей Н. Н. Фатова и хроники работы Комиссии; М. Ц. в сб. не участвовал. — Изложение речи Пиксанова в торжественном заседании в ГАХН, посвященном 30-летию лит. деятельности Луначарского, см.: Народное просвещение. 1926. № 415. С. 8—10. В ГАХН же была организована посвященная Луначарскому выставка публикаций.

пушкинского сборника — Пушкин. Статьи и мат-лы / Под ред. М. П. Алексеева. Вып. I. Одесса, 1925 (Одесский Дом ученых. Пушкинская комиссия). Об успехе своего предприятия Алексеев сообщал 1.11.1925 В. А. Мануйлову: «Продажа всего «завода» сборника состоялась в Москве, через неделю получу, вероятно, векселя, расплачусь ими с типографией и тотчас же приступлю к организации второго» (Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1(40). С. 78). С докладом «Легенда о Пушкине и Воронцовой, ее источники и критики» Алексеев выступил в одесской Пушкинской комиссии 17.04.1926; полностью этот материал им опубл. не был (ср. словарную статью о Воронцовой в одесском сб. Вып. III. 1926. С. 34—38).

«Пушкинский Ежегодник» — такое название предложил М. О. Гершензон для задуманной им серии сборников, подготовку кот. после его смерти взял на себя М. Ц.; в его архиве сохранилось составленное Гершензоном оглавление ежегодника на 1925 (2558.1.237; ср. 2558.2.57). 24.03.1925 М. Ц. сообщал Б. Л. Модзалевскому: «Как я уже, кажется, писал Вам, в январе М. О. <Гершензон> затеял со мной пушкинский сборник. Смерть М. О. , к счастью, не расстроила этого дела, и сборник выйдет. Задержка происходит со статьей В. И. Иванова, который в Италии. Ничего исключительного в сборнике не будет, но будут кое-какие интересные мелочи. Слышал я, что и в Питере затевается пушкинский сборник и тоже под таким же заглавием, как и наш, т. е. «Пушкинский Ежегодник». Последнее обстоя-

тельство, конечно, досадно, но что же поделаешь, еще раз (в который это раз!) Москва с Питером вступит в состязание» (ИРЛИ. Фонд Модзалевского). Участие в сб. Вяч. Иванова не состоялось, как и другого «поэта-пушкиниста» В. Ф. Ходасевича (см. их переписку с М. Ц.: ИРЛИ. Ф. 387; письма последнего опубл. Р. Хьюзом: Рус. литература. 1999. № 2). В 1927 и 1930 вышли два выпуска под заглавием «Московский пушкинист»; в предисловии к первому М. Ц. писал: «Мысль М. О. Гершензона встретила большое сочувствие среди московских пушкинистов <...> Но издать первый выпуск «Ежегодника» не удалось ни весной 1925 г. <...> ни осенью. Безуспешна была и в 1926 г. попытка издать поступившие ко мне статьи и материалы в виде сборника "Московский пушкинист"...» (С. 3). Алексеев в сборниках не участвовал.

Получил письмо от Томашевского. — Письмо от 10.10.1925 с выдержками из писем С. П. Шевырева к М. П. Погодину 1829, содержащими упоминания о Пушкине (из собрания П. Я. Дашкова ПД; фрагменты из двух писем вошли в публ. М. Ц. в ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 702—704, но с указаниями «Сообщено И. С. Зильберштейном», ср. ниже); Томашевский по собственной инициативе предлагал прислать их М. Ц. еще 25.03 (ИРЛИ. 387.301). В 1924 он выполнил стиховедческий анализ стих. «Гараль и Гальвина», использованный М. Ц. при доказательстве авторства Пушкина, в октябре 1925 прислал М. Ц. копии всех только что обнаруженных писем Пушкина к Е. М. Хитрово и т. д., вплоть до сверки по подлиннику корректуры публикации дневника П. И. Долгорукова в 1950. Благодаря его за неизменную отзывчивость и щедрую помощь, Т. Ц. писала 9.03.1950: «Как ценил Мстислав Александрович эту Вашу черту, он постоянно вспоминал, как, когда открылись письма Пушкина к Хитрово, Вы переписали Мстиславу Александровичу все эти письма...» (РГБ. 645.41.72; см. также в ее письме 13.04.1957: « <...> Читая эту Вашу ноту, я не могла не вспомнить и со вкусом не повторить частого восклицания Мстислава Александровича: "Умница Томашевский!"»; РГБ. 645.42.3; см. также ниже примеч. к с. 76).

Илья Самойлович Зильберштейн — Знакомство с ним М. Ц. состоялось, вероятно, в 1924. Б. Л. Модзалевский писал М. Ц. 27.03.1924: «Студент Илья Самойлович Зильберштейн, с осени занимающийся в Пушкинском Доме, преимущественно над Достоевским, едет для работы к вам в Москву и просит меня дать ему возможность познакомиться с Вами» (ИРЛИ. 387.232; тем же днем датировано рекомендательное письмо Модзалевского М. О. Гершензону: «Рекомендую Вам молодого энтузиаста-исследователя Илью Самойловича Зильберштейна, который работает у нас в Пушк. Доме, едет теперь в историко-литературное паломничество в Москву и страстно хочет познакомиться с Вами, — для чего и просит моей к Вам записочки. Делаю это охотно»; РГБ. 746.37.47). В 1926 Зильберштейн издал кн.: Из бумаг Пушкина (Б-ка «Огонек», № 102), в кот. опубл. некоторые материалы из Майковского собрания, ПД, Публичной биб-ки и из бумаг, собранных П. Е. Щеголевым. В предисловии автор выражал «искреннюю благодарность» за помощь Б. Л. Модзалевскому, Ю. Г. Оксману и Б. В. Томашевскому. Книга вызвала раздражение пушкинистов. Б. В. Томашевский писал в марте 1926 (почт. шт. Москвы 17.03) М. Ц.: «Оксман мне передавал со слов Бельчикова, что брошюра Зильберштейна произвела в Москве скандалезное впечатление. Считаю себя обязанным объясниться. Нами уже послано письмо в редакцию «Печати и революции», где мы открещиваемся от всего этого. На самом деле дело обстояло так. Зильберштейн, человек способный, но назойливый, науку забросил уже два года и целиком ушел в желтую прессу. Когда-то

он забегал ко мне, интересовался, я кое-что ему показывал, даже давал — чего не прощу себе — копии некоторых рукописей Майковского собрания (я не думал, что он так их использует). С год тому назад он забегал ко мне за советами по поводу предполагавшейся им брошюры. Я резко и отрицательно говорил с ним по этому поводу, уклонившись от каких бы то ни было советов и предложив ему доучиться до такого состояния, когда бы это предприятие ему было посильно. После этого я его не встречал — видел мельком на улице. Недавно наконец у газетчика я купил эту брошюру и только тут с ней ознакомился. Таким образом, если я и повинен в чем, то только в том, что предоставил ему обработку материалов, которую он, в буквальном смысле, у меня похитил. Но и здесь я особенно виновным себя не чувствую, т. к. оригиналы и подлинники были предоставлены ему Пушкинским Домом <...> Никаких советов по поводу книги я ему не давал и не мог давать. Здесь дело гораздо хуже. Явившись в Пушкинский Дом с фотографом, Илюша заснял не только рукописи ПД (К. Р.), но и рукописи, случайно находившиеся в ПД, коих опубликование нам, обыкновенным смертным, строжайше запрещено (рукописи из Майковского собрания, переданные вдовой Л. Н. Майкова в архив АН с условием их первой публ. в академич. собр. соч. Пушкина. — *Ред.*). Нуждаясь в рекламе, ПД обрадовался желтопресснику, коего грязная неграмотность не может затмить талантов сотрудников ПД, и предоставил ему свое и чужое добро. Мало того, когда Главлит отказался дать разрешение на книжку, ПД послал, за подписью Платонова, бумагу в Главлит с просьбой разрешить выпуск книги. «Это нам было выгодно», проговариваются сотрудники ПД в те минуты, когда они забывают отрицать свою причастность к Зильберштейну.

Неграмотность Зильберштейна явствует из того, что среди напечатанных им документов *нет ни одного им самим прочитанного*. Этим объясняется, почему он на веру перепечатывает ошибки предшественников <...> Если б вы могли чувствовать, как тяжело иметь дело с Пушкинским Домом! Гнездо невежества, интриг, деспотизма и самодовольства.

P.S. Так гнусно — все письмо занято Зильберштейном» (ИРЛИ. 387.301, л. 34—35). Ср. лапидарно-ироничный отзыв Томашевского о кн. Зильберштейна в: ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 1101. Зильберштейн выслал кн. М. Ц. с письмом 9.03.1926: «Посылаю на Ваш суровый суд свою маленькую — но, кажется, достаточно бездарную книжку» (2558.2.443). — В связи с подготовкой М. Ц. публ. «Пушкин по документам архива М. П. Погодина» для ЛН. Т. 16—18 Зильберштейн, редактор ЛН, писал ему 14.02.1933: «Посылаю Вам: 1) Отрывок из письма Шевырева к Погодину от 18.02.29, с упоминанием о Пушкине; 2) Полностью — письмо Шевырева Погодину от 25.02.29, где тоже идет речь о Пушкине. И то и другое — из отколовшейся части погодинского архива, о котором говорили мы вчера. Введите это в свою работу. Если можно — сделайте это сегодня-завтра, а то ведь мы уже собирались сдавать рукопись в набор. Послезавтра с утра пришлю к Вам курьера» (2558.2.444). — О пушкинских бумагах у Щеголева и Оксмана см. «Записки пушкиниста», <12>, примеч.

О *коллекции автографов Куриса* Алексеев писал в заметке «Автографы Пушкина в Одессе» (Пушкин. Одесса, 1925. Вып. I. С. 56—57). Письма Вольтера были опубликованы им в отдельно изданной работе: Voltaire et Schouvaloff. Fragments inédits d'une correspondance franco-russe en XVIII s. Odessa: Одесполиграф, 1928.

С. 71—78. *Под диктовку М.А. Цявловского*

Цитируемые (с небольшими неточностями) письма Оксмана см.: 2558.1.133, л.

9—11. Приведем более обширную выдержку из последней открытки, от 17.11.1928: «Дорогой Мстислав Александрович, принципиально согласен со всеми положениями вашего неистового письма — одного только не понимаю — почему вы адресуете мне эти упреки? Центрархив не мною создан, а и Максаков и Фриче не мною вдохновляются и в своем отношении к первому поэту России не склонны как будто бы ни с кем из нас соглашаться. Ну, да это у меня наболело не меньше, чем у вас. И все-таки, решительно прошу моего имени в своих выступл<ениях> никак не упоминать и источника своей информации не указывать. Мне-то, разумеется, это не может доставить неприятностей, но авторов открытия подведет жестоко, ибо поделиться вестями о находке они должны были прежде всего не со мною, а со своим непосред<ственным> начальством. Ну, да это должно быть вам ясно, а по существу обстоит все сейчас хорошо — Центрархив склонен разрешить сборник этот пустить в печать очень срочно, а это главное. Никто из пушкинистов наших к этому делу отношения пока не имеет (в том числе и я), а, вообще говоря, для меня нет разницы между «москвичами» и «петербуржцами», местному патриотизму не подвержен, и если редактировать «Монаха» будет М. А. Цявловский, то я бы радовался этому больше, чем аналогич<ному> поручению Щеголеву или Томашевскому. Так-то...»

письмо Н. О. Лернера — от 5.11.1928: «У нас здесь маленькая сенсация: найдены в архиве лицейские бумаги кн. А. М. Горчакова и среди них, как и следовало ожидать, поэма «Монах» (автограф, около 220 стихов); также несколько записок П<ушки>на к Горчакову, несколько лицейск. стих-ний (впрочем, известных); много писем Дельвига и друг. лицеистов. Около этой находки уже началась склока. Говорят, что tertius gaudens здесь будет молодой академик Фриче, который и займется изданием. Исполать, лишь бы дело не затянулось...» 22.11.1928 он сообщал Гроссману: «Из-за поэмы П<ушки>на поднимается, говорят, между пушкинистами отчаянная склока, которая очень забавляет репортеров «Крас. газеты». (Сам слышал и порадовался, что я не пушкинист.)» (РГАЛИ. 1386.1.98). 22.11.1928 в веч. выпуске «Красной газеты» Лернер напечатал заметку о находке, где рассказал: «Я знал, что поэма «Монах» хранится у «светлейших князей» Горчаковых, потомков канцлера, в их доме на Большой Монетной улице, и сделал попытку познакомиться с нею через посредство историка Н. Д. Чечулина, бывшего в дружеских сношениях с Горчаковыми. Чечулин, по моей просьбе, говорил с владельцем рукописи, но кн. Горчаков ответил, что не может исполнить мое желание, хотя и вполне сочувствует ему, потому что связан распоряжением деда, запретившего показывать рукопись кому бы то ни было из «посторонних». Мне было сообщено, что рукопись не может быть показана мне, но и никому никогда не будет показана. Так же не удалась и попытка, предпринятая потом покойным Б. Л. Модзалевским». Процитировав это свидетельство в сопроводительной статье к публикации поэмы, Щеголев заметил: «Да, трудненько было вести дело с «светлейшими». И мне пришлось через того же Чечулина ходатайствовать о сообщении мне автографов посланий Пушкина к Горчакову: Чечулин любезно сообщил мне, что автографы имеются, но показаны быть не могут» (Красный архив. 1928. Т. 6. С. 164). Историю поступления горчаковских бумаг в Центрархив кратко описал М. Ц.: «В первые годы революции часть архива Горчаковых с пушкинскими документами была перевезена из ленинградского дома Горчаковых на Большой Монетной улице в здание б. Археологического института (Фонтанка, 22) и числилась за Архивным кабинетом университета, откуда лишь в

1926 г., на основании постановления Совнаркома РСФСР от 13 марта 1926 г. о частных архивах, поступила в Ленинградский Центральный Исторический Архив» (Там же. С. 155). М. Ц. в 1929 подготовил комментированное описание обнаруженного корпуса бумаг «Архив А. М. Горчакова. Том 1. Литературные мат-лы» (рукоп. и машиноп.: 2558.2.73—76), но задуманное изд. не состоялось (см. ниже приписку Т. Ц. 3.12.1958). См. также связанные с ним мат-лы: РГАЛИ. 384.3.33—38.

С. 76. *находящихся у частных лиц.*— См. информац. заметку М. Ц. «Автографы Пушкина» (Веч. Москва. 1927, 9 февр.). М. Ц., а затем и Т. Ц. постоянно пытались вести учет автогр. Пушкина, хранящихся в частных русских собраниях и за границей; см. собранные ими мат-лы: 2558.2.61, 734, 751; ср.: *Цявловский.* С. 265. Коллеги-пушкинисты не раз обращались к их росписи за различными справками. Ср. в письме 28.12.1928 Н. В. Измайлова к М. Ц.: «Дорогой Мстислав Александрович, получил от Вас список московских автографов Пушкина, в частных руках находящихся, и очень благодарю Вас за него. Это — не только список, но и целое описание, и очень ценно для всякого рода поисков» (2558.2.446).

находки писем Пушкина к Хитрово — 27 писем Пушкина были обнаружены в тайнике в особняке Юсуповых на Мойке; о коллективной подготовке отд. издания их в серии Трудов ПД (вышло в 1927 со статьями и коммент. Б. Л. Модзалевского, Томашевского, М. Д. Беляева, Н. В. Измайлова) см. в восп. Н. В. Измайлова (Рус. литература. 1981. № 1. С. 100—102). Модзалевский, извещая о находке М. Ц., был лаконичен («Письма Пушкина к Хитрово менее интересны, чем хотелось бы...»; почт. шт. 24.10.1925), а Томашевский письмом от 25.10.1925 послал М. Ц. скопированные им собственноручно (бисерным почерком на одном большом листе) тексты всех 27 писем, вдогон к чему серией писем и открыток досылал поправки, уточнения и отдельные данные по коммент. По этим мат-лам М. Ц. сделал подробный доклад в Пушкинской комиссии ОЛРС (текст: 2558.2.235), о чем с недоумением 8.12.1925 справлялся Модзалевский: «Правда ли, что Вы делали доклад о письмах Пушкина к Хитрово? Мне интересно знать, кто же Вам их сообщил? Не догадываюсь. Я не считал себя вправе оглашать текст, т. к. Академия его считает своим до выхода в свет ея издания» (ИРЛИ. 387.232). Когда информант был обнаружен, Томашевский 2.01.1926 сообщал М. Ц. о том, как ПД «выразил неудовольство» по этому поводу (ИРЛИ. 387.301).

С. 78. *27 декабря 1928*

Говоря о коллекции рукописей И. И. Куриса, М. П. Алексеев писал: «Нужно думать, что из собрания Куриса происходит и тот автограф стихотворения «К морю», который в 1921 г. был приобретен в Одессе проф. П. А. Михайловым и находится теперь у владельца в Париже» (Пушкин. Одесса, 1925. Вып. I. С. 57). Эти сведения оказались неточны. О судьбе автографа (купленного в 1953 амер. коллекционером Б. Килгуром и переданного в собр. Гарвардского ун-та) и его значении Т. Ц. подробно писала в ст.: Автограф стихотворения «К морю» // ПИМ. 1956. Т. 1.

22 декабря 1928

Копии писем Воронцова Фонтону с упоминаниями Пушкина опубликовал с рассказом о чудесной истории их восстановления «по памяти» Сомовым Н. Я. Эйдельман в ст. «Саранча летела... и села» (Знание — сила. 1968. № 8, 9; см. также о поисках этих писем в его кн.: Вьеварум. М., 1975. С. 28—49). Подлинность этого документа вызывает серьезные сомнения (см.: *Левкович Я. Л.* Документальная лит-ра о Пушкине (1966—1971 гг.) // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973.

С. 68—70), как и история со «стихотворным рапортом» Пушкина о саранче. Так же считала и Т. Ц.: «Остроумный экспромт Пушкин мог сказать в канцелярии, но едва ли позволил бы он себе написать такой бесцеремонный отчет» (Прометей. Т. 10. С. 25).

С. 79. *6 января 1929*

Речь идет о письме Пушкина к управляющему Гос. архивом В. А. Поленову от 28.08.1835. Это письмо вместе с рядом документов, касающихся работы Пушкина с архивными материалами, хранилось в архиве Мин-ва иностранных дел; они были использованы, а письмо напечатано в статье «Архив» (в разделе, посвященном «Гос. архиву»; автор — И. Ф. Аммон) в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (СПб., 1862. Т. V: Антр—Аф. С. 540; П. Л. Лавров заведовал в этом издании «общею редакциею»). Данная публ. до сих пор не учитывается в пушкиноведении. 8.01.1929 Бухгейм извещал М. Ц.: «“Словарь” с письмом Пушкина к Поленову у меня на столе и ждет Вашего прихода». Однако М. Ц. не воспользовался этой информацией; после выхода т. 6 (с письмами) полн. собр. соч. Пушкина под ред. М. Ц. (М.: Гослитиздат, 1938) Бухгейм писал ему: «К моему огорчению, мое открытие <...> оставлено без внимания. В комментарии указан Гастфрейнд в 1900 г.» (ИРЛИ. 387.101); тогда же Бухгейм сделал для М. Ц. фотоснимок этой публикации.

11 января 1929

История с часами изложена в заметке Е. Е. Якушкина «Часы Николая I»: «Лет двадцать тому назад в московский Исторический музей пришел какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые закрытые мужские часы с вензелем Николая I. (Передаю это со слов В. А. Городцова, который при этом присутствовал.) Запросил этот человек за часы две тысячи рублей. На вопрос, почему он так дорого их ценит, когда такие часы с императорским вензелем не редкость, принесший часы сказал, что часы эти особенные. Он открыл заднюю крышку: на внутренней стороне второй крышки была миниатюра — портрет Наталии Николаевны Пушкиной. По словам этого человека, дед его служил камердинером при Николае Павловиче; часы эти находились постоянно на письменном столе; дед знал их секрет, и когда Николай I умер, взял эти часы, «чтобы не было неловкости в семье». Часы почему-то не были приобретены в Исторический музей. И так и ушел этот человек с часами, и имя его осталось неизвестным» (Московский пушкинист. М., 1930. Вып. II. С. 267; автогр. в архиве М. Ц.: 2558.1.254). Комментируя эту историю, М. Д. Беляев писал в 1937: «Должно сказать, что легенда об этих часах держалась довольно твердо и долго, так что лет 8—10 тому назад пишущему эти строки предлагали в Москве разыскать и принести эти часы, не купленные Историческим музеем, но потом так их и не принесли. Мы лично склонны отнестись к этой легенде несколько скептически, как к одной из многочисленных легенд, питающихся нездоровым любопытством к отношениям Николая I к одной из первых красавиц его царствования» (*Беляев М.Д.* Наталия Николаевна Пушкина. СПб., 1993. С. 107).

«Ну и бабушка!»

Сборник Александровых описан в числе рукописных источников текстов Пушкина, вошедших в тома 2, 3 акад. полн. собр. соч., с указанием места нахождения — ГЛМ (*Пушкин.* 1949. Т. 2(2). С. 1012). В новейшем изд. он, как «не дающий авторитетных вариантов», исключен «из числа источников текста» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 547).

Под диктовку Мст. Ал. — Объединяя для публ. 1971 ряд записей в подборку

«Дневник № 1», Т. Ц. предпослала им короткое предисловие:

«Более 80 лет у потомков Пушкина хранился его Дневник. Лишь после Октябрьской революции он был передан в руки ученых, полностью опубликован и стал доступен каждому, кто обратится к Полному собранию произведений поэта.

Дневник этот охватывает несколько более года — с ноября 1833 по февраль 1835-го. К нему непрерывно обращаются сотни исследователей и сотни тысяч читателей, интересующихся последними годами пушкинской биографии.

Однако давно уже воображение ученых волнует слух о существовании других, еще не обнаруженных дневников поэта. Одним из источников таких слухов является помета «№ 2» в начале Дневника. Логично предположить, что существует или существовал также Дневник № 1. Около 40 лет назад мы были чрезвычайно взволнованы известиями об этом таинственном документе и, конечно, записали все, что могли. Вот эти записи» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 66).

Непосредственный участник запутанной истории с поисками дневника Пушкина М. Л. Гофман описывал богатства неизвестного пушкинского собрания в статье «Еще о смерти Пушкина» (На чужой стороне. Берлин; Прага. 1925. № 11) и в письмах к оставшейся в России своей жене С. Я. Забелло («гимназической товарке» Т. Ц.), от кот. сведения распространялись в научно-лит. кругах (см. ее записку 1929 к Т. Ц. с просьбой о совете и помощи в «важном деле» и сообщение о продаже собрания Дягилева: 2558.2.1231). Дополнением к рассказанному им служат выдержки из писем Е. А. Розенмайер к Онегину, кот. стали известны в СССР после поступления архива Онегина в Пушкинский Дом в 1928 и были приведены в печати Н. К. Козминым (см. ниже о подготовленной им в 1928 докладной записке в Президиум АН и обзоре, предназначавшемся для «Лит. наследства»; опубл. его статьи: Зарубежные автографы Пушкина // Лит. газета. 1936, 15 сент.; О неизвестном дневнике Пушкина и его переписке с женой // Книжные новости. 1937. № 2). О циркулировании искаженных слухов ср. дневниковую запись Н. С. Ашукина 7.01.1928: «Был у Цявловского. <...> Другой рассказ из пушкинианы Ц. слышал от академика Нестора Котляревского. Когда Котляревский жил в Болгарии, в Софии, он получил однажды телеграмму от Модеста Гофмана из Парижа. Гофман кратко извещал его о своем проезде экспрессом Париж—Константинополь через Софию. Котляревский отправился на вокзал. Мчится экспресс. Остановка две минуты. Из вагона выпрыгивает Гофман. С ним молодая дама.

— Позвольте вам представить: моя жена Елена Александровна Пушкина (внучка).

— Куда же вы едете, Модест Людвигович?

— В Константинополь. Там в сейфе хранятся неизданные дневники Пушкина.

Свисток. Экспресс, сверкая и гремя, умчался в Константинополь. Котляревский, изумленный, долго стоял на дебаркадере. Вот и все. Больше ничего он не узнал и после. Какие дневники? Нашел ли их Гофман?» (НЛО. 1999. № 38. С. 181—182).

На рубеже 1920-х — 1930-х (?) Н. В. Измайлов передал М. Ц. ряд копий с документов, связанных со слухами о неизвестном дневнике Пушкина: выдержки из хранящихся в ПД писем Е. А. Розенмайер Онегину, Гофману, копию письма Гофмана З. Г. Гринбергу (информация из него отчасти отражена в ст. Гофмана «Еще о смерти Пушкина») и сокращение докладной записки Н. К. Козмина 1928.

Много лет спустя Гофман вернулся к этой теме в ст. «Существует ли неизданный дневник Пушкина?» (Новый журнал. 1955. Т. 43). Эта статья (фотокопия кот. была изготовлена для Т. Ц. в биб-ке ИМЛИ), вероятно, побудила Т. Ц. составить подбор-

ку «Записи о неизвестном дневнике Пушкина (Из Дневника М. А. и Т. Г. Цявловских «Вокруг Пушкина». 1928—1947)», машинопис. копии кот. она разослала Н. В. Измайлову, М. П. Алексееву и Н. А. Раевскому. Отклик последнего в письме 31.10.1958 не содержал фактических дополнений («мне-то лично ничего конкретного узнать не удалось...»), Измайлов тоже лишь подтвердил Т. Ц., что цитируемые ею документы «находятся в целости в Онегинском архиве <в ПД>. То, что я когда-то передавал Мстиславу Александровичу и что Вы цитируете — все совершенно точно» (2558.2.1246). Разбирая и анализируя собранные материалы, Т. Ц. присоединила к ним краткую записку «Мои соображения»:

«1. № 2 на дневнике Пушкина 1833—1835 годов написан не рукой Пушкина, как считалось. Написан этот № рукой того же лица, как №№ на всех тетрадях Пушкина, жанд. генерала Дубельта, с кот. Жуковский должен был разбирать бумаги П. после его смерти. К моей экспертизе присоединились Н. В. Измайлов и О. С. Соловьева. Значит, Пушкин не давал понять, что есть и дневник 1. Это — мета жандарма. Что же № 1? Неизвестно. № 1 существует уже, как и № 2, на рабочих тетрадях Пушкина. *Этот № 2* требует нахождения № 1. 2393 <шифр одной из рабочих тетрадей Пушкина в Румянцевском музее, ныне ИРЛИ. № 848. — *Ред.*>?.. Если № 1 будет найден, — то эта, основная посылка (*если есть дневник № 2, то есть и дневник № 1*), дискредитируется. Дискредитируется она впрочем и тем, что Дубельт не разбирал рукописи, а метил в случайном порядке, поэтому № 1 может оказаться любой тетрадью (не дневником). К тому же дневник П. (он же и журнал П. — по описям, кот. составляли Жуковский и Дубельт) нигде в *двух* тетрадях не фигурирует. А учет велся чрезвычайно тщательно.

2. После смерти Пушкина, когда уже проконтролировавшиеся Дубельтом рукописи поэта хранились у Жуковского — в связи с подготовкой посмертного издания, Жуковский дал А. И. Тургеневу прочитать дневник Пушкина. Ал. Ив. записал 8 марта в своем дневнике (строки эти изданы в 1928 году Щеголевым в «Дуэли и смерти П.», 3-м издании, стр. 300): «взял журнал Пушк. 1833, 34, 35 годов, но не полных». Зная братскую дружбу Жук. и Тург., пронесенную через всю жизнь, думать, что он утаил от него другой дневник, — невозможно.

3. Дневник в 1100 страниц. Что же это за размер рукописи? Существуют ли такие тетради?!.. Пушкин же никогда не сшивал тетрадей. Значит, были бы дневники в неск. тетрадях, так бы и говорили. Правдоподобно ли, что сосчитаны листы в нескольких тетрадях, и они, а не количество тетрадей фигурируют? Впрочем, ошибочность этой цифры видна и из письма Гофмана к Забелло, где он говорит, что «дневник существует действительно, но заключает в себе не 1100 стр., а только 150 страниц». Я предполагаю, как текстолог, что Ел. Ал. написала 100 страниц, спереди поставила скобку в виде прямой линии и забыла закрыть скобку. Это было неправильное чтение. Слова Гофмана, что не 1100 стр., а около 150 страниц и о том, что дневник находится в месте, более близком к Ленинграду, чем к Парижу, — подсказывают, по-моему, правильное решение: это дневник *наш*, который был в 1923 году опубликован по автографу, о чем Ел. Ал. не знала. Не знала она и о том, что он уже был опубликован по копиям. Не знала она и о том, что он в 1919 г. был передан Юлией Никол. Пушкиной в Лен. Библ.

Мне кажется, что анализ всех материалов о неизвестном дневнике приводит к решению, что такового не существует» (2558.2.741, лл. 33—40; здесь же подборка мат-лов по истории этого сюжета; надо полагать, что ею пользовались И. Л. Фейнберг, С. Г. Энгель и др. знакомые Т. Ц.).

О новом витке поисков дневника Т. Ц. рассказала в послесловии к журнальной публ. записей:

. «1970 г.

Как видим из этих старых записей, наши надежды и сомнения насчет Дневника стремительно сменяли друг друга. Прошло много лет. Ходили слухи, будто Дневник № 1 будет обнародован за границей потомками Пушкина к столетию со дня смерти поэта, но этого не случилось. Впоследствии стало известно, что Елена Александровна Пушкина умерла в Ницце в августе 1943 года в большой нужде.

Несколько лет назад в Московском музее Пушкина состоялся обмен мнениями по вопросу о таинственном Дневнике. И. Л. Фейнберг защищал гипотезу о том, что Дневник все же существует и скорее всего находится у английских потомков Пушкина, некогда породнившихся с династией Романовых, а позже — с английским царствующим домом. Нежелание публиковать эти материалы объясняется, по мнению И. Л. Фейнберга, теми же аристократическими взглядами и представлениями, которыми руководствовался некогда А. А. Пушкин, старший сын поэта.

Оппонентами И. Л. Фейнберга выступали Н. В. Измайлов и автор этих строк. Они высказали мнение, что свидетельства Гофмана недостоверны. «№ 2» на известном Дневнике Пушкина, как выяснилось, написан не рукою поэта, а жандармским генералом Дубельтом, просматривавшим бумаги Пушкина после его смерти. Правда, и в этом случае непонятно, что же считать тетрадью № 1, но вопрос сводится уже к особенностям жандармской нумерации пушкинских рукописей и, может быть, никакого отношения к неизвестному Дневнику не имеет.*

Несмотря на несогласия по поводу существования потаенного пушкинского Дневника, все специалисты сошлись на том, что за границей более чем вероятны и сегодня находки пушкинских автографов. Так, известно, что Жуковский после смерти Пушкина дарил его автографы на память не только ближайшим друзьям, но и европейским почитателям поэта.

Исследования показали, что из рукописей Пушкина, находившихся в день его смерти в его кабинете, в настоящее время недостает 29 листов, а вероятно — около ста листов.

Н. В. Измайлов, например, сообщил, что во время первой мировой войны из Англии в Россию были отправлены фотокопии документов поэта, но пароход, на котором находились копии, был потоплен немцами.

Более детально слышала я это сообщение от Мстислава Александровича со слов П. Е. Щеголева. Вот что он рассказал:

«Когда вышло первое издание его исследования «Дуэль и смерть Пушкина» (1916 год), ему позвонил по телефону историк, великий князь Николай Михайлович. «Я видел у Миши в Бадене шкатулку, в которой хранились документы, связанные с последней дуэлью Пушкина. Вас они не интересуют? Я мог бы просить его прислать машинописные копии». «Зачем же затруднять снимать копии? — легко нашелся Щеголев. — Проще снять фотографии с документов». Николай

---

* В экспертизе, выяснившей происхождение пометы «№ 2», принимали участие заведующий отделом рукописей Пушкинского Дома Н. В. Измайлов, хранитель рукописей Пушкина О. С. Соловьева и пишущая эти строки.

В книге «История одной рукописи» (М., 1967) в очерке «Пропавший дневник» И. Л. Фейнберг снова разбирает все известные факты и склоняется к тому, что дневник этот существует.

Дневник Пушкина был вынесен Жуковским из дома поэта вместе с письмами Наталии Николаевны, цел и находится в надежном месте, — утверждает, будто бы со слов С. де Торби, С. Косман в книге «Дневник Пушкина. (История одного преступления)» (Париж, 1970). Следует, однако, с осторожностью отнестись к этому свидетельству — оно появилось через 40 лет после смерти внучки поэта и может восходить к материалам, опубликованным за последние годы в печати.

Михайлович обещал их заказать. Фотографии были изготовлены и высланы в Петербург. (Шла уже первая мировая война 1914 года. Михаил Михайлович жил уже в Англии.) Корабль, везший эти фотодокументы, попал на немецкую мину, и этим дело и кончилось».

И. Л. Фейнберг и другие исследователи продолжают и сейчас поиски Дневника № 1. Как было бы приятно, если бы им удалось рассеять наши сомнения!» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 73—74).

В последнее время тема «пропавшего дневника» поднималась в печати неоднократно (наиболее информативную сводку см.: *Русаков В. М.* Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Лениздат, 1992. С. 172—180, 408—410), но предпринимавшиеся поиски его следов результатов не дали (см.: *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкина. Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М., 1987).

С. 82...*издать все рисунки Пушкина...* Как известно, планы эти не осуществились; не был издан и готовившийся Т. Ц. и М. Д. Беляевым том рисунков в акад. изд. Пушкина 1937—1949. Составленный по иной программе и в меньшем объеме, он вышел лишь в 1996 как 18 том переиздания этого собр. соч. (ред. С. А. Фомичев, С. В. Денисенко). О планах факсимильного изд. пушкинских рукописей см. примеч. к записи 11.06.1931.

Письмо гр. Д. Н. Толстого-Знаменского о смерти Пушкина было опубл. в статье Модзалевского «Выстрел Дантеса» в «Огоньке» (1929. № 6, 10 февр.).

27 января 1929

«Ярополец — родовое имение Загряжских Волоколамского уезда Московсой губ. Наталья Ивановна <Гончарова> получила часть Ярополъца с 1743 душами крестьян после смерти своего отца И. А. Загряжского в 1823 г.» (Летописи. Т. 1. С. 423). — Интерес М. Ц. к рассказам Н. П. Яныченко был связан и с планом работ Пушкинской комиссии Об-ва изучения Московской губ., готовившей посвященный Ярополъцу сборник. (С этой целью делегация ученых (в т.ч. и М. Ц.) летом 1928 посетила Ярополец, и тогда же сохранившаяся в гончаровской усадьбе «пушкинская комната» была реставрирована и в ней организован филиал Волоколамского краеведческого музея.) Открывавшая сборник статья М. Ц. «Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова (К пребыванию Пушкина в Ярополъце 23—24 августа 1833 г.)» завершалась примечанием: «Даты рождения и смерти Н. И. Гончаровой <...> сообщены нам ныне покойным Н. П. Яныченкой, в первые годы революции устроившим в гончаровском доме в Ярополъце музей» (Ярополец. Сб. статей. М., 1930. С. 16 (Труды Об-ва изучения Моск. обл. Вып. 8), ср. ниже запись от 23.02.1929; ссылается М. Ц. и на предоставленные ему Яныченко выписки из документов и записи семейных преданий: С. 5, 11, 14). — Н. П. Яныченко был заведующим Музея-усадьбы «Ярополец» им. А. С. Пушкина, созданного в 1919 и упраздненного в 1923, после чего большинство музейных экспонатов было вывезено в Воскресенск (о судьбе музея см.: *Кончин Евграф.* «Зачем твой дивный карандаш рисует мой арапский профиль». М., 1998. С. 145—151). — До революции последними хозяевами гончаровского Ярополъца были сын И. Н. Гончарова от второго брака (с Е. Н. Васильчиковой) Николай и его жена (с 1890), рожд. кн. Мещерская, родственницы которой оставили ряд воспоминаний, относящихся к рубежу XIX—XX вв. о доме в Ярополъце и хранившихся там семейных реликвиях (в т.ч. пушкинских автографах); см.: *Ободовская И., Дементьев М.* Пушкин в Ярополъце. М., 1982. С. 23—26, 141, 151 и др. Ряд альбомов из Ярополъца действительно поступил в ЛБ (в т.ч. альбом Н. И. Гончарова со списком стихов Пушкина), но автографов и рисунков Пушкина в них нет (см. там же. С. 108—109, 141).

С. 83. *15 февраля 1929*

Подобной биографии Пушкина в Англии не выходило. Т. Ц. предположила, что речь идет о первом томе кн. А. В. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина» (Париж, 1929; т. 2 вышел в 1948; переизд.: М., 1998: В 2 т., «ЖЗЛ»); но он вышел лишь весной и рецензировался в берлинской газ. «Руль» 20 ноября 1929 (№ 2733; рец. — Б. Бродский).

Измайлов в январе говорил — См. коммент. к записи 28.05.1929.

С. 84. *15 февраля 1929*

Модест Гофман осуществил изд. «Египетских ночей» в Париже лишь в 1935; краткая франц. биография Пушкина: Pouchkine. Paris, 1931.

16 февраля 1929

Описание Ярополъца, сделанное А. Н. Муравьевым в 1835, М. Ц. дважды цитирует в своей статье в сб. «Ярополец» (М., 1930. С. 11, 13). См. также в: *Ободовская И., Дементьев М.* Пушкин в Яропольце. С. 79—80.

17 февраля выставка рисунков «13» открылась в Доме печати. Организаторами группы молодых художников были Кузьмин, Д. Б. Даран (Райзман), В. А. Милашевский. «На первой выставке уже достаточно наметились художественные склонности участников, — вспоминал Кузьмин. — Я выступил с рисунками на пушкинские темы, определившими будущие работы над “Онегиным” и “Графом Нулиным”» (*Кузьмин Н.* Давно и недавно. М., 1982. С. 270). На свою родину в г. Сердобск Кузьмин ездил к родителям; никакие сведения об альбоме Д. Е. Башмакова нам неизвестны.

С. 85. *рисунки в красках к «Гавриилиаде»* — Известны более поздние иллюстрации Т. А. Мавриной к «Гавриилиаде» (один лист см. в архиве Н. С. Ашукина: РГАЛИ. 1890.3.619; одна акварель была подарена автором Цявловским 26.05.1939 — см. дневн. запись Т. Ц.: 2558.2.290, л. 100 об.). Издание с участием М. Ц. не состоялось, как не был обнародован и список Соболевского. На открытии выставки Т. Мавриной в МПМ в 1959 Т. Ц. выступила с сообщ. «Иллюстрации Т. А. Мавриной к Пушкину» (текст: 2558.2.800; ср. публ. К. В. Шилова в: Искусство. 1998. № 20. С. 12).

С. 86. *23 марта 1929*

письмо Пушкина к неизвестному — Известно письмо 1824 Пушкина к его соседу по Михайловскому помещику И. М. Рокотову по поводу продажи ему коляски. В нач. XX в. подлинник находился в собрании В. Н. Поливанова (Симбирск. губ.), позднее он затерялся.

Беляев после доклада Эттингера — П. Эттингер подготовил публ. воспоминаний С. Моравского о Пушкине. В примеч. к публ. он писал: «После того, как настоящая статья была написана и прочитана в качестве доклада в заседании Пушкинской комиссии Общества любителей русской словесности, М. Д. Беляев удостоверился, что считавшийся автопортретом Пушкина рисунок карандашом <...> является работой Ваньковича. (См. об этом статью М. Д. Беляева «Новые портреты Пушкина» в «Красной панораме» 1929 г., № 22.)» (Московский пушкинист. II. М., 1930. С. 254; см. также обзор Беляева в: ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 971). В связи с этим открытием Беляева см.: *Кончин Евграф.* Указ. соч. С. 40—50.

С. 87. *28 мая 1929*

См. данные публ.: 1) *Попова О.* Пушкин и царская цензура. Два неизвестных письма А. С. Пушкина // Огонек. 1929. № 21, 31 мая. С. 4—5 (письма к И. В. Киреевскому 4.02.1832, 11.07.1832); *Измайлов Н.* Пушкин и Ксенофонт Полевой. Комментарий к неизданному письму // Красная нива. 1929. № 24, 9 июня. С. 15 (письмо Пушкина к Кс. Полевому 11.05.1836; публ. текста И. М. Тарабрина); *Бельчиков Н.* Но-

вые материалы о Пушкине // Красный архив. 1928. Т. 29. С. 218—223 (письма к Д. И. Языкову (ошибочно, надо — к Н. М. Коншину) и П. С. Санковскому); *Эттингер П.* Пушкин и Мария Шимановская // Красная нива. 1929. № 24, 9 июня. С. 12 (записка к М. Шимановской и запись в ее альбом). По фотокопии из парижского музея записка к С. С. Хлюстину 25.05.1835 опубл. в: Летописи. Т. 1. С. 336. Обзор этих публикаций см.: ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 1129—1131.

30 октября 1930

Речь, вероятно, идет не о «Полтаве», а о «Борисе Годунове» с инскриптом Э. П. Мещерскому; книга была продана Лернером ГЛМ 26.07.1933. См.: Рукою Пушкина. С. 717—719; Летописи. Т. 1. С. 359.

Записано 17 мая 1931

В архиве Цявловских (2558.2.1231) сохранилась краткая информационная записка, составленная С. Я. Забелло по информации М. Л. Гофмана:

Библиотека Дягилева

Всего около 900 томов, немного портретов, немного рукописей; среди них первопечатные русские книги — Часослов и Псалтирь; письма Пушкина к жене (письма, бывшие в собрании Lady Торби). Экземпляр Дягилева Часослова и Псалтири совершенно полон и в безукоризненном состоянии.

Оценивает собрание — 3—4 миллиона франков. Сейчас, немедленно, до торгов можно купить примерно за 300 тысяч франков. Commissaire-priseur <оценщик> обещал М. Л. не продавать, не известив его. — 9, rue Gatenberg, Paris XV.

В публ. 1971 к записи сделано примечание Т. Ц.: «Письма Пушкина к невесте поступили после смерти С. П. Дягилева в собрание парижского коллекционера С. М. Лифаря. На русском языке впервые они были опубликованы в переводе И. С. Тургенева в «Вестнике Европы» в 1878 году. На французском языке были напечатаны по подлинникам в издании М. Л. Гофмана и С. М. Лифаря «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание. 1837—1937». Париж, 1935» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 68). О неудачной попытке представителей ВОКСа приобрести эти письма в 1930 см. в письме М. Ц. В. Д. Бонч-Бруевичу 19.01.1932 в примеч. на с. 253. О своем собрании и не всегда удачных акциях передачи культурно-историч. реликвий в СССР С. Лифарь рассказал в кн. «Моя зарубежная Пушкиниана» (Париж, 1966); см. также: *Зильберштейн И. С.* Парижские находки. Эпоха Пушкина. М., 1993. С. 20—28. Большая часть этой биб-ки была продана на аукционе Сотби в конце 1975 (см. каталог: The Diaghilev-Lifar Library / Sotheby, 1975), а подлинники писем Пушкина после смерти С. Лифаря были приобретены Министерством культуры СССР на аукционе Сотби в 1988 и переданы в ПД. Об автографе стих. «Морю» см. выше.

С. 88. *за эти девять месяцев Т. Н. успела сына выносить и родить.* — Речь идет о Т. Н. Волковой, у которой родился сын Андрей.

О *факсимильном издании* см. запись 11.06.1931 и примеч.

С. 89. *Н. В. Кузьмин* иллюстрировал роман Пушкина многократно вплоть до 1970-х; первая серия его илл. вошла в изд. «Academia» 1933.

«Симбирские рукописи»

О приобретенных из Ульяновска материалах см., в част.: *Георгиевский Г.* Пушкин в Ленинской библиотеке // Новый мир. 1937. № 1. С. 274—275. Научная публ. пушкинских рукописей осуществлена М. Ц. в кн.: Труды Публ. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. III. М.: Academia, 1934. С. 13—43.

Н. Н. Столов к тому времени выступал в местной печати с обзорами краеведческих материалов, популярными заметками о Пушкине, принадлежит ему и ряд публикаций по материалам симбирских архи-

вов (напр.: Неизданные письма И. А. Гончарова // Красный архив. 1922. Т. 2); с 1934 он переехал в Подмосковье, печатал рецензии и работы по пушкинской библиографии, факультативно сотрудничал с Пушкинской комиссией АН, в числе других лиц М. Ц. выражает ему благодарность за помощь в предисловии к сб. «Рукою Пушкина» (1935). Сохранился черновик рекомендации для получения Столовым должности доцента, составленной М. Ц. перед войной: «Николай Ник. Столов известен мне в течение десяти лет как научный работник по истории русской литературы, по книговедению и библиографии. Его публикации писем Гончарова и Тургенева — ценный вклад в историю русской литературы. <...> Кроме этого, нельзя не указать, что в первую очередь Н. Н. Столову русская наука обязана тем, что выдающегося значения черновые рукописи Пушкина, оказавшиеся в Ульяновске, были приобретены в 1931 г. Публичной библиотекой. Все написанное Н. Н. Столовым свидетельствует о его научной зрелости» и т. д. (2558.2.128, л. 59). — Первое письмо Столова, о кот. идет речь в записях, было написано им 18.03.1931 и содержало следующие сведения о происхождении автографов: «Владельцем автографов был местный помещик писатель В. Н. Назарьев, близкий знакомый, даже, кажется, друг П. В. Анненкова. От Анненкова он, по-видимому, и получил автографы» (ИРЛИ. 387.298; здесь же и последующие его письма к М. Ц.; в т.ч. уже 24.10.1933 он сообщает биографич. сведения о семье В. Н. Назарьева). Его информационное сообщение «Неизвестные автографы А. С. Пушкина» появилось в «Лит. газете» 9.04.1931.

С просьбой дать публикацию симбирских материалов Пушкина для второго тома сб. «Звенья» к М. Ц. 17.05.1931 писал В. Д. Бонч-Бруевич («я был бы очень счастлив, если бы в наших сборниках появлялись бы такие драгоценные литературные материалы»; 2558.1.46).

С. 90. *Названы жандармские цифры* — «Т. е. цифры, которыми были помечены рукописи поэта во время «посмертного обыска», произведенного в его кабинете» (примеч. Т. Ц. в тексте неосуществленного продолжения публ. в журн. «Наука и жизнь»).

С. 93. *Лернер не только арестован* — Ю. Г. Оксман вспоминал об аресте Лернера в 1932 (возможно, ошибочно указывая год вместо 1931): «Арестованный, не помню уже, по какому поводу (своим суесловием он сам создавал эти поводы на ходу), Л. был освобожден месяца через полтора-два без всяких дальнейших репрессий» (РГАЛИ. 2567.1.82, л. 5). Переписку Лернера со Столовым по поводу пушкинских рукописей см.: РГАЛИ. 1320.1.16; РНБ. 430.1.215.

С. 94. *18 мая 1931*

Речь идет о книге М. Д. Беляева «Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников», выпущенной в 1930, но сразу же уничтоженной из-за ареста автора по т. н. «академическому делу». Беляев был осужден 10.05.1931 на 10 лет; в 1934 вернулся из ссылки и в 1937 безуспешно пытался вновь издать книгу (см. ее недавнее изд. по одному из немногих уцелевших экз.: СПб.: Библиополис, 1994). Цявловские ссылались в своих работах на книгу Беляева; см., напр.: Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1969. Т. 28. № 3. С. 273; Прометей. Т. 10. С. 63.

С. 94. *о портрете Пушкина Кипренского* — Знаменитый портрет, исполненный по заказу А. А. Дельвига и выставленный на открывшейся 1.09.1827 выставке в Академии художеств. Большое сходство портрета отмечал Ф. В. Булгарин в статье о выставке в «Северной пчеле» (1827. № 110, 13.09); выполненная Н. И. Уткиным не позднее ноября 1827 гравюра с портрета была помещена в «Северных цветах на 1828 год», во 2-м изд. «Руслана и Людми-

лы» (1828) и др. Вероятно, концом июля 1827 датируется цитируемое стих. «Кипренскому».

С. 96. *«Когда Потемкину в потемках...»* обращено к другой Потемкиной, Елизавете Петровне (урожд. кн. Трубецкой; 1796—1870-е); заметив свою ошибку, Т. Ц. вычеркнула первоначально записанную строку.

11 июня 1931

Факсим<ильное> издание рукописей Пушкина неоднократно значилось в планах работ различных учреждений и пушкинских организаций (о проекте Пушкинской комиссии ОЛРС 1920-х см.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 575—576). Однако лишь в 1939 Гослитиздатом была выпущена хранившаяся в Ленинской б-ке тетрадь Пушкина 1833—1835, в 3-х выпусках: воспроизведение, транскрипции (выполненные Т. Ц. и С. М. Бонди) и комментарии (с участием М. Ц. и Т. Ц.); о подготовке этого изд. см.: Пушкин. Временник. 1936. Т. 1. С. 366. — В 1990-е рабочие тетради Пушкина были выпущены в 8 альбомах.

Линдеман — Имеется в виду его статья: А. С. Пушкин как художник-рисовальщик // Отчет о состоянии Московской XI гимназии. 1913—1914 учебн. год. М., 1915.

14 ноября 1931

Данный сюжет по материалам дневника Цявловских пересказал Н. Я. Эйдельман в статье «Непрочитанный Пушкин» (Литература и ты. М., 1969. Вып. 3).

С. 97. *19 ноября 1931*

Смущавшая А. А. Пушкина дневниковая запись — вероятно, злая характеристика С. С. Уварова (8 января 1835): «Уваров большой подлец. <...> Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен» и т. д.

О *письмах Нат. Ник. к Пушкину* см. ниже, примеч. к записи 19.01.1954. Историю публ. писем Пушкина в «Вестнике Европы» см.: *Измайлов Н. В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной // Тургеневский сб. Л., 1969. Т. 5.

С. 98. *24 ноября 1931*

С текстом непристойной юношеской поэмы Пушкина *«Тень Баркова»*, сохранившейся лишь в немногочисл. списках, М. Ц. познакомился, вероятно, в нач. 1929 (ср. дневн. запись Н. С. Ашукина 8.01.1929: «Был в «Федерации». <...> встретился там со Щеголевым и Цявловским. Последний в восторге от найденной фривольной поэмы Пушкина "Тень Баркова"»; НЛО. 1999. № 38. С. 198). В 1929—1931 М. Ц. реконструировал текст поэмы и подготовил первый вар. исследования о ней. С чтением этой работы он выступал перед коллегами-специалистами. Например, 25.10.1931 состоялось чтение в квартире М. Ц. (см. письмо М. Ц. 21.10.1931 Л. Э. Бухгейму с приглашением его и Г. И. Кноспе на это чтение. Бухгейм составил список присутствовавших: «Были: Благой Д., Гудзий Н. К., Лапин, Бонди, Ионов, Розанов И. Н., Винокур, Виноградов, Кноспе Г. И., Бухгейм Л. Э., Ашукин Н. С., Ежов-Беляев, Соколов Ю., Чулков Г. И. Чтение продолжалось 3 часа, потом закуска и еще час чтения. Началось 7.10, кончилось в 11 ч. Прения до 12 $^1/_2$»; РГБ. 663.2.44). Известен снимок, сделанный 13.05.1933 на аналогичном чтении М. Ц. в Ленинграде у Д. П. Якубовича; на фотографии: Б. В. Томашевский, И. Г. Ямпольский, С. А. Рейсер, Д. П. и Н. Г. Якубовичи, Г. А. Гуковский, Л. Б. Модзалевский, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Т. Ц., Ю. Н. Тынянов, М. Ц. (стр. 148 наст. изд.) «Тень Баркова» с коммент. М. Ц. готовилась к изд. как приложение (не для продажи) к акад. собр. Пушкина, но издана не была. Полную публ. работы М. Ц. см. в журн. «Philologica» (1996. Т. 3. № 5/7).

Павленко это конечно придумал. — В этой связи Т. Ц. вспоминает пущенные Павленко слухи, о кот. она 25.12.1949 писала Б. В. Томашевскому: «Третьего дня

я узнала от Катанской, которой сообщил Красовский, которому сказал Александров, кот. сам слыхал от Павленко, будто бы летом открыт в Алупке клад Воронцовых, где кроме посуды обнаружены рукописи Пушкина и пачка его писем. Дух захватывает!.. Но кажется нет оснований верить — Павленко мастер «устной новеллы». Он говорил, что при вскрытии ящика присутствовали представители Ленинграда (то есть Вы?), которые и увезли рукописи в Ленинград. Неужели так? Сегодня отослала письмо Павленке в Ялту, куда он дня три как уехал» (РГБ. 645.41.71). О разрешении сюжета она сообщала ему же 12.01.1950: «Дорогой Борис Викторович, я бы спешила рассеять Ваше взволнованное ожидание вестей о пушкинских письмах, стихах, рукописях (смотря по варианту рассказа), если бы я не вспомнила, что Вы должны знать Павленко по Крыму и что Вы, в еще большей мере чем я, относитесь скептически к новелле беллетристов-киношников. Как это ни странно, Павленко ответил на мой запрос. Вот текст его письма.

«Уважаемая Татьяна Георгиевна <так>

Ваше письмо удивительно тем, что отражает какую-то легенду, созданную на основе одного моего рассказа (устного). Дело в том, что соответств. власти действительно нашли «клад» в замурованной комнате Юсуповского дворца в б. Коккозах, это в долине между Ай-Петри и Бахчисараем. Нашли там какой-то скарб, посуду, ковры. Обнаружены ли какие-либо архивы, я не знаю, но, повествуя кому-то в Ялте о находке, я сделал предположение, что, ведь, в архиве Юсуповых могло бы быть кое-что и о Пушкине, и вот, мол, это было бы здорово. Кто-то из слышавших допущение принял за реальность — и легенда добежала до Москвы, тревожа покой пушкинистов. Едва ли нашли что-ниб. о Пушкине, я об этом бы уже слышал. Во всяком случае, повидаю в середине января одного из имевших к этому отношение товарищей и узнаю все доподлинно. Жму Вашу руку. П. Павленко. 6.1.50.»

Явно одно — ничего нет и Павленко отступает сомкнутым строем»
(РГБ. 645.41.72).

5 декабря 1931

Публ. А. Виноградова в ЛН не состоялась. Позже фотокопию белового автогр. «Гусара» из музея им. Кальве в Авиньоне получил ГЛМ. 4.03.1934 В. Д. Бонч-Бруевич писал М. Ц.: «Сообщали ли Вам, что мы получили автограф «Гусара», снятого во Франции, в одной из библиотек, куда передал эту рукопись Мериме. Необходимо было бы, чтобы Татьяна Григорьевна пришла его посмотреть и окончательно установить, пушкинский ли это автограф или нет? У меня всегда бывает сомнение ко всем автографам Пушкина и других наших крупных писателей, давно сохраняющихся в архиве за границей»
(РГБ. 369.220.27). Публ. автографа с коммент. осуществила Т. Ц. в Летописях. Т. 1.

надписью П. Х. Молоствову — Известен портрет Молоствова с припис. Пушкину четверостишием «Не большой он русский барин...», переданный в 1899 племянником Молоствова в Пушкинский музей Лицея (ныне — в ПД); об этом стих. см. ст. И. С. Чистовой в сб.: Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40).

С. 99. *6 декабря 1931*

«Толстой о Пушкине» — с таким докладом М. Ц. выступал неоднократно. Еще 13.06.1931 В. Д. Бонч-Бруевич напоминал ему: «...через несколько дней Вы хотели сдать нам в «Звенья» Вашу статью о Пушкине — изложение того реферата, который Вы читали в Толстовском Музее и который, к сожалению, не записан стенографически, Вам было бы легче стенограмму исправить и оформить статью». Об этом же он настойчиво повторял в письмах 17 и 19.12.1931
(РГБ. 369.220.27), после того как М. Ц.

выступил с расширенным вариантом доклада 4.12.1931 (неопубл. текст см.: 2558.2.244, 245). — Со ссылкой на свидетельство С. А. Стахович рассказ о том, что Пушкин танцевал с А. И. Козловой «в пику Олениной», приведен в коммент. в: Рукою Пушкина. С. 324.

19 января 1932

О слухах по поводу дневника Пушкина у Е. А. Пушкиной-Розенмайер см. выше запись *«Под диктовку Мст. Ал.* Дочь сына Пушкина...» и след. О борьбе М. Ц. против публ. статьи Козмина см. дневниковую запись Н. С. Ашукина 11.01.1932: «Был у Цявловского. Он, волнуясь, читал мне корректуру статьи Н. К. Козмина о неизданном дневнике Пушкина, которая должна пойти в «Литературном наследстве». Дело оч. темное. Если дневник действительно существует, а не является вымыслом Гофмана, то — говорит Ц. — печатать статью нельзя, ибо владельцы дневника на нее обидятся; он беседовал об этом с Луначарским. Наконец, печатание статьи отложили. Помог Бонч-Бруевич» (НЛО. 1999. № 38. С. 206).

19.01.1932 М. Ц. писал Бонч-Бруевичу, возвращая оттиск статьи Козмина:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич, посылаю Вам корректурный оттиск статьи Н. К. Козмина «Неразысканные дневники Пушкина» из выходящего в ближайшие дни № 1 «Литературного наследства». Не входя в рассмотрение по существу сведений о рукописях Пушкина, заключающихся в статье Н. К. Козмина (я готов сделать специальный доклад об этом), считаю своим долгом старого пушкиниста высказаться по вопросу о помещении ее.

Публикация писем Е. А. Пушкиной и М. Л. Гофмана несомненно будет иметь самые нежелательные для нас последствия.

Вместо того, чтобы, использовав имеющиеся в статье Козмина ценные сведения, вступить в переговоры с Е. А. Пушкиной о получении от нее как рукописей Пушкина, так и вещей его, мы, публикуя ее интимные письма, естественно вооружим ее против себя. Белогвардейская пресса после появления статьи Козмина, конечно, будет кричать о том, что столь ценные материалы не должны попасть к большевикам. Е. А. Пушкина, хотя в 1923 г., судя по ее письмам к А. Ф. Онегину, и державшаяся в известной мере русской (советской) ориентации, теперь под влиянием белогвардейских воплей с легкостью перейдет на антисоветскую позицию и предпочтет иметь дело с кем угодно, но не с большевиками.

Но если этого даже и не случится, во всяком случае публикация статьи Козмина чрезвычайно поднимет цену имеющихся у Е. А. Пушкиной материалов. Общеизвестно, что шум в прессе всегда вздувает цену материалов, имеющихся у частных лиц.

Тринадцать писем Пушкина к невесте не были куплены в 1930 г. в Париже представителем ВОКС'а Дивильновским, по его словам (письмо имеется в ВОКС'е), потому лишь, что заметка об этих письмах в «Вечерней Москве» (№ 107 от 2 мая 1930 г.) настолько подняла цену писем, что он не смог их купить.

Одного этого факта, мне кажется, достаточно, чтобы признать публикацию статьи Козмина весьма неосторожным и опрометчивым шагом, срывающим дело исключительной важности.

С искренним уважением, М. Цявловский. 19.I.1932.

P.S. *Очень, очень* прошу вас, многоуважаемый Владимир Дмитриевич, вернуть мне оттиск статьи Н. К. Козмина» (РГБ. 369.361.10).

Варианты этой статьи Козмин опубл. лишь в 1936 и 1937 (см. примеч. выше). В 1928 он подавал докладную записку в Президиум АН СССР, в кот. намечал направление поисков неизвестного дневника и писем Н. Н. Пушкиной к мужу у их потомков, живущих за границей (см. полученную Т. Ц. копию: 2558.2.741).

С. 100. *6 марта 1932*

Именно З. Г. Гринбергу было адресовано письмо Гофмана с фантастическим описанием состава находящихся у Е. А. Пушкиной-Розенмайер документов: «...в числе этого самого большого в мире собрания Пушкина имеется неизданный дневник Пушкина в 1011 страниц, вся переписка Пушкина с женой (только очень-очень отчасти известная) и пр., — вся биография Пушкина летит к чорту. <...> Этот фонд ценнее Онегинского музея + весь Пушкинский Дом» (см.: *Русаков В. М.* Указ. соч. С. 177, 410; это письмо без указания адресата цитировал Н. Козмин, см.: Лит. газета. 1936, 15 сент.; см. полученную М. Ц. копию из ПД: 2558.2.741, в письме Гофман подчеркивал: «...пишу Вам о Константинополе на отдельном листке, ибо, связанный честным словом, должен просить Вас уничтожить его и никому не говорить об его содержании <...> Еще раз прошу и доверюсь Вам в этом: сожгите или разорвите немедленно этот листок»).

С. 101. *24 января 1932*

В 1910-е в Нижегородской губ. Б. А. Садовской также обнаружил неизвестный портрет Пушкина, кот. в 1915 Б. Л. Модзалевский приобрел для ПД (см. в публ. С. В. Шумихина «Практика пушкинизма» // НЛО. 2000. № 41). По-видимому, речь идет о разных портретах.

6 марта 1932

Позднее Никольский сообщил о ряде своих находок в ст. «Пушкин и Ушаковы» (В наши дни. Калинин, 1936. № 1).

С. 102. *24 марта 1932*

три томика нашего Пушкина — Имеется в виду, вероятно, гихловский 6-томник (1931), в кот. Цявловские редактировали тексты стихотворений (т. 1, 2). — К упоминанию в записи 6.02.1933 А. А. Пушкиной Т. Ц. сдалала в публ. 1971 примеч.: «Когда художник П. П. Кончаловский приступал к своей картине «Пушкин», он советовался со мной, где бы найти какие-нибудь личные вещи Пушкина (одеяло, халат и пр.). Я сказала, что, может быть, найдется что-нибудь у его внучки Анны Александровны. Кончаловский отправился к ней. Когда она открыла ему дверь, он ахнул и стал обнимать эту старую женщину: так велико было сходство с Пушкиным. Кончаловский делал с нее наброски для освоения лица Пушкина» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 72). Картина стала «основной вещью» персональной выставки новых работ Кончаловского 1933; в «Известиях» о ней сурово отозвался А. М. Эфрос: «...опять отлично сделанные детали — ткани, апельсин на столе, пистолет на оттоманке, и снова неудачи целого. Кончаловский пожелал изобразить Пушкина, так сказать, в «творческом дезабилье». <...> Кончаловский пишет вещь старательно и любовно, шлифует подробности. Но какая бедная смыслом вещь получилась в итоге: он изобразил Пушкина в ночной рубашке, сидящим, поджав по-турецки ноги, на оттоманке и глядящим в зимнее окно, покусывая гусиное перо. Пусть так! Но почему центр картины сместился в «исподнее место»? Почему прежде всего лезут вперед эти голые ноги и приоткрывающиеся ляжки? Почему такая посредственная характеристика дана лицу, на котором изображено то «вдохновение» учебников словесности, в которых «поэт» произносится как «пиит»? Неужели эта глуповатая восторженность должна сойти за сочетание огромной силы мысли и величайшей тонкости выражения, которые образуют поэтический склад Пушкина? Нет, не вышло, опять не вышло: это — среднее решение большой темы» (*Эфрос А. М.* Мастера разных эпох. М., 1979. С. 244).

8 апреля 1932

Этот каталог был послан полпредом СССР в ЧСР А. Я. Аросевым В. Д. Бонч-Бруевичу 1.04.1932 (см. ниже, примеч. к

записи 27.04.1932). Пушкинская выставка была организована в Праге в марте 1932 Славянской биб-кой Мин-ва иностранных дел Чехословакии. По данным каталога Н. С. Ашукин подготовил публ. «Новые автографы Пушкина» (Звенья. 1933. Т. 2).

11 апреля 1932

Речь идет о кн.: *Зенгер Григорий.* Метрические переложения на латинский язык. СПб., 1904. По поводу переводов Г. Зенгера ср. запись Т. Ц. 9.02.1945: «Когда я познакомилась с поэтом Н. С. Гумилевым (году в 1916—1917), он сказал мне: "Когда у меня на душе скверно, я читаю «Анчар» Пушкина в переводе Вашего отца на латинский язык. Чтение этих стихов возвращает мне гармонию"» (2558.2.818, л. 20). — В связи с характеристикой Е. А. Пушкиной-Розенмайер ср. воспоминания М. Л. Гофмана о его злополучных хлопотах по поводу дневника Пушкина: «Так как потом эта история меня очень мучила и я не понимал в чем дело: зачем она мне лгала? есть ли у них вообще этот дневник? — я всюду старался найти ответы на эти вопросы. В 30-х годах я подружился с братом Е. А., милейшим Николаем Александровичем, и очень надеялся получить от него разъяснения, но безуспешно; я ему все рассказал и получил от него такой ответ: "хотя Е. А. моя сестрица, <...> но она такая нечестная женщина, что мы все прекратили с нею знакомство; портрет Н. Н. и другие вещи она украла, когда наша мать умирала, но я знаю наверное, что дневника у нее нет; где находится этот дневник, я не знаю, но помню, что в детстве видел его у отца"» (Новый журнал. 1955. Т. 43. С. 260).

С. 103. *19 апреля 1932*

Лист с автогр. «Черной шали» (озагл. «Молдавская песня») был вклеен в альбом С. Д. Пономаревой, поступивший из Театрального музея в ГЛМ в 1935. Т. Ц. опубл. его в: Летописи. Т. 1. Рисунок, изображающий бал у Трубецких, был опубл. Т. Ц.: *Зенгер Т.* Пушкин у Трубецких // Звенья. 1934. Т. 3—4. — Письмо Вяземского к Верстовскому 1829 опубл. А. Фриденберг (Советская музыка. 1949. № 6).

21 апреля 1932

Дневники А. И. Тургенева за 1825 и 1826 опубл. М. И. Гиллельсоном: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964 (выписанное Т. Ц. место о Пушкине см. с. 433—434; этот фрагмент дневника впервые был опубл. С. Дурылиным в статье «Пушкин и пасторы» в журн. «30 дней». 1937. № 2).

С. 104. *Новый автограф Пушкина* — подлинник письма Пушкина к Вяземскому от 20.03.1820. Впервые опубл. Б. Л. Модзалевским в 1922 по копии В. П. Гаевского, поступившей в Пушкинский Дом. Письмо без начала; на копии помета Гаевского: «Из письма к Вяземскому. Начало письма спросить у В. Зотова». Обнаруженный подлинник был приобретен у А. И. Леман ГЛМ и опубл. М. Ц. (Летописи. Т. 1. С. 326).

С. 105. *«Воспоминания Араповой»* — В деталях данного рассказа М. Ц. несколько изменила память. Воспоминания А. П. Араповой он готовил к печати по их публ. в прилож. к газете «Новое время» (декабрь 1907 — январь 1908). В нач. 1921 М. Ц. писал Б. Л. Модзалевскому: «Московский книгоиздатель, мой приятель А. М. Кожебаткин, издающий книги под фирмой «Альциона», задумал серию «Пушкин и его время» под моей редакцией. В серию эту войдут как перепечатки опубликованных в периодических изданиях, труднонаходимых мемуаров, так и исследования о Пушкине, не опубликованные. Первым номером мы выпускаем мемуары А. П. Араповой о своей матери, печатавшиеся в иллюстрированном приложении к «Новому времени». Текст А. П. Араповой (конечно, печатаемый полностью) сопровождается моими примечаниями и вступительной статьей. Примечания мной написаны, вступительную же статью я не могу сдать в

набор, так как очень мало имею биографических данных об А. П. Араповой; я даже не могу узнать, жива ли она, и если умерла, то когда. Всезнающий по этой части Ник. Петр. Чулков тоже не знает. В № 1 «Книга и революция» прочел я среди многих других интереснейших сообщений о поступлениях в Пушкинский Дом (какие богатства вы теперь там собрали!) известие о том, что поступил архив А. П. Араповой. Из этого я заключил, что Вы должны быть с ней знакомы. Черкните, ради бога, дату ее смерти, если она умерла; если же она жива, то, признаюсь, перепечатание ее мемуаров без ее разрешения меня смущает, тем более, что в примечаниях и во вступительной статье я воздаю ей должное, т. е. указываю на ее несомненную тенденциозность по отношению к Пушкину. Если она жива, то вы, может быть, сообщите мне ее адрес. У Вас, вероятно, есть и дата ее рождения и другие сведения о ней (хотя бы указание, сколько у нее детей, даты их рождений и другие генеалогические указания). За всякого рода указания буду Вам глубоко благодарен. Вторым номером нашей серии мы выпустим интересные, при всей их мелочности, записи П. И. Бартенева о Пушкине в двух тетрадях, приобретенных Бухгеймом» (2558.2.335, л. 6—6 об.; здесь же позднейшие пояснения Т. Ц. к этому письму). В архиве М. Ц. сохранились материалы этого неосуществленного изд.: наборная рукопись воспоминаний, автограф примеч. (2558.2.38, 1702, 1703). Свой архив А. П. Арапова передала в ПД в 1918, за год до смерти. Подготовленная Б. Казанским книга не вышла. По тексту газ. публ. воспоминания были недавно переизд. с посл. Галины Пикулевой и без коммент.: *Арапова Александра.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. К семейной хронике жены А. С. Пушкина. М., 1994.

21 апреля 1932

Об альбомах Гончаровых из Яропольца см. выше.

доклад о Сен-При — О многолетних занятиях Т. Ц. биографией и творчеством Э. Сен-При см.: *Шилов К.* Художников друг и советник // Искусство. 1998. №№ 11, 12. Сама она так рассказала об этой своей работе в письме 31.08.1969 В. Э. Вацуро: «Кстати о рисунках дилетантов. Я когда-то (в 1931—32 гг.) нашла в Историческом музее целый альбом рисунков Сен-При, определила, что это он. (Он теперь у Вас в ПД — № 1732 в Пушк. фонде.) Соткала его биографию — по печатным и, главным образом, архивным данным. (Поразительная судьба этого человека!) Было это... в 1932 году. Борис Викторович <Томашевский> долго преследовал меня, требуя, чтобы я напечатала эту работу, находя ее лучшим из всего, что я к тому времени сделала. Не хватило времени. Да и не было у меня искусствоведческой интерпретации рисунков Сен-При. Множества лиц, им нарисованных, узнать мне не удалось» (2558.2.849).

27 апреля 1932

А. Я. Аросев писал Бонч-Бруевичу 1.04.1932: «К величайшему сожалению, Вольф не может дать разрешения на фотографирование целого альбома оригинальных пушкинских писем, которые недавно одна аристократка-эмигрантка продала музею. Я смотрел этот альбом и читал письма Пушкина. Среди писем есть одно его стихотворение, а может быть, начало поэмы, написанное белыми стихами на одной странице, всего двенадцать или шестнадцать строк. По словам Вольфа, весь этот пушкинский материал еще не видал света. Может быть, в процессе моих дальнейших разговоров с Вольфом мне удастся его уговорить разрешить нам сфотографировать эти рукописи. <...> Недавно здесь при музее была пушкинская выставка, где были показаны и рукописи, и книги Пушкина, и его рисунки, и портреты того времени. Посылаю Вам каталог этой выставки, там Вы найдете отдельно каталог рукописей Пушкина, хранящихся в музее».

27.08.1932 он сообщал: «Вольф в отпуску, как только вернется, приступим к переговорам. Альбом с пушкинским текстом, который Вам предлагают за 660 золотых рублей, есть именно тот самый, который мне показывал Вольф. Там-то я и видел небольшое пушкинское стихотворение. Разумеется, это цена очень дорогая, если Вы мне скажете, кто Вам предлагает, мы могли бы вступить здесь в переговоры и цену снизить» (РГБ. 369.234.9). — Обзор и публ. автографов, представленных на организованной Славянской биб-кой Мин. ин. дел Чехословакии Пушкинской выставке в Праге (март 1932) на основе присланного Аросевым каталога сделал Н. С. Ашукин (Новые автографы Пушкина // Звенья. 1933. Т. 2).

С. 106. *6 июня 1932*

Материалы доклада Т. Ц. с публ. писем Пушкина см.: Звенья. 1933. Т. 2. С. 201—221.

16 июня 1932

После смерти Пушкина Н. И. Тарасенко-Отрешков взял с его письменного стола два гусиных пера. Одно из них в 1925 было передано ленинградским Управлением Гос. академ. театров в ПД; ныне хранится в музее Пушкина в Петербурге. Второе перо, о кот. идет речь, из Центрального музея каторги и ссылки в марте 1935 поступило в ГЛМ (см.: Летописи. Т. 1. С. 568—569, 336/337 — фотография), откуда в 1938 было передано в МПМ, где хранится и сейчас. В конце 1960-х историей пера заинтересовался иркутский журналист, писатель М. Д. Сергеев, которому удалось выяснить ряд обстоятельств биографии актера Немезидина (см. очерк «Перо поэта» в его кн.: Жизнь и злоключения Абрама Петрова... Иркутск, 1989). В. Д. Бонч-Бруевич держал М. Ц. в курсе переговоров, кот. вел ответственный секретарь ГЛМ А. А. Сабуров с директором музея Об-ва политкаторжан Сибиряковым о передаче пера (см.: ИРЛИ. 387.94, л. 41; РГБ. 369.220.28, л. 1).

С. 107. *14 июля 1932*

Ср. позднейшее примеч. Т. Ц.: «Откуда эти сведения М. Л. Гофмана, неизвестно. Но нельзя не обратить внимания на то, что 150 страниц — это цифра, близкая к числу страниц известного Дневника 1833—1835 годов: в нем 233 листа, из них исписанных листов 51, а страниц — 101 (см. издание «Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.)», М. -Пг., 1923, стр. 16, 31).

Слова ***«в месте более близком к Ленинграду, чем к Парижу»***, быть может, следует понимать так, что Елена Александровна Пушкина имела в виду известный Дневник 1833—1835 годов, хранившийся у ее родных (в Лопасне, под Москвой). Она не знала, вероятно, что еще в 1919 году дневник был передан ее братом Григорием Александровичем Пушкиным (1868—1940) в Румянцевский музей, а в 1923 году двумя изданиями вышел в Москве и Ленинграде» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 73).

С. 108. *5 октября 1932*

Ср. заинтересованный отклик Л. Б. Модзалевского 6.10.1932: «Очень интересно открытие Татьяны Григорьевны об Ушаковой «Трудясь над образом прелестной Ушаковой». Жажду узнать результат ее похода к брату Над. Конст. Дунин-Борковской» (ИРЛИ. 387.238).

С. 109. *11 октября 1932*

Этот альбом А. В. Гольденвейзер позднее передал в Гос. музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки. Хозяйкой его была не А. И. Голицына («Princesse Nocturne»), а Н. С. Голицына, урожд. Апраксина (ср. запись Т. Ц. 25.10.1932, где владелица тоже идентифицирована неточно). Об альбоме, его судьбе и пушкинском автографе см.: *Крестова Л. В.* «Она одна бы разумела...» // Прометей. Т. 10.

Архив Голицыных из их имения *Вязёмы* сохранился и ныне находится в РГБ. Речь идет о подготовленной публ. для не вышедшего т. 7 «Звеньев»: Письма

«Пиковой дамы». Из переписки кн. Н. П. Голицыной, рожд. Чернышевой, с дочерью, Е. В. Апраксиной (1820—1826 гг.) / Вступ. ст. И. Смирнова. Перевод, предисл. к письмам и примеч. М. Голицына. (Анонс в т. 6 «Звеньев».)

18 октября 1932

Цитируемое Т. Ц. *письмо Баратынского* к А. А. Муханову уже было к тому времени опубл.: Рус. архив. 1895. № 9. С. 125.

С. 110. *20 октября 1932*

О письме Пушкина к П. П. Булгакову сообщалось в казанской газете «Волгарь» (1899, 31 янв.). Судьба этого письма неизвестна. — О портрете Пушкина работы Ж. Вивьена (Т. Ц. ошибочно называет его по-французски Jules вместо Jean) см.: Летописи. Т. 1. С. 563—564.

С. 111. *25 октября 1932*

другой автограф Пушкина — Речь идет о рукописи стихотворения Пушкина «Подражание древним», до революции принадлежавшей коллекционеру Э. П. Юргенсону, а затем М. П. Келлеру. Последний перед эмиграцией продал автограф московскому букинисту М. И. Пузыреву, у которого его купил архитектор М. Л. Малашкин. Позднее (в 1952) Малашкин продал его А. Г. Миронову, а тот подарил Н. П. Смирнову-Сокольскому (см. очерк «Судьба одного автографа» в его кн.: Рассказы о книгах. М., 1977). После смерти Смирнова-Сокольского его вдова подарила автограф в ПД. См.: *Соловьева О. С.* Новые данные об автографах Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 17; *Берков П. Н.* История советского библиофильства. М., 1983. С. 119. Волнение о судьбе автографа и обстоятельства его передачи в ПД подробно отображены в письмах Н. В. Измайлова к Т. Ц. начала 1962 (2558.2.1247).

3 ноября 1932

Щеголев в 1923 (а затем в составе собр. соч. Пушкина 1930, 1931 и 1934) опубликовал поэму «Медный всадник» не по писарской копии, как было принято до этого и к чему вернулись позднее, а по цензурному автографу. В статье «Николай I — редактор Пушкина» Т. Ц. дала критику отдельных текстологических решений Щеголева (см.: ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 524, 535—536). Анализ предложенного Щеголевым подхода см. в статье Н. В. Измайлова в кн.: *Пушкин А. С.* Медный всадник. Л., 1978. С. 237—242.

С. 112. *14 ноября 1932*

Цитируемая рукопись А. Н. Марина поступила в ГЛМ (опубл.: Летописи. 1948. Т. 10). Сведения об общении братьев Мариных с Пушкиным учтены Цявловскими в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина».

25 ноября 1932

О дневниках М. Ю. Виельгорского, ныне хранящихся в его фонде в РНБ, см.: *Щербакова Т.* Михаил и Матвей Виельгорские. М., 1990. С. 22 и сл.

С. 113. *2 февраля и 6 февраля 1933*

Приобретенные ГЛМ документы опубл. и прокомментированы П. С. Поповым в кн.: Летописи. Т. 1. Текст отпускного билета на проезд в Петербург от 29.11.1825 на имя дворовых П. А. Осиповой Хохлова и Курочкина, написанный А. С. Пушкиным, опубл. М. Ц. в «Лит. газете» и «Известиях» (1934, 6.06; см. также: ЛН. 1934. Т. 16—18. С. 1170; Рукою Пушкина. С. 754—756; публ. П. С. Попова в: Звенья. 1934. Т. 3—4).

3 февраля 1933

Речь идет о посвященной Ф. И. Вильяновой статье: *Мельников А.* Современница А. С. Пушкина // Нижегородские губ. ведомости. 1899, 26 мая. № 22. Отд. неоф. С. 6; 2 июня. № 23. С. 4—5. Ср.: Звенья. Т. 6. С. 183—190.

С. 114. *10 февраля 1933*

Речь идет о М. П. Клименко (урожд. Воронцова-Вельяминова), скончавшейся 23.08.1932.

С. 115. 12 декабря 1936

Стенограмму доклада «Новые материалы о Пушкине (О дневнике П. И. Долгорукова)» 11.12.1936 в Пушкинской комиссии см.: 2558.2.252; опубл. в виде статьи «Новое о Пушкине в Кишиневе»: Новый мир. 1937. № 1. О подготовке к публ. дневника П. И. Долгорукова см. примеч. на с. 305. — Указание на упоминание А. С. Пушкина в дневнике сестры К. А. Охотникова ошибочно: речь идет о дневниковых записях Екатерины Ивановны Миллер (в замуж. Кашкиной; 1806—1879), проживавшей в имении Охотниковых в селе Татаринцах Козельского у. Калужской губ. 26.06.1822 она записала (по-франц.): «Сегодня здесь был господин Пушкин, сочинитель; он прекрасно читает стихи и декламировал некоторые своего сочинения». Речь идет о В. Л. Пушкине, дяде поэта. Дневник Миллер поступил в Биб-ку им. Ленина; о нем и о данной записи см.: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указ. рукописей. М., 1976. № 672.

В ночь с 1 на 2 марта 1939

Эти новости зафиксированы и в рабочем дневнике Цявловских (2558.2.290, л. 78 об.—79). В публ. 1971 Т. Ц. дала след. примеч.: «В "Воспоминаниях" советского писателя Всеволода Вячеславовича Иванова приводится рассказ М. Горького относительно писем Пушкина, хранящихся в семейном архиве Серра-Каприола: "Как-то почувствовав себя дурно, дюк подписал завещание. Он распределил его по частям: кому что. А нужно сказать, что давно предок нынешнего дюка был послом Неаполитанского короля в Петербурге. Этот Серра-Каприола был любителем искусства и даже сам гравировал. Женился сей посол на русской, на княжне Волконской <правильно: Вяземской>. С княжной состоял в переписке А. С. Пушкин, и в семейном архиве Серра-Каприола сохранились письма Пушкина. И нужно случиться так, что письма А. С. Пушкина должны перейти к тому сыну, который фашист. В те дни Алексей Максимович вел переговоры со стариком, чтоб он за хорошие деньги уступил письма Пушкина русским. Когда фашист узнал, что старик Серра-Каприола хотел продать русским письма Пушкина, он в ярости взвалил вообще весь семейный архив на тачку и повез топить в море. Чем русским — лучше в море! Еле отбили. И с того дня письма исчезли. Спрятал, наверное. Подставных людей даже посылали — не желает говорить..."» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 75). Продолжение темы см. в записи 5.03.1963 и примеч.

7 ноября 1945

Речь идет о следующем заявлении Н. А. Раевского, копия с которого сохранилась в редакционном архиве «Лит. наследства» (РГАЛИ. 603.6.174):

Председателю военного трибунала
центральной группы войск
Николая Алексеевича Раевского

Заявление

Во время моего пребывания в Чехословакии я занимался пушкиноведением и установил, между прочим, что на территории Республики имеются важные, никому не известные материалы по Пушкину, а именно:

1. Замок Теплитц-Шеная (по-чешски Теплице-Шанов) в городе того же имени. Принадлежал до последнего времени князю Альфонс Клари и Альдринген, правнуку графини Долли Фикельмон. В замке хранятся бумаги семьи Фикельмон, среди них доселе неизвестное письмо поэта к графине от 25 апреля 1830 года и дневник графини за 1831—1839 гг., в котором имеется весьма важная запись о дуэли и смерти Пушкина, сделанная 29 января 1837 года, 150 строк. Очень вероятно, что имеются и иные материалы того же характера — в том числе, по крайней мере, один автограф поэта, письма Вяземского, Жуковского и т. д.

2. Замок Бродиани-Велькиш (Словакия, Чехословакия) принадлежал венгерскому подданному Георгу Вельсбургу (правнуку Александры Николаевны Гончаровой, баронессы Военель ван Фришехов). Александра Николаевна погребена в замковой часовне. В замке

множество иконографического материала — альбом, по-видимому, рисованный Пушкиной-Ланской, ряд портретов, миниатюр с рисунками Ксавье-де-Местра. Один из них, по-видимому, портрет Пушкина, рисованный не позднее 1819 года. Прекрасный семейный дагеротип 1850—1851 г. (Пушкина-Гончарова и дети). Архива не видел, но, насколько знаю, пушкинских автографов там нет. Очень вероятно, что там имеются письма Н. Н. Пушкиной к сестре.

Представляю совершенно необходимым организовать охрану этих замков.

Позволю себе обратить внимание властей на просвещенное содействие, которое оказал кн. Клари и Альдринген, предоставивший мне копию пушкинского письма и выписку из дневника графини (поехать туда я не мог).

Пользуясь этими материалами и некоторыми другими источниками, я написал работу «Новое о Пушкине», оставшуюся незаконченной (5 докладов из 8 совершенно готовы). Все материалы и текст работы переданы мною капитану Пляскову для отсылки на хранение в Пушкинском доме Академии Наук в Ленинграде. Если представится возможным, прошу разрешить мне продолжать мой труд и в дальнейшем подготовить к печати дневник гр. Фикельмон, написанный по-французски. Я знаю этот язык в совершенстве. Имеется у меня и еще ряд намеченных путей к пушкинским материалам за границей.

Николай Алексеевич Раевский
Доктор Карлова университета в Праге

16 июня 1945 г.
Верно: гв. ст. лейтенант юстиции /подпись/

Судьба посланных в ПД Раевским материалов живо интересовала М. Ц. 15.01.1946 он запрашивал Л. Б. Модзалевского: «Дорогой Лева, пожалуйста, не откладывая, напиши мне, получил ли Пушкинский Дом ответ на свой запрос по поводу недошедшего письма Н. Раевского <...> Мне это очень нужно знать, чтобы с своей стороны предпринять меры» (2558.2.336. Из ответного письма Модзалевского от 14.02.1946: «Прислать Вам адрес Н. А. Раевского (его зовут Николай Алексеевич) я не имею возможности, так как он находится в заключении, будучи осужденным на 5 лет. Пушкинская Комиссия сносилась по поводу его писем в Комиссию с начальником Управления НКВД во Львове, но до сих пор никакого ответа не получила»; 2558.2.481).

Еще весной 1945 Цявловские предприняли шаги по розыску материалов Фризенгоф и Фикельмон (ср. просьбу М. Ц. в письме от 27.03.1945 к Л. Б. Модзалевскому поискать «в картотеке отца» сведения о месте проживания в Венгрии Фризенгофов; 2558.2.336). Вот составленная ими памятная записка «Поиски автографов Пушкина за границей»:

«Под впечатлением приказов Сталина, говорящих о боях в Чехословакии, Австрии, Венгрии, в середине марта 1945 года мы решили начать розыски автографов Пушкина, принадлежавших Александре Николаевне Гончаровой (Фризенгоф) и Дарье Федоровне Фикельмон и находившихся в Австрии и в Чехословакии. Для этого Таня проработала потомство той и другой по Готским альманахам, Hof-Kalendar'ам, Graflich Taschenbuch'ам и баронским генеалог. справочникам. Результаты этих изысканий мы письменно изложили в бумаге следующего содержания:

I

Одним из самых близких людей Пушкина в последние два года его жизни, как известно, была свояченица его (сестра его жены) Александра Николаевна Гончарова (род. в 1811 г., умерла после 1887 г.), боготворившая Пушкина как поэта и посвященная им в подробности преддуэльной истории. Александра Николаевна несомненно имела не один автограф великого поэта. Возможно, у нее были и какие-нибудь документы, относящиеся к этой истории и вообще имеющие отношение к жизни и творчеству Пушкина, бумаги, не говоря уже о каких-нибудь реликвиях, его вещах, портретах и т. п.

Александра Николаевна Гончарова вышла замуж в 1852 г. за чиновника австрийской службы в России, венгерского помещика барона Густава Фогель фон Фризенгоф. Их единственная дочь Наталья (род. в 1854 г. в Вене) вышла замуж (в 1876 г. в Вене) морганатическим браком за герцога Элимара Ольденбургского (р.

в 1844, ум. в 1895). В 1878 г. в ее замке Бродани (Brodany) близ Velke Vielice, Nitrauska Zupa (ныне Чехословакия) у них родился сын Александр, получивший фамилию граф фон Вельсбург, женившийся в 1905 г. на графине Зальбург фон Ган (род. в 1885 г.) У них два сына: граф Элимар фон Вельсбург (род. в 1906 г. в Ницце) и граф Александр фон Вельсбург (род. в 1908 г. в Wollas Hall близ Ворчестер в Англии).

Имеются сведения, попавшие в печать, что в названном замке Бродани, при жизни Александры Николаевны, в одной из комнат было нечто вроде музея Пушкина.

Трудно допустить, чтобы после ее смерти весь этот «музей» был бы как-нибудь уничтожен.

В настоящее время, когда район, в котором находится указанный замок, является уже театром военных действий, нам представляется своевременным сообщить вышеизложенное командованию Красной Армии для принятия мер охраны рукописного и мемориального наследия Александра Сергеевича Пушкина.

II

Горячей поклонницей и близкой знакомой Пушкина в последние семь лет его жизни была внучка великого полководца М. И. Кутузова графиня Дарья Федоровна Фикельмон, рожд. гр. Тизенгаузен (род. в 1804 г., ум. в 1863 г.), бывшая с 1821 г. женой австрийского посланника в России гр. Карла-Людвига Фикельмон (род. в 1777 г., ум. в 1857 г.)

Нельзя себе представить, чтобы у Дарьи Федоровны тоже не было бы автографов Пушкина и каких-нибудь его вещей. Граф Фикельмон был очень близок с Пушкиным и давал ему для прочтения том сочинений Гейне, запрещенный в России.

Единственная дочь Фикельмонов Елизавета-Александра Фикельмон (род. в 1825 г., ум. в 1878 г.) вышла в 1841 г. замуж за князя Эдмунда-Морица Клари и Альдринген (род. в 1813 г., ум. в 1894 г.), владельца имения Теплиц в Богемии. Из Hof-Kalendar 1932 года видно, что и в 1930-х годах представители рода Клари и Альдринген продолжали проживать в замке Теплиц (в Богемии), в Венеции, во дворце Клари, и в Вене (Wien I, Herrengasse, 9).

Теплиц и Вена в настоящее время находятся вблизи мест развивающихся военных действий, и потому мы считаем своим долгом указать русскому командованию на необходимость также принять меры охраны замка в Теплице и указанного дома в Вене, как мест, где могут оказаться исключительной культурной ценности пушкинские материалы.

Числа 25 марта, кажется, Александр Васильевич Давыдов отнес на квартиру к Бончу, по договоренности с его секретарем, Клавдией Борисовной Суриковой, эту бумагу с тем, чтобы они пополнили сообщаемые нами сведения имеющимися у них сведениями, которые он получил в свое время, предпринимая какие-то шаги по розыску автографов Пушкина, бывших предположительно у бар. А. Н. Фризенгоф.

Вместо этого Бонч от себя сочинил по своему обыкновению весьма патетическое письмо на имя Молотова следующего содержания:

Зампредседателю Совнаркома
В. М. Молотову

Дорогой Вячеслав Михайлович, обращаюсь к Вам, охваченный большой тревогой, с огромной экстренной просьбой.

Дело в том, что наша победоносная, воистину героическая Красная Армия подходит сейчас к... Пушкинским местам в Чехословакии и в Австрии. Как это ни странно звучит на первый взгляд, но именно это так, в чем Вы сами убедитесь, прочтя те сведения, которые мы сообщаем Вам.

Моя личная к Вам животрепещущая просьба доложить обо всем этом Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину и просить его приказания об охране рукописей, писем, книг, вещей и реликвий А. С. Пушкина прежде всего, а также архивов и библиотек его родственников и его окружения тех далеких времен и вероятно целого ряда сохранившихся в домашних архивах документов.

Если все это будет сохранено, надо будет, тщательно все упаковав, все эти материалы в ящики (sic!), доставить сюда в Москву» (2558.2.666, л. 3—9).

См. о пушкинских реликвиях в Бродянах записи 25.02.1947 (пункт 6) и далее. В связи с поисками пушкинских реликвий «по английской линии» М. Ц. в начале 1944 подготовил заметку, распространенную системой информагентств СССР, «К 107 годовщине смерти Александра Пуш-

кина (Потомки поэта в Англии и Америке)». Приведем ее текст по записи Т. Ц.:

«В 1868 году в Лондоне состоялась свадьба младшей дочери русского поэта Александра Пушкина, Натальи Александровны, которая выходила замуж вторым браком за принца Николая-Вильгельма Нассауского. В качестве морганатической супруги его, она получила фамилию графини Меренберг. Наталья Александровна жила постоянно за границей, преимущественно в Бадене, а последние годы жизни в Каннах, где и умерла в 1913 г. семидесяти семи лет.

От второго брака у Натальи Александровны были две дочери — Софья (род. в 1868 г.) и Александра (род. в 1869 г.), приходящиеся Пушкину внучками. Старшая из них, гр. Софья Николаевна Меренберг, вышла замуж в 1891 г. за вел. князя Михаила Михайловича Романова, внука императора Николая I. При венчании она получила от вел. герцога Люксембургского, своего дяди, имя графини де Торби. Жила она летом в Англии, в своем замке Кин-Вуд в Хемпстэде, а зимой в Каннах, в вилле Казбек. Умерла в Лондоне в 1927 году.

Младшая дочь Натальи Александровны, граф. Александра Николаевна Меренберг, вышла замуж в 1914 г. за американца (аргентинца) Д'Элиа и поселилась в Буэнос-Айресе.

Графиня Софья де Торби была матерью двух дочерей, правнучек поэта. Старшая дочь графиня Анастасия (Зия) де Торби, родившаяся в 1892 г., вышла замуж в Лондоне в 1917 г. за Гарольда Вернхер, из дома баронетов Вернхер (Wernher). У них родился сын Александр Вернхер, праправнук Пушкина.

Сестра Анастасии, граф. Надежда де Торби, родившаяся в 1896 г., вышла замуж в Лондоне в 1916 г. за поручика великобританской армии, графа Георга Медина (earl of Medina), сына принца Людвига Баттенбергского, маркиза Мильфорд-Хавен. После смерти отца граф Георг Медина получил титул маркиза Мильфорд-Хавен. В 1917 г. у них родилась в Лондоне дочь лэди Елизавета-Татьяна Баттенберг, и в 1919 г. сын Давид, виконт Альдерней, граф Медина...

К сожалению, наши данные не полны и обрываются на 1920—1930 годах.

По имеющимся точным сведениям, покойная графиня Софья де Торби владела до сих пор не опубликованными документами, относящимися к преддуэльной истории Пушкина, закончившейся роковой гибелью поэта. Документы хранились в семейной шкатулке.

У кого из потомков графини Торби находится эта шкатулка в настоящее время, нам неизвестно.

Многие обстоятельства, предшествовавшие смерти Пушкина, до сих пор не раскрыты, и потому публикация любого документа, относящегося к этой загадочной истории, представляет глубокий интерес не только для одних пушкинистов.

Мы были бы счастливы, если бы настоящая заметка вызвала бы публикацию хранящихся в Англии документов о великом русском поэте» (2558.2.666, л. 18—19).

С. 116. *Зильберштейн рассказывал Мстиславу недавно.* — Письма Пушкина и Жуковского Д. Борро опубл. в 1899 В. Нэпп; Г. П. Струве републ. в однодневной юбил. газете «Пушкин» (Париж, 1937). Об истории и судьбе пушкинского автографа см.: *Алексеев М. П.* Русско-англ. лит. связи (XVIII век — перв. пол. XIX века) / ЛН. 1982. Т. 91. С. 628, 654 (на с. 625 приведено письмо Борро Д. Гасфельду из Мадрида от 23.05.1836). Еще в апреле 1936 М. Ц., передавая в англ. посольство в Москве записку о юбилейных пушкинских изданиях и мероприятиях в СССР, писал: «Позвольте и мне в свою очередь обратиться к Вам с следующими вопросами.

В Публичной библиотеке в Ленинграде хранится несколько неопубликованных писем английского писателя George Borrow к John Hasteldt в Петербург. Одно из них начинается так:

Madrid, May 23 1836

My dear Friend. It is now some weeks since I received your two letters, containing the authographs of Pushkin and Dzukophsky...

В обширной литературе о Пушкине нет сведений о том, о каких автографах писал Борроу, и было бы очень интересно и важно узнать, цел ли в Англии архив Борроу и есть ли там автографы Пушкина и Жуковского. Если эти поиски будут

произведены, то я позволяю себе просить прислать фотографические снимки с автографов Пушкина и Жуковского. Кстати прибавлю, что ленинградским исследователем М. П. Алексеевым готовится к печати работа "Пушкин и Джордж Борроу"» (2558.2.643, л. 8—9).

Подклеенные записки, вероятно, относятся к 1929. 1. Теме пушкинского *кошелька* (правда, в другой связи) была посвящена одна из заметок М. Ц. (Русский библиофил. 1916. № 8). 2. Статья *Лернера* о «Тени Баркова» появилась в «Огоньке» (1929. № 5); о том, что первый выпуск «Майковского собрания» рукописей Пушкина скоро сдается в печать, М. Ц. сообщал летом 1929 Н. В. Измайлов (2558.2.446, л. 47—48 и сл.); запланированное собр. соч. Пушкина под эгидой Пушкинской комиссии ОЛРС (ответственным ред. должен был быть П. Н. Сакулин), план кот. был разработан в 1928, не состоялось: в 1931 ГИХЛ «ввиду недостатка бумаги и непредставления ряда томов» отказался его издавать.

25 декабря 1946

Б. М. Эйхенбаум, покупавший у Я. М. Лопаткина в июне 1947 тетрадь Лермонтова для ПД, записал в дневнике: «Он показал и экземпляр «Евг. Онегина» 1837 г. (маленького формата в сафьяновом переплете) с карандашной надписью Пушкина — милостивой государыне Людмиле Евгеньевне <!> Шишкиной, 1 января 1837 г. Этот экземпляр пойдет в Инст. Мировой Лит.» (РГАЛИ. 1527.1.248). О книге с инскриптом Пушкина см.: ПИМ. 1956. Т. 1. С. 379; 1958. Т. 2. С. 404. Ср. ниже в записях 25.02, 2.03.1947. — Об отце Лопаткина ср. в дневн. записи Эйхенбаума от 15.06.1947: «В пятницу был у Я. М. Лопаткина. Собрал сведения о его отце — М. И. <так> Лопаткине — очень оригинальном человеке, прошедшем путь от учителя уездного училища до лаборанта Каз. Университета (химик). Философ, переводчик Спинозы и пр. Сын, видно, тоже интересный и много переживший человек» (РГАЛИ. 1527.1.248).

С. 117. *1 января 1947*

Речь идет о каталоге парижской юбилейной выставки 1937 «Пушкин и его эпоха» (Centenaire de Pouchkine. Exposition «Pouchkine et son epoque» à Paris. 1937). С просьбой помочь ознакомиться с данной кн. (неточно ее описывая) Т. Ц. обратилась 5.02.1947 к Бонч-Бруевичу: «Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Дмитриевич, когда мы были с Вами на заседании в Издательстве <АН СССР> в последний раз (30 декабря 1946 г.), П. И. Лебедев-Полянский, как Вы помните, говорил, что С. И. Вавилов купил у букиниста каталог собрания автографов Пушкина, принадлежащего парижскому коллекционеру Сергею Лифарю, и что там, между прочим, описаны рисунки Пушкина, входящие в это собрание. Лебедев-Полянский запомнил мужика с лопатой. Очень хочу просить Вас, дорогой Владимир Дмитриевич, обратиться к С. И. Вавилову с просьбой дать возможность нам с Михаилом Дмитриевичем Беляевым посмотреть это издание, как редакторам XVII тома Акад. изд. Пушкина. Но так как там вероятно все собрание автографов описано, а не одни рисунки, то лучше всего было бы попросить у Сергея Ивановича эту книгу дня на два. Впрочем, не мне диктовать ему. Надеюсь, что Вы договоритесь с ним» (РГБ. 369.360.24). Каталог выставки Цявловские получили от Бонч-Бруевича на пять дней (с 1 по 5.04.1947), см.: 2558.2.286. Возвращая его, М. Ц. сообщал 4.04.1947: «Я и в большей степени Татьяна Григорьевна просмотрели присланную вами книжку о пушкинской выставке в Париже в 1937 г. В ней мало научно ценного, а именно — рисунок Пушкина-лицеиста 1815 г. (он настолько необычен и настолько непохож на рисунки Пушкина взрослого, что сгоряча, «с первого

взгляда» и я и Т. Г. решили, что не Пушкин), рисунок-карикатура Сен-При, портрет М. А. Щербинина, портрет Идалии Полетики, портреты (2) Жуковского, печатка Пушкина, пистолеты, которыми будто бы стрелялись Пушкин и Дантес. Хотя я лично и считаю их «липой», нужно бы и их снять <...> Это по части иконографической, что же касается текста книжки, то в нем есть два-три интересных места, которые Т. Г. использует в своей заметке (или заметках), которые она готовит для "Звеньев"...» (РГБ. 369.361.11). Упоминается лицейский рисунок Пушкина из собрания парижского антиквара А. А. Попова, см.: *Зильберштейн И. С.* Парижские находки. Эпоха Пушкина. М. , 1993. С. 35—36.

25 февраля 1947

Во-первых. — Речь идет о находке письма Пушкина к Жуковскому от конца декабря (?) 1816; публ. Т. Ц. в «Звеньях» не вышла; письмо было включено в дополнения изд. в 1949 т. 16 *Пушкина*. Ср. в дневн. записях М. Ц.: 3.12.1946 «Тане в рукоп. отд. Ленинской библиотеки дали письмо Пушкина из собрания Бецкого. Она сразу не сообразила, что это письмо Пушкина, но все-таки его списала. Уже дома она поняла, что письмо лицейское Пушкина к Жуковскому»; 24.01.1947 «Таня сдала свою статью «Новая записка Пушкина» для "Звеньев"...»; 4.02.1947 «В Радиокомитете записывали Таню и меня. Таня говорила о найденной ею записке П. к Жуковскому, а я о П. в Лицее и Жуковском»; 10.02.1947 «В 10 ч. у<тра> слушали по радио нашу передачу» (2558.2.286). Ср. неосуществившийся замысел подборки мат-лов вокруг этого письма для «Звеньев», куда должен был также войти обнаруженный А. С. Блезер отзыв о Пушкине в письме Жуковского Вяземскому 1815 (позднее опубл. с предисл. Т. Ц.: Огонек. 1949. № 23. С 9; ЛН. 1952. Т. 58), о чем Т. Ц. писала 14.12.1948 Бонч-Бруевичу: «Дорогой Владимир Дмитриевич, не думаете ли Вы, что было бы хорошо до публикации письма Жуковского к Вяземскому и до моего введения, которое посылаю Вам на прочтение, дать еще прилагаемую заметку Мстислава Александровича, написанную им в связи с появлением новой записки Пушкина (которую я публикую в этом же томе «Звеньев»). Заметка эта написана популярно, потому что она предназначалась для детского радио-журнала «Невидимка». Мстислав Александрович читал ее по радио 10/II 1947 г., тогда же я прочла по радио записку Пушкина и заметку об ней. Заметку эту стоит опубликовать, мне кажется, и именно в связи с запиской Пушкина и с письмом Жуковского о Пушкине, потому что Мстислав Александрович рассказал тут об отношениях Пушкина с Жуковским в эти юные годы поэта. Может быть, теперь <...> и набегут нужные 20 страниц» (РГБ. 369.360.26).

С. 118. *2-ое.* Ср. дневн. запись Цявловских 24.01.1947: «Был Томашевский, приехавший из Ленинграда. Читал письмо Пушкина к Д. Ф. Фикельмон 29 IV 30 г. и запись ее о дуэли и смерти Пушкина в дневнике. На несколько минут заезжал Бонди» (2558.2.286). Письмо Пушкина к Д. Фикельмон (по копии Н. А. Раевского) вошло в дополнения к т. 16 *Пушкина*. Запись из ее дневника от 29.01.1837 по копии Н. А. Раевского опубл. с коммент. Е. М. Хмелевской: ПИМ. 1956. Т. 1.

3-ье. — Данная запись в сокращенном виде вошла в публ. 1971 по инициативе Н. Я. Эйдельмана; ср. его письмо Т. Ц. 19.04.1971: «Корректуру в «Науке и жизни» я прочел, сверив с Вашей машинописью. Кое-что (эпизод с Молостовым, например) *они* сократили. В связи с этим вылетели некоторые комментарии и образовалась необходимость — вставить несколько строк. Я рискнул и поместил Ваш рассказ о внучке Миллера (как я корыстен!) — но убрал все резкие (в ее адрес) предположения, заменив словами, что в архиве Миллера «могли быть ценные и уникальные

материалы» (обращаясь таким образом к семейству, ибо на мое послание предполагаемый потомок Юрий Миллер не отвечает)» (2558.2.1638). В журн. публ. вместо всего второго абзаца записи дана одна фраза в скобках: «Между тем Миллер, хотя и служил секретарем при Бенкендорфе, был большим благожелателем Пушкина и сохранял уникальные материалы». Предположение Эйдельмана блистательно оправдалось: в 1972 бумаги Миллера, в т.ч. автографы Пушкина, поступили от их владельцев в Биб-ку им. Ленина. Эйдельман осуществил их подробное описание и публ.: Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1972. Т. 33.

С. 119. *5-ое.* — Ср. ниже запись от 17.03.1947 и дневн. запись Цявловских от того же числа: «Звонил Лидин — о новых автографах Пушкина» (2558.2.286). Письмо Пушкина к Л. М. Алымовой впервые опубл. в 1937. Подлинник его, приобретенный И. М. Саркизовым-Серазини, был подарен им в 1959 в Пушкинский Дом.

С. 120. *6-ое.* — Про известия об этих находках ср. дневн. записи Цявловских 1947: 19.02 «Звонила Нечкина, потрясающее открытие «пушкинского архива» или «фонда» в Праге — из собр. Ал.Н. Гончаровой. Смотрел историк-экономист Аркадий Лаврович Сидоров, прилетевший вчера из Праги и рассказавший Милице Васильевне»; 20.02 «Звонил Бонди из Болшева — об открытии архива и портретов в Бродянах Ал.Н. Фризенгоф — письмо Исаченко и его заметка в словацкой газете. Богатырев прочел ее мне по-русски»; 11.04 «Мстислав диктовал мне отзыв об архиве Фризенгоф на основ. рассказов Нечкиной. Получили из ОЛЯ докладную записку Арк. Лавр. Сидорова тов. Жданову об архиве Фризенгоф. Пустой архив!»; 13—14.04 «Воскресенье. Пасха. Ашукины и Ната. Мстислав веселый, крепкий. Вечером диктовал мне отзыв об архиве Фризенгоф — новый. Ночью я переписывала, утром Вильям-Вильмонт по телефону читал мне перевод статьи Исаченко, характеризовал этого сегодня члена партии, партизана в легких <?> условиях, вчера заигрывавшего с фашистами. Весь сыр-бор загорелся из-за спички, брошенной Мстиславом весной 1945 года. Сдали заключение Мстислава о докл. Сидорова — для Вавилова. Была Нечкина, расстроенная противоречивыми рассказами Сидорова»; 13.09 «В Институте мир. лит. я, Таня и Бонди рассматривали подаренный чехами архив Фризенгоф» (2558.2.286). Исторические реликвии, хранившиеся в семье свояченицы Пушкина А. Н. Фризенгоф в поместье Бродзяны в Словакии, с которыми еще в конце 1930-х познакомился Н. А. Раевский, были подробно обследованы и описаны в пушкинистике. См. публ. Раевского «В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой» (ПИМ. 1962. Т. 4) и его кн. «Если заговорят портреты» (1965), «Портреты заговорили» (1974); *Кишкин Л. С.* Чехословацкие находки. Из зарубежной пушкинины (М., 1985) и мн. др. работы.

7-ое. — О документах и изобразительных материалах, находящихся в Бродзянах, А. В. Исаченко рассказал в ст. «Puskiniana na Slovensku» (Slovenske Pohl'ady. 1947. № 1). Ср. запись 5.07.1963 и примеч.

С. 121. *2 марта 1947, 17 марта*

Ужасный слух о закрытии музея Пушкина... — Музей Пушкина в Москве был создан в 1938 на основе Пушкинской юбилейной выставки в Гос. историческом музее (см.: Краткий путеводитель по выставке, посвященной 100-летию со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. 1837—1937 / Всесоюзный Пушкинский комитет. М., 1937). Одновременно было принято решение о концентрации в новом музее пушкинских рукописей, вещей, изобразительных материалов и т. п. из собраний других учреждений и архивов (см., напр., отчетный каталог ГЛМ с отметками о произве-

денной передаче пушкинских материалов: Каталог фондов Гос. Лит. музея. Вып. 7. А. С. Пушкин. Рукописи. Документы. Иллюстрации / Под общей ред. <...> Влад. Бонч-Бруевича. Редактор К. П. Богаевская. М., 1948). М. Ц. вместе с другими пушкинистами усиленно хлопотал об открытии музея и сохранении в нем экспозиции выставки (см., напр., письмо к В. М. Молотову от 18.11.1937, подписанное М. Ц., В. В. Вересаевым и С. М. Бонди: «<...> В Москве существуют: два музея Толстого, квартира-музей Достоевского, квартира-музей Маяковского, на днях открыт музей Максима Горького. Неужели в Москве не найдется места для Музея Пушкина, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы? Закрытие Выставки намечается в декабре. Пять тысяч экспонатов, собранных на Выставке из более чем ста учреждений всего Союза, будут этим учреждениям возвращены, таким образом произойдет распыление богатейшего собрания всякого рода первоклассных материалов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина <...>»; 2558.2.650). М. Ц. принадлежит информационная заметка: Гос. музей А. С. Пушкина // Известия. 1938, 3 апр. В 1938 он стал заведующим рукописным сектором Музея (входившим в систему ИМЛИ). Выступая 11.02.1939 на заседании ученой сессии ИМЛИ с докладом «Пушкиниана 1936—1938», он рассказал о возникновении музея: «Основным мероприятием в ознаменование юбилея явилась Всесоюзная Пушкинская выставка, открытая 16 февраля <1937> в семнадцати залах Исторического Музея в Москве. На этой исключительной по полноте и ценности материалов выставке было собрано пять с половиной тысяч экспонатов, доставленных из ста разного рода учреждений со всего Союза. Самым драгоценным украшением выставки явились 157 автографов поэта. Выставка имела огромный успех. Ее посетило в течение года более полумиллиона человек. Тысячи посетителей записывали в книге отзывов пожелания о превращении выставки в постоянный музей. Во исполнение этих пожеланий постановлением Совнаркома Союза от 4 марта 1938 г. организован Гос. Музей Пушкина при Институте мировой литературы им. Горького. Одной из первоочередных задач Музея, согласно этому постановлению, является сосредоточение в нем материалов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, и прежде всего всех автографов поэта. <...> Почти все автографы Пушкина, кроме собрания Пушкинского Дома Академии Наук, уже поступили в Музей (в количестве 663)» (2558.2.263, л. 5—6).

В 1949 был создан Музей Пушкина в г. Пушкине (Царском Селе) (в 1949—1952 находился в ведении ПД, с 1953 был переведен в Ленинград как самостоятельное учреждение), в связи с чем так и не развернувший широкой стабильной работы и не имевший соответствующих помещений московский музей оказался под угрозой закрытия, что вскоре и стало реальностью. (Новый Музей Пушкина в Москве был основан в 1957, открыт 6.06.1961.) Все эти перемены крайне заботили московских пушкинистов (особенно причастных к академич. изд., работа над которым продолжалась, что требовало обращения к пушкинским автографам); Т. Ц. писала по этому поводу Томашевскому 4.05.1946: «Теперь о Вашей фразе «...архивом П. Д., особенно, если в него вольется Пушкинский фонд». — Давайте поговорим откровенно. Мы месяцами играем в жмурки с ленинградцами, п<отому> что это очень больная и тяжелая тема. Когда Лев Бор. <Модзалевский> в последний раз был здесь, мы говорили с ним обо всем... кроме главного — архива Пуш<кинского> Музея.

По радио и в газетах было уже два интервью — с Вавиловым и с Плоткиным (последнее даже, кажется, статья за его подписью), — которые были так неудачно

отредактированы, что ввели в заблуждение всех читателей. Очевидно, к ним относитесь и вы, ленинградцы, как относились и мы, пока наконец все не разъяснилось. В тексте постановления о Музее Пушкина в гор. Пушкине сказано о создании филиала Гос. Музея Пушкина в Москве. — Московский Музей, созданный постановлением Совнаркома, не может и не будет аннулирован. Достаточно Пушкин испытал ссылок при жизни, чтобы быть застрахованным от посмертных ссылок!

Поэтому, пусть эта забота не гнетет Вас, что будет, если моск<овские> рукописи вольются в архив Пушк. Дома.

Не волнуйтесь! Не вольются!

Они временно развернуты в архиве Горького на ул. Воровского, и там мы работаем для Акад. издания» (РГБ. 645.41.71).

О попытках бороться за сохранение московского Музея Пушкина ср. записи в дневнике Цявловских: 23.12.1946 «Был Бонди. Сочиняли тезисы письма Фадеева к Сталину о Пушкинском Музее». 4.01.1947 «Подписал письмо к Ворошилову о Пушкинском Музее. Таня сдала письмо в будку <в Кремле>, собрав подписи Винокура, Бонди, Бонч-Бруевича». 15.02.1947 «Пономарев сообщил по телефону, что ему сообщил Еголин, что Ворошилов решил Пушкинский Музей вернуть в Исторический Музей» (2558.2.286).

17 марта 1947

Сегодня звонит Лидин. — О сообщении 1) см. выше, запись от 25.02.1947, 5-ое; о сообщении 2) см. далее, запись от 27.05.1951. Об экземпляре «Душеньки» Богдановича см. очерк «Вокруг Пушкина» в кн.: *Лидин Вл.* Друзья мои — книги. М., 1966.

С. 122. *3 апреля 1950*

Дело о рассмотрении проекта частного гимнастического заведения находится в: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. № 426 (сообщено А. И. Рейтблатом). Вероятность того, что среди его будущих членов значился именно А. С. Пушкин (обозначенный без инициалов как «неслужащий чиновник 10-го класса»), почти несомненна, если принять во внимание факт, о котором, судя по всему, звонивший Т. Ц. сотрудник архива ей не сообщил: проект подавался «титулярным советником Атрешковым», т. е. Н. И. Тарасенко-Отрешковым, которого именно в 1828 Пушкин привлекал к не реализовавшемуся проекту издания общественно-политической газеты «Дневник». В тот же день об этом сообщении Т. Ц. подробно проинформировала Томашевского (см. ее письмо 3.04.1950: РГБ. 645.41.72).

С. 123. *1 октября я услышала...*

Насколько нам известно, данная история продолжения не имела. По материалам Т. Ц. о таинственной старушке с письмами Пушкина написал Н. Я. Эйдельман (Лит-ра и ты. М., 1969. Т. 3. С. 113). Материалы архива В. Фигнер рассказавшая эту историю Л. Д. Огурцова сдавала сотр. Лит. архива Ю. А. Красовскому (см. его очерк об архиве Фигнер: Встречи с прошлым. М., 1987. Т. 4). Вскоре в Польше действительно было обнаружено письмо Пушкина Е. К. Воронцовой от 5.03.1834 (вошло в доп. т. XVII *Пушкина*), но к нему исчезнувшая «старая дама» явно не имеет отношения; см.: *Алексеев М. П.* Новое письмо Пушкина // Известия ОЛЯ АН СССР. 1956. Т. 15. Вып. 3.

С. 124. *Несколько дней назад (16-го ноября)*

Не взявшись за подготовку маргиналий Вяземского к публикации, Т. Ц. передала свои выписки Н. Я. Эйдельману, который и воспроизвел их почти полностью со ссылкой на Т. Ц. в примечаниях к своей книге «Тайные корреспонденты "Полярной Звезды"» (М., 1966. С. 296—298; ср. с оценками Т. Ц. характеристику Эйдельмана: «Пометки Вяземского не лишены интереса, так как содержат крупицы

его воспоминаний и, кроме того, неплохо иллюстрируют враждебную позицию «позднего» Вяземского по отношению к демократической печати и литературе»). — О вывозе огромной («около 50000 томов») библиотеки и интерьера из ликвидированного музея в Остафьево летом 1930 см. в восп. Н. Н. Ильина (Альманах библиофила. М., 1990. Вып. 27. С. 274—277). Большая часть книг попала в Биб-ку им. Ленина; в ее рукописном отд. и Музее книги находится целый ряд изданий с маргиналиями П. А. Вяземского (в т.ч. соч. Ломоносова, Карамзина, Белинского; см., напр., публ. В. И. Коровина в НЛО. 1993. № 3), инскриптами ему.

С. 128. *3 декабря 1950*

В. Якут позднее передал этот портрет, подаренный ему Е. А. Чижовой (как звали эту *«потомку»*) во время гастролей Театра им. Ермоловой в Ленинграде (Якут исполнял главную роль в пьесе А. Глобы «Пушкин»), в МПМ. Ср. восторженную оценку игры Якута самой Т. Ц.; 1.03.1950 она писала Томашевским в Ленинград: «Ну, друзья, если Вы хотите сильнейшего впечатления, то смотрите артиста Якута (это — фамилия: Якут) в роли Пушкина в пьесе Глобы «Пушкин» (у нас в театре Ермоловой). М. б. выедут к Вам? — Потрясающий артист! Потрясающий Пушкин! Живу им уже сутки, не могу опомниться! Вся Москва помешалась на нем. Билетов не достать! Публика — как на концертах филармонии. Все плачут — от грусти, горя, восхищения, преклонения, умиления! Милый, живой Пушкин, подлинный Пушкин у вас на глазах волнуется, страдает, язвит, сочиняет стихи, хохочет, ласкается к друзьям — я не помню, когда *вообще* какой-нибудь артист так потрясал меня. Я мало кого видала. Но Качалов (на ходулях), Москвин (на балагане), Яншин (на наигрыше) и т. д. — просто совершенно другой уровень. О пьесе и других артистах даже не хочется говорить — это все неплохо. А он — *бог*! Время действия: ноябрь 1836 — январь 1837». 9.03.1950 Т. Ц. сообщила им же свою реакцию на вопрос А. А. Реформатского, «есть ли смысл идти» смотреть Якута, «— Нет смысла жить, если не смотреть этого Пушкина, — ответила я» (РГБ. 645.41.72). 4.03.1950 она выступила с сообщением о спектакле в ВТО (2558.2.790). — Пьеса А. Глобы была создана к 100-летию смерти Пушкина и широко ставилась в 1937. Цявловские присутствовали на домашнем чтении только что законченной пьесы; см. дневн. запись Т. Ц. 27.05.1936: «У Андрея Глобы слушать его пьесу. — Были. Пьеса очень смела, интересна, остра, — хороша, хотя все время на грани. Были Егор Чулков, Винокур, Звягинцева» (2558.2.287). М. Ц. составил отзыв на пьесу с рядом замечаний (общее заключение: «Чрезвычайной трудности задача — дать картину последних дней жизни Пушкина — разрешена автором в общем вполне удовлетворительно, во всяком случае удачнее всех известных мне попыток этого рода»; 2558.2.128, л. 14). Новые многочисл. постановки — в 1949—1950, но пьеса «подверглась серьезной критике» и в 1951 была снята с репертуара. В 1953 было решено возобновить ее постановку в переработанной редакции; Т. Ц. была привлечена в качестве рецензента, о чем она 12.01.1953 сообщала Томашевскому: «Пишу — по заказу Союза Писателей — рецензию на третий вариант пьесы Глобы «Пушкин», куда неожиданно пришлось направить свой текстологический опыт. Речь идет о возобновлении спектакля — к Вашему огорчению и к моему удовольствию» (РГБ. 645.42.2. Текст рец. Т. Ц.: 2558.2.728). Экз. «Пушкина» (М., 1940) с дарственной А. Глобы Т. Ц. 18.03.1950 ныне в биб-ке РГАЛИ.

Историей портрета в МПМ занималась Н. В. Баранская (результаты ее разысканий с первой (цветной) публикацией

портрета см.: Наука и жизнь. 1966. № 3). К сожалению, Якут в описываемом телефонном разговоре с Т. Ц. не сообщил ей полученную им *«историю портрета»*, которая, оказывается, представляла собой машинописную справку, составленную перед Великой отеч. войной матерью дарительницы Ек.Н. Гамалея (урожд. Чаплиной), и передал неточное семейное «предание», заставившее Т. Ц. напрасно высчитывать возможное время лечения Пушкина Мудровым и передачи врачу портрета. На самом деле, как точно и было указано в справке Е. Гамалея, Н. О. Пушкина подарила портрет Софье Мудровой-Великопольской (бабушке Е. Гамалея, прабабушке Е. Чижовой) — «как дочери их врача и друга». Тверской краевед Д. Цветков смог установить точную дату, когда был сделан этот подарок (вместе с портретом Н. О. Пушкина передала и экземпляр первой главы «Евгения Онегина»), — 6.01.1833, в Москве. С тех пор портрет находился в имении Великопольских Чукавино Старицкого у. Тверской губ., а затем в Ленинграде у Е. Гамалея (это она же сообщила Б. Л. Модзалевскому материалы архива Великопольских) и Е. Чижовой. Последняя в 1949 приносила портрет в ПД, но он был отвергнут из-за «иконографической недостоверности». Сомнениями и была вызвана просьба Е. Чижовой «не публиковать портрет». Об этой истории и о проведенных экспертизах, устанавливавших «подлинность» портрета, см. подробнее: *Баранская Наталья.* Портрет, подаренный другу: Очерки и рассказы о Пушкине; Повесть. Лениздат, 1982 (С. 6—29; очерк «Мальчик с голубыми глазами»). Портрет датируется 1802—1803 и принадлежит, вероятно, крепостному художнику; овальная рамка к нему сделана в 1850-х.

С. 129. *2 апреля 1951*

Находка, о которой тут идет речь, касается ключевого момента в истории возбужденного против Пушкина следственного дела о его поэме «Гавриилиада» (см: Дела III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906. С. 313—369). Это дело было возбуждено по доносу в мае 1828; в августе Пушкин дважды допрашивался правительственной комиссией, но авторство свое категорически отрицал. В сентябре Николай I распорядился: «Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему, моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог Правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем». 2 октября П. А. Толстой допросил Пушкина, о чем в рапорте 7 октября комиссия доносила императору: «<Толстой> требовал от Пушкина, чтобы он, видя такое к себе благоснисхождение его величества, не отговаривался от объявления истины, на что Пушкин по довольном молчании и размышлении спрашивал, позволено ли ему будет написать прямо государю императору, и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо и, запечатав оное, вручил его графу Толстому.

Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству». 16 октября через Толстого Пушкин получил устный ответ Николая I о прекращении против него следствия. 31 декабря на рапорт статс-секретаря Н. Н. Муравьева о поисках автора поэмы император наложил резолюцию: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено».

Содержание пушкинского письма к императору оставалось тайной, хотя о его сути (признании в авторстве) можно было предполагать по отрывочным указаниям в записях современников. — Пушкинистам было известно, что «по распоряжению имп. Николая II» предпринимались безуспешные поиски письма в закрытых гос. архивах (см., напр.: *Пушкин А. С.* Гавриилиада. Поэма / Ред. Б. В. Томашевского.

Пб., 1922 [Репринт. изд.: М., 1991]. С. 53; ср. ниже вопрос Т. Ц. в письме Томашевскому от 18.04.1951; цитированная тут же Томашевским без ссылки на источник запись Ю. Н. Бартенева слов А. Н. Голицына опубл.: РА. 1886. № 7. С. 327). Об истории этих поисков, инициированных С. Д. Шереметевым, см. в очерке «Император Николай II и Пушкин» в кн.: *Филин М.Д.* О Пушкине и окрест поэта. М., 1997. Н. Я. Эйдельман полагал, что «охранительный инстинкт» подсказал власти уничтожить находившиеся в деле список поэмы и «откровенное письмо Пушкина к императору» (*Эйдельман Н.* Пушкин. Из биографии и творчества. 1826—1837. М., 1987. С. 134). Существует, однако, на этот счет и иная версия. В статье «Гавриилиада» (Возрождение. 1929, 12 сент.) В. Ф. Ходасевич рассказал: «Весною 1922 года, в Петербурге, один весьма видный пушкинист, которого имя я не считаю возможным указать (назовем его Иксом), мне признался, что письмо Пушкина было в библиотеке его величества <Николая II> найдено, но тут же выкрадено и путем известных комбинаций досталось Иксу. Оно содержало краткое, но чистосердечное признание Пушкина. Опубликовать его Икс не мог, так как оно попало к нему путем незаконным. Икс хранил его до октябрьского переворота в своем сейфе, в одном из иностранных банков, но затем невольно лишился, когда сейф Икса оказался в числе вывезенных за границу» (цит. по: *Пушкин А. С.* Гавриилиада. Поэма. С. 123—124). Под неназванным «Иксом» здесь, очевидно, подразумевается Н. О. Лернер. Упоминание о нем у Т. Ц. находит подробное объяснение в дневниковой записи Н. С. Ашукина от 7.01.1928: «Был у Цявловского <...> Еще Мст.А. передал след. рассказ Н. О. Лернера, слышанный от него в 1914 году.

Много лет назад, когда Лернер жил на юге России <...> ему пришлось играть в карты (кажется, в Мариуполе) с каким-то отставным штабс-капитаном. Играли долго. Штабс-капитан, проиграв Лернеру 500 рублей, говорит: — Простите, Николай Осипович, но проигрыша отдать вам не могу: думал отыграться, а таких денег у меня нет. Но я заплачу вам письмом Пушкина к Николаю Павловичу о «Гаврилиаде». Лернер говорил, что от изумления он чуть не прыгнул: — Откуда же у вас это письмо? Штабс-капитан слегка смутился: — У меня брат служил во дворце, письмо из кабинета его величества.

Расспрашивать о дальнейшем Лернер не стал и получил письмо Пушкина, о котором в работах о нем только упоминается, но которого никто никогда не читал. В этом письме, к<ото>рое Пушкин просил передать в запечатанном конверте, есть фраза: «Пишу вам не как подданный своему государю, а как дворянин дворянину <*Примеч. Ашукина*: Цявл. передал: «как джентльмен джентльмену», м.б. ошибочно>: «Гаврилиаду» написал я».

Письмо долго хранилось у Лернера. Опубликовать его в те времена, конечно, было невозможно: ясно, что письмо из кабинета его велич. было украдено.

Прошло несколько лет. Лернер переживал какой-то душевный кризис. Решил, как он выразился, «переменить жизнь» — порвать с культурой, уехать в Палестину или Сирию, торговать там апельсинами, забыть о том, что он — литератор. Готовясь к такой перемене, он распродал свое имущество, но письмо Пушкина, не имея сил с ним расстаться, положил в сейф, в один из банков в Константинополе, где оно и пролежало до того времени, когда Лернер решил снова вернуться к культурной жизни.

Уже в годы революции Ц. спрашивал Л. о судьбе этого письма. Из ответа его можно было понять, что письмо у него. А на вопрос: «Что же вы, Николай Осипович, его не печатаете?» — Лернер ответил: «Пусть обрастет» (это — его любимая поговорка)» (РГАЛИ. 1890.3.76, л. 78 об.—

79 об.; опубл. Е. А. Муравьевой: НЛО. 1999. № 38. С. 181—182, см. здесь же коммент.). О том, что у него находится пушкинское письмо, говорил Лернер в 1920-е и Ю. Г. Оксману, много лет спустя так передававшему слова Лернера: «...мне, может быть, придется скоро всех вас и всерьез ошеломить некоторыми документиками, которые берегу на черный день. Вот, например, письмо Пушкина к царю о «Гавриилиаде». — Ведь оно давно у меня. Прямо из Библиотеки Его Величества. Замечательнейший документ. Но печатать его не спешу. Может быть, и уничтожу. Не к чему обнажать «рану совести» Пушкина перед нашим одичавшим читателем». Оксман, правда, оценивал эту «фантастическую информацию» как «смешную» «ноздревскую браваду» и «мечтательную ложь» (РГАЛИ. 2567.1.82, л. 15 об., 14).

Найденная В. И. Савиным рукопись (ныне: ЦГИАМ. Фонд Бахметевых. 1845.1.564) на отдельном полулисте содержала текст:

Будучи вопрошаем Правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, как и преступной. — Но теперь, вопрошаемый прямо от лица моего Государя, объявляю, что Гаврилиада сочинена мною в 1817 году.

Повергая себя милосердию и великодушию царскому есмь

Вашего Императорского Величества верноподанный

Александр Пушкин

2 октября 1828. СПетербург

Фотокопию Т. Ц. отправила 18.04.1951 Б. В. Томашевскому с письмом: «Наталья Давыдовна Эфрос передаст Вам снимок с письма Пушкина к Николаю о Гавриилиаде. Пожалуйста, скажите свою точку зрения — Пушкин ли это? Меня смущают некоторые написания, в особенности восьмерки, *а* в слове Величества и др. Но я объясняю себе это тем, что Пушкин «натаскивал» себя на письмо к царю и поэтому «выкомаривал» не только стиль, но и почерк.

Объяснить себе этот документ как талантливую подделку (или тем более как копию) по-моему невозможно. Эта часть письма написана на листе in folio, так что почерк крупнее, чем на фотографии, которая сделана плохо — краев бумаги не видно, не видно, что лист оборван (отодрана первая половина письма). Написано черными чернилами по бумаге белой гладкой с рельефным штемпелем налево наверху.

Что такое Вы пишете в своей «Гавриилиаде» о записи Ю. Никит. Бартенева со слов Голицына? Откуда это? И второе — откуда Вы (с чьих-ниб. слов?) пишете о поисках Николая II этого письма? — (Что за манера писать без ссылок! Как Вы ее находите?)» (РГБ. 645.41.72).

Томашевский решительно отверг принадлежность документа (как рукописи, так и самого текста) Пушкину, обоснованию чего посвятил специальное заключение, содержащее многосторонний анализ стилистических, графологических и пр. признаков, в результате чего пришел к выводу: «Судя по фотографии с рукописи <...> найденный документ представляет собой неумелую подделку», выполненную уже в наши дни, а даже не современную дате письма копию (заключение от 20.04.1951; опубл.: ПИМ. 1978. Т. 8. С. 285—286). Однако криминалистическая экспертиза установила важный факт: чернила, кот. написан текст, характерны для 1820—1830-х; Т. Ц. не без торжества сообщила об этом Томашевскому 22.08.1951: «Новость такая: Архивное управление получило обратно из экспертной лаборатории копию письма Пушкина к Николаю о Гавриилиаде. Чернила — пушкинской эпохи. Т. ч. Ваша гипотеза о подделке исключается. Просят меня приготовить к печати» (РГБ. 645.41.72). — Позднее исследователи установили, что найденный список выполнен А. Н. Бахметевым, зятем П. А. Толстого (к такому заключе-

нию приняли и Т. Ц. с Н. Я. Эйдельманом, 22.10.1968 проводившие графологическую экспертизу); суммарные результаты анализа документа изложены в статье: *Гурьянов В. П.* Письмо Пушкина о «Гавриилиаде» // ПИМ. 1978. Т. 8 (с «Послесловием» Т. Ц. и Н. Я. Эйдельмана). Первоначально Т. Ц. предполагала включить данную статью Гурьянова в составлявшийся ею пушкинский том «Прометея»: см. проект содержания тома от 26.06.1967, посланный Т. Ц. 3.07.1967 Ю. Г. Оксману (РГАЛИ. 2567.1.984). См. также: *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 126—148. — Вопрос о судьбе подлинника письма и «лернеровском следе» в этой истории остается неизученным.

С. 130. *9 апреля 1951*

В письме Б. В. Томашевскому 18.04.1951 Т. Ц. так характеризовала обнаруженный рисунок: «Слухи ходят, что у вас какой-то новый портрет Пушкина обнаружен. Что такое? — У нас тоже. Карандашный в профиль — первый «честный» профиль — не маска, где верить очень не приходится, не автопортреты, где все почти всегда шаржировано, не бездарные силуэты. Но и этот рисунок не блещет искусством, какой-то старательный любитель или даже любительница» (РГБ. 645.42.1).

9 мая 1951

Новость о находке в слонимском архиве Т. Ц. живо обсуждала в переписке с Томашевским. См. неутешительное резюме в ее письме 16.06.1951: «Могу Вас поздравить — Ваша догадка подтвердилась: в Слониме — письмо к Ишимовой от 27 янв. 1837 — в виде факсимиле» (РГБ. 645.42.1). Речь идет о написанном в день дуэли письме Пушкина к писательнице А. О. Ишимовой. — После присоединения Западной Белоруссии к СССР в музее г. Слонима (ныне райцентр Гродненской обл. Белоруссии) в сентябре 1939 был обнаружен автограф письма Пушкина к А. А. Ананьину (поступил в ГЛМ, оттуда — в ПД); был опубликован М. Ц.: Звезда. 1940. № 7. С. 146.

С. 131. *Тем временем новые события*

Данному сюжету посвящена публикация Т. Ц. «Вновь найденный автограф Пушкина “В голубом небесном поле”» (ЛН. 1952. Т. 58), в которой рассказана история случайной находки этого листа с черновиком братом поэта, Л. С. Пушкиным в 1850, его последующей судьбы, вплоть до передачи в составе корпуса пушкинских писем С. А. Соболевским редактору «Библиографических записок» М. П. Полуденскому в 1858 и констатации отсутствия его в подборке при ее поступлении в Румянцевский музей в 1870. «И вот, в 1951 г. черновой автограф Пушкина обнаружила студентка Историко-архивного института, Оксана Эрастовна Богданова, в альбоме автографов из собрания М. П. Полуденского...» (С. 281). Здесь же Т. Ц. подробно проанализировала отраженную в черновике работу Пушкина над текстом и привела «окончательный» вариант сложившихся восьми неполных строк.

С. 132. *27 мая 1951*

О надписи на экз. «Евгения Онегина», находящемся у К. В. Базилевича, Цявловские узнали в 1939; ср. дневн. запись 7.06.1939: «Мст. Ал. в телефонном разговоре с Айзенштатом случайно узнал об новых автографах Пушкина у Базилевича!.. Разговор с Базилевичем состоялся» (2558.2.289). Лицевую обложку «Истории Пугачевского бунта» с дарственной надписью Пушкина Базилевич приобрел в 1947, о чем сообщил Цявловским; см. дневн. запись 28.03.1947: «Звонил К. В. Базилевич — он купил автограф Пушкина, надпись на обложке «Ист. Пуг. б.» В. А. Перовскому, предлагает нам опубликовать» (2558.2.286). В связи со смертью Базилевича Т. Ц. писала 9.03.1950 Томашевскому:

«У Базилевича был автограф Пушкина, а второй, видимо, — не автограф. Мы были у него с Мстиславом Александровичем, смотрели ненастоящий — надпись на «Евгении Онегине» — какой-то девушке, чуть ли не Шаликовой (дочери?). А подлинный — он купил (в Лавке писателей) «Историю Пуг. б.», вернее обложку ее, уже без книги, с надписью В. А. Перовскому (об этом письмо есть, но письмо на Ты, а на книге — официальная надпись). Мы с Л. Б. Модзалевским собирались смотреть — но не были. Не знаю, куда пойдет. Не пропало бы, как у вдовы Вересаева» (РГБ. 645.41.72).

Экземпляр «Евгения Онегина» с надписью Н. П. Шаликовой после смерти Базилевича поступил в библиотеку МГУ. См.: Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983 С. 81—82 (см. также: *Черейский Л. А.* Новый автограф Пушкина // Нева. 1979. № 6. С. 218—219). Лицевая обложка «Истории Пугачевского бунта» с дарительной надписью без даты ныне находится в ПД. Книга была послана с письмом, датируемым ныне «около (не позднее) 27 февраля 1835».

С. 133. *...внес оттуда стих* — Т. Ц. не привела варианта 66 строки поэмы, которая в первом изд. (1824) выглядела так: «И самые главы Корана / <Не строже соблюдает он>». Это чтение в вариантах акад. изд. (редактор текста — Г. О. Винокур) снабжено примеч.: «Вероятно цензурный вариант» (IV. С. 403), а в основном тексте строка дана так, как она и печаталась, начиная со второго изд. поэмы (1827): «Святую заповедь Корана». Разночтения принятого за основной с текстами шести хранящихся в ПД списков «Бахчисарайского фонтана» даны в доп. томе (т. XVII) *Пушкина*, но там не приводится каких-либо вариантов 66 строки.

23 сентября 1952

6-томного Пушкина — Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: ГИХЛ, 1949—1950; Т. Ц. редактировала стихотворения в 1—2 томах. *58 том Литнаследства* (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952) был показан, вероятно, как последняя новинка пушкинской литературы; в его подготовке Т. Ц. принимала близкое участие помощью и советами. Сюжет отношений Пушкина с Воронцовыми представлен в томе лишь бегло (публ. фрагмента письма М. С. Воронцова к П. Д. Киселеву от 28.03.1824 — об удалении Пушкина из Одессы). — Эту дневниковую запись почти в полном объеме Т. Ц. привела и прокомментировала в своей статье «Храни меня, мой талисман...» (Прометей. Т. 10. С. 41, 43), где подробно развивала гипотезу о том, что Софья Воронцова, родившаяся 3.04.1825, была дочерью Пушкина и что с этим связано его стихотворение «Младенцу»: «Стихи Пушкина, написанные между 2 и 8 октября 1824 года, могли возникнуть после письма возлюбленной, в котором она извещала его о том, что готовится стать матерью». Это предположение было высказано И. А. Новиковым в докладе «Пушкин в селе Михайловском в 1824—1826 годах», прочитанном в Пушкинской комиссии 13.03.1935. «Укрепился в своей догадке Новиков, — сообщает Т. Ц., — когда увидел в алупкинском дворце портрет одной из дочерей Воронцовых. Девочка резко отличалась внешностью от остальных членов семьи. Среди блондинов — родителей и других детей — она единственная была темноволоса» (С. 38—43, 81—82). Свои наблюдения Новиков ввел в роман «Пушкин в Михайловском» (М., 1936. С. 111—114; также «Пушкин в изгнании». М.; Л., 1947. С. 450—452); они были подкреплены М. Ц. в статье, опубликованной лишь посмертно: Из записей П. И. Бартенева (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. Т. 28. № 3. Заметим, что портрет Софьи Воронцовой, воспроизведенный при статье Т. Ц. в «Прометее» (Т. 10. С. 51), никакого сходства с Пушкиным не имеет. В Алупкинском дворце находится и другой портрет — смуглой девочки. Впрочем, она могла быть и дочерью А. Н. Раевс-

кого, с которым у Е. К. Воронцовой в то же время был роман. По преданию известны обращенные к ней слова Раевского: «Берегите наших детей» (или «нашу дочь»; см.: *Гершензон М. О.* История молодой России. М.; Пг., 1923; С. 46; статья «Пушкин и гр. Е. К. Воронцова»).

С. 134. *экземпляр «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова с пометами Пушкина* в настоящее время считается утраченным. Впервые пушкинские замечания на полях книги опубликовал Л. Н. Майков (Русский архив. 1894. Кн. I), и с тех пор они вводятся в состав собр. соч. Пушкина.

С. 135. *20 мая 1953*

Вероятно, речь идет об одном из вариантов «досочиненного» текста так называемой «десятой» («декабристской») главы «Евгения Онегина»; ее фольклоризированные варианты стали широко распространяться в 1950-е. С полным доверием к авторству Пушкина одну из таких версий опубликовал в 1956 И. В. Гуторов; Л. И. Тимофеев и Вяч. Черкасский напечатали сходный вариант в 1983 с попыткой обосновать, что текст действительно восходит к Пушкину. Этот текст был якобы обнаружен библиографом ГПБ Д. Н. Альшицем в ноябре 1949, затем утерян, восстановлен им по памяти; текст представлялся на экспертизу специалистам, в т.ч. Т. Ц.: «Ознакомившись с этим текстом, известные советские пушкинисты: Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Б. В. Томашевский, И. Л. Фейнберг — сочли его литературной подделкой...» (*Тимофеев Л., Черкасский Вяч.* Апокриф?.. Или... // Прометей. М., 1983. Т. 13. С. 118). Разбор этого фальсифицированного текста см.: *Лотман Ю. М., Лотман Мих.Ю.* Вокруг десятой главы «Евгения Онегина» // ПИМ. 1986. Т. 12. С. 124—151.

11 января 1954

Речь идет о незаконченном изд. собр. соч. Пушкина: Oeuvres completes / Publ. par Andre Meynieux. Pref. de Henri Troyat. Paris, 1953. Vol. 1; Paris, 1958. Vol. 2.

С. 136. *19 января 1954*

Альбом Н. С. Голицыной, приобретенный Гольденвейзером в 1928, поступил в муз. музей (см. ниже приписку 13.09.1955) и был описан в ст. Л. В. Крестовой, посвященной стих. Пушкина: «Она одна бы разумела...» // Прометей. Т. 10. Об участии Т. Ц. в работе над статьей см. запись 2.10.1966.

оттуда ушли письма к Пушкину его жены. — Еще в нач. XX в. было распространено убеждение, что А. А. Пушкин в 1882 передал в Румянцевский музей не только 64 письма своего отца к Н. Н. Пушкиной, но и ее ответные письма. Это убеждение подогревалось встречавшейся в сообщениях ряда посвященных в дело лиц формулировкой «переписка Пушкина с женой», трактуемой как «двусторонняя переписка» (в то время как словоупотребление эпохи вполне допускало такое обозначение и для понятия «комплекс писем одного лица»). Противоречивые сведения со слов А. А. Пушкина передавал и П. И. Бартенев (то прямо утверждая, что писем не сохранилось, то давая уклончивый ответ). Вследствие не во всем обоснованных гипотез или чистых недоразумений о существовании в музее этих писем в 1920-е заявляли в печати пушкинисты П. Щеголев, В. Саводник, Н. Лернер и др. Когда же письма там не обнаружились, возникла версия их хищения в нач. 1920-х. По другой гипотезе, эти письма еще с XIX в. находились у потомков Пушкина за границей и в 1910-е были в Англии. М. Ц. в апреле 1936 запрашивал на этот счет сотрудника англ. посольства в Москве, сообщая: «Младшая дочь Пушкина Наталья Александровна (1836—1913) состояла с 1867 г. в морганатическом браке с герцогом Николаем-Вильгельмом Нассауским (1832—1905). Она получила фамилию графиня Меренберг. Ей принадлежала

переписка родителей. Письма поэта к жене все известны и опубликованы. Что же касается до писем жены Пушкина <...>, то судьба их в точности неизвестна. <...> Чрезвычайно существенно выяснить, имеются ли у правнучек Пушкина лэди Вернхер и маркизы Мильфорд-Ховен письма жены поэта и документы, касающиеся его дуэли и смерти. Я не буду распространяться, как важно было бы для науки о Пушкине знать эти документы» (2558.2.643, л. 9—10). Эта тема стала вновь обсуждаться в 1949. Т. Ц. писала Б. В. Томашевскому 12.12: «Новостей у нас особенных нет. О письмах Нат. Ник. к Пушкину мелькнул слух, до первоисточника не смогла докопаться. Тем не менее написала Бончу (мы с ним переписываемся, потому что это короче) с просьбой — запросить ВОКС об амер. журнале, где писалось об этих письмах. Он написал туда — м.б. что-нибудь и узнаем. На большее я не очень-то рассчитываю» (РГБ. 645.41.71).
В. Д. Бонч-Бруевичу она писала 15.11, сообщая: «Повторяю то, что я слыхала: И. Л. Фейнберг подтверждает, что он слышал от кого-то из писателей, давно уже, может быть, летом, следующее: в каком-то не солидном американском журнале был помещен портрет Натальи Николаевны Пушкиной как одной из мировых красавиц. К портрету была сделана аннотация: такая-то, письма которой к ее мужу, поэту Пушкину, недавно найдены в Америке. Как видите, это очень не солидно. Но все же, думается мне, Вы, в качестве заведующего редакцией Акад. изд. собр. соч. Пушкина, имеете все основания для розыска этих писем (для включения их в дополнительный том) обратиться и в ВОКС и в Иностранную комиссию Союза советских писателей. Горячо прошу Вас продиктовать соответствующие письма. Если мы с Вами этого не сделаем, то никто этого не сделает» (РГБ. 369.360.28).

Ср. в контексте этих поисков и гипотез сведения из письма Н. В. Измайлова Т. Ц. 27.11.1957: «Относительно того, что Вы пишете о письмах Нат. Николаевны к Пушкину, — я вполне верю, что они могли уйти в Америку <...>, но не из Москвы, а скорее из Лондона или Парижа, куда были увезены еще давно, задолго до Революции. У Георгиевского в Ленинской библиотеке их никогда не было: он держал в запечатанном пятью печатями пакете письма Пушкина к Нат. Николаевне, а пушкинистов обманывал, намекая, что это ее письма к нему. В 1926 году он мне показал этот пакет, только что перед тем им вскрытый, с надписью Ал.А. Пушкина, чтобы не распечатывать его какое-то (не помню) количество лет. Тогда я был *первым* из пушкинистов, кто, после Тургенева, увидел эти письма. А Георгиевский (который ко мне почему-то благоволил) мне, похихикивая по обыкновению, рассказывал, как он мистифицировал пушкинистов. Думаю, что он не врал, и убежден, что этих писем Н. Николаевны у него никогда не было. Вообще же, заграничные автографы Пушкина (кроме Лифаревских) — дело темное, и очень трудно дознаться правды» (2558.2.1246).

20.04.1960 он же сообщал Т. Ц. очередную новость на эту тему: «Здесь только что прошел слух — пока еще не проверенный, — что в одной из американских газет, кажется, в «New-York Times» в начале апреля с.г. появилось сообщение из Лондона, что там готовится издание писем Н. Н. Пушкиной к А. С. П. Удивительного в этом не было бы: я всегда был уверен, что эти письма хранятся у потомков Нат.Александровны Меренберг — у леди Зии Вернер и т. п. <...> Не думаю, чтобы эти письма были интересны сами по себе, но они многое прояснят в жизни Пушкина 30-х годов». А в письме 6—10.05.1960 информировал об отсутствии позитивного развития данного сюжета: «Насчет издания этих писем Нат. Ник. —

никаких подтверждений или уточнений нет. Хотя само по себе в этом не было бы ничего невероятного. Молодой человек, говоривший о сообщении в «New-York Times» сотруднице Пушкинского музея, назвался Ивановым (пойди, найди его!) и сказал, что в «Пушк. Доме по этому поводу большое волнение» — а в П. Доме ничего еще не слыхали! Все это похоже на мистификацию» (2558.2.1247).

Позднее версию хищения писем из Биб-ки им. Ленина упорно разрабатывала С. Г. Энгель, кот., в частности, пользовалась консультациями Т. Ц.; см. ее статьи в «Новом мире» (1966. № 11), альманахе «Куранты» (1989. Вып. 3), сб. «Солнце нашей поэзии» (М., 1989). Несостоятельность многих ее утверждений убедительно показала С. В. Житомирская (К истории писем Н. Н. Пушкиной // Прометей. 1971. Т. 8); ср. также: *Филин М.Д.* О Пушкине и окрест поэта. М., 1997. С. 295—305.

О пропаже автографа *«Воспоминаний в Царском Селе»* (до сих пор не разысканного) см. в предисловии К. П. Богаевской к наст. изданию. В связи с этим инцидентом ср. сохранившиеся в архиве Томашевского документы: из приказа № 22 от 13.03.1939 директора ИМЛИ И. К. Луппола — «В личных объяснениях мне зав. сектором рукописей музея А. С. Пушкина т. М. А. Цявловского и и.о. ст. научного сотрудника их хранительницы т. К. П. Богаевской, данных 26 февраля с.г., указанные лица признали факт исчезновения автографа Пушкина между 19 ноября 1938 г. и 7 января 1939 г., когда они сами обнаружили пропажу. С 7 января по 19 февраля М. А. Цявловский и К. П. Богаевская скрывали от администрации музея Пушкина и Института факт исчезновения автографа. <...> Приказываю: 1. К. П. Богаевскую, ст. н. сотрудника сектора рукописей музея А. С. Пушкина, ответственную за хранение рукописей, — *снять с работы* в музее А. С. Пушкина за преступно-небрежное отношение к хранению государственных ценностей. 2. М. А. Цявловского, зав. сектором рукописей музея А. С. Пушкина, ответственного за постановку хранения рукописей, *снять с работы* по заведыванию сектором рукописей, как необеспечившего надлежащую организацию охраны государственных ценностей. 3. Дело о М. А. Цявловском и и.о. ст. научного сотрудника К. П. Богаевской передать следственным органам». См. здесь же копию объяснительной записки М. Ц. на имя И. К. Луппола 20.03.1939. (М. Ц. сообщает, что данный автограф 19.11.1938 был выделен из тома списков в отдельную единицу хранения. 7.01.1939 К. П. Богаевская «при перекладке рукописей в поступившие новые сейфы обнаружила отсутствие папки с автографом на месте». Сразу же были предприняты поиски автографа; будучи в уверенности, что он находится в отделе рукописей, сотрудники отдела не сообщали о его исчезновении начальству Института. В качестве оправдания М. Ц. ссылается на отсутствие должных условий хранения, тесноту и т. п. в отделе рукописей.) Группа видных пушкинистов обратилась 26.03.1939 в Президиум АН СССР в защиту М. Ц. с письмом, кот. подписали В. Вересаев, И. Новиков, С. Бонди, Г. Винокур, М. Нечкина, Б. Томашевский (РГБ. 645.46.9). Переживания Цявловских, вызванные историей с пропажей, отражены в их рабочем календаре (записи Н. Г. Антокольской): «20/II <1938>. М. А. и Т. Гр. ужасно грустные из Музея. 21/II М. А. вчера рассказал наконец Т. Гр-не о своем волнении в Музее в связи с обнаружением еще 7/I (!) пропажи автографа «Восп. в Царском Селе» — все время ищут, Ксения и Ольга Ив. <Попова>, а вчера пришел Карталов и вдруг спрашивает, где этот автограф. Он доложил и Лупполу. 22/II назначена комиссия по проверке наличия рукописей — Пономарев, Карталов. 23/II. Ревизия рукописей (третий — Морозов, секретарь парткома). 27/II. Все последние дни ужасные волнения с пропажей в Музее

автогр. «Восп. в Царском Селе». В 11.30 М. А. вызывал к себе Луппол, объявил, что принужден снять его и Кс. П. с работы. 28/II. В 12 ч. М. А. в Музей. Бонди и Винокур убеждали Луппола оставить Мст. Ал-ча. Он (Луппол) скулит и жалуется. Решил советоваться с Вышинским. 14/III-39. Объявлен приказ о снятии М. А. и Ксении с работы. 17/III. К 11 ч. М. А. в Музей — идет сдача <дел>. Пономарев предложил М. А. и Ксении к 19/III представить объяснит. записки. 18/III. Ночью М. А. с Т. Гр. написали проект докл. записки Лупполу о пропаже. 19/III. Проект докл. записки переписан для того, чтобы показать его юристу. 20/III. М. А. утром подал докладную записку со своими объяснениями о пропаже. 23/III. М. А. у Луппола — о формулировке увольнения. 1/IV. М. А. к 12 ч. по вызову (телефонограммой) в Отд. языка и лит-ры к Лебедеву-Полянскому в связи с обращением пушкинистов в През. АН об отмене приказа Инст. Лит-ры и вообще о следствии о пропаже автографа. Был вызван и Кончеев. Ему указано о необходимости смягчить формулировку приказа и дан выговор за несообщение до сих пор следственным органам о пропаже. Кончеев заявил, что причина — болезнь их юрисконсульта (!). 13/IV. В Музее выпущена стенгазета со статьями о пропаже автографа. 15/IV. Мил.Вас. Нечкина предлагает поговорить в «Правде» о пасквиле в стенгазете в Музее» (2558.2.290, л. 87—90).

С. 137. *12 апреля 1962*

О реликвиях, хранившихся в семье А. А. Пушкина-сына, об упоминаемых в записи событиях и лицах см. в кн. В. М. Русакова «Рассказы о потомках А. С. Пушкина» (Л., 1992).

С. 142. *8 мая 1962*

Это известие не подтвердилось. Ср. ответное письмо Н. В. Измайлова Т. Ц. 10.05.1962: «Дорогая Татьяна Григорьевна! Что за удивительное «деловое» письмо Вы мне написали? Откуда Вы узнали про письма Нат. Ник., опубликованные, будто бы, за границей? и в который уже раз эти слухи? «Первоисточником называется Мих. Павлович — радио» (?). Я, разумеется, сейчас же обратился к «первоисточнику» <...>. М. П. сказал, что кто-то (кто — он не помнит) слышал от другого лица (от кого — неизвестно), что в Пушкинские дни в феврале по французскому радио передавалось сообщение об этом издании в Париже. Вот и все — пока! <...> А что же Ваши розыски в Москве, в архивах Ленинской библиотеки и у наследников Г. П. Георгиевского? продолжаете ли Вы их? Это, пожалуй, реальнее» (2558.2.1247).

5 марта 1963

См. запись 1—2.03.1939 и коммент. К этой записи в публ. 1971 Т. Ц. сделала ряд дополнений: «29 августа 1963 г. я получила из Лондона письмо от М. И. Будберг. В ответ на мои вопросы она сообщает: “Мне очень совестно, что не удалось ничего найти в Лондоне для Вашего музея. Уверяю Вас, что это не из-за отсутствия старания! Мне так необычайно понравился музей, что хотелось бы обогатить его. Тот коллекционер, которого я имела в виду, наотрез отказался. То же произошло с Серра-Каприола. Но я не унываю и буду продолжать поиски”». Была расширена и концовка записи: «Когда же это Пушкин мог познакомиться с женой или вдовой итальянского герцога? — С 1817 года она стала бабушкой, а он только еще кончал лицей...

Кто утверждал, что письма, хранившиеся у герцога Серра-Каприола, являются письмами Пушкина, Александра Сергеевича? Судя по тексту «Воспоминаний» Вс.В. Иванова, А. М. Горький писем этих как будто не видел, а говорил, вероятно, со слов владельца и, может быть, не непосредственно. Сомневаюсь, чтобы последний знал почерк Пушкина... Ведь и опытные пушкинисты, хорошо знающие руку

Пушкина, не раз ошибались в определении почерка Пушкина... Почему должны мы верить, что это не какой-нибудь другой Пушкин?.. Пушкиными называли себя и Мусины-Пушкины, и Бобрищевы-Пушкины. Не легенда ли это?..» (Наука и жизнь. 1971. № 6. С. 75—76). Оптимистически был настроен Л. А. Черейский, активно обсуждавший в 1963 проблему Серра-Каприола в переписке с Т. Ц.: «Пока (впредь до новых данных) я верю А. М. Горькому. Екатерина Павловна Пешкова прислала мне два любезных письма. В одном она рассказывает о желании Горького приобрести эти письма *для Пушкинского Дома,* в другом о том, что года три-четыре назад жена Максима (будучи в Неаполе) справлялась у нынешних С. -К. о письмах Пушкина. Ответ — отрицательный» (2558.2.1604, письмо 11.9.63; ср. его заметку: Нева. 1964. № 4. С. 221—222).

Подробный рассказ о бесплодных поисках писем Пушкина в архиве и у потомков Серра-Каприола см. в очерке «Соррентийская загадка» в кн.: *Бочаров И.*, *Глушакова Ю.* Итальянская пушкиниана. М., 1991.

С. 143. *5 июля 1963*

О поисках пушкинских реликвий в Англии см. заметку М. Ц. в примеч. на с. 262. 31.05.1962 Н. В. Измайлов информировал Т. Ц. : «Знаете ли Вы, что один московский журналист, М. М. Медведев, интересуется вопросом о «Дневнике Пушкина № 1» (он был на заседании об этом в Пушкинском музее и говорил со мной), написал в Англию, леди Зии Вернер, письмо с вопросами о дневнике и других пушкинских материалах? Я был уверен, что она ему не ответит — но, к удивлению, ошибся: он получил письмо от сэра Гарольда Вернера, баронета, перевод которого прислал нам. В письме сообщается, что 1) Вернер не имеет связи с Южной Африкой и был там всего один раз; отец же его уехал туда (?) в 1871 г.; 2) они ничего не знают о дневнике Пушкина, и также ничего о нем не знает князь Юсупов, которого леди Вернер на днях видела в Париже (при чем здесь Ф. Ф. Юсупов — не могу понять); 3) у Вернеров есть только (!) одно письмо Пушкина (какое? он не сообщает). Зато много писем у Лифаря, но это только письма, а не дневник (ну, это мы и сами знаем лучше его); 4) никаких других пушкинских реликвий у каких-либо коллекционеров он не знает <...> Вот и все! О Ел.Ал. Розенмайер — никакого упоминания. А ведь Южная Африка связана именно с ней и теперь значения не имеет. Мы думаем на днях написать сэру Гарольду и послать ему какое-нибудь наше издание — напр., «Письма Карамзиных» (если достанем экземпляр!). А Медведев пусть продолжает переписку, хотя я думаю, что они ему ничего больше не сообщат. Но нужно получить текст письма, находящегося у них, хотя бы в копии» (2558.2;1247).

7.07.1963 Т. Ц. сообщала Н. А. Раевскому: «Был у меня третьего дня один молодой историк, чрезвычайно симпатичный человек, Михаил Михайлович Медведев. Пришел он ко мне впервые, показать фотокопию рукописи «Вольности», которую ему прислала леди Зиа Вернер, правнучка Пушкина, Анастасия Михайловна, дочь великого князя Михаила Михайловича. Он писал ей по поводу «дневника № 1» Пушкина, который всем хочется найти, хотя, по-моему, весь сыр-бор разгорелся по недоразумению, вернее, по ряду недоразумений. Мне кажется, я все их разобрала. Но пусть. Люди мечтают, пусть мечтают. Леди Зиа ответила, что единственное, что у нее есть из рукописей Пушкина, это — самое ценное, что у нее есть в «русских комнатах» ее летнего дворца под Лондоном — это — манускрипт «Вольности». На самом деле это — копия, очень неграмотная, искажающая не только орфографию каждого третьего слова, но искажающая стих, размер его и дающая

совершенно бессмысленные разночтения. Но дело не в этом.

Эта фотокопия была толчком к завязавшемуся разговору, который шел с возрастающим интересом *пять часов*. Михаил Михайлович переписывается с разными странами и успешно. В частности, он писал директору Национальных архивов в Париже, и тот любезно прислал ему копии интересующих его документов. Так что я решаю писать ему по вопросу, который меня мучает годами. Я знаю, в чьих фондах Парижа должны быть автографы Пушкина. Но все это — присказка, а сказка впереди.

Николай Алексеевич — спокойствие!..

Медведев спросил меня, что я знаю о Бродянах. — «Все, всю историю вопроса». — Это, оказывается, его очень интересует. Он не знал ничего, кроме статей Исаченки. Не подозревая, чтó это за господин, он написал ему. Медведев спросил его, нет ли у него еще чего-нибудь из Бродян, спросил деликатно, намекая, что м.б. потом он нашел еще что-нибудь. Тот ответил испуганным письмом, говоря, что это — все слухи, что ничего-то решительно у него нет и т. д. Через некоторое время вышла статья Медведева о Грибоедове. Он послал Исаченке оттиск. Тот растаял и писал ему доверчивее, жаловался, что к нему в Союзе плохо относятся (об этом см. ниже), сообщил, что он собирается приехать этим летом на свою родину — в Ленинград, будет и в Пушкинском Доме. В ответ на это письмо Медведев послал ему сборник Пушкинского Дома с Вашей статьей о Бродянах. Ответа еще нет. Михаил Михайлович почувствовал в Вашей статье некие намеки... Так что ответ Исаченки должен быть любопытным. Напишу Вам тогда. Но и это — присказки... Вот что рассказал мне Медведев. Он разрешил мне написать обо всем этом Вам, Николай Алексеевич. Итак!

Сотрудница нашего Исторического архива в Москве была командирована в Чехословакию. Там во время работы она не раз беседовала с сотрудницей чехословацкого архива. И та поведала ей, что Исаченко, под величайшим секретом, показал ей (они хорошо знакомы)... письма Пушкина и какую-то рукопись, довольно объемистую... Я в волнении не усвоила, гипотеза ли это Медведева, что письма эти адресованы Александре Николаевне Гончаровой, или об этом рассказала ему наша архивистка. Что за рукопись, чешка не могла сказать. Она заметила объем. А я знаю, что Сергей Михайлович Бонди, еще тогда, во время войны, когда мы подняли шум для охраны Бродян, мечтал, что там может оказаться черновая тетрадь, писавшаяся в Болдине в 1830 году. То есть все варианты самых замечательных произведений Пушкина. Ее не оказалось среди всех тех рукописей, которые Пушкин берег всю жизнь и которые доставляли и доставляют нам столько счастливых работ, забот и наслаждений. Где может быть эта тетрадь? — задумывался Бонди. И у него возникала мысль, что, когда он умирал или только что умер, Александра Николаевна, которая боготворила его творчество, спрятала эту тетрадь, взяла себе на память. Гипотеза вполне правдоподобная.

Так не эта ли тетрадь хранится теперь у этого негодяя?!..

Как же теперь быть? Как добиться, чтобы он не скрывал пушкинских рукописей? Голова идет кругом. Но я не могу ничего придумать.

Есть у нас в Пушкинском Доме один сотрудник, чрезвычайно прямой, простой, даже, может быть, несколько рисующийся своей прямотой человек, Владимир Иванович Малышев. Во время международного съезда славистов, который происходил лет пять назад в Москве, он подошел к Исаченке, который выступал с двумя докладами (а недавно вышел его словарь словацкого языка, кажется), и спросил, — а где материалы из Бродян, которые нам не были посланы? Тот растерялся и отве-

тил: «Вы так спрашиваете, точно я их украл» (или что-то в этом роде). Ну как теперь от него их добыть?! И что же он, негодяй, собирается с ними делать?! Тем более, что он теперь уже не в Чехословакии, а в ГДР. Он — профессор Берлинского университета. Ну вот, на сегодня все. <...> С Медведевым мы уговорились, что он придет ко мне во вторник, 9-го, принесет письма Исаченки и леди Вернер, а я подготовлю все, что у меня есть о Бродянах: наше письмо Бончу, письма Радо, Ваши письма, очерк (ненапечатанный) Вильям-Вильмонта» (2558.2.741, л. 53—53 об.). В письме и записи речь идет о статьях Н. Раевского «В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой» (ПИМ. 1962. Т. 4), И. Фейнберга «Неизвестный дневник Пушкина?» (Огонек. 1962. № 7) и, вероятно, ст. Медведева «Грибоедов под следствием и надзором» (ЛН. 1956. Т. 60. Кн. 1). О «русских комнатах» в доме Вернеров Литон Ху см. также: *Фриджин В. М.* Пропавший дневник Пушкина. М., 1987. С. 184—193.

М. М. Медведев, как и обещал, вторично посетил Т. Ц. во вторник 9.07.1963. Он, в частности, принес ей копию письма Д. Блудова Пушкину 19.01.1832 из собрания С. Лифаря (снятая Т. Ц. машинописная копия письма с соответствующей пояснительной припиской служит в наст. время перекладкой-разделителем писем к ней Л. А. Черейского за 1967: 2558.2.1606).

С. 144. *2 октября 1966*

Статья Л. В. Крестовой, о работе над кот. идет речь, опубл. в: Прометей. Т. 10. — Под *книгой Лифаря* подразумевается парижское изд. 1937 писем Пушкина к невесте. О письмах к Амалии Ризнич никаких сведений нет.

9 апреля 1970

И эта история с рукописями Пушкина, насколько известно, продолжения не имела.

С. 146. *7 июня 1970*

Об этой пушкинской тетради нам, к сожалению, ничего более не известно.

В. А. Савельев защитил канд. диссертацию в МГПИ им. В. И. Ленина в 1955 по теме «Наблюдения над структурой и стилистическими функциями сложного предложения в публицистических произведениях В. Г. Короленко».

С. 147. *14 января, 3 июня 1971*

Л. А. Черейский по поводу запроса Т. Ц. сообщал 5.02.1971: «В течение января с. г. я связывался со знакомыми собирателями пушкинианы. Обещали выяснить мою просьбу о приобретении автографа Пушкина. К сожалению, ответ — «не знаю, я не приобретал». Может быть, скрывают...» (2558.2.1607).

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. А. Цявловский.
Поездка в Михайловское <1924>

Опубл.: НЛО. 1999. № 37. С. 151—172. Печатается по автографу (2558.2.283, л. 1—7). В той же ед. хр., л. 8—9 — краткие авторские заметки для этого дневника с незначительными уточнениями (после записи о литературном вечере 13.IX — «Вообще же слабовато»; указаны темы выступлений на «вечере докладов» 15.IX: «Семенов-Тянь-Шанский "Заповедники". <в сокращ. виде опубл.: Вопросы лит-ры. 1979. № 6. С. 154—158> Абрамович "Рост славы Пушкина". Гроссман "Речь Достоевского о Пушкине". Томашевский "Неизданный Пушкин из Майковского собрания". Гинзбург. "Пушкинская библиотека"»). Здесь же (л. 11—17) приложена машинопись дневника, сделанная Т. Ц. 2.06.1971 и переданная ею И. Л. Андроникову «для использования на торжествах в Михайловском и для печати, если ему понадобится» (ее пояснительная заметка, л. 10).

Записи представляют собой конспект дневника во время торжеств, посвященных 100-летию высылки Пушкина из Одессы в Михайловское (подробнее коммент. см. при публ. в НЛО. 1999. № 37). 17.03.1922 постановлением Совнаркома окрестности Михайловского были объявлены гос. заповедником «Пушкинский уголок». Этому событию было посвящено сообщение М. Ц. в закрытом заседании Пушкинской комиссии ОЛРС 2.04.1922, где им «было указано, что состоялась национализация пушкинских мест — Михайловского, Тригорского и Святогорского монастыря. Постановлено принять участие в охране, восстановлении и описании этих мест и обратиться в Главнауку с просьбой приглашать в качестве экспертов представителей Пушкинской комиссии, когда будут рассматривать вопросы, связанные с пушкинскими местами, а также указать на необходимость национализации с. Болдина и Полотняного Завода, бывш. имения Гончаровых» (Пушкин. Сб. первый. М., 1924. С. 261).

«Поездка в Михайловское» значится в списке намеченных М. Ц. сюжетов к «Запискам пушкиниста». Кратко о праздничных мероприятиях 1924 М. Ц. рассказал в докладе «Пушкиниана 1924—1925» в Пушкинской комиссии ОЛРС (черн. автогр.: 2558.2.234); см. также запись 1.01.1925 «Вокруг Пушкина».

С отчетом об этой поездке в комиссии техники худож. перевода лит. секции ГАХН 13.11.1924 выступил Л. П. Гроссман, кот. позднее его опубл.: см. очерк «Пушкинский уголок» в его кн.: Вокруг Пушкина. М., 1928 (Биб-ка «Огонек»; ранее в журн. «Красная нива». 1925. № 7). Сохранился и дневник Гроссмана («Конспект поездки в Пушкинские места 9—18 сентября 1924 г.»; РГАЛИ. 1386.2.147, л. 2—12), кот. текстуально очень близок к заметкам М. Ц.; вероятно, следует предположить, что участники поездки коллективно делали дневн. записи (ср. у М. Ц. формулировку «писание дневников»). Впрочем, тексты М. Ц. и Гроссмана во многом дополняют друг друга. Ср. из дневника Гроссмана: «Речь Мст.Ал. Цявловского на митинге: «Народ любил Пушкина». <...> Заседание Заповедника. Анаграммы («Гну лед в гриб», «Ан вон Ивиков»). Стихотворный конкурс: «Цявловский на полу». Возвращение Цявловск. Шумн. радость по пов<оду> воссоединения семьи. Дневник-конспект. 15-го, понедельник. Утро: дневник. Рассказы Цявловского (Лернер — «Гаврилиада», Лернер—Модзалевский: Гофман и внучка Пушкина; Бартенев режет «Русалку» (гонорар Садовскому))». Ниже в коммент. мы приводим еще несколько параллельных мест из этих записей Гроссмана.

Вспоминал о поездке и участвовавший в торжествах от Пушкинского Дома Н. В. Измайлов:

«Не помню почему, но ни Нестор Александрович <Котляревский>, ни Борис Львович в Заповедник не поехали; не поехал и Михаил Дмитриевич Беляев, и я оказался единственным представителем Пушкинского Дома на торжестве. Зато нашу ленинградскую делегацию возглавил президент Академии Наук Александр Петрович Карпинский — обаятельный старик, внушавший всем, кто его знал или только видел, несмотря на его внешнюю простоту, безграничное уважение. С ним ехала его дочь Евгения Александровна Толмачева и управляющий делами Конференции (т. е. научной части Академии) Борис Николаевич Молас. <...> Собирались и гости из Пскова, и крестьяне из окрестных сел. Среди всех выделялась невысокая, но внушавшая почтение своей белоснежно-седой головой фигура А. П. Карпинского, которого крестьяне быстро назвали «председателем всех наук». Вечером состоялось торжественное собрание. Никакого клуба, а тем паче дома культуры в Святых Горах тогда не существовало. Собрание происходило в каком-то большом сарае или риге, где были устроены подмостки и поставлены скамейки. Все приехавшие гости и представители — псковские, ленинградские, московские — произносили речи и приветствия. Мне пришлось выступать от имени Пушкинского Дома. Блестящую речь, подобную фейерверку,

произнес Л. П. Гроссман. Более сдержанно и «академично» говорили Б. В. Томашевский и М. А. Цявловский. Выступал И. А. Новиков с рассказом о Пушкине в Михайловском. Читал В. Я. Шишков свой рассказ.

На другое утро в том же вагоне, прицепленном к поезду, мы возвращались в Ленинград, и тут в обмене впечатлениями между пушкинистами выяснилось, на мой взгляд, едва ли не самое значительное следствие поездки в Заповедник: Борис Викторович Томашевский, до тех пор разделявший многие положения теории формалистов и главное из них — об имманентности художественного творчества и независимости его от биографических условий и обстоятельств, — под влиянием глубоких, волнующих впечатлений, полученных им в Святых Горах, в Михайловском и Тригорском, пересматривал свои историко-литературные концепции и по-новому смотрел теперь на источники творчества Пушкина, на его эволюцию, на его живую и глубокую связь с окружающей жизнью, начиная с ее пейзажа» (Русская литература. 1981. № 1. С. 95—97).

В архиве М. Ц. сохранились стихи, связанные с бытовыми обстоятельствами расселения участников моск. делегации в Пушкинских (Святых) Горах: имея в комнате три спальных места на четверых, М. Ц., Л. Гинзбург, И. Новиков и Л. Гроссман ежедневной жеребьевкой решали, чья очередь спать на полу. 13.09 пришла очередь М. Ц., чему и были посвящены стихи его товарищей, написанные и прочтенные на следующий день:

<1> Цявловский на полу

Домой торопился Мстислав Удалой,
Устав от дневных треволнений.
Мечтал он о чае, мечтал о еде,
О бурной беседе с друзьями.

Приходит и видит: все спят, как один,
Заняв диван и кровати, —
Один только пол лишь свободен.

И дрогнуло сердце от гнева его,
И волосы стали все дыбом!
«Вставайте скорее, побрал бы вас черт!
Зачем на меня все свалили?
Коль честь вам Москвы, как и мне, дорога,
Поедем сейчас же во Псков мы!
Оттуда — в Москву — и к Наркому!
Пусть сделает так, как скажем ему —
Не то — побьем ему морду!»

Но храп раздается ему лишь в ответ...
И, по столу хлопнув тогда кулаком,
Послав еще раз их всех к черту,
Он с горя улегся тут на пол.

Л. С. Г<инзбург>

Святые Горы
14/IX 1924

<2> Цявловский на полу

«В дороге Пушкин спал прекрасно
И очень часто в городах
В сон погружался ежечасно
И утопал в пуховиках;
Дремал на пляже Черноморском,
Сопел под блеском южных звезд,
Порой похрапывал в Тригорском
На весь Опочецкий уезд...

Я это все познал, изведал
И закрепил своим пером.
Сам Модзалевский заповедал
Тиснуть о том отдельный том.
Так знайте ж вы, с змеиным свистом,
Что не пойду я в кабалу
И не пристало пушкинистам
Ложиться на ночь на полу».

Л. Г<россман>

<3> Цявловский на полу

Трибун народный, гордый, величавый,
С холма на холм он на вершину славы
Шагал размеренной, маститою стопой,
Уверенно паря над тесною толпой.

Костер в груди, дым из ноздрей и пламя,
Московское высоко реет знамя,
Что ни призыв — то гром, цитата — град,
Лежит в пыли соперник Ленинград.

Там Томашевский, там Измайлов тощий...
Мир праху их! Михайловские рощи
Дымят смолой, бежит поток, виясь
У ног его... То было лишь вчерась,

А ныне что? И стыдно, и позорно!
Вот утра свет, и в комнате просторно.
Но огнь погас и ветр пылит золу:
Так ныне он проснулся на полу.

И. Н<овиков>

14/IX 1924
Святые Горы
(2558.2.676; автографы и машинон. копии). В альбом Л. Гинзбурга 16.09 члены этой компании вписали — Гроссман и Новиков стихи, а М. Ц. памятную запись (см.: РГАЛИ. 1886.2.2).

М. Ц. участвовал по крайней мере еще в одних пушкинских торжествах в Михайловском, приуроченных к 100-летию гибели поэта. В рабочем календаре Цявловских записано начало «Дневника 18 февр. — 24 февр. <1937> в Михайловском» (запись рукой секретаря, Н. Г. Антокольской):

18 февраля

В Михайловском

Приехали в 9 ч. утра на ст. Тригорскую. До 11 ч. томились ожиданием отправки на автобусе к могиле Пушкина.

Приехали к Святогорскому монастырю.

Со словом от Союза Сов. писателей выступил Ив. Алек. Новиков, отметил дату (100-летие со дня похорон). Короткое прочувствованное слово по бумажке. За ним — со своими стихами о Пушкине поэт Долматовский. Затем от Акад. Наук, от Союза Сов. писателей и от Пушк. Ком-та были возложены на могилу венки.

Поехали в Михайловское. На границе заповедника окруженный еловой гирляндой, покрытый красным кумачом мраморный столбик — закладка будущего памятника.

«Вступительное слово» произнес председатель местного райкома (Пушкин. района?), кот. длинно и витиевато, но маловразумительно сказал, что «закладка заложена». Слово было предоставлено академику Горбунову («Товарищ, верь», «Восстанут падшие рабы» и др. из «Вольности»).

Поехали дальше — в Михайловское. Остановились у въезда в парк и еловой аллеей в сопровождении экскурсоводов пошли к «домику няни». Рядом с ним на месте дома Пушкина выстроен новый сосновый музей, снаружи напоминающий павильон для купанья или хорошего типа киоск. Спешно большой толпой прошли четыре комнаты музея; среди экспонатов много интересного, и расположены они довольно умно. Выйдя, обошли дом кругом и спустились вниз с горки, на кот. он стоит, по каменным ступеням.

Уже в парке поражает искусственное оттеснение «народа» за ограду и окружение делегации сплоченным кордоном. Когда все спустились вниз, стало видно стекающиеся со всех сторон кучки и толпы «народа». Гостей попросили «к трибуне». Все зашли в своего рода «загон», посреди которого возвышалась небольшая трибуна. Было очень холодно и тягостно ждать начала церемонии. На трибуну взошли местные работники музея и перед радиопередатчиком произнесли информацию о событиях, т. е. о приезде из Москвы от правительства т. Киселева и научн. работников «Павловского» (Цявловского), Бонча, Бонди, Благой и др., от Акад. Наук... и т. д. Затем поправились: «члены Пушк. ком. Цявловский, Луппол, Розмирович, Зенгер, Киселев, Кирпотин» и др. Вспомнили и о «дальних родственниках» Пушкина, назвав внуков правнуками. Секретарь ЦИК РСФСР т. Киселев произнес большую речь о значении Пушкина. Кирпотин — короткое слово, поэт Панченко прочел стихи о Пушкине в Михайловском (посещении его Пущиным), затем ученик 10 кл. Пушкинской школы Влад. Иванов прочел свои лирические стихи, колхозник-стахановец очень взволнованно, коротко и тепло сказал несколько слов, назвав Пушкина «товарищем».

Приглашали сказать что-нибудь Мстислава Александровича (в самом конце), он отказался. Выступил ак. Державин с ужасно казенными патетическими фразами. Затем митинг, передаваемый через громкоговоритель на гору, всю усыпанную «безмолвствующим народом», закончился.

Начался парад колхозных троек. Лучшие стахановцы округа (17 сельсоветов) на тройках подобранных под масть небольших, довольно сытых, но замученных лошадок мчались мимо нас, между трибуной и «загоном» с одной стороны и «народом» с другой, украшенные елками, лентами, цветами. На задках розвальней и на загривках лошадей тряслись портреты

Пушкина, увитые цветными лентами и бумажными цветами. Взрослые мужики неистово погоняли своих клячонок и сзади них по несколько человек крестьян без особого энтузиазма, но очень терпели от снега, попадающего от копыт коней в лицо.

Это было зрелище поразительное. Лучшая тройка по украшению и сытости лошадей должна была быть премирована. Мы не дождались конца парада троек, ушли греться и пить чай в дом к зав. музеем.

В это время начался парад героев пушкинских, костюмированное шествие. К сожалению, мы этого не видели. Говорят, что был замечательный проезд Пугачева со свитой, их от имени правительства, интеллигенции и трудящихся просили его даже повторить. Мы увидели «ряженых» позднее, когда их снимал фотограф и потом они заходили греться в читальную. Одеты они были не в самодельные костюмы, а в старые потрепанные театральные, так что особого интереса не представляли. Ольга и Татьяна Ларины одеты были по-зимнему в капоты и отороченные облезлым мехом кацавейки.

Пошли одни пройтись по липовой аллее и автобусом приехали обратно к Святогорскому монастырю. Надеясь быть одни, снова поднялись к могиле, но нашли там многих.

В 5 ч. 30 начался роскошный банкет. Речи произносил Безыменский (начал с того, что Пушкин говорил, что «суровый Дант не презирал муската и тщательно уничтожал портвейн», кончил хорошим, но неуверенным чтением «Вакхической песни»). Другой поэт Сергей Остроумов (Остроухов) проч... <на этом запись обрывается; под последним имеется в виду, вероятно, С. Островой>

(2558.2.288, л. 34—37)

91Х Болезнь Тургенева — См. «Записки пушкиниста», <11>. В дневн. записи Гроссмана: «Литературные беседы (болезнь Тургенева, нравы пушкинистов, дневник Толстого)». Сюжет с дневником Л. Н. Толстого проясняет дневн. запись Н. С. Ашукина 5.10.1924: «Был у М. А. Цявловского. Он показал мне копию страницы из дневника Л. Толстого, где говорится о той высокой, духовной любви, которую он испытывал к мужчинам, никогда не испытывая такой любви к женщинам» (НЛО. 1998. № 32. С. 187). См.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 46. С. 237—238; М. Ц. принимал участие в работе над этим томом.

101Х Рассказ Гроссмана о коктебельских играх — Незадолго перед поездкой в Михайловское Гроссман вернулся из Коктебеля, где в то лето у М. Волошина собралась большая писательская компания и по инициативе В. Я. Брюсова устраивались поэтические конкурсы. См.: *Купченко В.* Турниры поэтов в Коктебеле // Лит. учеба. 1988. № 4; *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989; Коктебель М. Волошина // НЛО. 1996. № 21. Сам Гроссман рассказал о беседах и спорах о Пушкине в Коктебеле в статьях «Последний отдых Брюсова» и «Пушкин или Рылеев?» (Недра. 1925. Кн. 6).

памятник Арины Родионовны — Л. Гроссман в своем очерке так резюмировал обсуждавшиеся тогда пожелания по благоустройству и монументализации пушкинских мест: «Желательно развитие возникающего музея, реконструкция некоторых строений, установка в Михайловском первых памятников как самому поэту, так и верному другу его изгнания — Арине Родионовне. Ленинградское общество архитекторов-художников объявило конкурс на памятник Пушкину в селе Михайловском» (*Гроссман Л.* Указ. соч. С. 21). О конкурсе на проект памятника Пушкину было объявлено еще летом; см.: Памятник Пушкину в селе Михайловском // Красная газета. Веч. вып. 1924, 23 июля (кратко о представленных проектах см. в заметке Гр.М. // Там же. 1924, 5 декабря). Об итогах конкурсной выставки писал, в частности, в статье «Идейный конкурс» А. Удаленков:

«14-го декабря в стенах главного здания Академии Наук открылась выставка конкурсных проектов на памятник А. С. Пушкину в селе Михайловском Псковской губернии. Конкурс был объявлен Обществом Архитекторов-

Художников, в жюри входили маститые архитекторы: Л. Н. Бенуа, В. А. Щуко, И. А. Фомин, председатель Общества А. А. Грубе и Н. Е. Лансере. <...> На конкурс представлены 11 проектов, 5 из них удостоены премий: медалей Пушкинского Дома, Академии Наук и отзывов Общества Архитекторов-Художников.

Проект, удостоенный 1-й премии (Грюнберга под девизом «Зеленая Гора»), даже не проект, а эскиз к рисунку, к тому же ученический и совершенно беспомощный. Автор изображает Пушкина на коне, в объяснительной записке предлагает поставить этого коня где угодно, лишь бы он бежал вдоль берега реки Сороть (протекающей мимо усадьбы) и чтобы силуэт «памятника» был виден отовсюду на фоне неба. Кроме того, автор указывает, что под копытами коня не должно быть никакого пьедестала, а лишь посыпан гравий. Одним словом, реализм захватывает автора до глубины души, и нужно очень сожалеть, что он не предусмотрел где-нибудь поблизости в кустах старуху Арину Родионовну, собирающую землянику или грибы. Автор уступчив: если не найдется на протяжении реки такого счастливого «высокого» берега для его памятника, а в этом он прав — такого берега в Михайловском нет, — тогда он предлагает насыпать холм, сделать его высшей точкой в Михайловском и поставить на нем свою лошадь <...> Интересно выяснить, чем же было вызвано премирование первой премией этого рисунка в идейном конкурсе. Надо полагать — относительно лучшей идеей. Последняя обоснована автором в его объяснительной записке: «Пушкин часто совершал прогулки верхом». <...> Я скажу по секрету Обществу (как материал для будущих блестящих идей), что Пушкин еще чаще писал, пил, ел, спал, слушал нянюшкины сказки, а летом, возможно, нередко купался в реке.

Остальные премированные проекты разрешены банально, в характере академической скульптуры и архитектуры конца XIX, начала XX вв., в большинстве не отражают ни современной нам революционной эпохи, ни эпохи Пушкина» (Жизнь искусства. 1924. № 52. С. 4—5).

Ср. о других проектах: «Автор известного памятника Пушкину в лицейском садике Царского Села скульптор Бах представил на конкурс композицию в виде скалы, у подножия которой прикован орел. На вершине скалы он поместил Пушкина. Один из проектов изображал крыльцо дома Пушкина в Михайловском, на ступенях которого сидела Арина Родионовна с чулком в руках» (*Гейченко С. С.* У Лукоморья. Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. [Л. :] Лениздат, 1986. С. 369). В конце 1930-х высказывались предложения перенести в Михайловское из Ленинграда памятник работы А. М. Опекушина (1884, на ул. Пушкинской). Но памятник Пушкину был установлен в Пушкинских Горах лишь в 1959 (скульптор Е. Ф. Белашова).

11IX Пушкин-Лапин... Гаррис. Софийский. Упоминаются издания, посвященные истории и культурной топографии этих пушкинских мест: *Гаррис <М.А.>* Уголок Пушкина. С фотографическими снимками. М. ; Пг.: Гиз, 1923 (автор побывала в пушкинских местах дважды, в 1911 и 1914, к последнему году относятся приводимые в кн. фотографии); *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414—1914). Псков, 1912 (глава XIX: «А. С. Пушкин и сел. Михайловское, Тригорское и Св. Горы, Опочецкого уезда, Псковской губ.», со снимками видов и интерьеров). В последнем приводится дневниковая запись жителя Опочки И. И. Лапина о встрече с Пушкиным на ярмарке: «1825 год... 29 маия в Св. горах был о девятой пятницы... и здесь имел щастие видеть Александра Сергеевича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а наприм. У него была надета на голове соломенная шляпа — в ситцевой красной рубашке, опоясовши голубою ленточкою с железною в руке тростию с предлинными чор<ными> бакинбардами, которые более походят на бороду,так-же с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим апетитом, я думаю, около $^1/_2$ дюж<ины>»

(С. 203). Шутливый аспект применения темы Лапина участниками поездки зафиксирован в дневн. записи Гроссмана: «Новиков, Лапин смотрит на вас...»

Посещение могилы — Снесение памятника Нюси. — В Святогорском монастыре были рядом захоронены дед и бабка Пушкина Иосиф (Осип) Абрамович (1806) и Мария Алексеевна (1818) Ганнибалы, мать поэта Надежда Осиповна (1836) и отец Сергей Львович (1848) (могилы родителей к началу XX в. не сохранились). «Первое время над могилой <поэта> стоял простой черный деревянный крест с надписью: «Пушкин». Теперь стоящий памятник поставлен в конце сороковых годов <XIX в.>». В 1902 во время укрепления могилы Пушкина, когда вместо кирпичного к ней подвели гранитный цоколь, могила осыпалась, обнажив головную часть дубового гроба (снимок см.: *В. В.* Обнажившийся гроб Пушкина // *Пушкин.* Соч. / Б-ка великих писателей. Пг., 1915. Т. 6. С. 336—339; *Васильев-Ушкуйник Ф. А.* Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 27). «Небольшой каменный крест направо от могилы поэта, еле видный над каменным полом площадки, хранит, как говорят местные старожилы, прах няни поэта Арины Родионовны» (Там же. С. 24). «Интересна маленькая черточка, рисующая отношение к могиле поэта местных дворянских магнатов, попечению которых вручены были «уголки Пушкина». Между прахом поэта и его предков оказался и стоял до последних годов небольшой памятник с надписью «Нюся. Скончалась в 1911 году». Оказалось, что местный земский начальник Карпов сопричислил к роду Пушкиных и свою родственницу. Это штрих хотя и близкого, но уже так далекого прошлого. Современность же дала в связи с тем же памятником новый яркий штрих: узнав о такой заботливости «попечителя» о своей родственнице, группа очень экспансивных экскурсантов в 21 или 22 году собственными руками разбила и разбросала памятник «Нюси», оставив от него только еле видный пенек. (Сообщила В. В. Починковская-Тимофеева, литератор, проживающий в Тоболенце.)» (Там же. С. 27—28).

Закуска в экскурсионной базе. — «В Пушкинских горах имеется экскурсионная станция на 40 чел. — в школе крестьянской молодежи. Даются сенники и подушки; белье и одеяло надо иметь свои. Ночлег стоит от 5 коп. (с учеников экскурсантов) до 20 коп. (с преподавателей, служащих, рабочих). Обеды можно иметь от 35 до 50 коп.» (*Черепнина Т. Н* Пушкинский заповедник. Михайловское — Тригорское — Пушкинские (б. Святые) горы. Л.: Издание Об-ва друзей гос. заповедника «Пушкинский уголок», 1927. С. ненум.).

12 IX. грамота Ганнибалу — Имеется в виду жалованная грамота А. П. Ганнибалу на «пригорода Воронича Михайловскую губу» 1746; ныне хранится во Всероссийском музее Пушкина в С.-Петербурге.

13 IX. У Починковской — Варвара Васильевна Тимофеева (псевд. О. Починковская), автор воспоминаний о Достоевском, с кот. она общалась, работая в 1872—1874 корректором журнала «Гражданин» (Год работы с знаменитым писателем // Исторический вестник. 1904. № 2); «В последний раз я встретилась с Достоевским на улице в самом начале 1881 года», за три недели до его смерти; встретившись, они тогда не заговорили друг с другом (Ф. М. Достоевский в восп. современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 194). О Н. К. Михайловском и круге «Отечественных записок» О. Починковская писала в воспоминаниях «Глеб Иванович и Александра Васильевна Успенские» (Минувшие годы. 1908. № 1—2). С 1886 она более 20 лет была ответственным корректором «Вестника Европы». О плачевном положении пушкинских мест к нач. 1920-х она

писала в статье «Среди памятников былых вдохновений. Письмо из Михайловского» (Вестник лит-ры. 1921. № 12). Результатом общения с московскими делегатами в 1924 стало ее письмо 24.09.1924 Л. С. Гинзбургу (РГАЛИ. 1886.2.2) с прилож. восп.

Федор Мих., лакей Вревских — Его рассказы М. Ц. отдельно отметил в плане «Записок пушкиниста». Вспоминал он о них и несколько лет спустя, выступая перед участниками пушкинской конференции колхозников в редакции «Крестьянской газеты» в феврале 1936; в связи с темой «народного» («крестьянского») пушкинизма, способного развиваться вокруг «уголков» поэта, подобных Михайловскому, М. Ц. рассказал:

«Когда я там побывал, в 1924 году, я еще застал Федора Михайловича (то же самое имя, что носил Достоевский). Это был старик, который раньше служил лакеем, который мне многое рассказывал, который много знал, и он говорил о каких-то материалах, о каких-то документах, и весьма возможно, что он мог бы доставить те материалы, о которых мне рассказывал. Он знал, между прочим, что было расхищение. Заметьте, это характерно — пожар и расхищение; сначала расхищение, а потом пожар, и это для нас, конечно, выгоднее. И вот какие-то материалы этот Федор Михайлович мог бы достать. Но я тогда очень торопился, совершенно не мог задержаться и мне пришлось уехать.

С места. Федор Михайлович умер.

Проф. Цявловский. Но можно еще сделать попытку.

С места. Есть еще старуха, Аксинья... Она еще жива, ее можно потрусить.

Проф. Цявловский. Можно сделать попытку, прежде всего, не пугать, а брать на деньгу. Можно пообещать пенсию. Надо брать на деньгу, конечно, это не очень удобно, но можно сделать вид, что это как бы за хранение, можно формулировать, что это, мол, за сохранение вещей» (стенограмма: 2558.2.249, л. 16).

Остановился на рассказах Федора Михайловича в своем очерке и Л. Гроссман: «Среди обитателей «Опочецкого уезда» немало людей, знавших недавно лишь ушедшее поколение современников поэта. Вот, например, «дворовый человек» тригорских помещиков, на руках которого скончалась в начале 80-х годов сама Евпраксия Николаевна Вревская (рожденная Вульф), резвая собеседница Пушкина, до конца считавшая себя прототипом Татьяны. Старичок Федор Михайлович охотно делится с вами своими воспоминаниями о жителях Тригорского:

— Вот здесь стояла баня, куда отсылали ночевать Пушкина; Евпраксия Николаевна, покойница, говаривала: «Мать боялась, чтобы в доме ночевал чужой мужчина. Ну и посылала его в баню, иногда с братом Алексеем Николаевичем (Вульфом). Так и знали все». И недавно еще, когда стояла баня, посетители всегда откалывали себе по кусочку «с пушкинского жилища», так что все углы избы пообкололи. Да вот и с нижних ветвей этого дуба все листья сорвали — на память о Пушкине. И верно: покойный Александр Борисович (сын Евпраксии Вульф) сам мне рассказывал: "Вот здесь моя мама гуляла с Пушкиным"» (*Гроссман Л.* Указ. соч. С. 13—14). Ср. в дневн. записях Гроссмана: «Баня — почему здесь ночевал Пушкин; справка Цявловского о Вульфовых гаремах («волновался»)».

стихи Пушкина в чтении Томашевского — Томашевский познакомил коллег с вариантами пушкинского текста по материалам собрания Л. Н. Майкова, поступившего в Архив АН. Ср. более подробную дневн. запись Гроссмана: «Заседание дома. Чтение Томашевским нов. фрагментов Пушк. из Майковского собрания: оконч. «В начале жизни», «Кирджали» (начало поэмы, франц. отрывок о войне и вечн. мире). Нов. редакция "Шалости"». Во многом на материалах этого собрания, отдельное издание кот. готовилось, но так и не было осуществлено в 1920-е, основан его позднейший обзор «Из пушкинских рукописей» (ЛН. Т. 16—18).

15.IX. Кино «Метель» — немой фильм 1918 (о нем см.: *П. W. <П. Вейнштейн>* Метель (по Пушкину) // Жизнь искусства. 1923. № 26. С. 26).

16.IX. о рукописях Пушкина, купленных Щеголевым — См. примеч. на с. 232.

М. А. Цявловский.
Гершензон-пушкинист.
Доклад в Пушкинской комиссии.

Печатается по автографу (2558. 2. 236, л. 3—24). Текст не окончен; на обороте отдельных листов — приготовительные заметки и конспективные вставки, последние два листа — необработанные наброски к тексту.

М. О. Гершензон скончался в Москве 19.02.1925. Публикуемый доклад М. Ц. произнес весной 1925 в Пушкинской комиссии ОЛРС. С еще одним докладом («О неизданных письмах Гершензона») в первую годовщину смерти писателя, 22.02.1926, М. Ц. выступил в заседании ГАХН (см.: Бюллетени ГАХН. 1926. № 4—5. С. 38), а в следующем году в изд-ве Сабашниковых под его редакцией и с его предисловием вышла кн.: *Гершензон М. О.* Письма к брату. Избранные места. М., 1927.

Об отношении М. Ц. к Гершензону см. «Записки пушкиниста», <1>, <3> и коммент. Первые шаги к их знакомству относятся к осени 1910; посредником выступил школьный друг М. Ц. Б. А. Садовской (сохранилась его открытка от 15.10.1910 к М. Ц. с извещением: «Гершензон приглашает тебя к себе»; 2558.2.508, указано С. В. Шумихиным). Позднее М. Ц. и Гершензон являлись сочленами по ОЛРС, ГАХН (Гершензон — заведующий, М. Ц. — «непременный член» литературной секции), были в числе организаторов Всероссийского союза писателей (Гершензон — его первый председатель, М. Ц. — секретарь), преподавали в Высшем лит.-художественном ин-те.

Теме, рассмотренной в докладе М. Ц., посвящены позднейшие специальные работы: *Измайлов Н. В.* Гершензон, как исследователь Пушкина // *Берман Я. З.* М. О. Гершензон: Библиография. <Одесса>, 1928 (Труды Пушкинского Дома АН СССР. Вып. III); *Проскурина В. Ю.* Пушкинский миф М. О. Гершензона // НЛО. 1996. № 19 (также в ее кн.: Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998); *Horowitz Brian.* The Myth of A.S. Pushkin in Russia's Silver Age. M.O. Gershenzon, Pushkinist. Evanston, Illinois, 1996.

С. 157. *Как пишет Мих. Осип.* — Случаям соприкосновения с памятью о «живом Пушкине» Гершензон посв. заметку для невышедшей однодневной газеты московских писателей «Пушкин». Об этом неосуществленном предприятии см. в публ. Е. А. Муравьевой дневников Н. С. Ашукина: НЛО. 1998. № 32. С. 184. Вероятно, ее текст был известен М. Ц. в рукописи; опубл. она была в посмертном сб. Гершензона: Статьи о Пушкине. М.: ГАХН, 1926. С. 111—112.

«Солнце над мглою» — См.: Записки мечтателей. 1922. № 5. М. Ц., в целом точно приводя в докладе цитаты из источников, допускает иногда небольшие купюры для «связности изложения». Эти случаи не оговариваются.

С. 158. *«В дверях Эдема ангел нежный...»* — стих. «Ангел» (1827); ср. защиту принятой М. Ц. трактовки Гершензона в позднейшей работе Т. Ц.: Прометей. Т. 10. С. 58—59, 82.

«Северная любовь Пушкина» — См. в «Записках пушкиниста», <12>, коммент.

С. 159. *«велосипедном»... чтении* — Метафора из статьи Гершензона «Чтение Пушкина» (впервые: Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1923. Кн. 8).

С. 160. *«Пушкин и гр. Е.К.Воронцова»* — Ср. суровую оценку положений этой работы в позднейшей статье М. Ц.: «...статья М. О. Гершензона <...> дает в корне ложную концепцию этих отношений <Пушкина и Воронцовой> <...> Все эти утверждения были совершенно неубедительными и в то время, когда они высказывались <...> Статья Гершензона чрезвычайно затемнила вопрос и произвольными интерпретациями документов и неосновательными догадками». В примеч. М. Ц. поместил любопытный биографический экскурс: «Познакомившись с М. О. Гершензоном в 1913 г., я с ним тесно общался до самой его смерти <...> преимущественно на почве пушкинианских интересов. Неоднократно во время разговоров мне доводилось слышать полупризнания покойного в ошибочности его концепции отношений Пушкина с Воронцовой, но во время работы Михаила Осиповича над его книгой «Гольфстрем» (1922 г.) он меня удивил, доказывая, как всегда увлеченно, что в стихотворении Пушкина «Прозерпина» изображены взаимоотношения Воронцова, Воронцовой и Пушкина. «Бледный Плутон, мчащийся к нимфам» — это Воронцов («худое, узкое, а потому, можно сказать, «бледное» лицо»), едущий к актрисам; Прозерпина, отдающаяся «без порфиры и венца» робкому юноше — это Воронцова, являвшаяся на свидания с Пушкиным как «простая смертная», а не «жена наместника». Словам «без порфиры и венца» придавалось, помню, особенно важное значение в этой интерпретации стихотворения, которая полностью зачеркивала всю разбираемую статью исследователя. Я так опешил, что кажется, ничего не мог сказать» (*Цявловский М.А.* Из записей П. И. Бартенева (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28. Вып. 3. С. 269, 271). В вопросе о «Прозерпине» с интерпретацией Гершензона склонна была позднее солидаризироваться Т. Ц. (см. Прометей. Т. 10. С. 38, 81).

В... работе Л. П. Гроссмана о Гершензоне — Доклад «Гершензон-писатель» 6.03.1925 в ГАХН и, вероятно, во Всерос. союзе писателей; опубл. как предисл. в кн. Гершензона «Статьи о Пушкине». М. Ц. опускает следующий пассаж Гершензона: «Легко представить себе, как с шумом и хохотом, сверкая белыми зубами, врывается в кабинет Чаадаева смуглый, курчавый, невысокий, быстрый в движениях юноша — Пушкин» и т. д.

...начиная со статей в «Софии» за 1914 г. — Здесь Гершензон поместил две свои пушкинские работы: «Умиление» (№ 3) и «Вдохновение и безумие» (№ 6; под загл. «Пушкин и Лермонтов» вошла в т. 6 Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова).

«Видение поэта» — Заглавная статья сборника, из кот. М. Ц. приводит обширную цитату, впервые опубл. в философ. ежегоднике «Мысль и слово» (М., 1916). Как приложение к сборнику Гершензона перепечатано его послесловие к выполненному им же переводу кн. Г. Лансона «Метод в истории литературы» (М.: Мир, 1911).

С. 162. *относятся статьи* — Работы о «Моцарте и Сальери», «Домике в Коломне», «Пиковой даме», «Метели», «Станционном смотрителе», «Памятнике» и «Бедном рыцаре» (раздел статьи «Пушкин и мы») вошли в кн. Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919), статья о «Графе Нулине» служила приложением к фототипическому воспроизведению первого изд. поэмы 1827 в изд-ве Сабашниковых (М., 1918); позднее включена в сб. Гершензона «Статьи о Пушкине» (М., 1926).

С. 163. *только Достоевский в одном из своих романов* — Возможно, М. Ц. вспоминает пассаж из романа «Подросток»: «В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из «Пико-

вой дамы» (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 113).

С. 165. *Доклад Фрида* — Прочитанный в ОЛРС, позже был опубл.: *Фрид Г. Н.* История романса Пушкина о бедном рыцаре // Творческая история. Исследования по рус. лит-ре. М., 1927.

«Мудрость Пушкина» — Ср. о лекциях в январе-марте 1917 в Петрограде, Москве и Киеве в письмах Гершензона родным (*Гершензон М. О.* Письма к брату. С. 180—183). Статья была впервые опубл. в том же 1917 (философ. ежегодник «Мысль и слово». М., 1917), а затем вошла в кн. «Мудрость Пушкина». Отклики в печати учтены в: *Берман Я. З.* Указ. соч. С. 42—43.

С. 168. *«плагиаты Пушкина»* — Неоконченная статья была посмертно опубл. в журн. «Искусство» (1925, № 2), как и «Пушкин и Батюшков» вошла в «Статьи о Пушкине». Разъяснению замысла этой неоконченной работы Гершензона посвящ. ст.: *Гиппиус В. В.* К вопросу о пушкинских плагиатах // ПИЕС. 1930. Вып. 38—39.

К заключительной части доклада М. Ц. относится и такой совсем краткий набросок: «Статьи «Явь и сон у Пушкина», «Тень Пушкина» и «Сны Пушкина», появившиеся в печати в последние годы после «Гольфстрема», явно отзываются последним. И здесь мы на каждом шагу...»

М. А. Цявловский.
Б. Л. Модзалевский

Печатается по машинописи, представляющей собой расшифровку выступления М. Ц. (2558.2.236, л. 90—92 об.; там же черн. автогр. набросков речи).

С данным докладом М. Ц. выступал 11.04.1928 в заседании Пушкинской комиссии ОЛРС (на том же заседании председатель ОЛРС П. Н. Сакулин прочел доклад «Б. Л. Модзалевский в Пушкинском Доме», где подчеркивалась основная мысль: «Жизнь нередко создает нерасторжимые ассоциации. Борис Львович Модзалевский нерасторжимо ассоциируется в нашем представлении с Пушкинским Домом. Модзалевский — это Пушкинский Дом. Более того: Модзалевский это Пушкин, ибо Пушкинский Дом есть рукотворный памятник великому поэту. <...> Ученый хранитель по своему официальному званию, он был зиждителем Пушкинского Дома, вдохновителем его работ»; РГАЛИ. 444.1.25, л. 1, 8—9) и в Рус. об-ве друзей книги, кот. выпустило памятную брошюру: Памяти Бориса Львовича Модзалевского. 1874—1928. Биографические даты. Библиография трудов. М.: Издание Рус. об-ва друзей книги, 1928. М. Ц. принимал самое активное участие в ее подготовке, ему же принадлежит и неподписанное предисловие к кн., содержащее краткий очерк жизненного пути Модзалевского:

«Борис Львович Модзалевский родился 20 апреля 1874 г. в Тифлисе, где служил его отец, Лев Николаевич, автор «Очерков истории воспитания и обучения». Окончив 2-ю Петербургскую гимназию и Петербургский университет (последний в 1898 году), Борис Львович поступил на службу в Канцелярию по учреждениям императрицы Марии, а затем был причислен в Государственную канцелярию с откомандированием для занятий в архив Государственного совета. В апреле 1899 г. Б. Л. Модзалевский перешел на службу в Академию наук, где получил место в канцелярии конференции, при чем первое время был освобожден от занятий по канцелярии, так как ему поручено было устройство Пушкинской юбилейной выставки и заведывание ею. В сентябре 1907 г. Борис Львович был приглашен заведывать Архивом конференции, а 1 сентября 1912 г., по введении в Академии новых штатов,

был избран конференциею на вновь учрежденную должность заведующего Архивом конференции. 29 декабря 1918 г. Б. Л. Модзалевский был избран по представлению академиков А. А. Шахматова и Н. А. Котляревского членом-корреспондентом Российской Академи наук по Отделению русского языка и словесности. 1 июля 1919 г. Борис Львович был избран старшим ученым хранителем Пушкинского Дома при Российской Академии наук, а с октября 1922 г. по февраль 1924 г. исполнял должность директора этого Дома.

Скончался Б. Л. Модзалевский 3 апреля 1928 г.

Такова служебная карьера покойного ученого. За время своей службы в Архиве конференции Академии наук он был членом и секретарем комиссии по вопросу о чествовании 200-летия со дня рождения Ломоносова, членом и секретарем комиссии по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», членом комиссий по устройству выставок в память И. С. Тургенева и в память А. В. Кольцова. В то же время он был избран и состоял до своей смерти членом и делопроизводителем комиссии по изданию сочинений Пушкина и редактором тридцати семи выпусков ее издания «Пушкин и его современники», членом приакадемических комиссий по изданию Академической библиотеки русских писателей, по изданию Тургеневского архива, по постройке памятника Пушкину в Петербурге. <...> » (с. 5—6).

Ср. в письме Н. В. Измайлова М. Ц. 26.05.1928: «От И. К. Линдемана я получил подробные изложения речей, говоренных на собрании О-ва друзей книги — Вашей, Адарюкова и Чулкова. Ваше слово — одно из лучших, что говорились о Борисе Львовиче. Хорошо, что оно сохранено хотя бы в записи Линдемана» (2558.2.446). Благодаря М. Ц. за многообразное участие и откликаясь на сообщение о вечере памяти Б. Л. Модзалевского, Л. Б. Модзалевский писал ему 8.06.1928 из Ленинграда: «...спасибо Вам за все, все. Нисколько не сомневаюсь, что из всех докладов в память папы Ваш доклад был самый искренний из всех» (ИРЛИ. 387.235). В своих выступлениях М. Ц. не уставал подчеркивать первостепенное значение трудов и организационной деятельности Модзалевского. Так, в обзоре «Пушкиноведение в 1927—1928 гг.» на Пушкинском вечере 6.06.1928 он говорил о Модзалевском: «Имя этого пушкиниста хорошо известно не только специалистам. Без всякого преувеличения нужно сказать, что работу, казалось бы в такой узкой области, как изучение жизни и творчества *одного* писателя, Модзалевский превратил в дело национального значения — я разумею основание Пушкинского Дома, инициатором и главным работником которого был Борис Львович. *Такого* учреждения нет ни в Западной Европе, ни в Америке» (2558.2.238, л. 3).

В бумагах М. Ц. (2558.2.236, л. 78—79) сохранился составленный им примерный план сборника памяти Модзалевского, куда кроме биографии ученого и публикации его неизданных работ должны были войти статьи пушкинистов (предварительный список из 38 имен); сам М. Ц. предполагал поместить в сб. свое исследование о «Ноэле на лейб-гусарский полк». Этот план лишь частично совпадает с посвященным памяти Модзалевского томом ПИЕС (Л., 1930. Вып. 38—39). Составители рассчитывали, что М. Ц. может написать для сб. статью о Модзалевском-пушкинисте; см. в письме Измайлова М. Ц. 16.05.1928: «На Вас мы возлагаем при этом особые надежды. Одна из статей о Б. Л., как Вы помните, должна быть «Борис Львович М. как пушкинист»; Вы помните также, что автором ее называли мы или Вас, или П. Е. Щеголева, но Вы говорили тогда, что, написав такую статью, во всяком случае — думаете ее напечатать в «Моск. Пушкинисте». Я боюсь теперь, что на Щеголева надежда плохая; что, доверившись ему, мы останемся вовсе без статьи; а также — что «Моск. Пушкинист» — дело не очень верное. Поэтому я *очень* прошу Вас: пишите статью о Б. Л. как пушкинисте; если Щеголев напишет тоже — Вы поместите свою в «М. Пушкинисте», а нам дадите другую

статью из Вашего запаса; если же Щеголев обманет — Вы дадите статью о Б. Л. нам, а «Моск. Пушкинист»... выйдет так нескоро, что обойдется» (2558.2.446). Ни М. Ц., ни Щеголев желаемой статьи для ПИЕС не представили; М. Ц. поместил в сб. свои «Заметки о Пушкине».

Об отношении М. Ц. к Модзалевскому см. «Записки пушкиниста», <4> и коммент.

В 1950-е личности и трудам Модзалевского посвятил ряд ярких мемуарных страниц М. Л. Гофман, в общих оценках и многих деталях совпадая с М. Ц.:

«...Пушкинский Дом действительно был детищем Б. Л. Модзалевского, и он работал над его созданием задолго до официального его учреждения. Когда, в самые первые годы XX-го века, я приходил к Б. Л. Модзалевскому в Архив Академии Наук, которым он заведывал, он уже ни о чем другом не думал, как о Пушкинском Доме, и собирал для него литературные архивы. Неутомимость его в деле собирания материала была изумительна: он был готов на все, только чтобы раздобыть тот или другой архив. Он ухаживал за наследниками писателей, убеждая их пожертвовать то, что должно быть не личным, а общерусским достоянием, и что может пропасть в частных руках во время беспорядков (сколько действительно драгоценных литературных материалов погибло во время первой русской революции 1905 года!), и если ему не удавалось уговорить пожертвовать, он убеждал передать на хранение в Пушкинский Дом. Культ Пушкина и его эпохи особенно был силен в Модзалевском, и он всю жизнь работал над Пушкиным. Не обладая большим талантом, Б. Л. Модзалевский был прекраснейшим и добросовестнейшим работником (преимущественно «крохобором») — всякие обобщения ему были чужды, да он и боялся их. В нем было также желание помочь каждому работающему по Пушкину. Изучение Пушкина было для него неизмеримо дороже, чем удовлетворение своего честолюбия: ему все равно было, будет ли названо его имя или нет, лишь бы было подвинуто дело изучения Пушкина, и он был трогателен в своей помощи пушкинистам и пушкиноведам. Он был пушкинистом и в своих политических взглядах; будучи либералом-прогрессистом, он был резким и ярым противником всяких насильственных переворотов и в революционную эпоху не только должен был казаться, но действительно был «правым». Вообще же он был абсолютно вне политики, и заставить его принять активное участие в политической борьбе — за революцию или против революции, безразлично — было немыслимо. Но он был настроен против большевиков и против советской власти и «спасал» контрреволюционеров, принимая на хранение от них в Пушкинский Дом такие компрометировавшие их бумаги, за которые они могли бы поплатиться жизнью (я очень не сочувствовал тому, что Б. Л. Модзалевский такими вещами ставил под угрозу Пушкинский Дом, но не имел ни возможности, ни права вмешиваться в это). Б. Л. Модзалевский так много сделал для Пушкинского Дома, что конечно он должен был быть его директором — он фактически и был им, но не будучи академиком (он с трудом сделался членом-корреспондентом Академии Наук), не имел права быть официальным директором — ему необходима была официальная ширма. Такой ширмой был первый директор Пушкинского Дома — академик Н. А. Котляревский, который охотно позволял всем распоряжаться Б. Л. Модзалевскому. Но в 1922 году Н. А. Котляревский уехал в Софию и временным директором Пушкинского Дома был назначен академик С. Ф. Платонов, который был совершенно не в курсе дел Пушкинского Дома и совершенно не имел представления о том, какие архивы Модзалевский в нем скрывал. Он не успел еще войти как следует в исполнение своих новых обязанностей, как произошел чекистский налет на Пушкинский Дом, и С. Ф. Платонову как официальному директору пришлось отвечать за «грехи» Б. Л. Модзалевского» (Новый журнал. 195?. Кн. 39. С. 281—282). «Б. Л. Модзалевский умер от склероза в 1928 г., хотя ему еще не было 54-х лет (он родился 20 апреля 1874 г.), но революция сделала его глубоким стариком. Этого доброго, мягкого и прекрасного человека старой культуры измучили не столько лишения трудной полуголодной жизни, сколько постоянная жизнь в вечной тревоге и неуверенности, что сегодняшний день пройдет так же благополучно, как вчерашний» (Новый журнал. 1958. Кн. 53. С. 274).

См. также: *Коплан Б. И.* Краткий очерк научной деятельности Б. Л. Модзалевского (К первой годовщине смерти) // Изв. АН

СССР. VII серия. Отд. гуманит. наук. 1929. № 4; *Измайлов Н. В.* Б. Л. Модзалевский // Рус. литература. 1974. № 3; Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982 (публ. Е. И. Семенова «Из переписки Б. Л. Модзалевского»).

Библиогр. работ Модзалевского опубл. в указ. сб. его памяти (М., 1928). Посмертно был издан сб. его статей и исследований «Пушкин» (Л.: Прибой, 1929; переиздан: М.: Аграф, 1999); см. новое изд.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники. Избр. труды (1898—1928) / Сост. А. Ю. Балакин. СПб.: Искусство-СПб., 1999.

С. 169. *Спасением и привозом в Петербург библиотеки Пушкина* — Ее подробное описание составило отд. кн. ПИЕС (1910. Вып. 9—10). М. Ц. пересказывает примеч. из предисл. Модзалевского: «Перелистать и пересмотреть все 3—4 тысячи книг Пушкинской библиотеки оказалось делом далеко не легким, и относиться к нему механически было нельзя; от книжной пыли серьезно разболелись глаза» и т. д. (с. IV). Отчет Модзалевского об упоминаемой далее поездке в Тригорское 1902 был опубл. в вып. 1 ПИЕС (1903).

С. 170. *«Лицейский музей»* — Был основан в 1879 при имп. Александровском лицее. О передаче его коллекций в Пушкинский Дом Модзалевский писал М. О. Гершензону: «8/21.VI.1917. Финляндия, Выборг, им. Хортана, дача № 15. <...> Перед отъездом сюда принял в Пушкинский Дом, как Симеон Богоприимец, на свои руки Пушкинский Лицейский Музей, ибо в помещении Лицея Союз Городов устроил лазарет для 800 *сифилитиков*. Это уже садизм» (РГБ. 746.37.47, л. 2 об.). Общую характеристику и краткую историю упоминаемых М. Ц. собраний Пушкинского Дома см. в кн.: *Баскаков В. Н.* Рукописные собрания и коллекции Пушкинского Дома. Л., 1989.

его поездка в Москву — Последний раз Модзалевский был в Москве за год до смерти, в конце 1926 — нач. 1927; о встрече с ним 1.01.1927 в квартире М. Ц. см. дневниковую запись Н. С. Ашукина: НЛО. 1999. № 36. С. 151.

С. 171. *Баранов... прочел доклад* — Доклад В. В. Баранова в ОЛРС 4.06.1922, опубл.: Новый текст «Мадонны» // Пушкин. Сб. первый. М., 1924.

Н. Ф. Бельчиков нашел рукопись стихотворения «Деревня» — См. «Вокруг Пушкина», 1.01.1925.

С. 172. *Накопилось сотни две-три тысяч карточек* — Описанию этой картотеки персоналий посвящена специальная статья В. Н. Баскакова (в кн.: Исследования по древней и новой лит-ре. Л., 1987).

Я имел честь писать о I томе «Писем» — Письма Пушкина в издании Госиздата // Печать и революция. 1927. № 2 («Такого аппарата комментариев нет не только ни в одном из русских изданий чьих-либо писем, но нет ни у немцев, ни у французов»; с. 110). Модзалевский информировал М. Ц. о трудностях, возникавших в ходе издания «Писем», просил помочь с рецензиями, особо отмечая желательность отзыва в «Печати и революции», выслал сразу по выходе три экз. кн. (см. его письма от 6.02, 6.05, 12.11.1926: ИРЛИ. 387.233); один из них М. Ц. передал для рец. Н. С. Ашукину, кот. удалось напечатать лишь краткий газетный отклик (Веч. Москва. 1926, 7 дек.); см. в его дневнике рассказ об отказе редактора «Нового мира» В. Полонского давать рец. в журнале («Нет, для читателей «Нового мира» надо о чем-нибудь новом, животрепещущем...»); тут же — запись о заступничестве Демьяна Бедного: «Нельзя не записать вот о чем. Когда том писем печатался, то, напечатав какую-то часть комментариев,

Госиздат заявил Модзалевскому: «Довольно примечаний, а если хотите, печатайте их за свой счет». И Модзалевский согласился, стоимость печати и бумаги должны были удержать из его гонорара. Но об этом узнал Демьян Бедный и заставил Госиздат допечатать примечания как полагается, без удержания стоимости печати из гонорара» (НЛО. 1999. № 36. С. 149).

С. 173. *На третьем томе он сложил перо.* — Все издание было рассчитано на 4 тома. Модзалевский успел подготовить коммент. к 44 письмам 3-го тома (работа оборвалась на письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 3.07.1831). «Вскоре после смерти Б. Л. Модзалевского Пушкинский Дом принял решение продолжить и закончить комментированное издание писем Пушкина коллективно. Был образован редакционный комитет под председательством П. Е. Щеголева <...> В конце 1929 года П. Е. Щеголев предложил Л. Б. Модзалевскому, пользуясь материалами его отца и начатым им комментарием, продолжить работу единолично» (*Пушкин.* Письма. М. ; Л., 1935. Т. 3. С. X—XI). По планам коллективной работы за М. Ц. была закреплена подготовка 66 писем, в частности, писем Пушкина к жене (обсуждение работы над изданием см. в переписке М. Ц. с Л. Б. Модзалевским: 2558.2.481; ИРЛИ. 387.236, 237; ср. указание Л. Модзалевского на участие М. Ц. в комментировании писем Пушкина к жене: Пушкин. Письма. Т. 3. С. XIV; см. также письма Н. В. Измайлова к М. Ц.: 2558.2.446). Хотя завершение издания под ред. Л. Б. Модзалевского в полном объеме неоднократно анонсировалось (ср. в обзоре самого Модзалевского: «Высказываем твердую уверенность в том, что издание это будет к столетней годовщине смерти поэта в 1937 г. доведено до конца»; ЛН. Т. 16—18. С. 1129), но уже при выходе 3-го тома в 1935 было заявлено, что последний том будет подготовлен Пушкинским Домом по иным принципам, с учетом «новых требований». Он вышел много позже, приготовленный под ред. Н. В. Измайлова коллективом нового поколения пушкинистов (*Пушкин.* Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969).

М. А. Цявловский.
Советское пушкиноведение

Печатается по: Юбилейный сб., посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Ч. II. С. 794—805. — Исправлен ошибочно указанный год выхода кн. В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» (в тексте «1938»). Фрагменты с предисл. К. П. Богаевской перепеч.: Наука и жизнь. 1987. № 3. С. 26—29.

Первое упоминание о заказанной статье для юбилейного сб. АН СССР встречается в рабочем дневнике 11.03.1947; саму статью М. Ц. диктовал Т. Ц. 23—27.03, 29-го текст был прочитан Т. Ц. в присутствии Богаевской, Бонди, Измайлова и др. гостей, а 1.04. сдан редактору сборника Б. И. Сегалу (см. 2558.2.285, л. 29—30 об.). Получив 8.09 корректуру, М. Ц. был возмущен сделанными в тексте статьи (как выяснилось, «выправленной» А. И. Корчагиным) купюрами и исправлениями, по поводу чего 10.09 послал Сегалу ультимативное письмо, грозя «вынуть <...> статью из сборника» (черновик 2558.2.344), а 12.09 имел с ним «продолжительное объяснение по телефону» (2558.2.286, л. 40 об.). 2.10 Т. Ц. записала: «Звонила к Сегалу. Говорит, что статья Мстислава пойдет в том виде, как он (Мст.) требует» (там же, л. 42). Эта статья стала последней работой М. Ц., вышедшей при его жизни: ее оттиски принесли автору 3.11.1947 (там же, л. 49).

Прилежным историографом пушкиноведения М. Ц. стал с самого начала своих

пушкинистических штудий. Внимательно следя за всей пушкинской литературой, он регулярно выступал с обзорными докладами и лекциями о положении дел в русском пушкинизме, о его частных проблемах и деятелях. Многие конспекты, черновики, стенограммы таких выступлений хранятся в фонде Цявловских (РГАЛИ).

К 1915 относятся материалы лекции в Учительском доме в Москве «Пушкин в новейших изучениях» (2558.2.224, л. 15—31), содержащей обзор основных исследований за 1900—1915.

В осеннем семестре 1916/1917 учебного года М. Ц. приготовил 10-часовой курс лекций «История изучения Пушкина» в Нижегородском Народном университете (программа и конспект — 2558.2.225, 226), представив 20.08.1916 следующую программу:

«Пушкин в оценке современных ему читателей и критики.

Посмертное издание сочинений Пушкина 1838—41 гг.

Статьи Белинского о Пушкине.

П. В. Анненков как редактор первого научного издания сочинений Пушкина. Работа Анненкова над рукописями и биографией поэта.

Издания сочинений Пушкина Г. Н. Геннади (1859 и 1870 гг.), П. А. Ефремова (1880 и 1882 гг.) и «Литературного Фонда» под ред. П. О. Морозова 1887 г.

Труды Я. Грота и П. Бартенева по биографии Пушкина.

1899-й, «юбилейный» год как начало особенного интереса к Пушкину.

Л. Н. Майков и 1-й том академического издания сочинений Пушкина.

Ф. Е. Корш как исследователь стихосложения Пушкина. Новейшие изучения стихотворной техники Пушкина (Андрей Белый, Брюсов, Чудовский, Бобров).

Изучение пушкинских рукописей В. Е. Якушкиным. II-й том акад. изд. соч. Пушкина.

Издание Пушкинской комиссии Имп. Академии Наук «Пушкин и его современники».

Новейшие «открытия» в области пушкинского текста. III-й и IV-й тт. акад. изд. соч. Пушкина.

С. А. Венгеров и его труды по изучению Пушкина: издание сочинений поэта, пушкинские семинарии в Петроградских высших учебных заведениях.

П. Е. Щеголев, Н. О. Лернер и Ю. И. Айхенвальд как пушкинисты» (там же, л. 1).

Сохранились автографы выступлений М. Ц. в различных учреждениях и обществах с лекциями «Пушкиниана 1924—1925 гг.», «Пушкиноведение в 1926—1927 гг.», «Пушкиниана за 1928—1929 гг.» и т. д. (2558.2.234, 238, 240). Особенно много выступлений относится к «юбилейным» 1936—1938; итоговый доклад «Пушкиниана 1936—1938 гг.» М. Ц. сделал 11.02.1939 в ИМЛИ (машинопись и рукоп. материалы: 2558.2.263); своеобразным его продолжением стала статья «Пушкиниана в 1940 году» (Лит. обозрение. 1941. № 5. С. 3—11). В 1942 в эвакуации М. Ц. подготовил обобщающий обзор («Советское пушкиноведение (Лекция в Ташкенте)»: 2558.2.272, материалы и черновые наброски), послуживший основой комментируемой статьи.

Расставленные в статье акценты отражают неизменную позицию М. Ц. с явным приоритетом источниковедческих и эдиционных проблем перед «новыми осмыслениями» Пушкина в идеологическом плане — характерно практически полное игнорирование всех подобных «громких» работ. В то же время М. Ц. было важно остановиться на структуре акад. издания Пушкина, вокруг которого разворачивалась напряженная борьба между редакцией и издательством, отказывавшимся выпускать тома с рисунками и «нетворческими записями» поэта. Вероятно, именно эти фрагменты статьи пытался «выправить» редактор изд-ва А. И. Корчагин.

С. 175. *баллада фривольного характера.* — «Тень Баркова».

собрание.., принадлежавшее вел. кн. К. К. Романову. — Тринадцать листов пушкинских автографов, кот. вдова

Л. Н. Майкова подарила К. К. Романову, по его завещанию в 1923 поступили в Пушкинский Дом (см.: *Цявловский*. С. 272).

С. 176. *В 1935 г. вышел VII том.* — О судьбе этого «пробного» тома и о сложной истории акад. издания см.: *Домгер Л. Л.* Советское акад. издание Пушкина. [New York], 1953 (см. и журн. публ. в: Новый журнал. 1987. Кн. 167; Записки Рус. акад. группы в США. 1987. Т. 20); *Бонди С. М.* Об Акад. издании соч. Пушкина // Вопросы лит-ры. 1963. № 2; ПИМ. 1991. Т. 14 и др.

С. 177. *Особенное место в издании занимает XII том.* — Намеченный план состава упоминаемых томов не осуществился: в изданный в 1949 т. 12 вошло продолжение критико-публ. материалов 11-го т. и автобиографич. проза. Перечисляемый М. Ц. разнообразный материал «нетворческих записей» был выделен в особый том, кот. так и не был издан, как и том с рисунками Пушкина. Ср. дневниковую запись Т. Ц. 30.07.1948: «Новый удар!.. Рисунки Пушкина печататься не будут!!! Вавилов считает их не интересными...» (2558.2.820, л. 19). Т. Ц. активно участвовала в попытке пушкинистов отстоять указанные тома. Ср. ее эмоциональное письмо В. Д. Бонч-Бруевичу 2.07.1949 («Во-вторых, считаю необходимым реализовать подготовленный совершенно (в части *описаний* рисунков, т. е. в научной части) альбом рисунков Пушкина. Думаю, что, хоть Пушкин и «поэт, а не художник» (афоризм, принадлежащий С. И. Вавилову), рисунки его имеют право (по меньшей мере) быть собранными и напечатанными в одном томе» и т. д.; РГБ. 369.360.27). Несмотря на то что в июле 1949 было принято соответствующее положительное решение Президиума АН, с выходом последних из 16-ти «основных» томов все собрание тогда же было объявлено «успешно завершенным» и предполагаемые тома «с рисунками Пушкина и другими автографическими материалами» упоминались уже как «дополнительные» (ПИМ. 1956. Т. 1. С. 375; ср. следующ. примеч.). По поводу борьбы редакторов собр. соч. с издательством см. в письме Т. Ц. к И. Н. Медведевой-Томашевской 16.11.1956: «Вы знаете, вероятно, что мы тягомотно сражаемся с Лихтенштейном. Пожалуйста, передайте Борису Викторовичу, что я получила третьего дня запрос из «Правды», адресованный С. М. <Бонди> и мне, «изменилось ли что-нибудь с тех пор, как вы обратились в «Правду» с жалобой на изд-во Ак. Наук СССР». Это — своевременная реакция на посланное нами летом досье — копию всего, что мы направили тогда в ОЛЯ. Мы хотели бы приложить к нашему ответу бумагу издательства, где они договариваются до того, что не будут печатать дополнительных томов. Сергей Мих. должен был сегодня звонить Виноградову — просить дать нам копию с этого документа. А нет ли ее в ПД? — На всякий случай спрашиваю. И еще. Проект мнения ПД, который Б. В. мне посылал, пошел точно в таком тексте? — на случай, что это понадобится» (РГБ. 645.41.69). Однако, как известно, вышел лишь «Справочный том» (1959) с указателями, дополнениями и поправками. Заново составленный, по иному плану и в меньшем объеме, том рисунков и обновленное переизд. кн. «Рукою Пушкина» были выпущены как 18 и 17 дополнит. тт. переиздания *Пушкина* изд-вом «Воскресенье» (М., 1997).

С. 178. *Начало изучению рисунков Пушкина положено работами А. М. Эфроса.* — На вечере памяти А. М. Эфроса в Союзе писателей в дек. 1964 Т. Ц. говорила: «А. М. Эфрос был пионером и основоположником изучения рисунков Пушкина. <...> Помню, как сиял Абрам Маркович, когда в неоднократно повторенном в рисунках Пушкина одном и том же некра-

сивом, но выразительном лице, с слегка выпяченной нижней губой, с носом «ручкой», как он выражался, Абрам Маркович узнал Рылеева. С какой страстной настойчивостью убеждал он своих собеседников, что это — Рылеев! бесспорный Рылеев! лучший Рылеев! как меркнет в свете этих живых набросков Пушкина парадный карандашный рисунок, приписываемый Кипренскому! <...> Изучение рисунков продолжается. О всеобщем признании этой новой отрасли пушкиноведения, открытой и разработанной А. М. Эфросом, свидетельствует тот факт, что Академическое издание Пушкина должно было быть завершено изданием альбома всех рисунков поэта с комментариями. Случай единственный! — Иное дело, что издание не состоялось. Это было одним из проявлений мрачных годов нашей культуры. Сейчас вопрос об издании всех рисунков Пушкина снова поднят. Есть основание надеяться, что это интереснейшее и важнейшее издание будет наконец осуществлено!» (2558.2.804, л. 2, 4, 6—7; ср. в ее кн.: Рисунки Пушкина. М., 1986. С. 415).

составление словаря Пушкина. — Незадолго до написания данной статьи Цявловские принимали участие в расширенном заседании Пушкинской комиссии АН, посвящ. подготовке словаря; ср. дневниковую запись М. Ц. 30.01.1947: «В Институте русского яз. АН заседание о словаре Пушкина. Были я, Таня, Томашевский, Ожегов, Сидоров, Бонди, Винокур, Блок, Измайлов и другие мне неизвестные. Председательствовал Бархударов» (2558.2.286). Окончательно утвержденный к этому времени «Проект словаря языка Пушкина» вышел в 1949 (заключение М. Ц. и С. М. Бонди о кн.: 2558.2.672) с предисл. Г. О. Винокура, где, в частности, давалась характеристика предшествующих попыток и замыслов осуществления подобного труда (материалы работы М. Ц. по составлению словаря, относящиеся еще к 1928, см.: 2558.2.616). Сам «Словарь языка Пушкина» был издан в 4 т. в 1956—1961.

С. 179. *картотека «Летописи жизни и творчества Пушкина».* — О принципах и источниках сбора материала, об участниках этой работы, проводившейся под руководством М. Ц., Т. Ц. рассказала в предисловии к вышедшему в 1951 т. 1 «Летописи» и в специальной обстоятельной статье в сб. «Пушкин. Исследования и мат-лы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции» (М.; Л., 1953). Она продолжила работу, как собирая материалы для последующих томов, так и постоянно дополняя уже изданный. Подготовленное ею переизд. т. 1 вышло уже после смерти Т. Ц. под ред. Я. Л. Левкович (Л., 1991; см. в предисл. о работе над кн.). Переданные в МПМ рабочие картотеки для Летописи ныне издаются в 3 т.: Материалы к летописи жизни и творчества А. С. Пушкина (1826—1837). Картотеки М. А. и Т. Г. Цявловских. М., 1998—1999. Издание полной летописи осуществлено к 200-летнему юбилею Пушкина: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Под ред. Н. А. Тарховой. М.: Слово, 1999.

Публикация документов из этих фондов в книгах А. С. Полякова <...> и Б. Л. Модзалевского — Речь идет о материалах III Отделения, архив кот. сотрудниками АН был спасен в февр. 1917 при пожаре и в течение пяти лет хранился в ПД. «За эти годы Б. Л. Модзалевским, А. А. Шиловым и А. С. Поляковым были разобраны секретные бумаги III Отделения 1820—1830-х годов и из них извлечены важные документы, давшие материалы для нескольких изданий» (*Измайлов Н. В.* Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918—1928) // Рус. литература. 1981. № 1. С. 91). О работах Модзалевского и Полякова М. Ц. писал в обзоре пушкинианы: «В первой собраны и, как всегда, превосходно «препарированы»

Б. Л. Модзалевским донесения секретных агентов III-го Отделения, два доноса Ф. В. Булгарина, выписки из перлюстрованных писем и другие секретные записки, вышедшие из канцелярии управлявшего делами III-го Отд. Фон-Фока и относящиеся к 1826—1830 гг. Все эти материалы дают много нового и любопытного для характеристики отношения николаевских жандармов к бывшему предметом особенного их внимания поэту. Такого же полицейско-жандармского происхождения и опубликованные А. С. Поляковым документы, относящиеся к последним месяцам жизни Пушкина и к первым после его смерти. По сравнению с тем, что дает известная книга П. Е. Щеголева о дуэли и смерти поэта, найденное Поляковым — «мелочи», но мелочи драгоценные, и при том не только для специалиста биографа Пушкина, но и для всякого интересующегося жизнью поэта, ибо письма, записки и записочки, с исчерпывающей полнотой комментированные А. С. Поляковым, проливают свет на некоторые обстоятельства сложной преддуэльной истории. В частности, очень интересна IV-ая глава, говорящая об отношении Николая I к Пушкину» (Лит. отклики. М., 1923. С. 59—60).

Стенограмма вечера памяти М. А. Цявловского

Тексты выступлений печатаются по машинописному тексту (42 стр.) с отдельными поправками рукой Т. Ц., хранящемуся в личном архиве К. П. Богаевской. К этому же вечеру были приготовлены не прозвучавшие на нем небольшие воспоминания А. В. Звенигородского, текст которых (автограф на 3 листках) также находится в личном архиве К. П. Богаевской:

Памяти
Мстислава Александровича Цявловского

Грустно сознавать, что среди нас нет дорогого Мстислава Александровича, что он отошел от нас в вечность. С Мстиславом Александровичем я учился несколько лет в Нижнем Новгороде, в Дворянском институте имени императора Александра II. Цявловский был во втором классе, а я в четвертом.

Мстислав Александрович был живой, бойкий мальчик, участвовавший во всех драках, свалках и непослушаниях начальству.Помню, что он страстно отдавался во время перемен азартной игре в пёрышки. Михаил Михайлович Никольский, помощник классного наставника, прозванный учениками стрижом за то, что стриг углы у использованных тетрадей при выдаче новых, для того чтобы ему вторично не подсунули на обмен старую, отбирал безжалостно у Цявловского все выигранные им перья и еще вдобавок записывал его в кондуит (штрафной журнал). Стрижа Мстислав Александрович не переваривал и при всяком удобном случае рад был учинить ему всяческую неприятность.

Встретились мы снова с дорогим Мстиславом Александровичем через 25 лет в Москве, в 1922 году.

Думаю, что среди исследователей жизни и творчества Пушкина не было еще такого *фанатика*, каким был Цявловский. Он отдал всего себя на изучение великого поэта, так и не успев завершить своей огромной работы «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина».

Кончаю свое краткое слово мудрыми словами великого Фета, которые примиряют нас со всеми утратами на нашей «суетной» земле:

Минувшее нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не доверяться:
Хоть смерть в виду, а всё же нужно жить, —
А слово жить, ведь значит: покоряться.

Андрей Звенигородский

10 ноября 1948 г. Москва

О смерти и похоронах Мстислава Александровича Т. Ц. оставила конспективные записи в дневнике (2558.2.286, л. 49—53). Гражданская панихида состоялась в Институте мировой лит-ры 14.11.1947; 15.11 в «Известиях» и «Лит. газете» был помещен некролог. Большую подборку

телеграмм и писем с соболезнованиями от близких и коллег см.: 2558.2.682.

Горячо откликнулся на смерть М. Ц. Ю. Г. Оксман, посвятивший его памяти специальную лекцию в Саратовском ун-те (см. в его письмах к К. П. Богаевской 18.11. и 2.12.1947: Лит. обозрение. 1990. № 4). Выражая свою скорбь, он в письме к Т. Ц. 25.11.1947 одновременно намечает первые шаги по увековечению памяти М. Ц.:

«Дорогая Татьяна Григорьевна,

понимаю очень хорошо, что горе, которое обрушилось на вас, никто разделить с вами по-настоящему не сумеет. И слов, которые могли бы вас подкрепить, мне, конечно, не найти. Последние годы я был во всех смыслах очень далек от Мстислава Александровича, но жить и работать мне было все-таки много легче от одного сознания, что, приехав в Москву, я прежде всего именно с ним поделюсь и своими мыслями, и настроениями, и работами, и замыслами. А сейчас у меня такое ощущение, что в доме, в котором я жил и работал, обвалилась крыша. Русская наука потеряла самого яркого литературоведа, наука о Пушкине своего шефа, общепризнанного и любимого. Развалилась Пушкинская Комиссия, в неизвестных направлениях потерялся Пушкинский Дом, но пока на страже пушкиноведения оставался М. А. Цявловский, пока на Новоконюшенном собирались вокруг него пушкинисты, ни в какой другой Академии не было нужды. Боже мой, как неправдоподобно звучит еще это страшное слово «был». Даже в самые тяжелые моменты болезни Мстислава Александровича никто не хотел верить в серьезность опасности, никто не мог себе конкретно вообразить возможности такого исхода. Мы все в неоплатном долгу у Мстислава Александровича, мы так к нему привыкли, так с ним сжились, что, конечно, недооценивали ни его огромного значения, ни подлинной незаменимости. Как очень большой человек и настоящий большой ученый, он был на редкость скромен и детски чист душою. Образ его никогда не изгладится из памяти тех, кто (это сейчас ведь так ясно) имел счастье живого общения с ним. Плохо верю я в возможности хоть сколько-нибудь достойного его ознаменования его памяти, но, может быть, сейчас же следовало бы начать с издания очерка его жизни и деятельности, с хорошим портретом, со списком работ — печатных и оставшихся в рукописи. Фирму мог бы дать Лит. Музей, а деньги на оплату типографии и всех расходов, связанных с ускорением печати, дадим мы, пушкинисты. Так больно, что я сейчас не в Москве, но готов и из Саратова помогать всем, чем только в силах. Даже если десять человек дадут сейчас по 500 р. — можно через три месяца выпустить книжку. Мне хочется написать об этом Д. Д. Благому, но надо бы посоветоваться с П. И. Чагиным и Бонч-Бруевичем. Если бы вы видали, с какой жадностью слушали саратовские студенты мой двухчасовой рассказ (именно рассказ) о Мстиславе Александровиче, то вам не показалось бы странным мое обращение сейчас к вопросу о книжке, ему посвященной. Нужно сохранить его живой образ, передав ощущение его значения и своеобразия всем тем, кто его лично не знал, кто не испытал его человеческого обаяния, кто не имел радости научного с ним общения. Ведь Мстислав Александрович был неизмеримо значительнее всего того, что он напечатал.

Простите, дорогая Татьяна Григорьевна, бессвязность этого письма. Я за эти дни изорвал пять или шесть писем, которые начинал к вам. Не хочу перечитывать и этого, так как иначе его не отправлю. Хочется только мне еще сказать, что если хоть чем-нибудь я могу быть вам когда-нибудь полезен, то располагайте мною как человеком, для которого возможность любой помощи вам была бы только слабым отражением того глубокого уважения и дружеского участия, с которым я всегда к вам относился и отношусь. Ваш Ю. Оксман» (2558.2.682, л. 19—20).

В. Д. Бонч-Бруевич задумал издать спец. том «Летописей» ГЛМ «Архив Цявловского»; см. восторженно-признательное письмо к нему Т. Ц. 19.11.1947 (РГБ. 369.360.24); книга была поставлена в изд. план на 1948 (см. дневн. запись Т. Ц. 1.12.1947: 2558.2.819; ср. там же: «В субботу, 10-го <янв. 1948> звонили из Литер. архива — хотели бы приобрести архив Мстислава. Я ответила: «Нет, нет, нет». Дико!»; л. 28 об.). Вскоре выяснилась нереальность этого замысла, и Бонч-Бруевич предложил пока ограничиться развернутым некрологом в сб. «Звенья». Эту тему Т. Ц. обсуждала в письме к нему 14.05.1948, упоминая о заседании памяти М. Ц. 4.02.1948 в ПД (ср. в ее письме 2.03.1948, по возвращении из Ленинграда: «Было прекрасное заседание, выступали с речами-докладами Томашевский и Эйхенбаум. Затем читали неопубликованные статьи Мстислава Александровича. Очень меня это заседание и взволновало, и утешило». Материалы и конспект. наброски выступления Томашевского см.: РГБ. 645.20.13): «Дорогой Владимир Дмитриевич, давно откладываю все Вам письмо о самом для меня важном деле — о Вашем предложении напечатать некролог Мстислава Александровича в «Звеньях», список его печатных трудов и его портреты. — Может быть, не некролог, а статью-биографию? Некролог небольшой был в газетах, а здесь надо что-то значительнее. Но кто это напишет? Мне кажется, что мне это совсем неудобно, это должны товарищи сделать. Бонди принципиально согласен, но он сверх-занят работой, и не знаю, когда он соберется. М. б. Вы бы Томашевскому написали об этом? Он выступал на заседании памяти Мстислава Александровича в Пушкинском Доме именно с докладом-биографией, воспоминаниями. Было хорошо. М. б. он сможет восстановить этот доклад? — Конечно, было бы идеально, если бы издать отдельную книжечку, посвященную Мстиславу Александровичу, — поместить в ней м.б. речи, сказанные в те горестные дни? Ведь одна речь была лучше другой. И воспоминания м.б. написали бы друзья? Как Вы думаете? — Библиографию его трудов я проверю и принесу Вам» и т. д. (РГБ. 369.360.25)

Одновременно Т. Ц. при участии С. М. Бонди, И. Л. Андроникова, И. А. Новикова и др. коллег хлопотала о возможности издания оставшихся в рукописи книг М. Ц. Исследования «Пушкин и Отечественная война 1812 г.», «Пушкин и Москва», «Политическая лирика Пушкина», сб. «Печать о Пушкине при его жизни» рассматривались в Гослитиздате, изд-ве АН СССР (см. дневн. записи Т. Ц.: 2558.2.819, 820). Лишь в 1962 был издан сб. статей М. Ц.: *Цявловский*, в предисловии к кот. С. М. Бонди во многом использует свое выступление, текст которого публ. в составе стенограммы.

С. 187. *от Софьи Андреевны мы узнали* — О ком идет речь, нам не очень понятно; возможно, настроившись начать свое выступление рассказом об издании соч. Л. Н. Толстого, Бонч-Бруевич машинально назвал так Т. Ц.

юбилей Льва Николаевича Толстого — Выработанный план издания «юбилейного» полн. собр. соч. Толстого был зафиксирован в проспекте: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общей ред. В. Г. Черткова. При участии редакторского комитета в составе А. Л. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева, Н. К. Пиксанова, П. Н. Сакулина, М. А. Цявловского, К. С. Шохор-Троцкого. Проспект. М. ; Л. : ГИЗ, 1929. Об истории подготовки издания см.: ЛН. 1961. Т. 69. Кн. 2. Работе М. Ц. в собрании уделено значит. место в его переписке с Бонч-Бруевичем (РГБ. 369; РГАЛИ. 2559). В 1925—1930 М. Ц. служил хранителем дома Толстого в Хамовниках, в 1930—1932 — зав. рукописным отделом гос. Толстовского музея, в 1932—1937 — директором Ясной Поляны. Библиографию его работ по Толстому см.: *Цявловский*.

С. 189. *Тетрадь Пушкина, которую он проиграл в карты Всеволожскому* — В июле 1933, — писал позднее М. Ц., — «Миодраг Обрадович, чиновник югославского Министерства иностранных дел, обратился к сербскому писателю и переводчику на сербский язык сочинений русских писателей Иовану Георгиевичу Максимовичу с просьбой определить, что представляет собой имеющаяся у него рукопись. Последний, правильно определив, что поправки в тетради принадлежат Пушкину, письмом от 1 августа 1933 г. известил о рукописи Академию Наук Союза ССР. По присланным Максимовичем фотографическим снимкам с нескольких страниц тетради Б. В. Томашевским в начале сентября было установлено, что рукопись, имеющаяся у Обрадовича, представляет собой подлинную так называемую тетрадь Всеволожского, считавшуюся у пушкинистов утраченной» (Летописи. Т. 1. С. 79). С октября в переговоры с ним вступил Бонч-Бруевич. История напряженных переговоров буквально по дням была зафиксирована М. Ц. в дневниковых записях (2558.2.278, л. 1—2 об.):

«24.X. 33 г. Получена телегр. от Максимовича. «38000 франков наличными».

26.X. 33 г. Телеграмма Б-Бр. к Максимовичу. Текст неизвестен.

27.X. 33 г. Большое письмо Б-Бр. к Максимовичу. Рассказывает о ЦЛМ, просит вообще содействовать музею и сообщать о русских рукописях в Сербии. Просит продать *Вс<еволожского>* в ЦЛМ».

Телеграмма 26.10.1933:

«Белград. Югославия. Далматинская № 7. Иовану Максимовичу. Охотно приобретем у вас для нашего государственного центрального музея художественной литературы, критики и публицистики в Москве тетрадь Пушкина. Прошу никому ее не продавать. Сообщите сколько вы желаете за нее получить <...> Письмо следует. Директор <...> Владимир Бонч-Бруевич».

Посланное следом 27.10.1933 письмо:

«Глубокоуважаемый коллега, мне давно уже известно, что Вы прислали письмо в Академию Наук по поводу тетрадки Пушкина, которая когда-то принадлежала Всеволожскому. Мне сообщили и содержание Вашего письма и Ваш адрес <...> Само собой разумеется, что мы все с чрезвычайной радостью готовы приобрести у Вас эту тетрадку Пушкина, о которой Вы писали и которая находится в руках Обрадовича.

Будьте любезны оказать нам всяческое содействие в приобретении этой ценной рукописи, которая является для пушкиноведения чрезвычайно ценным материалом. На заседании нашей фондовой комиссии, куда входят лучшие пушкинисты, это сообщение о найденной тетрадке Пушкина вызвало всеобщий энтузиазм, всеобщую радость, и через меня все наши ученые, входящие в эту фондовую комиссию, просят Вас обязательно уберечь эту тетрадку для России, куда она должна вернуться после своего долгого отсутствия <...>» (РГБ. 369.171.33).

Дневниковые записи М. Ц.:

«29.X. 33. Телеграмма к Максимовичу. «Примите пожалуйста меры для приобретения нами рукописи Пушкина. Предлагаем тысячу двести долларов. Телеграфируйте ответ. Зильберштейн. Бруевич».

30.X. 33. Телеграмма от Максимовича Бруевичу. «Владелец настаивает полторы тысячи долларов, считая пятьдесят семь динаров (за доллар)».

Письмо от 30.X Миодрага Д. Обрадовича из Белграда Зильберштейну, Бруевичу. Ссылаясь на телеграмму Максимовича от 30.X, сообщает, что владельцем рукописи является он (Обрадович), а проф. Максимовичу было лишь передано поручение на продажу. Впредь просит обращаться лишь к нему. Письмо по-французски.

30.X. 33. Телеграмма Бруевича Максимовичу с согласием купить за 1500 долл.

1.XI.33. Письмо Бруевича к Иовану Георгиевичу Максимовичу. Просит содействия, чтобы рукопись была в России. Спрашивает, как уплатить деньги и получить рукопись».

Бонч-Бруевич Максимовичу 1.11.1933:

«Телеграмму Вашу я получил и ответил Вам, что мы согласны заплатить 1500 долларов за эту рукопись Пушкина. Очень прошу Вас быть на страже наших интересов <...> Было бы в высшей степени досадно для нас славян, если бы рукопись нашего гениального писателя очутилась бы в руках американского или какого-либо иного коллекционера и была бы на долгие, долгие годы уложена под ключ в несгораемый сейф того или другого человека, совершенно равнодушного к интересам литературы как таковой, лишь собирающего коллекцию автографов, так же как собирают коллекцию марок и других т. п. прочих знаков <...> Теперь возникает вопрос, кому и где мы должны уплатить за эту рукопись и каким образом можно будет ее получить. Мне кажется, что лучше всего было бы, если бы кто-либо из нашего посольства в Чехии или Париже пришел бы к Вам с моим письмом за получением этой рукописи и вручил бы Вам чек на получение денег в Вашем банке».

М. Ц. отмечает в дневнике, как Бонч-Бруевич всю первую половину ноября лихорадочно ищет необходимую сумму в советских представительствах в Берлине и Париже. Между тем переговоры продолжаются:

«От 7.XI. Письмо И. Г. Максимовича к Бруевичу. Уверяет, что рукопись ЦЛМ получит. Рукопись владеет семья (мать, две дочери и «ненадежный» сын). «Молодые писатели приходили посмотреть, было очевидно похоже, что желают поклониться святыне. Обращаю внимание Ваше, что на трех-четырех местах я очень нежно, поверхностно делал отметки карандашом, кот. очень легко резинкой отстранить». Рукопись «висела на волоске». Рукопись Обрадович чуть ли не силой отнял у Максимовича.

8.XI. Письмо на фр. яз. Обрадовича к Бруевичу. Просит иметь дело только с ним. Максимович устранен от дела, т. к. «условия его были преувеличены». Просит за рук. 85000 динаров. Просит отвечать скорее, т. к. есть другие «интересные» предложения».

Теперь вопрос о передаче денег (успешно решенный благодаря содействию полпреда СССР во Франции В. С. Довгалевского) Бонч-Бруевич обсуждает в письмах 9 и 16.11.1933 с Миодрагом Обрадовичем (РГБ. 369.186.4). Максимовичу же 17.11.1933 он сообщает: «Что только будет от нас зависеть, мы с удовольствием сделаем и примем участие в том, чтобы тот гонорар, который Вы должны были получить от Обрадовича, был Вами получен. Я думаю, что Обрадович не откажется возместить Ваши затраты и потерю времени».

В Ленинграде за ход переговоров переживал Томашевский. 11.10.1933 он писал М. Ц., что тянуть с покупкой недопустимо. Одновременно с письмом Обрадовичу 16.11 Бонч-Бруевич отправил в Ленинград телеграмму с известием об успехе предприятия. Находившаяся в те дни в Ленинграде Т. Ц. сразу же радостно отреагировала в письме 18.11: «Приобретение тетради Пушкина из Сербии — совершенно исключительное явление! Поздравляю Вас от всей души. Не дождусь факта ее *привоза* в Москву» (РГБ. 369.360.24). 28.11 Томашевский шлет М. Ц. письмо, в кот. договаривается о совместной подготовке тетради Всеволожского к изданию (ИРЛИ. 387.305).

Между тем покупка еще не совершилась, но все условия были согласованы. 3.12.1933 Бонч-Бруевич писал Максимовичу и Обрадовичу:

«Уважаемые коллеги, Ваше письмо от 25 ноября с. г. за обоими Вашими подпи-

сями я только что получил. Вполне соглашаюсь на Ваши условия. Нами сделаны все возможные распоряжения, чтобы Вам возможно скорей доставили 38000 франков против рукописи Пушкина в Белград».

Рукопись была доставлена в Москву 2.01.1934. 5.01 Томашевский поздравлял М. Ц.: «Очень рад благополучному концу рукописи Всеволожского и предлагаю специально за нее чествовать Бонча и даже поганца Илюшку. Я считаю, что этой рукописью заполнена главная брешь в истории пушкинской лирики» (ИРЛИ. 387.306). М. Ц. (совместно с Томашевским) сразу приступил к ее подготовке для Летописей ГЛМ. Причастный к переговорам И. С. Зильберштейн испросил разрешения одновременно представить этот материал в пушкинском томе «Лит. наследства». Бонч-Бруевич 21.01.1934 предупреждал М. Ц.: «Я говорил Вам по телефону и считаю необходимым подтвердить письменно, что ко мне обратился Зильберштейн от лица «Литературного наследства», чтобы я разрешил бы Вам и Томашевскому (не знаю, почему обоим, мне казалось бы достаточным одного автора) сделать маленькое описание той рукописи, которую мы получили из Сербии. Я согласился именно на самое коротенькое описание, без всякой цитации из нее, так как все главное должно быть опубликовано в «Летописи». <...>» (РГБ. 369.220.27). Для получения необходимых сведений по истории рукописи Бонч-Бруевич 1.02.1934 послал одинаковые запросы Максимовичу и Обрадовичу:

«Вы, вероятно, знаете, что рукопись, которая хранилась у М. Д. Обрадовича, в настоящее время нами приобретена и находится здесь в Москве. <...> Рукопись эту мы будем публиковать самым тщательным образом. Историю этой рукописи пишет профессор М. А. Цявловский. <...> Для лучшего и подробного написания истории этой пушкинской рукописи мы сформулировали следующие вопросы, на которые я и прошу Вас нам сейчас же ответить:

Кто из членов семьи Обрадовичей первоначально владел рукописью (его имя, годы жизни). Когда и при каких обстоятельствах получил он эту рукопись от умершего 5 июля 1853 г. в Белграде Федора Антоновича Туманского, служившего в этом городе в последние годы своей жизни консулом.

Кто владел рукописью после смерти лица, получившего рукопись от Ф. А. Туманского.

Кто были эти лица, их имена, годы жизни.

Почему лицо (его имя), продавшее рукопись ЦЛМ, только в 1933 г. обратилось к И. Максимовичу с просьбой содействовать этой продаже.

Не имеется ли в семье Обрадовичей преданий о том, что рукопись была в пользовании известного русского ученого академика Якова Карловича Грота (1812—1893), несколько раз бывавшего в Праге, имевшего там знакомых и, возможно, приезжавшего и в Белград <...>» (РГБ. 369.171.33; то же: 369.186.4).

Максимович отозвался 16.02.1934:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич, несколько месяцев т<ому> наз<ад> один из знакомых сказал мне, что в Белграде живет сын первоначального (после Туманского) владельца MS <т. е. манускрипта, рукописи> Пушкина, старого Обрадовича. Не предвидя, что потом окажется нужным видеть того сына старого Обрадовича (дяди М. Д. Обрадовича), я это сообщение пропустил мимо ушей и вдобавок, после Вашего письма, не мог догадаться даже и кот. из знакомых указывал мне на него — вследствие чего опоздал с этим ответом. <...> Пока отвечаю что знаю:

Думаю и почти наверно знаю, что в семье Обрадовичей никто ничего не знает, приезжал ли Я. К. Грот в Белград и видел ли MS. Они вообще очень мало

знают о судьбах MS. Сначала никто не обращал на нее внимания, не считали важной эту MS. Знают только, что MS была собственностью деда, кот. между прочим торговал и с Россией, знал русский язык и как выдающийся интеллигент в тогда маленьком Белграде мог быть лично знаком и общаться с консулом Туманским. MS с тех пор — он умер лет 30 тому назад — хранилась в семье. Они как будто тяготелись ею. Внук старого Обрадовича несколько раз напоминал мне, что все как будто забывали о существовании MS. Только год тому назад, когда бедность и нужда стали нестерпимы, получили острый вид, — они продали библиотеку деда, и тогда как будто MS была выброшена как ненужный хлам чуть ли не на навозную кучу, и молодой Миодраг (внук) — это его слова: «поднял MS с навозной кучи». Когда бедность и горькая нужда опять давали себя знать, оставшись без зимнего и даже осеннего пальто (он ко мне в стужу в ноябре месяце, по слякоте приходил в легком летнем пиджаке) — кто-то ему сказал, что MS можно продать. Шел по городу, предлагал за 700 fr. fr., но никто не соглашался приобрести. Ему сказали придти ко мне. Он пришел. Что было дальше — знаете. Вот все, что я могу пока сказать» (РГБ. 369.298.32; машин. копия этого письма, пересланная Бонч-Бруевичем М. Ц.: ИРЛИ. 387.94, л. 11).

Сообщая М. Ц. эти сведения, Бонч-Бруевич писал 26.02.1934: «Посылаю Вам при сем копию письма Максимовича, из которого Вы увидите те скудные сведения, которые он сообщает мне по поводу приобретенной нами рукописи Пушкина у Обрадовича.

Смотрите, как вздули цену: ведь сначала Обрадович хотел продать ее за 800 франков. Но так как Академия молчала четыре месяца, а потом разболтали в газетах и на оценку явились американцы, в конечном счете мы заплатили 36000 франков. Вот каковы результаты действий Пиксанова и тех, кто с ним. Просто ужасно об этом думать». 28.02 М. Ц. получил для работы 50 листов фотоснимков рукописи (РГБ. 369.220.27).

Изложенная Максимовичем версия перехода пушкинской рукописи от Ф. Туманского сразу в семью Обрадовичей, и так дающая не много фактов для ее истории, к тому же плохо согласовывалась с точно устанавливаемыми данными. Скептический Томашевский был по-видимому близок к истине, когда 24.06.1934 писал М. Ц.: «Теперь о Максимовиче: о Туманском он догадывается в интервью в Белградской газете «Политика» (на сербском) 9 сентября 1933. Обрадович о Туманском ни слова не говорил. По слухам, все россказни Максимовича — вздор. Обрадович едва ли не подставное лицо. Все знает Францев, с кот. можно снестись через Вернадского» (ИРЛИ. 387.306). Последовав этому совету, Бонч-Бруевич по просьбе М. Ц. запрашивал В. А. Францева об имеющихся у него сведениях о рукописном собрании Джока Влайковича, получившего ряд материалов рус. писателей от А. А. Ольхина. 21.02.1935 Бонч-Бруевич передал М. Ц. копию полученного от Францева из Праги письма от 11.02, содержащего указание на состав рус. части собрания Влайковича (РГБ. 369.220.28).

Сделанное Томашевским описание тетради Всеволожского было опубл. в ЛН. Т. 16—18 (с. 825—842; здесь же сведения об информации о рукописи в белградской и парижской периодике). Им же подготовлена полная публ. текста тетради с комментарием в Летописях. Т. 1 (раздел «Судьба тетради Всеволожского с 1825 г.» написан М. Ц.). В составленном 30.11.1940 отзыве о работах Томашевского с рекомендацией присуждения ему степени доктора наук М. Ц. как пример его научного мастерства привел способность «по сильно уменьшенным фотоснимкам всего двух страниц тетради» Всеволожского понять, что представляет собой эта рукопись (2558.2.661, л. 3).

С. 190. *На днях был открыт очень важный материал* — См. выше коммент. на с. 264(ср.: Огонек. 1949. № 23).

С. 191. *Дневник Долгорукого* — Записи о Пушкине из этого дневника М. Ц. напечатал в «Новом мире» (Новое о Пушкине в Кишиневе // 1937. № 1), где анонсировал полную публ., «с необходимыми комментариями» этого документа «совершенно исключительного значения». В октябре 1937 М. Ц. начал работу над предисловием к дневнику (см.: 2558.2.289, л. 27 об.), но не завершил его, отвлеченный срочными делами. Работа возобновилась после войны, когда оживилась подготовка редактировавшегося М. Ц. пушкинского тома «Летописей» ГЛМ, но окончательно оформлять публикацию пришлось уже Т. Ц. Она сдала ее в декабре 1949; весной 1950 Б. В. Томашевский сверил по верстке текст с рукописью Долгорукого, переданной к тому времени в ПД. Дневник опубл. в сб. «Звенья» (1951. Т. 9. С. 5—154).

С. 192. *я написал, что Пушкин возобновляется* — Речь идет о письме Бонч-Бруевича от 18.01.1943 («Сообщаю Вам радостную весть...»); см. его переписку с находившимися в эвакуации в Ташкенте Цявловскими о планах возобновления работ над полн. собр. соч. Пушкина: РГБ. 369.220.29; 369.360.10, 24. Цявловские вернулись в Москву в июне 1943; 20.10.1943 Т. Ц. записала в дневнике: «Вчера было заседание у Бонча. Возобновляется Акад. изд. Пушкина. Привлекают старых наборщиков, кот. знают ручной набор. Поехали в Ленинград за шрифтами» (2558.2.819).

Операцию в больнице Склифософского М. Ц. перенес 22.03.1946.

С. 194. *М. А. Цявловский был в юности членом социал-демократической партии большевиков* — См.: М. А. Цявловский — член РСДРП (Воспоминания о встрече с В. И. Лениным) / Публ. А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5.

С. 195. *«О революционных стихах Пушкина»* — Имеется в виду большое неоконченное исследование М. Ц. «Политические стихотворения Пушкина».

«Пушкин и Отечественная война 1812 г.» — неопубл. работа М. Ц., написанная в 1943—1946; фрагменты опубл.: Лит. Россия. 1987, 6 февр., 2 сент.

«Разговор Пушкина с Николаем I» — Доклад М. Ц. об аудиенции 1826 в ИМЛИ 11.02.1947; ср. дневн. записи Т. Ц. за сентябрь 1948: «В Инст-те мир. лит. затевается сб. статей о Пушкине. Просят статью Мстислава «Аудиенция Пушкина у Николая I». Но это не статья, а выписки, цитаты, которые были вкраплены в замечательный доклад Мстислава — последний в Институте. Потом был только один — он читал по написанному «Пушкин и Москва» — в Отделении литературы и языка <9.09.1947>.

Я давно обещала Чагину (в декабре 1947 г.) «Пушкин и Отечественная война», «Пушкин и Москва», «Политическая лирика Пушкина». Нет даже времени на то, чтобы отнести. Я видимо дико переутомилась, страшно устаю, особенно от выходов» (2558.2.820). В письме к Т. Ц. 20.11.1947, выражая глубокую скорбь по поводу кончины М. Ц., Н. В. Измайлов писал: «Я так хорошо помню и буду всегда помнить последний доклад Мстислава Александровича — в Институте мировой литературы, о первом свидании Пушкина с Николаем I. Это была подлинная «лебединая песнь» — но сейчас я думаю, что этот доклад, быть может, имел глубокое и роковое влияние, в тот момент еще неясное. Зато это был и момент большого морального удовлетворения для Мстислава Александровича» (2558.2.1244).

Статьи «Пушкин и Москва» и «Пушкин и греческая революция двадцатых годов XIX века» опубл.: Октябрь. 1994. № 6.

С. 197. *«Печать о Пушкине* при его жизни» — Работу над полным сводом прижизненных отзывов о Пушкине М. Ц. вел в 1930-е; в 1935 он (совместно с М. Н. Чменовым) заключил договор на издание с изд-вом «Academia» (см.: РГАЛИ. 629.1.181). Полностью был подготовлен к печати материал за 1814—1830; ср. информ. заметку М. Ц.: Книжные новости. 1936. № 11. В 1948 Т. Ц. безуспешно предлагала книгу Гослитиздату. В настоящее время сходное изд. начало осуществляться Пушкинским отделом ИРЛИ, см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996.

С. 198. *Я скажу два слова о себе* — По окончании Петроградского ун-та (Бонди был активным участником Пушкинского семинария С. А. Венгерова) оставленный для подготовки к проф. званию, в 1919 Бонди уезжает в Кострому, где работает в школе-коммуне; в 1923 переселяется в Москву, учительствует, служит в Наркомате просвещения. В конце 1920-х возвращается к активным занятиям пушкинистикой (прежде всего, текстологией — в связи с подготовкой первых советских собр. соч. Пушкина). Речь, вероятно, идет о статье: *Бонди С. М.* Три заметки о Пушкине // Пушкинский сб. памяти проф. С. А. Венгерова. М. ; Пг.: ГИЗ, 1922 (Пушкинист. IV) — посвященной истории текстов трех пушкинских стихотворений.

Бонди стал одним из ближайших друзей Цявловских. Т. Ц. принадлежит заметка: Слово о друге: 75-летие проф. С. М. Бонди // Моск. правда. 1966, 26 июня.

С. 199. *«Как вы можете в эти дни...»* — В то же время проблема защиты диссертации Бонди была объектом постоянного стимулирующего воздействия со стороны друзей, в том числе М. Ц. Характерно письмо Томашевского к М. Ц. от 7.09.1942 из Москвы в Ташкент: «Бонди сдал хрестоматию произведений Пушкина на тему о родине. Затеял коллективную биографию Пушкина и горел этим с неделю, а сейчас что-то приумолк. Если будете ему писать, внушите ему, что главное его дело — кончить с диссертацией» (2558.2.531, л. 20). «Диссертации — обе подряд — Бонди защитил в 1943 г. и 1944 г. Он вообще ничего не собирался защищать, но выяснилось, что это нужно для получения литерных карточек» (*Чудаков А.* Слушаю Бонди // Тыняновский сб. Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 398).

С. 201. *собраны все написанные рукописи в особую книгу* — Исследование «История рукописей Пушкина», из кот. опубл. лишь фрагменты. Ср. в предисл. Бонди «М. А. Цявловский и его статьи о Пушкине»: «М. А. Цявловский первый (и, пожалуй, единственный) внимательно изучил весь состав пушкинского рукописного наследия не для установления текста того или иного произведения, а как нечто единое, как целый "рукописный фонд"» и далее (*Цявловский*. С. 9).

С. 202. *Пушкин работал над «Словом о полку Игореве»* — Исследованием этой темы М. Ц. занимался в 1936; см. его статьи в «Новом мире» (1938. № 5), «Вестнике АН СССР» (1949. № 5; вошло в: *Цявловский*).

Прочитанные *И. Л. Андрониковым* статьи М. Ц. опубл.: Великий поэт и его редактор // Рабочая Москва. 1936, 6 июня. № 129 (вошло в: *Цявловский*, под загл. «Пушкин и Каченовский (в 1816 г.)»); Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя // Звенья. 1950. Т. 8 (вошло в: *Цявловский*); Представление «Деревни» Александру I // *Цявловский*.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указателе выборочно аннотируются лишь имена, упоминаемые в основном корпусе книги.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ А. С. ПУШКИНА

* Указаны и упоминания ее писем к Пушкину.

СОДЕРЖАНИЕ

Мстислав Цявловский
Татьяна Цявловская
ВОКРУГ ПУШКИНА

Художник *А. Семенов*
Редактор *С. Панов*
Корректор *Л. Морозова*
Верстка *В. Дзядко*

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва, а/я 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
http://www.nlo.magazine.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 21
Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 33

Специфический талант М.А. Цявловского – это талант историка, он был изумительным историком, человеком, который умеет видеть прошлое как настоящее. Творческое историческое воображение у него было до необычайной силы развито... Когда он рассказывал о прошлом, то можно было думать, что имеешь дело с очевидцем этого происшествия. Не было ни одной мелочи, которая бы в его рассказах не была подлинной живой жизнью...

Лекции М.А., устные его выступления всегда были необычайно интересны своим проникновением в прошлое, особенно те его рассказы, которые мы имели счастье слышать у него дома, когда Мстислав Александрович для близких своих знакомых или тех, кто к нему приходил, с увлечением рассказывал удивительные вещи, которых никто не знал и не мог знать, кроме него. И мы в это время переселялись в ту эпоху, видели и слышали тех людей, о которых он рассказывал.

Жизнь М.А. Цявловского, люди, с которыми он встречался, — все это было необычайно интересно, и он умел об этом как никто рассказывать. Это особый дар – уметь заметить самое интересное, среди чего живешь, уметь зацепить это интересное, приметить, запомнить и совершенно изумительно рассказать.

Если бы все это было записано, если бы М.А. Цявловскому в течение недолгой своей жизни удалось бы написать свои воспоминания, просто рассказать, что он видел, что пережил, что знает, то это была бы интереснейшая книга. Но, к сожалению, этого не сделано и все это ушло вместе с ним...

С.М. Бонди

